МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВО «ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И.С. ТУРГЕНЕВА»

На правах рукописи

Гребенкин Алексей Николаевич

Военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса (2-я половина XVII – начало XX в.)

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант –
доктор исторических наук,
профессор С.Т. Минаков

Орел–2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ ПОДГОТОВКИ РУССКОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XX В.. 19

1.1. Историография 19
1.2. Источники 54

ГЛАВА II. ВОЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ПОДГОТОВКИ РУССКОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН 79

2.1. Содержание понятия «военно-культурные традиции» 79
2.2. Типология военно-культурных традиций 94
2.3. Традиции подготовки русского офицерского корпуса как..... 98
специфический вид военно-культурных традиций 98
2.4. Генезис традиций подготовки русского офицерского корпуса и 145
основные этапы их развития 145
2.5. Взаимосвязь традиций подготовки офицерского корпуса с..... 158
военно-культурными традициями русской армии 158

ГЛАВА III. ОФИЦИАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ, СИМВОЛЫ, ЦЕРЕМОНИИ И РИТУАЛЫ В ПОДГОТОВКЕ РУССКОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА 167

3.1. Форма и погоны. Корпусные и училищные знаки и жетоны 167
3.2. Знамена, гербы и девизы корпусов и училищ..... 182
3.3. Парады, смотры, прибивка и освящение знамени и иные 190
торжественные церемонии 190
3.4. Правила воинской вежливости, поведения и 200
выполнения воинского приветствия 200
3.5. Корпусные и училищные праздники, балы и вечера 206

ГЛАВА IV. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ, ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ПОДГОТОВКИ РУССКОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА 225

4.1. Традиции организации учебной работы в 225
военно-учебных заведениях Российской империи 225
4.2. Воспитательные традиции отечественной военной школы 249
4.3. Традиции военно-профессиональной подготовки офицеров 266
4.4. Гимнастика и спорт в жизни военно-учебных заведений 283
4.5. Образовательные экскурсии и научная работа 296
4.6. Руководство чтением и литературным творчеством воспитанников ... 308
4.7. Музыка, пение и танцы в жизни военно-учебных заведений 329
4.8. Театр в жизни воспитанников военно-учебных заведений 347

ГЛАВА V. НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ КАДЕТСКИЕ И ЮНКЕРСКИЕ ТРАДИЦИИ И ОБЫЧАИ 360

5.1. Традиция негативного отношения к начальству, педагогам и 360
порядкам заведения 360
5.2. Традиция товарищества и корпусного (училищного) братства 372
5.3. Культ нарочитой грубости и показного молодечества 387
5.4. «Цук» и иные формы неуставных отношений в 400
военно-учебных заведениях 400
5.5. Неофициальные церемонии и обряды 415
5.6. Кадетский и юнкерский фольклор 422

ГЛАВА VI. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОЕННО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ ПОДГОТОВКИ РУССКОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА... 432

6.1. Отношение к традициям начальства, педагогов, воспитанников и 432
общества в целом 432
6.2. Роль и место военно-культурных традиций в подготовке офицеров русской армии 474

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 502

БИБЛИОГРАФИЯ 509

ПРИЛОЖЕНИЯ 536

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. На всех этапах истории России военная организация неизменно выступала по отношению к государству и обществу в качестве цементирующей силы и средства обеспечения выживания в агрессивной внешней среде. Закономерным следствием осознания социумом жизнеобеспечивающего значения военной сферы было то, что ее роль в государственной и общественной жизни не ограничивалась узкофункциональными рамками и выходила далеко за пределы задач, связанных с отражением агрессии и созданием условий, гарантирующих безопасность. Доминирование военного фактора в истории России привело к тому, что «оборонные проблемы в России издавна не являются лишь проблемами оборонного ведомства или государства. Это, как правило, проблемы общенациональные, это проблемы, в значительной мере стимулирующие даже творческие явления в культуре вообще и в художественной культуре, в частности»[1].

Так создавалась и создается военная культура в широком смысле этого слова – всё многообразие артефактов, жизненных ценностей и норм, имеющих отношение к военному делу. Круг ее носителей весьма широк – от военных теоретиков и генералитета до «сыновей полка» и художников-баталистов. Однако главными носителями военной культуры были и остаются люди, облеченные полномочиями в сфере вооруженной защиты Отечества, сознательно готовящиеся к этой миссии, видящие в ней свое призвание и образующие особую замкнутую социопрофессиональную группу. Формирование в России этой специфической касты носителей профессиональной военной культуры началось во второй половине XVII в., когда одновременно с формированием регулярной армии стал создаваться ее офицерский корпус.

Русское офицерство с петровских времен являлось привилегированной корпорацией, вхождение в которую автоматически причисляло человека к элитным слоям общества. Многочисленные войны, в которых принимала участие Россия в

[1] Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел: Орелиздат, 2000. С. 3.

XVIII-XIX вв., поддерживали престиж офицерской службы. Даже после издания Петром III указа от 18 февраля 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» дворяне полагали, что обязаны служить, хотя бы непродолжительное время, в офицерском звании. Не случайно все члены правящей династии имели воинские звания и с гордостью носили военную форму, а российский император считался «первым офицером». В последней трети XIX в., когда русская армия переживала период упадка, «обаяние офицерского мундира» несколько померкло, однако в начале XX в. вызванная русско-японской войной актуализация военных детерминант жизни Российской империи реанимировала живейший интерес к офицерской службе, воскресив в общественном сознании военно-рыцарские идеалы: искренний патриотизм, готовность к самопожертвованию, высочайший уровень профессионализма, широту эрудиции, гуманность, внутреннее благородство, обостренное восприятие чести мундира.

Доминирование военного фактора в жизни общества привело к тому, что русское офицерство с момента своего оформления на рубеже XVII-XVIII вв. было не только профессиональной, но и специфической социокультурной группой, игравшей заметную роль в жизни общества. Из нее рекрутировались ученые, писатели, поэты, общественные деятели. Таким образом, русский офицерский корпус был непосредственно связан с культурной элитой.

В силу своей социальной и культурной значимости русский офицерский корпус неизменно выступает в качестве объекта пристального научного анализа. Существенное значение при этом имеет рассмотрение профессионально значимых качеств личности, специфики мировоззрения, своеобразного «кодекса чести» русского офицерства. Эти социокультурные феномены являлись детерминантами духовного облика не только представителей военной корпорации, но и всего русского общества, в котором человек в офицерских эполетах или погонах всегда был одной из наиболее значимых фигур.

Русский офицерский корпус, как устойчивая социопрофессиональная корпорация, имел свои специфические традиции, служившие средством его профессиональной и социокультурной самоидентификации, превращавшие его в некое

подобие военно-рыцарского ордена, поведение членов которого было, как и поведение рыцарей, жестко обусловлено комплексом правил, обычаев и ритуалов. Офицерские традиции образовывали ядро воинских традиций русской армии. Вместе с тем офицеры русской императорской армии, являвшиеся главными носителями отечественной военной культуры, выступали и в качестве основных хранителей военно-культурных традиций, обеспечивавших ее преемственное развитие.

Основным средством превращения офицеров в носителей военной культуры являлась система их профессиональной подготовки. Русский офицерский корпус пополнялся несколькими способами (производство из нижних чинов, переход на русскую службу офицеров армий зарубежных государств, подготовка в военно-учебных заведениях[2]). Последний способ, несмотря на то, что до 1860-х гг. две трети офицеров не проходили через военную школу, играл ключевую роль в формировании военной культуры русского офицерства. Именно в военной школе, аккумулировавшей и рафинировавшей военно-культурные традиции, созданные в армии, очищавшей их от всего негативного и второстепенного, осуществлялась целенаправленная подготовка офицерского корпуса. Годы, проведенные в «кадетских монастырях» будущими офицерами, накладывали на них серьезный отпечаток, способствовали выработке определенной системы ценностей и в конечном счете превращали их в «военную косточку», своеобразный эталон для всех тех, кто не принадлежал к кадровому офицерству. Следовательно, военно-учебные заведения можно рассматривать в качестве одного из наиболее значимых каналов трансляции военно-культурных традиций.

Складывавшиеся в отечественных военно-учебных заведениях в течение десятилетий традиции подготовки офицеров являлись составной частью традиций русского офицерского корпуса, традиций русской армии и военно-культурных традиций общества в целом и отражали их содержание в максимально концентрированной, приближенной к идеальной форме. Традиции русской военной школы представляли собой целостный социокультурный феномен, образованный сочета-

[2] Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. С. 62.

нием нескольких групп традиций. На формирование личности будущего офицера в корпусах и училищах большое влияние прежде всего оказывали официальные традиции, воспитывавшие кадет и юнкеров в духе беззаветной преданности Родине, провозглашавшие трепетное отношение к ее защитникам, уважение к старшим, благоговение перед героями, покрывшими себя неувядаемой славой на полях сражений. К числу официальных традиций принадлежали парады, смотры, разводы караулов, освящение и прибивка знамени. На официальном уровне существовали культ погон и культ военной формы – традиции, способствовавшие укреплению авторитета русской армии и ее офицерского корпуса. Большую роль в воспитании будущего офицера играли символы принадлежности к определенной корпорации – знаки, жетоны, девизы.

Кроме того, на протяжении более чем двухсотлетней истории развития военно-учебных заведений в них были выработаны определенные традиции организации учебно-воспитательной работы, руководства досугом кадет и юнкеров, их эстетического и трудового воспитания.

Становление личности кадет и юнкеров осуществлялось как в процессе их взаимодействия с педагогами и начальством, так и в ходе постоянных контактов с товарищами. Товарищеские взаимоотношения в условиях интерната были исключительно тесными и интенсивными, масса оказывала громадное воздействие на отдельного воспитанника. Наложение репрессивной политики на казарменный режим привело к возникновению в начале XIX в. неофициальных обычаев и традиций, которые быстро привели к созданию неписаного кодекса поведения, на протяжении последующих полутора веков строго регламентировавшего жизнь воспитанников. Неофициальные правила поведения зачастую противоречили официальным, что влекло за собой постоянные столкновения воспитанников с педагогами и администрацией и зачастую приводило к серьезным конфликтам. Однако из этого вовсе не следует, что неофициальные обычаи и традиции оказывали на личность будущих офицеров исключительно деструктивное воздействие. Они позволяли минимизировать губительное для военного человека влияние повседневной рутины, формировали нешаблонность мышления, готовность пойти на

риск, отстоять свою точку зрения, способствовали выработке не только неустрашимости на поле боя, но и гражданского мужества. Активная гражданская позиция, кстати, отличала русского офицера от офицера любой из европейских армий. Последний был приучен к тому, чтобы беспрекословно, подобно автомату, выполнять приказ, не задумываясь над его содержанием.

Таким образом, изучение феномена военно-культурных традиций подготовки русского офицерского корпуса вносит большой вклад в изучение отечественной военной культуры, основными носителями которых были именно офицеры, традиций русской армии и собственно офицерства. Кроме того, анализ социокультурных условий, под непосредственным воздействием которых осуществлялось становление личности воспитанников и закладывались основы их мировоззрения, помогает осуществить более полный и всесторонний анализ ментальности русского офицерства. Следует отметить и то, что изучение созданных в военной школе условий подготовки офицеров дает возможность проследить изменения идеала русского офицера: ведь военно-культурные традиции подготовки офицерства не только определяли ее содержание и результаты, но и формулировали ее цель, стремились придать ей форму, максимально способствующую получению результатов, позволяющих приблизиться к достижению идеала. В этом смысле военно-учебные заведения должны были играть роль матрицы для создания идеального офицера. Наконец, анализ комплекса официальных, неофициальных, образовательных и культурных традиций военно-учебных заведений, в совокупности образовывавших целостный феномен военно-культурных традиций подготовки офицеров, позволяет выявить и охарактеризовать социокультурную специфику развития отечественной военной школы. В первую очередь это относится к внутренней, повседневной жизни военно-учебных заведений, которая изучена относительно слабо.

Актуальность темы исследования определяется и процессами кардинальной перестройки системы военного образования в современной России. Начавшееся в 1992 г. восстановление кадетских корпусов и создание в течение нескольких последних лет на базе ликвидируемых военно-учебных заведений президентских

кадетских училищ побуждают обратить пристальное внимание на опыт развития системы подготовительных военно-учебных заведений в Российской империи. Необходимо изучить не только формы и методы организации учебно-воспитательной и досуговой работы, но и неофициальные традиции, создававшиеся воспитанниками и оказывавшие серьезное влияние на жизнь заведений. Научный анализ различных форм и вариантов кадетских традиций, выявление условий их генезиса, во-первых, позволит своевременно блокировать возникновение в современных кадетских корпусах и кадетских училищах негативных традиций, а, во-вторых, поможет создать и укрепить положительные традиции, содействующие развитию любви к Родине, стойкости, честности, товарищеской взаимопомощи. Это же в полной мере относится и к высшим военно-учебным заведениям, в которых обучаются курсанты. Кроме того, модернизация современных высших военно-учебных заведений должна опираться на исторический опыт функционирования системы отечественного военного образования, в том числе его социокультурную составляющую.

Научная проблема исследования обусловлена противоречием между необходимостью комплексной реконструкции профессионального и социокультурного облика русского офицерства и отсутствием обобщающих исследований, в которых были бы выявлены и охарактеризованы военно-культурные традиции его подготовки. Кроме того, полноценное исследование системы подготовки офицерских кадров для русской армии не представляется возможным в отрыве от изучения традиций, складывавшихся в процессе ее развития. Наконец, характеристика военно-культурных традиций подготовки офицеров крайне важна для выявления механизма создания, трансляции и сохранения российской военной культуры.

Объектом настоящего исследования является система подготовки офицерских кадров в России во 2-й половине XVII – начале XX в.

Предмет исследования – феномен военно-культурных традиций подготовки русского офицерского корпуса, создававших основу его ментальности и являвшихся начальным этапом формирования его социокультурного и профессионального облика.

Следует отметить, что в настоящем диссертационном исследовании осуществлен анализ феномена военно-культурных традиций подготовки офицеров в военно-учебных заведениях, непосредственно выпускавших офицеров (кадетские корпуса до 1863 г., военные училища) или кандидатов в офицеры (юнкерские училища), а также в подготовительных военно-учебных заведениях (военные гимназии, кадетские корпуса после 1882 г.). Военные академии и офицерские школы, осуществлявшие повышение квалификации офицеров и обладавшие своей спецификой, в работе не рассмотрены. Военные прогимназии, так и не ставшие основным источником пополнения юнкерских училищ и выполнявшие функцию не столько военно-учебных, сколько благотворительных и исправительных заведений, а также школы прапорщиков, созданные в годы Первой мировой войны в качестве временных военно-учебных заведений, сознательно оставлены вне поля зрения.

Хронологические рамки исследования охватывают исторический период с августа 1649 по апрель 1918 гг. Дата нижнего рубежа связана с формированием рейтарского полка И. Фанбуковена, который стал первым центром подготовки «начальных людей» для русской армии. Верхняя граница исследования определяется окончательным расформированием частей бывшей Русской императорской армии.

Территориальные рамки исследования определяются пространством Российского государства в границах 2-й половины XVII – начала XX в.

Цель диссертационного исследования – концептуальное обоснование и комплексная научная характеристика феномена военно-культурных традиций подготовки офицеров в отечественной военной школе во 2-й половине XVII – начале XX в., выявление их места и роли в формировании профессионального и социокультурного облика русского офицерства.

Задачи:

1) рассмотреть историографию проблемы и охарактеризовать ее источниковую базу;

2) раскрыть содержание понятия «военно-культурные традиции» и разработать их типологию;

3) провести анализ военно-культурных традиций подготовки русского офицерского корпуса, рассмотреть их генезис и проследить основные этапы развития;

4) исследовать взаимовлияние традиций подготовки русского офицерского корпуса и традиций русской армии;

5) содержательно охарактеризовать официальные традиции, церемонии, символы и ритуалы подготовки русского офицерского корпуса;

6) осуществить анализ образовательных и культурных традиций подготовки русского офицерства;

7) рассмотреть неофициальные кадетские и юнкерские традиции и обычаи;

8) выявить отношение к традициям руководства военно-учебных заведений, педагогов, воспитанников и общества в целом;

9) исследовать роль и место военно-культурных традиций в подготовке офицеров русской армии.

Методологическая основа исследования. Настоящее исследование опирается на принципы научности, историзма, объективности и системности, а также на представление о многомерности и сложности исторического процесса. В ходе исследования автор использовал также наиболее распространенные и универсальные методы научного познания: анализ и синтез, индукцию и дедукцию, аналогию и обобщение.

Из специально-исторических методов в диссертационном исследовании были использованы историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический методы, а также историко-системный подход.

Историко-генетический метод позволил в наибольшей мере приблизиться к воспроизведению реальной истории военно-культурных традиций, выявить условия их формирования и проследить этапы их развития.

Историко-сравнительный метод дал возможность выявить особенности развития военно-культурных традиций в различных военно-учебных заведениях, выделить их «ядро» и вариативную часть.

При помощи историко-типологического метода была разработана научная классификация военно-культурных традиций.

Историко-системный подход позволил уяснить роль и место каждой отдельной военно-культурной традиции в системе традиций военно-учебных заведений и показать совокупное влияние всех традиций на социокультурное пространство военно-учебных заведений.

В диссертации были широко использованы методы научного исследования, являющиеся пограничными по отношению к исторической науке.

Достаточно активно использовались в работе методы, разработанные в рамках различных направлений исторической антропологии. Методы истории повседневности (Х. Медик[3], А. Людтке[4]) позволили выявить специфику бытовых условий жизни воспитанников военно-учебных заведений. С помощью методов тесно примыкающей к истории повседневности микроистории (Х. Медик[5], Ж. Ле Гофф[6], К. Гинзбург[7]) были охарактеризованы отдельные военно-учебные заведения (например, Орловский Бахтина кадетский корпус).

Активное применение нашел инструментарий относительно молодой отрасли исторического знания – военно-исторической антропологии. Он разработан В.А. Шнирельманом[8] и Е.С. Сенявской и включает в себя «синтез идей и методологических принципов трех основных научных направлений – исторической школы «Анналов», философской герменевтики и экзистенциализма»[9]. Из широкого перечня психологических и социологических методов, используемых в военно-исторической антропологии, нами были использованы в первую очередь методы, позволяющие дать комплексную характеристику воинской субкультуры и выявить специфику ее возникновения и развития в военной школе, а также охарактеризовать экзистенциальную сущность закрытого военно-учебного заведения.

---

[3] Медик Х. Микроистория // THESIS. 1994. № 4. С. 193-202.
[4] Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М.: РОССПЭН, 1999. С. 77-100.
[5] Медик Х. Микроистория // THESIS. 1994. № 4. С. 193-202.
[6] Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
[7] Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы. Морфология и история. М.: Новое издательство, 2004.
[8] Шнирельман В.А., Першиц А.И., Семенов Ю.И. Война и мир в ранней истории человечества. В 2 тт. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994.
[9] Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. С. 15.

Использование методов социокультурного анализа (описанных в работах Л.Г. Ионина[10], Ю.М. Резника[11], А.М. Цирульникова[12]) обусловлено тем, что военно-культурные традиции в военных учебных заведениях действовали в пределах социальных коллективов – групп воспитанников, учебного заведения в целом и др. Кроме того, неофициальные традиции создавались в социальном коллективе и, в свою очередь, оказывали на него влияние.

Характеристика вопросов генезиса и трансляции неофициальных традиций, создаваемых и поддерживаемых массой воспитанников, в значительной степени опирается на методы психолого-исторической реконструкции, разработанные В.А. Кольцовой[13] и Л.В. Спицыной[14], и методы социальной психологии (в частности, анализа психологии толпы, большой вклад в который внесли Г. Лебон[15] и С. Московичи[16]).

Исследование роли и места традиций в жизни военно-учебных заведений основывается на методах социосемиотики, раскрытых в работах М. Фуко[17], С. Литтлджона и К. Фосса[18] и других авторов.

Изучение мемуаров и дневников осуществлялось с помощью методов герменевтики, семиотики и культурологической интерпретации.

Применение психоментального анализа продиктовано широким использованием источников личного происхождения. Всестороннее изучение особенностей характера автора, специфики его воспитания и жизненного пути крайне необходимо для правильного понимания содержащихся в источнике оценок людей и событий.

---

[10] Ионин Л.Г. Основания социокультурного анализа: Учебное пособие. М.: Изд-во РГГУ, 1995.
[11] Резник Ю.М. Социокультурный подход как методология исследований // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II. Вып. 1(2). С. 305-328.
[12] Цирульников А.М. Социокультурный анализ образовательных систем. Методология и методы // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. № 2. С. 71-93.
[13] Кольцова В.А. Теоретико-методологические основы историко-психологического исследования: дис. … д-ра псих. наук. М., 2004.
[14] Спицына Л.В. Историко-психологическая реконструкция становления форм и способов общения в советском обществе в послереволюционный период (10-е – 20-е годы XX столетия): автореф. дис. … канд. псих. наук. М., 1994.
[15] Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический проект, 2011.
[16] Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.
[17] Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: A-cad, 1994; его же. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
[18] Littlejohn S.W., Foss K.A. Theories of human communications. Belmont, 1989.

Гипотеза исследования состоит в том, что военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса, возникавшие и действовавшие в рамках отечественной военной школы, были ключевым фактором, определявшим основы профессионализма русского офицерства и формировавшим их базовые мировоззренческие установки. Выпускники военно-учебных заведений, подвергавшиеся воздействию этих традиций в течение нескольких лет, волей-неволей вынуждены были подчиняться их требованиям и, как правило, становились не только носителями военно-культурных традиций, но и их защитниками и отчасти творцами. От того, какие традиции – позитивные или негативные – преобладали в конкретном военно-учебном заведении, во многом зависели социокультурный облик и жизненная позиция его выпускников, их стартовые возможности для карьерного роста как на военной службе, так и на любом ином жизненном поприще. Таким образом, военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса являлись фундаментом военно-культурных традиций русского офицерства и оказывали существенное влияние на развитие общества в целом.

Основные результаты исследования, выносимые на защиту:

1. Ключевым фактором, определявшим профессиональный и социокультурный облик русского офицерства 2-й половины XVII – начала XX в., являлись военно-культурные традиции. Под военно-культурными традициями следует понимать исторически сложившиеся и передающиеся от поколения к поколению знания, ценности, правила и нормы, необходимые для обеспечения военной безопасности государства и общества и являющиеся социально значимыми для военнослужащих.

2. Традиции подготовки русского офицерского корпуса являлись особым видом военно-культурных традиций и представляли собой целостный, жестко структурированный социокультурный феномен. Они играли исключительно большую роль на этапе подготовки мальчиков и юношей к офицерскому званию, закладывая основы их личности, способствуя формированию качеств, присущих «эталонному» офицеру, и во многом определяя их последующую судьбу. Практические требования, предъявляемые к офицерам, складывались в войсках, однако

модели и традиции их подготовки создавались почти исключительно в военно-учебных заведениях, аккумулировавших и рафинировавших армейский военно-культурный опыт, придававших ему образцовые формы, вырабатывавших эффективный механизм его трансляции. Вместе с тем военно-учебные заведения являлись не только аккумуляторами и трансляторами армейского военно-культурного опыта, но и генераторами собственных военно-культурных традиций.

3. Военно-культурные традиции подготовки русского офицерства, складывавшиеся в процессе деятельности военной школы, включали в себя: а) официальные воинские традиции, символы и ритуалы; б) образовательные и культурные традиции заведений; в) неофициальные кадетские и юнкерские традиции, созданные воспитанниками.

4. Основы военно-культурных традиций подготовки русского офицерского корпуса стали закладываться во 2-й половине XVII в. в полках «нового строя». Их формирование было продолжено в «потешных» полках, гвардии и петровских военных школах. Форсированное строительство регулярной армии, инициированное Петром I, привело к тому, что европейская военная культура, традиции передачи которой в строевых частях еще не сложились, должна была активно внедряться «сверху». Это создало необходимость разработки модели целенаправленного и планомерного обучения и воспитания офицеров, которая могла быть реализована лишь в закрытых учебных заведениях. Со второй трети XVIII в., после открытия первого кадетского корпуса, военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса складывались и развивались почти исключительно в рамках закрытых военно-учебных заведений, обучение в которых рассматривалось правительством как наиболее предпочтительный вариант профессиональной социализации офицеров. Пройдя девять основных этапов своего развития, к началу XX в. они оформились в стройную систему. Факторами, влиявшими на возникновение и развитие данных традиций, выступали правительственная политика в области военного образования, вектор развития традиций армии в целом, социокультурные особенности эпохи, статус конкретного военно-учебного

заведения, деятельность его непосредственных руководителей, социокультурный облик офицеров-воспитателей, педагогов и самих воспитанников.

5. Важнейшей функцией официальных традиций подготовки офицеров было их мощное военно-воспитательное воздействие. Они формировали в кадетах и юнкерах чувство сопричастности к священному делу защиты Отечества, корпоративный дух, демонстрировали высокую значимость русского офицерского корпуса, учили будущих офицеров быть скромными, стойкими, самоотверженными продолжателями дела своих славных предшественников. Следует отметить, что руководство военно-учебных заведений далеко не всегда использовало воспитательный потенциал официальных традиций, а некоторые из них (пышные праздники и балы) могли оказывать негативное влияние на учащихся.

6. Учебно-воспитательные традиции в целом позволяли обеспечить кадет и юнкеров необходимыми будущему офицеру знаниями, умениями и навыками, сформировать менталитет профессионального военного, однако многопредметность и теоретичность курса, отсутствие живой связи между военной школой и армией, устойчивые традиции репрессивно-казарменной воспитательной политики негативно сказывались на подготовке офицеров, нуждавшихся в длительной адаптации к служебным условиям.

7. Среди неофициальных традиций русской военной школы было немало уродливых и циничных обычаев, которые негативно сказывались на духовном развитии воспитанников, и лишь кавалерийский «цук» и его мягкие формы в кадетских корпусах, а также культ показного молодечества и фольклор играли определенную положительную роль.

8. Отношение к традициям военных учебных заведений со стороны руководства заведений, воспитанников и общества было неоднозначным. Руководство всеми силами боролось с неофициальными традициями, стремясь взять под контроль все стороны жизни воспитанников. Воспитанники, отстаивая свои традиции, с не меньшим почтением относились к официальным традициям; их отношение к образовательным и культурным традициям варьировалось в зависимости от эпохи и условий конкретного заведения. Общество, нейтрально относясь к

официальным воинским традициям и положительно – к образовательным и культурным, резко выступало против наиболее грубых и жестоких неофициальных традиций, когда о них становилось известно за пределами заведений.

9. В целом военно-культурные традиции подготовки офицеров, складывавшиеся в дореволюционной военной школе, выполняли возложенную на них роль матрицы для создания идеального офицера. Они способствовали формированию у будущих офицеров положительных системообразующих качеств личности: любви к Родине, преданности монарху, храбрости, готовности к самопожертвованию, товарищеской спайки, честности. Изъяны военно-профессиональной подготовки и культурно-эстетического воспитания, при всей их нежелательности, могли быть ликвидированы уже после выпуска из заведения.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1) концептуально обосновано понятие «военно-культурные традиции», разработана типология военно-культурных традиций;

2) содержательно охарактеризованы традиции подготовки русского офицерского корпуса как специфический вид военно-культурных традиций и как особый социокультурный феномен;

3) дан анализ процесса формирования военно-культурных традиций подготовки русского офицерства во второй половине XVII в. в полках «нового строя» и потешных полках;

4) выявлены условия генезиса и прослежены основные этапы развития военно-культурных традиций подготовки русского офицерского корпуса в военно-учебных заведениях в XVIII – начале XX в.;

5) показано место традиций подготовки офицеров в системе военно-культурных традиций русской армии;

6) дан комплексный научный анализ основных групп военно-культурных традиций подготовки русского офицерского корпуса: официальных, образовательных и культурных, неофициальных;

7) показано отношение к традициям военно-учебных заведений начальства, педагогов, воспитанников и общества в целом;

8) охарактеризованы роль и место феномена военно-культурных традиций в жизни военных учебных заведений дореволюционной России и формировании личности будущих офицеров.

Теоретическая значимость работы. В настоящем диссертационном исследовании затронуты вопросы, связанные с феноменом военной культуры, традициями русской армии и русского офицерства, системой отечественного военного образования, социокультурным и профессиональным обликом русского офицерского корпуса. Диссертантом теоретически разработано понятие «военно-культурные традиции», которое может использоваться для характеристики различных явлений и процессов в области военной культуры. Комплексный подход к анализу военно-культурных традиций подготовки офицеров, учитывающий неофициальные, стихийно складывавшиеся правила жизни воспитанников, позволил выявить определенные закономерности развития русской военной школы, оказывавшие, в свою очередь, влияние на профессиональный и социокультурный облик ее выпускников. Данная методика может найти применение как при характеристике системы повышения квалификации офицеров русской армии в офицерских школах и военных академиях, так и при анализе деятельности отдельных военно-учебных заведений, а также закрытых школ других ведомств.

Практическая значимость работы. Материалы и выводы диссертационного исследования могут быть использованы при разработке курсов по истории России, истории государства и права России, спецкурсов по истории отечественного образования, истории русской армии и истории военно-учебных заведений. Кроме того, выводы исследования могут быть применены при постановке учебно-воспитательной работы в современных кадетских корпусах и военных училищах. Наконец, опыт изучения традиций дореволюционных военно-учебных заведений может быть востребован и в гражданских средних и высших учебных заведениях при организации военно-патриотического воспитания молодежи.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, библиографического списка и приложений.

ГЛАВА I.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ ПОДГОТОВКИ РУССКОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XX В.

1.1. Историография

Несмотря на то, что понятие «военно-культурные традиции» в отечественной и зарубежной исторической науке не сформулировано, а тема традиций подготовки офицеров не относится к числу хорошо изученных, историография изучаемой проблемы представлена весьма большим числом работ, которые можно разделить на несколько групп: 1) работы, посвященные военной культуре и воинским традициям; 2) общие работы по истории России и всеобщей истории; 3) труды по истории русской армии; 4) исследования, посвященные системе подготовки офицеров; 5) работы, в которых дается анализ отдельным военно-культурным традициям подготовки русского офицерского корпуса; 6) работы, посвященные отдельным историческим личностям, так или иначе связанными с системой подготовки офицеров.

Исследования, посвященные военной/воинской культуре и воинским традициям. Первыми работами, в которых рассматривались вопросы развития военной культуры, стали книги и историко-публицистические очерки, появившиеся в начале XX в. Их авторами были Н. Морозов[19], А. Апухтин[20], А. Дмитревский[21] и др. В них анализировались причины неудовлетворительного состояния русской армии и предлагались меры, направленные на улучшение подготовки войск в целом и офицерского корпуса в частности. В военно-исторических трудах русских эмигрантов тема военной культуры затрагивалась неоднократно[22].

[19] Морозов Н. Воспитание генерала и офицера, как основа побед и поражений. Исторический очерк из жизни русской армии эпохи наполеоновских войн и времен плацпарада. Вильна, 1909.
[20] Апухтин А. Командный состав армии // Общество ревнителей военных знаний. 1907. Кн. 3.
[21] Дмитревский А. Идеал офицера // Военный сборник. 1912. № 7.
[22] Мариюшкин А. Трагедия русского офицерства. Новый Сад, 1923; Деникин А. Старая армия. Париж: Родник, 1929; Керсновский А. Наш будущий офицерский корпус // Царский (Белград). 1930. № 100, 101; Керсновский А. О нашем близком служении // Часовой. 1939. № 240/241; Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж: Т-во объединённых издателей, 1939; Месснер Е., Вакар С., Вербицкий Ф. и др. Российские офице-

При этом если в 1920-30-е гг. преимущественное внимание уделялось проблемам сохранения российской военной культуры и подготовки офицеров для будущей русской армии, то в послевоенных работах на первый план выдвинулись сугубо теоретические вопросы (например, анализ развития военной культуры в контексте радикальной трансформации политической обстановки, резкого изменения социокультурных параметров общества, революционных новшеств в военном деле и др.). В СССР исследования, посвященные различным аспектам военной культуры, стали появляться только в 1980-е гг.[23] Большая их часть носила методический, прикладной характер и была адресована политработникам Вооруженных Сил СССР. На общем фоне выделяется лишь работа В.А. Золотарева, М.Н. Межевича и Д.Е. Скородумова, в которой предпринята попытка не только дать комплексную научную характеристику развития отечественной военной науки во второй половине XVIII в., но и создать социально-психологический портрет русской армии данного периода с учетом специфики ее комплектования и обучения.

Активное изучение военной культуры началось лишь в постсоветской России. Следует упомянуть работы О.В. Золотарева[24], А.Б. Григорьева[25], Е.Н. Романовой[26]. Комплексный анализ российской воинской культуры представлен в диссертационном исследовании С.Н. Ермоченко, который, кроме того, уделил особое внимание ее роли в воспитании гражданина и патриота[27]. Авторами наиболее значимых исследований, посвященных военной культуре, являются В.И. Бажуков и В.Н. Гребеньков. В.И. Бажуковым воинская культура рассмотрена в рамках военной антропологии[28]. В.Н. Гребеньковым разработана концепция военной культу-

---

ры. Буэнос-Айрес: Южно-Американский отдел Института по исследованию проблем войны и мира имени генерала, профессора Н. Головина, 1959; Месснер Е. Современные офицеры. Буэнос-Айрес, 1961.

[23] Ашев Г.А. Культура воинской деятельности. М.: Издательство ВПА, 1984; Храмов В.А. Политическая культура советского офицера. Киев: КВВАИУ, 1986; В.А., Межевич М.Н., Скородумов Д.Е. Во славу отечества Российского. М.: Мысль, 1984; Ковалевский В.Ф. Профессиональная культура офицера // Военная школа. 1990. № 6. С. 36-43.

[24] Золотарев О.В. Армия и культура. М.: Знание, 1991.

[25] Григорьев А., Свитов В. Только ли патриоты нужны армии? Концепция фонда «Воин» // Независимая газета. 1994. 15 сентября.

[26] Романова Е.Н. Военная культура и ее основные характеристики // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 1(60). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-kultura-i-ee-osnovnye-harakteristiki (дата обращения: 05.06.2016).

[27] Ермоченко С.Н. Российская воинская культура: опыт интерпретации: дис. … канд. культурологии. Саратов, 2009.

[28] Бажуков В.И. Военная антропология: методология, направления, современное состояние: Монография. М.: МАКС Пресс, 2009.

ры общества[29]. Более подробная характеристика историографии военной культуры представлена в пункте 2.1. настоящего диссертационного исследования.

Современная историография достаточно большое внимание и отдельным компонентам военной культуры. Субкультуре военнослужащих посвящены исследования А.А. Лугового[30], М.Г. Матлина[31], В.В. Головина, М.Л. Лурье, Е.В. Кулешова[32], А. Соколовой[33], Ю.И. Дерюгина[34]. Обстоятельный анализ профессиональной культуры офицера дан в учебно-методическом пособии П.А. Амбаровой[35]. Воинским ритуалам посвящена монография Д.Ф. Сивоволова, подробно рассмотревшего их этапы развития, формы и функции[36]. Военно-музыкальная культура рассмотрена в диссертационном исследовании Т.К. Маякина[37].

Несмотря на то, что воинские традиции стали объектом анализа еще в начале XX в., когда появились критические публикации М.О. Меньшикова[38], М.С. Галкина[39] и других авторов, их комплексное научное изучение началось лишь в годы Великой Отечественной войны, вслед за инициированным И.В. Сталиным обращением к социокультурному опыту дореволюционной армии. К числу первых работ относятся брошюры А.В. Предтеченского[40] и А. Кривицкого[41], статья Е. Ярушевича[42]. Для этих исследований характерно четкое деление воинских традиций на прогрессивные («суворовские») и регрессивные («аракчеевские»).

---

[29] Гребеньков В.Н. Военная культура российского общества: философско-культурологическая концепция: дис. … д-ра философ. наук. Ставрополь, 2011.
[30] Луговой А.А. Субкультура военных: конфликт реалий и ценностей // Военные традиции России: история, психология, культура: Материалы междунар. науч. конф., 21-22 дек., 2000 г., Санкт-Петербург. СПб.: Нестор, 2000. С. 52-53.
[31] Матлин М.Г. Фольклор военных училищ // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 180-185.
[32] Головин В.В., Лурье М.Л., Кулешов Е.В. Субкультура солдат срочной службы // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 186-230.
[33] Соколова А. «В уставе не прописано…»: деньги в переходных обрядах военных училищ // Фетиш и табу: Антропология денег в России. Сост. А. Архипова, Я. Фрухтманн. М.: ОГИ, 2013. С. 218-224.
[34] Дерюгин Ю.И. «Дедовщина»: социально-психологический анализ явления // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 1. С. 109-117.
[35] Амбарова П.А. Профессиональная культура офицеров в условиях трансформации российского общества: Учеб.-метод. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
[36] Сивоволов Д.Ф. Воинско-ритуальная реальность: Монография. Челябинск: ЧВВАКИУ, 2007.
[37] Маякин Т.К. Военно-музыкальная культура России (историко-культурологический анализ): дис. … канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2010.
[38] Меньшиков М.О. Недовольство в армии // Новое время. 1909. 10(23) февраля. № 11823. С. 3.
[39] Галкин М.С. Новый путь современного офицера. СПб., 1907.
[40] Предтеченский А.В. Суворовские традиции в русской армии. Ташкент: Госиздат УзССР, 1943.
[41] Кривицкий А. Традиции русского офицерства. М.: Воениздат, 1945.
[42] Ярушевич Е. О лучших традициях русского офицерства // Военный вестник. 1943. № 15-16. С. 37-39.

В дальнейшем в отечественной исторической науке преимущественное внимание уделялось не дореволюционным, а советским воинским традициям[43]. При этом на первый план выдвигалась воспитательная роль традиций. В частности, роли боевых традиций Советской Армии в воспитании курсантов посвящено исследование В.А. Семенова[44], воспитательные аспекты боевых традиций рассмотрены Ф. Рогачевым[45], М. Юрьевым[46], В.Ф. Боевым и Ф.И. Царевым[47], В.М. Алемасовым[48].

Кроме того, самостоятельным историографическим направлением стало изучение воинских ритуалов (принятия воинской присяги, парадов, ритуалов учебно-боевой деятельности). К основным работам подобного рода принадлежат труды Г.А. Ашева[49], В.Д. Серых[50] и Г.С. Карнеева[51].

В начале 1990-х гг. традиции русской армии стали объектом интенсивного анализа[52]. Воинским традициям посвящены диссертационные исследования И.А. Шеина[53], А.Е. Гончара[54], Б.С. Иванова[55]. Работы этих трех авторов внесли большой вклад в научную характеристику воинских традиций. Офицерские традиции и обычаи рассмотрены В.Е. Морихиным[56] и Б.Л. Беляковым[57]. Воинские символы и ритуалы стали предметом анализа в ряде научных работ и учебных пособий для

---

[43] Рощин Л.В. Методологические вопросы формирования и развития традиции Советских Вооруженных Сил: дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.
[44] Семенов В.А. Воспитание курсантов военных училищ на боевых традициях Советской Армии: дис. ... канд ист. наук, М.: ВПА, 1950.
[45] Рогачев Ф. Воспитание советских воинов в духе верности боевым традициям Вооруженных Сил СССР. М., 1957
[46] Юрьев М. Боевые традиции Советской Армии и Флота. М.: Воениздат, 1956.
[47] Боев В.Ф, Царев Ф.И. Воспитание советских воинов на боевых традициях. М.: Воениздат, 1954.
[48] Традиции и специфика их воздействия на личность будущего офицера в условиях воинской деятельности. Казань, 1984.
[49] Ашев Г.А. Воинские ритуалы. М., 1977.
[50] Серых В.Д. Воинские ритуалы. М.: Воениздат, 1981.
[51] Карнеев Г.С. Воинские и патриотические ритуалы. М.: Изд-во ДОСААФ СССР, 1989.
[52] Печень Н. Традиции в русской армии // Военный вестник. 1993. № 6. С. 62-65; Валеев Б.А. Офицерская честь // Военные знания. 1991. №№ 11-12. С. 74-79; Вахмистров В.П. Социальные и духовные основы военного корпоративизма // Военная мысль. 2000. № 5. С. 39-43.
[53] Шеин И.А. Развитие воинских традиций Российской армии во второй половине XIX – начале XX вв.: исторический опыт и уроки: дис. … канд. ист. наук. М., 1994.
[54] Гончар А.Е. Традиции русской армии в XVIII - первой половине XIX вв.: сущность, история, уроки: дис. канд. ист. наук. М., 1994.
[55] Иванов Б.С. Воспитание воинской чести у офицеров Российской армии XVIII – начала XX в.: дис. … канд. пед. наук. М., 1994.
[56] Морихин В.Е. Традиции офицерского корпуса русской армии XIX - начала XX веков (Исторический анализ): дис. … канд. ист. наук. М., 2003.
[57] Беляков Б.Л. Традиции и обычаи офицерского корпуса России: историко-социологический анализ // Безопасность Евразии. 2006. № 1. С. 455-464.

военнослужащих[58]. Вопрос о сохранении гвардейских полковых традиций в эмиграции рассмотрен в статье В.Н. Грекова[59]. Воспитательные аспекты боевых и воинских традиций рассмотрены в статье В.В. Дудулина и П.А. Дроздова[60].

Общие работы по истории России и всеобщей истории. В общих работах подготовке офицеров, как правило, не уделялось и не уделяется большого внимания. Развитие военно-учебных заведений Санкт-Петербурга (Сухопутный и Морской шляхетные кадетские корпуса, Греческая гимназия, Императорский военно-сиротский дом) в XVIII – начале XIX в. прослежено в труде немецкого писателя и путешественника Г. фон Реймерса, жившего в России на рубеже XVIII-XIX вв.[61] Работа Реймерса ценна тем, что он был свидетелем многих описанных им событий и имел возможность дать оценку развитию российского военного образования в царствование Павла I и первые годы правления Александра I. Краткая характеристика развития системы военного образования в XVIII в. дана в «Курсе русской истории» В.О. Ключевского.

В современной историографии сюжеты, связанные с подготовкой офицеров, как правило, присутствуют в работах, посвященных образованию, культуре и военной сфере жизни общества. Характеристика военного образования в России XVIII в., основанная на малоизвестных документах, содержится в сборнике статей (фактически – коллективной монографии) «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIIII в.»[62]: И. Федюкиным рассмотрена правовая база деятельности Морской академии; он же в соавторстве с М. Лавринович проанализировал влияние модели Берлинского кадетского корпуса на устройство Сухопутного кадетского корпуса; оценка вклада Г.А. Полетики в развитие учебной работы в Морском корпусе в 1760-е гг. дана Д. Рудневым. Быт и культурные традиции российских военно-учебных заведений

---

[58] Боевые традиции Вооруженных Сил. Символы воинской чести. Учебное пособие по разделу «Основы военной службы». М., 2008.
[59] Греков В.Н. О сохранении духа и традиций Императорской Гвардии на чужбине // Вестник РОВС. 2001. № 1-2. С. 12-16.
[60] Дудулин В.В., Дроздов П.А. Воспитание военнослужащих на боевых и воинских традициях // Военная мысль. 2008. № 7. С. 46-51.
[61] Реймерс, Генрих фон. Санкт-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007.
[62] «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М.: Новое издательство, 2015.

первой половины XIX в. (кадетские корпуса, Пажеский корпус, Царскосельский лицей) достаточно подробно описаны в работах Н.И. Яковкиной[63]. Пространный очерк истории военно-учебных заведений Санкт-Петербурга содержится в коллективной работе «300 лет военной истории Санкт-Петербурга»[64]. В ней уделено большое внимание неофициальным традициям военно-учебных заведений – в частности, товариществу и «цуку», рассмотрены официальные церемонии и ритуалы, дана оценка организации учебно-воспитательной работы. Любопытные факты, представляющие ценность для социокультурной характеристики петербургских военно-учебных заведений, приведены в монографии Н.А. Синдаловского «Петербург в армейском мундире»[65].

Определенный интерес к системе подготовки русских офицеров демонстрируют и зарубежные авторы. В частности, анализ развития системы военного образования в России в XIX в. дан в монографии современного английского историка Д. Ливена «Аристократия в Европе 1815-1914». Автор обратил внимание на социокультурную специфику отдельных военно-учебных заведений, а также проследил влияние иностранных образовательных традиций (в первую очередь прусской). Роль Сухопутного кадетского корпуса в формировании российской элиты и распространении западноевропейских культурных моделей охарактеризована в монографии немецкого исследователя Я. Кусбера[66].

Работы по истории русской армии. Различные вопросы, связанные с подготовкой офицеров, стали рассматриваться в общих работах по истории русской армии лишь в конце XIX в. Следует отметить, что над дореволюционной историографией довлела «петровская легенда». Историк Измайловского полка Н. Зноско-Боровский писал: «Много было народу на Руси и до этого Великого Монарха, много собиралось войска во время войны, но все это было только что взятое от сохи, необученное, нестройное, а подчас и своевольное скопище. От этого часто в

[63] Яковкина Н.И. История русской культуры: XIX век. СПб.: Лань, 2002; Яковкина Н.И. Русское дворянство первой половины XIX в.: быт и традиции. СПб.: Лань, 2002.
[64] 300 лет военной истории Санкт-Петербурга. СПб.: Славия, 2003.
[65] Синдаловский Н. Петербург в армейском мундире. Военная столица России в городском фольклоре. СПб., 2010.
[66] Kusbe J. Eliten- und Volksbildung im Zarenreich währeng des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Studien zu Diskurs, Gesetzgebung und Umsetzung (quellen und studien zur geschichte des Östlichen Europa, 65). Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2004.

столкновениях с врагами не выдерживали молодые, необученные русские дружины смелого натиска опытного врага и потому гибли массами»[67]. Авторитетный военный историк А.З. Мышлаевский в небольшом исследовании, посвященном офицерам полков «нового строя», констатировал отсутствие в XVII в. профессиональной подготовки командных кадров[68]. Поэтому начало подготовки офицеров связывалось исключительно с деятельностью Петра I. В фокусе внимания исследователей, как правило, оказывались Школа математических и навигацких наук, Морская академия и другие специализированные учебные заведения. Особняком стоит работа А.М. Назарова, посвященная «потешным» полкам, в которой говорится о том, что мальчики и юноши в процессе игр и учебных маневров не только получали серьезную военную подготовку, но и проходили курс патриотического воспитания[69]. Кроме того, авторы гвардейских «полковых историй» уделяли определенное внимание организации в них строевой подготовки личного состава, касаясь и учебной деятельности «потешных»[70].

Необходимо отметить, что система подготовки офицеров, складывавшаяся в России в течение XVIII – начала XX в., в дореволюционных трудах по истории русской армии была подвергнута достаточно жесткой критике. А.В. Геруа в своем исследовании, посвященном учебной деятельности петровской гвардии, дал высокую оценку ее практической составляющей и отметил, что теоретическая подготовка офицеров в гвардейских полках в начале XVIII в. не могла сложиться, что и побудило Петра I обратиться к созданию военно-учебных заведений[71]. В многочисленных «полковых историях» отмечались несовершенство учебных планов, отсутствие единых требований к обучающимся, непродуманность организации

---

[67] Зноско-Боровский Н. История лейб-гвардии Измайловского полка. 1730-1880. СПб.: Типография П.Е. Лобанова, 1882. С. I.

[68] Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII веке. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1899. С. 52.

[69] Назаров А.М. Назаров А.М. Потешные. Роль их в прошлом и задачи в будущем. Исторический очерк «О потешных полках Петра I». Одесса: типо-литография Штаба Одесского военного округа, 1911.

[70] История Преображенского полка. Составил лейб-гвардии Преображенского полка штабс-капитан Азанчевский 1-й. М., 1859; Бобровский П.О. История Лейб-гвардии Преображенского полка. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1900. 1904. Т. 1-4; Карцов П.П. История лейб-гвардии Семеновского полка. 1685-1854. СПб.: Тип. Штаба Военно-Учебных Заведений, 1852. Т. 1-2; Дирин П. История л.-гв. Семеновского полка. СПб.: Тип. Эдуарда Гоппе, 1883. Т. 1-3.

[71] Геруа А.В. Гвардия – школа // Геруа А.В. К познанию армии. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1907. С. 7-57.

досуга воспитанников в военно-учебных заведениях XVIII в.[72], говорилось о серьезных недостатках строевого образования в непрерывно воевавших гвардейских полках[73]. Негативная оценка была дана и подготовке офицеров в александровское и николаевское царствования. Н.А. Епанчин в первой части монографии «Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции»[74], посвященной подготовке России к войне, констатировал плачевное состояние системы подготовки офицерских кадров в начале XIX в., которая не могла способствовать укреплению боеспособности русской армии. Осуждение плац-парадных традиций военного воспитания, господствовавших в русской армии в 1-й половине XIX в., содержится в историческом очерке Н. Морозова[75]. Серьезные нарекания вызывала и система подготовки офицеров, существовавшая во второй половине XIX – начале XX в. М.С. Галкин в книге «Новый путь современного офицера», изданной в 1907 г., уделил большое внимание недостаткам подготовки юнкеров к практической службе[76]. А.В. Геруа, подвергнув критике устройство существовавших в первые годы XX в. военно-учебные заведения, выступил за переформирование окружных юнкерских училищ в полноценные военные училища[77]. Критика сложившейся к началу XX в. системы военного образования содержится в работе Е.И. Мартынова «Из печального опыта русско-японской войны»[78]. П. Режепо в работе «Офицерский вопрос» выступил против излишней теоретичности подготовки офицера и предлагал изгнать роскошь из стен кадетских корпусов[79].

Изучение военно-культурных традиций подготовки русских офицеров активно осуществлялось и в эмиграции. В частности, А.А. Керсновским была дана критическая характеристика военно-учебной реформы Д.А. Милютина[80].

---

[72] См., например: Дирин П. История л.-гв. Семеновского полка. СПб.: Тип. Эдуарда Гоппе, 1883. Т. 1. С. 260.
[73] Чичерин А. История Лейб-гвардии Преображенского полка. 1683-1883 гг. Т. 1. 1683-1725 гг. СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1883. С. 541.
[74] Епанчин Н. Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции. Ч. I. Подготовка к походу. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1905.
[75] Морозов Н. Воспитание генерала и офицера, как основа побед и поражений. Исторический очерк из жизни русской армии эпохи наполеоновских войн и времен плацпарада. Вильна, 1909.
[76] Галкин М.С. Новый путь современного офицера. СПб., 1907.
[77] Геруа А.В. Офицерский подбор // Геруа А.В. К познанию армии. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1907. С. 58-133.
[78] Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны. Изд. 2-е. СПб., 1907.
[79] Режепо П. Офицерский вопрос. СПб., 1909.
[80] Керсновский А.А. История русской армии: 1700-1881. Смоленск: Русич, 2004.

В СССР после создания суворовских военных училищ вопросы подготовки офицеров стали рассматриваться в работах, посвященных армии в целом или отдельным военным реформам[81]. Хотя в ряде работ затрагивались вопросы обучения войск во второй половине XVII в.[82], влияние «петровской легенды» сохранялось. Так, А.В. Чернов в своем исследовании, посвященном развитию русской армии в XV-XVII вв., полагал, что правительство, создавая в 1630-е гг. солдатские полки, делало ставку на привлечение иностранных специалистов и, еще не помышляя о создании национального офицерского корпуса, стремилось максимум к тому, чтобы «подготовить низший командный состав из среды русских людей»[83]. Л.Г. Бескровный, один из наиболее авторитетных советских военных историков, отмечал, что «до XVIII века подготовкой офицеров в России не занимались»[84]. Лишь в работе В.В. Каргалова дана положительная оценка подготовки командных кадров в полках «нового строя» в XVII в.[85]

Военно-учебным заведениям XVIII – начала XX в. в общих работах по истории русской армии, написанных советскими историками, уделено достаточное внимание. Разделы, посвященные военно-учебным заведениям, имеются в фундаментальных трудах Л.Г. Бескровного по истории русской армии и флота в XVIII[86], XIX[87] и начале XX в.[88] Подготовка офицеров в конце XIX – начале XX в. рассмотрена в монографии П.А. Зайончковского[89]. Данная работа ценна тем, что в ней уделено значительное внимание характеристике социокультурных аспектов деятельности системы военно-учебных заведений. Эволюция системы военного образования на рубеже XVIII-XIX вв. охарактеризована в диссертационном ис-

[81] Бонч-Бруевич М.Д. Военные реформы Д.А. Милютина // Военная мысль. 1944. № 10-11. С. 61-76; Федоров А.В. Русская армия в 50-70-х гг. XIX века. Очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1959.
[82] Калинычев Ф.И. Правовые вопросы военной организации русского государства второй половины XVII века. М.: Госюриздат, 1954.
[83] Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв. М.: Воениздат, 1954. С. 135-136.
[84] Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М.: Воениздат, 1958. С. 166.
[85] Каргалов В.В. Полководцы XVII в. М.: Патриот, 1990.
[86] Бескровный Л.Г. Строительство русской армии в XVIII в.: дис. … д-ра ист. наук. М., 1950; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М.: Воениздат, 1958.
[87] Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал. М., 1973.
[88] Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.
[89] Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. М., 1973.

следовании Л.П. Богданова[90]. Вопросы подготовки офицеров в начале XX в. проанализированы в работе А.А. Буравченкова[91].

В современной историографии вопросы подготовки офицеров также находят отражение в трудах, посвященных истории армии. «Петровская легенда» в настоящее время частично преодолена: подготовка командных кадров в XVII в. затронута в работах О.А. Курбатова[92] и А.А. Рогожина[93]. Основное внимание, как и прежде, уделяется системе военно-учебных заведений. Анализ основных этапов подготовки и обучения офицерских кадров в XVIII – начале XX в. дан в монографии С.В. Волкова[94]. Система подготовки офицеров в конце XIX – начале XX в. получила оценку в работах В.Н. Суряева[95] и А.В. Гущина[96]. Подготовка офицеров русской гвардии обстоятельно рассмотрена Г.С. Чувардиным, уделившим большое внимание ее психоментальным и социокультурным аспектам[97]. Роль системы военного образования в формировании социокультурного облика русского офицерского корпуса в начале XX в., представлений об офицерской чести и воинском долге раскрыта в исследованиях И.Н. Гребенкина[98]. Кроме того, И.Н. Гребенкин дал оценку влиянию модификации системы подготовки офицеров в период Первой мировой войны на социально-политическую трансформацию российского офицерства.

---

[90] Богданов Л.П. Русская армия в конце XVIII – первой четверти XIX в. (Организация, управление, комплектование, вооружение): дис... д-ра ист. наук. М., 1981.

[91] Буравченков А. А. Офицерский корпус русской армии накануне Октябрьской революции // Интеллигенция и революция. XX век. М.: Наука, 1985. С. 145-150.

[92] Курбатов О.А. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII века // Иноземцы в России в XV-XVII веках. Сборник материалов конференций 2002-2004 гг. М., 2006. С. 18-34; Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656-58 гг. // Архив русской истории: Сборник Российского государственного архива древних актов. М., 2007. Выпуск 8. С. 157-197.

[93] Рогожин А.А. Рейтары полка И. Фанбуковена. Создание в середине XVII века русских воинских формирований и подготовка для них командных кадров // Военно-исторический журнал. 2012. № 9. С. 21-25.

[94] Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003.

[95] Суряев В.Н. Офицеры русской императорской армии. 1900-1917. М.: Русское историческое общество, Русская панорама, 2012; Суряев В.Н. Русская Императорская Армия накануне и в годы Великой войны. М.: НП ИД «Русская панорама», АНО «Русское историческое общество», 2015.

[96] Гущин А.В. Русская армия в войне 1904-1905 гг.: историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий. СПб.: Реноме, 2014.

[97] Чувардин Г.С. Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки, традиции: Монография. Орел: Издатель А. Воробьев, 2005.

[98] Гребенкин И.Н. Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914-1918 гг.: Дис. … д-ра ист. наук. Владимир, 2011; Гребенкин И.Н. Долг и выбор: Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914-1918 гг. М.: АИРО-XXI, 2015.

Специальные исследования, посвященные подготовке офицеров. Первые труды, посвященные подготовке офицеров в военно-учебных заведениях, стали появляться в царствование Николая I. Это были юбилейные издания, в которых рассматривалась деятельность отдельных кадетских корпусов; они носили описательный, фактографический характер[99].

Первой аналитической работой по истории военно-учебных заведений, по мнению Л.И. Влодавца, можно считать статью П. Глебова, посвященную петровским военным школам[100]. Этому же автору принадлежат статьи, в которых описано развитие военно-учебных заведений в царствование Анны Иоанновны, Екатерины II и Павла I[101]. Элементы научного анализа учебно-воспитательной работы имелись и в юбилейном историческом очерке Морского кадетского корпуса, изданном в 1852 г. Ф.Ф. Веселаго[102].

Первой работой, в которой были собраны сведения по истории военного образования в России, был многотомник Н.Н. Мельницкого[103]. Следующим трудом, посвященным истории развития кадетских корпусов, стал «Исторический очерк военных учебных заведений» М.С. Лалаева[104]. Просчеты в организации учебно-воспитательной работы в пореформенных кадетских корпусах побудили обратиться к опыту функционирования военных гимназий. 1887 г. в журнале «Русская старина» была опубликована обширная статья, посвященная военно-учебной реформе Александра II[105], а в 1898 г. М.С. Лалаевым была издана книга «Наши

---

[99] Висковатов А.В. Краткая история 1-го кадетского корпуса. СПб., 1832; Стодвадцатипятилетний юбилей Первого кадетского корпуса. 1732-1857. СПб., 1857; Ломан Н.Л. Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. СПб., 1862.

[100] Влодавец Л.И. Становление военного образования в России: дореволюционная историография // Историографические и методологические проблемы изучения отечественной школы и педагогики. Сб. научных трудов. Под ред. Э.Д. Днепрова и О.Е. Кошелевой. М.: Изд. АПН СССР. С. 155. С. 152-167.

[101] Глебов П. Материал для истории русских военно-учебных заведений. Военно-учебные заведения в царствование императора Павла I // Отечественные записки. 1839. Т. 4. № 7. С. 65-73; Глебов П. Артиллерийская школа в царствование императрицы Анны Иоанновны // Артиллерийский журнал. 1862. № XI. С. 619-643; Глебов П. Военно-учебные заведения, подведомственные Его императорскому высочеству Главному начальнику, в царствование имп. Екатерины II // Отечественные записки. 1845. № 10. С. 60-78; Глебов П. Артиллерийский и Инженерный кадетский корпус в царствование имп. Екатерины II, 1762-1796 гг. // Артиллерийский журнал. 1863. № 11. С. 57-58.

[102] Веселаго Ф.Ф. Очерки истории Морского кадетского корпуса (за 100 лет). СПб., 1852.

[103] Мельницкий Н. Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (сухопутного ведомства): в 4 т.: в 6 ч. СПб., 1857–1860.

[104] Лалаев М.С. Исторический очерк военных учебных заведений, подведомственных Главному их Управлению. Ч. I-II. СПб., 1880. Ч. III. СПб., 1892.

[105] К истории военно-учебной реформы императора Александра II // Русская старина. 1887. № 5. С. 345-366.

военно-учебные заведения под главным начальством великого князя Михаила Николаевича», посвященная предыстории военно-учебной реформы[106].

В начале XX в. в рамках проекта «Столетие военного министерства» вышел исторический очерк Главного управления военно-учебных заведений в трех частях, (1-я и 2-я части составлены П.В. Петровым, 3-я – Н.А. Соколовым)[107]. Данная работа, несмотря на ее претензии на фундаментальность, выдержана в «юбилейных» традициях и носит описательный характер. В 1906 г. была опубликована статья Л.И. Януша, посвященная предыстории, содержанию и итогам военно-учебной реформы Александра II[108]. Наконец, в 1910 г. вышла работа Ф.В. Грекова «Краткий исторический очерк военно-учебных заведений»[109]. В 1913 г. вышла в свет работа В.А. Бернацкого «Пятидесятилетие Главного управления военно-учебных заведений», в которой были детально освещены военно-учебная реформа Александра II, военно-учебная контрреформа Александра III и деятельность великого князя Константина Константиновича на посту Главного начальника военно-учебных заведений[110].

Обобщающих исследований, посвященных отдельным типам военно-учебных заведений, было относительно мало. В 1870-е гг. вышло трехтомное исследование П.О. Бобровского, посвященное юнкерским училищам[111]. Автор уделял преимущественное внимание характеристике учебно-воспитательного процесса и поиску решения проблем, вызванных низким уровнем подготовки поступающих. Итоги 10- и 25-летней деятельности юнкерских училищ подведены Бобровским в работах «Юнкерские училища в 1874 году»[112] и «Двадцатипятилетие

---

[106] Лалаев М.С. Наши военно-учебные заведения под главным начальством великого князя Михаила Николаевича. 1860-1863. Исторический очерк. СПб., 1898.

[107] Столетие Военного министерства. Главное управление Военно-учебных заведений. Исторический очерк. Ч. I. СПб., 1902; Ч. II. СПб., 1907; Ч. III. СПб., 1914.

[108] Януш Л.И. Военно-учебные заведения с 1850 до 1882 года // Военный голос. 1906. № 98. 4 мая. С. 2-3; № 99. 5 мая. С. 2-3; № 100. 6 мая. С. 2.

[109] Греков Ф.В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. М., 1910.

[110] Бернацкий В.А. Пятидесятилетие Главного управления военно-учебных заведений. 1863-1913. СПб., 1913.

[111] Бобровский П.О. Юнкерские училища. Т. 1. Историческое обозрение их развития и деятельности. СПб.: Изд. книг. Я.А. Исакова, 1872; его же. Юнкерские училища. Т. 2. Обучение и военное воспитание юнкеров. СПб.: Изд. книг. Я.А. Исакова, 1873; его же. Юнкерские училища. Т. 3. Условия благоустройства. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1876.

[112] Бобровский П. Юнкерские училища в 1874 году. (Издание редакции журнала «Военный сборник»). СПб., 1875.

юнкерских училищ»[113], в которых в основном рассмотрены вопросы комплектования училищ и организации учебно-воспитательной и досуговой работы. Кроме того, можно отметить книгу Г.Л. Кононова, посвященную кадетским корпусам[114].

Исторические очерки, приуроченные к юбилеям отдельных кадетских корпусов, продолжали издаваться и в конце XIX в.[115] Их составителями и авторами вступительных статей, как правило, были пожилые генералы, получившие образование в 1840-60-е гг. (например, автором почти всех трудов, посвященных Дворянскому полку, являлся М.Г. Гольмдорф). Деятельность дореформенных кадетских корпусов в подобных работах по-прежнему идеализировалась, суровость репрессивного режима и спартанские условия жизни кадет в николаевский период провозглашались основой настоящего кадетского воспитания. Сохраняя свою описательность, они вместе с тем стали приобретать элементы аналитики и даже критики. В некоторых очерках (посвященных кадетским корпусам, расположенным на периферии) уделялось определенное внимание социокультурному облику учащихся, от которого в известной степени зависел успех учебно-воспитательного дела[116].

В 1870 г. был издан «Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища». Авторы данной работы отошли от юбилейной традиции и уделили внимание не только официальным традициям и учебно-воспитательной работе, но и юнкерским традициям: товариществу, «приставанию к новичкам»,

---

[113] Бобровский П. Двадцатипятилетие юнкерских училищ (20 сентября 1864 по 1889 г.). СПб., 1889.

[114] Кононов Г.Л. Средние военно-учебные заведения (корпуса). СПб., 1901.

[115] Милорадович Г.А. Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества корпуса. 1711-1875. Киев, 1876.; Александровский кадетский корпус за первые двадцать пять лет существования. Краткая историческая записка, составленная А.Д. Крутецким. СПб.: Тип. М.Д. Ломковского, 1898; Карцов П.П. Исторический очерк Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса и Нижегородской военной гимназии (ныне Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус). 1834-1884. СПб., 1884; Петров А.Н. Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского военно-сиротского дома. 1798-1898 гг. СПб., 1898; Лалаев М.С. Исторический очерк образования и развития Первого Московского кадетского корпуса, что ныне Первая Московская военная гимназия. 1778-1878. СПб., 1878; Зверев С.Е. Юбилейный сборник Михайловского Воронежского кадетского корпуса. 1845-1895. Воронеж, 1898; Поливанов А.Н. Пятидесятилетие 2-го Московского императора Николая I кадетского корпуса; Исторический очерк. М., 1899; Долгов И.И. Полоцкий кадетский корпус (несколько слов по поводу 63-й годовщины его существования). Витебск, 1899; Материалы для истории Симбирского кадетского корпуса за первые 25 лет его существования. 1873-1898 гг. Собирал А.И. Рязанов. Симбирск: Типолитография А.И. Токарева, 1900.

[116] Второй Оренбургский кадетский корпус (1887-1894) в ряду других военно-учебных заведений. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1894.

негативному отношению к преподавателям[117]. В 1880-90-е гг. появился ряд юбилейных исторических очерков, посвященных отдельным училищам: Павловскому[118], Александровскому[119], Михайловскому артиллерийскому[120], Николаевскому кавалерийскому[121]. В историческом очерке Николаевского кавалерийского училища, написанном в 1889 г. Н.Н. Буковским[122], рассмотрены вопросы патриотического воспитания юнкеров и дана характеристика Лермонтовского музея.

В начале XX в. традиция составления юбилейных изданий была продолжена[123]. Исключительно юбилейный характер присущ работам офицера-воспитателя 1-го кадетского корпуса А.Н. Антонова, составлявшего краткие исторические справки, к которым были приложены подробные описания юбилейных торжеств[124]. Такой же характер носили исторические очерки, посвященные 2-му кадетскому корпусу, а также некоторым юнкерским училищам[125].

Вместе с тем стали появляться и такие исторические очерки, авторы которых, не ограничиваясь описанием событий внешней, официальной жизни, пытались дать оценку учебно-воспитательной работе, традициям и нравам воспитанников. Так, в историческом очерке Донского корпуса, составленном в 1908 г. А.Ф.

---

[117] Платов А., Кирпичев Л. Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища. 1820-1870. СПб., 1870.

[118] Отчет к 25-й годовщине основания 1-го военного Павловского училища. Составлен штабс-капитаном М.А. Кардиналовским. СПб.: Типография В. Безобразова и К, 1888.

[119] Александровское военное училище за XXXV лет. 1863-1898. М., 1900.

[120] Михайловская артиллерийская академия и училище в годовщину их 75-летия. Краткие исторические сведения и личный состав. СПб., 1896.

[121] Шкот П.П. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища, бывшей Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1823-1898. СПб.: Тип М.М. Стасюлевича, 1898.

[122] Буковский Н.Н. XXV годовщина Николаевского кавалерийского училища. СПб., 1889.

[123] Антонов А. В память празднования 175-й годовщины Первого кадетского корпуса. Б.м., 1907; Лузанов П. Сухопутный шляхетный кадетский корпус (ныне 1-й кадетский). Исторический очерк (с 1732 по 1741 г.). СПб., 1907; Жервэ Н.П., Строев В.Н. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712–1912. В 2-х т., Т. 1. СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1912; Тавастшерна В. Столетие Пажеского Е.И.В. корпуса. 1802-1902. Оттиск статьи, напечатанной в № 12 «Артиллерийского журнала» за 1902 г. СПб., 1902; Двадцатилетний период товарищеских собраний «дворян» и «константиновцев» (1882-1901). Воспоминания одного из участников. СПб.: Типография В.Д. Смирнова, 1901; Андреев А. Столетний юбилей Константиновского артиллерийского училища. СПб., 1908; Кротков А.С. Морской кадетский корпус. Краткий исторический очерк. СПб., 1901; Аксенов М.В. Смоленский кадетский корпус (1805-1812). Историческая заметка. Смоленск, 1907; Александринский сиротский кадетский корпус с 1851 по 1863 год. Александровское военное училище с 1863 по 1901 год. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1901; Завадский Н.П. Владимирский Киевский кадетский корпус. 1851-1901. Краткая историческая записка. Киев, 1901; Полоцкий кадетский корпус. Исторический очерк 75-летия его существования. Составил В.П. Викентьев. Полоцк, 1910; Краткий очерк истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. Оренбург: Типография А.Н. Гаврилова, 1913; Краткий исторический очерк Первого Сибирского императора Александра I кадетского корпуса. 1813-1913.М.: Типолитогр. Т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1915.

[124] Антонов А. В память празднования 175-й годовщины Первого кадетского корпуса. Б.м., 1907.

[125] Новочеркасское казачье юнкерское училище. Краткая историческая справка. Составил И.Т. Кострюков. Новочеркасск: Типография В.И. Бабенко, 1910.

Вечесловым, уделено внимание не только религиозному воспитанию и культурным традициям, но и таким неофициальным традициям, как негативное отношение к преподавателям, «Звериада» и «похороны наук»[126]. Большой интерес представляет очерк первых семи лет жизни основанного в 1899 г. Одесского кадетского корпуса, в котором рассмотрены официальные традиции молодого заведения, представлен социокультурный портрет кадет, дано описание «похорон наук» и других неофициальных традиций и охарактеризована иерархия кадет, основанная на физической силе[127].

Оценка деятельности военных и юнкерских училищ также стала более взвешенной. Так, в написанной В. Бацовым «Памятке корнета Тверского кавалерийского юнкерского училища» уделено большое внимание переходу в 1901 г. от «рутинной, ”сугубой” дрессировки» к «разумной системе воспитания»[128].

Кроме того, в конце XIX – начале XX в. стали появляться работы, посвященные артиллерийским и инженерным школам. В 1892 г. вышла работа Д.П. Струкова, посвященная Московской артиллерийской школе[129]. В 1904 г. было опубликовано исследование М. Денисьевского о Петербургской артиллерийской и инженерной школе[130].

Деятельность дореволюционных военно-учебных заведений стала объектом пристального научного анализа для военных историков-эмигрантов. Так, в юбилейной исторической справке, изданной в 1931 г., в год 200-летия учреждения 1-го кадетского корпуса, рассмотрены воспитательные и культурные традиции этого военно-учебного заведения[131]. Работа А.Г. Тарсаидзе посвящена деятельности Морского кадетского корпуса в первой четверти XX в.[132] Деятельность Школы математических и навигацких наук, Морской академии и Морского корпуса рас-

---

[126] Вечеслов А.Ф. Двадцать пять лет (1883-1908 гг.) Донского императора Александра III кадетского корпуса. Исторический очерк. Новочеркасск: Частная Донская типография, 1908.
[127] Одесский кадетский корпус за первые 7 лет его существования. Одесса: Типография Е.И. Фесенко, 1906.
[128] Бацов В. Памятка корнета Тверского кавалерийского юнкерского училища. Тверь, 1904/5.
[129] Струков Д.П. Московская пушкарская школа // Военный сборник. 1892. № 1. С. 142-164.
[130] Денисьевский М. Специальная школа инженерная и артиллерийская // Инженерный журнал. 1904. № 6-7. С. 1013-1040.
[131] К двухсотлетию указа императрицы Анны Иоанновны об учреждении Первого кадетского корпуса. Изд. состоящей под почетным председательством Е.В. князя Гавриила Константиновича Юбилейной комиссии. Париж: Часовой, 1931.
[132] Тарсаидзе А.Г. Морской корпус за четверть века. 1901-1925. Нью-Йорк, 1944.

смотрена в книге «Колыбель флота», вышедшей в Париже в 1951 г.[133] Кроме того, следует упомянуть небольшую заметку М.Ю. Гаршина, посвященную развитию Школы математических и навигацких наук и Морской академии в начале XVIII в.[134]

В послевоенный период в Русском Зарубежье стали появляться исследования, выход в свет которых был приурочен к юбилеям отдельных корпусов[135]. Их содержание отлично от содержания классических дореволюционных исторических очерков военно-учебных заведений. Эмигрантским «корпусным историям» свойствен критический подход к анализу постановки учебно-воспитательной работы, большое внимание уделяется характеристике неофициальных традиций. Например, юбилейное издание, посвященное 150-летию Михайловского артиллерийского училища, фактически представляет собой очерк «внутренней» жизни училища. Его автором, выпускником училища М. Бугураевым, живо и красочно описаны традиции, обычаи и быт юнкеров[136].

В РСФСР и СССР в первые годы Советской власти, вследствие продекларированного отказа от наследия старых военно-учебных заведений, военно-культурный опыт кадетских корпусов и военных училищ практически не изучался. В обзоре деятельности Главного управления военно-учебных заведений, изданном в 1920 г., говорилось об успешном решении поставленной в 1917 г. задачи превращения военных училищ – «твердынь власти капитала и баронов» – в командные курсы – «кузницы победы рабоче-крестьянской революции»[137]. Отдельные аспекты функционирования дореволюционной военной школы анализировались в книгах, посвященных не военно-учебным заведениям, а другим вопросам.

---

[133] Колыбель флота. Навигацкая школа – Морской корпус. К 250-летию со дня основания Школы математических и навигацких наук. 1701-1951. Париж, 1951.

[134] Гаршин М.Ю. Навигацкая школа и Морская академия при Петре Великом // Морской журнал. 1938. № 130-131(10-11). С. 205-208(21-24).

[135] Одесский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус. 1899-1924. Нью-Йорк, 1974; Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус. 1888-1978. Сан-Франциско, 1978; Полоцкий кадетский корпус. Сан-Франциско: Глобус, 1982.

[136] Бугураев М. Михайловское артиллерийское училище. 150-летие основания. Издание Общества Михайловцев-артиллеристов в США, 1971.

[137] Главное управление военно-учебных заведений (ГУВУЗ). 1917-1920. Обзор деятельности. М., 1920.

Так, репрессивная педагогическая система Ф.И. Клингера была охарактеризована в книге Г.И. Чулкова о декабристах[138].

Полномасштабное изучение системы дореволюционного военного образования началось в 1943 г., когда было принято решение об открытии суворовских военных училищ. Общая характеристика кадетских корпусов была дана в диссертации М.Н. Жестковой[139], диссертации и статьях Н.И. Алпатова[140], вклад военно-учебных заведений в подготовку офицеров оценен в статье Л.М. Спирина[141]. Система подготовки офицеров в XIX в. рассмотрена в работе Л.Г. Бескровного[142]. Учебно-воспитательная работа в кадетских корпусах и военных гимназиях рассмотрена в монографии Н.И. Алпатова[143], которая стала крупнейшим достижением советской историографии в области изучения военно-учебных заведений. Краткая характеристика развития системы подготовки офицеров в XVIII – начале XX в. дана в научном реферате В.Б. Задорожного[144]. Наконец, теоретические основы военного образования и практическая деятельность по подготовке офицеров во второй половине XIX – начале XX в. рассмотрены в диссертационном исследовании С.В. Бордунова[145].

Стали появляться и исследования, посвященные отдельным военно-учебным заведениям. Характеристика Морского корпуса дана в коллективной работе «Там, за Невой, – моря и океаны», вышедшей в 1976 г.[146] Социокультурная характеристика Морского кадетского корпуса в начале XIX в. представлена в научно-популярной книге Г.М. Цуриковой[147].

---

[138] Чулков Г.И. Мятежники 1825 г. М.: Современные проблемы, 1925.
[139] Жесткова М.Н. История кадетских корпусов и военных гимназий в России: дис. … канд. ист. наук. М., 1944.
[140] Алпатов Н.И. Историческая справка о кадетских корпусах России в XIX столетии // Педагогика. 1944. № 1. С. 18-21; Алпатов Н.И. Очерки по истории кадетских корпусов и военных гимназий в России: дис. … д-ра пед. наук. Рязань, 1948.
[141] Спирин Л.М. Создание советских командных кадров // Военно-исторический журнал. 1965. № 7. С. 3-16.
[142] Бескровный Л.Г. Военное образование в России в XIX в. Доклад на секции военной истории XIII Международной конференции исторических наук. М., 1970.
[143] Алпатов Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа (из опыта кадетских корпусов и военных гимназий в России). М.: Учпедгиз, 1958.
[144] Задорожный В.Б. Из истории подготовки офицерских кадров России (Научный реферат). Новосибирск, 1990.
[145] Бордунов С.В. Развитие теории и практики подготовки офицерского состава в военной школе дореволюционной России второй половины XIX – начала XX в.: дис. … канд. пед. наук. М., 1991.
[146] Там, за Невой, – моря и океаны. История Высшего военно-морского ордена Ленина, Краснознаменного, ордена Ушакова училища им. М.В. Фрунзе. М.: Воениздат, 1976.
[147] Цурикова Г.М. Сто прапорщиков. К портрету одного поколения. Л.: Советский писатель, 1983.

Определенный интерес к истории военно-учебных заведений России продемонстрировали и зарубежные авторы. В 1987 г. в Хельсинки вышла книга английского историка Джона Скрина (John E.O. Screen), в которой обстоятельно рассмотрена история Гельсингфорского пехотного юнкерского училища[148]. В основу работы положен солидный корпус источников, в том числе материалы Центрального государственного военно-исторического архива СССР.

В начале 1990-х гг. вопросы деятельности дореволюционных военно-учебных заведений стали объектом пристального научного анализа. Стали появляться работы, посвященные как системе военно-учебных заведений в целом, так и основным направлениям ее деятельности, а также отдельным кадетским корпусам и военным училищам.

Краткий исторический очерк военно-учебных заведений представлен в исследовании Ю.А. Галушко и А.А. Колесникова[149]. Авторами дан анализ организационно-правовых основ деятельности военной школы, форм и методов учебно-воспитательной работы. Комплексный анализ деятельности отечественной военной школы с начала XVIII в. дан в монографии В.К. Грабаря[150]. Подробный анализ деятельности всех видов военно-учебных заведений России во 2-й половине XIX – начале XX в. содержится в монографии В.М. Коровина[151]. Преемственные традиции отечественного военного образования, сложившиеся в конце XVII – конце XX вв., рассмотрены в работе В.П. Жуковского[152].

Следует отметить, что в целом в современной историографии, как и прежде, продолжает господствовать «петровская легенда». В.И. Харламов, предпринявший комплексный анализ деятельности отечественной военной школы в XVIII – начале XX в., аксиомировал, что «вплоть до начала XVIII столетия вопрос о про-

---

[148] Screen J.E.O. The Helsinki Yunker School, 1846-1879: A case study of officer training in the Russian Army. Studia historica 22. Suomen historiallinen seura, Helsinki: Painokaari, 1986.
[149] Галушко Ю.А., Колесников А.А. Школа российского офицерства. Исторический справочник. М., 1993.
[150] Грабарь В.К. Вскормленные с копья. Очерки истории детского воинского воспитания. СПб.: Ф-т филологии и иск-в СПбГУ, 2009.
[151] Коровин В.М. Военное образование в Российской империи (середине XIX – начало XX в.): монография. Воронеж, 2009.
[152] Жуковский В.П. Военное образование в России: преемственность, опыт, традиции. Саратов: Саратовский государственный технический университет, 1999.

фессиональной подготовке офицеров русской армии даже не ставился»[153]. Этот тезис разделяется В.Г. Данченко и Г.В. Калашниковым, отмечавшим, что «к исходу XVII в. в стране отсутствовала как таковая подготовка офицерских кадров: большинству начальных людей солдатских, рейтарских, стрелецких полков было неведомо то, что в передовых европейских армиях знали и рядовые»[154]. В этой связи особо следует отметить работы современных исследователей А.А. Рогожина[155] и О.А. Курбатова[156], в которых дан обстоятельный анализ подготовки офицеров в рейтарском полку И. Фанбуковена. Указанные авторы, в отличие от большинства современных исследователей, связывающих начало подготовки офицеров с преобразованиями Петра I и созданием первых военных школ, поддержал тезис В.В. Каргалова о том, что рейтарские полки являлись первой военной школой.

Преимущественным вниманием современных историков пользуются кадетские корпуса. Обзор основных этапов истории российских кадетских корпусов дан в статье Е.А. Комаровского и Е.П. Комаровской[157]. Развитие сети кадетских корпусов в XVIII – начале XX в. прослежено в монографии А.М. Плеханова и А.А. Попова[158]. В.А. Гурковским создан ряд обобщающих работ, в которых представлена история как дореволюционных, так и зарубежных кадетских корпусов[159]. Из всех обобщающих исследований, посвященных кадетским корпусам, работы В.А. Гурковского, несмотря на их описательность, имеют наибольшую ценность. Краткий очерк истории дореволюционных и эмигрантских кадетских корпусов

---

[153] Харламов В.И. Русская военная школа (1700-1862). Т. 1. М.: Академия ПВ ФПС России, 1997. С. 39.

[154] Данченко В.Г., Калашников Г.В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 6.

[155] Рогожин А.А. Рейтары полка И. Фанбуковена. Создание в середине XVII века русских воинских формирований и подготовка для них командных кадров // Военно-исторический журнал. 2012. № 9. С. 21-25.

[156] Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656-58 гг. // Архив русской истории: Сборник Российского государственного архива древних актов. М., 2007. Выпуск 8. С. 157-197.

[157] Комаровский Е.А., Комаровская Е.П. К истории российских императорских кадетских корпусов // Российская цивилизация: история и современность: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 14. Воронеж: ГОУ ВГПУ, 2002. С. 32-56.

[158] Плеханов А.М., Попов А.А. Наследники Суворова: От кадетских корпусов России к суворовским военным училищам войск НКВД (МВД), КГБ СССР (1731-1960 гг.). Исторический очерк. 2-е изд. М.: Русаки, 2001.

[159] Гурковский В.А. Кадетские корпуса Российской Империи: В 2 т./Фонд содействия кадетским корпусам им. А. Йордана. М.: Белый Берег, 2005; Гурковский В.А. Российские кадетские корпуса за рубежом. М.: Белый берег, 2009; Гурковский В.А. Кадетские корпуса дореволюционной России. Как это было // Народное образование. 2010. № 4. С. 228-233; Гурковский В.А. Крымский кадетский корпус. 1920-1929 гг. // Вестник архивиста. 2010. № 2. С. 147-169;

дан в книге В.С. Новикова и Э.М. Филиппова[160]. Авторы акцентировали внимание на изменениях в организации учебно-воспитательной работы, вызванных колебаниями правительственного курса в области военного образования, достаточно подробно изучили формы заполнения досуга воспитанников. Подробный исторический очерк развития кадетских корпусов, в котором особый акцент сделан на традициях товарищества и братства, написан В.М. Меньшовым[161].

В ряде работ был дан подробный анализ состояния системы кадетских корпусов в отдельные периоды. Развитие кадетских корпусов в России в XVIII – 1-й четверти XIX в. рассмотрено в статье С.В. Мордашова[162]. Различным аспектам деятельности кадетских корпусов в конце XVIII – 1-й половине XIX в. (преимущественно социокультурным) посвящены многочисленные труды Н.Н. Ауровой[163], которая внесла большой вклад в изучение внутренней жизни кадетских корпусов. А.Г. Варфоломеевым проанализировано развитие кадетских корпусов в XIX – начале XX в.[164] Развитию кадетских корпусов в 1880-е – 1920-е гг. посвящена диссертация А.Л. Самовича[165]. Автор обстоятельно проанализировал деятельность кадетских корпусов в этот период, обратив особое внимание на их благотворительную функцию.

Некоторыми исследователями был рассмотрен вклад кадетских корпусов в подготовку офицеров определенных родов войск. В 1997 г. вышел капитальный труд В.И. Харламова, в котором всесторонне рассмотрена деятельность отечественных военно-учебных заведениях в 1700-1917 гг.[166] Автором проанализировано организационно-правовое развитие военно-учебных заведений, рассмотрена организация учебного процесса. Особый акцент сделан на подготовке офицерских

---

[160] Новиков В.С., Филиппов Э.М. Виват, кадеты! СПб.: ООО «СПб СРП «Павел» ВОГ», 2009.
[161] Меньшов В.М. Российские кадеты. СПб.: Береста, 2003. Т. 1-3.
[162] Мордашов С.В. Военное образование в России в XVIII – 1-й четверти XIX в. // Бомбардир. 2002. № 15. С. 74-80.
[163] Аурова Н.Н. Кадетские корпуса и политика правительства в системе военного образования в конце XVIII – середине XIX в. // Клио. Журнал для ученых. 2002. № 1. С. 155-160; Аурова Н.Н. Проблема подчинения в формировании личности будущего офицера: взаимоотношения начальника и воспитанника в кадетских корпусах в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. Новые научные направления. М.: РОССПЭН, 2005. С. 113-126.
[164] Варфоломеев А.Г. Кадетские корпуса России в XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Курск, 2005.
[165] Самович А.Л. Кадетские корпуса в России (80-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Минск, 2003.
[166] Харламов В.И. Русская военная школа (1700-1862). Т. 1. М.: Академия ПВ ФПС России, 1997; Харламов В.И. Русская военная школа (1863-1917). Т. 2. М.: Академия ПВ ФПС России, 1997.

кадров для пограничной охраны. В.М. Крылов в монографии «Кадетские корпуса и российские кадеты» уделил особое внимание подготовке офицерских кадров для артиллерии и инженерных войск[167].

Кроме исследований, посвященных системе образования в целом, появилось большое количество работ, в которых рассмотрены отдельные военно-учебные заведения.

Деятельность Школы математических и навигацких наук стала предметом анализа для ряда исследователей (И.М. Кузинец[168], О.А. Горощенова[169]). В.Н. Бенда в своих монографиях всесторонне исследовал устройство и работу Школы математических и навигацких наук, а также деятельность артиллерийских и инженерных школ в первой половине XVIII в.[170]

Превосходный беллетризированный очерк истории 1-го кадетского корпуса в XVIII – 1-й половине XIX в. представляет собой книга В.Г. Данченко и Г.В. Калашникова[171]. Авторы обратили внимание как на кадетские традиции, так и на бытовую сторону жизни воспитанников, обстоятельно рассмотрели вопросы организации обучения и воспитания. Существенным недостатком работы В.Г. Данченко и Г.В. Калашникова является отсутствие научно-справочного аппарата. Быт воспитанников 1-го кадетского корпуса и культурные традиции этого заведения рассмотрены в статье В. Рисс[172]. Малолетнее отделение 1-го кадетского корпуса стало предметом изучения О.С. Андреевой, посвятившей ему небольшую ста-

---

[167] Крылов В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998.

[168] Кузинец И.М. Зарождение в России регулярного военно-морского кораблестроительного образования // Елагинские чтения. Выпуск I. СПб.: Остров, 2003. С. 10-15.

[169] Горощенова О.А. Школа математических и навигацких наук в Москве (1701-1752 гг.) и ее продолжатели // Вопросы истории. 2005. № 10. С. 151-155.

[170] Бенда В.Н. Создание и развитие системы подготовки военных кадров в России в конце XVII – первой половине XVIII вв. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008; Бенда В.Н. Деятельность военно-специальных учебных заведений по подготовке артиллерийских и инженерных кадров в XVIII веке: монография. СПб.: ГУАП, 2009.

[171] Данченко В.Г., Калашников Г.В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.

[172] Рисс В. «И воцарилось здесь святилище науки…» или история Первого кадетского корпуса // Антикватория. 2007. № 3(25). С. 122-127.

тью[173]. Характеристика директоров, инспекторов классов и офицеров 1-го кадетского корпуса дана в статье А.А. Михайлова[174].

Пажескому корпусу посвящен ряд изданий. В 1993 г. вышла монография А.В. Канкрина «Мальтийские рыцари», в которой уделено особое внимание корпоративному чувству и традиции товарищества[175]. В предисловии к сборнику воспоминаний «Пажеский Его Императорского Величества корпус» говорится о развитии традиций учебно-воспитательной работы в разные периоды деятельности заведения, о корпоративном духе пажей и способах его поддержания[176]. Место Пажеского корпуса в системе военно-учебных заведений России показано О.А. Хазиным[177]. Социокультурные аспекты подготовки офицеров в Пажеском корпусе рассмотрены Г.С. Чувардиным, констатировавшим большой вклад данного учебного заведения в подготовку русской элиты[178].

Различным аспектам деятельности Морского корпуса посвящено большое количество исследований. Комплексное исследование развития системы морского образования в России предпринято И.М. Кузинцом[179], история Морского корпуса изучена Г.И. Зуевым[180]. С.И. Вахмистрова проанализировала меры, с помощью которых директор Морского корпуса в 1762-1802 гг. И.Л. Голенищев-Кутузов боролся с низкой успеваемостью и дурными нравами кадет[181].

---

[173] Андреева О.С. Малолетние воспитанники в Первом кадетском корпусе (по их воспоминаниям) // Петербургские чтения-96. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ. СПб., 1996. С. 367-369.

[174] Михайлов А.А. Офицеры и воспитатели 1-го кадетского корпуса в первой половине XIX в. // Петербургские чтения-96. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ. СПб., 1996. С. 399-401.

[175] Канкрин А.В. Мальтийские рыцари. М.: Московский рабочий, 1993.

[176] Пажеский Его Императорского Величества корпус. М.: Интербук-бизнес, 2004.

[177] Хазин О.А. Пажи, кадеты, юнкера: Исторический очерк (К 200-летию Пажеского Его Императорского Величества корпуса). 3-е изд., доп. М.: Издатель Воробьев А.В., 2006.

[178] Чувардин Г.С. Пажеский корпус как элитообразующая структура Российской империи в период правления императоров Александра III – Николая II // Научный диалог. 2012. № 4. С. 39-58.

[179] Кузинец И.М. Адмиралтейская Академия. М.: Изд. дом «Руда и металлы», 1998.

[180] Зуев Г.И. Историческая хроника Морского корпуса. 1701-1925. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005.

[181] Вахмистрова С.И. Вклад генерал-фельдмаршала И.Л. Голенищева-Кутузова в развитие военно-морского образования России (на примере Морского шляхетного кадетского корпуса) // Елагинские чтения. Вып. 1. СПб.: Остров, 2003. С. 16-23.

Корпус чужестранных единоверцев рассмотрен в работах Ю.Д. Пряхина[182]. Организация учебно-воспитательного процесса в этом заведении проанализирована в статье И.А. Вознесенской[183].

Провинциальным кадетским корпусам посвящен ряд диссертационных исследований. Псковский кадетский корпус рассмотрен в диссертации А.А. Михайлова[184], Михайловский-Воронежский кадетский корпус – в работе Е.А. Комаровского[185], Санкт-Петербургский Александра II кадетский корпус – в исследовании М.Ю. Боева[186]. Анализ исторического пути Суворовского кадетского корпуса дан в небольшой монографии О.А. Красавина[187]. Автор подробно рассматривает официальные традиции и традиции учебно-воспитательной работы, дает высокую оценку деятельности великого князя Константина Константиновича. Определенное внимание уделено характеристике и неофициальных традиций – «Звериады», товарищества, культа нарочитой грубости и физической силы. Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус рассмотрен в одном из разделов книги В.А. Гурковского о Горьковском суворовском военном училище[188]. Оренбургскому-Неплюевскому кадетскому корпусу посвящена статья О.Я. Бахаревой[189]. Деятельность Донского кадетского корпуса в 1917-1920 гг. рассмотрена В.В. Черновым[190]. В монографии П.И. Бригадина и А.М. Лукашевича деятельность военно-учебных заведений, располагавшихся на территории современной Беларуси (Шкловского

---

[182] Пряхин Ю.Д. История корпуса чужестранных единоверцев: эпизод балканской политики Екатерины II // Клио. 1999. № 1(7). С. 98-103; Пряхин Ю.Д. Корпус чужестранных единоверцев (Греческая гимназия) в Петербурге // Новый часовой. 1999. № 8-9. С. 39-47.

[183] Вознесенская И.А. Греческая гимназия при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе // Исторические традиции русско-сирийских культурных и духовных связей: миссия антиохийского патриарха Макария и дневники архидиакона Павла Алеппского. К 350-летию посещения патриархом Макарием Антиохийским и архидиаконом Павлом Алеппским Москвы. Четвертые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. Международная научная конференция. 9-10 ноября 2006 г. Материалы. М., 2006. С. 75-80.

[184] Михайлов А.А. Псковский кадетский корпус, 1882-1917 гг.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 1994.

[185] Комаровский Е.А. Михайловский Воронежский кадетский корпус в XIX веке: дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 1999.

[186] Боев М.Ю. Санкт-Петербургский Александра II кадетский корпус, 1886 - 1917 гг. Орел, 2003.

[187] Красавин О.А. В Суворовском кадетском корпусе. К 100-летию со дня основания. 1899-1999. М.: Менеджер, 1999.

[188] Горьковское суворовское военное училище / автор-сост. В.А. Гурковский. М.: Атлет-пресс, 2014.

[189] Бахарева О.Я. Из истории Оренбургского кадетского корпуса. 1825-1918 // Качество профессионального образования: Материалы XXVI преподавательской научно-практической конференции. Оренбург, 7-8 апреля 2004 г. Ч. 7: Исторические секции. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2004. С. 145-156.

[190] Чернов В.В. Донской Императора Александра III кадетский корпус в годы революции и гражданской войны // Краеведческие записки: Сб. науч. тр. / Музей истории Донского казачества. Новочеркасск, РОСТОВ-ОФСЕТ-ПРИНТ, 2002. Вып. 5. С. 67-83.

благородного училища, Полоцкого и Александровского-Брестского кадетских корпусов) показана в контексте общих тенденций развития военного образования[191]. Сибирскому корпусу посвящена статья В. Шулдякова[192].

Следует подчеркнуть, что во многих исследованиях, особенно краеведческого характера, уделяется большое внимание неофициальным традициям. Так, в работе М.К. Басханова, посвященной Омскому кадетскому корпусу, детально описаны традиция товарищества и обряд «похорон наук»[193].

Современная историография военных и юнкерских училищ весьма скудна. Деятельность юнкерских училищ рассмотрена в диссертации А.Ю. Журавлева[194]. Определенное внимание автором уделено и военно-культурным традициям – в частности, связанным с организацией досуга юнкеров. Анализируя неофициальные традиции училищ, А.Ю. Журавлев пришел к выводу, что «цук» в юнкерских училищах был мало распространен. Материалы диссертации А.Ю. Журавлева легли в основу монографии, написанной им в соавторстве с А.П. Исаевым и А.А. Михайловым[195]. Вклад Иркутского юнкерского училища в подготовку офицеров оценен Ю.М. Ращупкиным[196]. Кроме того, юнкерским училищам посвящена небольшая статья А. Назарова[197]. Различные аспекты учебно-воспитательной работы и досуговой работы в казачьих юнкерских училищах проанализированы в статье Д.В. Бобылева[198]. Александровскому военному училищу посвящена статья А.Ю. Бабурина, в которой главное внимание уделяется правилам приема и организации учебного процесса, однако затронуты и вопросы руководства литературным творчеством юнкеров (в рамках училищного журнала «Александровец»[199]).

---

[191] Бригадин П.И., Лукашевич А.М. Военная школа в Беларуси, XVIII – 1-я четверть XIX в. Мн.: Изд. центр БГУ, 2004.
[192] Шулдяков В. Первый в Сибири… // Омская старина. 1993. № 2. С. 3-19.
[193] Басханов М.К. «Имя гордое – российский кадет…» // Омский краевед. 2004. № 2. С. 62-75.
[194] Журавлев А.Ю. Подготовка обер-офицерского состава русской армии в юнкерских военных училищах второй половины XIX – начала XX в.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2008.
[195] Журавлев А.Ю., Исаев А.П., Михайлов А.А. Юнкерские училища в России во второй половине XIX – начале XX в. СПб.: Издательство СЗАГС, 2009.
[196] Ращупкин Ю.М. Из истории иркутских юнкеров // Ради жизни на земли: Сборник статей. Иркутск: Издательство «Оттиск», 2000. С. 90-94.
[197] Назаров А. «Господа юнкера, кем вы были вчера…» // Ориентир. 2000. № 2. С. 76-79.
[198] Бобылев Д.В. Военное образование казаков России в юнкерских училищах // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4(12). История. Вып. 29. С. 82-90.
[199] Бабурин А.Ю. Александровское военное училище // Московский журнал. История государства российского. 2006. № 9. С. 6-12.

Работы, посвященные военно-культурным традициям подготовки русского офицерства. В дореволюционный период внимание исследователей было по преимуществу приковано к официальным, культурным и учебно-воспитательным традициям военно-учебных заведений. Следует отметить, что достаточно большое количество работ носило публицистический характер и не содержало в себе элементов исторического анализа.

Развитие официальных (участие в парадах) и культурных (кадетский театр) традиций Сухопутного шляхетного кадетского корпуса в 1745-1751 гг. охарактеризовано в статье П.В. Петрова[200]. Педагогическая концепция Ф.-Е. Ангальта рассмотрена в статье без указания автора «Рекреационный зал Императорского Сухопутного кадетского корпуса в исходе прошлого столетия»[201].

Учебно-воспитательные традиции отечественной военной школы были проанализированы в работах М.С. Лалаева[202], П.А. Галенковского[203], В. Райковского[204]. Последний автор пытался противостоять распространенной в начале XX в. точке зрения о несостоятельности воспитательной системы кадетских корпусов, считая их идеальным средством подготовки командного состава.

«Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений», сыгравший значительную роль в умственном развитии кадет, рассмотрен в работах М. Соколовского[205]. В 1911 г., к столетию Царскосельского лицея, в 1822-1843 г. являвшегося военно-учебным заведением, вышла брошюра В.А. Бернацкого, в ко-

---

[200] Сухопутный кадетский корпус по «Журналам дежурных генерал-адъютантов». Сообщ. П.В. Петров // Педагогический сборник. 1898. № 5. Ч. неофиц. С. 520-522.

[201] Рекреационный зал Императорского Сухопутного кадетского корпуса в исходе прошлого столетия // Педагогический сборник. 1883. № 4. Ч. неофиц. С. 241-278.

[202] Лалаев М.С. Исторический обзор регламентации воспитания и обучения в наших военно-учебных заведениях от основания первых военных школ до последнего времени // Военный сборник. 1900. № 1. С. 114-140; № 2. С. 405-421.

[203] Галенковский П.А. Воспитание юношества в прошлом. Исторический очерк педагогических средств при воспитании в военно-учебных заведениях (в период 1700-1856 гг.). СПб., 1904.

[204] Райковский В. Военное воспитание. М., 1908.

[205] Соколовский М. Кадетский журнал полвека назад. Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, как повременное издание. 1836-1863. Историко-библиографический очерк. СПб., 1904; Соколовский М.К. Из истории кадетского журнала. Появление и первые годы издания журнала для чтения воспитанникам военно-учебных заведений и замена его впоследствии Педагогическим сборником. СПб., 1906.

торой в ряду прочих вопросов было рассмотрено подпольное литературное творчество воспитанников[206].

Традиции физического воспитания рассмотрены А.Д. Бутовским[207]. Кроме того, в 1887 г. в «Педагогическом сборнике» была опубликована статья, в которой давался краткий очерк развития гимнастических упражнений в кадетских корпусах[208].

Неофициальные традиции военной школы до революции историческому анализу не подвергались.

В советский период преимущественное внимание было уделено характеристике учебно-воспитательных традиций. В 1922 г. появился ряд статей, посвященных отдельным направлениям деятельности старых военно-учебных заведений[209]. В них говорилось о целесообразности использования дореволюционного опыта.

Новый импульс изучению традиций военно-учебных заведений был дан в 1943 г. О задаче возрождения и развития лучших традиций дореволюционных кадетских корпусов в суворовских училищах было сказано в очерке И. Василенко «Суворовцы», написанном вскоре после их открытия[210]. С педагогической точки зрения эта задача была рассмотрена Н.И. Алпатовым[211].

Однако в дальнейшем традициям дореволюционной военной школы большое внимание не уделялось. Можно отметить лишь статью Л. Капраловой, посвященную изучению развития культурных традиций (театрального творчества, руководства чтением) в Сухопутном шляхетном и 1-м кадетском корпусе в конце

---

[206] Бернацкий В.А. Императорский Александровский лицей в ведомстве военно-учебных заведений (Историческая справка ко дню столетнего юбилея Лицея). СПб., 1911.
[207] Бутовский А.Д. Телесные упражнения и внеклассные занятия в кадетских корпусах. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1898.
[208] По вопросу о ведении гимнастики в военно-учебных заведениях с кратким историческим обозрением развития этого дела // Педагогический сборник. 1887. № 4. С. 336-358; № 5. С. 414-428.
[209] Гамбурцев А. Строевое обучение в бывших юнкерских училищах и советских военных школах // Военное знание. 1922. № 10. С. 16-20; Александер Н. Учебное дело в военных училищах дореволюционного периода и в нынешних советских военных школах // Военное знание. 1922. № 10. С. 20-22.
[210] Василенко И. Суворовцы. Ростов н.-Д.: Ростовское областное книгоиздательство, 1945.
[211] Алпатов Н. Опыт кадетских корпусов – суворовским училищам // Пограничник. 1945. № 20. С. 44-48.

XVIII – начале XIX в.[212] В данной работе проанализировано негативное влияние репрессивной политики на культурную жизнь кадет в начале XIX в.

Зато русскими эмигрантами, выпускниками кадетских корпусов Русского Зарубежья, издано большое количество статей, посвященных кадетским традициям[213]. Кроме того, описанию традиций уделили существенное внимание составители книги «Кадетские корпуса за рубежом».

В постсоветской России традиции военно-учебных заведений стали активно изучаться. Общая характеристика корпусных традиций содержится в статье В.М. Крылова[214]. Монография В.М. Крылова, написанная в соавторстве с В.В. Семичевым, посвящена образовательным и культурным традициям кадетских корпусов, а также духовно-нравственным и патриотическим традициям воспитанников[215]. Это единственная крупная работа, специально посвященная традициям военно-учебных заведений. Однако образовательные и культурные традиции в ней показаны как общий социокультурный фон работы военно-учебных заведений, без какого-либо акцента на отдельных традициях, а «служение Отечеству, высокий профессионализм, образованность и эрудиция, чувство войскового товарищества, порядочность и честь», представленные как духовно-нравственные и патриотические традиции воспитанников кадетских корпусов, на самом деле являются принципами учебно-воспитательной работы.

Большое количество исследований посвящено отдельным военно-культурным традициям, сложившимся в рамках системы дореволюционного военного образования. Об обмундировании юнкеров говорится в статье В. Петракова[216]. Знамена кадетских корпусов стали предметом изучения для Е.П. Комаров-

---

[212] Капралова Л. Запрещенная хрестоматия // В мире книг. 1975. № 12. С. 88-89.

[213] Бодиско В. Кадетские традиции // Кадетская перекличка. Декабрь 1994 – март 1995 гг. № 55-56. С. 53-59; Бертельс-Меньшой А. О традициях // Кадетская перекличка. 1972. № 3. С. 42-43.

[214] Крылов В.М. Кадетские корпуса и их славные традиции // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вологда, 2000. Часть 2. С. 38-43.

[215] Крылов В.М., Семичев В.В. Званье скромное и гордое кадет. Исторические и культурные традиции кадетских корпусов России: Монография. СПб.: Петербург – XXI век, 2004.

[216] Петраков В. Обмундирование юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища // Цейхгауз. 2002. № 2(18). С. 29-37 и 48.

ской[217]. Нагрудные знаки и жетоны кадетских корпусов рассмотрены в исследованиях М.С. Селиванова[218] и В.М. Крылова и Е.Н. Шевелевой[219]. Нагрудные знаки военных училищ, созданные во время Гражданской войны и в эмиграции, стали предметом изучения Р.Б. Овчинникова, посвятившим им небольшую статью[220]. Памятные знаки и жетоны военно-учебных заведений, размещавшихся в эмиграции на территории Китая, подробно описаны в монографии А.М. Буякова[221]. Наградные медали кадетских корпусов изучены в монографии А.А. Кузнецова и Н.И. Чепурнова[222]. Роль военных символов (формы, знамен, знаков, жетонов) в воспитательном процессе изучена С.Н. Смирновым[223].

Обстоятельный сравнительно-исторический анализ форм и методов учебно-воспитательной работы в российской военной школе дал в своей монографии Н.С. Костоусов[224]. Им выделены сильные и слабые стороны педагогических концепций И.И. Бецкого, Ф.Е. Ангальта, М.И. Голенищева-Кутузова, Д.А. Милютина, выявлены достоинства и недостатки организации военного воспитания кадет в конце XIX и начале XX в. Автор высказывает мнение об ошибочности демилитаризации военного образования, предпринятой И.И. Бецким, Ф.Е. Ангальтом и Д.А. Милютиным и приходит к выводу, что, хотя назначение в 1900 г. Главным начальником военно-учебных заведений великого князя Константина Константиновича «ознаменовало начало возвышения системы кадетского образования до уровня явления национальной культуры»[225], деструктивные процессы в российском обществе привели к снижению нравственной культуры кадет и юнкеров.

Традиции учебно-воспитательной работы в настоящее время являются наиболее изученными. В 2008 г. были изданы две монографии А.В. Беляева, в кото-

---

[217] Комаровская Е.П. Знамена российских императорских кадетских корпусов // Военно-исторический архив. 2003. № 12. С. 131-147.
[218] Селиванов М. Нагрудные знаки и жетоны военных учебных заведений Российской императорской армии. М.: Любимая книга, 2007.
[219] Крылов В.М., Шевелева Е.Н. Нагрудные знаки и жетоны кадетских корпусов России. СПб.: ЭГО, 1997.
[220] Овчинников Р.Б. О знаках Белых юнкеров // Доброволец-XX век. 2004. № 2(4). С. 48-51.
[221] Буяков А.М. Знаки и награды российских эмигрантских организаций в Китае (Дайрен, Тяньцзинь. Харбин, Хуньчунь, Цинаньфу, Шанхай), 1921-1949 гг.: материалы к справочнику. Владивосток: Русский остров, 2005.
[222] Кузнецов А.А., Чепурнов Н.И. Наградная медаль. В 2-х т. Т. 1: 1701-1917. М.: Патриот, 1992.
[223] Смирнов С.Н. Символика как средство воспитания патриотических чувств (на опыте воспитания в кадетских корпусах): Монография / под ред. Б.В. Куприянова. Кострома: Авантитул, 2008.
[224] Костоусов Н.С. Кадетское образование: прошлое, настоящее, будущее. Монография. Изд-во Уральского государственного педагогического университета. Екатеринбург, 2008.
[225] Костоусов Н.С. Указ соч. С. 172.

рых преимущественное внимание было уделено вопросам организации учебно-воспитательной работы в кадетских корпусах[226]. Основные тенденции развития учебно-воспитательной работы в отечественной военной школе в XVIII – начале XX в., как позитивные, так и негативные, выявлены в статье А.В. Фадеева[227]. Комплексное исследование системы воспитания в кадетских корпусах осуществлено Л.В. Яковлевой[228].

Постановка учебно-воспитательного дела в кадетском корпусе в 1730-е гг. описана в статье О.С. Андреевой и Ю.Н. Беспятых[229]. Учебная и воспитательная работа в российских военно-учебных заведениях XVIII в. обстоятельно изучена В.Н. Бендой[230]. Содержание кадетского образования в XVIII в. отражено в работе Ю.В. Трубинова[231]. Просветительской образовательной парадигме екатерининской эпохе посвящено исследование О.С. Борисова[232]. Методы преподавания иностранных языков в кадетских корпусах в XVIII в. изучены в статье Е.М. Лупановой[233]. Эволюция системы воспитания в кадетских корпусах и военных гимназиях рассмотрена в диссертации Ю.В. Кожухова[234]. Комплексному анализу образовательной и особенно воспитательной системы кадетских корпусов посвящена статья А.Н. Шевелева[235]. Обзор основных этапов развития системы нравственного воспитания в отечественной военной школе с начала XVIII в. до настоящего вре-

---

[226] Беляев А.В. Кадетские корпуса дореволюционной России: опыт организации педагогических отношений: монография. Ставрополь: Сервисшкола, 2008; Беляев А.В. Кадетские корпуса России: история и современность: монография. Ставрополь: Сервисшкола, 2008.

[227] Фадеев А.В. Офицер как педагог-воспитатель в российской армии: исторический аспект отечественной военной школы // Новая и новейшая история России в оценках современников. Сб. науч. трудов. Рязань, 2004. С. 108-116.

[228] Яковлева Л.В. Система воспитания будущих офицеров в военно-учебных заведениях Российской империи // Инновации в образовании. 2010. № 10. С. 129-137; Яковлева Л.В. Педагогические особенности воспитания кадетов и юнкеров в военно-учебных заведениях Российской империи: дис. … канд. пед. наук. Воронеж, 2011.

[229] Андреева О.С., Беспятых Ю.Н. Шведская рукопись о Первом кадетском корпусе при Анне Иоанновне // Петербургские чтения-95. Материалы научной конференции 22-26 мая 1995 г. СПб., 1995. С. 44-46.

[230] Бенда В.Н. Особенности организации учебного процесса в Сухопутном кадетском корпусе в первой половине XVIII в. // Клио. 2009. № 4(47). С. 123-126.

[231] Трубинов Ю.В. Кадет мнимый и кадет истинный. Был ли Григорий Орлов в кадетском корпусе? // Петровское время в лицах. 2006. С. 230-237.

[232] Борисов О.С. Военные и военщина // Военные традиции России: история, психология, культура: Материалы междунар. науч. конф., 21-22 дек., 2000 г., Санкт-Петербург. СПб.: Нестор, 2000. С. 17-19.

[233] Лупанова Е.М. К вопросу о методике преподавания иностранных языков в России XVIII в. // Иностранные языки в школе. 2010. № 1. С. 3-6.

[234] Кожухов Ю.В. Проблема взаимоотношений между воспитателями и воспитанниками в учебных заведениях закрытого типа (на материале кадетских корпусов и военных гимназий): дис. … канд. пед. наук. М., 1996.

[235] Шевелев А.Н. Система мужского дворянского воспитания в России XVIII-XIX веков в педагогике кадетских корпусов // История педагогики сегодня. СПб., 1998. С. 95-120.

мени представлен в работе Н.С. Костоусова, А.А. Абзалова и И.А. Зубарева[236]. Историко-педагогический анализ организации нравственного воспитания в кадетских корпусах дан И.М. Дугиным[237]. Вопросы нравственного воспитания в николаевских корпусах проанализированы в работе С.А. Булина[238]. Позитивные и негативные традиции воспитания морально-волевых качеств кадет рассмотрены в диссертационном исследовании И.А. Уварова[239]. Образовательная парадигма николаевских кадетских корпусов и ее критика Д.А. Милютиным рассмотрены в статье П.С. Солоницына[240]. Педагогическим взглядам Д.А. Милютина, реализованным в ходе военно-учебной реформы, посвящена статья А.М. Васильева[241]. Развитие гуманитарной составляющей в подготовке кадет и юнкеров прослежено в работе В.А. Данилова[242]. Учебно-воспитательная работа в военных гимназиях рассмотрена в работах Ю.Л. Сотникова[243].Специфика организации воспитательного процесса в кадетских корпусах в начале XX в. выявлена В.М. Курмышовым[244]. Образовательным инновациям в военно-учебных заведениях начала XX в. посвящена статья О.Ю. Ефремова и И.И. Шуманского[245]. Вопросы, связанные с учебной и учебно-воспитательной работой в военных и юнкерских училищах, рассмотрены в диссертационном исследовании В.Ф. Каморникова[246]. Проблемы, вызванные необходимостью военного воспитания кадет, рассмотрены в статье

---

[236] Костоусов Н.С., Абзалов А.А., Зубарев И.А. Генезис нравственного воспитания в отечественном кадетском образовании // Образование и наука. Известия Уральского отделения РАО. Журнал теоретических и прикладных исследований. 2006. № 6. С. 27-35.

[237] Дугин И.М. Нравственное воспитание учащихся кадетских корпусов России (историко-педагогический анализ). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, 2006.

[238] Булин С.А. Формирование нравственных идеалов русского офицерства в кадетских корпусах 30-50-х гг. XIX в. // История национальной безопасности России. Материалы 39-й Всероссийской заочной научной конференции. СПб.: Нестор, 2005. С. 96-105.

[239] Уваров И.А. Воспитание морально-волевых качеств кадетов военно-учебных заведений дореволюционной России: дис. … канд. пед. наук. М., 1996.

[240] Солоницын П.С. Апологеты и критики Николаевской военной школы // Платоновские чтения. Самара, 1998. Вып. 1. С. 45-49.

[241] Васильев А.М. Реализация идеи Д.А. Милютина в реформе военно-учебных заведений 60-70-х гг. XIX в. // Военная реформа в России: история и современность: Доклады. Екатеринбург, 2002. С. 48-57.

[242] Данилов В.А. «Учение сделать простым, живым, заманчивым, а не запутанным и не схоластическим». Гуманитарное образование в военно-учебных заведениях России // Военно-исторический журнал. 2003. № 2. С. 30-34.

[243] Сотников Ю.Л. Опыт учебно-воспитательной работы в военных гимназиях России второй половины XIX века. Люберцы, 1996; Сотников Ю.Л. Воспитание нравственных ориентиров в военных гимназиях России второй половины XIX века. Люберцы: Векос, 1997.

[244] Курмышов В.М. Факторы, определяющие содержание воспитательного процесса в кадетских корпусах русской армии в начале XX в. // Клио. 2008. № 3(42). С. 79-84.

[245] Ефремов О.Ю., Шуманский И.И. Становление экспериментальной психологии и педагогики в ведомстве военно-учебных заведений России в начале XX века // Вестник психотерапии. 2006. № 18. С. 152-158.

[246] Каморников В.Ф. Учебная и учебно-воспитательная работа в военных и юнкерских училищах России (1863-1917 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 2008.

В.А. Рословой и Л.А. Сугай[247]. Воспитательный режим в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в 1830-е гг. рассмотрен в работе Е.Н. Рябова[248]. Традиции воспитания, сложившиеся в Морском корпусе, проанализированы в статье Ю.Д. Пряхина[249]. Традициям духовно-нравственного воспитания в военно-учебных заведениях посвящены монография Е.В. Голощаповой[250], статья А.С. Сушанского и О.А. Анашкина[251]. Просветительская деятельность Ф.Е. Ангальта обстоятельно рассмотрена Н.А. Копаневым, который, рассмотрев составленные им нравоучительные послания, пришел к выводу о том, что директор «пытался трансформировать военное учебное заведение в подобие Академий Платона или Аристотеля, основываясь на новейших педагогических открытиях эпохи Просвещения»[252]. В работе О.С. Андреевой показано отношение воспитанников 1-го кадетского корпуса к начальникам заведения и дан социокультурный портрет директоров корпуса, основанный на воспоминаниях бывших кадет[253].

Достаточно хорошо изученными являются и культурные традиции. Музей Русского кадетского корпуса охарактеризован в работе Г.П. Камневой и С.А. Сотникова[254]. Библиотеке Сухопутного шляхетного корпуса дана характеристика в статье А.М. Чеботарева[255], а вопросы ее комплектования в XVIII в. обстоятельно рассмотрены П.И. Хотеевым[256]. Внеклассным занятиям кадет (музыке, домашним

---

[247] Рослова В.А., Сугай Л.А. «Кадеты» Куприна и проблема кадетского воспитания порубежных эпох // На рубежах эпох: жизни и парадигмы культуры. Сб. научных трудов. Выпуск 2. М., 2005. С. 36-45.

[248] Рябов Е.Н. О пребывании Лермонтова в Школе Гвардейских подпрапорщиков и Кавалерийских юнкеров // Вопросы биографии М.Ю. Лермонтова. Научно-публикаторский журнал. 2006. № 1. С. 19-85.

[249] Пряхин Ю.Д. Воспитание в системе подготовки офицеров флота России (XVIII-XIX вв.). К 300-летию военно-морского образования в России // Клио. 2001. № 1(13). С. 169-172.

[250] Голощапова Е.В. Духовно-нравственное воспитание в кадетских корпусах России во второй половине XIX – начале XX века. Ульяновск: Вектор-С, 2009.

[251] Сушанский А.С., Анашкин О.А. Теоретические основы духовно-нравственного воспитания в военно-учебных заведениях России XVIII – начала XX вв. // Православие в исторических судьбах Юга России. Вып. 16. Сборник статей. Ростов н/д, 2003. С. 180-204.

[252] Копанев Н.А. «Завтрак Кадетского Корпуса», или Утренние послания генерала Ф.Е. Ангальта // Вторые Лупповские чтения. СПб., 2005. С. 89-99.

[253] Андреева О.С. Портрет директора глазами кадета. По воспоминаниям воспитанников Первого кадетского корпуса // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию Достопамятного зала. Ч. 2. СПб.: ВИМАИВиВС, 2006. С. 3-7.

[254] Камнева Г.П., Сотников С.А. Историко-культурные проекты в системе воспитания детей и юношества российской эмиграции в XX веке // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. Научный журнал. 2009. № 3. С. 40-45.

[255] Чеботарев А.М. Информационно-просветительная деятельность Императорского Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса во второй половине XVIII в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2. История. 2008. Вып. 1. С. 47-50.

[256] Хотеев П.И. К истории поставок книг в Сухопутный шляхетный кадетский корпус в середине XVIII в. // Книга в России. Проблемы источниковедения и историографии. Сборник научных трудов. СПб., 1991. С. 122-124.

театральным постановкам и проч.), литературно-музыкальным вечерам и балам посвящена подробная статья С.М. Филаретовой[257]. Поэтическое творчество воспитанников 1-го кадетского корпуса в начале XX в. проанализировано в статье А.А. Михайлова[258]. Традиция школьной журналистики в кадетских корпусах затронута в работе А. Замостьянова[259]. Музыкальному воспитанию воспитанников военно-учебных заведений в XVIII – начале XX в. посвящены диссертация В.В. Семичева, уделившего особое внимание развитию музыкальной культуры в 1-м кадетском корпусе[260], и работы В. Адищева[261]. Вопросы музыкального образования кадет затронуты и в диссертационном исследовании Т.К. Маякина, посвященном военно-музыкальной культуре в целом[262]. Музыкальное воспитание казаков в дореволюционных кадетских корпусах, размещавшихся в Оренбурге, проанализировано в монографии Н.И. Кашиной[263]. Развитие традиций казачьей музыкальной культуры в Сибирском корпусе рассмотрено М. Белокрысом[264]. Художественное образование воспитанников Сухопутного шляхетного кадетского корпуса проанализировано в статье И.Г. Романычевой[265]. Обучение танцам в Сухопутном шляхетном корпусе – «колыбели русского балета» – рассмотрено в статье М.И. Алексеевой[266].

Наконец, следует отметить достаточно высокую степень изученности неофициальных традиций. Подробное описание неофициальных кадетских тради-

---

[257] Филаретова С.М. Кадетский досуг // Бремя развлечений: Otium в Европе. XVIII-XX вв. / Отв. ред. Е.В. Дуков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 178-188.

[258] Михайлов А.А. Поэтическое творчество кадетов 1-го Санкт-Петербургского кадетского корпуса // Русская литература XI-XX вв. Проблемы изучения. Тезисы докладов научной конференции молодых ученых и специалистов 29-30 апреля 1992 г. СПб., 1992. С. 31-32.

[259] Замостьянов А. Кадетская перекличка. Кадетские корпуса: пресса, учебные книги, перспектива // Народное образование. 2009. № 4. С. 236-239.

[260] Семичев В.В. Музыкальное воспитание в системе военного образования России, 1700-1917 гг.: автореф. дис. … канд. пед. наук. СПб., 1994.

[261] Адищев В. Музыка в кадетских корпусах России // Искусство в школе. 2007. № 1. С. 38-39.

[262] Маякин Т.К. Военно-музыкальная культура России (историко-культурологический анализ): дис. … канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2010.

[263] Кашина Н.И. Музыкальная культура казачества в формировании культурной идентичности казаков-кадет: монография. М.: Издательство «Спутник+», 2013.

[264] Белокрыс М. Когда поют казаки… (из музыкального прошлого кадетского корпуса) // Омская старина. 1993. № 2. С. 48-56.

[265] Романычева И.Г. Художественное образование в военных учебных заведениях в доакадемический период // Проблемы развития зарубежного искусства. Научная конференция памяти М.В. Доброклонского. СПб., 1999. С. 69-72.

[266] Алексеева М.И. Основание Петербургской балетной школы // Петербургские чтения – 95. Материалы научной конференции 22-26 мая 1995 г. СПб., 1995. С. 42-44.

ций дано в книге И.Н. Лощилова[267] и диссертационных исследованиях Е.А. Комаровского[268] и Е.В. Климашкиной[269]. Кроме того, негативные традиции затронуты А.А. Михайловым в серии его статей, посвященной «внутренней» жизни кадетских корпусов[270]. Традиции «закальства» и негативного отношения к преподавателям и воспитателям подробно охарактеризованы в диссертации Ю.В. Кожухова[271]. Быт и нравы кондукторов Главного инженерного училища проанализированы В.Е. Французовым[272]. Автор уделил особое внимание традиции подчинения младших воспитанников старшим и традиции негативного отношения к начальству. Комплексный анализ традиции «цука» и других неофициальных традиций Николаевского кавалерийского училища представлен в монографии Р.В. Смирнова – единственном исследовании, специально посвященном неуставным взаимоотношениям юнкеров[273]. Неофициальные традиции военных училищ и кадетских корпусов затронуты в статье С.А. Дерепко и С.П. Желтобрюха[274]. Влияние беженских условий на неофициальные традиции кадетских корпусов проанализировано в работах А. Квакина[275], С. Волкова и В. Лобыцына[276]. Влияние культурных традиций дореволюционных военно-учебных заведений на советскую военную школу показано в монографии А.А. Михайлова, посвященной кадетскому ракетно-артиллерийскому корпусу[277].

---

[267] Лощилов И.Н. Ах, друзья мои кадеты. М.: Издательство «Витязь» АОЗТ «Пересвет», 1993.

[268] Комаровский Е.А. Михайловский Воронежский кадетский корпус в XIX веке: дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 1999.

[269] Климашкина Е.В. Источники изучения педагогического опыта кадетских корпусов и военных гимназий дореволюционной России. Дис…. канд. пед. наук. Ставрополь, 2006.

[270] Михайлов А. Жизнь под барабан // Родина. 2003. № 1. С. 71-78; Михайлов А. Шляхетный корпус // Родина. 1997. № 5. С. 52-58; Михайлов А.А. Российские кадетские корпуса // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 124-136.

[271] Кожухов Ю.В. Проблема взаимоотношений между воспитателями и воспитанниками в учебных заведениях закрытого типа (на материале кадетских корпусов и военных гимназий): дис. … канд. пед. наук. М., 1996.

[272] Французов В.Е. Быт и нравы Николаевского Инженерного училища // Михайловский замок. СПб.: «Белое и черное», 2001. С. 217-248.

[273] Смирнов Р.В. «Дикий обычай» Славной гвардейской школы. Цук и другие традиции Николаевского кавалерийского училища. М.: Любимая книга, 2010.

[274] Дерепко С.А., Желтобрюх С.П. Характеристика профессионального менталитета юнкеров военных учебных заведений дореволюционной России // Развитие профессионального образования в Ярославской области: история и современность: Материалы международной конференции «Чтения Ушинского» 4-5 марта 2003 года, посвященной 200-летию высшей школы в г. Ярославле и 95-летию ЯГПУ. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2003. С. 109-118.

[275] Квакин А. Клуб самоубийц. Документальная историко-психологическая драма // Новый журнал. 2003. № 233. С. 139-159.

[276] Волков С., Лобыцын В. Вполне дурацкая история // Родина. 2003. № 3. С. 75-77.

[277] Михайлов А.А. Кадетский ракетно-артиллерийский корпус. 200 лет истории. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007.

В связи с воссозданием кадетских корпусов в современной России на повестке дня оказался вопрос о преемственности военно-культурных традиций. Развитие традиций дореволюционных кадетских корпусов в кадетских корпусах Русского Зарубежья рассмотрел в своей статье А.Ю. Голубев[278]. В книге «Суворовские, нахимовские…», составленной Г.П. Толокольниковым, показана преемственная связь между учебно-воспитательными и культурными традициями дореволюционных кадетских корпусов и военно-культурными традициями суворовских военных училищ[279]. В.Н. Боков и А.С. Максимов, напротив, отрицают генетическое родство между кадетскими корпусами и суворовскими военными училищами[280]. Промежуточную позицию занимает С. Дарков, считающий, что суть дореволюционных учебно-воспитательных традиций была деформирована господствующей коммунистической идеологией, однако неофициальные отношения суворовцев были весьма схожи с кадетскими[281]. Возрождению традиций дореволюционных и эмигрантских кадетских корпусов в современных военно-учебных заведениях посвящены статьи Ю.Г. Галанина[282], А.Ю. Голубева[283], Н.С. Костоусова и Н.П. Мураева[284]. О форме и символике современных кадетских корпусов, ритуале прибивки знамени говорится в работе С.Н. Смирнова[285]. В.М. Крылов и С.А. Лазарев разработали систему символики современных суворовских училищ и кадетских корпусов, основанную на исторических традициях дореволюционных военно-учебных заведений (в частности, обязательным элементом, как и в старых кадетских корпусах, являлось «сияние»[286]).

Исследования, посвященные отдельным лицам, связанным с системой подготовки офицеров. Труды данной группы, к сожалению немногочисленны.

---

[278] Голубев А.Ю. К вопросу о кадетском образовании в России // Военная мысль. 2008. № 7. С. 70-80.
[279] Суворовские, нахимовские…/ Авт.-сост. Г.П. Толокольников. М.: Лель 93, 2003.
[280] Боков В.Н., Максимов А.С. Наследники русской славы. СПб.: СПбСВУ, 2005.
[281] Дарков С.К. Кадетские корпуса. Суворовские военные училища. Продолжение традиций? М.: ЕВСТИ, 2011.
[282] Галанин Ю.Г. Кадетские учебные заведения – возрождение традиций // Стандарты и мониторинг в образовании. 2007. № 3. С. 9-12.
[283] Голубев А.Ю. К вопросу о кадетском образовании в России // Военная мысль. 2008. № 7. С. 70-80.
[284] Костоусов Н.С., Мураев Н.П. Концептуальные положения кадетского образования // Педагогическое образование и наука. 2008. № 2. С. 46-50.
[285] Смирнов С.Н. Символика кадетского корпуса в военно-патриотическом воспитании подростков // Народное образование. 2010. № 4. С. 238-242.
[286] Крылов В.М., Лазарев С.А. К вопросу о символике суворовских военных училищ и кадетских корпусов современной России // Гербовед. 2000. № 5 (43). С. 40-42.

Развитие учебно-воспитательной работы в русской военной школе в XVIII в. и просветительская педагогическая парадигма И.И. Бецкого рассмотрены в биографическом очерке Бецкого, составленном П.И. Майковым[287]. М.С. Лалаевым был издан «Очерк жизни и деятельности в бозе почивающего великого князя Михаила Павловича», в котором большое внимание было уделено деятельности великого князя в качестве главы военно-учебного ведомства[288]. П.И. Дараган, автор краткого биографического очерка председателя Главного Военного Суда генерала от инфантерии А.Л. Данзаса, отметил низкий уровень преподавания наук в Пажеском корпусе в 1820-е гг.[289]

В биографических исследованиях, созданных в советский период, военно-культурные традиции затрагивались лишь фрагментарно. Так, В.И. Карпец в своей книге о Ф.Н. Глинке дал краткую характеристику системе воспитания в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе в конце XVIII в.[290] Работы Г.П. Богоявленского и Р.Е. Альтшуллера посвящена педагогической системе, введенной М.И. Кутузовым в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе[291]. Педагогическая деятельность Н.Г. Чернышевского во 2-м кадетском корпусе рассмотрена А.А. Демченко[292].

Из современных работ следует назвать вышедшую в 2009 г. книгу А.Я. Чадаевой «Великий князь Константин Константинович Романов и его дети»[293], в которой дана высокая оценка деятельности великого князя на посту Главного начальника военно-учебных заведений, показано его благотворное влияние на кадет, на их учебные успехи, обычаи и нравы. Небольшая глава «Отец всех кадет» есть в биографическом очерке великого князя, написанном Н.Д. Чернышовой-Мельник, также высоко оценившей итоги деятельности К.Р. на посту Главного начальни-

[287] Майков П.И. Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904.
[288] Лалаев М.С. Очерк жизни и деятельности в бозе почивающего великого князя Михаила Павловича. К столетию со дня его рождения. 1798-1898. СПб., 1898.
[289] Дараган П.И. Александр Логинович Данзас // Исторический вестник. 1880. № 4. С. 885-888.
[290] Карпец В.И. Федор Глинка. М.: Молодая гвардия, 1983.
[291] Богоявленский Г.П. М.И. Кутузов на посту директора военно-учебных заведений // Советская педагогика, 1943. №7. С. 32-34; Альтшуллер Р.Е. Кутузов как военный педагог – директор кадетского корпуса // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. М.: Наука, 1969. С. 251-262.
[292] Демченко А.А. Н.Г. Чернышевский во Втором кадетском корпусе (по новым материалам) // Русская литература. 1984. № 1. С. 211-215.
[293] Чадаева А.Я. Великий князь Константин Константинович Романов и его дети. М.: Редакция журнала «Москва», 2009.

ка[294]. Директору Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса П.И. Мелиссино посвящен ряд статей Ю.Д. Пряхина[295].

Кроме того, учебно-воспитательный режим, быт и традиции Николаевского кавалерийского училища описаны А. Шкваровым в развернутом биографическом очерке К.Г. Маннергейма[296], а общая характеристика Морского корпуса и военных училищ в начале XX в. дана А.В. Жуковым – биографом барона Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга[297].

Таким образом, исследуемая тема имеет богатую историографию. Анализ существующей литературы показывает, что наиболее детально изучены традиции организации учебно-воспитательной и культурно-досуговой работы. В меньшей степени вниманием исследователей охвачены официальные и неофициальные традиции. Однако несмотря на то, что отдельные аспекты военно-культурных традиций, оказывавших влияние на подготовку русского офицерства, достаточно хорошо изучены, обобщающего исследования по этому вопросу нет. Настоящая работа призвана по возможности заполнить эту лакуну в отечественной историографии.

1.2. Источники

Изучение такой сложной и многоаспектной темы, как военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса, предполагает обращение к широкому кругу разнообразных по характеру и происхождению источников.

Источники, на которых основано настоящее диссертационное исследование, можно разделить на следующие группы: 1) нормативные документы; 2) делопроизводственные документы; 3) военно-педагогические труды; 4) материалы периодической печати; 5) издания военно-учебных заведений и объединений их выпу-

[294] Чернышова-Мельник Н.Д. Баловень судьбы. История жизни Константина Романова. М.: ЭНАС, 2008.
[295] Пряхин Ю.Д. Грек Петр Мелиссино в истории Санкт-Петербурга // История Петербурга. 2004. № 3(19). С. 24-29; Пряхин Ю.Д. Генерал от артиллерии Петр Мелиссино // Новый часовой. 2004. № 15-16. С. 282-289.
[296] Шкваров А. Генерал-лейтенант Маннергейм. Рожден для службы царской… летопись кавалерийских полков из послужного списка барона Маннергейма. СПб.: Алетейя, 2011.
[297] Жуков А.В. Барон Унгерн. Даурский крестоносец или буддист с мечом. М.: Вече, 2013.

скников; 6) источники личного происхождения; 7) художественная литература; 8) фольклор.

Нормативные документы. К нормативным документам, использованным в процессе выполнения настоящей работы, относятся многочисленные законодательные акты, регламентировавшие деятельность военно-учебных заведений и опубликованные в Полном собрании законов Российской империи и Сводах военных постановлений 1838, 1859 и 1869 гг. Использованы также отдельные приказы по военному ведомству, опубликованные в официальной части «Педагогического сборника». Существенный интерес представляют приказы Главного начальника Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка (Главного начальника военно-учебных заведений), издававшиеся типографским способом в 1834-1917 гг., а также циркуляры и приказания по военно-учебным заведениям. Приказы Главного начальника представляют собой ценнейшее дополнение к правовой базе деятельности военно-учебных заведений, содержащейся в Сводах военных постановлений. Кроме того, использованы многочисленные наставления и инструкции по учебной и воспитательной частям для кадетских корпусов, военных гимназий и военных училищ[298], а также инструкции и наставления, принятые руководителями отдельных военно-учебных заведений[299]. Особняком стоят уста-

[298] Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. Высочайше утверждено 24 декабря 1848 г. СПб., 1849; Инструкция по воспитательной части для военных гимназий, однородных с ними заведений и военных прогимназий. Устройство внутреннего порядка. Основные правила физического и нравственного воспитания. Общие обязанности воспитателей. Изд. на основе Свода военных постановлений, 1869 г., книги XV, ст. 210, 229, 632, 65, 695 и примеч. к ст. 288, по II продолжению. СПб., 1881; Общая программа и инструкция для преподавания учебных предметов в военных гимназиях и однородных с ними заведениях. Руководящие указания. Частные программы по всем учебным предметам. Перечни учебных пособий. Изд. на основ. Свода военных постановлений, 1869 г., кн. XV, ст. 208, 640 и примечания к ст. 288, по II продолжению // Педагогический сборник. 1883. № 1. Ч. офиц. С. 1-52; № 2. Ч. офиц. С. 55-77; № 3. Ч. офиц. С. 81-106; № 4. Ч. офиц. С. 129-142; № 5. Ч. офиц. С. 143-151; № 6. Ч. офиц. С. 167-177; № 7. Ч. офиц. С. 179-189; № 8. Ч. офиц. С. 191-212; Инструкция для военно-подготовительных занятий в кадетских корпусах. К приказу по военно-учебным заведениям 28 февраля 1885 г. № 17. СПб., 1885; Инструкция должностным кадетам строевой роты кадетских корпусов. К приказу по военно-учебным заведениям 28 февраля 1885 г. № 16. СПб., 1885; Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. СПб., 1886; Инструкция, определяющая правила военного воспитания и устройства внутреннего порядка в юнкерских училищах. СПб.: Изд-во В. Березовского, 1901; Инструкция по содержанию библиотек военно-учебных заведений, подведомственных главному их управлению. СПб.: Изд-во В. Березовского, 1904.

[299] Инструкция для руководства юнкерам Виленского военного училища. Вильна, 1879; Инструкция для руководства юнкеров Московского пехотного юнкерского училища. М., 1889; Инструкция для юнкеров Михайловского артиллерийского училища. Издание 1905 года. СПб., 1905; Инструкция для юнкеров Тверского кавалерийского юнкерского училища. Составлена в 1904 году. Тверь, 1909; Инструкция для юнкеров Николаевского инженерного училища. Пг., 1916; Инструкция юнкерам Николаевского артиллерийского училища. Киев, 1915; Краткая инструкция юнкерам 2-го инженерного училища (временная). Киев, 1915.

вы и инструкции, позволяющие дать оценку подготовке офицерских кадров в XVII в.[300]

Источники, входящие в данную группу, позволяют проследить основные направления правительственной политики в сфере военного образования, оказывающей существенное влияние на развитие военно-культурных традиций, в первую очередь официальных, учебно-воспитательных и культурных.

Делопроизводственные документы. К ним относятся ходатайства, проекты, отчеты, доклады, служебные записки, материалы расследований, текущая переписка по различным вопросам. Большая часть этих документов не опубликована и находится в различных архивохранилищах.

Основной массив неопубликованных делопроизводственных документов хранится в фондах Российского государственного военно-исторического архива. Самое большое число документов, касающихся различных аспектов деятельности военно-учебного ведомства, сосредоточено в фонде Главного управления военно-учебных заведений (Ф. 725, описи 1-57), аккумулирующего документы не только периода 1863-1917 гг., но и более ранние. Документы из фонда 725 РГВИА, значительная часть которых вводится в научный оборот впервые, бесспорно, являются одним из наиболее важных компонентов источниковой базы диссертационного исследования. Кроме того, интерес представляют документы из фондов Дежурства Главного директора Пажеского и кадетских корпусов (Ф. 945), Комитета о военно-учебных заведениях под председательством Оппермана (Ф. 326), Совета о военно-учебных заведениях (Ф. 943) и Департамента военных поселений (Ф. 405). Большое количество документов сосредоточено в фондах отдельных военно-учебных заведений: Пажеского корпуса (Ф. 318), Михайловского артиллерийского училища (Ф. 320), Николаевского кавалерийского училища (Ф. 321), Елизаветградского кавалерийского училища (Ф. 861), 1-го кадетского корпуса (Ф. 314), Николаевского кадетского корпуса (Ф. 317). К сожалению, степень сохранности

[300] Учение и хитрость ратного строения пехотных людей / Печ. под наблюдением д. чл. Рус. ист. о-ва А.З. Мышлаевского и чл. С.-Петерб. археол. ин-та И. В. Парийского. СПб.: Бережливость, 1904; Перевод с галанскова письма… что всякому уряднику в ратном строе подобает ведать. И против тех воспросов – ответ / Публ. и примеч. А. Малова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. Т. VI. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. С. 7-9.

документов невелика: так, судя по составленным в начале XX в. описям фондов 725 и 321, большая часть единиц хранения была уничтожена еще до революции.

Вторым по значимости для настоящей темы архивохранилищем является Государственный архив Российской Федерации. Документы, хранящиеся в фондах ГАРФ, крайне разнообразны. Для характеристики военно-культурных традиций дореволюционных корпусов были использованы фонды Великого князя Константина Константиновича (Ф. 660), Великого князя Михаила Павловича (Ф. 666), коллекции рукописей Царскосельского дворца (Ф. 543) и коллекции отдельных документов личного происхождения (Ф. 1463). Сведения о политических настроениях кадет и юнкеров содержатся в документах, хранящихся в фондах Департамента полиции МВД (Ф. 102) и Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (Ф. 109).

Большое количество документов хранится в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Нами был проработан фонд Канцелярии главной артиллерии и фортификации (Ф. 2). Документы данного фонда касаются вопросов организации учебно-воспитательной работы в кадетских корпусах в XVIII в. и поведения воспитанников. Кроме того, были привлечены документы из фонда сборных дел (Ф. 51) и коллекции документов, поступившей из отдела Военной истории Артиллерийского исторического музея (Ф. 52): отчеты об экскурсиях кадет, списки документов, собранных для корпусных музеев, описи имущества музеев, материалы, относящиеся к юбилейным мероприятиям.

Из фондов Российского государственного архива военно-морского флота в работе использованы документы фонда Морского кадетского корпуса (Ф. 432). В нем есть дела, касающиеся не только Морского корпуса, но и военно-учебных заведений в целом; переписка между инспекторским департаментом Морского министерства и Главным управлением военно-учебных заведений позволяет проследить взаимовлияние военно-культурных традиций подготовки морских офицеров и офицеров армии.

При подготовке диссертационного исследования были использованы документы, хранящиеся в фонде Милютиных (Ф. 169) Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки: проекты реорганизации военно-учебных заведений, разработанные Д.А. Милютиным и иными лицами, записки и замечания, посвященные учебным вопросам.

Документы по военно-учебным заведениям, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, распылены по многим фондам. Нами были использованы в первую очередь материалы фондов Дирекции императорских театров Министерства императорского двора (Ф. 497), канцелярии Министерства императорского двора (Ф. 472), общей канцелярии министра финансов (Ф. 560), касающиеся организации юбилейных торжеств. Кроме того, были изучены разнообразные делопроизводственные документы и материалы финансовой отчетности, находящиеся в фондах 1158, 1263, 1286 и др.

Фонды Российского государственного архива древних актов помогают пролить свет на развитие военно-культурных традиций в XVIII в. В работе были использованы документы из двух фондов – «Дела военные» (Ф. 20) и «Дела морского ведомства» (Ф. 21). Наибольший интерес представляет хранящийся в фонде 21 «Проект Морской академии», составленный А.И. Остерманом.

Число опубликованных документов крайне невелико. В 1860-е гг. в рамках обмена опытом между заведениями получила распространение практика публикации в журнале «Педагогический сборник» протоколов заседаний педагогических комитетов военных гимназий и отчетов о деятельности военных гимназий и военных училищ. В дальнейшем в этом журнале, в рубрике «Военно-педагогическая старина», печатались отдельные документы и отрывки из них. Кроме того, в начале XX в. было опубликовано несколько протоколов заседаний совещания по преобразованию морских учебных заведений. В советский период публикация документов, касающихся дореволюционных военно-учебных заведений, практически не осуществлялась. В 1990-е гг. вслед за ростом интереса к истории отечественной военной школы началось расширение источниковой базы исследований, сопровождавшееся публикацией документов. Однако ее масштаб

не был значителен и не позволял издать полноценные сборники. Документы публиковались в качестве приложений к статьям и монографиям[301]. Лишь в 2009 г. увидел свет сборник документов, относящихся к московским кадетским корпусам и военным училищам[302]. В него вошли выписки из протоколов совещаний преподавателей, приказы по корпусам и училищам, рапорта начальников заведений, ведомости, донесения, расписания учебных занятий, отчеты об осмотре заведений инспектирующими лицами, доклады главного начальника военно-учебных заведений военному министру, всеподданнейшие доклады военного министра и иные документы. Кроме того, следует отметить ряд опубликованных документов, благодаря которым можно проследить формирование системы подготовки офицерских кадров в XVII в.[303]

Военно-педагогические труды. Вопросы, связанные с различными аспектами деятельности дореволюционных военно-учебных заведений, в основном обсуждались на страницах официального печатного издания Главного управления военно-учебных заведений – журнала «Педагогический сборник», издававшегося в 1864-1918 гг. Кроме того, отдельные статьи и заметки печатались в журналах «Военный сборник», «Морской сборник», «Артиллерийский журнал».

Материалы, опубликованные в «Педагогическом сборнике», официальном журнале военно-учебного ведомства, представляют наибольший интерес. Большая часть статей, помещенных в данном издании, была посвящена учебно-воспитательным вопросам. Деятельность старых корпусов почти не рассматрива-

---

[301] Аурова Н.Н. Система военного образования в России: кадетские корпуса во второй половине XVIII – первой половине XIX века. М., 2003; Гусев М.Ю. «На берегах пустынных Мсты…»: к истории Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса // Новгородский архивный вестник: научно-публикаторское издание. 2007. № 6. С. 201-223; «Поведение продолжает ухудшаться». Как учился в Морском кадетском корпусе будущий деятель Белого движения барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг. Публ. А. Бочарова // Источник. 2001. № 4. С. 66-77; Федюкин И. Основание Морской академии: документы барона де Сент-Иллера и его преемников, 1715-1723 // «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М.: Новое издательство, 2015. С. 47-69; Федюкин И., Лавринович М. Сухопутный Кадетский корпус в Санкт-Петербурге (1730-е годы) и его берлинский прообраз // «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М.: Новое издательство, 2015. С. 281-315; Руднев Д. Григорий Андреевич Полетика и его педагогическая деятельность // «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М.: Новое издательство, 2015. С. 374-399.

[302] Военные училища и кадетские корпуса Русской императорской армии в Москве. XIX – начало XX вв. Сборник документов / Под ред. И.О. Гаркуша; сост. С.А. Харитонов, В.М. Шабанов и др. М.: Древлехранилище, 2009.

[303] Поммеринг К. Донесения королеве Христине и письма королевскому секретарю шведского резидента в Москве Карла Поммеринга 1647 – 1650 гг. // Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII века: сборник мат., извлеч. из Моск. Гл. Архива М-ва Ин. дел и Швед. Гос. Архива и касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616 – 1651 гг. с предисл., примеч. и алф. указателем личных имен. М., 1897. С. 439-452.

лась (если не считать сопроводительных статей к публикациям документов[304]). В 1860-е гг. главное внимание педагогов и общественности было приковано к ходу учебно-воспитательной реформы. Обстоятельно анализировались новая постановка учебных курсов и новые методы преподавания, их влияние на успеваемость гимназистов[305]. Воспитательной работе, борьбе с дурными нравами и традициями также уделялось значительное внимание[306]. Кроме того, в «Педагогическом сборнике» часто печатались извлечения из протоколов заседаний педагогических комитетов военных гимназий и военных училищ.

В 1880-90-е гг. учебно-воспитательная работа в пореформенных кадетских корпусах, несмотря на ее стремительную деградацию, продолжала оставаться объектом всестороннего педагогического анализа[307].

Педагогические инициативы великого князя Константина Константиновича, а также повышенное внимание общественности к военной школе, вызванное поражением в русско-японской войне, привели к активному обсуждению вопросов подготовки офицеров на страницах «Педагогического сборника» и других журналов. Состоянию учебной работы в 1900-е гг. был посвящен ряд серьезных публикаций[308]. Не менее тщательно анализировались и проблемы, связанные с воспита-

---

[304] Русская военно-педагогическая старина (Из приказов генерал-майора Я.И. Ростовцева по 2-му кадетскому корпусу) // Педагогический сборник. 1915. № 4. С. 456-466.

[305] Шкларевич В. О составе учебного курса, цели и характере преподавания наук в военных училищах // Педагогический сборник. 1865. № 2(5). Ч. неофиц. С. 359-378.

[306] Боголюбов И. Влияние личности воспитателя на воспитанников в наших закрытых заведениях // Педагогический сборник. 1868. № 1. С. 32-52; Острогорский А. Влияние личности воспитателя на воспитанников в наших закрытых заведениях (По поводу возражения г. Боголюбова) // Педагогический сборник. 1868. № 5. С. 560-587; Бунаков Н. Заметки об условиях воспитания в военных гимназиях // Педагогический сборник. 1870. № 5. С. 469-505; Вессель Н. Военные училища и военные гимназии // Педагогический сборник. 1867. № 1. С. 77-131; Хартулари В. Взгляд назад. На пороге 40-й годовщины службы по военно-учебному ведомству // Педагогический сборник. 1901. № 6. С. 481-507.

[307] Белов И. Учитель-рутинер и учитель-педагог // Педагогический сборник. 1886. № 8. С. 100-113; Острогорский А. Справедливость в школьной жизни // Педагогический сборник. 1888. № 7. Ч. неофиц. С. 1-29; № 9. Ч. неофиц. С. 181-208; Лалаев М.С. Ахиллесова пята современного воспитания // Педагогический сборник. 1893. № 10. Ч. неофиц. С. 316-355; Агапов А. Некоторые приемы при воспитании трудных детей «нервного типа» // Педагогический сборник. 1896. № 12. С. 496-521; Иванов И. Мысли о существенных вопросах школьного воспитания // Педагогический сборник. 1896. № 5. Ч. неофиц. С. 444-457; К вопросу о воспитании и обучении детей в кадетских корпусах // Педагогический сборник. 1898. № 11. Ч. неофиц. С. 411-419; Дометти К.К. Заметки офицера-воспитателя // Педагогический сборник. 1894. № 7. Ч. неофиц. С. 28-50; Хлыновский М. Вопросы военной школы // Военный сборник. 1900. № 4. С. 366-383; № 5. С. 164-180; № 6. С. 331-346; № 7. С. 162-187.

[308] Тихобразов Л. Несколько мыслей по поводу учебной подготовки в наших кадетских корпусах // Педагогический сборник. 1910. № 7. С. 19-36; Флейшер Б. К вопросу о недостаточной подготовке выпускаемых из корпусов кадет // Педагогический сборник. 1910. № 12. С. 519-532; Исаков К. Преобразование кадетских корпусов // Война и мир. 1907. № 5-6. С. 196-215; № 7. С. 104-118

нием[309]. Главными предметами дискуссий были способы преодоления разрыва между военно-учебными заведениями и армией и ликвидации негативных последствий интернатного режима.

Публикаций, в которых затрагивалась культурная деятельность военной школы, на порядок меньше. Традиция организации балов и литературно-музыкальных вечеров затрагивалась лишь в связи с периодическими наложениями запрета на их проведение[310]. Занятия музыкой обсуждались лишь с методической точки зрения[311]. Более пристальное внимание уделялось руководству чтением. Так, организации чтения воспитанников посвящены работы Е. Волкова[312] и Н. Запольского[313], литературным вечерам – статья Д. Фомина[314]. Ряд статей и заметок (А.Д. Бутовского[315], К.К. Дометти[316]) касается вопросов физического воспитания.

Публикаций, посвященных неофициальным традициям, почти нет. В фокусе внимания исследователей находилась одна только традиция товарищества, которой посвящены статьи Н. Киселева[317], А. Бутовского[318], Л. С-ыча[319] и М. Мягкова[320]. Главное внимание авторов было приковано к способам ликвидации так на-

---

[309] Джульчи. О человеческом достоинстве. По поводу приказа по военно-учебным заведениям от 24 февраля 1901 г. № 30 // Педагогический сборник. 1901. № 9. Ч. неофиц. С. 204-221; Антагонизм между воспитателями и воспитанниками // Педагогический сборник. 1904. № 4. С. 347-372; Попов Н. Кадетские корпуса, их невзгоды и нужды // Военный сборник. 1913. № 6. С. 73-88; Фисенков С.Я. Из быта кадетских корпусов // Педагогический сборник. 1908. № 7. С. 49-60; 1914. № 1. С. 59-68; Греков В.И. К вопросу о воспитании в кадетских корпусах // Педагогический сборник. 1910. № 1. С. 1-21; № 2. С. 113-124; Фисенков С.Я. К вопросу о нравственном воспитании в наших кадетских корпусах (Из заметок офицера-воспитателя) // Педагогический сборник. 1910. № 10. С. 293-301; О мерах к борьбе школ с вредными влияниями на чувственность кадет и юнкеров // Педагогический сборник. 1912. № 11. С. 151-152; Сарминский Е.Г. Об условиях, влияющих на педагогическую работу офицеров-воспитателей в наших кадетских корпусах // Педагогический сборник. 1912. № 8. С. 180-191.

[310] Нуо К. По поводу «вечеров» в N гимназии. Заметка // Педагогический сборник. 1879. № 11. Ч. неофиц. С. 1245-1254; Об устройстве в военно-учебных заведениях спектаклей и увеселительных вечеров // Педагогический сборник. 1893. № 7. Ч. офиц. С. 63-80.

[311] Реак А. Практические заметки о преподавании музыки в военных гимназиях // Педагогический сборник. 1870. Кн. 10. Ч. неофиц. С. 1052-1076.

[312] Волков Е. О чтении воспитанников // Педагогический сборник. 1869. № 9. Ч. неофиц. С. 900-928; № 10. Ч. неофиц. С. 988-1020.

[313] Запольский Н. О внеклассном чтении произведений иностранной литературы // Педагогический сборник. 1885. № 3. Ч. неофиц. С. 245-274.

[314] Фомин Д. Литературные вечера в кадетских корпусах // Педагогический сборник. 1900. № 12. Ч. неофиц. С. 491-495.

[315] Бутовский А.Д. Шведская педагогическая гимнастика // Педагогический сборник. 1897. №№ 6, 7, 11; 1898. № 1.

[316] Дометти К.К. Заметка о физических упражнениях в кадетских корпусах // Педагогический сборник. 1898. № 11. Ч. неофиц. С. 473-499.

[317] Киселев Н. Товарищество в кадетских корпусах // Педагогический сборник. 1902. № 2. Ч. неофиц. С. 158-170.

[318] Бутовский А. О школьном товарищеском суде // Педагогический сборник. 1907. № 4. Ч. неофиц. С. 323-343.

[319] С-ыч Л. Обман в школе (Из кадетской жизни) // Педагогический сборник. 1907. № 3. С. 201-212.

[320] Мягков М. О школьном товарищеском суде // Педагогический сборник. 1906. № 5. С. 450-465.

зываемого «ложного товарищества», связанного с невыдачей виновного, коллективных отказов отвечать и т.п.

Лишь в начале XX в. стало уделяться внимание анализу других неофициальных традиций, в частности «цука». Однако, несмотря на активную борьбу с ним начальства и педагогов, собственно «цуку» была посвящена лишь одна статья[321].

В советское время трибуной для обсуждения вопросов, связанных с военно-культурными традициями дореволюционных военно-учебных заведений, стал журнал «Военный вестник». В 1922 г. на его страницах развернулась дискуссия о возрождении кадетских корпусов[322]. Кроме того, отдельные заметки были помещены в журнале «Военное знание»[323]. Материалы о культурно-просветительской работе в военной школе публиковались в журнале «Военное знание»[324]. Начиная с 1943 г. публикации, посвященные деятельности суворовских военных училищ и касавшиеся вопросов возрождения в них учебно-воспитательных и культурных традиций старых кадетских корпусов, печатались в журналах «Военный вестник»[325], «Пограничник»[326]. Следует отметить и ряд статей, посвященных организации учебной работы, нравственного и патриотического воспитания в современных кадетских корпусах[327].

Поскольку большая часть публикаций размещалась в журналах, непериодических изданий, затрагивавших те или иные вопросы подготовки офицеров, было издано не так уж много; они были, как правило, посвящены вопросам организа-

---

[321] Н.К.М. Цук // Педагогический сборник. 1908. № 9. С. 200-212.

[322] Петровский Д.А. Нужны ли кадетские корпуса? // Военный вестник. 1922. № 4. С. 8-9. Кочетов С. Нужны ли кадетские корпуса // Военный вестник. 1922. № 8. С. 11-13; Судаков В. Кое-что о кадетских корпусах // Военный вестник. 1922. № 9-10. С. 24; Кунцевич В. Нужны ли кадетские корпуса? // Военный вестник. 1922. № 12. С. 23-24; Петровский Д. Две резолюции (К вопросу о кадетских корпусах) // Военный вестник. 1922. № 13. С. 38-39.

[323] Рудой А. Кадетские корпуса и голод в Поволжье // Военное знание. 1922. № 9. С. 11.

[324] Воскобойников. Клуб и его роль в системе воспитания красных командиров // Военное знание. 1922. № 5. С. 29-31; Инструктор. Удачный опыт // Военное знание. 1922. № 5. С. 31-32; Винокуров Вл. Принципы построения сети кружков в клубах в.-у. з. // Военное знание. 1922. № 8. С. 25-27; Северный. Организационные вопросы политпросветработы // Военное знание. 1922. № 8. С. 27-28; Строгов М. О военно-научных кружках при клубах в.-у. з. // Военное знание. 1922. № 9. С. 26-27.

[325] Ванин Г., Быковский В. О суворовских военных училищах // Военный вестник. 1943. № 17. С. 3-7.

[326] Алпатов Н. Опыт кадетских корпусов – суворовским училищам // Пограничник. 1945. № 20. С. 44-48.

[327] Дудулин В.В., Дроздов П.А. Воспитание военнослужащих на боевых и воинских традициях // Военная мысль. 2008. № 7. С. 46-51; Шпиньков М. В казачьем кадетском корпусе // Воспитание школьников. 2008. № 6. С. 22-23.

ции учебной работы[328], физического[329] и патриотического[330] воспитания, ведению практических занятий[331]. Следует особо отметить ряд аналитических записок, созданных в преддверии военно-учебной реформы Александра II и изданных в 1862-1863 гг. в виде брошюр[332]. Современные труды, посвященные учебно-воспитательной работе в кадетских корпусах, как правило, включают в себя анализ исторического опыта организации учебного и воспитательного дела в дореволюционных кадетских корпусах и военных училищах[333].

Материалы периодической печати. Интерес общества к военно-учебным заведениям, особенно заметный в начале XX в., привел к появлению ряда публикаций. Авторы – как профессиональные журналисты, так и представители армии и военно-учебного ведомства – в первую очередь обращали внимание на недостатки отечественной военной школы (оторванность воспитанников от жизни, излишняя теоретичность курсов, губительная для будущих офицеров роскошь обстановки[334]). Большой резонанс имели публикации М.О. Меньшикова, настаивавшего на милитаризации кадетских корпусов[335], а также статья П.М. Пильского

---

[328] Щербачев Г.Д. Беседы о воспитании и преподавании. Воронеж: Типография губернского правления, 1866.

[329] Бутовский А.Д. Телесные упражнения и внеклассные занятия в кадетских корпусах. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1898; Старков И.П. Физическое развитие воспитанников военно-учебных заведений. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1897.

[330] Герштенцвейг В.К. О патриотическом воспитании в кадетских корпусах. СПб., 1911.

[331] Пыльнев А.А. Практические занятия кадет и юнкеров. СПб.: В. Березовский, 1902.

[332] Чертков. О преобразовании военно-учебных заведений. СПб., 1862; Ванновский П.С. О преобразовании военно-учебных заведений. СПб., 1862; Строганов А.Г. Мнения о преобразовании военно-учебных заведений. СПб.: Типография Штаба военно-учебных заведений, 1862; Воронов А.С. По вопросу о преобразовании военно-учебных заведений. СПб., 1862; Головнин А.В. О военно-учебных заведениях. СПб., 1862; Медем Н.В. Мнение о том, какие недостатки обнаружены в наших военно-учебных заведениях и какие меры были бы полезны для устранения этих недостатков. СПб., 1863.

[333] Голощапова Е.В. Духовно-нравственное воспитание в кадетских корпусах в России во второй половине XIX – начале XX века (на примере Симбирского кадетского корпуса): дис. … канд. пед. наук. Ульяновск, 2007; Кашина Н.И. Музыкальная культура казачества в формировании культурной идентичности казаков-кадет: монография. М.: Издательство «Спутник+», 2013; Костоусов Н.С. Кадетское образование: прошлое, настоящее, будущее. Монография. Изд-во Уральского государственного педагогического университета. Екатеринбург, 2008; Миронов В.Н. Кадетские образовательные учреждения в России: история и современность: дис. … канд. ист. наук. М., 2002.

[334] Молодой педагог. По поводу статьи «Кредит в юнкерской среде» («Разведчик», № 572) // Русский инвалид. 1901. 26 октября. № 233. С. 5; Кривенко В.С. Кредитная этика // Русский инвалид. 1901. 31 октября. № 237. С. 4-5; Игнатович К. К вопросу о кредите // Русский инвалид. 1901. 7 ноября. № 243. С. 5; Левитский М. Насущный вопрос // Русский инвалид. 1907. 24 января. № 19. С. 5; Гр. А.Д. Разговор о кадетском воспитании // Русский инвалид. 1907. 12 января. № 9. С. 4-5; Ваулин. К вопросу о воспитании в кадетских корпусах // Офицерская жизнь. 1910. № 212. С. 1665-1668; № 213 С 1681-1682; Михеев С. Недочеты воспитания офицерских детей // Офицерская жизнь. 1912. № 17-18 (317-318). С. 258-259; № 19-20 (319-320). С. 278-279; № 23-24 (323-324). С. 318-319; Алешин С. Помогите родителям обучить детей // Офицерская жизнь. 1912. № 43(343). С. 555-556.

[335] Меньшиков М.О. Недовольство в армии // Новое время. 1909. 10(23) февраля. № 11823. С. 3; Меньшиков М.О. Из писем к ближним. М.: Воениздат, 1991; Л.Э.Ф. По поводу статьи «Недовольство в армии» (Новое время. № 11823) // Русский инвалид. 1909. 20 февраля. № 40. С. 5;

«Армия и общество», носившая резко обличительный характер[336]. Определенное внимание уделялось и неофициальным традициям воспитанников (в частности, «цуку»[337]); в военной публицистике затрагивался вопрос о губительном влиянии юнкерских традиций на единство армии[338]. Кроме того, следует отметить большое количество публикаций информационно-хроникального содержания, посвященных юбилейным торжествам в военно-учебных заведениях, спортивным праздникам, визитам членов императорской семьи, выходу свежих номеров ученических журналов и прочим знаменательным событиям[339].

Издания военно-учебных заведений и объединений их выпускников.

Большой интерес представляют периодические издания кадетских корпусов и военных училищ, как дореволюционные («Пажеский сборник», «"Кадет". Литературно-научный журнал 3-го Московского императора Александра II кадетского корпуса», «Кадет-михайловец», «Кадетская мысль», «Кадетский журнал», «Волец», «Михайловец», «Александровец», «Журнал юнкеров Николаевского инженерного училища», «Юнкер-казак»), так и зарубежные («Кадет сибиряк-александровец», «Донец на чужбине»). Они позволяют выявить специфику ценностного мира воспитанников, охарактеризовать их отношение к учебе, преподавателям, товарищам, традициям военно-учебных заведений. Кроме того, в них публиковались воспоминания бывших кадет и юнкеров.

Отдельную категорию источников представляют издания объединений кадет-эмигрантов («Кадетская перекличка», «Бюллетень Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Венесуэле», «Бюллетень Объединения кадет российских кадетских корпусов в Сан-Франциско», «Кадетское письмо», «Досуг Московского кадета», «Досуг Одесского кадета»). Некоторые статьи и воспоминания публиковались в журнале «Военная быль». Кроме того, кадетскими корпусами было издано большое количество памяток, в которых нашло отражение изменив-

---

[336] Пильский П. Армия и общество (Элементы вражды и препятствий). Статья I. Питомники // Мир Божий. 1906. № 6-7. С. 25-46.
[337] Хладнокровный. В питомнике кавалерии // Вечернее время. 1906. 14 мая.
[338] Инъ. Единение и воспитание // Офицерская жизнь. 1913. № 41 (391). С. 586.
[339] Торжества в 3-м Московском императора Александра II кадетском корпусе // Русский инвалид. 1913. 30 ноября. № 256. С. 3; Жерве В. «Досуги константиновцев», № 1, 8 ноября 1904 г. Год издания III. Санкт-Петербург // «Русский инвалид». 19 декабря 1904 г., к № 279. С. 2-3; Н-ский. По поводу возрождения «ученических журналов» // Русский инвалид. 1905. 22 января. № 17. С. 7.

шееся отношение к традициям. Особый интерес представляет хранящаяся в Ф. Р-6808 Государственного архива Российской Федерации брошюра Р. Термина «Кадетские традиции»[340].

Ценным источником по истории отдельных военно-учебных заведений являются справочные издания для воспитанников – памятные книжки кадетам и инструкции для юнкеров. В памятные книжки наряду со справочными сведениями, необходимыми воспитанникам, включались информационные блоки, посвященные историческому пути корпуса, его реликвиям и наиболее важным событиям, с ним связанным[341]. Инструкции для юнкеров содержали правила назначения учебных премий, правила пользования библиотекой, правила редактирования и издания училищных журналов[342].

Источники личного происхождения. Они представляют собой ценность в первую очередь с точки зрения содержащейся в ней характеристики «внутренней», неофициальной жизни военно-учебных заведений. Основной массив источников личного происхождения, использованных при подготовке настоящей работы, представляет собой воспоминания лиц, учившихся или служивших в кадетских корпусах и военных училищах. Кроме того, были изучены весьма немногочисленные дневники и письма кадет, юнкеров и педагогов. Источники личного происхождения, как и делопроизводственные документы, можно разделить на неопубликованные и опубликованные.

Большое количество неопубликованных мемуаров лиц, учившихся в кадетских корпусах и военных училищах в начале XX в., хранится в архиве Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» имени А.И. Солженицына[343]. Благодаря им можно дать характеристику не только военно-культурным традициям подготовки офице-

---

[340] Термен Р. Кадетские традиции. София, 1930.

[341] Памятная книжка кадета 1-го Московского кадетского корпуса. М., 1900.

[342] Инструкция для юнкеров Михайловского артиллерийского училища. Издание 1905 года. СПб., 1905; Инструкция для юнкеров Николаевского инженерного училища. Пг., 1916.

[343] Булах Г.Д. «Пережитое: Мое мгновение в машине времени (Записки инженера) // Архив БФРЗ. Ф-1. Р-439; Бульмеринг М.Е. Воспоминания // Архив БФРЗ. Ф. 1. Оп. 1. Е-32; Буря К.В. Воспоминания // Архив БФРЗ. Ф. 1. А-77; Гребенщиков И.А. Павлоны // Архив БФРЗ. Ф-2. М-127; Данилов В.Г. Воспоминания // Архив БФРЗ. Ф-1. Оп. 3. Аю-6; Залевский М.Н. «Печаль минувших лет» // Архив БФРЗ. Ф-2. М-77; Крассовский В. Кадетские годы // Архив БФРЗ. Ф-1. М-36(2); Лайминг Б.Г. Воспоминания Б.Г. Лайминга о военном училище 1917 г. // Архив БФРЗ. Ф-1. Оп. 2. А-58; Пегелау В.М. Воспоминания // Архив БФРЗ. Ф-1. Р-451; Рерберг Ф.П. Все в прошлом // Архив БФРЗ. Ф-2. М-86.

ров, сложившимся при великом князе Константине Константиновиче, но и проследить их трансформацию в годы Гражданской войны и в эмиграции.

В Российском государственном военно-историческом архиве, в личном фонде А.Н. Куропаткина (Ф. 165), хранятся его воспоминания, в которых описана учеба будущего генерала в 1-м кадетском корпусе (в 1858-1864 гг.) и Павловском военном училище (в 1864-1866 гг.). В фонде 267 РГВИА находятся подробные мемуары «Дед – внукам» генерала от артиллерии Ф.А. Григорьева, посвященные его учебе в различных военно-учебных заведениях (Тульском Александровском и Орловском Бахтина кадетских корпусах, Павловском военном и Михайловском артиллерийском училищах, Михайловской артиллерийской академии) и деятельности возглавляемых им кадетских корпусов (Михайловского Воронежского и 1-го). Наконец, в фонде Пажеского корпуса (Ф. 318) находятся воспоминания камер-пажа М. Степанова, учившегося в корпусе в 1869-1870 гг. и подробно описавшего как учебу и нравы пажей, так и их придворную службу.

Из фондов Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки были использованы воспоминания Н.Н. Вельяминова – воспитанника Пажеского корпуса, поступившего в заведение в 1839 г.[344] Вельяминовым описаны учебная система корпуса и служба пажей при дворе. Представляют огромный интерес и хранящиеся в НИОР РГБ воспоминания генерал-майора артиллерии Е.З. Барсукова, учившегося в Орловской-Бахтина военной гимназии и кадетском корпусе в 1875-1883 гг. и Александровском военном училище в 1883-1885 гг.[345]

В Российском государственном архиве литературы и искусства хранятся воспоминания кадета 1-го кадетского корпуса Г.Д. Похитонова, которые стали основой рассказа Н.С. Лескова «Кадетский монастырь»[346]. Жизнь 1-го кадетского корпуса в начале царствования Александра II, в преддверии военно-учебной реформы, подробно описана в мемуарах бывшего кадета Н.А. Вельяшева[347]. Социо-

[344] Вельяминов Н.Н. Воспоминания о государе императоре Николае Павловиче и его времени // НИОР РГБ. Ф. 218. № 121.
[345] Барсуков Е.З. Мое военное прошлое – воспоминания // ОР РНБ. Ф. 218. 307-1.
[346] Похитонов Г.Д. Мои воспоминания о 1-м кадетском корпусе // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 351.
[347] Вельяшев Н.А. Воспоминания о бывшем 1-м кадетском корпусе. 1857-1863 гг. // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 25.

культурные реалии Главного инженерного училища отражены в воспоминаниях П.Ф. Фермора[348]. Кроме того, следует отметить мемуары А.Н. Степанова, учившегося в начале XX в. в Полоцком корпусе и давшего подробную характеристику отношению кадет к строевой выправке и форме, а также особенностям организации занятий гимнастикой, спортом и танцами[349].

Из фондов Государственного архива Российской Федерации были привлечены воспоминания бывших юнкеров и кадет, хранящиеся в фондах Объединения бывших юнкеров и офицеров Чугуевского военного училища (Ф. Р-6797) и Объединения бывших кадетов Суворовского кадетского корпуса (Ф. Р-6808).

В отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранятся разнообразные документы личного происхождения, представляющие ценность для изучения военно-культурных традиций. Отдельные аспекты работы Морского кадетского корпуса в 1770-е гг. зафиксированы в «Записках» Башуцкого[350]. Деятельность Артиллерийского училища в 1820-е гг. отражена в воспоминаниях генерала от артиллерии П.А. Башилова. Очень интересны хранящиеся в фонде 601 дневники военного педагога В.А. Половцова, изучение которых позволяет рассмотреть начальный период деятельности Орловского Бахтина и Михайловского Воронежского кадетских корпусов. В фонде С.Я. Надсона (Ф. 508) хранятся дневники поэта, в которых отражена социокультурная специфика 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии. Из фонда Бобровских (Ф. 80) использованы письма начальников юнкерских училищ, адресованные П.О. Бобровскому и касающиеся вопросов комплектования училищ и учебно-воспитательной работы. В фонде А.И. Савельева (Ф. 665) находятся письма разных лиц, в которых затрагиваются различные вопросы организации учебно-воспитательной работы в Главном инженерном училище и неофициальные традиции воспитанников этого заведения. Наконец, для изучения организации занятий музыкой весьма ценны письма композитора М.А. Балакирева к главному начальнику военно-учебных заведений Н.А. Махотину, в

[348] Фермор П.Ф. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 351.
[349] Степанов А.Н. Кадетские корпуса. Воспоминания. 1900-е гг. // РГАЛИ. Ф. 2828. Оп. 1. Д. 69.
[350] Башуцкий Д.Я. Записки // ОР РНБ. Ф. 777. Оп. 3. Д. 788.

которых содержатся предложения относительно репертуара кадетских певческих хоров и оркестров. Эти письма хранятся в личном фонде М.А. Балакирева (Ф. 41).

Большую ценность представляют плоды литературных занятий кадет Сухопутного шляхетного кадетского корпуса – рукописные журналы, в которые заносились цитаты и афоризмы из прочитанных книг. Они хранятся в фонде 1057.

Опубликованные источники личного происхождения, в отличие от неопубликованных, как правило, не свободны от цензуры и самоцензуры. Особенно это касается мемуаров, изданных в советское время. Однако, несмотря на это, опубликованные воспоминания бывших кадет, пажей и юнкеров являются ценнейшим источником информации для изучения всех групп военно-культурных традиций подготовки офицеров, а для изучения неофициальных кадетских и юнкерских обрядов и обычаев – едва ли не единственным.

Воспоминаний, посвященных артиллерийским и инженерным школам, почти нет. Единственным источником, позволяющим дать их социокультурную характеристику, являются мемуары выпускника Артиллерийской школы М.В. Данилова, учившегося в ней в 1737-1743 гг.[351]

Воспоминания о Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, к сожалению, оставлены лишь кадетами эпохи Ф.-Е. Ангальта, учившимися в заведении в 1780-90-е гг. (С.Н. Глинкой[352], А.Х. Востоковым[353], П.Х. Граббе[354], а также бывшим кадетом 1-го корпуса, укрывшимся за инициалами В.Ф.Б.[355] С.Н. Глинкой, в частности, великолепно передана атмосфера «рассадника великих людей» в эпоху его «золотого века». К сожалению, внутренняя жизнь Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса известна лишь благодаря скупым воспоминаниям А.А. Аракчеева, дошедшим до нас в пересказе третьих лиц[356].

---

[351] Записки М.В. Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722-1762). Сборник 1-й «Отголоски минувшего». Казань, 1913.
[352] Глинка С.Н. Записки Сергея Николаевича Глинки. М.: Захаров, 2004.
[353] Заметки А.Х. Востокова о его жизни. Сообщ. В.И. Срезневский. СПб., 1901.
[354] Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. М.: Университетская типография (Катков и К), 1873.
[355] По поводу «Рекреационной залы» и «Говорящей стены» 1-го кадетского корпуса // Педагогический сборник. 1883. № 8. Ч. неофиц. С. 134-136.
[356] Булгарин Ф.В. Поездка в Грузино в 1824 г. (Из воспоминаний) // Новоселье. Ч. 3. СПб., 1846. С. 201-220.

Устройство Морского кадетского корпуса в конце XVIII в., репрессивные традиции учебно-воспитательной работы, суровый быт и жестокие нравы кадет описаны в мемуарах П.А. Данилова[357], Д.Н. Сенявина[358], Ф.П. Толстого[359], В.Б. Броневского[360], Н.А. Нордштейна[361].

Система образования, принятая в Шкловском благородном училище, удостоилась краткого описания в воспоминаниях А.С. Пишчевича[362].

Значительное число воспоминаний оставлено бывшими кадетами александровской и николаевской эпох. Жизнь 1-го кадетского корпуса в 1-й половине XIX в. описана в мемуарах Ф.В. Булгарина[363], П.И. Полетики[364], Ф.Н. Глинки[365], П.К. Менькова[366], А.Е. Розена[367], М.Я. Ольшевского[368], Л.М. Жемчужникова[369], В.А. Трубачеева[370] и некоторых других авторов. Военно-культурные традиции, сложившиеся во 2-м кадетском корпусе, отражены в воспоминаниях П. Мещерякова[371], Н.В. Вохина[372], М.И. Лелюхина[373]. В работе задействованы и мемуары бывших питомцев Дворянского полка – Е.И. Топчиева[374], А.М. Миклашевского[375]. Традиция корпусного братства нашла отражение в воспоминаниях выпускника 1-го кадетского корпуса Ф.Н. Глинки «Письма русского офицера»[376]. Ценным источником для изучения внутренней жизни Пажеского корпуса являются воспоми-

---

[357] Жизнь моя. Записки адмирала Данилова. 1759-1806 гг. Кронштадт, 1913.
[358] Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин // Морской сборник. 1913. № 7. С. 1-99.
[359] Записки графа Ф.П. Толстого. М.: РГГУ, 2001.
[360] Броневский В.Б. Воспоминания // Русская старина. 1908. № 6. С. 537-586.
[361] Выписки из памятной книжки Николая Алексеевича Нордштейна // Щукинский сборник. Выпуск 4. М., 1905. С. 193-195.
[362] Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная. 1764-1805. В 3 ч. М., 1885.
[363] Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. Ч. 1. СПб., 1846.
[364] Воспоминания Петра Ивановича Полетики // Русский архив. 1885. № 11. С. 305-336.
[365] Взгляд на прошедшее. 1-й кадетский корпус. Волынь и дальнейшие сношения мои с Милорадовичем. Ф. Глинки. (Отрывок 3-й) // Москвитянин. 1846. Ч. 1. № 2. С. 33-46.
[366] Записки Петра Кононовича Менькова. В 3-х тт. Том II. Дневник П.К. Менькова. СПб., 1898.
[367] В ссылку (Записки декабриста). Соч. барона Андрея Розена (декабриста). М., 1900.
[368] Ольшевский М.Я. Первый кадетский корпус в 1826-1833. Воспоминания генерала от инфантерии М.Я. Ольшевского // Русская старина. 1886. № 1. С. 63-95.
[369] Жемчужников Л.М. Мои воспоминания из прошлого. Л., 1971.
[370] Трубачеев В.А. Записки старого кадета. Пг., 1915.
[371] Мещеряков П. Из недавнего прошлого (1830-1867) // Русская беседа. 1896. № 9. С. 93-128.
[372] Записки генерал-майора Н.В. Вохина // Русская старина. 1891. № 3. С. 547-566.
[373] М.Л. Несколько заметок о Втором кадетском корпусе // Военный сборник. 1862. № 4. С. 389-436.
[374] Дворянский полк в царствование Александра I. Из воспоминаний Ефима Ивановича Топчиева // Русская старина. 1880. № 8. С. 639-650.
[375] Миклашевский А.М. Дворянский полк в 40-х гг. // Русская старина. 1891. № 1. С. 111-125.
[376] Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М.: Воениздат, 1987.

нания Н.К. Имеретинского[377], Н.А. Боровкова[378], П.А. Кропоткина[379]. Нравы будущих кавалеристов известны благодаря воспоминаниям выпускников Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров – И.В. Анненкова[380], П.П. Семенова-Тян-Шанского[381], А.А. Стаховича[382], В.В. Бобарыкина[383]. Жестокие традиции Артиллерийского училища известны благодаря многочисленным мемуарам его питомцев[384].

Интересные сведения, необходимые для характеристики жизни московских кадетских корпусов московских кадетских корпусов являются воспоминания А.Н. Корсакова о 1-м Московском кадетском корпусе[385] и Л.И. Януша – о 2-м Московском кадетском корпусе[386].

Появившиеся в николаевскую эпоху провинциальные кадетские корпуса также со временем обрели своих мемуаристов. Традиции Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса известны благодаря воспоминаниям П.П. Карцова[387], внутреннюю жизнь Орловского-Бахтина кадетского корпуса описали в своих мемуарах К.Ф. Кулябка[388] и В.К. Шатилов[389], Михайловского-Воронежского кадетского корпуса – М. Гришечко-Климов[390], Полоцкого кадетского корпуса – М. Семевский[391]. Жизнь Сибирского кадетского корпуса в 1860-е гг. описана в воспоминаниях его выпускника – генерал-лейтенанта Г.Е. Катанаева, историка и

---

[377] Имеретинский Н.К. Пажеский корпус в 1843-1848 гг. Записки старого пажа // Русский вестник. 1887. № 8. С. 663-703; № 9. С. 221-254.
[378] Боровков Н.А. Из прошлого: Воспоминания и наблюдения за полвека. СПб.: Типография и литография В.В. Комарова, 1901.
[379] Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990.
[380] Анненков И.В. Воспоминания генерал-адъютанта И.В. Анненкова // Наша старина. 1917. № 3. С. 16-56.
[381] Семенов-Тян-Шанский П.П. Мемуары П.П. Семенова-Тян-Шанского. Т. 1. Детство и юность (1827-1855). Пг., 1917.
[382] Стахович А.А. Клочки воспоминаний. М., 1904.
[383] Бобарыкин В.В. Три встречи с М.Ю. Лермонтовым // Русский библиофил. 1915. № 5. С. 70-81.
[384] Новички (Из воспоминаний о Михайловском артиллерийском училище 50-х гг. прошлого века) // Русская старина. 1903. № 10. С. 43-63; Артиллерийское училище в 1845 г. // Русская старина. 1904. № 5. С. 423-443; № 6. С. 591-628.
[385] Корсаков А.Н. Воспоминания московского кадета // Русский архив. 1879. № 7. С. 304-327; 1880. № 4. С. 449-473; 1882. № 1. С. 58-376.
[386] Януш Л.И. Полвека назад. (Воспоминания о Втором Московском кадетском корпусе) // Русская школа, 1907. № 5/6. С. 34-66; № 7/8. С. 204-225; № 9. С. 97-118; № 10. С. 60-78.
[387] Карцов П.П. Личные и служебные воспоминания П.П. Карцова. Ч. первая. 1831-1876 гг. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1888.
[388] Кулябка К.Ф. Воспоминания старого орловца // Русская старина. 1908. № 8. С. 367-381.
[389] Шатилов В.К. Орловский-Бахтина кадетский корпус // Исторический журнал для всех. 1908. № 7. С. 5-25.
[390] Гришечко-Климов М. 30 лет назад (Из воспоминаний старого кадета Михайловского Воронежского кадетского корпуса). 1863-1869. Воронеж, б.г.
[391] Семевский М.И. Полоцкий кадетский корпус, 1835-1885. Из воспоминаний // Русская старина, 1885. № 12. С. 697-704.

краеведа[392]. Автором отмечена умелая организация самостоятельного чтения кадет.

Устройство дореформенного Морского кадетского корпуса, учебно-воспитательная работа, быт и нравы кадет описаны в мемуарах Н.А. Качалова[393], П.В. Митурича[394], Д.Н. Завалишина[395], Н.А. Энгельгардта[396], Л.А. Загоскина[397], А.И. и А.С. Зеленых[398], А.С. Горковенко[399], Н.Ф. Эгерштрома[400], М. Пещурова[401], Д.Ф. Мертваго[402], К.Ф. Ливрона[403], В.М. Линдена[404].

К сожалению, лишь немногие выпускники военных гимназий оставили воспоминания о годах своего пребывания в заведениях. Известные нам мемуары принадлежат бывшим питомцам 2-й Санкт-Петербургской, Владимирской-Киевской и Орловской-Бахтина военных гимназий[405]. Морское училище в 1870-е гг. подробно описано в воспоминаниях И.К. Григоровича[406].

Мемуары выпускников пореформенных кадетских корпусов, изданные в дореволюционной России, за рубежом и в СССР, гораздо более многочисленны. Жизнь Пажеского корпуса в конце XIX – начале XX в. отражена в мемуарах Ф.К.

---

[392] Катанаев Г. «Повестка к вставанию» (из воспоминания о кадетском корпусе) // Омская старина. 1993. № 2. С. 20-35.

[393] Записки Николая Александровича Качалова // Голос минувшего. 1916. № 5-6 С. 5-23; № 7-8. С. 218-246.

[394] Морской кадетский корпус в 1823-1828 годах (Из воспоминания генерал-майора Петра Васильевича Митурича) // Исторический вестник. 1888. № 9. С. 507-543.

[395] Завалишин Д.Н. Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822 год // Русский вестник. 1873. № 6. С. 623-655.

[396] Морской кадетский корпус. Из воспоминаний Николая Александровича Энгельгардта. 1822-1829 гг. // Русская старина. 1884. № 2. С. 375-380.

[397] Морской шляхетный корпус 1822-1826, в воспоминаниях Л.А. Загоскина // Русская старина. 1886. № 12. С. 709-716.

[398] Морской кадетский корпус в воспоминаниях адмирала А.И. Зеленого. 1822-1826 гг. // Русская старина. 1883. № 10. С. 89-98; Воспоминания о Морском кадетском корпусе. А.С. Зеленый // Исторический вестник. 1901. № 2. С. 604-622.

[399] Взгляд на прошедшее (Воспоминания А.С. Горковенко) // Морской сборник. 1876. № 6. С. 55-84.

[400] Воспоминания генерала от артиллерии Николая Федоровича Эгерштром. СПб.: Экономическая Типо-Литография, 1910.

[401] Пещуров М. Очерк моей жизни. СПб., 1881.

[402] Из записок Д.Ф. Мертваго. Морской кадетский корпус 1856-1958 гг. // Морской сборник. 1918. № 12. С. 45-61.

[403] Ливрон К.Ф. Отрывочные воспоминания старого моряка // Морской сборник. 1890. № 5. С. 51-63.

[404] Линден В.М. Из воспоминаний о Морском корпусе. Как нас учили (1856-1862) // Морской журнал. 1936. № 107(11). С. 254-255 (6-7).

[405] Лыкошин Н. Во 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии. Из воспоминаний 1870-77 гг. // Кадет-михайловец. Литературный популярно-научный журнал 2-го кадетского Его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича корпуса. № 4. 15 мая 1909 г. С. 20-24; № 5. 23 ноября 1909 г. С. 25-28; № 6. 12 мая 1910 г. С. 29-34; № 7. 23 ноября 1910 г. С. 24-28; З-ов Н. Из воспоминаний о Владимирской-Киевской военной гимназии (Посвящается памяти Павла Николаевича Юшенова) // Педагогический сборник. 1907. № 1. Ч. неофиц. С. 56-71; В Орловском Бахтина кадетском корпусе. Из воспоминаний ген.-лейт. Е. А. Милодановича // Военная быль. 1962. № 56. С. 41-45; № 57. С. 25-27.

[406] Григорович И.К. Воспоминания бывшего морского министра. Кронштадт-Москва: Морская газета; Кучково поле, 2005.

Гершельмана[407], А.А. Игнатьева[408], Б.А. Энгельгардта[409], Д. Тарасова[410], а также в многочисленных сборниках воспоминаний бывших пажей, опубликованных Союзом пажей в Париже в 1955-1968 гг.[411] 2-му кадетскому корпусу посвящены воспоминания В.Я. Бельского[412]. Быт и традиции воспитанников 3-го Московского кадетского корпуса описаны в мемуарах А.Н. Елизарова[413] и Б.Е. Захавы[414]. Внутренняя жизнь Орловского-Бахтина кадетского корпуса запечатлена в воспоминаниях Г. Месняева[415] и Б.Е. Захавы[416]. О Михайловском-Воронежском кадетском корпусе писал его выпускник А.Л. Марков[417], о Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе – А.И. Спиридович[418], об Оренбургском-Неплюевский кадетский корпус – В.М. Догадин[419]. Тифлисский кадетский корпус описан Г.Ф. Танутровым[420].

Жизнь Морского корпуса в конце XIX – начале XX в. запечатлена в воспоминаниях Г.К. Графа[421], П.П. Ишеева[422], В. фон Берга[423], Б.Б. Лобач-Жученко[424], П.Е. Стогова[425], П.Л. Светлика[426].

Все указанные авторы ограничились внешним описанием учебно-воспитательного процесса, бытовой стороны своей жизни и неофициальных тра-

---

[407] Гершельман Ф.К., Гурко Д.И. Генералами рождаются: воспоминания русских военачальников XIX – начала XX вв. М.: Русское слово, 2002.
[408] Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986.
[409] Энгельгардт Б.А. Воспоминания камер-пажа // Военно-исторический журнал. 1993. № 12. С. 54-59; 1994. № 1. С. 52-59; № 2. С. 52-56; № 3. С. 76-84; № 4. С. 63-67; № 5. С. 66-71; № 6. С. 70-74; № 7. С. 79-83; № 9. С. 52-59; 2002. № 12. С. 45-52; 2003. № 2. С. 42-50; № 3. С. 47-52; № 6. С. 39-42; № 8. С. 48-53; № 9. С. 48-54; 2004. № 2. С. 54-56; № 3. С. 39-42; № 4. С. 45-50.
[410] «Маленький корпус». Из воспоминаний старого пажа, Д. Тарасова // Исторический журнал. 1917. Кн. 2. С. 196-200. Кн. 3. С. 321-326.
[411] Союз пажей. Сборник, посвященный выдержкам из воспоминаний бывших пажей. №№ 1-40. Париж, 1955-1968.
[412] Бельский В.Я. О родном корпусе. Сан-Франциско, 1971.
[413] Елизаров А.Н. Из воспоминаний московского кадета // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 3. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», 2002. С. 311-332.
[414] Захава Б.Е. Кадетский корпус. М.: Academia, 2000.
[415] Месняев Г. Кадетские годы (1902-1909) // Военная быль. 1954. № 11. С. 2-6; 1955. № 12. С. 4-9;1955. № 13. С. 6-10; 1955. № 14. С. 9-13; 1955. № 15. С. 4-7; 1956. № 16. С. 7-12.
[416] Захава Б.Е. Кадетский корпус. М.: Academia, 2000.
[417] Марков А. Кадеты и юнкера. Буэнос-Айрес, 1961.
[418] Спиридович А.И. Записки жандарма. М.: Художественная литература, 1991.
[419] Догадин В.М. Кадетские годы // Военно-исторический журнал. 2004. № 9. С. 67-69; № 11. С. 71-73; 2005. № 1. С. 68-71.
[420] Танутров Г.Ф. Свет и тени Кавказа: От Тифлиса до Парижа. М.: Воениздат, 2000.
[421] Граф Г.К. Моряки (очерки из жизни морских офицеров). Париж: Imprimerie de Navarre, 1930.
[422] Ишеев П.П. Осколки прошлого. Воспоминания. 1889-1959. Нью-Йорк, 1959.
[423] Фон Берг В. Последние гардемарины (Морской корпус). Трилогия. Париж, 1931.
[424] Лобач-Жученко Б.Б. Записки последнего гардемарина. М.: Андреевский флаг, 1993.
[425] Стогов П.Е. Из корпусных воспоминаний (1901 год) // Морские записки. 1949. № 1. С. 30.
[426] Светлик П.Л. Тени прошлого… Воспоминания о службе в Российском императорском флоте // Морские записки. 1955. Т. 133. № 1. С. 48-62.

диций. Какие-либо сравнения, выводы, обобщения в мемуарах, как правило, отсутствуют. Лишь в книге, написанной в начале XX в. бывшим кадетом В.А. Самоновым, содержатся критические высказывания о постановке учебно-воспитательной работы в кадетских корпусах 1880-х гг.[427] Кроме того, представляет интерес опубликованная в середине 1880-х гг., после военно-учебной контрреформы Александра III, анонимная брошюра «Кадетские корпуса и военные гимназии», автор которой, бывший кадет николаевского времени, восхвалял старые кадетские корпуса, резко осуждал порядки, существовавшие в военных гимназиях, и горячо приветствовал восстановление кадетских корпусов[428].

Достаточно многочисленные воспоминания, оставленные выпускниками военных и юнкерских училищ, позволяют реконструировать внутреннюю жизнь этих военно-учебных заведений, дать характеристику учебно-воспитательной работе, культурным и неофициальным традициям. Больше всего мемуаров принадлежит бывшим юнкерам Николаевского кавалерийского училища. Они, как правило, уделяли преимущественное внимание описанию неофициальных традиций, обычаев и обрядов заведения. «Цук» и другие традиции Николаевского кавалерийского училища нашли отражение в мемуарах А.В. Верещагина[429], А. Баженова[430], С.Ф. Сулина[431], А.С. Бразоля[432], Э.Ф. Менда[433], В. Целебровского[434], В.С. Трубецкого[435], В. Литтауэра[436], Г.Ф. Танутрова[437], А.Е. Маркова[438], А.Л. Носови-

[427] Самонов В.А. Мысли современного офицера. В 4-х выпусках. Выпуск I. Тифлис: Типография «Гуттенберг», 1907.
[428] Кадетские корпуса и военные гимназии. Б.м., б.г.
[429] Дома и на войне. 1853-1881. Воспоминания и рассказы Александра Верещагина. Изд. 2-е. СПб., 1886.
[430] Баженов А. Сотня юнкеров Николаевского кавалерийского училища // Родные дали. Лос-Анджелес. 1956. № 33. С. 36-37; № 34. С. 35-37.
[431] Сулин С.Ф. Воспоминания о Николаевском кавалерийском училище (по поводу 100-летия с его основания) // Казачьи думы. 1923. № 9. С. 29-34.
[432] Бразоль А.С. Николаевское кавалерийское училище // Новый журнал. № 120. Нью-Йорк, 1975. С. 176-194.
[433] Менд Э.Ф. В училище // Из нашего прошлого. Воспоминания членов союза б. юнкеров Николаевского кавалерийского училища в Гельсингфорсе. Тетрадь первая. Гельсингфорс, 1943. С. 2-17.
[434] Целебровский В. Корнетский обход // Из нашего прошлого. Воспоминания членов союза б. юнкеров Николаевского кавалерийского училища в Гельсингфорсе. Тетрадь первая. Гельсингфорс, 1943. С. 53-56.
[435] Трубецкой В.С. Записки кирасира. М., 1993.
[436] Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911-1920. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.
[437] Танутров Г.Ф. Свет и тени Кавказа: От Тифлиса до Парижа. М.: Воениздат, 2000.
[438] Марков А. Кадеты и юнкера. Буэнос-Айрес, 1961.

ча[439], а также в беллетризированных воспоминаниях Г.И. Лисовского, писавшего под псевдонимом Е. Вадимов[440].

Традиции Елизаветградского кавалерийского училища описаны в воспоминаниях его выпускников (П. Ишеева, П. Бассен-Шпиллера, Е. Алешо, К. Подушкина и др.), опубликованных в сборнике «Незабываемое прошлое Славной Южной Школы»[441]. Эти мемуары позволяют достаточно уверенно реконструировать бытовавший в Елизаветградском училище вариант «кавалерийских» традиций, показать роль и место неофициальных традиций и обычаев в жизни заведения.

К сожалению, воспоминаний бывших юнкеров пехотных военных училищ немного; как правило, они весьма кратки и дают лишь общее представление о жизни заведений. Режим Павловского корпуса в 1870-е гг. запечатлен в мемуарах В.С. Кривенко[442]. Последний период деятельности Павловского училища описан в воспоминаниях В.Б. Станкевича[443]. Константиновское военное училище запечатлено в воспоминаниях одного из его юнкеров[444]. Александровскому военному училищу посвящены воспоминания В. Благовещенского[445]. О Московском военном училище в своих воспоминаниях подробно рассказал Б.М. Шапошников[446].

Несколько более представительным выглядит массив воспоминаний, оставленных выпускниками специальных училищ. Жизнь Михайловского артиллерийского училища нашла отражение в сборнике мемуаров его выпускников (К.К. Эггера, Н.С. Батюшина, М.Н. Промтова, В.И. Стомма и др.), вышедшем уже в эмиграции[447], а также в воспоминаниях Г. Новицкого[448]. Жизнь Константиновского

---

[439] Носович А.Л. Записки вахмистра Носовича. Париж, 1967.
[440] Вадимов Е. Корнеты и звери («славная школа»): Очерки. Белград: Издание Н.З. Рыбинского, 1929.
[441] Незабываемое прошлое Славной Южной Школы. Исторический очерк Елизаветградского кавалерийского училища с воспоминаниями питомцев школы к столетию со дня основания училища. Под ред. С.Н. Ряснянского. Нью-Йорк, 1965.
[442] Кривенко В.С. Юнкерские годы. 25 лет назад. СПб., 1898.
[443] Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919 г. Берлин: Издательство И.П. Ладыжникова, 1920.
[444] И.Ф. Воспоминания юнкера 2-го военного Константиновского училища // Русская старина. 1909. № 10. С. 194-224; № 11. С. 390-400.
[445] Благовещенский В. Воспоминания юнкера-александровца за 1892-1894 гг. // Александровец. 1907. № 6. С. 28-31; № 7. С. 17-23.
[446] Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воениздат, 1974.
[447] Михайловцы. Сборник воспоминаний о Михайловских артиллерийских училище и академии и их питомцах. Выпуск 1-й. Белград, 1936.
[448] Новицкий Г. Воспоминания воспитанника первого выпуска из Артиллерийского училища // Военный сборник. 1871. № 2. С. 287-308.

артиллерийского училища в 1917 г. описана В. Ларионовым[449]. О своем пребывании в Николаевском инженерном училище подробно рассказал В.М. Догадин[450].

Наконец, достаточно много мемуаров написано выпускниками юнкерских училищ. Московское пехотное юнкерское училище рассмотрено в мемуарах А.А. Самойло[451], Киевское юнкерское училище – А.И. Деникин, учившийся в нем на военно-училищном курсе[452]. Внутренняя жизнь Одесского юнкерского училища запечатлена И. Жилинским и В. Дмитриевым[453], Чугуевского – Н.М. Лессеко[454], Варшавского – М.В. Грулевым[455].

Воспоминания кадет эмигрантских кадетских корпусов активно публиковались на страницах журналов «Кадетская перекличка» и «Военная быль», а также печатных изданий объединений кадет. Интересным источником по истории неофициальных традиций кадет дореволюционных и эмигрантских корпусов является книга А.Б. Йордана «Честь родного погона», представляющая собой сборник воспоминаний и рассказов бывших кадет[456]. Деятельность Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса в Хабаровске и Шанхае, а также жизнь кадет Крымского корпуса запечатлена в мемуарах Г.Г. Любимова[457].

Кроме воспоминаний выпускников корпусов и училищ, большую ценность представляют и мемуары лиц, служивших в военно-учебных заведениях. Воспоминания педагогов – Г.Д. Щербачева о воспитании в старых кадетских корпусах[458], Н.А. Епанчина о деятельности Пажеского корпуса в начале XX в.[459], В.Г. фон Бооля, служившего в Петровском Полтавском кадетском корпусе и в Алек-

---

[449] Ларионов В. Последние юнкера. Франкфурт-на-Майне, 1984.
[450] Догадин В.М. В Николаевском инженерном училище // Военно-исторический журнал. 2005. № 10. С. 69-72; № 11. С. 70-73; 2006. № 1. С. 68-71; № 2. С. 74-77.
[451] Самойло А.А. Две жизни. Воспоминания генерал-лейтенанта в отставке. Л.: Лениздат, 1963..
[452] Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Современник, 1991.
[453] Жилинский И. «Рюрик» (Из воспоминаний об Одесском юнкерском училище). Дмитриев В. Юнкерские стихотворения. СПб., 1908.
[454] Лессеко Н.М. Дневник юнкера. Кутаис, 1912.
[455] Грулев М.В. Записки генерала-еврея. М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007.
[456] Йордан А.Б. Честь родного погона [книга о традициях в Российских кадетских корпусах]. М.: Интерграф Сервис, 2003.
[457] Любимов Г.Г. Мои кадетские годы // Гувернер. 1998. № 1. С. 69-84.
[458] Щербачев Г.Д. Идеалы моей жизни. Воспоминания из времен царствования императоров Николая I и Александра II. М., 1895.
[459] Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996.

сандровском военном училище[460], Н.А. Зотова[461] и некоторых других лиц – позволяют взглянуть на жизнь военно-учебных заведений глазами непосредственных организаторов учебно-воспитательной работы. Отдельно следует упомянуть отчеты о прогулках и экскурсиях кадет Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса, которые представляли собой художественную обработку офицером-воспитателем корпуса В.Н. Сумцовым его собственных дневников, а также дневников и записок других участников поездок[462].

Наконец, небезынтересны и рассказы и воспоминания лиц, так или иначе знакомых с внутренней жизнью военно-учебных заведений. Уникальные заметки о состоянии Сухопутного корпуса в 1770-е гг. оставил Д. Дидро, посетивший Россию в 1773 г.[463] Любопытно описание просветительских традиций Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, данное М.Ф. Каменской[464] Большое значение имеют и воспоминания Л. Кедриной, в которых говорится об учебе ее отца в Дворянском полку[465]. Резко критический отзыв о состоянии учебно-воспитательной работы в кадетских корпусах в конце 1820-х гг. дан А.Н. Вульфом[466].

Художественная литература. В процессе подготовки работы были проанализированы художественные произведения, написанные выпускниками военно-учебных заведений либо основанные на их воспоминаниях.

В первую очередь следует отметить произведения «кадетского цикла» Н.С. Лескова – «Кадетский монастырь» и «Кадетский малолеток в старости», – а также тесно примыкающие к ним произведения, посвященные Главному инженерному училищу («Инженеры-бессребреники», «Привидение в Инженерном замке»). Они основаны на воспоминаниях и свидетельствах бывших воспитанников. «Кадет-

---

[460] Воспоминания педагога В.Г. фон Бооля // Русская старина. 1904. № 3. С. 615-630; № 4. С. 111-123; № 5. С. 379-392; № 7. С. 213-227; № 8. С. 287-305; № 9. С. 578-593; № 10. С. 74-101; № 11. С. 300-348.

[461] Зотов Н.А. Записки офицера-воспитателя (За 8 лет службы в кадетском корпусе) // Педагогический сборник, 1908. № 6. С. 484-494; 1909. № 3; 1910. № 4. С. 392-408; 1911. № 6. С. 691-700; 1914. № 3. С. 312-320; 1916. № 6. С. 778-787.

[462] Сумцов В.Н. Аракчеевцы в Грузино и Аракчеевку. Экскурсионный очерк. К 75-летию Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса. Н.Новг., 1909; Сумцов В.Н. Аракчеевцы в Полтаву и Киев. Экскурсионный очерк. С 21 рисунком в тексте. Н.Новг.: Типография И. Серкина, 1911; Сумцов В.Н. Аракчеевцы на Урал. Экскурсионный очерк. С 54 рисунками в тексте и схем. картой Среднего Урала. Н.Новг., 1913.

[463] Дидро – о шляхетном корпусе // Педагогический сборник. 1885. № 2. Ч. неофиц. С. 124-140.

[464] Каменская М.Ф. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1991.

[465] Из моих воспоминаний. Л. Кедриной // Русский архив. 1917. № 1. С. 102-135.

[466] Вульф А.Н. Дневники // Любовный быт пушкинской эпохи. М.: Современник, 1999. С. 79-265.

ский монастырь» представляет собой беллетризированный вариант упомянутых выше воспоминаний Г.Д. Похитонова, а фактологической основой «Инженеров-бессребреников» являются мемуары П.Ф. Фермора. «Привидение в Инженерном замке», по авторитетному утверждению А.Н. Лескова, – это литературная обработка рассказа капитана И.С. Запорожского.

Весьма значимы и произведения А.И. Куприна – повесть «На переломе (Кадеты)» и роман «Юнкера». Их автобиографичность не раз подчеркивалась самим Куприным. Писатель облек в художественную форму впечатления, вынесенные из военной гимназии и военного училища, не стремясь приукрасить их или, напротив, сгустить темные краски.

Кроме того, жизнь кадет в пореформенных корпусах описана А.И. Леманом[467] и Н. Михайловым[468].

Внутренняя жизнь Николаевского кавалерийского училища в 1890-е гг. описаны в юмористической поэме М. Владиславовича «На мотивы ”Звериады”»[469] и романе Ю. Галича «Звериада»[470]. Кроме того, Николаевскому кавалерийскому училищу посвящен один из рассказов В. Северцова[471].

Фольклор. Полные тексты дореволюционных «Звериад», к сожалению, до нас не дошли. Сохранились лишь «Звериады» зарубежных кадетских корпусов, опубликованные уже в наше время выпускниками кадетских корпусов русской эмиграции[472]. Их же усилиями были собраны и двустишия кадетских «Журавлей».

Анализ охарактеризованных выше источников позволяет дать комплексную научную характеристику военно-культурных традиций подготовки русского офицерского корпуса, выделить и описать основные этапы их развития, показать их влияние на формирование менталитета офицеров и необходимых им профессиональных знаний и умений. Достаточно большое количество неопубликованных источников из фондов Российского государственного военно-исторического ар-

---

[467] Леман А. Очерки кадетской жизни. СПб.: Типография Дома Призрения Малолетн. Бедных, 1888.
[468] Михайлов Н. Кадетские годы Сергеева. СПб., 1900.
[469] Владиславович М. На мотивы «Звериады». Воспоминания о Николаевском кавалерийском училище. СПб., 1896-1898 гг. Ровно, 1936.
[470] Галич Ю. Звериада: Записки Черкесова. Роман. Рига: Грамату Драугс, 1931.
[471] Северцов В. Где счастье? : Рассказы и сказки. СПб.: Тип. И.М. Комелова, 1898.
[472] Зарубежная «Звериада» // Кадетская перекличка. 1997. № 62-63. С. 4-6; Звериада Крымского кадетского корпуса // Кадетская перекличка. 1995. № 57. С. 132-133.

хива, архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива литературы и искусства впервые вводится в научный оборот.

Выводы по первой главе

Анализ литературы по теме исследования показывает, что отдельные аспекты феномена военно-культурных традиций подготовки русского офицерства получили детальное освещение как в дореволюционной, эмигрантской и советской, так и в современной историографии. Это в первую очередь относится к традициям постановки учебно-воспитательной работы и продуктивного заполнения досуга воспитанников. Пристальное внимание к официальным и неофициальным традициям подготовки офицеров свойственно лишь современной исторической науке. Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных различным сторонам деятельности системы подготовки русского офицерского корпуса, комплексного, обобщающего труда, в котором получил бы всестороннее освещение феномен военно-культурных традиций подготовки русского офицерского корпуса, в настоящее время нет.

Вместе с тем большое количество источников – нормативно-правовых актов различного уровня, неопубликованных и опубликованных делопроизводственных документов, источников личного происхождения, педагогических трудов и публикаций в периодической печати, ученического фольклора – позволяет решить эту задачу, выявив условия и время возникновения военно-культурных традиций подготовки русского офицерского корпуса, проследив основные этапы их развития, дав им комплексную характеристику и оценив их влияние на облик русского офицерства.

ГЛАВА II.

ВОЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ПОДГОТОВКИ РУССКОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

2.1. Содержание понятия «военно-культурные традиции»

В отечественной и зарубежной историографии понятие «военно-культурные традиции» не разработано, хотя понятиям «воинские традиции», «военная культура» и «воинская культура» уделено достаточно большое внимание. О «традициях отечественной военной культуры» говорится лишь в небольшой работе А. Литвинова[473], однако автор не дал им определения, оперируя понятиями «воинские традиции» и «военная культура», но не сводя их воедино.

Трудность формулировки определения военно-культурных традиций обусловлена в значительной степени тем, что единой трактовки понятий «военная/воинская культура» и «воинские традиции» в настоящее время нет. Хотя термин «военная культура» вошел в употребление в начале XX в., полномасштабное изучение военной культуры началось относительно недавно – в 90-е гг. XX в. К настоящему времени уже создан солидный историографический пласт, анализ которого позволяет выделить несколько подходов к трактовке понятия «военная культура».

В рамках первого подхода военная культура понимается как субкультура военнослужащих, охватывающая «образ жизни, набор ценностей и норм, язык, ритуалы, символы, материальная, художественная культура, искусство»[474]. Она реализуется в основном на поведенческом уровне. Е.Н. Романовой выявлены и описаны такие характерные черты военной культуры, как маскулинность, тоталитарность, двойственность (дуализм), сакральность, регламентация тела, способность к экстраполяции своих ценностей в экстремальных условиях на общество в

[473] Литвинов А. Роль офицерского корпуса в воспитании подчиненных на лучших традициях отечественной военной культуры // Ориентир. 2010. № 7.

[474] Романова Е.Н. Военная культура и ее основные характеристики // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 1(60). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-kultura-i-ee-osnovnye-harakteristiki (дата обращения: 05.06.2016).

целом. С.Т. Минаков, анализируя мировую культуру, выделил такой ее элемент, как «военно-бытовая культура». К явлениям военно-бытовой культуры им отнесены «внешние знаки и признаки, должные с древнейших времен отличать воина, героя, полководца»[475] (форменное обмундирование, знаки различия, награды), а также этика воинского поведения, воинский фольклор, военная музыка, бытовые мифы о военачальниках и полководцах. Военная субкультура делится на формальную и неформальную; кроме того, определенные типы военной субкультуры присущи различным категориям военнослужащих.

В соответствии со вторым подходом в понятие «военная культура» включаются, помимо субкультуры военной среды, мышление военных и их профессиональные качества, значимые не только для самой военной среды, но и для общества в целом. Так, В. Круглов относит к военной культуре, кроме субкультуры военнослужащих, и уровень развития военной науки, военного дела. По его мнению, под военной культурой «можно понимать уровень знаний о войне в самом широком смысле и во всех ее аспектах, а также способность армии эффективно применять достижения отечественной и мировой науки и культуры для выполнения задач в соответствии с ее предназначением»[476].

Третий подход сводится к отождествлению военной культуры с военным делом в целом. Так, А.Б. Григорьев относит к военной культуре все то, что создано человеком в области военного дела как в материальной, так и в духовной сфере[477].

Наконец, в рамках четвертого подхода в качестве создателей и носителей военной культуры рассматриваются не военнослужащие, а индивиды, социальные группы, общество в целом. Таким образом, военная культура, утрачивая свою военно-профессиональную атрибуцию, становится сущностной характеристикой военной сферы жизни общества. Такой подход основан на том, что война не является исключительным достоянием профессиональных военных и так или иначе

---

[475] Минаков С.Т. Введение в историю мировой культуры. Орел: Издательство Социально-Образовательного Центра, 1995. С. 56.
[476] Круглов В. Феномен военной культуры // Независимое военное обозрение. 2015. 13 марта.
[477] Григорьев А., Свитов В. Только ли патриоты нужны армии? Концепция фонда «Воин» // Независимая газета. 1994. 15 сентября.

затрагивает общество в целом, отражаясь и на его культуре. Отказ от привязки к армейской среде, сложность, многомерность и неоднозначность военной сферы предполагают не столько культурологическую, сколько философскую, политологическую и военно-научную интерпретацию военной культуры. Этот подход, на наш взгляд, является наиболее предпочтительным, ибо он позволяет выйти за узкие рамки военной корпорации и показать взаимосвязь военной культуры с культурой в целом, с наукой, с социумом, с личностью.

Так, С.Н. Климовым военная культура трактуется как «специфический способ организации военной сферы деятельности, характеристика ее бытия, степени совершенства развития как системы, представленной через совокупность социальных отношений, институтов, норм и ценностей в соответствующих продуктах материального и духовного труда»[478]. Сердцевиной военной культуры является культура вооруженного насилия, однако это не лишает ее гуманистического характера. Исследователь выделил такие элементы военной культуры, как военная культура общества, военная культура государства, военная культура армии и военная культура личности военнослужащего. Военная культура общества, в свою очередь, С.Н. Климовым разделена на различные компоненты экономического, политического, социального и духовного характера.

В.Н. Гребеньковым предложено определение военной культуры как «специфического способа организации национальной жизнедеятельности и исторически развивающейся системы культурных установок и ценностей, отражающей дух эпохи и направляющей деятельность человека, общества и государства на организацию вооруженной силы Отечества»[479]. Военная культура в представлении данного автора возникает как эмерджентная (т.е. не присущая ее элементам) часть общей культуры, в мирное время существует в скрытой форме (за исключением субкультуры военнослужащих) и в полной мере проявляется лишь после начала войны. В.Н. Гребеньков выделяет в военной культуре следующие элементы: 1) военная культура общества; 2) военная культура государства; 3) военная культура

[478] Климов С.Н. Военная культура Франции XX в.: социально-философский анализ: дис. … д-ра филос. наук. М., 2002. С. 20.
[479] Гребеньков В.Н. Военная культура российского общества: философско-культурологическая концепция: дис. … д-ра философ. наук. Ставрополь, 2011. С. 11.

социальных групп; 4) военная культура личности[480]. В результате подробного изучения первого из этих элементов он дает следующее определение военной культуре общества: «Военная культура общества – это продукт человеческой деятельности в ее материальном и духовном воплощении, которая связана с системой военных знаний, воззрений, убеждений, ценностей общества и которая реализуется в процессе практической деятельности субъекта по защите Отечества»[481].

Комплексное, всестороннее исследование военной культуры как социокультурного феномена осуществлено В.И. Бажуковым[482]. Он представляет военную культуру в виде «системы ценностно-нормативных, духовно-идеологических и знаково-символических элементов, обеспечивающих мотивацию и регуляцию военной деятельности различных субъектов»[483]. В рамках данного подхода Бажуковым предложены широкая и узкая трактовки понятия «военная культура». В широком смысле военная культура – это все то, что создано человеком в военной сфере: военная идеология, военная политика, военная экономика, военные традиции и т.п. В узком смысле военная культура представляет собой «комплекс устойчивых, исторически сложившихся на индивидуальном, групповом и массовом уровнях установок сознания и моделей поведения человека в военной сфере», включающих в себя ценностно-нормативные, духовно-идеологические, знаково-символические и материальные элементы и выраженных в военных обычаях и традициях, воинских обрядах и ритуалах[484].

На наш взгляд, дуалистический подход, предложенный В.И. Бажуковым, является наиболее оправданным. Учитывая закрытость военной среды, ее относительную обособленность от социума, можно говорить о параллельном существовании военной культуры в широком смысле, под которой следует понимать все то, что связано с военным делом и жизненно необходимо для обеспечения военной безопасности личности, социума и государства, и военной культуры в узком смысле, носителями которой являются военнослужащие.

---

[480] Гребеньков В.Н. Указ. соч. С. 56-57.
[481] Там же. С. 58.
[482] Бажуков В.И. Эвристические возможности антропологического подхода к исследованию военной культуры: дис. … д-ра культурологии. М., 2009.
[483] Там же. С. 5.
[484] Там же.

Переходя к рассмотрению понятия «воинские традиции», следует прежде всего сказать, что понятие «традиция» само по себе является сложным и неоднозначным. В общественных науках традиция обычно связывается с передающимися от поколения к поколению устойчивыми элементами социокультурного пространства, обеспечивающими его преемственное сохранение и дальнейшую трансляцию. Воинские традиции, очевидно, следует связать с трансляцией социокультурных феноменов, присущих военной среде.

Впервые понятие «воинские традиции» стало разрабатываться, как и понятие «военная культура», на рубеже XIX–XX вв. Дореволюционные авторы не пытались осуществить комплексный научный анализ воинских традиций и преследовали сугубо практические цели: воскресить образ офицера-рыцаря, поднять престиж офицерской службы, усилить корпоративные чувства, ликвидировать раскол между офицерами и нижними чинами, устранить вражду между офицерами, принадлежавшими к разным родам оружия. Характеристика традиций сводилась к их обобщенному описанию с активным использованием примеров из истории и современной жизни и отличалась субъективно-критической направленностью с явным расчетом на последующую полемику. Но уже в самых первых работах, созданных М. С. Галкиным, А. Н. Апухтиным, М. О. Меньшиковым, Н. А. Морозовым и другими авторами, четко прослеживалось деление воинских традиций на боевые, служебные, бытовые и учебно-воспитательные, а также на позитивные и негативные.

Основой корпоративных и боевых традиций, по мнению большинства авторов, являлась традиция товарищества. Генерал-майор Я. В. Червинка писал: «…корпоративный товарищеский дух, который я защищаю, вовсе не может нарушать личных чьих-либо интересов или стеснять кого бы то ни было, а что, напротив, он одинаково поддерживает всех, богатых и бедных, не вызывая интриг, выставляя на первый план лишь дружное служение общей цели»[485].

[485] Червинка Я. Военная карьера у нас и за границею века // Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. / Сост.: А. И. Каменев, И. В. Домнин, Ю. Т. Белов, А. Е. Савинкин, ред. А. Е. Савинкин. М.: Военный университет: Русский путь, 2000. (Российский военный сборник. Вып. 17). С. 187.

Все авторы единодушно отмечали негативную сторону гатчинских и аракчеевских плац-парадных традиций. Милютинские реформы (особенно военно-учебная) не были воспринимаемы однозначно: авторы, стоявшие на консервативных позициях, порицали Д. А. Милютина за изгнание из армии «воинского духа», либералы же, напротив, одобрительно отзывались о ликвидации крепостнических отношений между офицерами и солдатами и смягчении нравов.

После 1917 г. процесс и развития, и изучения русских воинских традиций на территории бывшей Российской империи прервался. Создатели Красной Армии намеренно продекларировали отказ от наследия царской армии, осознанно пошли на уничтожение ее воинских традиций. Изучение отечественных воинских традиций осуществлялось лишь в Русском Зарубежье. В частности, кадеты-эмигранты полагали, что воинские традиции – это «передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся длительное время в военной среде общественные и воинские ценности, правила и нормы поведения военнослужащих, а также обычаи и воинские ритуалы»[486].

Обращение к опыту функционирования русской императорской армии в СССР последовало лишь в 1943 г. Вслед за введением погон в качестве знаков различия и реабилитацией слова «офицер» были возрождены и «лучшие традиции русского офицерства». По мнению Е. Ярушевича, автора одной из первых публикаций в СССР на данную тему, к ним относились почитание знамени и сохранение чести мундира, причем последняя традиция включала в себя правила поведения на службе и в повседневной жизни, любовь к своей части и сознание своего долга перед Родиной[487]. Схожий смысл в понятие «традиции русского офицерства» вкладывал и А. Кривицкий, издавший в 1945 г. книгу, отдельные главы которой носят названия: «Честь офицерского мундира», «Офицер и военная награда», «Офицер и знамя», «Военное имя офицера», «Офицер вне службы». Уделил Кри-

[486] Исторический сборник. Нью-Йорк: Изд. Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом. Апрель 1996. №1. С. 102.
[487] Ярушевич Е. О лучших традициях русского офицерства // Военный вестник. 1943. № 15-16. С. 37-39.

вицкий внимание и негативным традициям, внедренным Петром III и конкурировавшим с петровскими и суворовскими боевыми традициями[488].

В 60-80-е гг. XX в. анализ воинских традиций осуществлялся в контексте организации воспитательной работы в советских Вооруженных Силах и носил, как и прежде, описательный характер[489]. При этом, в отличие от работ 1940-х гг., авторы которых в первую очередь изучали боевые и духовные традиции, в этих трудах преимущественное внимание уделялось внешней, церемониальной стороне воинских ритуалов. Подобный научно-популярный подход, преследующий в первую очередь воспитательные и просветительские цели и ориентированный на курсантскую и солдатскую аудиторию, сохранялся и в начале 1990-х гг.[490] Со временем он стал приобретать более научный характер, не утрачивая при этом своей основной цели. Примером подобного синтеза научных и воспитательных задач является учебно-методическое пособие В. К. Смирнова «Семь бесед об офицерских традициях», в котором офицерские традиции трактуются «с одной стороны, как моральный феномен, отражающий сложную систему присущих ему законов и связей, с другой – как социально-психологическое явление, как механизм передачи профессионально значимых ценностей от одного поколения к другому в целях формирования внутреннего единства этих ценностей»[491].

Комплексное научное изучение воинских традиций дореволюционной русской армии как самостоятельного феномена началось лишь в 90-е гг. XX в. Одной из первых работ подобного рода стала кандидатская диссертация И. А. Шеина, защищенная в 1994 г. В ней дано определение воинским традициям: под ними автор предлагает понимать «исторически сложившиеся в армии и на флоте, передающиеся из поколения в поколение идеи, правила, обычаи, нормы поведения и другие общественные установления военной организации, связанные с выполнением боевых задач, воинской службой и бытом военнослужащих»[492]. Главной за-

---

[488] Кривицкий А. Традиции русского офицерства. М.: Воениздат, 1945. С. 16-17.
[489] См.: Ашев Г. А. Воинские ритуалы: Учебное пособие. М.: ВПА, 1977; Серых В. Д. Воинские ритуалы. М.: Воениздат, 1986.
[490] Печень Н. Традиции в русской армии // Военный вестник. 1993. № 6. С. 62-65.
[491] Смирнов В. К. Семь бесед об офицерских традициях. Учебно-методическое пособие. Орел: ВИПС, 1995. С. 6.
[492] Шеин И.А. Развитие воинских традиций Российской армии во второй половине XIX – начале XX вв.: исторический опыт и уроки: дис. … канд. ист. наук. М., 1994. С. 25.

дачей традиций, по мнению Шеина, является обеспечение боевой готовности; кроме того, «воинские традиции выступают средством и методом воспитания личного состава армии, оказывают существенное влияние на поведение людей и формирование социально-психологических отношений между ними, в соответствии с историческим складом вооруженных сил»[493].

По мнению ученика И. А. Шеина, В. Е. Морихина, «внешне они (т. е. воинские традиции – А. Г.) проявляются через достаточно устойчивый комплекс межличностных и коллективных действий, направленных на удовлетворение конкретных потребностей военнослужащих»[494]. Морихин дает воинским традициям следующую классификацию: 1) традиции офицерского корпуса; 2) традиции унтер-офицеров и 3) традиции рядовых. При этом он полагал, что офицерские традиции, носители которых сознательно посвящают армии всю свою жизнь, занимают в системе воинских традиций ведущее место. В свою очередь, офицерские традиции были подразделены Морихиным на боевые, служебно-функциональные и нравственные.

А. И. Каменев, считавший своей задачей продолжение и развитие темы, поднятой А. Кривицким в книге «Традиции русского офицерства», не дал определения воинским традициям, однако перечислил их в виде тезисов, разделил на две группы (боевые и бытовые) и проиллюстрировал каждый тезис с помощью исторических примеров[495]. По мнению Каменева, к боевым традициям относились следующие: «Без колебаний идти в бой, не дрогнув перед опасностью и смертью», «Воевать достойно и достойно умирать», «Установка на бой и победу в бою», «Постоянная бдительность», «Необыкновенное благородство, умение подавить в себе честолюбие в минуты опасности для Родины», «Частная инициатива, стремление к взаимной поддержке в бою», «Верность присяге, отсутствие всякой мысли об измене, плене и т. п.», «Отсутствие боязни перед вышестоящим начальником». К служебным и бытовым традициям А. И. Каменев отнес такие тезисы-

[493] Там же. С. 25.
[494] Морихин В. Е. Традиции офицерского корпуса русской армии XIX - начала XX веков (Исторический анализ) : дис. ... канд. ист. наук. С. 24.
[495] Каменев А. И. Офицер – профессия идейная // Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. / Сост.: А. И. Каменев, И. В. Домнин, Ю. Т. Белов, А. Е. Савинкин, ред. А. Е. Савинкин. М.: Военный университет: Русский путь, 2000. (Российский военный сборник. Вып. 17). С. 451-482.

заповеди, как «Бога бояться и Царя чтити, любить ближнего не словом или языком, но делом и истиною, повиноваться наставникам, покоряться властям и быть готовым на всякое доброе дело», «Служить честно Отечеству, а не прислуживать кому бы то ни было» и т.п.

Кроме того, появились работы, в которых офицерские традиции рассматривались в контексте общей военной культуры. Согласно точке зрения А. В. Попова, традиции офицерской чести – как корпоративной (чести мундира и полка), так и личной – занимали заметное место в системе ценностей русских военных интеллигентов[496]. К ним относились соблюдение взятых на себя обязательств, достойное поведение, самоуважение, чувство собственного достоинства.

К общепринятому определению понятия «военные/воинские традиции» современная отечественная историческая наука не пришла. Так, В. И. Бажуков полагает, что воинский этикет, «представляющий собой свод общепринятых в армии правил, норм и манер поведения военнослужащих во всех сферах их деятельности»[497], является основой ценностно-нормативной подсистемы военной культуры. Основу же поведенческой подсистемы военной культуры составляют военные традиции и обычаи, воинские ритуалы и обряды. При этом под военными традициями В. И. Бажуков понимает «исторически сложившиеся в обществе и вооруженных силах и передающиеся из поколения в поколение правила, обычаи и нормы поведения, связанные с выполнением воинского долга»[498]. Военные традиции имеют нравственную основу и делятся на боевые, учебные, бытовые и др. Обычаи Бажуков рассматривает как привычные образцы поведения, служащие основой для возникновения традиций, воинские ритуалы – как строго формализованное символическое поведение военнослужащих.

По мнению В. А. Сидорчука, «воинские традиции представляют собой устойчивые, исторически сложившиеся, передаваемые из поколения в поколение специфические формы общественных отношений в армии и на флоте в виде по-

---

[496] Попов А. В. Генезис, формирование и развитие системы ценностей военной интеллигенции России (X – начало XX вв.): дис. … д-ра ист. наук. М., 2012. С. 309-310.
[497] Бажуков В. И. Эвристические возможности антропологического подхода к исследованию военной культуры: дис. … д-ра культурологии. М., 2009. С. 91.
[498] Там же. С. 96.

рядка, правил и норм поведения военнослужащих, их духовных ценностей, нравственных установок и обычаев, связанных с выполнением учебно-боевых задач, организацией военной службы и воинского быта»[499]. Сидорчук дает воинским традициям классификацию по ряду оснований: по времени, по характеру и по содержанию (сферам воинской деятельности). По времени возникновения автор выделил зарождающиеся, существующие, отмирающие и возрождающиеся традиции, по характеру – общечеловеческие, государственно-патриотические, правовые, религиозно-духовные (конфессиональные), национально-этнические. Наконец, исходя из содержания Сидорчуком выделены традиции офицерского корпуса как носителя традиций армии вообще, традиции в обучении и воспитании воинов и воинских коллективов, боевые традиции, бытовые традиции, спортивные традиции, трудовые традиции и частные традиции[500]. При этом большинство воинских традиций, по мнению данного автора, носит духовно-нравственный характер.

Все указанные выше авторы акцентировали внимание на официальных воинских традициях либо воинских традициях, имеющих неофициальное происхождение и официальную поддержку. Только в работе С. Н. Ермоченко дана краткая характеристика неформальных воинских традиций, служащих средством трансляции неформальной воинской культуры. Однако он отмечает лишь негативные традиции, которые создают военнослужащие срочной службы («дедовщина», дембельские традиции и т. п.)[501]. О неофициальных традициях, принятых в среде офицеров русской императорской армии, упоминается в исследовании В. Ю. Ростовского, который описал негативное отношение к офицерам, уходившим на службу в корпус жандармов[502].

Важной вехой на пути изучения отечественных воинских традиций стал коллективный труд «Традиции офицеров русской армии», подготовленный со-

---

[499] Сидорчук В. А. Духовно-нравственное воспитание курсантов военных институтов на традициях Российской армии: дис. … канд. пед. наук. Рязань, 2008. С. 59.
[500] Там же. С. 59-60.
[501] Ермоченко С. Н. Российская воинская культура: опыт интерпретации: дис. … канд. культурологии. Саратов, 2009. С. 19.
[502] Ростовский В. Ю. Военная символика и ритуалы в культуре российского офицерства (конец XIX – начало XX вв.): дис. … канд. ист. наук. Волгоград, 2007. С. 113.

трудниками Института военной истории Министерства обороны РФ[503]. Авторский коллектив исходит из того, что офицерские традиции, как и сам офицерский корпус, никогда не были однородным социокультурным феноменом. Традиции понимаются как «устойчивые, повторяющиеся, передающиеся из поколения в поколение правила, обычаи и нормы поведения офицеров, сложившиеся в процессе исторического развития вооруженных сил и связанные с выполнением обязанностей защиты Родины»[504]. Им дается следующая классификация: по направленности традиции делятся на прогрессивные и регрессивные (негативные), по субъектной принадлежности – на офицерские, унтер-офицерские и нижних чинов (хотя унтер-офицеры также относятся к нижним чинам – А. Г.), по характеру воинской деятельности – на боевые, обучения и воспитания войск, воинского быта.

Исследование воинских традиций продолжается. Военно-антропологический подход, основоположником которого является В. И. Бажуков, позволяет сочетать анализ воинских традиций как сложного, неоднородного, но все же относительно целостного феномена военной культуры с изучением отдельных традиций, в том числе на микроисторическом уровне. Большую роль играет и подход, разработанный в рамках военно-исторической антропологии – науки, которая делает акцент на психологических аспектах военной деятельности[505]. Инструментарий военно-исторической антропологии особенно важен для изучения неофициальных воинских традиций, круг которых отнюдь не ограничивается «цуком», «дедовщиной» и прочими неуставными отношениями. Впрочем, и неуставные отношения нуждаются во всестороннем анализе – сложные, диалектически противоречивые и неоднозначные, они могли играть определенную позитивную роль в жизни военного общества. Что же касается их негативной составляющей, то она также нуждается в научном осмыслении, ибо только таким путем можно выработать рекомендации по предотвращению возникновения и развития подобных явлений в современной российской армии.

---

[503] Традиции офицеров русской армии. Жуковский, М., 2004.
[504] Там же. С. 29.
[505] Бажуков В. И. Военная антропология: объект, предмет, направления, методология // Вестник Военного университета. 2008. № 3. С. 40.

С учетом проведенного выше анализа основных подходок к трактовке понятия «воинские традиции» можно предложить следующее определение: «Воинские традиции – это исторически сложившиеся и передающиеся от поколения к поколению ценности, правила и нормы поведения военнослужащих». Подчеркиваем, что речь здесь идет в первую очередь о субкультуре военнослужащих, их ценностных установках, моделях и принципах их поведения, причем как позитивных, так и негативных. Военное знание, военная наука, хотя и имеют непосредственное отношение к военному делу, посредством воинских традиций не транслируются. Кроме того, воинские традиции не могут являться средством передачи военной культуры общества в целом, так как их носителями являются военнослужащие.

Понятие «традиция» тесно связано с такими понятиями, как «обычай», «обряд», «ритуал», «церемония» и «культ».

Понятия «традиция» и обычай» иногда отождествляются, однако большинство авторов полагает, что понятие «традиция» шире понятия «обычай». В советской философской литературе обычай характеризовался как «унаследованная стереотипная форма социальной регуляции деятельности, которая воспроизводится в определенном обществе или социальной группе и является привычной для их членов»[506]. Современный исследователь Р.Я. Хидибирдиев считает, что обычай – это «устойчивое правило поведения, возникшее на основе определенных фактических отношений как отражение повторяющихся форм связей людей конкретной социальной группы в результате многократного совершения ими одних и тех же действий, осознания и оценки значимости данных правил, соблюдаемых в силу привычки и под воздействием общественного мнения»[507]. Таким образом, в отличие от традиции, способствующей трансляции социокультурного опыта, накопленного во всех без исключения сферах человеческой деятельности, обычай позволяет сохранять и передавать от поколения к поколению лишь модели деятельности и поведения. В формализованном военном сообществе обычаи получили

[506] Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 454.
[507] Хидибирдиев Р.Я. К вопросу о соотношении традиций и обычаев // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 1(4). С. 116.

особенно широкое распространение на неофициальном уровне (например, «дедовщина»).

Обряд представляет собой совокупность действий, имеющих символическое значение. Относясь, как и обычай, к трансляции моделей поведения, он отличается от него своей символичностью, условностью. Поэтому обряд можно представить как элемент традиций и обычаев, форму их внешнего выражения, придающую им необходимую устойчивость. Вследствие упомянутой выше формализованности воинской жизни на официальном уровне обряды почти полностью вытеснены ритуалами и церемониями и широко представлены лишь в неофициальной жизни (например, обряд инициации новичков в военно-учебных заведениях, проводимый старшими воспитанниками).

Ритуал отличается от обряда большей церемониальностью, регламентированностью, формализованностью, он носит сакральный или квазисакральный характер. В военной среде именно ритуалы стали наиболее распространенной формой внешнего выражения традиций (ритуал военной присяги, освящения знамени, вручения награди и т.д.). Воинский ритуал, по мнению Н. Бородина, представляет собой «своеобразное зрелище, массовое театрализованное представление, создающее необходимое настроение, эмоционально-психологическое воздействие на людей»[508].

По мнению Ю.Н. Кириленко, церемония «является разновидностью обряда и обладает всеми его характеристиками, но при этом носит более торжественный характер»[509]. В отличие от ритуала, церемония относительно десакрализована. Кроме того, она в большей степени ориентирована вовне и является торжественным актом, долженствующим подчеркнуть значимость и ценность событий, в связи с которыми проводится, и включает в себя как символико-ритуальные элементы, так и стереотипные, но вполне утилитарные действия. К числу военных церемоний следует отнести парады, разводы караулов, торжественные встречи, церемонии прибивки знамени и др.

---

[508] Бородин Н. Традиции и воинские ритуалы в Вооруженных Силах Российской Федерации // Ориентир. 2005. № 6.

[509] Кириленко Ю.Н. Философское измерение ритуала: ритуал как языковая игра // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 341. С. 40.

Наконец, культ – почитание чего-либо или поклонение кому-либо. Применительно к военной сфере объектами почитания и поклонения могут выступать великие полководцы, воинские символы и трофеи.

В дальнейшем, говоря о воинских и военно-культурных традициях, мы для удобства будем использовать их как родовое понятие по отношению к обычаям, обрядам, ритуалам и церемониям, которые представляют собой либо определенный вид традиций (обычаи), либо форму их внешнего выражения (обряды, ритуалы, церемонии), либо квазирелигиозный аналог (культ).

Опираясь на анализ понятий «военная культура» и «воинские традиции», можно предпринять попытку дать определение понятия «военно-культурные традиции».

Нельзя сказать, что понятия «военная/воинская культура» и «воинские традиции» в отечественной науке рассматриваются в полном отрыве друг от друга. Современные исследователи военной культуры, как правило, рассматривают традиции как ее элемент, форму или основание. А.Б. Григорьев назвал традиции одним из трех китов (наряду с обычаями и законами), на которых зиждется военная культура[510]. В.И. Бажуков, всесторонне исследовавший феномен военной культуры на основе антропологического подхода, полагает, что военные традиции являются либо частью военной культуры, либо одной из форм ее воплощения[511]. Однако В.И. Бажуков относит военные традиции вместе с воинскими ритуалами и обрядами исключительно к поведенческой подсистеме военной культуры, не закрепляя за ними никакой иной роли (например, передачи знаний)[512].

Вплотную приблизился к разработке понятия военно-культурных традиций лишь В.Н. Гребеньков, по мнению которого «традиции являются основной формой трансляции социально значимого опыта в сфере военной культуры»[513], а последняя, в свою очередь, может быть охарактеризована как «каналы массовой

---

[510] Григорьев А., Свитов В. Только ли патриоты нужны армии? Концепция фонда «Воин» // Независимая газета. 1994. 15 сентября.
[511] Бажуков В.И. Эвристические возможности антропологического подхода к исследованию военной культуры: дис. … д-ра культурологии. М., 2009. С. 5, 16.
[512] Там же. С. 95-96.
[513] Гребеньков В.Н. Военная культура российского общества: философско-культурологическая концепция: дис. … д-ра философ. наук. Ставрополь, 2011. С. 162.

трансляции культурного опыта в военной сфере, которые представляют собой социально значимые знания и представления общего характера»[514]. Таким образом, в понимании В.Н. Гребенькова традиции выступают одновременно и как форма трансляции военной культуры, и как ее сущностная характеристика.

Между тем далеко не всегда культура, в том числе и военная, оказывается способной к сохранению, самовоспроизведению и трансляции. Любая традиция является культурным каналом, однако традиционность не является неотъемлемой частью культуры – без этого не было бы места ни инновациям, ни заимствованию, ни диффузии. Лишь устойчивая реализация информационно-семиотической функции военной культуры приводит к созданию каналов ее передачи – традиций, которые и могут быть названы военно-культурными. В свою очередь, они сами являются частью военной культуры – наиболее консервативной, ригидной и неохотно поддающейся изменениям ее частью.

Что касается соотношения понятий «военно-культурные традиции» и «воинские традиции», то первое из них представляется гораздо более широким по объему. Военно-культурные традиции, в отличие от воинских, обеспечивают трансляцию не только моделей поведения и духовных ценностей, образующих субкультуру военнослужащих, но и совокупности знаний, умений и навыков, необходимых военным для успешного выполнения поставленных задач, а также всего того, что так или иначе относится к военной сфере. Воинские традиции обеспечивают преемственность воинской культуры (или военной культуры в узком смысле слова), военно-культурные традиции являются стержнем военной культуры в ее широком понимании. При этом, хотя действие военно-культурных традиций как ключевых детерминантов военной безопасности общества, личности и государства выходит далеко за пределы военной среды, они являются социально значимыми в первую очередь для профессиональных военных – основных создателей и носителей военной культуры.

[514] Там же. С. 163.

Опираясь на имеющиеся в исторической и философской науках подходы к трактовке понятий «военная культура» и «воинские традиции», можно дать следующее определение военно-культурным традициям.

Военно-культурные традиции – это исторически сложившиеся и передающиеся от поколения к поколению знания, ценности, правила и нормы, необходимые для обеспечения военной безопасности государства и общества и являющиеся социально значимыми для военнослужащих.

2.2. Типология военно-культурных традиций

В основу типологии военно-культурных традиций можно положить типологию воинских традиций.

По мнению Е.А. Комаровского, воинские традиции представляется целесообразным разделить на общеармейские, традиции военно-учебных заведений и сугубо кадетские[515]. Однако такой подход выглядит несколько эклектичным; кроме того, он в большей степени применим к традициям военно-учебных заведений, действительно включающих в себя и традиции, являющиеся общими для всей армии, и официальные традиции военной школы, и неофициальные традиции, создаваемые воспитанниками.

Более взвешенным является подход И.А. Шеина, выделившего следующие группы традиций: по степени общности – общие и частные; по роли – прогрессивные и реакционные; по принадлежности – офицерские, унтер-офицерские и рядовых; по характеру – боевые, учебно-воспитательные, бытовые[516].

К классификации, разработанной Шеиным, можно добавить деление военно-культурных традиций в зависимости от их формальной закрепленности на официальные и неофициальные. Кроме того, военно-культурные традиции, как более широкие по объему и разнообразные по содержанию, подлежат более дробной классификации по своему характеру. Поэтому к боевым, учебно-

[515] Комаровский Е.А. Михайловский Воронежский кадетский корпус в XIX веке: дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 1999. С. 159.
[516] Шеин И.А. Развитие воинских традиций Российской армии во второй половине XIX – начале XX вв.: исторический опыт и уроки: дис. … канд. ист. наук. М., 1994. С. 29-30.

воспитательным и бытовым традициям следует добавить военно-научные, военно-технические, военно-экономические, военно-правовые, военно-организационные традиции. Роль военно-культурных традиций в сохранении менталитета профессиональных военных, а также в формировании надлежащих взаимоотношений между армией и обществом заставляет говорить о необходимости выделения культурных, морально-нравственных, религиозных традиций. Наконец, военно-культурные традиции можно разделить на устойчивые (постоянные) и неустойчивые (временные). Данная классификация (как и любая другая) условна, однако она позволяет обеспечить необходимое структурирование военно-культурных традиций.

Вместе с тем деление воинских традиций на офицерские, унтер-офицерские (сержантские), солдатские и т.п. распространять на военно-культурные традиции неправомерно. Безусловно, офицеры в силу своей профессиональной подготовки и служебного положения играют ключевую роль в формировании и распространении военно-культурных традиций, однако традиции собственно офицерского корпуса в большей своей части относятся к категории воинских традиций в узком смысле слова. Офицерские традиции являются значимым военно-культурным феноменом, но их крайне сложно вычленить из массива военно-культурных традиций, носителями которых является вся корпорация военнослужащих, возглавляемая офицерами. В определенной степени допустимо выделение военно-культурных традиции родов войск (артиллерии, авиации и т.п.), однако в настоящее время культурные различия между ними стираются. Поэтому вычленение артиллерийских, кавалерийских, пехотных, гвардейских и прочих военно-культурных традиций носит в значительной степени исторический характер.

С точки зрения типологии военной культуры особенно значимым представляется деление военно-культурных традиций на официальные и неофициальные. Официальные традиции являются главным средством преемственного сохранения научно-технического, боевого, управленческого, морально-нравственного потенциала армии. Неофициальные традиции в первую очередь обеспечивают трансляцию воинской субкультуры, однако нельзя отрицать их серьезного влияния и на

потенциал армии в целом, как опосредованного, так и прямого. Это касается не только замены неофициальными традициями некоторых уставных форм взаимоотношений между военнослужащими, но и, к примеру, создания устойчивых неофициальных моделей строительства вооруженных сил. Передающееся от одних руководителей военного ведомства к другим пренебрежительное отношение к новым видам оружия и техники, тяга к слепому копированию устаревших зарубежных образцов неизменно губительно сказываются на вооруженных силах и зачастую оборачиваются национальной катастрофой.

Свойственная военно-культурным традициям функция трансляции военных знаний, методов и средств строительства вооруженных сил, их технического и материального оснащения, принципов и форм военного управления, норм военно-правового регулирования побуждает выделить соответствующие виды военно-культурных традиций.

Военно-научные традиции обеспечивают поступательное развитие военной науки, поддерживают ее связь с практикой, позволяют учитывать изменения геополитического, информационного, технического, экономического характера, необходимые для обеспечения военной безопасности государства, общества и личности. Наличие собственных военно-научных школ является необходимым условием сохранения национальной безопасности в условиях растущей международной напряженности, которая может привести к полномасштабному военному конфликту.

Военно-технические традиции дают возможность поддерживать на необходимом уровне техническое оснащение вооруженных сил, обеспечивать их боевой потенциал. Темпы морального устаревания оружия, боевой техники, средств связи с каждым годом становятся все более интенсивными. Обладание опытом, необходимым для осуществления самостоятельных опытно-конструкторских разработок, оценки эффективности созданных образцов, налаживания их массового производства и внедрения в практику, представляется жизненно важным с точки зрения достижения военно-технического превосходства над противником – как реальным, так и потенциальным.

Необходимость выделения военно-экономических традиций обусловлена все возрастающей ролью экономики в обеспечении военной безопасности. Известный афоризм Наполеона I: «Для войны нужны три вещи – деньги, деньги и деньги» – не утрачивает своей значимости и через 200 лет после наполеоновских войн. Помимо наличия мощной, жизнеспособной экономики, способной выдержать колоссальные нагрузки, неизбежно сопряженные с ведением боевых действий, необходимы четкая программа мобильного перевода части производства на военные рельсы, грамотный план перераспределения финансовых потоков, трансформации бюджета государства в части расходов на военные и прочие нужды. Кроме того, жизненно важны и планы обратных процессов – конверсии военного производства, которая должна пройти максимально безболезненно для экономики, распоряжения уже имеющимися военными ресурсами, острая необходимость в обладании которыми отпала.

Военно-правовые традиции позволяют обеспечивать грамотное правовое регулирование деятельности вооруженных сил, закрепление правового статуса различных категорий военнослужащих, обеспечение полагающихся им льгот и привилегий. Разрыв правового поля, создание правового вакуума губительно сказываются на армии, ведут к снижению общественного статуса военнослужащих, порождают произвол, коррупцию и хаос.

Военно-организационные традиции обеспечивают преемственность в области управления вооруженными силами, позволяют сохранить опыт, накопленный в ходе многовекового функционирования армии и связанных с ней структур как в мирное время, так и в военный период.

Деление военно-культурных традиций на постоянные и временные отражает свойственную им логику и динамику развития. Первая категория традиций является неизменной составляющей военно-культурной реальности. К ним, в частности, относятся форма, знаки различия, боевые награды. Временные традиции являются как бы факультативным элементом и появляются лишь при сочетании определенных факторов. Примером традиций подобного рода могут служить, на-

пример, плац-парадные традиции подготовки войск или гусарский «культ жженки».

Существенную значимость имеет гуманитарная составляющая военно-культурных традиций – собственно культурные, духовно-нравственные, патриотические, религиозные традиции. Они ценностно нагружают военную культуру, очеловечивают ее, позволяют уйти от голого техницизма и милитаризма, особенно опасных в современном мире. Тесно связанные друг с другом, эти традиции тем не менее должны различаться, ибо их воздействие в условиях неоднородной (полиэтнической, мультикультурной, многоконфессиональной и т.п.) среды проявляется по-разному. Пренебрежительное отношение к этническим и религиозным нюансам может привести к неприятностям (так, служившие в Петербургском военном округе мусульмане очень тяжело переносили пост во время Рамадана, когда он совпадал с «белыми ночами») или к катастрофе (как это было в Индии в 1857 г., когда восстали сипаи).

Таким образом, типология военно-культурных традиций, основанная на типологии воинских традиций, может быть представлена следующим образом. В зависимости от формальной закрепленности военно-культурные традиции делятся на официальные и неофициальные, по степени общности – на общие и частные, по устойчивости – на постоянные и временные, по характеру – на военно-научные, военно-технические, военно-экономические, военно-правовые, военно-организационные, боевые, учебно-воспитательные, культурные, морально-нравственные, религиозные, бытовые. Кроме того, нужно отметить исторически сложившиеся военно-культурные традиции отдельных родов войск, в настоящее время не играющие сколько-нибудь значимой роли и сохраняющие свое влияние лишь на уровне воинской субкультуры.

2.3. Традиции подготовки русского офицерского корпуса как специфический вид военно-культурных традиций

Усвоение военно-культурных традиций может осуществляться различными способами: в ходе непосредственного общения с их носителями, с помощью

средств массовой информации, путем самообразования, в рамках системы профессиональной подготовки, в процессе военной службы. Выбор наиболее оптимального варианта трансляции военно-культурных традиций зависит от конечной цели: чем она серьезнее и значимее, тем более упорядоченным и последовательным должен быть процесс усвоения военной культуры. Русскому офицерскому корпусу как особой социопрофессиональной группе, игравшей значимую роль в жизни общества, был присущ определенный комплекс сущностных признаков, которым должен был соответствовать каждый надевавший эполеты. Жесткие требования, предъявляемые к офицеру государством, армией и обществом, в совокупности формировали эталонный образ офицера – обладателя особых профессиональных, морально-нравственных и культурных качеств. Они играли роль профессиональных демаркаторов, позволявших создать ощущение принадлежности к определенной корпорации или даже касте, и одновременно являлись набором табуированных правил поведения, на основании которых складывалось представление о моральном облике офицера и его положении в обществе. Перечень и содержание эти требований изменялись от эпохи к эпохе, однако можно выделить «ядро» основных офицерских качеств, остававшееся неизменным в течение всего времени существования русского офицерства. Кроме того, были выработаны и специфические требования, которым должен был удовлетворять представитель конкретного рода войск. Поэтому спонтанное, бесконтрольное, неуправляемое формирование качеств личности офицера было невозможно. Для представителей русского офицерского корпуса, сознательно посвятивших себя военному делу, наиболее предпочтительным способом приобщения к военно-культурным традициям, способствующим их превращению в носителей эталонных офицерских качеств, являлась целенаправленная, систематическая, поставленная на научную основу профессиональная подготовка в профильных учебных заведениях, сопровождавшаяся комплексом соответствующих воспитательных мероприятий. Это было в равной степени необходимо для формирования и военно-профессиональных, и морально-нравственных качеств, и культурных качеств офицера. Русский военный социолог начала XX в. П.А. Режепо писал: «Конечно, воспитание и обучение

офицера не оканчивается в училище, а должно продолжаться и во время службы, но основание, закваска получается в стенах школы»[517]. Известный военный деятель А.Ф. Редигер полагал, что «…чем однороднее первоначальная подготовка офицеров, тем легче применение мер к дальнейшему образованию их и подготовке к занятию более самостоятельных должностей»[518]. Именно в военно-учебных заведениях природные задатки и едва проявившиеся способности кандидатов в офицеры вследствие направленного развития и регулярных тренировок превращались в эталонные качества личности будущих командиров русской армии. Так, военный гений Михаила Тухачевского можно уподобить алмазу, для которого Александровское военное училище стало превосходной гравировальной машиной: неуклонно, шаг за шагом вчерашний кадет-отличник превращался в идеально подготовленного фельдфебеля с железной волей, в котором уже угадывались черты будущего полководца[519]. Кроме того, успешное окончание военно-учебного заведения повышало шансы на приобщение к элитарной военной культуре (зачисление в гвардейский полк, получение академического образования) и блестящую карьеру.

Начало формирования системы подготовки командных кадров в России следует отнести ко времени создания русской регулярной армии. В историографии установление регулярного характера русских вооруженных сил традиционно связывается с реформами Петра Великого, которые «совершили переворот в военном устройстве Российского государства»[520]. Однако самим Петром I в «Уставе воинском» начало «употребления» регулярного войска отнесено к 1647 г.[521] Появление в русском войске регулярного элемента означало, что стала выделяться

---

[517] Режепо П. Офицерский вопрос в начале XX века // Каменев А.И., Домнин И.В., Белов Ю.Т., Савинкин А.Е. Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. М.: Военный университет: Русский путь, 2000. С. 119-120.

[518] Редигер А. Офицер // Энциклопедия военных и морских наук / Сост. под гл. ред. генерал-лейтенанта Леера. Т. V. СПб., 1891. С. 527.

[519] Минаков С.Т. Лейб-гвардии капитан Тухачевский. Орел: Орловский государственный университет, 2012. С. 169-183.

[520] Шеин И.А. Развитие воинских традиций российской армии во второй половине XIX – начале XX вв.: исторический опыт и уроки : дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 29.

[521] Первые попытки придать русскому войску упорядоченные формы, по мнению А.В. Геруа, были предприняты в начале XVI в. (Геруа А.В. Гвардия – школа // Геруа А.В. К познанию армии. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1907. С. 10). Характеризуя командный состав отечественных вооруженных сил, А.В. Геруа пишет следующее: «Офицерский вопрос в наших войсках вступил на путь западноевропейской реформы еще в конце XVI века» (Там же. С. 10).

особая социопрофессиональная группа – «начальные люди», члены которой занимались исключительно военным делом и должны были обучаться ему с молодости. Тогда же, в середине XVII в., были предприняты и первые попытки организации их подготовки в рамках деятельности полков «нового строя»[522].

У истоков профессиональной подготовки русского офицерства стоял приехавший из Голландии и поступивший в 1647 г. на русскую службу полковник Исаак ван Бокховен, фамилию которого, как и его сыновей, вскоре переиначили и стали писать в документах как «Фанбуковен». Вскоре на русскую службу поступили и его два сына – Корнилиус Фанбуковен и Альберт-Филипп Фанбуковен.

В 1647 г. И. Фанбуковен перевел на русский язык привезенный им в Москву голландский воинский устав «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Через два года, в 1649 г., ему поручили сформировать рейтарский полк, в который зачислялись дворяне и дети боярские со всех уездов Московского государства. В их числе было значительное количество дворян, принадлежавших к служилым людям московским – элите служилых людей по «отечеству». Рейтарский полк Фанбуковена мыслился как своеобразная «учебная часть», в которой будущие офицеры должны были постигать «солдатское дело» и учиться командовать[523].

Полк Фанбуковена был частично укомплектован личным составом в том же 1649 году. «Записной книгой Московского стола» за 1649 г. сообщается, что 25 августа 1649 г. при встречи литовских послов «на выезде ж были с полковником с Исаком Фандуковым (так записана фамилия Фанбуковена) и с начальными людми райтары, стояли райтарским строем…»[524] Кроме того, существование полка Фанбуковена в 1649 г. подтверждается и тем, что, согласно документам, рейтарами в нем уже в этом году числились А.Г. Битяговский[525], В.А. Змеев[526], А.Р. Прота-

[522] Поммеринг К. Донесения королеве Христине и письма королевскому секретарю шведского резидента в Москве Карла Поммеринга 1647 – 1650 гг. // Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII века: сборник мат., извлеч. из Моск. Гл. Архива М-ва Ин. дел и Швед. Гос. Архива и касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616 – 1651 гг. с предисл., примеч. и алф. указателем личных имен. М., 1897. С. 439-452.
[523] Рогожин А.А. Рейтары полка И. Фанбуковена. Создание в середине XVII века русских воинских формирований и подготовка для них командных кадров // Военно-исторический журнал. 2012. № 9. С. 21-25.
[524] Записные книги московского стола 1636 – 1663 г. // Русская историческая библиотека. Т. 10. СПб., 1888. С. 471.
[525] Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656 – 1671 гг. М., 2006. С. 158.

сов[527]. Численность рейтар постепенно росла. Так, 30-31 августа 1649 г. были направлены служить «рейтарскую службу» пожалованные из жильцов в стряпчие М.О. Кровков, Г.Ф. Тарбеев, И.Ф. Алексеев, В.В. Борщов, П.Н. Самарин, М.Ф. Малыгин[528]. К 1651 г. в русском войске солдатских полков не было, а рейтар было всего 1457 человек[529]. Штатный состав рейтарского полка составлял 700-1000 человек, однако полк Фанбуковена был двухтысячного состава и, таким образом, должен был насчитывать в своем составе 2000 человек. Указанная цифра 1457 рейтар – это и был «двухполковой» или «двухтысячный» полк Фанбуковена. Полностью укомплектован, он был, очевидно, лишь к 1653 г. При этом следует иметь в виду, что «тысяча» – это название внутриполкового подразделения, которое далеко не всегда насчитывало именно 1 тысячу человек. Чаще численный состав «тысячи» был меньшим. По существу, это было копированием организационной структуры регулярных полков, на которой была основана шведская армия королем Густавом II Адольфом к началу участия Швеции в Тридцатилетней войне в 1630 г.[530] На основе этой же структуры «регулярной» полковой организации были сформированы и «потешные полки» царя Петра, превращавшиеся с 1688 г. в настоящие «регулярные» полки – Преображенский и Семеновский. Они были скопированы с уже существовавших с 1656 г. Первого и Второго (Бутырского) Московских выборных полков солдатского строя (генералов А.А. Шепелева (затем Лефортов) и М.О. Кровкова (затем Гордонов), которые, в свою очередь были сформированы по структуре Московского выборного рейтарского полка Фанбуковена.

Постепенно в полку И. Фанбуковена складывалась и система военных чинов. К сентябрю 1649 г. в составе полка уже были: 1 стольник и 21 стряпчий «рейтарского строя». «Стольник рейтарского строя» и «стряпчий рейтарского строя» – это и были первоначальные «чины» русских «начальных людей» в указанном рейтарском полку. Уже во второй половине 50-х гг. XVII в. они начали

---

[526] Записные книги московского стола 1636 – 1663 г. // Русская историческая библиотека. Т. 10. СПб., 1888. С. 447-448.
[527] Малов А.В. Указ. соч. С. 148.
[528] Записные книги московского стола 1636 – 1663 г. // Русская историческая библиотека. Т. 10. СПб., 1888. С. 484.
[529] Каргалов В.В. Полководцы. XVII век. М.: Патриот, 1990. С. 268.
[530] Михневич Н.П. История военного искусства. М., 2008; Разин Е.А. История военного искусства. Т. 3. М., 1961.

дополняться чинами западноевропейского типа: прапорщик, поручик, капитан (ротмистр), майор, подполковник (полуполковник), полковник, генерал-майор, генерал-поручик и генерал (полный). Европейские воинские чины закреплялись за «начальными людьми» в качестве постоянных рангов, отражавших уровень их профессиональной подготовки, боевой опыт и личные заслуги, обладали в глазах их носителей большой ценностью и являлись средством сущностной характеристики «регулярства». В основе иерархии новой армии лежали не «порода» и заслуги предков, на которых зижделось постепенно отмиравшее местничество, а способности, личные усилия, постепенно накапливаемый опыт и обусловливаемый уровнем военной подготовки профессионализм.

Таким образом, решение задачи организации русской армии на началах «регулярства» находилось в неразрывной связи с организацией военного обучения. С созданием в 1649 г. рейтарского полка И. Фанбуковена русским правительством был взят курс на подготовку командного состава для кавалерии и пехоты «нового строя», т.е. «регулярной армии», из русских служилых людей по «отечеству», который стал прообразом русского офицерского корпуса. Общее руководство подготовкой командных кадров было возложено на образованный в том же 1649 г. Рейтарский приказ. Благодаря его активному содействию в полку Фанбуковена вскоре после набора первых кандидатов в «начальные люди» была начата учебная работа, в основу которой были положены как вышеупомянутый воинский устав, так и переведенные в 1650 г. «с галанского языка» правила обучения рейтарскому строю. По отзывам современников, подготовка «начальных людей» в полку Фанбуковена была весьма эффективной. Шведский резидент Иоганн фон Родес доносил в 1652 г. из Москвы: «Полковник Бухгофен со своим сыном уже 2-3 года обучает здесь упражнениям конного строя два русских полка, которые большей частью состоят из благородных. Думают, что он их теперь так сильно обучил, что среди них мало найдется таких, которые не были бы в состоянии заменить полковника, а чтобы их даже еще больше усовершенствовать и сделать совершенством, он теперь обучает их упражнениям также пешего строя с пиками и мушкета-

ми»[531]. Говоря о двух рейтарских полках или 2 тысячах рейтар, фон Родес имел в виду лишь один рейтарский полк, состоявший из двух «тысяч».

Интенсификации процесса подготовки национальных командных кадров, как ни странно, способствовало то, что рейтары полка И. Фанбуковена с неприязнью относились к обучавшим их и командовавшим ими иноземным офицерам. Шведский резидент К. Поммеринг в ноябре 1649 г. сообщал: «Так как 2000 дворян-рейтар Букговена никоим образом не хотят позволить командовать собою голландским и вообще иноземным офицерам, которых они называют некрещеными и о которых отзываются, что они сами большей частью не служили, а бывшие под Смоленском русские понимают больше их, то ежедневно упражняются 200 рейтар, из числа упомянутых 2000, чтобы они могли потом обучать своих товарищей и командовать ими»[532]. Таким образом, правительство решило сделать из части рейтар русских офицеров-инструкторов, способных заменить иностранцев. За три года (1649-1652 гг.) многие дворяне полка получили такой объем знаний, умений и навыков, что действительно могли заменить Фанбуковена в качестве военного инструктора. Благодаря этому с начала 1650-х гг. обучение русских дворян «регулярному» конному и пешему строю сначала в полку Фанбуковена, а затем и в других полках «нового строя» на систематической основе реализовалось не иностранцами, а русскими «начальными людьми». Так, В.А. Змеев, будущий первый русский генерал, состоял в рейтарском полку Фанбуковена в течение трех лет (с 1649 по 1652 г.) в качестве «стряпчего в рейтарской службе», после чего получил чин «стольника в рейтарской службе». В 1668 г. Змеев, ставший к тому времени опытным специалистом в деле обучения «регулярному строю», был «направлен царем воеводой в Тамбов для формирования и обучения рейтарско-драгунского полка»[533].

Занятия с рейтарами не ограничивались строевыми упражнениями: судя по тому, что командиры полков требовали у правительства необходимые для обуче-

---

[531] Каргалов В.В. Полководцы. XVII в. М.: Патриот, 1990. С. 269.
[532] Курбатов О.А. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII века // Иноземцы в России в XV – XVII веках. Сборник материалов конференций 2002 – 2004 гг. М., 2006. С. 27-28.
[533] Минаков С.Т. XVII век: первый русский генерал Венедикт Змеев. Монография. Орел: ФГБОУ ВПО «ОГУ», 2011. С. 11, 29-30.

ния подчиненных порох, свинец и фитили, активно велась огневая подготовка[534]. О.А. Курбатов отмечает, что подготовка рейтар носила вполне «офицерский» характер: их «...с самого начала обучали не только конному, но и пешему, солдатскому строю «с мушкеты и пики», чтобы через несколько лет они вполне могли занять командную должность в войсках и сами обучать своих подчиненных»[535]. Поэтому у В.В. Каргалова есть основания именовать рейтарский полк И. Фанбуковена «своеобразной офицерской школой»[536]. В рамках полка была действительно создана и отлажена система подготовки русских офицеров для «полков нового строя» на уставных основах, выработанных в нидерландской военной школе того времени.

Хотя постановка военно-учебного дела в полку Фанбуковена обеспечивала лишь строевую и огневую подготовку будущих «начальных людей», еще не представлявших собой русский офицерский корпус, ее результаты, с учетом минимальных требований к «начальным людям», выглядели действительно впечатляющими. Старые полковники-иноземцы на русской службе – А. Лесли, А. Краферт, Я. Бутлер – признавали, что «полковник Исаак фан Буковен… рейтарским ротам своего полку в ученье и к стрельбе оказывал в многие статьи, чево, сказали они, Александр Лесли с товарыщи, и не видали»[537]. По сохранившимся документальным сведениям, в рейтарском полку И. Фанбуковена к 1656 г. все офицеры были не иностранцами, а русскими[538]. Известны результаты служебной карьеры более чем половины русских рейтар, специально готовившихся в полку Фанбуковена к занятию командных должностей: В.А. Змеев дослужился до высшего чина думного генерала, М.О. Кровков завершил свою службу в чине полного генерала, 20 рейтар стали полковниками, 1 – стрелецким головой, 8 – подполковниками, 12 – майорами, 57 – капитанами, 1 – ротмистром, 1 – капитан-поручиком, 1 – пра-

[534] Рогожин А.А. Рейтары полка И. Фанбуковена. Создание в середине XVII века русских воинских формирований и подготовка для них командирских кадров // Военно-исторический журнал. 2012. № 9. С. 24.
[535] Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656-58 гг. // Архив русской истории: Сборник Российского государственного архива древних актов. М., 2007. Вып. 8. С. 169.
[536] Каргалов В.В. Указ. соч. С. 269.
[537] Курбатов О.А. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII века // Иноземцы в России в XV-XVII веках. Сборник материалов конференций 2002-2004 гг. М., 2006. С. 28.
[538] Там же. С. 28.

порщиком. О четырех рейтарах известно, что они в 1649 г. были пожалованы в стряпчие, еще о двух нет данных. Количество русских офицеров в войске, более чем две трети которого к 1680 г. составляли полки «нового строя» (т.е. регулярная армия), в течение второй половины XVII в. неуклонно росло. Особенно быстро менялся социокультурный состав высшего офицерства: если в 1675 г. из семи генералов русским был лишь один (В.А. Змеев), то в 1677 г. из восьми генералов русскими были уже трое, а еще через год их количество увеличилось до четырех. На уровне командиров полков изменения выглядели не столь внушительно (в 1681 г. из 77 командиров полков лишь 22 были русского происхождения, в том числе 12 командиров стрелецких полков[539]), однако появление русских полковников можно рассматривать как значительный шаг на пути к созданию национального офицерского корпуса.

Особенно значимыми результаты военно-учебной деятельности рейтарских полков выглядят на фоне непрофессионализма дворянского ополчения, которое в то время не проходило даже минимального курса военной подготовки. По отзыву И.Т. Посошкова, во второй половине XVII в. поместное войско представляло собой необученную толпу плохо вооруженных людей, воевавшую не умением, а числом: «А если, Государь, прежние службы воспомянуть, и те службы, Бог весть, как они и управлялися: людей на службу нагонят множество, а если посмотришь на них внимательным оком, то ей, кроме зазору, ничего не узришь. У пехоты ружье было плохо и владеть им не умели; только боронились ручным боем, копиями и бердышами, и то тупыми, и на боях меняли своих голов на неприятельскую голову по 3 и 4, и гораздо больши»[540].

Поэтому организация занятий воинскими экзерциями и стрельбой в рейтарских полках была, несомненно, значимым событием в жизни русского войска, отразившим прогрессивные тенденции его развития. Полк И. Фанбуковена можно считать если не «военной школой» в строгом смысле этого слова, то по крайней мере важной ступенью на пути к созданию профессиональной подготовки ко-

[539] Подсчитано по: Роспись перечневая ратным людям, которые в 189 году росписаны в полки по разрядам // Описание Государственного Разрядного Архива, с присовокуплением списков с многих хранящихся в оном любопытных документов. М.: Тип. С. Селивановского, 1842. С. 71-92.
[540] Посошков И. Сочинения. М., 1842. С. 286-287.

мандного состава русской армии. Рейтарский полк стал первым военно-учебным центром, давшим полкам «нового строя» немало хорошо обученных «начальных людей», и начало формированию военно-культурных традиций подготовки русского офицерства было положено именно в нем. Хотя после массового выпуска рейтар на службу в 1653 г. организованная подготовка офицеров фактически прекратилась (В.С. Великанов указывает, что «в дальнейшем никакой специализированной воинской части или учебного заведения для подготовки командных кадров больше не создавалось»[541]), механизм трансляции европейского военно-культурного опыта был приведен в действие. Офицеры, прошедшие обучение в полку Фанбуковена и получившие назначение в другие полки «нового строя», обучали своих подчиненных и тем самым способствовали повышению уровня подготовки командного состава армии.

Традиции военного обучения, заложенные в «образцовом» полку И. Фанбуковена и сохраненные его учениками в полках «нового строя», были продолжены и расширены в начале 1680-х гг. в «потешных» полках Петра I, где осуществлялись как обучение «пехотному и конному упражнению во всем строю», так и отработка ряда практических навыков (включая стрельбу из пушек под руководством инструкторов и произведение маневров) и даже элементарное воинское воспитание (привитие любви к государю, Отечеству и армии, выработка дисциплины, чувства чести и духа товарищества)[542]. Сам Петр с детских лет интересовался военным делом, стремился вникнуть в его мельчайшие детали[543]. Учителями «потешных» были иностранные военные специалисты – артиллерист Ф. Зоммер, инженер Ф. Тиммерман, их помощниками – лучшие солдаты полков «нового строя». Результативность обучения впечатляет: к 1686 г. «потешные» превратились в искусных пушкарей, и царевна Софья стала считать их внушительной военной силой. С 1687 г. Петр I стал активно устраивать маневры и учебные походы, по характеру максимально приближенные к боевым: в 1691 г., во время Семе-

[541] Великанов В.С. К вопросу об офицерском корпусе русской армии накануне и на начальном этапе Великой Северной войны // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно практической конференции 14–16 мая 2014 года Часть I. СПб.: ВИМАИВиВС, 2014. С. 344.
[542] Каменев А.И. История подготовки офицерских кадров в России. М.: ВПА им. Ленина, 1990. С. 13.
[543] Гордон П. Дневник. 1684-1689. М., 2009. С. 174-176.

новского похода, «потешные» наголову разгромили стрельцов, тем самым продемонстрировав колоссальное превосходство обученных по европейским уставам войск над стрельцами, воевавшими «по старинке», а в 1694 г. по всем правилам передового на тот момент воинского искусства штурмом взяли обороняемую стрельцами крепость, сооруженную под селом Кожуховым. Свой «учебный» характер «потешные» полки сохранили и после переформирования их в регулярные. Хотя специально-офицерской подготовкой «потешные» не занимались, А.М. Назаров вполне обоснованно назвал их «военным университетом, из которого выходили начальники всех родов войск, мастера всевозможных отраслей военного дела»[544].

Таким образом, применительно ко второй половине XVII в. можно говорить о начале формирования военно-культурных традиций подготовки офицерских кадров – пока еще не в военно-учебных заведениях, а в рамках системы обучения войск в целом. Ф.И. Калинычев указывает, что «при царе Федоре Алексеевиче (1682 г.) предполагалось создать специальные школы для обучения русских людей ремеслам и наукам, прежде всего военным»[545]. Однако это намерение не было воплощено в жизнь. Новый импульс развитию военно-культурных традиций подготовки командного состава был дан в начале XVIII в., после создания петровской регулярной армии. Форсирование Петром I процесса строительства регулярной армии ломало эволюционную модель усвоения европейских военно-культурных традиций, сложившуюся во 2-й половине XVII в., и понуждало к активному насаждению образцов западной военной культуры «сверху». Требования к офицерам были резко повышены, а их подготовка должна была принять комплексный характер, обрести регулярную основу и относительно обособиться от практической служебной деятельности, мешавшей ее планомерному осуществлению.

Это стало возможным – хотя и не сразу – благодаря созданию военно-учебных заведений, позволявших в сжатые сроки привести командный состав в соответствие европейским военно-культурным шаблонам. Петр I, сам не полу-

[544] Назаров А.М. Потешные. Роль их в прошлом и задачи в будущем. Исторический очерк «О потешных полках Петра I». Одесса: типо-литография Штаба Одесского военного округа, 1911. С. 92.
[545] Калинычев Ф.И. Правовые вопросы военной организации русского государства второй половины XVII века. М.: Госюриздат, 1954. С. 138.

чивший систематического образования, видел преимущества школьного курса и большие надежды возлагал именно на учебные заведения. В 1701 г. для подготовки кадров для флота была открыта Школа математических и навигацких наук; аналогичные школы (Пушкарская и Инженерная) были созданы для подготовки специалистов для артиллерии и инженерных войск. Следует, однако, отметить, что петровские школы были скорее техническими, нежели военными учебными заведениями и готовили в первую очередь не офицеров, а инженеров и мастеров, учебная работа в них не была поставлена на прочную методическую основу, а принципы организации воспитательной работы не позволяли выработать чувство корпоративного единства. В отношении подготовки офицеров – обладателей особого профессионального менталитета и главных носителей военно-культурных традиций – петровские школы стояли гораздо ниже даже «потешных» полков. Именно поэтому при Петре I роль параллельного источника командных кадров, снабжавшего офицерами всю армию и способствовавшего трансляции военно-культурного опыта, была придана гвардейским полкам – наследникам «потешных». Еще в 1699 г. Петр и его сподвижники «для образования кадров в новоприборные солдатские полки, преимущественно офицеров и сержантов… принялись за обучение стольников и недорослей обращению с оружием по ”Воинским Артикулам”»[546]. Центрами военной подготовки являлись села Преображенское и Семеновское. Вымуштрованные по Артикулам недоросли производились в сержанты, а лучшие получали сразу чин прапорщика. Подготовка командных кадров велась спешно и преследовала ограниченные цели («чин свой знать и с ружьем ходить»). Наследники «потешных» – гвардейские полки – по мнению Петра I, должны были представлять собой «нечто среднее между военно-учебным заведением и учебной, образцовой частью»[547]. А.Н. Назаров полагает, что «с первых лет XVIII века войска гвардии постепенно начинают превращаться в центры по подготовке

[546] Бобровский П.О. История Лейб-гвардии Преображенского полка. Т. 1. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1900. С. 356.
[547] Геруа А. Суворов-солдат. 1742-1754 (Итоги архивных данных о его службе нижним чином). СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1900. С. 19.

офицерских кадров»[548], аргументируя это утверждение тем, что в полках были учреждены специальные школы для подготовки нижних чинов к последующему производству в офицеры. Обучающиеся в этих школах солдаты должны были освобождаться от некоторых служебных обязанностей и пользовались правом посещения занятий в военно-учебных заведениях. Следует, однако, отметить, что в первые годы XVIII в. ввиду непрекращавшихся военных действий планомерная подготовка офицеров в гвардейских полках так и не была налажена. Решение об организации солдатских школ при гвардейских полках было принято не сразу, а в 1721 г., но ни оно, ни последовавшее в том же году образование инженерной школы при Преображенском полку, ни учреждение в 1770 г. при Измайловском полку кадетских рот не повлекли за собой создания действенной системы теоретической подготовки офицеров в рамках гвардейских полков (более подробно см. Приложение 1). Поэтому усвоение военно-культурных традиций осуществлялось будущими офицерами в гвардейских полках, как и в «потешных», стихийно и нецеленаправленно в процессе их солдатской службы. Практическая же подготовка солдат гвардии к офицерской службе, бесспорно эффективная в петровскую эпоху, к середине XVIII в. фактически сошла на нет, обратившись в полную фикцию.

Важным шагом, позволившим начать целенаправленное и строго регламентированное превращение будущих офицеров в носителей военной культуры, стало создание в 1731 г. первого закрытого военно-учебного заведения – «корпуса кадет» или «Рыцарской академии». За образец было взято устройство Прусского и Датского кадетских корпусов. «Корпус кадет» являлся элитным заведением и играл роль дворянского университета, который готовил не только офицеров, но и чиновников. Число выпускаемых не было четко определено и колебалось от 2 до 300 человек, в зависимости от потребности армии в офицерах; многие кадеты производились в офицеры задолго до окончания полного курса наук. Тем не менее руководители «корпуса кадет» сумели создать образовательную среду, позволявшую выпестовать офицера-профессионала. Аналогичных результатов доби-

[548] Назаров А.Н. Подготовка офицерских кадров в российском государстве (XVIII – начало XX вв.): опыт, традиции, уроки: дис. … д-ра ист. наук. М., 2001. С. 51.

лись руководители Артиллерийского и инженерного и Морского корпусов. Принципы, формы и методы подготовки офицеров в кадетских корпусах уже в XVIII в. приобрели статус устойчивой военно-культурной традиции и получили приоритет перед рутинной дрессировкой будущих офицеров в войсках. Не случайно многие нижние чины и офицеры гвардии, желавшие повысить уровень своего общего образования и профессиональной подготовки, посещали с разрешения начальства занятия в кадетских корпусах в качестве вольнослушателей. Так, в числе вольнослушателей Сухопутного корпуса был юный капрал Семеновского полка А.В. Суворов[549]. Некоторые молодые солдаты даже поступали в число кадет, числясь в полку в постоянной командировке. В дальнейшем, несмотря на неоднократные колебания правительственной политики, зачастую негативно сказывавшиеся на качестве подготовки офицеров[550], и радикальную смену педагогических парадигм, военно-учебные заведения с каждым годом играли все большую роль в системе подготовки офицерских кадров, хотя производство в офицеры из нижних чинов до середины XIX в. оставалось основным способом пополнения офицерского корпуса, а военно-учебное ведомство было обременено рядом задач, не имевших непосредственного отношения к подготовке офицеров. В первой половине XIX в. военно-учебные заведения были освобождены от некоторых задач, свойственных не военной, а гражданской школе, и оформлены в стройную систему. Тогда же началось неуклонное расширение сети кадетских корпусов и специальных военно-учебных заведений. После милютинских реформ роль военно-учебных заведений в комплектовании офицерского корпуса стала ведущей. К началу XX в. производство в офицеры лиц, не окончивших военное училище, было почти полностью прекращено.

---

[549] Меерович Г.И., Буданов Ф.В. Суворов в Петербурге. Л.: Лениздат, 1978. С. 52.

[550] Если в XVIII в. кадетские корпуса были элитными дворянскими университетами, то в первой половине XIX в. они стали военными училищами, на которые была возложена благотворительная функция – призрение и воспитание детей офицеров, убитых или искалеченных в боях. Это не могло не сказаться на программе общеобразовательной и профессиональной подготовки, воспитательных и культурных целях. Кроме того, изменение основной цели привело к значительной деформации социокультурного облика выпускников, деформации иерархии их жизненных ценностей и ориентиров. Многие кадеты александровской и николаевской эпох готовились стать офицерами не потому, что стремились войти в элиту армии и общества, мечтали стать полководцами и государственными деятелями, вписать свои имена в историю России, а потому, что это был единственный способ получить пропитание и обучение за казенный счет и без особых усилий занять далеко не последнее место в обществе.

Именно выпускники закрытых военно-учебных заведений играли ключевую роль в формировании профессионального, духовно-нравственного и культурного облика русского офицерства. Лишь военная школа позволяла обеспечить необходимую концентрацию усилий, направленных на профессиональную подготовку офицера, что было трудновыполнимо и даже невозможно в процессе практического обучения в войсках. Длительное пребывание в стенах закрытого учебного заведения многократно усиливало эффект воспитательной политики и культурной работы, что давало возможность сформировать личность будущего офицера, выработать его профессиональный менталитет. Социокультурное пространство кадетских корпусов и военных училищ, их учебно-воспитательная среда являлись продуктом правительственной политики, направленной на формирование офицера – носителя заданных качеств. Связь военно-учебных заведений с военной средой, носившая как официальный, так и неофициальный характер, способствовала усвоению будущими офицерами тех ценностей, норм и традиций, которые они в свою очередь, уже после выпуска, распространяли в рамках офицерской корпорации. Процессы культурной инфильтрации активно протекавшие в самой военной школе, в конечном счете оказывали серьезное воздействие на облик русского офицерства в целом. В первую очередь это относилось к кадетским корпусам. Организация в них военного воспитания в сочетании с условиями интерната, способствовавшими тому, что «преемственно и неуловимо, от старших кадет к младшим, передаются традиции товарищества, взаимной выручки, порядочности, благородства и внешней воспитанности»[551], превращала кадет в идеальных кандидатов в офицеры. Бывшие кадеты ценились не только в войсковых частях, где они создавали «сплоченную среду, поддерживающую традиции части и обладающую качествами, необходимыми для офицера»[552], но и в военных училищах. Выпускники кадетских корпусов вносили структурообразующее, дисциплинирующее начало в разнородную и разношерстную массу молодых юнкеров, активно содействовал ее превращению в корпорацию носителей военно-культурных

[551] РГВИА. Ф. 725. Оп. 55. Д. 248. Л. 23.
[552] Там же. Л. 23 об.

традиций: «…выпуск одного года из всех кадетских корпусов был недостаточен для пополнения юнкерских рядов военных училищ, давал количество, на первый взгляд не удовлетворявшее нужды большой Российской армии. Вот тут-то мы и подходим к неопровержимой истине, что этого количества было совершенно достаточно, чтобы заквасить всю юнкерскую массу, пропитать ее тем духом, который незаметно выносился из корпусных стен и которым так же, совершенно незаметно для самих себя, пропитывались насквозь те, кто в военные училища поступили из среды гражданской… Кадеты были теми дрожжами, на которых поднималось пышное тесто – императорский российский офицерский корпус»[553]. В свою очередь, как полагал видный военный педагог В.П. Коховский, в выпускниках военных училищ, получивших не только солидную общеобразовательную и специально-военную подготовку, но и соответствующее воспитание, «… армия и находит нужных ей лиц для старших воинских должностей; на них только она и может прочно рассчитывать»[554]. Выпускники военно-учебных заведений превращали офицерский корпус в корпорацию, спаянную едиными идеалами. По словам военного писателя, генерала от инфантерии Н.Д. Бутовского, «рыцарство долга, удовлетворительно привитое офицерской массе, несмотря на ее внешний разнокалиберный состав, следует поставить в особую заслугу современной школе»[555].

Таким образом, формирование эталонных качеств русского офицерства было неразрывно связано с его подготовкой в системе закрытых военно-учебных заведений. Военно-учебные заведения играли роль фильтра, отбиравшего то, что было самым важным и необходимым для будущего командира, и одновременно выступали в качестве линзы, фокусировавшей усилия преподавателей и воспитателей и позволявшей в сжатые сроки получить желаемый результат. Кадетские корпуса и военные училища представляли собой матрицу для создания идеального офицера, и лишь они располагали всей суммой знаний об эталонных качествах русского офицерства и наиболее эффективных способах их формирования. До по-

[553] Двигубский С. Кадетские корпуса // Бюллетень Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Венесуэле. № 34. Каракас, апрель 1993. С. 27-28.
[554] РГВИА. Ф. 725. Оп. 20. Д. 18. Л. 68.
[555] Бутовский Н.Д. Наш офицерский корпус, его жизнь, научное развитие и воспитание: Сообщение, читанное на Общем собрании членов Общества ревнителей военных знаний 7 января 1911 г. // Общество ревнителей военных знаний. Кн. 4. СПб., 1911. С. 3-4.

ры до времени оберегая своих воспитанников от внешних воздействий, военная школа оставалась, несмотря на относительную изоляцию от армии, ее частью. Подготовка офицеров в военно-учебных заведениях организовывалась с учетом традиций, складывавшихся в войсках, и была призвана направить и усилить их влияние.

Ядро профессиональных качеств русского офицера образовывали компетентность, дисциплинированность, командирская воля, организаторские способности, творческая активность, надлежащие психические и физические качества[556]. Основой его морально-нравственного облика являлись преданность монарху и Родине, искренняя любовь к армии, неукоснительное следование кодексу офицерской чести, готовность к подвигу самопожертвования, развитое чувство товарищества, нетерпимое отношение к тем, кто совершал бесчестные поступки. Наконец, офицер русской армии выступал как носитель лучших культурных традиций, которые позволяли ему быть полноправным представителем светского общества и интеллектуальной элиты.

Однако социокультурные реалии конкретной эпохи накладывали на этот абстрактный, практически недосягаемый идеал свою печать, тем самым изменяя и трансформируя его. Соответственно этому развивалась и система военного образования, подстраиваясь под изменившийся идеал офицера. Кроме того, следует отметить, что благодаря своему привилегированному положению (относительная обособленность от военного ведомства, личное участие в управлении военно-учебными заведениями лиц императорской фамилии) отечественная военная школа имела реальную возможность корректировать государственный и общественный идеал офицера, придавая ему новые очертания.

Определенные требования к «начальным людям» были сформулированы еще в 1640-е гг. В их основе лежала идея «регулярства», способствовавшая созданию особой корпорации профессиональных военных, строящих свою деятельность в соответствии с жесткими требованиями, закрепленными в уставах. Устав

---

556 Военно-профессиональные качества офицера. URL: http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=12822%40morfDictionary (дата обращения: 29.10.2016)

рассматривался в качестве своеобразного «священного писания» для военного человека, в котором содержался жизненно необходимый ему «символ веры». В этом заключалось кардинальное отличие «регулярной» армии от прежнего поместного войска – непостоянного, аморфного образования, служба в котором рассматривалась не как почетное дело, доступное лишь профессионалам, а как тягостная повинность. Уже в полках «нового строя» появились представления о воинской иерархии и о воинской дисциплине, которые постепенно вышли за рамки узкопрофессиональной сферы и приобрели статус военно-культурных явлений, со временем образовавших ядро сущностных качеств русского офицера. Кроме того, этими же уставами в качестве неотъемлемой черты социокультурного портрета офицера было закреплено представление о дворянской чести. Так, в изданном в 1647 г. воинском уставе «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», который представлял собой вольный перевод труда немецкого военного писателя Иоганна Якоби фон Вальгаузена «Kriegskunst zu Fuss», говорилось: «…всякому рыцырю розсудити что подобает шляхетному человеку делати именито, то что ему всяким шляхетным чювством, которыя праотцы его имели тщатися, и потому же и ратному человеку быти зерцалу учтивости, чести и чювству, чтобы и ему тогоже достигнути чего предки его искали…»[557] Тогда же, в полках «нового строя», под влиянием модели поведения офицеров-иноземцев, в большинстве своем не отличавшихся благонравием, стало складываться и неформальное представление об «идеальном офицере» – драчуне, бретёре, гуляке.

В петровскую эпоху сформировался взгляд на офицера не как на узкого специалиста в военной сфере, а как на человека, способного занять самые разнообразные должности на государственной службе. Морально-нравственный облик офицерского корпуса формировался в годы Северной войны, а главным примером целеустремленности, самоотверженности, стремления исполнить свой долг во что бы то ни стало служил сам Петр I. Его главный завет русскому офицерству гласил: «В службе – честь»[558]. Кодекс чести русского офицера включал в себя вер-

[557] Учение и хитрость ратного строения пехотных людей / Печ. под наблюдением д. чл. Рус. ист. о-ва А.З. Мышлаевского и чл. С.-Петерб. археол. ин-та И. В. Парийского. СПб.: Бережливость, 1904. С. 28.
[558] Традиции офицеров русской армии. Жуковский, М., 2004. С. 38.

ность монарху, чувство собственного достоинства, обостренное восприятие дворянской (офицерской) чести, высокую нравственность, ориентацию не на достижение конкретной цели, а на приобретение определенных качеств личности, тщательный контроль за поведением и речью. Квинтэссенцию военно-культурного идеала являл собой великий французский полководец XVII в. маршал Анри Тюренн – недаром все выдающиеся военные деятели России начиная с петровской эпохи и вплоть до екатерининской (Б.П. Шереметев, П.А. Румянцев, А.В. Суворов) позиционировались как «русские Тюренны». Эталоном профессионализма и духовно-нравственным идеалом русского офицерства являлись гвардейцы Петра Великого – носители и трансляторы всех военно-культурных традиций, сложившихся в начале XVIII в. Доминирование гвардии в жизни российского общества в течение всего XVIII в. содействовало укреплению и дальнейшему распространению универсальных гвардейских идеалов, их широкому проникновению и в сугубо гражданскую сферу, которая таким образом подвергалась некоторой милитаризации. В «Уставе воинском» Петр I подчеркнул свое намерение продолжать строительство «регулярного войска», начатое еще при его отце. Все стороны жизни офицеров были регламентированы, однако император, внушавший подданным, что не стоит держаться устава «яко слепой стены; в нем бо порядки писаны, а времен и случаев нет», не лишал их возможности проявлять инициативу. Профессиональные и морально-нравственные требования к офицеру, сложившиеся при Петре I, в середине XVIII в. были дополнены уточненными представлениями о его культурном облике. Грубость нравов, продолжавшая существовать в петровскую эпоху, постепенно уступала место обходительности и галантности. Русский офицер, не теряя своих боевых качеств, приобретал известный светский лоск.

На этой основе во второй половине XVIII в. П.А. Румянцевым, А.В. Суворовым, М.Ф. Каменским и другими прославленными русскими военачальниками был выработан национальный идеал офицера, в который входили: фундаментальная военно-теоретическая подготовка, знание иностранных языков, танцев, верховой езды и фехтования, храбрость, порядок, дисциплина, преданность государю, стремление обучать подчиненных, терпеливость. Суворовский идеал жил в вой-

сках вплоть до середины 1810-х гг. В «Наставлении господам пехотным офицерам в день сражения», составленном М.С. Воронцовым в 1812 г. и разосланном по войскам П.И. Багратионом, говорилось: «Офицер должен чувствовать в полной мере важность звания своего, и что от него зависят поступки и поведение его подчиненных во время сражения». От Суворова же шло и отеческое отношение к солдатам, о котором писал М.Ю. Лермонтов в стихотворении «Бородино»: «Полковник наш рожден был хватом: / Слуга царю, отец солдатам…» В свою очередь, Суворов, которого солдаты с сыновней любовью называли «батюшка Александр Васильевич», брал пример со своего кумира маршала Анри Тюренна – первого европейского военачальника, отечески заботившегося о своих подчиненных, в каком бы чине они ни находились[559].

Военно-учебные заведения XVIII в. активно способствовали воплощению в жизнь петровско-суворовского идеала русского офицера. Если первые школы были сугубо техническими учебными заведениями, выпускавшими не столько офицеров, сколько инженеров и механиков, то уже со второй трети XVIII в. начал функционировать кадетский корпус – дворянский военный университет. Он давал своим выпускникам не только энциклопедическое образование, приличествующее и полководцу, и сановнику, но и подобающее дворянину воспитание, а также обеспечивал соответствующую культурную подготовку будущих офицеров. Грубость и дикость нравов, существовавшая в петровских школах и в Сухопутном и Морском кадетских корпусах, к 1760-м годам постепенно сошли на нет, а разработанная И.И. Бецким концепция создания «новой породы людей», превратившая корпус в «рассадник великих людей», привела к созданию офицеров новой формации – энциклопедически образованных, культурно развитых, мыслящих, полных энергии. Справедливости ради следует сказать, что просветительские идеалы стали препятствием на пути решения задач, связанных с подготовкой профессиональных военных. Стремление реализовать их в полном объеме привело к отрыву образовательного и воспитательного процесса от нужд войск и создало большие

[559] Минаков С.Т. Росский Тюренн. Опыт сравнительной военно-исторической антропологии. Монография. Орел: Изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», 2014. С. 76-78.

трудности при адаптации бывших кадет к реальным условиям армейской жизни. Это, разумеется, не могло сочетаться с суворовскими идеалами. Недаром сам Суворов пренебрежительно относился к офицерам из кадет, считал их неженками и белоручками и презрительно называл «курочками».

Начало XIX в. стало временем создания устойчивой самоидентификации русского офицерства не с интернациональным по своей сути военным делом, а с Отечеством. Патриотический подъем, охвативший русское общество в эпоху наполеоновских войн, способствовал изменению иерархии ценностей, лежавших в основе мировоззрения офицера: на первый план, заслоняя все прочее, выступила любовь к России, и желание достичь воинской славы любой ценой, сражаясь в армии какого бы то ни было государства, отступило перед священным долгом защиты Родины. Один из современных биографов А.В. Суворова, профессор С.Т. Минаков, отмечает, что в 1797 г., находясь в опале, прославленный полководец серьезно подумывал о том, чтобы пойти на службу к прусскому королю – лишь при условии, что не придется воевать с Россией[560]. Спустя всего несколько лет переход на иноземную службу стал считаться немыслимым по своему кощунству предательством[561]. Офицер-профессионал уступил место офицеру-патриоту задолго до того, как галло- и англоманство вышли из моды. Стоит, однако, заметить, что в русской армии начала XIX в. наряду с культом Суворова на неофициальном уровне широкое распространение получил культ главного противника России – Наполеона Бонапарта. Его военный гений, ограничить и сдержать влияние которого никакие национальные и политические рамки не были в состоянии, подвергался активной мифологизации и приобретал в глазах русского офицерства легендированный, почти сакральный характер.

Во второй половине царствования Александра I представление об идеальном образе офицера было существенно искажено плац-парадными традициями,

---

[560] Минаков С.Т. Росский Тюренн. Опыт сравнительной военно-исторической антропологии. Монография. Орел: Изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», 2014. С. 229.

[561] Известный русский писатель и журналист Ф.В. Булгарин, в 1806 г. окончивший 1-й кадетский корпус, в 1811 г. был изгнан с русской службы и поступил в войска герцогства Варшавского, а в 1812 г. в составе «Великой армии» принял участие в походе на Россию. Этот факт биографии Булгарина (правда, в сочетании с моральной беспринципностью и деятельностью в качестве осведомителя III отделения) впоследствии создал ему репутацию человека, способного продать не только Россию, но и все, что угодно.

получившими широкое распространение в русской армии. Требования к профессионально значимым качествам резко снизились. Согласно «Воинскому уставу о пехотной службе», составленному в 1811 г. и направленному в войска в 1816 г., «офицеру необходимо было знать только то, что предписано в школе рекрутской, в учениях ротном и батальонном… Офицер, знающий командовать и совершено объяснять все, что заключается в сих трех учениях, почитается офицером, свое дело знающим»[562]. На первое место был поставлен внешний вид войск, причем в первую очередь заботились о ненужных мелочах: «Фельдмаршалы и генералы превращены были в ефрейторов, все свое внимание и все свое время посвящавших выправке, глубокомысленному изучению штиблетных пуговичек, ремешков, а главное – знаменитого тихого учебного шага «в три темпа»[563]. Истинное же предназначение войск было оставлено за скобками. В «Воинском уставе о пехотной службе» 1811 г. об атаке не было сказано ничего, в «Воинском уставе о кавалерийской строевой службе» 1818 г. ей была посвящена самая короткая глава, артиллерийские уставы сообщали артиллерии показной, мишурный характер. Идеальным офицером стал считаться ловкий «экзерцицмейстер», «фрунтовой механик» скалозубовского типа, причем его боевые качества совершенно не принимались во внимание: «Офицера, до получения им роты, ценили только по наружности, по уменью маршировать, а ротного командира – по тому, как рота его ходила церемониальным маршем или делала ружейные приемы; эскадронного командира по тому, как эскадрон представился на выводке или в манеже; если эта часть была хороша, офицеру извиняли все другие недостатки. Бездарность, или совершенное невежество, выказанное на маневрах, или в другом случае, навлекали на виновного порицания только со стороны высших начальников, в тех редких случаях, когда могли быть ими замечены»[564]. По моральному облику русского офицерства был нанесен серьезный удар: «Подчиненный прежней школы воспитывался на доблестном примере начальника, воспитывался в идеях долга и чести, в убежде-

[562] Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений // Каменев А.И., Домнин И.В., Белов Ю.Т., Савинкин А.Е. Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. М.: Военный университет: Русский путь, 2000. С. 83.
[563] Керсновский А.А. История русской армии: 1700-1881. Смоленск: Русич, 2004. С. 250.
[564] Взгляд на состояние русских войск // Военный сборник. 1858. Т. 1. С. 12.

нии, что он служит отечеству; подчиненный новой школы стал воспитываться на страхе наказания, в трепете перед грозной личностью начальника, в убеждении, что он обязан исполнять все его прихоти, коньки, затеи, даже капризы жены, детей, родни»[565]. «Умственные плотины», воздвигнутые в николаевское царствование, резко понизили интеллектуальный уровень русского офицерства, что не могло не отразиться губительным образом на его культурном облике: слово «ученый» стало бранным, досуг был заполнен пьянством и грубыми развлечениями, и лишь офицерам столичного гарнизона был присущ определенный светский лоск. Возникла и постепенно усиливалась рознь между различными родами войск, между гвардейскими и армейскими частями. Так продолжалось в течение более 40 лет, вплоть до начала Великих реформ Александра II.

Кадетские корпуса александровского и николаевского царствования, с одной стороны, были активными проводниками в жизнь плац-парадных традиций, способствуя формированию послушных и нерассуждающих «бурбонов». В первой половине XIX в. и императоры, и многие руководители военно-учебного ведомства и отдельных заведений выступали едва ли не с проповедью обскурантизма. От идеального офицера, по мнению Ф.И. Клингера, бывшего в 1801-1820 гг. директором 1-го кадетского корпуса, требовались владение иностранными языками, некоторые начальные знания, отличная строевая выправка и безукоризненная дисциплина. Когда Николаю I при осмотре одного из кадетских корпусов представили талантливого воспитанника, самостоятельно следившего по карте за тем, как разворачивались события на театре военных действий, и высказывавшего при этом весьма дельные соображения, император заявил: «"Мне таких не нужно; без него есть кому думать… мне нужны вот какие!" – с этими словами он берет за руку и выдвигает из толпы дюжего малого, огромный кус мяса, без всякой жизни и мысли в лице и последнего по успехам»[566]. Главный директор Пажеского и кадетских корпусов Н.И. Демидов, стремившийся сократить преподавание наук до минимума, отвечал на возражения директора одного из корпусов: «Помилуйте, пус-

[565] Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений // Каменев А.И., Домнин И.В., Белов Ю.Т., Савинкин А.Е. Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. М.: Военный университет: Русский путь, 2000. С. 88.
[566] Соловьев С.М. Записки Сергея Михайловича Соловьева. Пг., 1915. С. 113.

тое! Вот я ничему не учен и книжек не читаю, а извольте видеть – служу честно и аксельбант ношу!»[567] Вместе с тем в 1830-40-е гг. по инициативе главы военно-учебного ведомства великого князя Михаила Павловича в кадетских корпусах были приведены в норму занятия строем, обращено внимание на чтение и культурное развитие будущих офицеров, предпринимались попытки связать обучение с практикой. Таким образом, военная школа при Михаиле Павловиче стояла выше армии, ее выпускники качественно улучшали офицерский состав, повышали его умственный и культурный уровень. Кадетские корпуса были не военной бурсой, а культурными очагами, что было особенно заметно в провинции, и выпускники их выполняли важную культуртрегерскую функцию в армии, хотя и заметно уступали в этом качестве немногочисленным выпускникам университетов, надевшим эполеты. Нельзя не отметить и то, что именно в эпоху Николая I военная школа внесла большой вклад в формирование социокультурных типов русского офицерства. По мере появления и развития новых военно-учебных заведений, во второй четверти XIX в., начали складываться традиции подготовки кавалеристов в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и офицеров специальных родов войск – в Артиллерийском и Главном инженерном училищах. «Славная школа» равнялась на лихих рубак в стиле Дениса Давыдова, идеальный выпускник специальных училищ был офицером-интеллектуалом в пенсне. Идеализированный образ кавалерийского офицера приобрел большую популярность в русской армии и обществе в целом, став своеобразным эталоном и для прочих родов войск как олицетворение протеста против уродливой плац-парадной системы, уделявшей огромное внимание мелочам в ущерб истинному смыслу военного дела. Образ независимого рубаки-бунтаря в сочетании с рыцарскими традициями в первой половине XIX в. дал начало весьма полюбившемуся обществу неформальному типу офицера – отважного в сражении воина-профессионала, рыцаря без страха и упрека, отличного товарища и вместе с тем дуэлянта, скандалиста и по-

[567] Данченко В.Г., Калашников Г.В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 268.

весы, смело бросающего вызов мертвящим официальным порядкам, действующего по своим внутренним убеждениям и на свой страх и риск.

Этот идеал «рыцаря-хвата» не утратил своей притягательной силы ни в пореформенной России, ни в начале XX в. Горячие поклонники нашлись у него и в эмиграции. Поэтому можно утверждать, что именно в первой половине XIX в. сложился культурный архетип идеального офицера, оказывавший серьезное влияние на самосознание любого принадлежавшего к офицерской корпорации или готовившегося в нее вступить. Последующие реформы не внесли в него существенных корректив: менялись требования, предъявлявшиеся к уровню профессиональной подготовки, поле боя все чаще уступало место паркету и канцелярии, однако образ благородного, смелого, независимого, готового пойти не только на риск, но и на верную гибель офицера не смогли заслонить ни светский лоск, ни кипы штабных документов. В свою очередь, в николаевских кадетских корпусах был сформирован военно-культурный архетип подготовки офицеров. Система военного образования, сложившаяся в первой половине XIX в., была, несмотря на все свои изъяны, комплементарной по отношению к идеальному образу офицера, и сложившиеся в кадетских корпусах военно-культурные традиции подготовки офицерства вполне согласовывались с традициями русского офицерского корпуса. Такие социокультурные параметры русского офицерства, как кастовость, честь мундира, повышенное внимание к корпоративным символам и ритуалам, пренебрежительное отношение ко всему невоенному, закладывались именно в кадетских «монастырях», жизнь в которых текла по особому укладу. Представление о «николаевском кадете» как эталоне подготовки офицера оказало серьезное влияние на офицерский корпус и русскую армию не только во второй трети XIX в., но и в последующее время. Забегая вперед, следует сказать, что принципы, на которых основывалась подготовка кадет в дореформенных корпусах, несколько смягченные и очищенные от излишнего ригоризма, стали в начале XX в. необходимым подспорьем концепции военно-рыцарского воспитания кадет и юнкеров, автором которой являлся великий князь Константин Константинович.

Плачевные итоги Крымской войны заставили отбросить в сторону плац-парадные традиции и реанимировать суворовский идеал офицера. По мнению М.И. Драгомирова, одного из наиболее видных русских военных теоретиков второй половины XIX в., «офицер-начальник каждого ранга должен удовлетворять следующим условиям: 1) общее знание теории современного дела и, в частности, подробное знание теории и техники, относящихся к тому роду войск, в котором служит; 2) преданность Государю и Родине до самоотвержения, дисциплина, вера в нерушимость (святость) приказания, храбрость, решимость безропотно переносить все тягости службы, чувство взаимной выручки; 3) способность ориентироваться в окружающей обстановке; 4) решимость принимать на себя ответственность за свои действия и распоряжения в тех случаях, когда обстоятельства не позволяют ожидать распоряжений свыше; 5) частный почин; 6) привычка представлять себе цель каждого действия; 7) уверенность в необходимости служить делу, а не лицам, общей, а не собственной пользе»[568]. Воплощению этого идеала в жизнь способствовал осуществленный в 1874 г. переход к всесословной воинской повинности, одним из последствий которого было резкое усиление роли офицеров в подготовке и воспитании вверенных им нижних чинов. Соответственно этому изменились и требования, предъявляемые к офицерам: «В отдаленные времена, давно уже отошедшие в область преданий, когда дух и традиции полков поддерживались старослуживыми солдатами, когда под руками офицеров были старые, опытные унтер-офицеры, у офицерства в сущности было немного работы, и полуобразованные помещичьи сынки с успехом исполняли эту крайне незамысловатую роль, вплоть до должности ротного командира, почти не посещая казарменных занятий. Но с введением общей воинской повинности роль офицера резко изменилась: бутафорский, расфранченный офицер уступил место офицеру-работнику»[569]. Вместе с тем окончательно сформировались специфические социокультурные представления об идеальном офицере, присущие каждому роду войск. Гордость и демонстрация своего превосходства были «визитной карточкой» гвар-

[568] Добровольский А., Муромский В. Офицер // Военная энциклопедия. Т. XVII. Пг., 1914. С. 234.
[569] Аничков Д. Офицерский вопрос в современной армии // Офицерская жизнь. 1908. № 139 и 140. С. 555.

дейцев. Офицеры Генерального штаба и специальных родов войск (артиллеристы и инженеры) акцентировали внимание на своей высокой квалификации. Кавалеристы щеголяли лихостью и молодечеством. Пехотинцы, третируемые и первыми, и вторыми, и третьими, утверждали, что лишь они – костяк армии – имеют право именоваться настоящими офицерами, остальные же – лишь «техники»[570].

Образ офицера-труженика, скромного профессионала, на которого возложены многочисленные обязанности, стал новым идеалом[571]. Его активному распространению способствовало и то, что в 1870-е гг., после утраты казачьими полками статуса иррегулярных частей, «не проходящих курса правильного военного обучения и воспитания»[572], завершилось формирование регулярной армии. К достижению этого идеала активно стремились военные училища, и это не осталось незамеченным в войсках. Начальник Павловского военного училища в 1875 г. писал: «Лестные отзывы военных начальников молодым офицерам, выпущенным из военных училищ, служат тому лучшим доказательством вполне рациональной постановки в них военного воспитания… Гвардейский корпус… в последнее время значительно увеличил свои требования на них (выпускников училищ – А.Г.) и кроме разрешаемого монаршей волей числа вакансий, обыкновенно сверх комплекта, ходатайствует ежегодно о выпуске еще большего числа на именные вакансии»[573]. Стало еще более заметным различие в подготовке пехотных офицеров, офицеров-кавалеристов и офицеров специальных родов оружия, подчеркивавшее и поддерживавшее традиционную рознь между ними.

---

[570] Дмитревский А. Идеал офицера // Каменев А.И., Домнин И.В., Белов Ю.Т., Савинкин А.Е. Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. М.: Военный университет: Русский путь, 2000. С. 383.

[571] В 2-й половине XIX – начале XX в. в гвардейских полках продолжал сохраняться и «отрицательный» идеал офицера, во многом навеянный легендированным образом мрачного, циничного, пресыщенного жизнью «корнета Лермонтова». Противопоставление изнеженности, рафинированности, утонченного аристократизма, специфической изысканной порочности гвардейской корпорации здоровой, жизнерадостной и грубоватой армейской среде было одним из основных способов культурной самоидентификации элитных частей русской армии. Собирательный образ, унаследовавший черты не только самого Лермонтова, но и созданных им персонажей «Героя нашего времени» – Печорина и Грушницкого, а также пушкинского Сильвио, был весьма живуч среди юнкеров Николаевского кавалерийского училища и воспитанников Пажеского корпуса. Общий упадок русской армии при Александре III и распространение в конце XIX в. в высшем обществе декадентских настроений послужили ему хорошей подпиткой.

[572] К.-К. Иррегулярные войска // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XIII. Имидоэфиры – Историческая школа. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1894. С. 346.

[573] РГВИА. Ф. 725. Оп. 13. Д. 153. Л. 57 об.

В милютинских военных гимназиях «…уничтожена была та кадетская закваска, которая вместе с традиционной шагистикой должна была отойти в область преданий; в них совершенно изменился взгляд на воспитание, и мертвая поверхностная «муштра» уступила место более вдумчивому отношению воспитательского персонала к учащимся, в основу коего легли совершенно иные принципы. Словом, из казармы с ее специфическим запахом, какой был тогдашний кадетский корпус, выработался тип учебного заведения, прекрасно обставленного и направленного на совершенно новый путь, главнейшей целью коего было воспитание, а не вколачивание, образование, а не бурсацкая долбня»[574]. В 1860-е гг. военные гимназии считались лучшими средними учебными заведениями. Недаром известный педагог К.Д. Ушинский предпочел дать своему сыну именно военно-гимназическое образование. Однако военным сообществом, в котором тон задавали бывшие николаевские кадеты, военно-педагогическая концепция Милютина была отторгнута: «В прекрасных николаевских корпусах… учили не многим уже, а воспитывали гораздо лучше, чем в гражданских учебных заведениях. Из них выходили цельные натуры, твердые характеры, горячие сердца с ясным, твердым и трезвым взглядом на жизнь и службу. В эпоху разложения общества… старыми корпусами с их славными традициями надо было особенно дорожить. В корпусах воинский дух развивался смолоду. В военных гимназиях же штатские воспитатели стали развивать в питомцах тягу в университет. Те же, кто попадал в училища, представляли совершенно сырой, необученный материал. От всего этого армия только проигрывала»[575]. Желание вернуть в среднюю школу военный дух привело к тому, что военные гимназии были в 1882 г. переименованы в кадетские корпуса, а режим жизни их воспитанников был подвергнут некоторой милитаризации.

В последние два десятилетия XIX в. русская армия переживала период упадка. Престиж офицерской службы резко снизился, офицерский корпус стал пополняться случайными людьми, надевавшими эполеты не по призванию, а в силу стечения обстоятельств. Более чем скромное денежное довольствие не по-

[574] Аничков Д. Офицерский вопрос в современной армии // Офицерская жизнь. 1908. № 141. С. 573.
[575] Керсновский А.А. История русской армии: 1700-1881. Смоленск: Русич, 2004. С. 375-376.

зволяло офицерам удовлетворять культурные запросы, принижало их в глазах общества, в котором набирали силу новые, капиталистические, отношения. Слово «офицер» стало в какой-то степени синонимом слова «неудачник». Это привело к заметной деградации офицерского сообщества, утратившего веру в идеалы. Уровень профессионализма снизился, культурная миссия была забыта. Сильнее всего деструктивные процессы поразили моральный облик русского офицерства. Широкое распространение получили апатия, агрессия, грубость, рукоприкладство, пьянство, дебоши. Зависть к более успешным «штатским» повлекла за собой возникновение уродливых форм корпоративной психологии, возводивших в культ презрение ко всему невоенному.

Вместе с русской армией по наклонной плоскости в 1880-90-е гг. катились и военно-учебные заведения, не видевшие перед собой четкой, наполненной смыслом цели. Они почти утратили связь с войсками и отстали от их нужд, учебное дело погрязло в схоластике, воспитание велось без души, формально. Кадетские корпуса наводнились детьми, которые по своим способностям были лишены возможности учиться в гражданской средней школе, в военные училища кадеты шли автоматически, без размышлений о правильности выбираемого пути, а гражданская молодежь – из-за невозможности продолжить образование в высшем учебном заведении. В военную школу вернулись зубрежка и муштра, репрессии и грубость. Кадеты и юнкера были заражены грубым, бессмысленным милитаризмом. Выходившие из стен военно-учебных заведений офицеры покорно тянули свою лямку, завидуя тем, кто сумел добиться большего на жизненном поприще, и не покидали армию лишь потому, что не обладали подготовкой, которая помогла бы им устроиться в гражданской жизни.

На рубеже веков стали раздаваться призывы к обновлению армии, избавлению ее от пороков и возрождению суворовского идеала офицера. Особенно громкими они стали после окончания русско-японской войны, обнажившей язвы как нашей армии, так и системы отечественного военного образования, и событий Первой русской революции, в которых офицеры играли роль карателей. Общественность, не стесняясь, с возмущением обсуждала «сгнившее» дворянство и за-

пятнавшую себя несмываемым позором гвардию[576]. Армия и общество нуждались в новой военной аристократии – представителях не родовой, а духовной элиты, офицерах-рыцарях. Военный публицист В. Дрозд-Бонячевский заявлял, что «твердость воли, дисциплинированность духа, высшее понимание долга и чести, готовность в любую минуту пожертвовать своей жизнью за честь родины и мундира – должны быть присущи одевшему на свои плечи офицерские погоны!»[577] Требования, предъявляемые к русскому офицеру, были сформулированы в брошюре В.М. Кульчицкого «Советы молодому офицеру», в годы Первой мировой войны выдержавшей несколько изданий. На смену прежним безыдейности и упадку пришло стремление сделать основой офицерского корпуса высокий профессионализм, рыцарские идеалы и активную гражданскую позицию. Следовало также ликвидировать рознь между представителями разных родов оружия. Главной же целью было формирование «типа офицера-идеалиста, офицера-фанатика своего дела, но не узкого специалиста, а широко и всесторонне образованного офицера-гражданина в высоком смысле этого слова»[578]. Решение этой задачи было возложено на военную школу.

Стремление вдохнуть жизнь в русское офицерство ставило на повестку дня вопрос о более тесной связи его подготовки с практическими задачами. Перерабатывались учебные программы, безжалостно изгонялась схоластика, большее внимание стало уделяться наглядному, практическому обучению. Необходимая однородность офицерского корпуса была в значительной степени обеспечена за счет переформирования юнкерских училищ в военные и окончательной ликвидации двухканальной системы подготовки офицеров. С целью пресечения губительных традиций вражды между представителями разных родов войск и выпускниками

[576] Консервативный публицист М.О. Меньшиков так писал о своих родственниках – полковниках Семеновского полка П.И. и С.И. Назимовых: «Нужно, чтобы русское дворянство совсем сгнило – до типа моих кумовей Назимовых (о, какой показательный тип), чтобы русский пролетарий раскололся натрое: 3 миллиона шарахнулись в плен, 3 миллиона были убиты, 3 миллиона побежали домой, в деревню, как серое стадо свиней и овец, бегущее с поля в летний вечер» (Меньшиков М.О. Дневник. Материалы к биографии // Российский архив. Т. 4. М., 1993. С. 52). Офицеры-семеновцы после своего участия в подавлении Декабрьского вооруженного восстания в Москве в декабре 1905 г. оказались на положении париев: двери многих домов навсегда закрылись перед ними (Толстой С.Н. Осужденный жить. М., 1998. С. 77).

[577] Дрозд-Бонячевский А. «Поединок» Куприна с точки зрения строевого офицера // Каменев А.И., Домнин И.В., Белов Ю.Т., Савинкин А.Е. Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. М.: Военный университет: Русский путь, 2000. С. 363.

[578] Аничков Д. Офицерский вопрос в современной армии // Офицерская жизнь. 1908. № 141. С. 573.

разных военно-учебных заведений создавались проекты создания военных училищ нового типа, выпускники которых шли бы во все роды оружия. Эта идея не была проведена в жизнь, и антагонизм между воспитанниками разных кадетских корпусов и военных училищ продолжал существовать. Зато были полностью пересмотрены воспитательные задачи военно-учебных заведений, которые отныне основывались на синтезе рыцарских идеалов и гуманистических ценностей. Ключевую роль в военно-рыцарском воспитании будущих офицеров играл Главный начальник военно-учебных заведений великий князь Константин Константинович, стремившийся развить в кадетах и юнкерах чувства собственного достоинства и гордости за принадлежность к армии, сформировать у военной молодежи желание продолжать славное дело предков, пробудить любовь к военному делу, поощрить стремление овладеть в совершенстве комплексом необходимых офицеру знаний, умений и навыков. На первый план выдвигалось формирование качеств, необходимых будущему воину: отваги, смелости, лихости. Удальство и молодечество, лишенные прежней негативной направленности (презрение ко всему невоенному, драчливость, хамство и пр.), стали органическими чертами культивируемого великим князем образа офицера-рыцаря. Августейший Главный начальник настаивал на том, что не следует заглушать в будущем офицере стремление испытать свою смелость и силу воли, совершая рискованные поступки[579].

Желание великого князя Константина Константиновича пробудить в кадетах «военный дух» было горячо поддержано большинством сотрудников военно-учебного ведомства. Общественность же пошла еще дальше, требуя изгнать из стен военной школы все то, что мешало воспитывать будущих офицеров в духе воинственности. По словам одного из военных публицистов, «нельзя ставить себе исключительным идеалом добронравного, тихого юношу, отвечающего по всем

[579] В марте 1904 г. кадет 4-го класса Орловского Бахтина кадетского корпуса Сергей Кузнецов был представлен к увольнению из корпуса за то, что ходил по карнизу одной из колонн корпусного здания на высоте третьего этажа. На полях журнала педагогического комитета великий князь сделал помету: «Едва ли педагогично решение уволить на попечение, по счастию не состоявшееся: проступок или вернее шалость не носит в себе ничего низкого или безнравственного, а напротив изобличает мужество, удаль и отвагу, хотя правда сопряженные с большой опасностью. Лучше бы назвать кадета молодцом и притом спокойно объяснить, что при падении причинил бы себе смерть или увечье, а опекающим горе и тревогу. Это было бы и справедливее, и действительнее увольнения» (РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 2582. Л. 55).

предметам на полный балл»[580]. Напротив, рассуждения авторов начала XX в. отличались крайним, доведенным до предела милитаризмом. В печати появилось большое количество публикаций, в которых отстаивалась необходимость усиления специально-военной подготовки воспитанников. Так, М.О. Меньшиков в своей статье «Недовольство в армии» называл кадет телятами и ягнятами, из которых никогда не выйдут настоящие офицеры, и призывал отбросить учебники и сделать обучение по-настоящему военным: «Создайте военную обстановку, например, изо дня в день поход, лагерь, строй, осады, битвы, караулы, разведки, военные ученья, сделайте так, чтобы как можно было меньше теории и как можно больше практики…»[581] Развивая эту мысль, один из авторов настаивал на необходимости развивать в детях дух милитаризма и сделать его основой воспитания будущих офицеров: «Пусть кадеты рубят дрова, бегают взапуски; учите их бороться, устраивайте длинные военные прогулки с ночевкой в деревнях, пусть бегают на лыжах и т.д. и т.д. Конца нет всем видам военных упражнений и спорта, доступных их возрасту»[582]. Несмотря на то, что эти достаточно примитивные воспитательные концепции не стали для военно-учебного ведомства руководством к действию, они существенно способствовали ликвидации разрыва между военной школой и армией, улучшению военно-профессиональной подготовки и физического воспитания, развитию в стенах военной школы серьезных занятий спортом, организации первых спортивных соревнований.

Ценитель прекрасного, поэт и драматург, великий князь Константин Константинович внес большой вклад в культурное развитие будущих офицеров. Благодаря его инициативе чтение, литературное творчество, самодеятельность освободились от прежних мелочных запретов и приобрели большую популярность в кадетской и юнкерской среде.

В начале XX в. на страницах периодической печати шла дискуссия по поводу того, какие военно-учебные заведения являются наиболее предпочтительными

---

[580] Выписка из статьи газеты «Русский инвалид» по вопросу о браках офицеров (1898 г., № 174) // РГВИА. Ф. 725. Оп. 36. Д. 219. Л. 2 об. – 3.
[581] Меньшиков М.О. Недовольство в армии // Новое время. 1909. 10(23) февраля. № 11823. С. 3.
[582] Л.Э.Ф. По поводу статьи «Недовольство в армии» (Новое время. № 11823) // Русский инвалид. 1909. 20 февраля. № 40. С. 5.

для подготовки офицеров. А. Розеншильд-Паулин считал таковыми кадетские корпуса, М.С. Галкин – окружные юнкерские училища, Е.И. Мартынов – военные училища. Каждый автор приводил вполне убедительные аргументы в свою поддержку. Розеншильд-Паулин, отстаивавший идею кастовости офицерского корпуса, полагал, что «в истинно военном духе надо воспитывать же с малолетства в корпусах, приучая к просторе жизни, к труду, лишениям…»[583] Галкин и Мартынов, напротив, считали, что кадетские корпуса не дают необходимой военной подготовки, а излишняя опека, установленная над кадетами, парализует их волю и не приучает к серьезной планомерной работе. Однако события Первой мировой войны и революции показали, что самыми стойкими, самыми искренними защитниками России были в равной мере юнкера и кадеты, которые, безусловно, со временем стали бы лучшей частью русского офицерского корпуса. Таким образом, военно-учебные заведения обеспечивали такую подготовку офицеров, которая позволяла максимально приблизиться к желаемому идеалу.

В течение более чем двухвекового периода функционирования отечественной военной школы постепенно складывались традиции профессиональной подготовки офицеров, представлявшие собой особый вид военно-культурных традиций. Они носили комплексный характер. Поскольку военно-учебные заведения были тесно связаны с армией, обучающиеся в них становились носителями общеармейских военно-культурных традиций – в первую очередь официальных (воинских) и традиций профессиональной подготовки. Вместе с тем специфика деятельности военной школы приводила к созданию собственных традиций военно-учебных заведений – учебно-воспитательных, культурных, неофициальных (ученических). Тесно переплетаясь с общеармейскими традициями, они создавали целостный, жестко структурированный социокультурный феномен.

Е.В. Климашкина, говоря об официальных традициях кадетских корпусов, охарактеризовала их следующим образом: «Это прежде всего их история, корпусные праздники, процедура проведения которых была у каждого корпуса своя,

[583] Розеншильд-Паулин А. Строевая армия // Каменев А.И., Домнин И.В., Белов Ю.Т., Савинкин А.Е. Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. М.: Военный университет: Русский путь, 2000. С. 296.

торжественные построения и марши по улицам города, храмовые праздники и дни поминовения, церемония прибивания знамени к древку, публичные концерты, спортивные выступления и пр…»[584] Официальные традиции всех кадетских корпусов были практически идентичны, разница заключалась только в деталях церемоний. Особняком стояли лишь Николаевский кадетский корпус (кавалерийский) и Донской кадетский корпус (казачий), имевшие собственную форму и специфическое вооружение, а также Морской корпус. Разница между официальными традициями пехотных, кавалерийских, артиллерийских и инженерного училищ была гораздо более заметной, хотя некое единство при этом все же сохранялось – как в отношении прочих военно-учебных заведений, так и армии в целом.

Главная специфика военно-культурных традиций русской военной школы была обусловлена в первую очередь профилем деятельности военно-учебного ведомства (учебно-воспитательная работа, организация досуга) и особенностями организации процесса обучения (интернат). Именно применительно к данной группе традиций в отечественной литературе было дано следующее определение: «Под традициями подготовки офицерских кадров, по нашему мнению, следует понимать исторически сложившиеся нормы, правила, ценности в сфере военного образования (обучения и воспитания военных кадров), унаследованные от предыдущих поколений и отличающиеся особой устойчивостью и направленностью действия на всех этапах развития военной школы… Их вычленение и анализ позволяют говорить о собственных традициях подготовки русского офицерского корпуса: традициях в сфере образования, нравственных и педагогических»[585]. Традиции организации учебно-воспитательной работы в военной школе, в свою очередь, являлись частью традиций, присущих системе образования в целом, и содержание их обусловливалось ходом борьбы между прогрессивными и реакционными педагогическими концепциями. Непосредственное отношение к армии имела специально-военная подготовка будущих офицеров (обучение стрельбе, фехтованию, съемке местности и др.), уровень организации которой определялся не

[584] Климашкина Е.В. Источники изучения педагогического опыта кадетских корпусов и военных гимназий дореволюционной России. Дис…. канд. пед. наук. Ставрополь, 2006. С. 91-92.
[585] Традиции офицеров русской армии. Жуковский, М., 2004. С. 146-147.

только господствующей образовательной парадигмой, но и качественным состоянием военного ведомства.

Некоторые традиции организации учебно-воспитательной работы, сложившиеся в отдельных военно-учебных заведениях, со временем приобрели статус официальных традиций, стали «визитной карточкой» училищ и корпусов. Так, Павловское военное училище через несколько лет после своего возникновения снискало славу «военного монастыря» – юнкера-«павлоны» воспитывались в духе беспрекословного подчинения всем установленным требованиям, неукоснительного исполнения своих обязанностей, приоритета служебных обязанностей перед дружескими отношениями. Со временем было выработано нечто вроде «кодекса павлона»: «Павлон – это значило: всегда подтянутый, безукоризненно одетый, внимательный и со всеми вежливый юнкер. Павлон – это безукоризненное отдание чести, изваянная фигура, когда стоит на посту, точное и разумное знание и исполнение уставов. Павлон – это умение беспрекословно подчиняться, не лишенное, когда нужно, личной самодеятельности, сноровки, смекалки. Павлон – это начальник строгий и требовательный к себе и к подчиненным. Короче говоря: Павлон – это было удачное осуществление боевых и нравственных требований к начальнику, которые предъявляет наш великий Суворов в своей «Науке побеждать»[586]. Дисциплинированность юнкеров Павловского училища была феноменальной – однажды, чтобы не опоздать из отпуска, проспавшие свою станцию «павлоны» выпрыгнули из поезда, шедшего на полном ходу[587]. Михайловское артиллерийское училище, напротив, отличалось показным пренебрежением ко всему военному. По легенде, начальник Михайловской артиллерийской академии и училища, генерал-лейтенант Платов, поощрявший только занятие науками, ходатайствовал о разрешении юнкерам носить халаты при вечернем приготовлении уроков[588]. В кадетских корпусах сложившиеся в течение десятилетий подходы к организации учебной работе также определяли социокультурный облик их выпускников: «За киевлянами по успеваемости в науках стояли псковские кадеты, во-

[586] Гребенщиков И.А. Павлоны // Архив БФРЗ. Ф-2. М-127. Л. 73.
[587] Там же Л. 65-66.
[588] Черновики писем (1901-1914 гг.) и воспоминания директора 1 кадетского корпуса Ф.А. Григорьева. «Дед внукам». Главы 1-7. 1901-1915 гг. // РГВИА. Ф. 267. Оп. 1. Д. 2. Л. 174.

ронежские, оренбургские, а из столичных – воспитанники 3-го Александровского кадетского корпуса, носившие кличку «хабаты» за то, что были полуштатскими. Про московские корпуса ничего интересного известно не было, но 1-й Петербургский славился военной выправкой, Полтавский – легкомысленностью и ленцой…»[589]

Поскольку воспитанники военно-учебных заведений, по общему правилу, находились на положении интернов и большую часть времени проводили в казенных стенах, существенное развитие получила организация культурно-досуговой работы. Руководство чтением и собственным литературным творчеством обучающихся, обучение пению и игре на музыкальных инструментах, организация театральной самодеятельности, организация посещения театров, музеев и выставок, проведение военных прогулок и экскурсий, руководство физическим развитием и проведение спортивных соревнований – все это было призвано продуктивно заполнять свободное время, способствовать всестороннему развитию личности будущих офицеров и отвлекать кадет и юнкеров от шалостей.

В то же время нельзя забывать о том, что специфика культурных традиций русской военной школы определялась и особенностями контингента учащихся – дети и юноши создавали множество неформальных традиций и обычаев, регламентировавших их отношение друг к другу, к учебе, педагогам, порядкам заведения, сверстникам, обучавшимся в гражданских учебных заведениях, и т.п. Их можно именовать кадетскими и юнкерскими традициями.

Неофициальные традиции, создаваемые обучающимися помимо воли начальства, играли огромную роль в жизни военно-учебных заведений, оказывая мощное воздействие и на официальные, и на учебно-воспитательные традиции: «Все свободное время, утром, днем, вечером, ночью, кадеты оставались без воспитателей. Воспитатели могли только диктовать правила поведения и требовать их исполнения, но проследить полностью за жизнью кадет не могли. Эту роль

[589] Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986. С. 40.

принимали на себя кадетские традиции»[590]. Неофициальные традиции определяли уклад жизни и отношение к занятиям и юнкеров, особенно в кавалерийских училищах.

Кадетские и юнкерские традиции являлись сложным, неоднозначным социокультурным феноменом и в силу этого с трудом поддаются научному анализу. Выпускники дореволюционных и эмигрантских кадетских корпусов делали акцент на регулятивной составляющей традиций, рассматривая их как неофициальные кодексы поведения. Так, в представлении В. Бодиско, бывшего кадета-крымца и одного из наиболее активных деятелей кадетского движения, пытавшегося осмыслить традиции воспитанников, кадетские традиции выглядели как «сложный, неписаный кодекс внутренней жизни и взаимоотношений, который подготовлял кадета, а потом юнкера, к ответственной службе в армии»[591]. Схожий подход продемонстрирован и выпускником Петровского Полтавского кадетского корпуса П. Волошиным-Петриченко, который считал, что традиции – это «ряд установившихся обычаев, узаконенных не приказаниями свыше, а самими учащимися и идущие иногда даже вразрез с порядком, предписанным официальным регламентом»[592]. Интересно сравнить данное определение, в котором зафиксировано противоречие между традициями и официальными порядками, с определением, данным традициям еще в конце XIX в. их принципиальным противником, начальником Николаевского кавалерийского училища П.А. Плеве: «Традиции – это такие правила, которые, в силу своей глупости, не могут быть узаконены»[593].

В современной отечественной историографии единого подхода к трактовке неофициальных традиций военно-учебных заведений нет. Так, В.М. Крылов и В.В. Семичев полагают, что «применительно к воспитанникам кадетских корпусов под традициями можно понимать такие наиболее существенные черты их во-

---

[590] Комаровский Е.А. Воспитательные аспекты кадетских традиций в российских императорских кадетских корпусах в XIX – начале XX веков //Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. С. 197.

[591] Кадетские корпуса за рубежом. 1920-1945. С. 451; Бодиско В. О традициях // Бюллетень Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Венесуэле. Март 1982. № 11. С. 37.

[592] Йордан А.Б. Честь родного погона [книга о традициях в Российских кадетских корпусах]. М.: Интерграф Сервис, 2003. С. 114.

[593] Бодиско В. О традициях // Бюллетень Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Венесуэле. Март 1982. № 11. С. 33.

енного, социального и нравственного облика, которые определялись, передаваясь от одного поколения кадет к другому, особенностями их воспитания и поведения»[594]. В данном определении, несмотря на то, что оно является полным и развернутым, не учтена *поведенческая* составляющая кадетских традиций, которая неизменно играла ведущую роль в традиционной жизни заведений и, являясь внешним выражением традиций, позволяла судить об их характере. Нельзя полностью согласиться и с тем, какое содержание вкладывают упомянутые выше авторы в понятие кадетских традиций. По мнению В.М. Крылова и В.В. Семичева, к кадетским традициям относятся: «самоотверженное служение Отечеству, верность воинскому долгу, патриотизм; глубокие профессиональные знания; высокую образованность и эрудицию; высоко развитое чувство войскового товарищества, порядочности и чести»[595]. Из этого перечня к кадетским традициям можно отнести лишь товарищество, причем не войсковое, а специфически-кадетское. Остальные «существенные черты» представляют собой результат воздействия воинских и образовательных традиций, которые создавались не кадетской массой, а начальством и педагогической корпорацией.

Более точное определение кадетским традициям дала Е.В. Климашкина[596]. Ею подчеркнута поведенческая составляющая традиций: «Кадетские традиции – это передающиеся от поколения к поколению кадет и сохраняющиеся длительное время в кадетской среде общественные и воинские ценности, правила и нормы поведения»[597]. С организационно-нормативной точки зрения традиции выглядели как «… сложный, неписаный кодекс внутренней жизни и взаимоотношений, тесно связывающий сослуживцев в единую семью»[598].

Современный историк педагогики А. Н. Шевелев полагает, что кадетские традиции можно представить в виде «самостоятельной системы ценностей и идеалов, достаточно жесткой и консервативной… господствующей в среде каде-

---

[594] Крылов В.М., Семичев В.В. Званье скромное и гордое кадет. Исторические и культурные традиции кадетских корпусов России: Монография. СПб.: Петербург – XXI век, 2004. С. 149.
[595] Крылов В.М., Семичев В.В. Указ. соч. С. 150.
[596] См.: Климашкина Е.В. Источники изучения педагогического опыта кадетских корпусов и военных гимназий дореволюционной России: дис…. канд. пед. наук. Ставрополь, 2006. С. 91-93.
[597] Климашкина Е.В. Указ. соч. С. 91.
[598] Там же. С. 92.

тов в отсутствие административного контроля»[599]. Идеологической базой этой системы являлись традиции русского офицерского корпуса. По мнению А.Н. Шевелева, неофициальные традиции не противоречили официальным, а лишь дополняли их. Тем не менее среди кадетских традиций было немало антипедагогичных, деструктивных явлений (например, «цук»).

Разумеется, деление традиций военно-учебных заведений на официальные, образовательно-культурные и неофициальные достаточно условно. Например, официальные и неофициальные традиции имели немалое воспитательное значение. Сугубо официальные отношения могли встраиваться в неофициальные, получая тем самым дополнительную поддержку (так, в Николаевском кавалерийском училище вахмистр эскадрона не только являлся официальным должностным лицом, но и носил неофициальный титул «земного бога», благодаря которому его возможность влиять на поведение подчиненных многократно возрастала). Такая культурная традиция, как самодеятельность учащихся, в зависимости от отношения к ней начальства приобретала либо официальный, либо неофициальный характер. Наконец, легализация некоторых изначально неуставных требований (ношение собственных предметов обмундирования) придавала им вполне официальный статус.

Не было непреодолимой пропасти и между неофициальными и официальными традициями. Первые шли снизу вверх, от воспитанников, вторые – сверху вниз, от начальства и педагогов. Они могли пересекаться по крайней мере тремя способами, приводя к созданию пограничных форм традиций, являющихся одновременно и официальными, и неофициальными.

Первый вариант пересечения охарактеризован Е.В. Климашкиной: «Некоторые корпусные традиции смыкались с кадетскими, что особенно ярко проявилось в так называемых кадетских заповедях. Их авторами могли быть кадеты, воспитатели, даже сам директор. Авторство… значения не имело, лишь бы данное правило соответствовало общему настрою и разделялось кадетской средой. В

[599] Шевелев А.Н. Система мужского дворянского воспитания в России XVIII-XIX веков в педагогике кадетских корпусов // История педагогики сегодня. СПб., 1998. С. 113.

наиболее полном виде эти заповеди существовали в виде «Правил Русского корпуса» или «Заветов генерала Адамовича своим кадетам»[600].

«Правила» и «Традиции» Русского корпуса были составлены его кадетами в 1920-е гг., во время пребывания заведения в Сараево. В них вперемежку были зафиксированы правила поведения кадет и правила их «традиционной» жизни[601]. «Заветы генерала Адамовича своим кадетам» (правильное название – «Шестьдесят семь моих заветов кадетам 1-го Русского великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса») появились несколько позже, в 1934 г. Они представляли собой совокупность разнообразных девизов и наказов: «Сохранять русский воинский строй и выправку»; «Уважать русские старые обычаи»; «Терпеть безропотно лишения»; «Быть, а не казаться»; «Смотреть людям в глаза»; «Охранять младших кадет как братьев»; «Помнить: оскорбление товарища оскорбляет товарищество»[602]. «Заветы» Адамовича являлись уже вполне официальным писаным вариантом традиций поведения кадет (к неофициальным, помимо «Правил» и «Традиций», принадлежала подпольная «Звериада»).

Второй вариант представлял собой совпадение официально одобряемых моделей поведения с ценностными детерминантами, возникшими в кадетской и юнкерской среде (благоговейное отношение к Отечеству, монархии, вере, армии, оружию и т.п.).

Третьим вариантом является официальное или полуофициальное признание начальством некоторых неофициальных традиций, могущих принести определенную пользу делу воспитания. Так, в некоторых военно-учебных заведениях в начале XX в. традиция подчинения младших воспитанников старшим нашла официальное закрепление в форме института «старших кадет», а полуофициальное – в форме «разумного цука».

Руководители и педагоги русских военно-учебных заведений стремились придать неофициальным традициям желательное для себя направление. Упомяну-

---

[600] Климашкина Е.В. Указ. соч. С. 92-93.
[601] Правила Русского корпуса // Бюллетень Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Венесуэле. № 33. Декабрь 1992. С. 35.
[602] Беляев А.В. Кадетские корпуса России: история и современность: монография. Ставрополь: Сервисшкола, 2008. С. 279.

тый выше видный деятель военной школы генерал-лейтенант Б.В. Адамович, до революции возглавлявший Виленское пехотное юнкерское училище, а в эмиграции в течение 14 лет занимавший пост директора Русского кадетского корпуса, полагал, что «традиционными называются лучшие правила и убеждения, воспринятые от предшественников, хранимые современниками и передаваемые преемникам». Хотя содержание традиций Адамовичем не было раскрыто, нетрудно заметить, что он делал акцент на их морально-этической составляющей. Наиболее общая характеристика «старых кадетских традиций» – «честность, доброе имя, дух товарищества»[603], – дана К. Волховским в книге «1-й кадетский корпус» еще в 1884 г. Такой подход вполне согласуется с позицией юнкеров Михайловского артиллерийского училища, утверждавших, что «…наша основная училищная традиция – порядочность, а в том, что большие издания называют «направлением», пусть горит всегда любовь к Творцу и беззаветная преданность престолу и родине, – как тройственный принцип, коим строилась, росла и жила Русская земля[604]. Руководство одного из последних зарубежных военно-учебных заведений, Русского кадетского корпуса-лицея имени императора Николая II в Версале, понимало под основной идеологией русских императорских кадетских корпусов «…религиозное начало, самоотверженную преданность Престолу и Отечеству, готовность на подвиг, крепкую товарищескую спайку и разумную дисциплину…»[605]

Однако подобный облик и смысл неофициальные традиции приобрели лишь в эмиграции, когда кадетские традиции стали преследовать цель сохранения культурной целостности русских кадет. Например, в 1930 г. Р. Термен, помощник директора «Родного Корпуса», располагавшегося в Софии, опубликовал брошюру «Кадетские традиции». Под кадетскими традициями он предлагал понимать не неофициальные правила поведения, создаваемые воспитанниками, а духовные ценности – любовь к утраченной Родине, православную веру и преданность монархии, которые должны были сплотить кадет-эмигрантов в дружную семью, не

[603] Волховский К. 1-й кадетский корпус. 1732-1863. СПб., 1884. С. 15.
[604] Полтавец. Письма к друзьям // Михайловец. 1905. № 1. С. 23.
[605] Русский кадетский корпус-лицей имени императора Николая II в Версале. Париж: Издание попечительного комитета, 1939. С. 4.

дать им рассеяться и помочь преодолеть все жизненные трудности. Констатация изменившегося характера неофициальных традиций, закрепление за ними иной, серьезной, роли в исторической эстафете нашли отражение в заметке кадета-эмигранта П. Лесового: «…Говоря о традициях, мы, разумеется, имеем в виду те ценности, которые могут быть в них заключены, т.е. ценности морального порядка… Только те из традиций жизненны, в которых живо вложенное в них нравственное содержание или, точнее говоря, носители данной традиции имеют силы действовать, вопреки эгоистичным побуждениям, во имя ценностей надличных, высшего порядка… Традиции нас учат помнить, что… подлинная доблесть – при самых неблагоприятных обстоятельствах не потерять души и сохранить мужество… Пусть сегодня эта [историческая – А.Г.] традиция понимается неполно, бледно и иногда в искаженном виде, но она присутствует… даже в той сравнительно привилегированной среде, к каковой следует отнести «суворовцев», которые при всей уродливости своего воспитания не могут не чувствовать где-то в себе нитей, связывающих их с традициями славных императорских кадетских корпусов… Таким образом, труды кадетства, оберегающего свои славные традиции, достойны и оправданы в плане историческом…»[606]

По мнению авторов Седьмой кадетской памятки, кадетская традиционная жизнь не поддается однозначному толкованию. Главный смысл существования кадетских традиций заключается в том, что они помогали обеспечить выполнение тех высоких требований, которые всегда предъявлялись к воспитанникам военно-учебных заведений, особенно в эмиграции. При этом планка требований, установленная самими кадетами, была значительно выше официальной: «Этика внутрикадетских взаимоотношений в значительной степени отличались от требований педагогического комитета. В каждом классе существовала область добродетелей и пороков, недоступная влиянию воспитателей»[607]. Стержнем кадетских традиций служили «настоящая дружба, жертвенность, доверие, взаимное уважение во всей их бескомпромиссной, почти что абсолютной чистоте, скрепленные древнекадет-

[606] Лесовой П. Традиции // Кадетское письмо. № 16. Буэнос-Айрес, б.г. С. 3.
[607] Седьмая кадетская памятка. Юбилейная. 1920-1997. Нью-Йорк, 1997. С. 382.

ским ритуалом во имя страждущей России»[608]. Традиции позволяли обеспечить единство кадетской корпорации даже в самых сложных условиях педагогического вакуума.

До революции неофициальные традиции, как правило, не носили исключительно серьезного характера. Бывшие воспитанники отмечали, что «…традиции не были сухими, казенными постановлениями, они создавались самой жизнью и условиями среды»[609]. Наряду с суровыми и требовательными традициями, которые внушали любовь к России и к ее армии, уважение к старшим, воспитывали умение подчиняться, пробуждали чувство жертвенности к товарищам, готовность поступиться своими личными интересами ради общего блага, существовали и шуточные традиции, вносившие в «суровую казенную обстановку свежесть, разнообразие и юмор»[610].

Один из видных деятелей кадетского движения русской эмиграции В. Бодиско дал следующую классификацию кадетских традиций: 1) общекадетские традиции (подчинение младших старшим и недоносительство); 2) традиции отдельных кадетских корпусов, регламентировавшие кадетское самоуправление[611].

К неофициальным традициям, общим для большинства военно-учебных заведений, относились следующие:

1. Традиция товарищества. Она включала взаимопомощь кадет (в учебных занятиях, при расследовании проступков, при наказаниях), категорический запрет жалоб и доносительства (фискальства), осуждение стремления выделиться из общей массы и обряды инициации («крещения») новичков. Возникнув как негативная традиция для сплочения кадетской массы, противостоявшей начальству, традиция товарищества после ослабления традиции негативного отношения к порядкам заведения выступила на первый план и постепенно приобрела положительный характер.

---

[608] Там же. С. 382.
[609] Кадетские корпуса за рубежом. 1920-1945. Нью-Йорк, 1970. С. 451.
[610] Там же. С. 451.
[611] Йордан А.Б. Честь родного погона [книга о традициях в Российских кадетских корпусах]. М.: Интерграф Сервис, 2003. С. 129-130.

2. «Цук»[612] – традиция беспрекословного подчинения младших воспитанников старшим, которая в военных училищах была строго регламентирована, а в кадетских корпусах часто вырождалась в изощренное издевательство. Организационной формой, сопутствовавшей «цуку», была неформальная организация воспитанников – «выпуск» («выпускной совет») в кадетских корпусах и «корнетский комитет» в кавалерийских училищах. Традиция «цука» была органически связана с традицией товарищества и способствовала сплочению массы воспитанников в единую корпорацию. В эмигрантских корпусах традиция подчинения младших воспитанников старшим, очищенная от издевательств и получившая воспитательное значение, стала основной кадетской традицией, а традиция товарищества – второй по значимости[613].

3. Традиция негативного, враждебного отношения воспитанников к педагогам, офицерам и начальству, часто перераставшая в ненависть к официальным порядкам в целом. Заведение как бы делилось на два лагеря: с одной стороны была тесно сплоченная кадетская масса, а с другой – корпусные педагоги («звери»), с которыми нужно было бороться всеми доступными способами. Традиция негативного отношения к педагогическому персоналу в большей степени была присуща кадетским корпусам; в военных училищах периодически возникала как реакция на несправедливые, по мнению юнкеров, требования начальства. Она возникла раньше всех прочих кадетских традиций и в 1-й половине XIX в. являлась основной, а затем уступила место традиции товарищества.

4. Культ нарочитой грубости и показного молодечества, пренебрежительного и даже негативного отношения ко всему невоенному. В кадетских корпусах 1-й половины XIX в. его носителями были «старые кадеты» («коренные», «закалы», «старики» и пр.), которые забросили учебу, посвящали все свое время шалостям, не боялись наказаний и бравировали своим наглым обращением с педагогами и начальством. Аналогом «закалов» были «отчаянные» военные гимназисты второй половины 1870-х – начала 1880-х гг. Культ нарочитой грубости был реакцией на

[612] От немецкого «zuchen» – вздрагивать (Кочуков С.А. Некоторые бытовые моменты военной школы России второй половины XIX века // Проблемы истории российской цивилизации. Саратов, 2004. Вып. 1. С. 116).
[613] Бодиско В. Кадеты // Бюллетень Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Венесуэле. № 31. Каракас, январь 1992. С. 8.

репрессивную политику начальства, своеобразной формой протеста против огульного применения наказаний. В военных училищах и пореформенных кадетских корпусах культ существовал в смягченной форме, «вызов» официальным порядкам принял форму «щегольства» и незаконных переделок форменной одежды, а за пределами заведения он выражался в кутежах и демонстративно вызывающем поведении по отношению к штатским.

5. Неофициальные обряды и церемонии – крещение новичков, «похороны наук», шуточные парады. Они выполняли несколько функций: выстраивание неформальной иерархии, психологическая разгрузка, средство заполнения досуга.

6. Фольклор воспитанников – стихи и эпиграммы, посвященные заведению, его начальникам, педагогам и выпускникам, а также летопись заведения. Стихотворения, баллады и былины, как правило, носили нецензурный характер. Часто стихи оформлялись в виде большой книги под названием «Звериада», которая являлась бережно хранимой святыней.

Кроме того, следует упомянуть о традиции поддержания собственного достоинства и чести родного корпуса.

Эти традиции, за исключением «цука», существовали во всех корпусах и училищах. «Цук» признавался далеко не всеми юнкерами и кадетами, в этом и заключалось главное отличие внутренней традиционной жизни одного военно-учебного заведения от другого.

Традиции отдельных военно-учебных заведений относились не столько к самоуправлению (оно возникло лишь в конце XIX в., причем лишь в нескольких заведениях, а достаточно широкое распространение получило лишь в эмиграции), сколько к правилам поведения в целом. Например, в 1-м кадетском корпусе существовала традиция подкармливать «столбовых» (кадет, наказанных лишением пищи и во время обеда стоявших у колонн в столовой), во 2-м кадетском корпусе – деление воспитанников на «общества» (товарищеские кружки), в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров – «кутильная закваска» (культр пьянства и разгула), и т.д. Кадетское неофициальное «самоуправление», устроенное по образу и подобию кавалерийских училищ («генерал», «адъютан-

ты», «хранитель Звериады»), возникло лишь в начале XX в. (зачастую имея издевательский и террористический характер – как, например, организация «Мандола», созданная во 2-м Московском кадетском корпусе в 1904 г[614].), а положительную роль стало играть лишь в эмигрантских корпусах и там же достигло расцвета.

Попытка дать некое консолидированное представление о традициях русских военно-учебных заведений как основе современного военного образования была предпринята И.Н. Андрушкевичем в докладе на открытии 6 сентября 1998 г. в Москве XVI Общекадетского Съезда. По его мнению, «содержание «наилучшего воспитания» в русских кадетских корпусах можно свести в 5 групп, в 5 «столпов» правильной педагогики: 1. Вера и верования. 2. Заветы и традиции. 3. Инструментальные концепции. 4. Нравы и манеры. 5. Символы и ритуалы»[615]. Из развернутой характеристики этих групп, данной Андрушкевичем в том же докладе, явствует, что именно традиции, обычаи, символы и ритуалы, как официальные, так и неофициальные, призваны играть ведущую роль в подготовке будущих офицеров – защитников Отечества.

Таким образом, традиции подготовки офицеров в военно-учебных заведениях являлись устойчивым, исторически сложившимся типом военно-культурных традиций. Являясь частью традиций, присущих вооруженным силам в целом (в первую очередь это относится к официальным традициям), они отличались от них своей большей направленностью на обеспечение учебно-воспитательного процесса, в силу чего аккумулировали и рафинировали требования, предъявляли к идеальному офицеру, и содействовали выработке четкого и эффективного механизма их усвоения обучающимися.

Можно выделить три группы военно-культурных традиций подготовки русского офицерства. К первой группе относятся официальные традиции. Это воинские символы и атрибутика, торжественные церемонии и ритуалы, преследовавшие цель воспитания будущих офицеров в духе служения Отечеству. Вторая группа включает в себя учебно-воспитательные традиции, которые позволяли

[614] РГВИА. Ф. 725. Оп. 45. Д. 176. Л. 54 – 67 об.
[615] Сборник кадетских писем: сборник избранных статей из «Кадетского письма». Буэнос-Айрес, 2001. С. 44.

сформировать у обучавшихся комплекс необходимых знаний, умений и навыков, и традиции организации культурно-досуговой работы, обеспечивавшие продуктивное заполнение досуга воспитанников закрытой военной школы. К третьей группе относятся неофициальные (кадетские и юнкерские) традиции – созданные самими воспитанниками независимо от воли и желания начальства и обеспеченные возможностью применения морального и(или) физического принуждения правила поведения, которые регламентировали «внутреннюю» жизнь заведений и активно влияли на все сферы их деятельности. Они складывались вследствие сочетания относительной обособленности военно-учебного социума от окружающего мира с восприимчивостью и подражательностью, свойственным детской и юношеской психике. В совокупности эти группы традиций образовывали целостный, динамично развивавшийся феномен военной культуры, и их влияние на профессиональный, психоментальный и социокультурный облик представителей русского офицерского корпуса носило комплексный характер.

Принципиальным является вопрос о том, как соотносятся между собой понятия «военно-культурные традиции подготовки офицеров» и «военно-культурные традиции военно-учебных заведений». Начало формирования военно-культурных традиций подготовки офицерства, как было сказано выше, следует связать с деятельностью рейтарских полков и петровских «потешных». В XVIII в. стали открываться военно-учебные заведения, число которых постепенно увеличивалось. При Николае I они были объединены в стройную систему. Однако производство в офицеры в России никогда не было жестко связано с получением военного образования; напротив, в первые полтора века существования русского офицерского корпуса большая часть офицеров не проходила через военную школу. Поэтому анализ форм и методов подготовки офицеров в России в XVIII-XIX вв. вне военно-учебного ведомства, оценка их эффективности с точки зрения трансляции военной культуры являются насущно необходимыми.

Подробный очерк истории попыток организации подготовки офицеров в войсках содержится в Приложении 1. Он позволяет прийти к выводу, что сколько-нибудь серьезная подготовка офицерских кадров для русской армии вне системы

военного образования после создания военно-учебных заведений не осуществлялась. Попытки ее организации в войсках предпринимались не раз, но они не приносили ожидаемых результатов. Поэтому, несмотря на то, что до 1860-х гг. лишь треть производимых в офицеры лиц являлась выпускниками военно-учебных заведений, именно бывшие кадеты и юнкера, в течение нескольких лет сознательно и целенаправленно готовившиеся к офицерской карьере, представляли собой главных носителей и трансляторов отечественной военной культуры. Разумеется, военная культура офицерства складывалась и за рамками военной школы, в ходе домашнего воспитания, общения с родственниками-офицерами и в процессе службы, и полноправными носителями ее являлись и те представители офицерского корпуса, которые не были выпускниками военно-учебных заведений. Однако именно военизированные школы, в которых будущие офицеры получали необходимые им знания и навыки, были наиболее эффективным каналом трансляции военной культуры и в этом качестве не имели аналогов. Поэтому военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса, начало которым было положено в полках «нового строя» и «потешных» полках, с начала XVIII в. и особенно после открытия кадетских корпусов возникали, развивались и функционировали почти исключительно в военно-учебных заведениях. С учетом вышесказанного понятия «военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса» и «традиции военно-учебных заведений России» могут рассматриваться как тождественные.

2.4. Генезис традиций подготовки русского офицерского корпуса и основные этапы их развития

Военно-культурные традиции подготовки офицерского корпуса начали складываться вскоре после создания первых военно-учебных заведений, однако генезис их отдельных групп не был одномоментным. Первыми по времени появления были традиции профессиональной подготовки, начало которым было положено в рейтарских и «потешных» полках. Затем, в петровских военных школах, стали создаваться традиции учебно-воспитательной работы. Официальные тради-

ции появились чуть позже, в кадетском корпусе, при Анне Иоанновне. Культурные традиции начали складываться в елизаветинскую эпоху. Наконец, неофициальные традиции впервые дали о себе знать как устойчивое явление в начале XIX в. и стали неотъемлемым атрибутом жизни военно-учебных заведений в николаевскую эпоху, хотя спорадическое проявление их отдельных элементов в некоторых заведениях фиксируется начиная с середины XVIII в.

Возникновение традиций и специфика их эволюции обусловливались следующими факторами: 1) правительственная политика в области военного образования; 2) вектор развития традиции армии в целом; 3) общий социокультурный фон эпохи; 4) методы руководства, принятые в конкретном военно-учебном заведении в конкретный период; 5) особенности учебно-воспитательного состава и контингента воспитанников.

Правительственная политика в области военного образования была ведущим фактором развития военно-культурных традиций, особенно с начала 30-х гг. XIX в., когда военно-учебные заведения были объединены в единую систему и получили эффективное централизованное управление. От нее в первую очередь зависело содержание официальных, учебно-воспитательных и культурных традиций. Кроме того, позиция руководства страны, военного ведомства и ведомства военно-учебных заведений серьезно влияла и на неофициальные традиции, особенно негативные, которым периодически объявлялась настоящая война.

На содержание официальных и образовательных традиций оказывал влияние вектор развития традиций армии в целом. Его направленность в каждый конкретный момент определялась результатами противостояния между стремлением заимствовать готовый опыт европейских армий и желанием создать национальные традиции развития вооруженных сил. Так, при Петре I во главу угла было поставлено создание собственных вооруженных сил на основе критического и творческого анализа зарубежных образцов. При его преемниках наблюдалось стремление слепо копировать иностранные (в первую очередь прусские) образцы, поэтому процесс создания национальных военных традиций затормозился. В царствование Елизаветы Петровны началось возрождение русской военной культуры,

конец которому положил Петр III, чьим идеалом была прусская армия. Екатерина II, не возражая против использования западноевропейских образцов, активно содействовала формированию национальной военной культуры. При Павле I активно использовался прусский опыт строительства армии, при Александре I – французский, при Николае I – различных германских государств (Пруссии, Саксонии и т.п.). Наконец, Александр III демонстративно отказался от использования любых иностранных заимствований, сделав ставку на уже несколько мифологизированные национальные традиции развития армии. Каждое изменение вектора развития традиций русской армии приводило к модификации военно-культурных условий подготовки ее офицеров.

Социокультурные параметры общества оказывали воздействие главным образом на содержание культурных и неофициальных традиций. Умственное пробуждение российского общества в конце 1850-х гг. привело к своеобразному перелому в духовной жизни воспитанников военно-учебных заведений: появилась тяга к знаниям, к книге, стали смягчаться нравы, исчезать дикие обычаи. Социокультурная модальность аристократических кругов русского общества обусловливала специфику привилегированных военно-учебных заведений: в них «светскость» доминировала над «военщиной», досуговая работа благодаря достаточно высокому уровню общеобразовательной подготовки и культурного развития обучавшихся приобретала особые формы, не подвергались преследованию воспитанники, имевшие светские манеры и говорившие на иностранных языках. Патриархальная жизнь городов, где размещались губернские кадетские корпуса, также накладывала серьезный отпечаток на культурные традиции заведений, характер воспитанников и взаимоотношения между ними. Особенно сильное влияние на неофициальные традиции оказывала военная среда: кадеты и юнкера стремились подражать офицерам и переносили в стены военно-учебных заведений «кутильную закваску», пренебрежительное отношение к штатским, неприязнь к представителям другого рода оружия и прочие обычаи. Генератором негативных традиций была и изоляция от общества: «Полное отчуждение от внешнего мира порождало дикость и все ее проявления, а порка, постановка на колени, дранье за уши

со стороны не только офицеров, но и фельдфебелей из кадетов, товарищеские «кукуньки», «фарфорки», «бляхи» и пр. виды кулачной расправы – ожесточали и развивали загрубелость чувств»[616].

Методы руководства, принятые в конкретном военно-учебном заведении в конкретный период, оказывали особенно серьезное воздействие на военно-культурные традиции (в первую очередь учебно-воспитательные и культурные) в XVIII – начале XIX в., когда единой системы руководства еще не было. Независимый, волевой, просвещенный директор корпуса мог противостоять даже позиции высшего начальства, нивелируя его негативное влияние на жизнь заведения, а также преодолевать воздействие других деструктивных факторов. Так, М.С. Перский, стоявший во главе 1-го кадетского корпуса в 1820-1832 гг., осмеливался возражать не только Главному директору всех кадетских корпусов Н.И. Демидову, но и самому Николаю I, свел почти на нет воздействие официально провозглашенной воспитательной политики, основанной на обскурантизме и репрессиях, и даже частично возродил просветительские традиции эпохи Ангальта, воспитанником которого являлся. Впоследствии особенную значимость фигура начальника приобрела в провинциальных корпусах, которые были вынуждены развиваться в значительной степени изолированно.

Особенности командного, педагогического состава и контингента воспитанников отражались на постановке учебно-воспитательной работы и неофициальных традициях. Например, в такой элитной военной школе, как Пажеский корпус, высокий социальный статус семей воспитанников ретушировал культивируемую традициями грубость нравов. Пажи были уверены, что их «…деды и отцы, раз достигли столь высокого положения, никогда не были способны на какой бы то ни было нечестный или неблагородный поступок… Вот эта уверенность в неподкупной порядочности наших дедов, отцов и воспитателей в течение более 50 лет конденсировалась под крышею Пажеского корпуса, и вот этот дух, эта уверенность и воспитала нас невидимо; этот дух подсказывал инстинктивно каждому

[616] Цит. по: Алпатов Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. М., Учпедгиз, 1958. С. 55.

пажу: что порядочно, а что непорядочно…»[617] Изысканность неофициальных традиций могла возникнуть в привилегированном Николаевском кавалерийском училище, но не в провинциальной «шморгонской академии».

В целом можно выделить следующие девять этапов развития военно-культурных традиций подготовки русского офицерского корпуса во 2-й половине XVII – начале XX в. Развал русской армии в 1917 г. положил конец подготовке для нее офицеров. Однако активное обращение к дореволюционным военно-культурным традициям подготовки офицерства в эмигрантских кадетских корпусах, попытки их использования в рамках деятельности советской военной школы и возрождение в кадетских корпусах, суворовских и президентских кадетских училищах современной России позволяют выделить еще как минимум два этапа развития военно-культурных традиций подготовки русского офицерства.

Первый этап развития военно-культурных традиций подготовки русского офицерского корпуса начался в середине XVII в., когда в рейтарских полках было организовано планомерное обучение личного состава конному и пешему строю по европейским образцам под руководством офицеров-иноземцев с целью создания подготовленных «начальных людей» из числа русских. В «потешных» полках Петра I традиции военно-профессиональной подготовки были углублены, обучение стало вестись в форме полномасштабных маневров, появились элементы модели военного воспитания.

Второй этап развития военно-культурных традиций подготовки русского офицерства начался в 1701 г., после создания Школы математических и навигацких наук, и продлился до начала 1730-х гг., до открытия кадетского корпуса. В течение данного периода происходило формирование негативных традиций организации учебной работы, основанных на схоластике, зубрежке и наказаниях. Воспитательная работа не велась совсем (если не считать жестоких наказаний для тех, кто дурно себя вел или стремился избавиться от учебной повинности), официальных традиций и церемоний также не было ввиду того, что главной целью

[617] Из воспоминаний Генерального штаба генерал-майора Феодора Петровича Рерберг (1887 г.) // Союз пажей. Сборник № 10, посвященный выдержкам из воспоминаний бывших пажей. Париж, 1958. С. 6-7.

заведений являлась подготовка не офицеров, а узкотехнических специалистов. Петровские школы не являлись закрытыми учебными заведениями, и по этой причине неофициальные традиции воспитанников, которые могли возникнуть лишь в интернатах, не были в них созданы. Поскольку в школах главное внимание уделялось усвоению обучающимися специальных (преимущественно технических) знаний и развитию у них соответствующих умений и навыков, функции военно-профессионального обучения и первичного военного воспитания в первой трети XVIII в. были возложены на гвардейские полки, однако это не привело к созданию в их рамках какой-либо системы профессиональной подготовки офицеров. Относительно регламентированным и регулярным, как и в рейтарских полках, являлось лишь строевое обучение. Воспитательная работа в гвардии не велась, дисциплина поддерживалась палочными методами.

Третий период, начавшийся после открытия кадетского корпуса в 1732 г., продлился до середины 1760-х гг. Учебная работа в этот период велась на прежних основаниях, воспитательная работа практически не осуществлялась. Однако задача подготовки офицеров привела к появлению официальных традиций и церемоний, которые должны были выполнять функцию связи военной школы и армии. Корпус получил знамя и штандарт, кадеты регулярно участвовали в воинских экзерциициях. Привилегированный характер корпуса, близость его ко двору стали предпосылками формирования уже в елизаветинскую эпоху традиции школьных театральных постановок. Интернатный режим привел к созданию предпосылок для формирования негативных кадетских традиций (грубости нравов, угнетения сильными слабых). Участие гвардейских полков в формировании офицерского корпуса в течение данного периода постепенно превращается в полную фикцию.

Четвертый период (1766-1796 гг.), почти совпавший хронологически с правлением Екатерины II, прошел под знаком идей Просвещения. Впервые военно-учебные заведения получили цель воспитательного характера – создание «новой породы людей». На новых, гуманных началах была организована учебная работа, вынужденная многопредметность трансформировалась в сознательный эн-

циклопедизм. Роль военного элемента в подготовке кадет отошла на задний план. Культурные традиции переживали период расцвета: в свободное время кадеты устраивали театральные представления, занимались чтением серьезной, в том числе философской, литературы. Продуктивное заполнение кадетского досуга привело к тому, что формирование негативных кадетских традиций, начавшееся в 1740-50-е гг., было прервано.

Пятый период, начавшийся в середине 1790-х гг. и продлившийся до середины 1820-х гг., стал переломным. Военно-учебные заведения были милитаризованы и утратили статус дворянских университетов. Стало уделяться большое внимание официальным традициям и церемониям, кадеты начали участвовать в парадах и разводах. Отказ от идеалов эпохи Просвещения привел к серьезной трансформации учебно-воспитательной работы. Гуманизм резко сменился милитаризмом, энциклопедизм был выхолощен, в обиход вошли зубрежка и жестокие наказания. К концу периода большое влияние приобрело религиозное воспитание. Культурные традиции постепенно пришли в упадок, внеучебное время было занято муштрой. Полное исчезновение элементов традиций предшествовавшего периода произошло в начале 1810-х гг. Репрессивная политика в сочетании с общим понижением уровня умственного и морального развития воспитанников привели к созданию негативных кадетских и юнкерских традиций (негативного отношения к начальству, ложного товарищества, «закальства», «приставания к новичкам», «кутильной закваски»).

Шестой период практически совпадает по времени с царствованием Николая I. Официальные традиции упрочились, постепенно сложились правила церемоний (прибивки знамени и проч.), стали праздноваться корпусные праздники и юбилеи, издаваться исторические очерки заведений. Деятельность военно-учебного ведомства была поставлена на прочную правовую основу, порядки в различных заведениях были максимально унифицированы. В основе учебно-воспитательной работы лежали прежние принципы. В 1831 г., когда Главным начальника Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка стал великий князь Михаил Павлович, стало заметно стремление к нравственному

развитию кадет, проявлялась забота об их эстетическом развитии с помощью чтения, музыки, танцев, театральных постановок. Впервые было обращено внимание на физическое развитие кадет. Однако господствовавший казарменный режим не позволял достичь намеченных результатов, учебная работа находилась в плачевном состоянии, а неспособность корпусных офицеров к грамотной воспитательной работе и их склонность к репрессиям привели к расцвету неофициальных негативных кадетских традиций, которые, в свою очередь, парализовали попытки отдельных начальников и педагогов улучшить постановку учебно-воспитательного дела. В начале 1850-х гг. учебная работа несколько оживилась, однако воспитательная стала клониться к полному упадку, который особенно дал о себе знать во второй половине 1850-х гг. Выходом из сложившейся ситуации стала реформа военного образования.

Седьмой период продолжался со второй половины 1850-х гг. до 1882 г. Он связан с военно-учебной реформой 1863-1864 гг. Разделение процесса подготовки офицеров на две ступени привело к формированию двух групп военно-культурных традиций – гимназических и училищных. Влияние официальных традиций в гимназиях почти полностью прекратилось (остались лишь форма, погоны и правила воинского чинопочитания), зато в военных училищах их значение резко возросло. Учебно-воспитательная работа и в гимназиях, и в училищах освободилась от схоластики, зубрежки и репрессий, однако осталась в плену у многопредметности и излишней теоретичности курсов. Военно-профессиональная подготовка гимназистов была сведена к минимуму, на первый план выступили общеобразовательные задачи. Значительное развитие получили культурные традиции, которые позволили грамотно и эффективно заполнить досуг воспитанников, содействуя их нравственному и эстетическому развитию, а также приучая к продуктивному труду. Негативные кадетские традиции к середине 1860-х гг. были ликвидированы. Однако к концу 1870-х гг., по мере того, как учебно-воспитательная работа в военных гимназиях постепенно приходила в упадок, стали появляться признаки возрождения негативных традиций. Неофициальные традиции, постепенно складывавшиеся в военных училищах, впитали в себя все лучшее, что было

присуще прежним кадетским традициям (верность товарищескому долгу, жертвенность, взаимовыручка). Юнкерские традиции выгодно отличались от кадетских отсутствием жестокости и стремлением придать взаимоотношениям старших и младших законный, цивилизованный вид, в силу чего носили нейтральный либо условно-положительный характер.

Восьмой период начался в 1882 г., когда началась военно-учебная контрреформа. Он характеризовался стагнацией всех групп военно-культурных традиций как в кадетских корпусах, так и в военных училищах (за исключением некоторых официальных церемоний). Воссоздание кадетских корпусов повлекло за собой частичное восстановление в них официальных традиций (празднование юбилеев), однако знамена корпусам возвращены не были, и кадеты, как и гимназисты, по-прежнему не принимали участия в парадах и смотрах. Учебно-воспитательная работа продолжала деградировать, становясь все более схоластической, формальной и рутинной, успеваемость неуклонно снижалась, дисциплина слабела. Культурные традиции находились под жесткими ведомственными ограничениями и не могли иметь серьезного воспитательного значения. Упадок воспитательной работы привел к укреплению возрожденных в конце 1870-х гг. негативных кадетских традиций. В Николаевском кавалерийском училище, Морском училище, Пажеском корпусе шли процессы детализации обрядовой стороны традиций, в обиход вошли многочисленные церемонии, активно формировалась фольклорная традиция.

Девятый период начался в 1900 г. и продолжался до конца существования Российской империи. Он связан с именем великого князя Константина Константиновича, в 1900-1910 гг. руководившего военно-учебными заведениями, а в 1910-1915 гг. являвшегося их инспектором. Благодаря его усилиям все традиции были приведены в единую стройную систему и обрели завершенный вид. Началось восстановление утраченных ранее официальных традиций: корпусам возвращались и жаловались знамена, кадеты стали участниками парадов, смотров и иных церемоний. Возрожденным официальным традициям был придан глубокий смысл, они стали играть большую роль в процессе воспитания. Учебная работа

была существенно улучшена: схоластика и формальный подход к делу были отброшены, внимание стало уделяться каждому учащемуся. В воспитании на смену произвольным репрессиям и мелочным запретам пришли военно-рыцарские идеалы, органически сочетавшиеся с отеческим попечением, разумной строгостью и вниманием к каждому кадету. Большое внимание стало уделяться религиозно-нравственному воспитанию. Новое дыхание обрела традиция военно-профессиональной подготовки. Общая либерализация режима смягчила нравы кадет, а умелые действия начальников и педагогов позволили ослабить влияние негативных традиций.

Военно-культурные традиции военных училищ не претерпели существенных изменений. Научная подготовка юнкеров была поднята на более высокий уровень, частично избавлена от многопредметности и теоретичности, был несколько усилен военно-профессиональный компонент, установлена связь с войсками. Велась активная борьба с негативными проявлениями кавалерийского «цука», которая шла с переменным успехом.

Первая мировая война, подвергшая военно-культурные традиции подготовки русского офицерства серьезному испытанию, доказала их эффективность, жизнеспособность и гибкость. Система традиций подготовки офицерского корпуса, сложившаяся в отечественных военно-учебных заведениях к началу XX в., позволяла в кратчайшие сроки превращать гражданскую молодежь не просто в «прапоров», а в носителей военно-культурных традиций, по своим профессиональным качествам и менталитету мало чем отличавшихся от выпускников кадетских корпусов и военных училищ довоенного времени. И.Н. Гребенкин отмечает, что даже слабая тактическая и огневая подготовка не мешала новоиспеченным прапорщикам достойно выполнять свои обязанности[618]. Вместе с тем война значительно исказила социокультурный облик русского офицерского корпуса и придала ему новые сущностные черты, формирование которых в мирное время было невозможно. Стремительная демократизация офицерского состава армии вследствие широ-

[618] Гребенкин И.Н. Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914-1918 гг.: дис. … д-ра ист. наук. Владимир, 2011. С. 105.

кого размаха деятельности школ прапорщиков, ускоренное производство за счет гибели или ранений старших в чине давали возможность человеку без связей и протекций за счет таланта и везения молниеносно сделать блестящую карьеру. Так была создана превосходная питательная среда для развития «бацилл бонапартизма», которыми оказались заражены многие молодые офицеры. Между тем идея бонапартизма являлась полной противоположностью принципа «регулярства» – краеугольного камня, на котором зижделся весь конструкт военно-культурных традиций, поддерживавших русскую императорскую армию и направлявших ее развитие. На смену возведенному в культ старшинству, способствовавшему инициации будущего офицера, обеспечивавшему его включение в военно-культурную среду в качестве зависимого, неполноправного ученика и регламентировавшему порядок последовательного прохождения им в качестве кадета, юнкера и офицера всех этапов обучения и службы с усвоением определенной профессиональной и социальной роли на каждом из них и превращением его в носителя соответствующих военно-культурных традиций, которые он бережно принимал от старших и спустя положенное время столь же бережно передавал младшим, пришли ничем не сдерживаемые индивидуализм, амбициозность, желание власти и славы. Прекрасной иллюстрацией этого военно-культурного надлома является модель поведения будущего Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского – неизменно демонстрируя приверженность к внешним формам проявления военной культуры (железная дисциплина, доведенная до абсолюта требовательность к подчиненным, неукоснительное выполнение своих обязанностей, безупречная выправка), он еще в 1914 г., будучи подпоручиком, страстно желал, подобно Наполеону, совершить нечто грандиозное, чтобы в обход принципа старшинства шагнуть сразу через несколько служебных ступеней к почету и славе – а затем и к власти. Будущий «русский Бонапарт» открыто заявлял: «Считаю совершенно абсурдным то, что в гвардии нет производства за отличие и что надо идти в хвосте за каждой бездарностью, которая старше тебя по выпуску»[619]. В начале войны по-

[619] Капитан Иванов-Дивов 2-й. 7-я рота Лейб-гвардии Семеновского полка в Галиции // Военная быль. 1968. № 91. С. 9.

добные высказывания еще представляли собой из ряда вон выходящее явление и воспринимались сослуживцами весьма болезненно. Однако гибель в 1914 г. многих кадровых обер-офицеров привела к быстрому карьерному росту тех, кто в мирное время не мог рассчитывать на скорое продвижение по службе. Поэтому многие молодые офицеры стали мыслить так же, как Тухачевский, и стремились если не стать Наполеонами, то по крайней мере получить за отличие ордена, чины и должности, чтобы не ждать долгие годы, как их отцы, производства в очередной чин по старшинству с безрадостной перспективой дослужиться до капитана и уйти в отставку подполковником. Тем самым по кастовости русского офицерства был нанесен сильнейший удар, выдержать который оно оказалось не в состоянии. В итоге к 1917 г. русский офицерский корпус как жесткая, строго иерархичная, живущая по особым законам социокультурная корпорация перестал существовать. Традиции подготовки русского офицерства продолжали сохраняться, хотя расхождение между их целью и качественным состоянием офицерского состава армии к концу войны приобрело катастрофические размеры.

Февральская революция и последовавшие события ознаменовали не только начало стремительного распада русского офицерского корпуса, но и отказ от большей части военно-культурных традиций русской военной школы. Началось превращение кадетских корпусов в гражданские по своей сути гимназии. После событий октября 1917 г. военно-учебные заведения были полностью ликвидированы, за исключением нескольких кадетских корпусов, оказавшихся в эмиграции в Египте, Королевстве сербов, хорватов и словенцев, а также Китае.

Однако, несмотря на то, что после 1917 г. подготовка русского офицерского корпуса прекратилась, военно-культурные традиции отечественной военной школы продолжили свое существование. Десятый, особый, период их развития начался в 1918 г. Он был связан с деятельностью кадетских корпусов и военных училищ Русского Зарубежья, готовивших кадры для будущей русской армии, на возрождение которой надеялись политические и военные деятели эмиграции. В основу работы эмигрантских корпусов, нашедших в конце концов пристанище в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославии) была положена

система официальных, учебно-воспитательных и культурных традиций, созданная усилиями великого князя Константина Константиновича и его помощников. Их вынужденная адаптация к условиям жизни в чужом государстве сводилась к отказу от некоторых официальных традиций (ношение формы за пределами заведения, проведение собственных парадов), приданию учебной работе большей практической направленности, усилению религиозного и патриотического воспитания. Существенные изменения претерпели неофициальные традиции, которые стали более серьезными и сдержанными, приобрели большое воспитательное значение и в какой-то степени стали дополнением и продолжением традиций учебно-воспитательной работы. Однако кадетские традиции оставались потенциально опасными с точки зрения сохранения единства воспитателей и учащихся. Вскоре после начала Второй мировой войны кадеты 8 класса 1-го Русского великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса, составлявшие 20-й выпуск, «принимая во внимание исключительные обстоятельства, послужившие причиной создавшегося положения», постановили не передавать кадетские традиции 21-му выпуску и считать их прекратившими существование с 15 мая 1940 г. (Приложение 2)

Несмотря на продекларированный отказ от военно-культурного наследия дореволюционных заведений, руководители военных школ и командных курсов РККА вынуждены были использовать его отдельные элементы при организации учебно-воспитательной и досуговой работы. Официальные традиции советских военно-учебных заведений сильно напоминали официальные традиции юнкерских училищ. Предпринятая в 1922 г. попытка создания «красных кадетских корпусов» не увенчалась успехом, однако в 1937 г. опыт дореволюционных средних военно-учебных заведений нашел применение при создании подготовительных артиллерийских школ, а в 1943 г., когда И.В. Сталин принял решение об открытии суворовских военных училищ, за образец были взяты старые кадетские корпуса.

В современной России возрождаемые начиная с 1992 г. кадетские корпуса ведут свою работу, опираясь на опыт кадетских корпусов русской императорской армии, на их лучшие военно-культурные традиции. Преемственная связь между

старыми и существующими сегодня кадетскими корпусами была признана выпускниками зарубежных военно-учебных заведений – хранителями их славных традиций. Поэтому можно считать, что 1992 год стал началом еще одного, уже одиннадцатого по счету, этапа развития военно-культурных традиций русской военной школы.

2.5. Взаимосвязь традиций подготовки офицерского корпуса с военно-культурными традициями русской армии

Традиции подготовки русского офицерского корпуса как феномен военной культуры имели сложную взаимосвязь с военно-культурными традициями, присущими русской армии.

Не будучи изолированными от армии, российские военно-учебные заведения испытывали воздействие тех военно-культурных традиций, которые являются общими для армии в целом. Такие официальные традиции, как проведение парадов и иных торжественных церемоний, почитание знамени, отдание воинской чести, правила ношения военной формы и знаков различия, обеспечивали и внешнее, и внутреннее единение военно-учебных заведений с армией. Форма кадет и юнкеров претерпевала те же изменения, что и армейская форма. Правила воинского чинопочитания, действовавшие в военно-учебном ведомстве, были составной частью правил чинопочитания, принятых в армии, причем последние распространялись не только на юнкеров, находившихся на действительной службе, но и на кадет. Так, приказ по военному ведомству от 10 декабря 1905 г. № 786 о взаимном приветствии нижних чинов был сразу же объявлен для точного исполнения в кадетских корпусах[620].

Юбилеи военно-учебных заведений рассматривались как праздники, общие для всего ведомства, в торжественных мероприятиях принимали неизменное участие выпускники. В высочайшем рескрипте Николая II великому князю Алексею Александровичу по случаю юбилея Морского корпуса говорилось: «Двухсотлет-

[620] РГВИА. Ф. 725. Оп. 52. Д. 470. Л. 27.

няя годовщина основания Навигацкой школы… является праздником всего флота и той тесно сплоченной морской семьи, которая с такой любовью относится к заведению, где ее представители преемственно усвоивали себе, вместе со специальными знаниями, беззаветную преданность к Царю и Родине, любовь к морю, выдержку в перенесении трудов и лишений и отвагу в борьбе с опасностью»[621]. Установленный в 1903 г. общий для всей армии день поминовения павших на поле боя (Дмитровская суббота) отмечался и в военно-учебных заведениях. Кадеты и юнкера должны были знать о подвигах своих старших товарищей и чтить их память.

Большое внимание уделялось сохранению памяти и о частях войск, и о военно-учебных заведениях. Написание исторических очерков военно-учебных заведений началось одновременно с написанием полковых историй, причем у истоков обоих историографических направлений стоял один и тот же человек – А.В. Висковатов.

Много общего было у военно-культурных традиций, связанных с учебно-воспитательным процессом. И в войсках, и в военно-учебных заведениях в основе воспитания всегда лежали такие понятия, как самодержавность, православие и патриотизм. Отношение к образованию и воспитанию войск в целом определяло задачи учебно-воспитательной работы в военно-учебных заведениях. Стремление к распространению знаний в армии, поощрение университетского образования офицеров во 2-й половине XVIII в., повышение их в чинах за успехи в науках органически сочетались с концепцией воспитания «новой породы людей». Тяга офицеров к книге, к науке была достаточно сильной вплоть до Отечественной войны 1812 г., и тогда же в 1-м кадетском корпусе окончательно угасли просветительские традиции, заложенные И.И. Бецким и его последователями. В XIX в. подготовка будущих офицеров, как и подготовка войск, испытывала на себе влияние борьбы русской и прусской национальных школ. Плац-парадная и репрессивная традиции, доминировавшие в армии в конце XVIII – 1-й половине XIX в., привели к появлению «офицеров, удовлетворяющих всем своим прихотям, на-

[621] Кротков А.С. Морской кадетский корпус. Краткий исторический очерк. СПб., 1901. С. 213-214.

полняющих весь город суровостью и криком своим, готовых за мнимую обиду мстить смертию, но в самом деле бессовестных и в поле против неприятельских батарей весьма смиренных»[622]. Когда обскурантизм и розги были положены в основу системы образования и воспитания кадет, точно таким же продуктом репрессивной политики в корпусах стали «закалы». После производства в офицеры невежественные кадеты лишь усугубляли ситуацию в армии, становясь гонителями просвещения и науки: «…занимающегося наукой офицера обыкновенно называли «ученый», прилагая это название преимущественно в тех случаях, когда ему случалось сделать какой-нибудь промах»[623]. Даже в артиллерии, считавшейся «ученым» родом войск, выпускники офицерских классов Артиллерийского училища зачастую встречались отцами-командирами следующей фразой: «Прошу вас, господа, выкинуть из головы премудрости, которым вас учили; помните, что голова вам дана для того, чтобы носить каску, а не для того, чтоб рассуждать»[624].

Рецидивы парадомании и муштры, впоследствии периодически происходившие в военном ведомстве (например, при П.С. Ванновском) негативно сказывались и на военно-учебных заведениях. Служившие в корпусах офицеры часто переносили на своих подопечных вынесенные из строя худшие методы работы с солдатами, обращались с ними грубо и пренебрежительно, стремились прилюдно унизить. Культ грубой силы усваивался воспитанники и становился основой взаимоотношений между ними. В дальнейшем, уже после выпуска, воспитанные под розгами кадеты широко практиковали репрессии по отношению к своим подчиненным и следовали привычной им со школьной скамьи рутине. В итоге «жизнь в гарнизонах во многом походила на жизнь в корпусе: то же однообразие, тот же распорядок дня, та же иерархия, только, в отличие от корпуса, бывший воспитанник, став офицером, не подвергался телесным наказаниям, а получал право сам командовать другими людьми»[625].

---

[622] Ветеран. О нравственном образовании военных людей // Военный журнал. 1811. Кн. 18. С. 6.
[623] Традиции офицеров русской армии. Жуковский, М., 2004. С. 154.
[624] Исторические анекдоты. Сообщ. М. Соколовский // Михайловец. 1906. № 8. С. 546.
[625] Аурова Н.Н. Атмосфера и быт в кадетских корпусах в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. С. 183.

Возрождение суворовской военной традиции в подготовке войск, большая заслуга в котором принадлежала М.И. Драгомирову, не замедлило отразиться на учебно-воспитательной работе в военных гимназиях и военных училищах, которая встала на прочную научную основу и приобрела бóльшую практическую направленность. В мероприятиях, направленных на укрепление патриотизма в армии в начале XX в., после русско-японской войны, были широко задействованы и военно-учебные заведения: кадеты и юнкера были неизменными участниками всех праздничных торжеств; в военно-учебных заведениях, как и в строевых частях, стали активно формироваться музеи.

Учебно-воспитательные традиции, сложившиеся в ходе обучения личного состава армии, проецировались на военно-учебные заведения, ибо воспитатели в подавляющем большинстве случаев приходили из строя. Главное управление военно-учебных заведений подчинялось военному министру, поэтому указания и распоряжения по учебным и воспитательным вопросам, адресованные войскам, как правило, касались и военно-учебных заведений (в первую очередь военных и юнкерских училищ).

Религиозное воспитание неизменно являлось основой духовно-нравственного воспитания как солдат, так и будущих офицеров. При этом всегда демонстрировалось уважительное отношение к тем, кто исповедовал католицизм, протестантизм, ислам. Неправославным нижним чинам, как и кадетам, предоставлялись отпуска в дни их религиозных праздников, чтобы служебные обязанности не мешали им следовать обязательным для верующих предписаниям, посещать богослужения и т.п.[626]

Военно-профессиональная подготовка будущих офицеров основывалась на изучении боевых традиций русской армии. Так, преподавание военной истории, в соответствии с «Инструкцией по учебной части для военных училищ», должно было являться «правдивым изображением доблести и заслуг народной русской армии перед своим отечеством – Россией»[627]. Любовь к Родине, готовность к са-

[626] РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 523. Л. 1 – 1 об.
[627] Инструкция по учебной части и программы для преподавания учебных предметов в военных училищах. СПб.: Тип. штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1883. С. 60.

мопожертвованию, чувство товарищества, железная дисциплина и стойкость – все эти лучшие традиции русского воинства выступали в качестве принципов воспитания кадет и юнкеров. В военных и юнкерских училищах весь уклад жизни был максимально приближен к армейским условиям. Однако непосредственная, живая связь между военной школой и армией так и не была установлена: «…между казармой и школьной скамьей юнкера плотина, которую необходимо уничтожить. Школа и армия не идут рука об руку: первая опаздывает и никогда не в курсе современных требований, предъявляемых бытом и службой войск, которые прогрессируют с головокружительной быстротой, школа же движется по пути усовершенствования медленно, часто останавливаясь и оставаясь в положении покоя»[628]. Не удавалось наладить и непосредственную обратную связь: например, предпринятые Петром III в начале 1762 г. попытки организовать строевое обучение армии в соответствии с правилами кадетских экзерциций не увенчались успехом[629].

Много общего было между культурными традициями армии и военно-учебных заведений. Традиция театрального творчества, особенно сильная в 1-м кадетском корпусе, распространялась благодаря выпускникам в войсках. В Лейб-гвардии Измайловском полку, офицерский корпус которого на треть состоял из выпускников 1-го кадетского корпуса, начиная с 1884 г. по инициативе великого князя Константина Константиновича устраивались «Измайловские досуги» – литературно-музыкально-драматические вечера. Подобным же образом устанавливалась взаимосвязь между развитием музыкальной и танцевальной культуры в военно-учебных заведениях и строевых частях, а также уровнем культуры чтения. Высококультурный офицер, вышедший из корпуса и училища с навыками, позволяющими поставить спектакль или организовать и обучить хор, являлся хорошим наставником и воспитателем для своих подчиненных, ибо театральные постанов-

[628] Галкин М. Новый путь современного офицера. СПб., 1907. С. 62-63.

[629] Сообщение генерал-прокурора Сената Александра Глебова генерал-фельдмаршалу князю Никите Трубецкому о введении во всей армии такой же экзерциции, как в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе // Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века. Сборник материалов в 2-х томах. Том 1 / Составление, вступительная статья, комментарии, оформление К.В. Татарникова. М.: «Русская панорама», 2010. С. 429; Рапорт генерал-поручика Николая Леонтьева генерал-аншефу князю Александру Голицыну о невозможности обучать полки новой экзерциции, не имея ее описания // Там же. С. 429; Татарников К.В. Уставы и наставления русской армии XVIII века // Там же. С. 15

ки и пение «поднимают человека над уровнем ежедневного однообразия – службы и действуют на его внутренний мир, облагороживая и развивая его»[630].

Налицо случаи заимствования и неофициальной культуры, в частности фольклора. Так, кадетский «Журавель» возник как подражание армейскому «Журавлю»[631]. Однако значительная часть неофициальных традиций (например, шутливые церемонии, шванц-парады, традиционное начальство) не заимствовались из армии, где их не было, а «рождались в порывах беззаботной молодости»[632]. Не имел аналогов в армии и «цук», являвшийся исключительной принадлежностью военно-учебных заведений.

Достаточно тесной была взаимосвязь военно-культурных традиций корпусов и училищ с традициями русского офицерства. Подготавливая своих питомцев к офицерской карьере, военно-учебные заведения неизменно находились в сфере влияния традиций, присущих офицерскому корпусу. Кроме того, родители-офицеры и прочие родственники еще до поступления мальчика в корпус оказывали колоссальное влияние на формирование его личности. Поэтому представление о чести офицерского мундира было близко и понятно кадетам и юнкерам как будущим офицерам. Нормы корпоративной этики, существовавшей в воинских частях, разделялись юнкерами и кадетами старших классов. Офицерское товарищество, являвшееся важнейшей духовной скрепой русского офицерского корпуса, было основано на лучших принципах кадетского и юнкерского товарищества – семейственности, взаимопомощи, готовности пострадать за товарища, разделении служебных и товарищеских отношений. Выпускники одного и того же заведения считались товарищами, даже если не были знакомы; питомцы 1-го кадетского и Пажеского корпусов, а также Павловского военного училища должны были обращаться друг к другу на «ты», невзирая на разницу в возрасте и служебном положении. Грубое нарушение принципов доброго товарищества юнкером могло

---

[630] фон Эффр, германской службы майор. Офицер-воспитатель. Перевод П. Светланова. Варшава: Военное книгоиздательство «Офицерская жизнь», 1912. С. 14.
[631] РГВИА. Ф. 260. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.
[632] О цуке // Незабываемое прошлое Славной Южной Школы. 1865-1965. Исторический очерк Елизаветградского кавалерийского училища с воспоминаниями питомцев школы ко дню основания училища. Под ред. С.Н. Ряснянского. Нью-Йорк, 1965. С. 182.

повлечь за собой превращение его в изгоя, которого не принимал ни один дорожащий своей репутацией полк.

Негативные неофициальные традиции, свойственные офицерам (презрение к штатским, традиция кутежей), нашли поддержку и среди определенной части учащихся военно-учебных заведений. Особенно рьяное стремление подражать старшим товарищам демонстрировали юнкера кавалерийских училищ. Антагонизм, который был присущ представителями разных родов оружия, господствовал и в военно-учебных заведениях. Пренебрежительное отношение артиллеристов и инженеров к пехотинцам, вражда между ними и кавалеристами, бросавшаяся в глаза рознь между армией и флотом, обособленное положение гвардии – все это находило аналоги во взаимоотношениях между юнкерами различных военных училищ и пажами. В свою очередь, вражда между юнкерами, пажами и гардемаринами подогревала рознь между представителями разных родов оружия[633].

«Цук» Николаевского кавалерийского училища преследовал ту же цель социализации новичков, что и наставничество старослужащих над молодыми солдатами, существовавшее в русской армии до сокращения сроков службы и введения всесословной воинской повинности. Опытные солдаты, прослужившие не один десяток лет, учили новобранцев военно-бытовым обычаям службы. Однако отношениям между старыми и молодыми солдатами был совершенно чужд органически присущий «цуку» издевательский оттенок, что не позволяет относить их к разряду неуставных и считать аналогией училищной «подтяжки», выполнявшей функции не только обучения и воспитания молодежи, но и самоутверждения юнкеров старшего курса, а также психологической разрядки, необходимость которой диктовалась жесткими порядками закрытого учебного заведения.

Таким образом, взаимосвязь традиций отечественной военной школы и русской армии выглядела следующим образом. Официальные традиции военно-учебных заведений были неотъемлемой частью официальных традиций, существовавших в армии. Достаточно тесная связь была между культурными, образовательными и воспитательными традициями, которые испытывали на себе одновре-

[633] Режепо П. Офицерский вопрос. СПб., 1909. С. 26.

менное и одинаковое воздействие колебаний правительственного курса и изменений социокультурных параметров общества. Неофициальные традиции армии и военной школы были генетически связаны, однако далеко не все неофициальные традиции военной школы (к примеру, «цук») имели аналог в армии.

Выводы по второй главе

Военно-культурные традиции представляют собой исторически сложившиеся и передающиеся от поколения к поколению знания, ценности, правила и нормы, необходимые для обеспечения военной безопасности государства и общества и являющиеся социально значимыми для военнослужащих. Они являются важным средством сохранения и передачи военной культуры, обеспечивая ее преемственность и устойчивость. Военно-культурные традиции отличаются от воинских традиций тем, что позволяют транслировать не одну лишь воинскую субкультуру, носителями которой выступают военнослужащие, а военную культуру общества в целом. Кроме того, они обеспечивают сохранность не только поведенческих моделей, но и военных знаний и ценностей, в совокупности образующих военное достояние нации.

Из всего многообразия военно-культурных традиций можно выделить традиции профессиональной подготовки военнослужащих – в первую очередь офицерского корпуса. С учетом исторически сложившейся роли военной организации в жизни Российского государства значение военно-культурных традиций подготовки офицерства выходит далеко за рамки узко-военной сферы и позволяет говорить о них как о социокультурном феномене, оказывающим влияние на жизнь общества в целом.

Несмотря на то, что до 1860-х гг. подавляющее большинство офицеров русской армии не проходило через военно-учебные заведения, военная школа была единственным средством обеспечения профессиональной подготовки и формирования морально-нравственных качеств представителей русского офицерского корпуса. Военно-учебные заведения позволяли аккумулировать и рафинировать армейский военно-культурный опыт, а затем эффективно транслировать его. Поэтому выпускники кадетских корпусов, военных и юнкерских училищ представ-

ляли собой главных носителей военно-культурных традиций русского офицерства, а военно-учебные заведения рассматривались как матрицы для создания офицеров – носителей эталонных качеств. По отношению к тем, кто был произведен в офицеры, минуя военную школу, и не получил основательной подготовки, они выступали в качестве своеобразной закваски, распространяя военную культуру и в офицерской среде, и в армии в целом.

Основы военно-культурных традиций подготовки русского офицерского корпуса начали складываться во 2-й половине XVII в. в процессе деятельности рейтарских и «потешных» полков. Форсированная перестройка Петром I русской армии по европейским образцам привела к тому, что в XVIII в. главным центром развития традиций подготовки офицеров стали закрытые военно-учебные заведения, позволявшие в сжатые сроки превращать обучающихся в носителей активно насаждаемой «сверху» европейской военно-культурной традиции. Именно в рамках военной школы традиции подготовки русского офицерства, пройдя ряд этапов в своем развитии, к началу XX в. достигли расцвета. Они включали в себя официальные воинские традиции, традиции организации учебно-воспитательной и культурно-досуговой работы, а также неофициальные традиции воспитанников. При этом официальные традиции подготовки офицеров являлись частью официальных традиций русской армии в целом, а традиции организации учебно-воспитательной и культурно-досуговой работы в военной школе и армии были тесно связаны друг с другом. Прослеживается взаимосвязь и между неофициальными традициями, хотя неуставные отношения, основанные на праве сильного, в дореволюционной армии не были распространены.

ГЛАВА III.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ, СИМВОЛЫ, ЦЕРЕМОНИИ И РИТУАЛЫ В ПОДГОТОВКЕ РУССКОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА

3.1. Форма и погоны. Корпусные и училищные знаки и жетоны

Большую роль в официальных традициях играли форма, погоны, корпусные и училищные знаки и жетоны. Они позволяли установить принадлежность кадет и юнкеров к военной корпорации, определяли их внутрикорпоративный статус, подчеркивали связь выпускников и сотрудников с тем или иным корпусом или училищем.

По мнению С.В. Баженова, форменная одежда воспитанников военно-учебных заведений «претерпевала в целом те же изменения, которые происходили и в обмундировании остальной части русской армии. Однако процесс ее совершенствования имел также и свои характерные этапы»[634].

Ученики Морской академии формы не имели. Однако в 1723 г. была установлена форма одежды для гардемарин – выпускников Академии морской гвардии, состоявшая из кафтана зеленого сукна, камзола и штанов красного сукна, епанчи зеленого сукна и черной шляпы[635]. Форма гардемарин была идентична форме солдат гвардейских полков и, по некоторым сведениям, отличалась от нее лишь наличием белых чулок и галстуков. В 1728 г. кафтаны гардемарин были обшиты золотым галуном.

Кадеты Сухопутного шляхетного корпуса получили импровизированную форму сразу же после открытия заведения, в марте 1732 г. Ее элементами были белые штиблеты и шляпы с золотым позументом и бантом. Настоящая форма появилась к декабрю 1732 г. и состояла из темно-зеленого кафтана с отложным воротником, обшлагами и лацканами красного цвета, камзола и штанов лосиного

[634] Баженов С.В. Военный мундир русского кадета (1732-1917 гг.) // Бомбардир. 1995. № 1. С. 48-49.
[635] Назаренко К.Б. Костюм гардемарин и гардемаринских офицеров первой половины XVIII в. // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VIII. С. 4. URL: http://www.milhist.info/2016/02/29/nazarenko_1 (дата обращения: 25.05.2016)

(почти белого) сукна и шляп – у фузилеров треугольной, а у гренадер – конической. Кафтан обшивался золотым позументом. Особенности кадетской формы должны были являться свидетельством их привилегированного положения: «Кафтаны и камзолы, обшитые золотым галуном, сближали кадет с офицерами гвардии, а лосиный цвет штанов и камзолов напоминал офицерское обмундирование кирасир»[636].

В 1767 г. в соответствии с «Уставом» И.И. Бецкого для воспитанников каждого из младших возрастов был введен особый цвет формы: для 1-го – кофейный, для второго – голубой, третьего – серый. Воспитанники четвертного возраста надевали военную форму – зеленые кафтаны с красным воротником, лацканами и обшлагами.

Форма кадет Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса являлась разновидностью формы русских артиллеристов. Повседневный мундир был красного цвета с черными воротником, лацканами, обшлагами и подкладкой, камзол и штаны шились из сукна лосиного цвета. Парадный мундир обшивался золотым галуном.

Воспитанники гимназии чужестранных единоверцев, учрежденной в 1775 г. при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе, носили малиновые кафтаны с голубыми лацканами и обшлагами, голубые штаны и камзол. В 1792 г., после преобразования гимназии в корпус, кадетам была присвоена форма, включавшая в себя белый камзол, белые штаны и зеленый кафтан с белой выпушкой и красными воротником и обшлагами[637].

Таким образом, в XVIII в. воспитанники военно-учебных заведений не имели единой формы. Фасон и расцветка обмундирования, присвоенного воспитанникам каждого заведения, подчеркивали его привилегированность и родство с гвардией или артиллерией. По мнению С.В. Баженова, общим в кадетской форме

[636] Баженов С.В. Военный мундир русского кадета (1732-1917 гг.) // Бомбардир. 1995. № 1. С. 47.
[637] РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 268. Л. 9; Баженов С.В. Военный мундир русского кадета (1732-1917 гг.) // Бомбардир. 1995. № 1. С. 49.

были традиционный (лосиный) цвет камзола и штанов, а также «особый фасон кафтанного обшлага, снабженного небольшим фигурным клапаном»[638].

Унификация кадетской формы началась в январе 1797 г. Кадетский мундир стал темно-зеленым – таким же, как в армии. Его отличительной особенностью и в Сухопутном, и в Артиллерийском и инженерном шляхетных кадетских корпусах были красные лацканы. Кроме того, в Артиллерийском и инженерном кадетском корпусе сохранились традиционные «артиллерийские» клапаны на рукавах и узкие воротники-стойки[639].

В 1800 г., после переименования Сухопутного и Артиллерийского и инженерного кадетских корпусов в 1-й и 2-й кадетские корпуса форма кадет была подвергнута дальнейшей унификации – их кафтаны получили темно-зеленые стоячие воротники. Такая же форма была присвоена и кадетам Шкловского корпуса.

Единая кадетская форма появилась лишь при Александре I. В 1802 г. кафтаны и камзолы были заменены темно-зелеными мундирами фрачного покроя со стоячим воротником и красными обшлагами, обкладками пол и фалд. Панталоны были белого цвета. От гренадер и мушкетеров кадеты отличались красными клапанами на рукавах, а также обшивкой воротника, обшлагов и клапанов золотым галуном. Шляпы и гренадерки в 1804 г. были заменены на суконные цилиндрические шапки черного цвета с лакированным козырьком. В 1808 г. вместо шапок кадетам были даны кивера.

Золотой галун стал своеобразным мерилом иерархии военно-учебных заведений. Воспитанники Дворянского полка получили галун лишь на рукавные клапана мундиров, мундиры питомцев Императорского военно-сиротского дома и Смоленского кадетского корпуса не получили никакой галунной обшивки. Такую же роль играли и рукавные клапана – в губернских кадетских корпусах они были не красные, а темно-зеленые с красной выпушкой. Кроме того, в 1817 г. кадеты 1-го и 2-го корпусов получили этишкетные банты и унтер-офицерские кисточки на кивера.

---

[638] Баженов С.В. Указ. соч. С. 49.
[639] Баженов С.В. Военный мундир русского кадета (1732-1917 гг.) // Бомбардир. 1995. № 1. С. 50.

Воспитанники Пажеского корпуса, с 1802 г. являвшегося военно-учебным заведением, по своей форме резко отличались от кадет: они носили треугольные офицерские шляпы и светло-зеленые мундиры тонкого сукна с красной подкладкой и золотыми петлицами с такими же пуговицами. У камер-пажей камзолы имели золотое шитье. Парадные мундиры пажей были обшиты галуном по всем швам[640]. В 1802 г. пажи получили двубортные темно-зеленые мундиры с золотыми петлицами на красных воротниках и обшлагах; камер-пажи отличались от прочих воспитанников красными выпушками и галунами на фалдах. Пажи сохранили свои треугольные шляпы и при белых панталонах носили высокие ботфорты. Придворная форма пажей включала в себя галунные мундиры, белые казимировые панталоны, белые шелковые чулки и башмаки с пряжками. Несколько отличалась от общекадетской и форма воспитанников Финляндского корпуса – у них лацканы были светло-синими. Форма Артиллерийского училища состояла из черной куртки с высоким суконным воротником и медными пуговицами и серо-синеватых панталон[641].

В 1810 г. военно-учебное ведомство получило собственную эмблему – «полукруглое сияние, составленное из матовых и полированных, вверху закругленных лучей, имеющих в нижней части полукружие с выбитым на нем двуглавым орлом»[642]. В Финляндском корпусе вместо этой эмблемы использовался герб великого княжества Финляндского, который изображался на головных уборах и пуговицах кадет.

В 1826 г. воспитанники кадетских корпусов получили новые однобортные мундиры и длинные темно-зеленые панталоны. По борту мундиров и боковому шву панталон шла красная выпушка. С 1829 г. на кадетские мундиры стали нашиваться пуговицы с государственным гербом – такие же, какие стали нашиваться тогда же на мундиры в гвардии.

Пажи при Николае I, быстро превращаясь из придворных в военных, стали утрачивать свою специфику в форме. В 1827 г. воспитанники Пажеского корпуса

[640] Паж К. Чернозубов. Формы пажей // Пажеский сборник № 12. Январь 1916 г. С. 19-20.
[641] Башилов П.А. «Прожитые годы. Мои воспоминания». Ч. 1. 1790-е – 1850-е гг. (1890-е гг.) // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 103. Л. 34 об.
[642] Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. XVIII. СПб., 1860. С. 15.

получили темно-зеленые мундиры с красными воротниками, обшлагами, выпушками и погонами, обшитыми золотым галуном. Камер-пажи имели нашивки на фалдах мундиров и сохранили свои ботфорты и треугольные шляпы.

В 1834 г. воспитанникам кадетских корпусов была присвоена следующая форма: темно-зеленые мундиры с красными воротниками, обшлагами и клапанами и темно-зеленой опушкой вокруг воротника, обшлагов и клапанов. Столичные корпуса сохранили свой галун на воротнике, клапанах и обшлагах рукавов; губернские довольствовались обшивкой галуном лишь клапанов рукавов. Куртки были темно-зелеными с красными воротниками и зелеными обшлагами, шинели – серыми с красными воротниками, брюки при мундирах – зеленые с красной выпушкой, а при куртках – серые без выпушки. На пуговицах имелся государственный герб, а на киверах – государственный герб в полукруглом сиянии. В 1844 г. кивера были заменены кожаными касками. Пажи носили на касках черные султаны, у пажей-кандидатов султанов на касках не было.

Главным отличием одного корпуса от другого при Николае I с 1834 г. стали погоны различных цветов с литерами – начальными буквами названия заведения. Однако некоторые корпуса сохранили специфику формы. В Оренбургском-Неплюевском кадетском корпусе обмундирование было казачьего образца. Особую форму (черкесский кафтан, бешмет и темно-синие суконные шаровары) имели обучавшиеся в кадетских корпусах кавказские горцы и мусульмане.

Форма была неразрывно связана со статусом кадета. Малолетние дворяне, допущенные к слушанию лекций в кадетских корпусах без зачисления в списки кадет, не имели права носить кадетскую форму[643].

Руководство военно-учебных заведений широко использовало воспитательные возможности формы. В 1842 г. было введено правило, в соответствии с которым дурные воспитанники должны были иметь на киверах зеленые репейки. Одним из самых тяжких наказаний в кадетских корпусах было лишение права но-

[643] Приказ Главного начальника Пажеского, всех Сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка. 24 октября 1834 г.

сить кадетский мундир. Наказанному воспитаннику одеждой служила серая или старая куртка без каких-либо знаков отличия.

В 1855 г. воспитанники кадетских корпусов получили двубортные полукафтаны темно-зеленого сукна с закругленным воротником, выпушками и подбоем красного цвета. В столичных корпусах золотым галуном обшивались обшлага и воротник, в губернских – только обшлага. В 1856 г. вместо галунной обшивки были введены галунные петлицы. В 1862 г. каску заменила суконная шапка-кепи с козырьком, красным околышем, черной (у пажей – белой) тульей и медным гербом.

В ходе военно-учебной реформы Александра II, 5 мая 1864 г., была утверждена форма военных гимназистов. По мнению С.Н. Смирнова, лишь у «воспитанников этих учебных заведений как раз и оказалась первая по-настоящему единая форма»[644]. Различия в форме между воспитанниками столичных и губернских кадетских корпусов были ликвидированы. Воспитанники военных гимназий утратили герб на кепи и пуговицах и литеры на погонах. Форма военных гимназистов была не так красива, как кадетская, зато кепи стали более элегантными. У приходящих воспитанников на мундире не было ни погон, ни галунных петлиц, шинель была также без погон и без клапана на воротнике, а на кепи тесьма была красная.

Юнкера военных училищ, открытых в 1860-е гг., получили двубортные мундиры темно-зеленого сукна, обшитые галуном, для строевых занятий и отпуска, бушлаты (тужурки) для классных занятий и солдатские шинели с юнкерскими погонами. Унтер-офицерский галун на воротниках и обшлагах юнкерских мундиров свидетельствовал о привилегированном положении юнкеров по сравнению с прочими нижними чинами. При увольнении из училища юнкера носили штык в ножнах, а фельдфебели – шашки. Первоначально юнкера носили каски, однако в 1864 г. вместо них были введены некрасивые и неудобные кепи, которые юнкера стремились заменить собственными кепи, более удобными и изящными.

[644] Смирнов С.Н. Символика как средство воспитания патриотических чувств (на опыте воспитания в кадетских корпусах): Монография / под ред. Б.В. Куприянова. Кострома: Авантитул, 2008. С. 38.

Отличительной особенностью формы юнкеров Михайловского артиллерийского училища были черный бархатный воротник с красной выпушкой и шапка с черным бархатным околышем и красной же выпушкой. В Николаевском кавалерийском училище мундир был кавалерийского покроя, а шапка украшалась белым волосяным султаном.

Пажи в 1870 г. получили новые придворные мундиры, которые были обшиты спереди четырнадцатью петлицами из золотого галуна. Камер-пажи отличались от пажей петлицами из золотого галуна на карманах сзади, ботфортами со шпорами и шпагой кавалерийского образца с серебряным темляком на золотой портупее[645].

В 1882 г., после переименования военных гимназий в кадетские корпуса, им была присвоена новая форма. Двубортные мундиры были заменены однобортными черного сукна, с обшитым галуном воротником, матерчатым кушаком по цвету погон и шароварами мундирного сукна. Вместо кепи были введены фуражки. Форма обмундирования кадет разных корпусов отличалась погонами, цветом кушака и цветом выпушки по верхнему краю фуражки. Эта форма сохранилась в кадетских корпусах до 1917 г. без серьезных изменений.

Некоторые кадетские корпуса все же имели свою специфику. В «кавалерийском» Николаевском корпусе кадеты носили кавалерийские шаровары, на пуговицах вместо «орла в сиянии» было изображение государственного герба, а золотое шитье на мундирах было шире, чем в других корпусах. Парадная форма воспитанников Донского корпуса представляла собой мундир темно-синего сукна, присвоенного донскому казачеству, с красными кантами по воротнику и обшлагам рукавов, серебряным прибором и красными лампасами на брюках. Наконец, пажи отличались от кадет и юнкеров черным двубортным пальто офицерского покроя и офицерской кокардой на фуражке[646].

В военных училищах в 1882 г. были введены двубортные мундиры образца армейской пехоты 1881 г. с золотым прибором для пехотных и артиллерийского

[645] Паж К. Чернозубов. Формы пажей // Пажеский сборник № 13. 1916 г. С. 14.
[646] Ламздорф-Галаган П.К. Воспоминания // Архив БФРЗ. Ф-2. М-88. Л. 230.

училищ и серебряным – для инженерного. Мундиры, присвоенные специальным училищам, имели алую выпушку по воротнику и обшлагам. Мундир юнкеров Николаевского кавалерийского училища был гвардейского драгунского образца с золотым прибором, мундир казачьей сотни этого училища – темно-синим, с серебряным прибором и красными лампасами на казачьих шароварах. Елизаветградскому и Тверскому кавалерийским юнкерским училищам в 1896 г. была присвоена форма армейских драгун.

Кепи были заменены черными фуражками-бескозырками с алым околышем в пехотных училищах и черным в специальных. На околыше была расположена кокарда. Фельдфебель отличался от рядовых юнкеров не только погонами, но и тем, что имел фуражку с козырьком и носил ремень белой кожи с пряжкой вместо лакированного пояса с бляхой. В 1909-1910 гг. юнкерам наряду с бескозырками и фуражками были присвоены кивера, что роднило их с гвардией.

Казенная форма была холодной и неудобной; качество ее изготовления оставляло желать много лучшего. Особенно портили внешний вид тяжелые неуклюжие сапоги. Поэтому юнкерам разрешалось, но не рекомендовалось шить собственное обмундирование для ношения в отпуску. Оно должно было не отличаться от казенного и предварительно показываться ротному командиру. Носить собственное обмундирование в стенах училища было запрещено.

Любые отступления от установленной формы одежды (укорачивание мундира, сужение шаровар, прикрепление кованых галунов на погоны, выставление напоказ часовых цепочек и брелоков, ношение шпор, калош, браслетов) строго воспрещались. Однако этот запрет очень часто нарушался.

Серьезные изменения в форменном обмундировании произошли после революционных событий 1917 г. В январе 1918 г. с формы воспитанников гимназий военного ведомства были сняты погоны и петлицы, кокарды на фуражках были заменены металлической или трафаретной аббревиатурой названия заведения, вместо форменных металлических пуговиц были нашиты костяные или обшитые материей. Эта форма просуществовала недолго – всего несколько месяцев, до закрытия гимназий военного ведомства.

Неотъемлемой частью кадетской и юнкерской формы были погоны, которые являлись не только свидетельством принадлежности к определенному корпусу или училищу, но и символом воинской чести.

Первое упоминание о кадетских погонах относится к эпохе Екатерины II – белые погоны носили воспитанники 4-го и 5-го возрастов Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса. В 1802 г. в кадетских корпусах были введены суконные погоны. В эпоху Александра I каждому военно-учебному заведению был присвоен собственный цвет погон. С декабря 1831 г. на погонах кадет, имевших звания фельдфебелей, старших и младших унтер-офицеров и ефрейторов, делались нашивки из галуна[647].

Согласно приказу Главного начальника Пажеского, всех Сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка от 7 января 1835 г. № 37, были установлены кадетские погоны четырех цветов – красного, белого, синего, зеленого – с такими же цветами опушек. Этим же приказом на погонах были введены прорезные литеры, подложенные желтым сукном. Литеры состояли из цифры и буквы или двух букв и являлись аббревиатурой («шифровкой») названия корпуса.

С 1842 г. ношение погон стало увязываться с приобретением кадетами воинской выправки. Погоны давались не сразу, а как награда, после усвоения воспитанниками требований, предъявляемых к ним заведением. Кадеты, «утрачивающие, по собственному о себе небрежению, таковую выправку», лишались погон[648]. Кадеты, отличавшиеся дурным поведением, также лишались погон. У наказанных таким образом воспитанников на куртках оставлялись пуговицы «в знак, что погон уже был, но снят, для различия сих кадет от недавно в корпус поступивших, не заслуживших еще погонов по слабому знанию фронта»[649].

Лишение погон за проступки было одним из самых тяжелых наказаний. Ритуал лишения погон носил торжественно-драматический характер: погоны срыва-

---

[647] Жервэ Н.П., Строев В.Н. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712–1912. В 2-х т., Т. 1. СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1912. С. 334. Нашивки были не такие, как в армии: погон фельдфебеля обшивался галуном кругом и, кроме того, имел продольную нашивку, погон старшего унтер-офицера – только галун по краям, младшего унтер-офицера – продольную нашивку, а ефрейтора – поперечную. Лишь в 1843 г. нашивки на погонах кадет стали такими же, как введенные тогда же для нижних чинов.

[648] Приказ Главного начальника Пажеского, всех Сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка. 24 марта 1842 г. № 377. П. 8.

[649] Приказ Главного начальника военно-учебных заведений. 6 июня 1844 г. № 546. П. 5.

лись (или срезались портным) перед строем кадет, под барабанную дробь. Воспитанник, наказанный таким образом, не имел права ходить в строю и при всех передвижениях роты следовал за ней в нескольких шагах от левого фланга.

После переформирования в 1864-66 гг. кадетских корпусов в военные гимназии цвета погон, присвоенные заведениям, остались прежними. Однако на погонах военных гимназистов не было ни вензелей, ни шифровок. Как и в кадетских корпусах, погоны давались воспитанникам лишь после того, как они усваивали правила дисциплины. С 1875 г. погоны воспитанникам стали даваться не в качестве награды за успехи в строевой подготовке, а при поступлении в гимназию. Лишение погон за проступки сохранилось, срок их лишения составлял от трех дней до трех недель.

Погоны юнкеров военных училищ обшивались узким галуном. Каждому училищу был присвоен свой цвет погон и вензель. Исполнявшие унтер-офицерские обязанности портупей-юнкера (в кавалерии – эстандарт-юнкера), фельдфебели и вахмистры имели на погонах соответствующие нашивки.

Вензеля и шифровки были возвращены на кадетские погоны в ноябре 1882 г. В 1885 г., после учреждения в строевых ротах званий вице-фельдфебеля и вице-унтер-офицера, им были присвоены наружные знаки отличия: «вице-унтер-офицерам обшивка золотым галуном наружных краев погон, а вице-фельдфебелю, сверх того, продольную полоску из узкого золотого галуна, нашиваемую посредине погон»[650].

На рубеже XIX – XX вв. директора кадетских корпусов стремились повысить статус своих заведений с помощью замены безликих аббревиатур императорскими вензелями. В 1898 г. на погонах Донского кадетского корпуса шифровка «Д.К.» была заменена вензелем императора Александра III с короной. В 1907 г. на погонах кадет, офицеров, гражданских и нижних чинов 1-го кадетского корпуса, праздновавшего 175-летие, были размещены вензеля императрицы Анны Иоанновны, основательницы заведения. Размещение на погонах вензелей в связи с пожалованием шефства имело важное воспитательное значение. Погоны с вензе-

[650] РГВИА. Ф. 725. Оп. 46. Д. 77. Л. 90.

лем ежеминутно напоминали кадету о том, что его родное учебное заведение имеет особый статус и что он должен оправдать своими учебными успехами и примерным поведением то доверие, которое оказал корпусу император.

С 1886 г. кадетские вице-фельдфебельские нашивки переносились на юнкерские погоны после перехода кадет в военные училища[651]. В 1909 г. для отличия юнкеров, бывших в кадетских корпусах вице-унтер-офицерами, были введены поперечные нашивки из галуна на нижнем крае юнкерского погона. Учреждение нашивки для вице-унтер-офицеров, по мысли руководства военно-учебных заведений, должно было стать «побудительной причиной для сравнительно большого числа носящих это отличие к более серьезному и усердному исполнению своих обязанностей в училищах, дабы и здесь не уронить своего звания, а, напротив, стать по возможности в такое положение, в какое они поставлены были в кадетских корпусах, т.е. достигнуть производства в портупей-юнкера»[652].

В марте 1917 г., после революции, погоны кадет и юнкеров лишились вензелей. Окончательная отмена погон последовало в январе 1918 г.[653]

Жетоны и нагрудные знаки кадетских корпусов и военных училищ являлись средством выражения корпоративного единства выпускников одного и того же заведения[654].

Жетоны представляли собой небольшие значки, которые носили выпускники определенного военно-учебного заведения в память о нем и своих товарищах. Первые жетоны появились в середине XIX в. в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Они представляли собой точную копию изображенного над главным подъездом Школы николаевского двуглавого орла, на котором была прикреплена Андреевская звезда[655]. В Пажеском корпусе в царствование Александра II вошло в обиход ношение брелока в виде мальтийского крести-

---

[651] Свод военных постановлений 1869 г. Кн. XV. Изд. 2-е. СПб., 1896. С. 208. Примечание к ст. 1019.
[652] РГВИА. Ф. 725. Оп. 38. Д. 332. Л. 1 об.
[653] Приказ по военно-учебным заведениям. 16 января 1918 г. № 3 // Педагогический сборник. 1918. № 1-3. С. 3.
[654] Кроме того, существовали особые офицерские нашейные знаки (в 1-м кадетском корпусе они были введены при Анне Иоанновне и с тех пор всегда составляли отличительную особенность формы офицеров этого заведения, а в Дворянском полку и Константиновском кадетском корпусе офицерские знаки носились в 1809-1858 г.). Однако они служили средством корпоративного единения лишь офицерского состава заведения, а не его выпускников.
[655] РГВИА. Ф. 725. Оп. 29. Д. 12. Л. 26 – 26 об.

ка[656]. В некоторых кадетских корпусах (2-й, Полоцкий, Орловский-Бахтина, 1-й Московский) в 1880-е гг. появились неофициальные жетоны в виде корпусных погон (в 1-м кадетском корпусе – в виде уменьшенной копии офицерского знака), которые проектировались и изготавливались не заведением, а выпускниками, без чьего-либо разрешения. Руководители некоторых корпусов пытались взять инициативу в свои руки и добиться придания жетону более или менее официального статуса[657]. Однако большинство корпусных жетонов не были никем утверждены и носились в силу обычая.

Жетоны стали приобретать официальный статус лишь в 1891 г., когда были разработаны требования, предъявляемые к рисункам полковых жетонов. На жетонах не должны были помещаться изображения государственного герба, Андреевской звезды, Георгиевского креста и других орденских знаков и лент. Кроме того, жетоны было запрещено носить напоказ[658]. Эти правила были распространены и на жетоны военно-учебных заведений, которым предполагалось придать официальный статус. В результате запросов выяснилось, что неофициальные жетоны имелись в трех военных училищах и девяти кадетских корпусах. Руководители этих заведений должны были представить рисунки жетонов на высочайшее утверждение.

Первым жетоном, удостоившимся высочайшего утверждения в соответствии с новыми правилами, стал жетон Пажеского корпуса. Главный начальник военно-учебных заведений Н.А. Махотин не спешил превращать жетоны в обязательный атрибут военных училищ и кадетских корпусов, поэтому заведения, не имевшие жетонов, могли и впредь обходиться без них. Однако все корпуса и училища стремились обзавестись собственными жетонами. В октябре 1892 г. были высочайше утверждены рисунки жетонов четырех военных училищ и двенадцати

---

[656] РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 2544. Л. 1. Инициатором создания жетона и автором его рисунка (мальтийский крест на золотой пластинке) был генерал-адъютант С.А. Грейг. Рисунок жетона удостоился высочайшего одобрения в 1880 г., а первый жетон был изготовлен в 1884 г. Во второй половине 1880-х гг. вместо жетона опять стал носиться брелок в форме мальтийского крестика.

[657] Например, директор Донского корпуса, приготовив рисунок выпускного жетона перед первым выпуском кадет, пытался выяснить порядок его утверждения в Главном управлении военно-учебных заведений, а затем, так и не получив никаких указаний, утвердил рисунок жетона у войскового наказного атамана. Рисунок Александровского кадетского корпуса был утвержден в 1885 г. его директором.

[658] РГВИА. Ф. 320. Оп. 2. Д. 961. Л. 211.

кадетских корпусов (Приложение 3). В течение нескольких следующих лет ходатайства о пожаловании жетонов возбуждались в связи с подготовкой к празднованию юбилеев заведений, а в 1900 г. началась настоящая «жетономания». К 1909 г. жетоны получили 27 военно-учебных заведений. Не имели жетонов 15 корпусов и училищ, в двух училищах жетоны не были утверждены, а еще в двух они существовали неофициально, в силу обычая.

Большинство жетонов представляло собой настоящие произведения искусства, являвшиеся иллюстрацией истории корпуса или училища и заведений, ему предшествовавших. С этой целью на жетонах кадетских корпусов размещались изображения погон военных гимназий и дореформенных кадетских корпусов, даты, связанные с ключевыми событиями в жизни заведения, а также вензеля императоров. Авторы рисунков старались учесть специфику заведения и сделать жетон максимально узнаваемым. Так, жетон Донского корпуса имел форму пятиугольного щитка, увенчанного вертикально поставленным золотым перначом и крестообразно наклонно поставленными бунчуками с белыми хвостами, спускающимися на щиток. Выпускники Пажеского корпуса носили жетон в виде малого мальтийского креста на восьмиугольной золотой пластинке. Не менее художественными и выразительными были жетоны военных и юнкерских училищ. Например, основой жетона Тверского кавалерийского училища была подкова, внутри которой был размещен «эмалированный Тверской герб, охваченный бывшим флюгером Тверского училища – эмблема училища, созданного в Твери и носящего имя Твери»[659].

Наряду с официальными жетонами по-прежнему существовали и неофициальные, инициатива создания которых исходила от самих выпускников. В некоторых заведениях (например, Морском корпусе) воспитанники заказывали себе особые («бальные») жетоны к выпускному балу.

Носить жетон, даже высочайше утвержденный, можно было лишь после производства в офицеры, причем лишь в виде брелока и не напоказ. Вследствие этого жетон, по мнению руководства Главного управления военно-учебных заве-

[659] Бацов В. Памятка корнета Тверского кавалерийского юнкерского училища. Тверь, 1904/05. С. 20.

дений, «как эмблема корпоративного единения, ускользая от глаз даже в качестве брелока, утрачивает свой смысл и кроме того, остается непонятным, где и как именно его можно носить»[660].

Альтернативным знаком корпоративной связи стали появившиеся в конце XIX в. нагрудные знаки выпускников и служащих. По своей символике они были схожи с жетонами. Например, нагрудный знак для выпускников Пажеского корпуса, высочайше утвержденный в 1902 г. в связи со столетним юбилеем заведения, представлял белый мальтийский крест, наложенный на черный щит. На нагрудном знаке, который в 1907 г. получил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус, были изображены николаевский орел, сидящий на двух скрещенных орудиях, и герб Аракчеева, окруженный владимирской лентой с вензелями императоров Николая I и Николая II.

Поначалу нагрудные знаки были юбилейными и право их ношения предоставлялось ограниченному кругу лиц. В конце 1900-х гг. они стали постепенно приобретать корпоративный характер. Например, в 1909 г. право носить нагрудный знак Александровского училища было предоставлено всем его выпускникам, в том числе и последующих выпусков. Такие же правила были установлены в 1910 г. и для ношения нагрудного знака Николаевского инженерного училища, учрежденного «в целях объединения бывших питомцев училища в одну общую семью и установления внешней корпоративной связи окончивших Училище со своими предшественниками, начальствующими и преподавателями»[661]. Однако начальник Главного управления военно-учебных заведений А.Ф. Забелин полагал, что нагрудные знаки военно-учебных заведений должны являться не столько средством выражения корпоративной связи, сколько приуроченной к юбилею наградой за многолетнюю плодотворную работу. Корпоративным знаком, по его мнению, должны были являться жетоны, поэтому создание новых нагрудных знаков для всех без исключения училищ и корпусов в докладе по канцелярии Главного управления военно-учебных заведений было названо «большим бессодержа-

[660] РГВИА. Ф. 725. Оп. 46. Д. 780. Л. 4 об.
[661] Юнкерам Николаевского инженерного училища от старших товарищей. Пг., 1916. С. 27.

тельным и тем более бесцельным делом»[662]. По этой причине нагрудные знаки не получили широкого распространения: они имелись в Пажеском корпусе, некоторых военных училищах (Павловском, Александровском, Алексеевском), Николаевском кавалерийском училище и всего трех кадетских корпусах – 1-м, 1-м Московском и императора Александра II.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, форма и погоны, присвоенные воспитанникам военно-учебных заведений Российской империи, имели не только идентификационную и корпоративную функцию, но и играли важную роль в процессе воспитания, особенно кадет и военных гимназистов. Ношение формы и погон являлось не обязанностью и даже не правом, а привилегией, которую нужно было заслужить; тяжкий проступок влек за собой временно лишение этой привилегии. Кроме того, особенности формы (галуны, петлицы, нашивки и проч.) должны были свидетельствовать о высоком социальном статусе воспитанников – будущих офицеров, обладающих профессиональными знаниями.

Во-вторых, жетоны и нагрудные знаки не выполняли своей военно-корпоративной функции ввиду специфики правил ношения первых и малого распространения вторых.

В-третьих, недостаточное изящество некоторых предметов обмундирования и фактический запрет ношения жетонов подталкивал кадет и особенно юнкеров к нарушениям правил ношения формы и к появлению традиции обзаводиться собственными предметами обмундирования. Последнюю традицию нельзя отнести к положительным явлениям в жизни русской военной школы, ибо она вносила рознь в среду учащихся, приводила к развитию тяги к щегольству и франтовству, приучала к жизни не по средствам, губительно отражалась на дисциплине.

[662] РГВИА. Ф. 725. Оп. 47. Д. 36. Л. 64 об.

3.2. Знамена, гербы и девизы корпусов и училищ

Наличие у военно-учебного заведения собственного знамени позволяло считать его воинской частью. Лишь после пожалования знамени в корпусах и училищах могли проводиться парады и иные торжественные воинские церемонии, знамя было неотъемлемым атрибутом ритуала воинской присяги. Знамя зримо сплачивало воспитанников в единую корпорацию, позволяло им ощущать преемственность поколений и следовать примеру своих предшественников. Военные педагоги отводили знамени ведущую роль в процессе воспитания. В 1906 г. директор одного из кадетских корпусов, беседуя с кадетами первой роты, отмечал: «Знамя есть честь той части, которой оно принадлежит. Оно объединяет всю часть вокруг себя и хранит эту честь… Оно соединяет в себе все те понятия, которые для каждого военного должны быть священными»[663].

Начало традиции пожалования знамен российским военно-учебным заведениям совпадает с началом истории кадетских корпусов. 17 февраля 1732 г. был открыт Кадетский корпус (впоследствии наименованный Императорским сухопутным шляхетным), а уже в конце лета того же года ему было пожаловано знамя – «белое атласное с черным посредине двуглавым орлом»[664]. Поскольку корпус состоял из трех рот, а по тогдашнему положению каждая рота должна была иметь собственное знамя, вскоре заведение получило еще два знамени (желтых), а конной роте был пожалован штандарт. Знамена представляли собой атласные полотнища, в центре которых находилось изображение черного двуглавого орла, а по углам – пунцовые фламы с вензелями императрицы. Штандарт был серебряный глазетовый[665].

---

[663] Беседа директора с кадетами 1-й роты. 11 ноября 1906 г. С. 5.

[664] Майков П.И. Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. СПб.: Типография Т-ва «Общественная польза», 1904. С. 358.

[665] Комаровский Е.А., Комаровская Е.П. К истории российских императорских кадетских корпусов // Российская цивилизация: история и современность: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 14. Воронеж: ГОУ ВГПУ, 2002. С. 32.

Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус, созданный в 1762 г., был пожалован тремя знаменами лишь в 1785 г., когда кадеты, разделенные на три роты, готовились к выступлению в лагерь. В 1796 г., после разделения корпуса на четыре роты, прежние знамена были заменены четырьмя такими же новыми.

Морской корпус должен был получить знамена для каждой из трех рот (для 1-й – белое, а для 2-й и 3-й – желтые с изображением государственного герба) в 1755 г. Однако их рисунки были окончательно утверждены в 1763 г. (на желтых знаменах изображение государственного герба было заменено изображением герба Морского корпуса – шпаги под императорской короной и скрещенных руля и градштока, а также «приличной Морскому кадетскому корпусу арматуры» – флагов, гюйсов, пушки, ядер и компаса), а пожалование знамен корпусу произошло лишь в 1782 г.

В 1816 г. вследствие высочайшего повеления 1814 г. иметь в батальонах по одному знамени в 1-м и 2-м корпусах было оставлено по одному знамени; вторые знамена отправились в Арсенал Мраморного дворца. В Дворянском полку было оставлено по одному знамени в каждом из двух батальонов, а лишние знамена были отнесены в придворную церковь Стрельнинского дворца.

Хранению знамен в александровскую эпоху не уделялось никакого внимания. Когда в 1826 г. воспитанники Морского корпуса должны были встречать тело Александра I и в связи с этим потребовались знамена, то их «с трудом могли найти запрятанными где-то на чердаке, под грудами разного книжного хлама»[666]. По свидетельству Н.А. Энгельгардта, учившегося в то время в Морском корпусе, знамя 1-й роты было полностью съедено мышами, и от него осталось лишь древко[667].

---

[666] Коргуев Н. О знаменах, гербе и судовом флаге Морского кадетского корпуса // Морской сборник. 1899. Неофиц. Отдел. № 6. С. 85. По мнению Н. Коргуева, «порядок хранения знамен нарушился во время спешного перемещения кадет в Свеаборг в 1812 г. и… по возвращении корпуса в Петербург о знаменах не заботились до тех пор, пока в них не встретилась настоятельная необходимость» (Коргуев Н. Указ. соч. С. 86).

[667] Морской кадетский корпус. Из воспоминаний Николая Александровича Энгельгардта. 1822-1829 гг. // Русская старина. 1884. № 2. С. 376.

В 1832 г. великий князь Михаил Павлович с разрешения императора приказал вернуть некоторые из старых знамен в кадетские корпуса, чтобы они хранились в церквах, как святыни.

В том же году 1-му кадетскому корпусу в честь 100-летнего юбилея было пожаловано новое знамя, полотнище которого «…имело красный крест на белом поле, в середине – оранжевый круг в золотом венке, вверху – императорская корона, в середине круга – двуглавый орел с распростертыми крыльями, на груди орла – щит с изображением Святого Георгия Победоносца, под орлом – Андреевская лента с надписью «17 февраля 1732 – 17 февраля 1832 гг.», в белых углах полотнища: в двух – вензеля Николая I, а в двух – гербы корпуса»[668]. Пожалование новых знамен корпусам в связи с празднованием юбилеев стало традицией.

В 1838 г. распоряжением Николая I при знаменах были установлены особые знаки отличия – в полках, существовавших более 100 лет, – орденские ленты с бантами и медные позолоченные скобы, в полках, существовавших менее 100 лет, – только скобы. По ходатайству директора 2-го кадетского корпуса А.И. Мирковича, полагавшего, что «милостивое распространение их [особых знаков отличия – А.Г.] на военно-учебные заведения послужило бы в нравственном отношении сильным средством для укоренения в воспитанниках любви к славе, которую им же нужно будет впоследствии переливать в душу солдата»[669], в том же году эти знаки отличия были распространены и на кадетские корпуса. При этом 1-й и 2-й кадетские корпуса, как существовавшие более 100 лет, получили Андреевские ленты и скобы. В 1839 г. Андреевскую ленту на знамя получил и Морской кадетский корпус[670]. На скобах должны были быть изображены вензель императора, при котором заведение было основано, год основания, первоначальное наименование и дата пожалования скобы. Все последующие изменения в наименовании

[668] Комаровский Е.А., Комаровская Е.П. К истории российских императорских кадетских корпусов // Российская цивилизация: история и современность: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 14. Воронеж: ГОУ ВГПУ, 2002. С. 33.
[669] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/35. Д. 5. Л. 2 об.
[670] РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 3039. Л. 5 – 5 об.

заведения и ключевые даты его истории должны были заноситься на эту скобу[671]. Таким образом, скоба, закрепленная на знаменном древке, становилась летописью истории корпуса. При первоначальном устройстве скоб надписи, сделанные на них, закрепляли старшинство заведений. Эту же цель преследовали и Андреевские ленты, жалуемые императором и прикрепляемые к знаменам.

В 1844 г. были изменены цвета углов знамен кадетских корпусов и Дворянского полка[672]. Вследствие этой перемены ряд знамен должен был быть передан из одних заведений в другие. Старое знамя 2-го кадетского корпуса, от которого осталось одно древко, и другие знамена, не соответствующие новым образцам, были оставлены на хранении в церквах заведений. По утвержденному императором ходатайству великого князя Михаила Павловича передаче подлежали только относительно недавно пожалованные знамена, еще не ставшие реликвиями: «и из прочих корпусов, из коих предназначено передать знамена в другие корпуса, такие, которые по совершенной ветхости их составляли, так сказать, святыню корпуса, оставлены были в корпусе на том же основании…»[673] В мае 1844 г. было удовлетворено ходатайство великого князя Михаила Павловича о том, чтобы знамена не передавались из одного корпуса в другой, а оставлялись «для хранения в церквах, как святыня и как всемилостивейший дар, корпусам единожды уже пожалованный; взамен же их… были бы даны знамена новые, отчего, кроме нравственной пользы, самое снабжение заведений новыми знаменами обойдется не дороже доставления старых, уже освященных, из одних заведений в другие»[674].

Во второй четверти XIX в., по мере расширения сети военно-учебных заведений, стали жаловаться знамена вновь открываемым корпусам. Великий князь Михаил Павлович в своем приказе по военно-учебным заведениям от 15 марта 1838 г. № 194 писал: «Да послужит сей новый дар всемилостивейшего нашего государя и новым побуждением для молодых дворян, воспитывающихся в означенных корпусах, стараться постоянно заслуживать Его Величества к ним милости и

[671] Комаровский Е.А., Комаровская Е.П. К истории российских императорских кадетских корпусов // Российская цивилизация: история и современность: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 14. Воронеж: ГОУ ВГПУ, 2002. С. 37.
[672] О цвете знамен в кадетских корпусах и в Дворянском полку // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XIX. Отд. 1-е. 17792.
[673] РГВИА. Ф. 405. Оп. 5. Д. 7465. Л. 38 – 38 об.
[674] Там же. Л. 84 об. – 85.

да усугубит в каждом из них пламенную ревность соделаться верным слугою Престола и Отечества».

Знамена быстро стали воинскими святынями, весьма почитаемыми кадетами. В Орловском-Бахтина корпусе даже сложилась традиция, в соответствии с которой первые по баллам выпускники могли отрезать от края знамени родного заведения кусочек на память, и поэтому полотнище с одной стороны представляло собой бахрому.

В ходе военно-учебной реформы Александра II кадетские корпуса были расформированы. Военные гимназии, созданные на базе их общих классов, не имели строевой организации (вместо рот в них были возрасты). Поэтому знамена были отнесены на хранение в церкви заведений. Такая же участь постигла и знамя Морского корпуса[675].

Знамя 1-го кадетского корпуса было передано Павловскому военному училищу, «дабы сохранить память о 1-м корпусе, как о рассаднике военного образования в отечестве, и предания, связанные с его именем о доблестях военноначальников и государственных людей, проведших юность в этом заведении»[676]. Вид знамени, которое пробуждало «благородные чувства многих и многих выпусков бывших кадет, а потом боевых начальников и даже фельдмаршалов», производил на юнкеров неизгладимое впечатление. В.С. Кривенко так описывал эффект ощущения магического прикосновения к славной истории 1-го корпуса: «Под этим знаменем юношей ходил сам Царь! Точно электрический ток пробежал по батальону и наша колонна вдруг выросла, возмужала и из забавного войска обратилась в истинную воинскую часть…»[677]

В 1882 г. военные гимназии были переименованы в кадетские корпуса, деление на роты было восстановлено. В 1887 г. знамя 1-го кадетского корпуса и исторические знамена, пожалованные Сухопутному кадетскому корпусу и 1-му кадетскому корпусу, были переданы из Павловского военного училища 1-му кадет-

[675] РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 8011. Л. 2 об. – 3.
[676] Отчет к 25-й годовщине основания 1-го военного Павловского училища. Составлен штабс-капитаном М.А. Кардиналовским. СПб.: Типография В. Безобразова и К, 1888. С. 2.
[677] Кривенко В.С. Юнкерские годы. 25 лет назад. СПб., 1898. С. 38-39.

скому корпусу вместе с другими реликвиями[678]. Однако знамена по-прежнему продолжали храниться в церквах, а вновь открываемые корпуса знамен, в отличие от военных училищ, не получали.

В 1900 г. пост Главного начальника военно-учебных заведений занял великий князь Константин Константинович. Он обратил пристальное внимание на моральную подготовку кадет к военной службе и пришел к выводу, что корпусное знамя – это важное средство военного воспитания, которым нельзя пренебрегать. Великий князь выступил с инициативой предоставить строевым ротам корпусов право иметь знамена и выносить их в определенных случаях в строй.

В 1901 г. знамена, находившиеся в забвении в течение почти 40 лет, были возвращены из небытия и вновь заняли свое место в жизни кадет «как наивысшая воинская святыня и лучшее украшение кадетского строя»[679]. Кадетские корпуса со своими знаменами снова стали выходить на смотры, парады и учения; кроме того, знамя выносилось в строй в дни храмовых и корпусных праздников, при прощании с ним выпускников и в иных торжественных случаях. Полотнища знамен старых кадетских корпусов, пожалованные еще в николаевские времена, к началу XX в. совсем обветшали или были утрачены. От знамени 1-го кадетского корпуса, разрезанного на память кадетами последнего выпуска, сохранились лишь клочки материи под гвоздями, поэтому директор ходатайствовал о пожаловании заведению нового знамени. Однако Константин Константинович не удовлетворил эту просьбу; напротив того места в докладе, где говорилось о том, что знамя представляет собой изношенное древко с двумя ветхими лентами, великий князь сделал помету: «Тем лучше». Он понимал, что знамя – это не украшение, а реликвия. Одиннадцать кадетских корпусов, не имевшие знамен, получили их в течение нескольких последующих лет. К 1909 г. знамен не имели лишь Вольский корпус, приготовительная Иркутская школа Омского кадетского корпуса[680]. Старые знамена имелись в Павловском военном училище, 1-м, 2-м, 1-м Московском, Ниже-

[678] РГВИА. Ф. 725. Оп. 23. Д. 7. Л. 165 об.
[679] Приказ по военно-учебным заведениям от 14 февраля 1901 г. № 25.
[680] РГВИА. Ф. 725. Оп. 46. Д. 77. Л. 7 об., 15.

городском графа Аракчеева, Полоцком и императора Александра II кадетских корпусах.

Значение возвращения корпусных знамен трудно переоценить. К ним стали относиться «не как отжившим регалиям, а как воинской святыне, и ныне не утратившей своей силы»[681]. Временно командующий войсками Киевского военного округа генерал от кавалерии Шмит в своей речи, обращенной к кадетам Владимирского-Киевского кадетского корпуса, призывал смотреть на знамя как на царское благословение, как на знак особенного монаршего благоволения, вселяющий отвагу в душу воинов, идущих на смертный бой.

Возвращение знамен наряду с участием в военных церемониях, внесением лучших учеников на мраморные доски в корпусах и привлечением лучших кадет 7-го класса к надзору за младшеклассниками ознаменовало возрождение «некоторых хороших порядков старых кадетских корпусов»[682]. Весть о возвращении знамен воспитанники встретили с радостью. Кадет 1-го корпуса А.В. Борщов так вспоминал день объявления высочайшей милости: «Мы стояли как зачарованные… у нас будет настоящее военное знамя… эта мысль нас, конечно, преисполнила радостью и гордостью»[683].

Гербы кадетских корпусов не были широко распространенным символом. Ими обладали лишь Сухопутный и Морской кадетские корпуса.

Герб (вернее, эмблема) Сухопутного корпуса, изображенный на фронтоне дворца Меншикова, представлял собой композицию из рыцарского шлема и перекрещенных под ним мечом и кадуцеем (жезлом Меркурия). Кадуцей состоял из прута, символизировавшего власть, и двух переплетенных змей, олицетворявших равновесие сил природы. Меч являлся символом мужества, а рыцарский шлем демонстрировал принадлежность к дворянству.

Герб Морского корпуса, учрежденный при основании корпуса в 1752 г., представлял себя щит с красным полем, на котором были изображены перекрещенные руль, шпага и градшток (старинный инструмент для измерения высоты).

[681] РГВИА. Ф. 725. Оп. 38. Д. 19. Л. 4.
[682] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2. Д. 19. Л. 18.
[683] Борщов А.В. Мои воспоминания молодости. Семейная хроника XVIII, XIX и 1-й четверти XX в // Архив БФРЗ. Ф. 2. М-90. Л. 25.

В 1843 г. корпус получил новый герб в виде черного двуглавого орла, на груди которого был изображен старый гербовый щит, окруженный голубой андреевской лентой, пожалованной на корпусное знамя. В лапах орел держал два якоря.

Кроме того, своеобразной эмблемой Пажеского корпуса служил унаследованный от рыцарей мальтийский крест.

Девизы кадетских корпусов и военных училищ представляли собой краткие изречения, аккумулировавшие представление об общечеловеческих, национальных и военных идеалах и служившие напутствием воспитанникам. В Пажеском корпусе был принят рыцарский девиз «Мой Бог, мой Король, моя Дама», закреплявший глубокую веру, преданность монарху и поклонение женщине. Большую роль в жизни пажей играли восемь заветов мальтийских рыцарей, изображенных на мраморных досках над дверями здания корпуса: «1. Ты будешь верить всему, чему учит Церковь. 2. Ты будешь охранять Церковь. 3. Ты будешь относиться с уважением к слабому и сделаешься его защитником. 4. Ты будешь любить страну, в которой ты родился. 5. Ты не отступишь перед врагом. 6. Ты не будешь говорить неправду и останешься верен данному слову. 7. Ты будешь всем благотворить. 8. Ты везде и повсюду будешь поборником справедливости и добра против несправедливости и зла»[684]. Следуя этим заветам, пажи должны были стать рыцарями и в жизни, и на службе.

Девизы военных училищ напоминали о нерушимой традиции товарищества и о военной дисциплине. В отличие от заветов мальтийских рыцарей, вне юнкерской среды они были малоизвестны. В источниках и литературе о девизах почти нет упоминаний. Их выявление и фиксация – заслуга современного исследователя В.М. Коровина[685].

В Николаевском кавалерийском училище девизом была строка из «Звериады»: «И были вечными друзьями солдат, корнет и генерал». Этот девиз гравировался на памятном кольце, изготовленном из подковного гвоздя. Девиз Киевского военного училища, с 1915 г. именовавшегося Киевским великого князя Констан-

[684] Юбилейная памятка Пажеского Его Императорского Величества кадетского корпуса. 1802-1902. СПб.: «Т-во Худож. Печати», 1905. С. 28.
[685] Коровин В.М. Военное образование в Российской империи (середина XIX – начало XX в.): монография. Воронеж, 2009. С. 272-294.

тина Константиновича военным училищем, напоминал о нравственном долге юнкеров перед их покойным покровителем: «Помните, чье имя носите». Тверское кавалерийское училище имело специфический «кавалерийский» девиз: «Скачи, лети стрелой».

Не все девизы были удачными. Начальник Виленского военного училища генерал-майор Б.В. Адамович, автор «Изречений о товариществе», сформулировал два несколько искусственных девиза для подведомственного ему заведения: «Виленец – один в поле и тот воин» и «К высокому и светлому знай верный путь». Излишне напыщенным был «рыцарский» девиз Иркутского училища: «Жизнь – Царю, сердце – даме, честь – самому себе».

Девизы кадетских корпусов известны благодаря усилиям А.В. Беляева[686]. Они дублировали девизы военных училищ и колько-нибудь значимой роли в жизни кадет не играли. Лишь девиз Донского корпуса, гласивший: «Верны заветам старины» – выражал стремление кадет-донцов следовать старинным казачьим традициям. Этот девиз, после 1917 г. утративший «казачий» характер, в эмиграции стал общекорпусным.

Подводя итог сказанному в настоящем параграфе, можно прийти к выводу о том, что знамена военно-учебных заведений, появившиеся еще в эпоху Анны Иоанновны, стали значимым военно-культурным явлением и начали играть достаточно большую роль в процессе воинского воспитания только в начале XX в. Девизы стали внедряться в социокультурное пространство военно-учебных заведений также в начале XX в. Что касается гербов, то они не получили в русской военной школе широкого распространения.

3.3. Парады, смотры, прибивка и освящение знамени и иные торжественные церемонии

Участие воспитанников военно-учебных заведений в парадах, смотрах и иных торжественных церемониях являлось важным средством их военного воспи-

[686] Беляев А.В. Кадетские корпуса России: история и современность: монография. Ставрополь: Сервисшкола, 2008. С. 279-280.

тания, позволяло им чувствовать свое единение с армией, в ряды которой они готовились со временем вступить. Привлечение кадет к участию в придворных церемониях и присутствие на корпусных торжествах членов императорской фамилии и высокопоставленных лиц подчеркивало элитарный характер отечественного военного образования.

Первые парады и смотры в кадетском корпусе стали проводиться при Анне Иоанновне. В 1734 г., 1736 и 1737 гг. происходили экзерциции Кадетского корпуса на Марсовом поле в присутствии императрицы[687]. Кадеты проходили перед Анной Иоанновной церемониальным маршем и демонстрировали ружейные приемы.

Тогда же начал складываться и церемониал вручения знамени заведению. Кадеты были выстроены на Адмиралтейском лугу. Анна Иоанновна приняла деятельное участие в церемонии: она произнесла приветственное слово, адресованное кадетам, затем собственноручно прикрепила знамя к древку, вбив первый гвоздь. Второй гвоздь был вбит Анной Леопольдовной, третий – фельдмаршалом Минихом. Затем Миних возвратил знамя императрице, а она вручила его лучшему воспитаннику корпуса П.И. Репнину. После строевого смотра («экзерциций»), продолжавшегося около часа, кадеты возвратились в корпус, а знамя было отнесено на квартиру директора.

В елизаветинскую эпоху кадеты наравне с войсками участвовали в парадах. В журнале дежурного генерал-адъютанта имеется запись о том, что 25 апреля 1748 г. «…от всех лейб-гвардии и кадетского корпуса, артиллерии, армейских и гарнизонных полков барабанным боем и игранием музыки учинена пред покоями ее императорского величества селютация»[688].

В эпоху Екатерины II стали устраиваться торжественные церемонии, связанные с окончанием курса воспитанниками Сухопутного шляхетного корпуса и вручением наград. На этих церемониях присутствовали генералы и высокопоставленные чиновники, а также «знатные обоего пола особы, почетное дворянство

[687] Андреева О.С., Беспятых Ю.Н. Шведская рукопись о Первом кадетском корпусе при Анне Иоанновне // Петербургские чтения-95. Материалы научной конференции 22-26 мая 1995 г. СПб., 1995. С. 44-46.
[688] Сухопутный кадетский корпус по «Журналам дежурных генерал-адъютантов». Сообщ. П.В. Петров // Педагогический сборник. 1898. № 5. Ч. неофиц. С. 522.

и купечество»[689]. Воспитанники, удостоенные наград, произносили благодарственные речи на французском, немецком и русском языках. По окончании торжественного акта устраивались танцы.

Однако в чисто военных мероприятиях воспитанники екатерининской эпохи участия не принимали. При Павле I ситуация начала меняться. Так, кадеты Морского корпуса стали привлекаться к несению внутреннего караула во время морских выходов императора на яхте[690].

В начале XIX в. привлечение кадет к парадам, смотрам и иным военным церемониям стало достаточно интенсивным. Кадеты 1-го корпуса приняли активное участие в торжественных церемониях, приуроченных к 100-летию Санкт-Петербурга. В 1818 г. в честь визита в Россию прусского короля Фридриха-Вильгельма III состоялся строевой смотр всех петербургских военно-учебных заведений. Отрядом военно-учебных заведений командовал лично Александр I, а обязанности офицеров в строю были возложены на кадет.

Выпускные акты были по-прежнему торжественны. Например, производство юнкеров Артиллерийского училища в портупей-юнкера и офицеры при Александре I проходило в Зимнем Дворце в присутствии императора.

При Николае I участию кадет в военных церемониях стало уделяться еще большее внимание. В октябре 1826 г. император приказал включить обыкновенные домашние караулы 1-го и 2-го кадетских корпусов, Военно-сиротского дома и Дворянского полка в воскресный развод 1-го отделения санкт-петербургских караулов. С 1 ноября 1826 г. в караул каждое воскресенье заступали: от 1-го корпуса – 34 кадета, от 2-го – 30 кадет, от Дворянского полка – 36 дворян, от Императорского военно-сиротского дома – 21 кадет.

Тогда же взводы военно-учебных заведений стали принимать участие в крещенских парадах, которые проводились в залах Зимнего Дворца. На высочайшие смотры неизменно выводились два сводных полка военно-учебных заведений. Отряд военно-учебных заведений принимал участие и в ежегодном параде

---

[689] Соколовский М. Кадетский журнал полвека назад. Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, как повременное издание. 1836-1863. Историко-библиографический очерк. СПб., 1904. С. 54.
[690] РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 684. Л. 3 – 3 об.

войскам гвардии на Марсовом поле, который устраивался в начале лета. Руководство военно-учебных заведений строго следило за строевой выправкой кадет и неукоснительным выполнением всех установленных правил.

При Николае I кадеты стали активно привлекаться к церемониям открытия памятников. Так, в 1849 г. с соизволения императора в параде по случаю открытия в Полтаве памятника Петру Великому приняли участие кадеты Петровского-Полтавского кадетского корпуса. Рота кадет Морского кадетского корпуса со знаменем и хором музыкантов начиная с 1830 г. неизменно участвовала в церемониях спуска на воду новых кораблей.

Все торжественные церемонии в самих военно-учебных заведениях обязательно предусматривали прохождение воспитанников церемониальным маршем. Так, в 1832 г. во время церемонии открытия портрета М.И. Кутузова во 2-м кадетском корпусе в столовом зале корпуса для прохождения церемониальным маршем был выстроен батальон корпуса в шестивзводном расчете со знаменем. Кроме того, в царствование Николая I парады стали обязательной частью торжеств, устраиваемых в кадетских корпусах в связи с празднованием юбилеев. В праздничные дни (Рождество Христово, Новый год, Пасха, дни рождения и тезоименитства императора и императрицы и т.п.) и по воскресеньям в военно-учебных заведениях устраивались домашние церковные парады.

Чтобы повысить престиж военного образования, открытие новых военно-учебных заведений стало сопровождаться торжественными церемониями, в которых принимали участие члены императорской фамилии, полководцы, ученые и литераторы. Во вновь открываемых провинциальных корпусах воспитанники 1-го набора представлялись директором начальству поименно. После божественной литургии с водосвятием, которая обычно совершалась епископом в кафедральном соборе, торжественная процессия следовала в корпус, и здание корпуса окроплялось святой водой. К стене корпусной залы прикреплялась мраморная доска, на которой было обозначено время открытия заведения.

В царствование Николая I жалуемые корпусам знамена стали освящаться в соответствии с «Общим наставлением для обучения и занятия саперных и пио-

нерных батальонов» 1818 г. Накануне освящения знамени совершалась церемония его прибивки на квартире директора в присутствии высокопоставленных лиц. Прибивка знамен столичных военно-учебных заведений обычно проходила в Зимнем дворце, и в ней принимал участие сам император, забивавший первый гвоздь. Последние гвозди забивали удостоенные чести принять участие в церемонии лучшие по успеваемости и поведению кадеты. Церемония освящения знамени включала в себя прочтение высочайшей грамоты о пожаловании знамени корпусу и статей-артикулов 94, 95 и 97 «Артикула воинского» Петра Великого, в которых говорилось об ответственности за утрату знамени, окропление знамени святой водой, чтение присяги на верность и прохождение церемониальным маршем.

Военные гимназии, созданные в ходе военно-учебной реформы Александра II на базе общих классов кадетских корпусов, не получили строевой организации и не могли принимать участия в воинских церемониях.

Юнкера военных училищ, напротив, участвовали в общих парадах войск, в том числе в крещенском и майском, и выводились на общие смотры всех войск. На парады обычно выводился один взвод от каждого училища. По свидетельству выпускника Павловского военного училища А.Н. Куропаткина, «павлоны» любили участвовать в парадах и ходили строем отлично, не уступая лучшим гвардейским частям. Участие в параде производило сильное впечатление на юнкеров, которые чувствовали свое единение с многотысячной армией. Объезд войск императором представлял собой «очень величественную, незабываемую военную картину», а церемониальный марш «вызывал дружное напряжение всех сил, чтобы пройти молодцами, чтобы заслужить Царское спасибо»[691].

Юнкера военных и специальных училищ и воспитанники Пажеского и Морского корпусов участвовали в разводе караулов, причем во время разводов с церемонией вестовые от военно-учебных заведений представлялись императору. Кроме того, в летних лагерях иногда устраивалась «Заря с церемонией» – торжественная вечерняя поверка в присутствии императора с пением общей молитвы. По сигналу барабанщика, бившего «зарю», юнкера выстраивались для общей мо-

[691] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1740. Л. 71.

литвы. После окончания молитвы училищные оркестры играли «Коль славен» и военные марши. Император, приняв рапорты, объезжал строй. По словам А.Н. Куропаткина, «сочетание общей молитвы Творцу всего мира с участием земного Царя Великой России носило торжественный характер, укрепляло нас в вере в великие судьбы нашей родины, укрепляли в любви и преданности Государю»[692].

Ни одно торжественное мероприятие, связанное с участием войск, не обходилось без привлечения будущих офицеров. В 1865 г. воспитанники Пажеского корпуса, юнкера Николаевского училища гвардейских юнкеров, Павловского и Константиновского военных училищ, Михайловского артиллерийского и Николаевского инженерного училищ (всего 6 взводов по 10 рядов в каждом) приняли участие в параде в Зимнем дворце по случаю присяги наследника цесаревича. В 1872 г. юнкера военных училищ и воспитанники Морского училища были задействованы в торжественных мероприятиях, связанных с празднованием 200-летия Петра Великого. В частности, два воспитанника Морского училища были назначены часовыми к ботику Петра Великого и таким образом играли важную роль в церемониале следования ботика на Политехническую выставку в Москву[693].

Существенное значение имела церемония принесения юнкерами воинской присяги. Принесение присяги проходило в торжественной обстановке, причем юнкерам предварительно должно было быть разъяснено «подробно и вполне понятно глубокое значение присяги». С этой целью училищные священники перед принесением юнкерами присяги произносили речь, в которой говорили о том, какой долг налагает присяга на того, кто ее дает, какими качествами должен обладать русский офицер, в чем заключается его нравственный долг перед прославленными предшественниками. Сама церемония совершалась «с суровой военной простотой». Юнкера выстраивались на плацу, выносилось знамя, затем следовал краткий молебен и окропление фронта святой водой. Начальник училища обращался к юнкерам с краткой речью, в которой говорил о трудностях предстоящей службы. После этого адъютант училища зачитывал статьи Свода военных поста-

[692] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1740. Л. 91.
[693] РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 5239. Л. 8.

новлений, касавшиеся нарушения присяги и потери знамени в бою. Затем молодые юнкера поднимали вверх правые руки со сложенными для крестного знамения пальцы и повторяли вслед за священником слова присяги. Католиков, лютеран и мусульман к присяге приводили соответственно капеллан, пастор и ахунд. После окончания присяги юнкера подходили по очереди к аналою, целовали крест, Евангелие и полотнище знамени. Присяга завершалась прохождением батальона училища церемониальным маршем. В Михайловском артиллерийском училище вслед за церемониальным маршем демонстрировалось конное учение полубатареи.

После преобразования военных гимназий в кадетские корпуса возрасты были переименованы в роты, старшая рота получила строевую организацию и ружья. Однако корпуса не считались строевыми частями (роты не составляли батальон), а их знамена по-прежнему хранились в церквах заведений. Руководители некоторых заведений пытались привлекать кадет к участию в парадах, встречах и иных воинских церемониях, но эта инициатива не нашла поддержки у руководства военно-учебного ведомства. По мнению Главного начальника военно-учебных заведений генерал-лейтенанта Н.А. Махотина, «вывод кадет, для принятия участия в каких бы то ни было парадах и празднествах и для встреч есть именно тот случай, когда ему [директору корпуса – А.Г.] следует испрашивать разрешения по команде… такое разрешение дается только по испрошении высочайшего повеления»[694]. Рапорт о разрешении кадетам принять участие в параде или иной церемонии должен был подаваться через командующего военным округом военному министру[695]. Регулярно устраивались лишь высочайшие смотры кадет старших классов по окончании летних лагерных сборов. В них принимали участие император и члены императорской семьи. После обхода сводного батальона начиналось «ученье, состоявшее в исполнении ружейных приемов и ломке

[694] РГВИА. Ф. 725. Оп. 27. Д. 21. Л. 1.

[695] Именно таким образом кадет Донского корпуса было разрешено привлекать к работе войсковых кругов, установленных в войске Донском. Однако на рапорте временно командующего войсками Омского военного округа генерал-лейтенанта Бобкова о разрешении выводить кадет Сибирского корпуса на церковные парады в высокоторжественные дни Махотин наложил следующую резолюцию: «По личному заявлению мне генерал-лейтенанта барона Таубе [и.д. начальника штаба войск Омского военного округа – А.Г.] он совершенно не сочувствует выводу кадет на парады и потому он просил меня оставить это представление без последствий» (РГВИА. Ф. 725. Оп. 27. Д. 21. Л. 18).

фронта»[696]. После ломки фронта следовало рассыпание цепи, затем наступление и атака. По окончании учения кадетский батальон проходил церемониальным маршем, шагом и бегом, причем шагом проходили и кадеты младших классов.

Для военных и специальных училищ и Морского училища участие в крещенских парадах, высочайших смотрах на Царицыном лугу и прочих церемониях продолжало оставаться традиционным.

В начале XX в. по инициативе великого князя Константина Константиновича участие воспитанников военно-учебных заведений в парадах, смотрах и других торжественных церемониях стало регулярным и интенсивным. Привлечение кадет к военным церемониям Константин Константинович считал мерой «громадного нравственного и воспитательного значения», могущей содействовать развитию в воспитанниках воинского духа и рыцарских идеалов. В 1901 г. кадетские корпуса получили батальонный состав (обязанности батальонного командира в строю исполнял старший из ротных командиров) и была возрождена отмененная в 1863 г. традиция выносить в строй кадетских корпусов их старые знамена – «наивысшую воинскую святыню и лучшее украшение кадетского строя»[697]. Порядок выноса и относа знамени был установлен в соответствии с требованиями Устава строевой пехотной службы. Знамена выносились в строй лишь в особо торжественных случаях – в дни храмовых и корпусных праздников, в день празднования Военного ордена (26 ноября), при молебствиях прощающихся с корпусом кадет.

Обязательные парады, в которых принимали участие кадеты всего корпуса, в начале XX в. стали устраиваться в день корпусного праздника, в Дмитриевскую субботу, а также в день тезоименитства императора. Кроме того, кадеты при великом князе Константине Константиновиче стали непременными участниками крещенских и пасхальных парадов, парадов войск гарнизона (в день тезоименитства наследника цесаревича и в день Георгиевского праздника 26 ноября), парадов в честь открытия памятников, принятия императорских портретов, крестных ходов и прочих церемоний. Обычно от каждого заведения в строй выводился

[696] Высочайший смотр в кадетском лагере под Петергофом // Педагогический сборник. 1888. № 8. Ч. офиц. С. 3.
[697] РГВИА. Ф. 725. Оп. 38. Д. 19. Л. 40.

один взвод. В исключительно торжественных случаях представительство значительно увеличивалось. В высокоторжественные дни (большие церковные праздники, дни рождения императора и императрицы) в заведениях устраивались домашние церковные парады. Строевые роты кадетских корпусов обычно участвовали в церковных парадах войск гарнизона.

Церемония прибивки пожалованных корпусам знамен проходила в торжественной обстановке, в столичных военно-учебных заведениях – при непосредственном участии императора, в провинциальных – представителей Главного управления военно-учебных заведений. Кроме того, участниками церемонии прибивки были бывшие директора корпуса или начальники училища, весь офицерский состав заведения, знаменщик, фельдфебеля и наиболее достойные юнкера или кадеты. В Санкт-Петербурге на церемонию приглашались и находившиеся в столице начальники военных училищ и директора кадетских корпусов. Золотые гвозди, как и ранее, все присутствовавшие вбивали по старшинству.

Освящение знамени также совершалось в торжественной обстановке, в присутствии многочисленной публики. Например, освящение знамени Морского корпуса являлось важной частью юбилейных торжеств и проходило в манеже Инженерного замка в присутствии императора, императрицы, других представителей Дома Романовых (в том числе шефа корпуса великого князя Алексея Александровича), управляющего Морским министерством, начальника Главного морского штаба и многочисленных выпускников корпуса. После обхода императором фронта кадет директор корпуса прочел высочайшую грамоту о пожаловании заведению нового знамени, после чего старое знамя было вынесено из манежа. Затем началось молебствие, во время которого новое знамя было освящено и окроплено святой водой. Освященное знамя было передано директору корпуса самим императором. После этого знамя при звуках марша было пронесено вдоль фронта кадет и поставлено на место, которое ранее занимало старое знамя. Торжество завершилось прохождением кадет церемониальным маршем. В провинциальных корпусах церемониал был аналогичным, с той разницей, что знамя директору пе-

редавал не император, а Главный начальник военно-учебных заведений или один из его помощников.

По инициативе великого князя Константина Константиновича возобновилось занесение на мраморные доски имен выпускников военно-учебных заведений, павших в боях. Церемония закрепления досок на стенах церквей совершалась в присутствии всех воспитанников. Процессия, в которую входили певчие, священник с дьяконом и воспитанники, несшие траурную доску, обходила фронт кадет или юнкеров.

В начале XX в. была возобновлена традиция торжественной закладки корпусных зданий. Как и в эпоху Николая I, богослужение и освящение места работ совершал архиепископ в присутствии генералитета и высокопоставленных чиновников. Затем в фундамент будущего здания замуровывались закладочная доска и закладочный крест. Церемония завершалась праздничным завтраком, на котором провозглашались тосты за здоровье императора, военного министра, Главного начальника военно-учебных заведений и прочих лиц, так или иначе причастных к созданию корпуса.

Церемония прощания выпускных кадет со знаменем и его передача старым знаменщиком новому после назначавшегося по этому случаю парада были важной частью мероприятий, связанных с окончанием курса. Кроме того, священник корпуса благословлял выпускных кадет нагрудными иконами. По завершении церемонии прощания со знаменем кадетам давался парадный обед.

В военных училищах торжественные мероприятия, связанные с выпуском, открывались литургией в церкви училища. Затем на училищном плацу служилось молебствие и происходило прощание выпускников со знаменем училища. Оркестр училища играл гимн, и молодые офицеры вместе с юнкерами проходили церемониальным маршем. После марша происходила раздача наград за фехтование и стрельбу. Праздник завершался улучшенным завтраком.

Подводя итоги вышесказанному, следует сказать, что участие кадет и юнкеров в парадах и иных торжественных церемониях было достаточно устойчивой военно-культурной традицией. Однако формы, которые приобретала эта тради-

ция, не могут заслужить положительной оценки, как с точки зрения их содержания, так и с точки зрения их места в процессе воспитания. В XVIII в. большинство церемоний носило не столько военный, сколько придворный характер. В первой половине XIX в. плац-парадный режим, свойственный русской армии в целом, губительно отражался и на военно-учебных заведениях – преимущественное внимание обращалось на внешнюю, церемониальную сторону парадов, значение же их для воспитания будущего офицера упускалось из виду. Во второй половине XIX в. наблюдался полный упадок – ни военные гимназисты, ни кадеты к официальным воинским церемониям не привлекались, и только юнкера, как находившиеся на действительной службе, оставались носителями данной военно-культурной традиции. Лишь в начале XX в., вследствие личной инициативы великого князя Константина Константиновича, военные церемонии прочно вошли в жизнь кадет и приобрели надлежащее культурное и воспитательное значение.

3.4. Правила воинской вежливости, поведения и выполнения воинского приветствия

Правила воинской вежливости, поведения и выполнения воинского приветствия стали складываться еще в начале XVIII в. Ученики Артиллерийской и инженерной школы должны были отдавать на улицах честь (кланяться и снимать головной убор) не только офицерам, но и всем знатным лицам, в том числе дамам[698]. Однако до начала XIX в. правилам воинской вежливости практически не уделялось внимания – кадетские корпуса более напоминали университеты, чем военно-учебные заведения, а воспитанники практически не выходили за пределы территории корпусов и не встречались с офицерами.

В наиболее приближенном к современности варианте (прикладывание руки к головному убору) ритуал воинского приветствия в русской армии сложился в царствование Николая I. Постепенно он вытеснил более ранние формы воинского приветствия (снимание головного убора, салют холодным оружием).

[698] Глебов П. Артиллерийская школа в царствование императрицы Анны Иоанновны // Артиллерийский журнал. 1862. № XI. С. 633.

Руководство военно-учебных заведений строго следило за тем, чтобы воспитанники соблюдали форму одежды и отдавали офицерам честь[699]. Однако правила отдания чести воспитанниками военно-учебных заведений стали разрабатываться лишь в 1860-е гг. Одна из первых попыток подобного рода была предпринята в середине 1860-х гг. начальником Чугуевского пехотного юнкерского училища майором А.Н. Хаминым. В 1865 г. начальник штаба Харьковского военного округа генерал-майор Батезатул утвердил составленные Хаминым «Постановления для руководства юнкеров Чугуевского пехотного юнкерского училища» (Приложение 4).

По мере изменения правил отдания воинской чести в армии поправки вносились и в правила, адресованные юнкерам военных училищ. В 1877 г. был принят «Свод правил воинского чинопочитания и отдания воинской чести»[700]. В параграфе 35 данного Свода были закреплены правила отдания воинской чести портупей-юнкерами, служившими в войсках. Они, подобно штаб- и обер-офицерам, должны были отдавать честь, становясь во фронт, следующим лицам: императору, императрице, великим князьям, великим княгиням и великим княжнам, иностранным государям, имевшим титул императорского или королевского высочества, и их наследным принцам, генерал-фельдмаршалам, военному министру, а также своим: главнокомандующему, начальнику штаба действующей армии, главному начальнику военного округа (главнокомандующему или командующему войсками округа), корпусному командиру и шефу полка. Не становясь во фронт, портупей-юнкера отдавали честь: не упомянутым выше членам императорской фамилии, всем генералам, адмиралам, штаб- и обер-офицерам гвардии, армии и флота[701]. Воспитанники военных гимназий были обязаны отдавать честь: а) становясь во фронт – членам императорской фамилии, всем генералам, а также штаб- и обер-

[699] Великий князь Михаил Павлович в 1848 г. отдал приказ следующего содержания: «После окончания лагеря, встретив, в разное время, некоторых из воспитанников военно-учебных заведений или расстегнутым воротником или с отпускным билетом в ненадлежащем месте и т.п., а иных или вовсе не отдававших офицерам чести или отдававших ее не вовремя и не с надлежащей исправностью, в особенности в вечернее время, объявляю по заведениям, что впредь каждый недосмотр в форме или малейшее отступление от правил порядка и дисциплины, установленных в военно-учебных заведениях, лишает воспитанника, в том виновного, права на отпуск со двора на неопределенное время…» (Приказ Главного начальника военно-учебных заведений. 7 сентября 1848 г. № 996).
[700] Приказ по военному ведомству. 10 марта 1877 г. № 88.
[701] РГВИА. Ф. 725. Оп. 15. Д. 10. Л. 7 – 7 об.

офицерам своей гимназии; б) не становясь во фронт – всем военным штаб- и обер-офицерам и своим воспитателям (в том числе имеющим гражданские чины). Таким образом, в военных гимназиях, созданных на базе общих классов расформированных в 1863-1864 гг. кадетских корпусов, правила для отдания чести воспитанниками появились лишь к концу 1870-х гг.

В 1877 г. были приняты правила обращения к офицерам юнкеров и воспитанников военных гимназий. Находясь в строю, юнкера и военные гимназисты, как и нижние чины, отвечали на приветствие начальника с прибавлением соответствующего его чину титула («Ваше превосходительство», «Ваше высокоблагородие»). При одиночном же обращении титул использовался лишь по отношении к генералам. К штаб- и обер-офицерам юнкера обращались по чину («господин полковник», «господин капитан»). Воспитанники военных гимназий могли при обращении к своим воспитателям и преподавателям называть их по имени и отчеству[702].

Правила отдания воинской чести, адресованные военным гимназистам, не были идеальны и постоянно дорабатывались. Так, в 1878 г. один из воспитанников военной гимназии не отдал честь главному врачу Красносельского гвардейского военного госпиталя на том основании, что в правилах, напечатанных на отпускном билете, не сказано ничего о военных врачах. Директор гимназии, имея в виду приказ военного министра от 10 марта 1877 г. за № 88, в котором говорилось об отдании чести нижними чинами, приказал воспитанникам отдавать честь военным врачам. Были разногласия и относительно отдания чести прикомандированными к военным гимназиям нижними чинами гражданским воспитателям – неотдание чести педагогам дискредитировало их в глазах учеников.

В 1879 г. правила отдания чести воспитанниками военных гимназий стали выглядеть следующим образом. Воинская честь, как и прежде, отдавалась двумя способами: «1) отдающий честь становится во фронт, прикладывая руку к козырьку шапки, и провожает проходящего начальника глазами; 2) отдающий честь проходит мимо начальника, не становясь во фронт, но прикладывает руку к ко-

[702] Там же. Л. 25 – 26 об.

зырьку шапки и смотрит начальнику в глаза»[703]. Честь должна была отдаваться при встрече за 4 шага; опускать руку и продолжать движение ученик мог после того, как начальник удалялся от него на 1 шаг. Если начальник шел в стороне, то честь отдавалась в том случае, если он мог заметить отдающего честь и ответить ему. Если начальник обгонял гимназиста, то ученик прикладывал руку к козырьку или становился во фронт тогда, когда начальник равнялся с ним. Обгонять лицо, которому для отдания чести полагалось становиться во фронт, военные гимназисты не имели права. Если военный гимназист ехал в экипаже, то он отдавал честь, прикладывая руку к козырьку шапки и смотря в глаза начальнику.

Учащиеся военных гимназий должны были отдавать честь, становясь во фронт: 1) всем членам императорского дома, 2) всем генералам, 3) штаб- и обер-офицерам своей гимназии и 4) знаменам и штандартам. Не становясь во фронт, гимназисты отдавали честь: 1) всем штаб- и обер-офицерам, 2) всем служившим в гимназии гражданским чинам, 3) всем военным врачам. Штаб- и обер-офицерам иностранных армий, носившим военную форму, отдавалась честь, присвоенная соответствующим чинам русской армии.

Генерал-лейтенант Н.А. Махотин, в 1881 г. занявший пост главного начальника военно-учебных заведений, ревностно следовал установке военного министра П.С. Ванновского на «подтягивание» гимназистов. Большое внимание было обращено на внешний вид учащихся, их выправку и отдание чести. Офицеры и педагоги должны были внушить своим подопечным, что необходимо дорожить правом ношения военной формы, неукоснительно следовать всем установленным правилам, в том числе и правилам отдания чести.

В 1885 г. последовало уточнение правил внутреннего порядка в кадетских корпусах, преследовавшее цель «придания сему порядку большей стройности и однообразия». За порядком в классе в отсутствие преподавателя должны были следить особые старшие по классам, назначавшиеся из лучших воспитанников в каждом классном отделении. При посещении роты любым лицом, носящим воен-

[703] РГВИА. Ф. 725. Оп. 20. Д. 10. Л. 37 об.

ный мундир, кадеты должны были вставать и стоять по стойке «смирно» до получения разрешения сесть. Правила обращения к штаб- и обер-офицерам были несколько изменены: даже в строю кадеты, отвечая на приветствие, должны были называть их не по титулу («ваше высокоблагородие», «ваше благородие»), а по чину.

К 1890 г. были составлены новые правила для отдания чести кадетами кадетских корпусов. В их основу были положены параграфы 351 и 364 Устава гарнизонной службы издания 1890 г.[704] Таким образом, кадеты должны были отдавать честь, становясь во фронт, членам императорской фамилии, иностранным государям и их наследным принцам, всем генералам и адмиралам (в т.ч. находившимся в запасе), начальнику гарнизона, всем штаб-офицерам своего корпуса и своему ротному командиру, а также знаменам и штандартам. Круг лиц, которым полагалось отдавать честь, не становясь во фронт, был существенно расширен и включал в себя: всех штаб- и обер-офицеров гвардии, армии и флота, военных врачей, отставных генералов и адмиралов, запасных и отставных штаб- и обер-офицеров в военной форме, подпрапорщиков, эстандарт-юнкеров, подхорунжих и кандидатов на классную должность, дворцовых гренадер, а также вице-фельдфебелей и вице-унтер-офицеров, которым кадеты были подчинены. Кроме того, полагалось отдавать честь гражданским преподавателям своего корпуса.

В 1900 г. новым Главным начальником военно-учебных заведений был назначен великий князь Константин Константинович. Он предпринял попытку вдохнуть новую жизнь в официальные воинские традиции, сообщив им нечто возвышенно-рыцарское. По мнению великого князя, юнкера и кадеты были обязаны следовать требованиям уставов осмысленно и по своей доброй воле, а не под воздействием страха наказания. В своем приказе по военно-учебным заведениям № 70 от 9 сентября 1904 г. великий князь писал: «Всякий паж, юнкер или кадет, нося славный военный мундир и готовясь к высокому званию офицера-защитника Престола и Отечества, обязан дорожить добрым именем, как лично своим, так и в

[704] Циркуляр по военно-учебным заведениям от 5 июля 1893 г. № 37 // Педагогический сборник. 1893. № 9. Ч. офиц. С. 107.

особенности воспитывающего его заведения и должен помнить, что не уважает самого себя и унижает достоинство своего училища или корпуса, если не отдает чести, кому следует, или отдает ее невнимательно и небрежно. Лучше лишних 10 раз отдать честь кому не положено, чем один раз прозевать. Желал бы, чтобы каждый воспитанник военно-учебных заведений гордился и щеголял лежащей на нем почетной обязанностью молодцом отдавать честь носящим звание, к коему сам подготовляется»[705].

В декабре 1905 г. по инициативе великого князя Константина Константиновича было введено правило взаимного приветствия воспитанниками военно-учебных заведений друг друга. Оно являлось логическим продолжением объявленного в приказе по военному ведомству 1905 г. № 786 Высочайшего повеления о том, чтобы нижние чины всех званий, при взаимных встречах, приветствовали друг друга, прикладывая руку к головному убору. Отныне юнкера, пажи и кадеты должны были при встречах, «без различия званий и какого бы то ни было старшинства»[706], отдавать друг другу воинскую честь. В окончательном варианте «правила взаимного приветствия молодых людей, учащихся в военно-учебных заведениях» были закреплены приказом по военному ведомству № 176 от 9 марта 1906 г.: «Воспитанники юнкерских и военных училищ (в том числе специальных и военно-топографического), Пажеского Е.И.В. корпуса, кадетских корпусов (в т.ч. и Морского), Морского инженерного училища императора Николая I и Вольской военной школы, без различия званий и независимо какого бы то ни было старшинства, при встречах взаимно приветствуют друг друга прикладыванием руки к головному убору»[707].

Приказами по военному ведомству от 1905 г. № 786 и 1910 г. № 220 правила о взаимном отдании чести были распространены и на гражданских чиновников военного ведомства. В 1911 г. в воспитательных целях эти правила предполагалось распространить на кадет и юнкеров (последние почему-то не были прирав-

[705] Приказ по военно-учебным заведениям от 9 сентября 1904 г. № 70 // Педагогический сборник. 1904. № 12. Ч. офиц. С. 89-90.
[706] РГВИА. Ф. 725. Оп. 43. Д. 267. Л. 2 об.
[707] Там же. Л. 14.

нены в данном отношении к нижним чинам армии), однако из имеющихся материалов не следует, что эта инициатива имела какое-либо продолжение.

Поскольку в 1917 г. нарочито образцовое отдание чести офицерам стало одной из форм выражения негативного отношения кадет и воспитанников гимназий военного ведомства к новой власти, приказом Главного комиссара военно-учебных заведений от 17 июля 1918 г. № 13 отдание чести было запрещено: «Воспитанникам гимназий следует внушить, что становление во фронт и отдание чести, как особым приказом давно отмененные, следует оставить и от этого отвыкать. Предлагаю категорически требовать от воспитанников исполнения этого приказа»[708].

Подытоживая сказанное выше, можно прийти к следующему заключению. Отдание воинской чести ставило военных гимназистов, кадет и пажей общих классов в один ряд с военнослужащими, формировало необходимое чувство воинской солидарности, приучало к разумному чинопочитанию и дисциплине. Однако воспитательные возможности данной традиции не были полностью использованы. Отсутствие должной правовой регламентации, недостаточная продуманность локально создаваемых правил, негативное влияние дурного обычая щеголять неотданием чести – все это препятствовало формированию у воспитанников уважения к тем, кто, как и они, носил военную форму. Ряд грамотных шагов, направленных на исправление сложившейся ситуации, был сделан в начале XX в., однако эффект новых правил чинопочитания проявился в полной мере лишь в 1917 г., и то под влиянием экстраординарных условий.

3.5. Корпусные и училищные праздники, балы и вечера

Праздники занимали большое место в жизни воспитанников военно-учебных заведений. С одной стороны, они вносили разнообразие в казарменный быт закрытого заведения и отвлекали обучающихся от рутины повседневных проблем. С другой стороны, общая подготовка к праздничным дням и их совме-

[708] Дарков С.К. Кадетские корпуса. Суворовские военные училища. Продолжение традиций? М., 2011. С. 102.

стное проведение сплачивали кадет и юнкеров, позволяли проявиться их творческим и коммуникативным способностям. Наконец, специфически-военная составляющая праздников имела немаловажное для будущих офицеров воспитательное значение.

До 1850-х гг. организации праздничного досуга воспитанников почти не уделялось внимания. Время, свободное от церковных служб, кадеты были вынуждены заполнять по своему усмотрению – играми, чтением, а чаще шалостями. Лишь в канун военно-учебной реформы 1860-х гг. руководство кадетских корпусов стало обращать внимание на продуктивное проведение воспитанниками праздников, особенно продолжительных. Например, во 2-м кадетском корпусе в 1860-е гг. устраивались детские праздники, в программу которых входили и «…«турниры, где одетые в бумажные рыцарские доспехи кадеты сражались деревянными мечами…; и «охота» на манекенов различных птиц и зверей, ютившихся в соответственной живописной обстановке; и различные «характерные танцы», лезгинка и пляска в мешках… и пение русских и чуть ли не тирольских песен и, наконец, маленький двухсторонний маневр»[709].

Особенно пристальное внимание на продуктивное заполнение праздничного досуга стало обращаться в военных гимназиях, воспитанников которых старались избавить от грубых кадетских привычек. Именно тогда на рождественских праздниках стали устраиваться елки, катания с ледяных гор на санках и коньках, танцевальные вечера, поездки в театры, домашние театральные представления, а также демонстрация естественнонаучных опытов. Усилия по доставлению учащимся праздничных развлечений были особенно активны в провинциальных военных гимназиях, воспитанникам которых было почти некуда пойти в отпуск.

В военных и юнкерских училищах в течение продолжительных праздников для юнкеров устраивались литературные чтения с волшебным фонарем, музы-

[709] Звездкин Н.П. Из воспоминаний старого однокашника // Кадет-михайловец. Литературный популярно-научный журнал 2-го кадетского Его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича корпуса. № 2. 15 марта 1908 г. С. 39.

кальные и танцевальные вечера, а также спектакли и концерты духовного и светского пения[710].

В пореформенных корпусах на рождественских праздниках, кроме елки, в младших классах устраивались публичные чтения стихов и басен в лицах, а в старших классах – постановки классических произведений или отрывков из них. В 1893 г. устройство танцевальных вечеров в кадетских корпусах, а также театральных представлений в старших классах было запрещено.

В начале XX в. на рождественских каникулах в кадетских корпусах обычно устраивались елки, детские танцевальные вечера и домашние спектакли, кадет поочередно водили в театр, устраивали воспитательские чтения и даже приглашали к ним артистов и фокусников.

Однако гораздо большее значение, чем «табельные» праздники (представлявшие собой, по сути, просто неучебные дни, в которые воспитанникам давался улучшенный обед и для их развлечения разрабатывалась скромная культурная программа), имели специфические военно-учебные праздники – храмовые, корпусные (училищные) и ротные.

Традиция праздновать корпусные и храмовые праздники появилась в XVIII в. Так, в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе корпусной праздник был установлен в 1732 г., а храмовый – в 1767 г.

Храмовые (престольные) праздники были приурочены к событиям, в честь которых освящались храмы. Программа празднования храмового праздника включала в себя: накануне его – всенощную и панихиду по всем убитым и умершим наставникам и воспитанникам, а в день праздника – литургию с торжественным молебствием и церковный парад. В корпусах лучшим кадетам в этот день вручались похвальные листы и книги. Вечером кадет обычно водили в театр или устраивали для них танцы. В военных и юнкерских училищах юнкерам обычно давался улучшенный обед. Если храмовый праздник приходился на лагерное время, то устраивалась скромная иллюминация с помощью фонариков, бараки укра-

[710] Бобровский П. Двадцатипятилетие юнкерских училищ (20 сентября 1864 по 1889 г.). СПб., 1889. С. 31.

шались зеленью и транспарантами, а вечером сжигался фейерверк и организовывались танцы.

Корпусной (училищный) праздник был главным и самым торжественным праздником в жизни каждого военно-учебного заведения, наглядно демонстрировавшим связь однокашников, принадлежавших к разным поколениям. В большей части корпусов и училищ он был приурочен к дате основания заведения. Однако в некоторых корпусах (например, Николаевском, Ярославском, Сибирском) сложилась традиция праздновать не день основания заведения, а храмовый праздник.

Церемониал празднования «рядовых» (неюбилейных) корпусных праздников всегда был достаточно скромным. Во второй половине XIX – начале XX в. программа корпусных праздников обычно включала в себя торжественную литургию, парад, торжественный акт, на котором кадетам раздавались награды, и праздничный обед. Праздник завершался увольнением воспитанников в отпуск. Иногда устраивался концерт или небольшой литературный вечер. Лишь в периоды, когда не действовал запрет на организацию балов, торжества в честь корпусного праздника приобретали значительный размах: помещения корпуса декорировались, приглашались гости. Подготовка к корпусному празднику отнимала много времени и сил независимо от того, должен ли он был быть скромным или роскошным. Кадеты приводили в порядок парадную форму, репетировали программу концерта, украшали актовый зал к предстоявшему танцевальному вечеру или балу.

В военных и юнкерских училищах программа училищного праздника обычно включала в себя молебен, парад, торжественный обед и танцевальный вечер. В Константиновском артиллерийском училище празднование дня основания Дворянского полка носило торжественно-религиозный характер и не было сопряжено с какими-либо развлечениями. В программу училищного праздника «константиновцев» входили божественная литургия, благодарственное молебствие и панихида по покойным императорам и великим князьям Константине Павловиче и Михаиле Павловиче, а также по всем убитым и умершим от ран воспитанникам заведения. Непременным атрибутом праздника Константиновского училища яв-

лялось пение традиционной песни Дворянского полка («Братья, все в одно моленье»)[711]. Лишь в Михайловском артиллерийском училище и Морском корпусе торжества в честь праздника заведения всегда отличались роскошью.

Однако в большинстве корпусов и училищ главное внимание уделялось не форме праздника, а его содержанию. Было заметно стремление к тому, чтобы корпусной праздник привлек в стены заведения не блестящую публику, чуждую заведению, а как можно большее число его выпускников. В начале XX в. по инициативе генерала от артиллерии П.Е. Кеппена на товарищеские обеды выпускников Полоцкого кадетского корпуса стали приглашать и юнкеров – бывших полочан, которые, не принимая участия в праздновании корпусного праздника, в течение двух лет оставались «как бы отчужденными от связи с родным корпусом»[712].

В эпоху Николая I сложилась традиция празднования корпусных юбилеев. Юбилейные торжества были призваны являться рекламой военно-учебных заведений, обращенной к дворянству. Торжественное подведение итогов деятельности того или иного корпуса, достигнутых ко дню юбилея, чествование бывших начальников и заслуженных педагогов, речи выпускников, ставших сановниками и генералами, роскошное убранство помещений, блестящий бал – все это должно было надолго запомниться всем участникам церемонии, в первую очередь воспитанникам и их родственникам.

Первое юбилейное торжество, приуроченное к столетию 1-го кадетского корпуса, состоялось в Петербурге 17 февраля 1832 г. Значимость события была подчеркнута тем, что церемония прибивки корпусного знамени состоялась в Концертном зале Зимнего дворца и в ней принял личное участие император. Кадетский парад был дан на Румянцевской площади. В тот же день в Зимний были приглашены на торжественный обед кадеты пятидесяти выпусков, с 1782 по 1832 г. включительно[713], а вечером в Эрмитажном театре состоялся спектакль. Здание корпуса было роскошно иллюминовано. 18 февраля в корпусе был дан блестящий бал.

---

[711] РГВИА. Ф. 320. Оп. 2. Д. 839. Л. 7 – 7 об., 10-12.
[712] РГВИА. Ф. 725. Оп. 40. Д. 287. Л. 1.
[713] Многие выпускники корпуса, по бедности не имевшие парадных мундиров, не смогли попасть на этот обед (РГИА. Ф. 560. Оп. 7. Д. 589. Л. 26, 29, 57, 59).

В 1852 г. было отпраздновано 100-летие Морского кадетского корпуса. Программа юбилейных торжеств была почти идентична программе празднования 100-летнего юбилея 1-го кадетского корпуса.

Провинциальные кадетские корпуса в николаевскую эпоху имели возможность отпраздновать лишь десятилетние годовщины своего существования. Однако даже весьма скромные юбилейные торжества становились заметным событием в жизни молодых заведений и с нетерпением ожидались жителями губернских городов, не избалованных пышными представлениями.

В 1857 г. были организованы юбилейные торжества по случаю 125-летия со дня открытия 1-го кадетского корпуса. Дата была некруглой, поэтому праздничные мероприятия носили исключительно домашний характер и не выходили за пределы корпусных стен. Пожалуй, это было самое необычное и трогательное празднование корпусного юбилея. Основная программа представляла собой театрализованное представление, рассчитанное на два дня. В одной из корпусных зал была оборудована временная сцена домашнего театра воспитанников, стилизованная под античность: в сени деревьев располагалась изящная колоннада с портиком[714]. Ключевое место в программе занимал «Пролог», написанный бывшим кадетом Ф.Н. Глинкой. Шесть воспитанников, одетые в исторические формы обмундирования, поочередно декламировали стихи, посвященные различным эпохам в истории заведения: царствованиям Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Александра I, Николая I и Александра II. После «Пролога» кадетами разыгрывались три комедии – русская, французская и немецкая – и давался дивертисмент из разных характерных танцев. На третий день в корпусе был дан бал. Наконец, утром четвертого дня празднества состоялась церковная служба в присутствии всех кадет и служащих в корпусе лиц.

100-летний юбилей со дня основания Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса, отпразднованный во 2-м кадетском корпусе в 1862 г., состоялся в соответствии со ставшей традиционной к тому времени программой. Питомец корпуса Н.П. Звездкин, учившийся в то время в первом классе,

[714] Стодвадцатипятилетний юбилей Первого кадетского корпуса. 1732-1857. СПб., 1857. С. 3.

вспоминал: «Бывшие кадеты корпуса, в числе коих были безрукие и безногие воины, в поучение нам представляли собой живой пример доблестной службы царю и отечеству, славную живую летопись подвигов старых наших однокашников»[715]. На корпусном балу присутствовали Александр II и ряд членов императорской фамилии. Почетный караул был облачен в исторические формы обмундирования.

В 1860-70-е гг., после военно-учебной реформы, традиция празднования юбилеев кадетских корпусов была прервана. Однако 50-летний юбилей Михайловского артиллерийского училища в 1870 г. был отпразднован с большим размахом. Торжества продолжались несколько дней и включали в себя панихиду у гроба великого князя Михаила Павловича, официальный акт, на котором читался отчет о деятельности училища за истекшее 50-летие и многочисленные поздравительные адреса, а также завтрак в портретном зале в присутствии императора. В 1873 г. было отмечено и 50-летие Николаевского кавалерийского училища, причем в торжествах приняли участие Александр II, великие князья Константин Николаевич и Николай Николаевич, военный министр Д.А. Милютин и Главный начальник военно-учебных заведений генерал-адъютант Н.В. Исаков.

В 1880-е гг., вслед за восстановлением кадетских корпусов, была возрождена и традиция празднования их юбилеев. В соответствии с действовавшими в то время законами, празднование юбилеев государственных учреждений допускалось по истечении 50-летнего их существования[716]. В конце XIX в. провинциальные корпуса, основанные в николаевское царствование, стали праздновать свои полувековые юбилеи.

Начиная с празднования в 1885 г. 50-летия со дня основания Полоцкого корпуса стал складываться порядок юбилейных торжеств в провинциальных корпусах. Корпусное здание ко дню праздника декорировалось зеленью, гирляндами, флагами и картинами, в коридорах и залах размещались венки, арматуры из оружия, транспаранты. Накануне юбилейной даты в корпусном храме служилась па-

[715] Звездкин Н.П. Из воспоминаний старого однокашника // Кадет-михайловец. Литературный популярно-научный журнал 2-го кадетского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича корпуса.15 марта 1908 г. № 2. С. 40.
[716] Дополнение к ст. 663 т. III Свода законов Российской империи изд. 1876 г. по продолжению 1890 г.

нихида по умершим императорам, великому князю Михаилу Павловичу, возглавлявшему военно-учебное ведомство во время основания губернских корпусов, начальникам и педагогам корпуса и его бывшим кадетам. Вечером того же дня служилась всенощная. Праздничный день начинался служением торжественной литургии, на которой присутствовали почетные гости и выпускники заведения, и молебствием с провозглашением многолетия императору и всему августейшему дому, начальникам, педагогам, учащимся и всему российскому победоносному воинству. Затем, после завтрака, следовал торжественный акт, во время которого читались краткий исторический очерк заведения, поздравительные телеграммы, полученные корпусом от имени императора, военного министра, командующих войсками округов, наиболее известных выпускников и т.п., принимались депутации. Торжество заканчивалось церемониальным маршем строевой роты корпуса, к которому присоединялись и бывшие кадеты. Затем следовал праздничный обед, а вечером – концерт, на котором кадетами исполнялись произведения известных композиторов, народные и военные песни. Концерт плавно перетекал в бал. По такой схеме праздновались юбилеи и других провинциальных корпусов: Полоцкого (1885 г.), Петровского-Полтавского (1890 г.), Орловского-Бахтина (1893 г.), Михайловского-Воронежского (1895 г.). Такой же порядок празднования был избран и 2-м Московским кадетским корпусом при праздновании 50-летнего юбилея в 1899 г. Различия сказывались лишь в деталях убранства и в программе концерта.

Юбилейные торжества надолго запомнились всем их участникам, однако наибольшие впечатления они произвели на кадет, как будто попавших из спален и классов в сказочный мир. Слава русской армии, честь родного заведения, товарищеская спайка – все это предстало перед их изумленными глазами в блеске золотых эполет и праздничной иллюминации. Один из кадет-михайловцев так описывал свои эмоции: «Быть свидетелем такого торжественного единения товарищей, как были мы, молодые кадеты, выпадает на долю немногих счастливцев! С полной осязательностью почувствовали мы, как дорог нам воспитывающий нас корпус, до какой степени эти стены, эта колыбель нашей юности близка нашему

сердцу и в какой мере мы, кадеты, родственны между собой на всю нашу жизнь. Это мы видели и глубоко поняли из отношений между собой собравшихся на торжество юбилея старых «Михайловцев»[717].

В начале XX в. начался настоящий юбилейный бум. Морской и 2-й кадетский корпуса отметили свои 200-летние юбилеи, 1-й кадетский корпус – 175-летний, Пажеский корпус – 100-летний. По мысли великого князя Константина Константиновича, грандиозные юбилейные торжества должны были поднять престиж военного образования, показать значительный вклад кадетских корпусов и военных училищ в подготовку офицерского корпуса, продемонстрировать верность военно-учебных заведений лучшим традициям военной школы, заложенным еще в XVIII в. Большое внимание уделялось эстетической составляющей празднеств (декорированию корпусных и училищных помещений, подготовке к концерту и балу). Наглядной иллюстрацией различных исторических эпох в жизни заведения были так называемые «исторические взводы», в состав которых входили кадеты и юнкера, облаченные в исторические формы обмундирования, вооруженные оружием, соответствующим определенной эпохе и обученные соответствующим ружейным и строевым приемам. Во время торжественных церемоний в строй выносились все знамена, имевшиеся в заведениях.

75-летние юбилеи успели отпраздновать на рубеже XIX-XX в. самые старые провинциальные кадетские корпуса (Оренбургский-Неплюевский, Полоцкий). Николай II не сочувствовал празднованию таких юбилеев; средств на их проведение, как правило, не отпускалось. Порядок их празднования был усеченным, как и у 25-летних юбилеев: всенощная, литургия с молебствием, чтение краткой исторической записки, общая скромная трапеза сотрудников и кадет, домашний танцевальный вечер[718].

Однако домашний характер юбилейных торжеств лишь подчеркивал теплоту семейных отношений между бывшими однокашниками: «…в зале царило необыкновенное оживление – все говорили, жали друг другу руки, целовались…

[717] Зверев С.Е. Юбилейный сборник Михайловского Воронежского кадетского корпуса. 1845-1895. Воронеж, 1898. С. 38.
[718] РГВИА. Ф. 725. Оп. 36. Д. 7. Л. 110 – 110 об.

Чувствовалось, что собрались члены одной семьи, питающие друг к другу самое искреннее расположение. Разница возраста, чинов, положения, рода оружия, форм сглаживалась – тут были только полочане. И как-то хорошо было на душе, тепло…»[719]

Торжественная демонстрация итогов работы корпусов и училищ за определенный период и создание чувства преемственной взаимосвязи между разными поколениями питомцев военной школы – вот главные задачи, которые пытались решить организаторы юбилейных мероприятий. Праздничные торжества, в которых принимали участие выпускники заведений, имели большое воспитательное значение для кадет, ощущавших свою живую связь с ними и сознававших свою обязанность продолжать начатое прославленными предками дело. Честь родного заведения, товарищеский союз, воинская доблесть уже не были для них абстрактными понятиями.

Кроме традиции празднования юбилеев заведений, определенное распространение получила и традиция празднования юбилеев отдельных лиц и знаменательных событий. Например, в 1-м кадетском корпусе праздновались 50-летие творческой деятельности Н.И. Греча и 25-летие пребывания Я.И. Ростовцева на посту начальника штаба военно-учебных заведений[720]. В 1892 г. в масштабах всего военно-учебного ведомства было отпраздновано 500-летие со дня смерти преподобного Сергия Радонежского, причем помимо чисто религиозных церемоний были устроены и беседы, в которых говорилось о деятельности подвижника и событиях современной ему эпохи. В 1908 г. в Александровском военном училище праздновалось 100-летие со дня рождения поэта А.В. Кольцова.

Большое внимание уделялось юбилеям войн и сражений. В 1908 г. отмечалось 200-летие битвы у Лесной, в 1909 г. – 200-летие Полтавского сражения. В 1912 г. было широко отпраздновано 100-летие Отечественной войны. В программу юбилейных торжеств входили беседы и чтения, в ходе которых воспитанники

---

[719] Празднование 75-летия существования Полоцкого кадетского корпуса. 6 декабря 1910 г. Составил штатный преподаватель корпуса Ив. Долгов. Полоцк, 1911. С. 14.

[720] Аурова Н.Н. Атмосфера и быт в кадетских корпусах Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. С. 193.

знакомились не только с ходом военных действий, но и с ключевыми событиями и главными деятелями соответствующей эпохи; в 1912 г. были организованы поездки групп кадет и юнкеров на Бородинское поле.

Однако преимущественное внимание уделялось юбилейным датам, связанным с Домом Романовых. Так, в Петровской-Полтавской военной гимназии в 1872 г. с большим размахом был отмечен 200-летний юбилей Петра Великого, причем юбилейный акт имел характер музыкально-литературного представления. В 1880 г. в масштабах всего военно-учебного ведомства праздновалось 25-летие царствования Александра II. Программа последнего праздника была скромной и включала в себя божественную литургию, благодарственный молебен, церковный парад, чтение соответствующих отрывков из «Исторического очерка военно-учебных заведений» и праздничный обед для воспитанников[721]. В 1884 г. также в масштабах всего военно-учебного ведомства было отпраздновано совершеннолетие наследника цесаревича Николая Александровича. В заведениях были устроены церковные парады и торжественные обеды. В 1898 г. в честь столетия со дня рождения великого князя Михаила Павловича в кадетских корпусах были отслужены всенощные, заупокойные литургии и панихиды, воспитанникам был прочтен очерк о жизни и деятельности великого князя, а затем, перед увольнением в отпуск, был дан улучшенный обед. Наконец, в 1913 г. во всех военно-учебных заведениях было отпраздновано 300-летие царствования дома Романовых. После торжественных литургий и парадов в военно-учебных заведениях были организованы юбилейные чтения, целью которых было «показать воспитанникам, как в течение трех веков венценосные вожди из Дома Романовых своими неисчислимыми заботами и безмерными трудами возвеличивали Россию, ведя ее по пути славы и могущества»[722]. Чтения включали в себя отрывки из произведений, посвященных воцарению династии Романовых и основным моментам русской истории; в их подготовке и проведении принимали активное участие сами кадеты и юнкера.

[721] РГВИА. Ф. 725. Оп. 18. Д. 2. Л. 4 об.
[722] Приказ по военно-учебным заведениям. 17 января 1913 г. № 5.

Ротные праздники стали появляться в XIX в. Их празднование было достаточно скромным и сводилось к служению молебна, улучшенному обеду (не во всех заведениях) и небольшим развлечениям (катанию на катке под музыку, танцам под рояль, посещению цирка). От учебных занятий кадеты и юнкера, как правило, не освобождались, и лишь во 2-м кадетском корпусе в строевой роте в день его ротного праздника уроков не было.

В Александровском военном училище в 1908 г. был установлен новый порядок празднования ротных праздников – стали устраиваться концерты и танцы, на которые приглашались не только юнкера других рот, но и публика. По мнению руководства училища, «…семейный характер вечера, впервые устроенный в день ротного праздника, придал большее значение празднику и окажет свое влияние на укрепление теплых чувств как к своим ротам, как в данном случае, так и тогда, когда другие роты будут праздновать свои праздники»[723]. Ротные праздники александровцев быстро превратились в роскошные балы.

В начале XX в. в корпусах стали праздноваться Дмитриевские субботы, когда поминались все убитые и умершие от ран выпускники заведений. В 1912 г. во всех военно-учебных заведениях был отмечен праздник, посвященный ордену Св. Великомученика и Победоносца Георгия.

Однако, несмотря на большое число праздников, жизнь воспитанников кадетских корпусов императорской России была довольно однообразной. Размеренное чередование уроков и других обязательных занятий, кратковременность отпусков, усугубляемая множеством запретов, – все это провоцировало детей, подростков и даже юношей на шалости, порождало грубость нравов, препятствовало приобретению хороших манер. Стремясь разрушить стену, отделявшую кадет от общества, руководство военно-учебных заведений старалось найти возможность хотя бы несколько раз в год «встряхивать» кадет, устраивая в корпусах балы, литературные и литературно-музыкальные вечера. Эта традиция, делавшая кадетские корпуса немаловажными культурными центрами, особенно ценными для провинциальных городов, не только скрашивала жизнь воспитанников и смягчала

[723] Александровец. № 1(№ 9). 1909 г. С. 14.

их нравы, но и знакомила будущих офицеров с обществом, в которое им предстояло вступить через несколько лет.

При Ф.-Е. Ангальте в Сухопутном корпусе по праздникам устраивались рыцарские карусели, маскарады и балы, на которые приглашалась публика. Однако в начале XIX в. эта традиция была забыта. Возобновление традиции организации в кадетских корпусах балов и вечеров относится к 30-м гг. XIX в. В суровую николаевскую эпоху, когда на кадет смотрели как на солдат, эти развлечения отличались спартанским характером и имели вид «домашних танцевальных вечеринок, на которых запросто, без всяких особых приготовлений, кадеты под звуки казенного оркестра из 5-8 музыкантов, танцевали, с 7 до 10 часов, только между собой, причем посторонних гостей вообще не было»[724]. В Морском корпусе даже в день корпусного праздника устраивался достаточно скромный «бал», на котором присутствовали родственники кадет и корпусных офицеров. Барышень было так мало, что кадеты обычно танцевали друг с другом. Зала освещалась восковыми свечами, гостей угощали клюквенным морсом и яблоками. Танцы продолжались максимум до 10 часов вечера.

Еще реже устраивались домашние спектакли, на которых в присутствии приглашенных родственников и знакомых кадет разыгрывались сценки из военного быта. К 50-м гг., по мере развития сети кадетских корпусов и увеличения ассигнований на их нужды, танцевальные вечера и спектакли стали приобретать публичный характер. В первую очередь это относилось к провинциальным заведениям, бывшим заметными социокультурными доминантами губернских городов. Так, в Орловском-Бахтина кадетском корпусе в это время, помимо традиционных кадетских спектаклей, стали устраиваться живые картины и балы, которые охотно посещали сливки орловского общества. Балы рассматривались не только как развлечение, но и как средство проверки того, насколько воспитанники усвоили правила поведения в обществе и овладели светскими манерами.

[724] Об устройстве в военно-учебных заведениях спектаклей и увеселительных вечеров // Педагогический сборник. 1893. № 7. Ч. офиц. С. 64.

После преобразования в середине 60-х гг. XIX в. кадетских корпусов в военные гимназии организация балов и танцевальных вечеров была признана неуместной в педагогическом отношении. Публичные литературные вечера также были запрещены[725]. Однако, поскольку обучению музыке в военных гимназиях придавалось большое значение и в каждом заведении были созданы собственные оркестры, появилась традиция превращать в музыкальные вечера годичные испытания по пению и музыке, которые с каждым годом приобретали все более и более парадный характер. В 1872 г. Главное управление военно-учебных заведений циркулярными предписаниями предостерегло гимназии «от увлечений» в этом отношении[726]. Однако «увлечения», особенно в провинции, продолжались, так как танцевальные вечера были единственным средством доставить воспитанникам приятное и безвредное развлечение. Вскоре танцевальные вечера переросли в настоящие балы, которые обычно устраивались на рождественских праздниках. Подготовка к ним отнимала много времени и сил. В течение нескольких дней заведения полностью преображались: классы превращались в гостиные, буфеты и дамские комнаты убирались гирляндами зелени и растениями, актовый зал освобождался от мебели и украшался флагами, цветами и растениями[727]. Непременными участницами бала были ученицы местных женских институтов. Гимназисты, в свою очередь, ездили на балы, даваемые в институтах. В провинциальных юнкерских училищах (например, в Чугуевском) балы устраивались несколько раз в год в дни училищных и ротных праздников и пользовались большой популярностью среди местной публики. Для юнкеров эти балы являлись действенным средством обучения хорошим манерам и правилам поведения в обществе.

Кроме балов, со временем возобновилось устройство и литературно-музыкальных вечеров. Программа их включала в себя спектакли, чтение поэтических произведений, игру на музыкальных инструментах и хоровое пение, а также танцы. Приглашалась публика, в первую очередь родители и родственники уче-

[725] Карцов П.П. Исторический очерк Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса и Нижегородской военной гимназии (ныне Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус). Сост. к 50-летнему юбилею корпуса. 1834-1884. СПб., 1884. С. 171.
[726] Об устройстве в военно-учебных заведениях спектаклей и увеселительных вечеров // Педагогический сборник. 1893. № 7. Ч. офиц. С. 65.
[727] Барсуков Е.З. Мое военное прошлое. Воспоминания // НИОР РГБ. Ф. 218. 307-1. Л. 25.

ников. Хотя эти «вечера» вносили в жизнь воспитанников необходимое разнообразие и приучали их держаться в обществе, они устраивались на средства самих учеников (вернее, их родителей), создавая «поводы к расстройству их товарищеских отношений, поводы к вымоганию денег одними воспитанниками у других, поводы к тяжелому сознанию неимущими детьми их бедности и т.п.»[728]. Кроме того, публики являлось так много, что воспитанники в буквальном смысле слова оттеснялись к стенам. Выбор пьес далеко не всегда был удачен, исполнялись они порой неумело.

Поэтому в 1883 и 1886 гг. кадетским корпусам, созданным на базе военных гимназий, вновь было рекомендовано придать развлечениям кадет исключительно домашний характер. Однако эти рекомендации не возымели действия: к тому времени балы и праздники превратились в своего рода спорт, и каждое заведение стремилось блеснуть каким-нибудь новшеством, совершенно забывая о кадетах, которые на этих мероприятиях оттеснялись в сторону блестящей публикой и играли роль то ли статистов, то ли прислуги. В 1893 г. педагогический комитет Главного управления военно-учебных заведений пришел к выводу, что танцевальные вечера необходимо оставить лишь в военных училищах; в кадетских же корпусах они были безусловно запрещены. Театральные представления в корпусах были сохранены лишь в младших классах; доступ посторонней публики на них также был закрыт.

Поэтому в конце XIX в. традиция организации балов в кадетских корпусах затухает. Однако Пажеский и Морской корпуса, а также военные училища не дали этой традиции окончательно исчезнуть. Бал, даваемый Морским корпусом 6 ноября, в день праздника заведения, был заметным культурным событием столицы. Он представлял собой настоящее волшебство и надолго запоминался всем его участникам: «Яркий свет люстр и тысячи электрических лампочек, гирлянды разноцветных фонариков отражаются в стенных зеркалах, играют тысячами огней на золоте и серебре военных мундиров, на брильянтах и украшениях молодых дам, на свежих личиках барышень, на очаровательных взорах, взглядах, улыбках... Гул

[728] Нуо К. По поводу «вечеров» в N гимназии. Заметка // Педагогический сборник. 1879. № 11. Ч. неофиц. С. 1246.

тысячи голосов превращается в какое-то сплошное жужжание – и все новые и новые волны вливаются в большую залу, в море сказочного огня»[729]. Блестящими были балы в Михайловском артиллерийском училище: «большой», даваемый 25 ноября, и «весенний», который устраивался после экзаменов, перед выходом юнкеров в лагерь[730].

Со временем запрет на устройство балов в корпусах стал нарушаться: так, в 1913 г. в Одесском корпусе был проведен масленичный бал в стиле «Руслана и Людмилы»[731]. В Псковском кадетском корпусе балы устраивались трижды в год (на масленицу, 14 ноября и 16 декабря) с большим размахом: «Помещения 1-й и 2-й рот превращались в артистически убранные танцевальные залы, каждый со своим оркестром, от стоявших в Пскове пехотных полков… классы же превращались в гостиные разных эпох и стилей, в зимние сады с множеством зелени и уютных, прохладных уголков, где так хорошо и приятно было отдохнуть, а то и поухаживать»[732]. Балы, которые организовывались в Донском кадетском корпусе, считались лучшими балами в Новочеркасске, и каждый хотел попасть на них.

Литературно-музыкальные вечера в кадетских корпусах продолжали устраиваться и после запрета балов. По мнению педагогов, подготовка к вечерам представляла «одно из самых полезных и благородных занятий для наполнения досуга»[733], и дети ожидали литературного вечера с нетерпением. Пение и музыка являлись неотъемлемой частью вечеров, придавая им разнообразие и привлекая к участию в вечере большое число кадет. Педагоги выражали пожелания, чтобы вечера подобного рода устраивались в корпуса как можно чаще, а также чтобы музыка и танцы не «заглушали» собственно литературную часть мероприятий.

Несмотря на многочисленные трудности организации в военной школе балов и литературно-музыкальных вечеров, несмотря на то, что эта традиция неоднократно прерывалась по решению руководства, воспитательная роль этих мероприятий была высока. Кадеты и юнкера России в начале XX в. были в массе своей

[729] Галич-Гончаренко Ю.И. Отрывок из романа «Звериада» // Морской журнал. 1938. № 10-11. С. 29.
[730] «Хабат». В начале XX века // Михайловцы. Сборник воспоминаний о Михайловских артиллерийских училище и академии и их питомцах. Выпуск 1-й. Белград, 1936. С. 66.
[731] Одесский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус. 1899-1924. Нью-Йорк, 1974. С. 215.
[732] Досуг кадета-псковича. Февраль 1957. Париж. На правах рукописи. С. 21.
[733] Фомин Д. Литературные вечера в кадетских корпусах // Педагогический сборник. 1900. № 12. Ч. неофиц. С. 491.

культурными, развитыми молодыми людьми, по своему кругозору не уступавшими гимназистам и студентам, а зачастую и превосходившими их. Будущие офицеры были хорошо знакомы с литературой и музыкой, умели танцевать и не терялись в светском обществе. Изменился и офицерский корпус, в который они вливались: «бурбонам» вроде капитана Сливы из «Поединка» А.И. Куприна в нем уже не было места.

Подводя итоги, следует сказать, что корпусные и училищные праздники, балы и вечера всегда были заметным военно-культурным явлением, значимым не только для военной школы, но и для армейской среды и общества в целом. Сложившиеся в течение десятилетий неписаные правила организации юбилейных торжеств были призваны подчеркнуть авторитет славных своими традициями военно-учебных заведений, их значительное место в образовательном и культурном пространстве Российской империи. Масштаб мероприятий, внимание к ним со стороны не только руководства военно-учебных заведений и армии, но и императорской фамилии, присутствие выпускников – заслуженных генералов, удостоенных боевых наград, давали необходимый эффект – кадеты и юнкера начинали лучше осознавать свое высокое призвание, видели перед собой живой пример для подражания, меняли свое отношение к учебе и порядкам заведения. Вместе с тем балы и вечера порой устраивались с излишними блеском и роскошью, шедшими вразрез с педагогическими целями военной школы.

Выводы по третьей главе

Официальные традиции подготовки русского офицерского корпуса (форма и погоны, жетоны и нагрудные знаки, знамена и девизы, отдание воинской чести, парады, смотры и иные торжественные церемонии, праздники и балы) были призваны обеспечивать корпоративную связь будущих офицеров с армией, подчеркивать привилегированное положение воспитанников военной школы, воспитывать в них чувство гордости за принадлежность к военному ведомству и готовность достойно продолжать дело славных предшественников.

Военная форма кадет и юнкеров ставила их в один ряд с офицерами, а ее детали (петлицы, галуны, воротники, клапана) являлись зримым свидетельством то-

го, что в будущем воспитанники военно-учебных заведений должны были пополнить ряды русского офицерского корпуса. Погоны были не только знаками различия и средством обеспечения корпоративного единства, но и самой важной частью формы, особенно кадетской. Кадеты должны были заслужить право ношения погон и весьма дорожили этим элементом форменной одежды. Вместе с тем, несмотря на то, что официальной атрибутике уделялось немало внимания, жетоны и нагрудные знаки не стали полноправным элементом внешнего облика кадет и юнкеров. Кроме того, недостаточное изящество и удобство формы побуждало их самовольно вносить изменения в форменную одежду, обзаводиться собственной обувью и предметами обмундирования.

Знамена, пожалование которых военно-учебным заведениям стало традицией еще в XVIII в., стали важным социокультурным элементом подготовки будущих офицеров лишь в начале XX в., когда им был придан статус не только воинской святыни, но и средства воинского воспитания. Гербы и девизы не получили широкого распространения и были второстепенным, факультативным средством подготовки кадет и юнкеров.

Участие воспитанников военной школы в парадах, смотрах, разводах караулов и иных торжественных церемониях было устойчивой традицией. К сожалению, до начала XX в. преимущественное внимание, как и в войсках, уделялось внешним формам ее выражения в ущерб внутреннему содержанию.

Традиция отдания воинской чести также в течение длительного периода существовала лишь формально, в виде механических правил. Пренебрежительное отношение к отданию чести, широко распространенное в армии и особенно на флоте, не могло не проникнуть в среду воспитанников. Ситуацию удалось несколько исправить лишь в начале XX в.

Корпусные праздники, балы и вечера, являвшиеся важными событиями в размеренной жизни будущих офицеров, подчеркивали привилегированный статус военно-учебных заведений, демонстрировали преемственную связь нескольких поколений их выпускников, давали возможность воспитанников видеть перед собой живое воплощение мужества, отваги, самоотверженного служения Отечеству.

Вместе с тем следует отметить, что празднествам зачастую была присуща излишняя зрелищность и пышность, не позволявшая воспитанникам осознать их истинный смысл.

ГЛАВА IV.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ, ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ПОДГОТОВКИ РУССКОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА

4.1. Традиции организации учебной работы в военно-учебных заведениях Российской империи

По мнению Ю.В. Кожухова, первые 150 лет деятельности российских военно-учебных заведений можно назвать «началом поиска путей построения учебной… работы на научно-педагогической основе»[734]. Следует, однако, отметить, что в этот период состояние педагогической работы в отечественной военной школе постоянно менялось; руководители заведений и учителя не ограничивались одним лишь поиском, но и делали достаточно решительные шаги, модифицируя образовательную среду, внедряя новые методики обучения. Предпринимались неоднократные попытки реализации масштабных педагогических проектов, учитывавших социальный заказ, достигались определенные результаты – как положительные, так и отрицательные. Приходится, к сожалению, констатировать и наличие застойных явлений, препятствовавших эффективной организации обучения будущих офицеров.

При Петре I было положено начало традиции утилитарного подхода к военному образованию. Основной целью открытых в его правление учебных заведений являлось снабжение воспитанников некоторой суммой прикладных знаний и умений, в которых нуждался будущий военный инженер, артиллерист, моряк. Фундаментальное общее и военное образование офицеров не рассматривалось как нечто необходимое. Требования, предъявляемые к уровню знаний на выходе, были весьма скромны: выпускник должен был знать лишь то, что от него потребуется на войне. В младших классах Школы математических и навигацких наук изучались чтение, письмо и математические дисциплины (арифметика, геометрия и тригонометрия), а в старших – математика, морские, инженерные и артиллерий-

[734] Кожухов Ю.В. Проблема взаимоотношений между воспитателями и воспитанниками в учебных заведениях закрытого типа: (На материалах кадет. корпусов и воен. гимназий): дис. ... канд. пед. наук. М., 1996. С. 39-40.

ские науки, а также немецкий язык. Обучение в Артиллерийской и Инженерной школе было организовано в прямом соответствии с профилем заведения – воспитанников учили тому, «как управлять пушечным снарядом и как строить европейские крепости»[735]. Нужды общего образования приносились в жертву задачам профессиональной подготовки и по этой причине оказались в пренебрежении. Школы готовили даже не узких специалистов, а ремесленников. Срок обучения не был определен, каждый ученик имел индивидуальную траекторию подготовки. Каких-либо методик обучения не существовало, преобладало копирование и заучивание наизусть.

С именем Петра I связана традиция использования зарубежного педагогического опыта. Оно поначалу было вынужденным – отсутствие собственных преподавателей заставляло приглашать в первые военные школы иностранных учителей. Постепенно создавались условия для целенаправленного использования западных образовательных моделей, адаптированных к российским условиям. В первой половине 1720-х гг. бароном И.Л. фон Люберасом был разработан проект создания «регулярной военной академии», основанный на прусских и шведских военных руководствах и инструкциях. Сознательное обращение к опыту деятельности иностранных учебных заведений (в первую очередь Берлинского кадетского корпуса) относится к середине 1720-х гг.: так, в основу штата кадетского корпуса из бумаг Верховного тайного совета был положен штат Берлинского кадетского корпуса[736]. В Уставе кадетского корпуса, утвержденном в ноябре 1731 г., есть упоминания о Берлинском и Датском кадетских корпусах.

После открытия в 1731 г. Сухопутного кадетского корпуса традиция утилитаризма претерпела некоторые изменения, вызванные тем, что новое заведение должно было одновременно готовить и офицеров, и чиновников. В качестве образца при составлении учебного плана были использованы программы, принятые в Прусском корпусе. Кадеты должны были обучаться «арифметике, геометрии,

---

[735] Глебов П. Артиллерийская школа в царствование императрицы Анны Иоанновны // Артиллерийский журнал. 1862. № XI. С. 622.

[736] Федюкин И., Лавринович М. Сухопутный Кадетский корпус в Санкт-Петербурге (1730-е годы) и его берлинский прообраз // «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М.: Новое издательство, 2015. С. 268.

рисованию, фортификации, артиллерии, шпажному действу, на лошадях ездить и прочим к воинскому искусству потребным наукам»[737]. Цель же «политического и гражданского обучения» вынуждала обучать воспитанников иностранным языкам, истории, географии, юриспруденции, танцеванию, музыке и «прочим полезным наукам». Этот исключительно насыщенный учебный план дал начало традиции вынужденного энциклопедизма, так как кадетский корпус фактически представлял собой не военно-учебное заведение, а дворянский университет. Правда, воспитанников, которые предназначались к гражданской службе и углубленно изучали юриспруденцию и иностранные языки, освобождали от воинских экзерциций и изучения некоторых военных дисциплин.

Курс обучения в корпусе был разделен на 4 класса, однако сроки обучения по-прежнему не были четко определены. Индивидуальная траектория обучения поначалу сохранялась: так, в 1733 г. «из 245 кадетов 18 учили русский язык, 51 – французский, 15 – латинский, 237 – немецкий, танцам училось 110, геометрии – 36, истории – 28, музыке – 39, верховой езде – 20, фехтованию – 47 кадетов»[738]. Однако в 1736 г. она была заменена изучением дисциплин по возрастам, причем изучение военных предметов начиналось лишь в предпоследнем классе, а последний класс был полностью им посвящен. Преподаванию общеобразовательных дисциплин стала отводиться бóльшая роль. Существенное внимание стало уделяться изучению иностранных языков: кадет, не знавших их, размещали в спальнях рядом с носителями языка, а в классах иностранных языков употребление русского языка было запрещено. Однако метод преподавания большинства дисциплин оставался по-прежнему схоластическим, господствовала зубрежка. Негативно сказывался на учебном процессе недостаток учебников и иных печатных руководств. Вошедшая в традицию многопредметность учебного курса, являвшаяся следствием вынужденного энциклопедизма подготовки, повлекла за собой поверхностное прохождение многих дисциплин.

---

[737] Об учреждении кадетского корпуса // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. VIII. 5811.

[738] Грабарь В.К. Вскормленные с копья. Очерки истории детского воинского воспитания. СПб.: Ф-т филологии и иск-в СПбГУ, 2009. С. 126.

При Екатерине II вынужденный энциклопедизм стал энциклопедизмом сознательным. Трансформация традиции была отражена в принятом в 1766 г. уставе Сухопутного шляхетного корпуса. 15-летний курс учения был разделен на пять «возрастов», в каждом из которых кадету надлежало пробыть 3 года. Кадеты должны были изучать 31 учебную дисциплину. Преподаваемые предметы делились на: 1) «руководствующие к познанию прочих наук» (логика, начальные основания математики, красноречие, история, география, русский и иностранные языки и т.п.), 2) «предпочтительно нужные гражданскому званию» (нравоучение, государственная экономия, естественное, всенародное и государственное право), 3) «полезные» (физика, астрономия, навтика (сведение о морском искусстве), натуральная история, воинское искусство, фортификацию и артиллерию, а также химию) и 4) «художества» (рисование, живопись, гравирование, изваяние, скульптура, архитектура, музыка, танцы и фехтование)[739]. Традиция утилитаризма отступила на второй план, но подготовка не приобрела исключительно теоретического характера: выпускникам следовало знать, «как построить крепость или редут, сделать мост на барках или на плотах, сделать шлюз, назначить компамент и прочее»[740]. Однако военные науки занимали весьма скромное место в общем ряду учебных дисциплин, и корпус продолжал оставаться дворянским университетом. Кадетам предоставлялась возможность поступать после окончания корпуса не только на военную, но и на гражданскую службу, причем специализация начиналась в четвертом возрасте. В лучшую сторону изменилась методика преподавания: заучивание наизусть определенных страниц учебных книг и записок было заменено рассказами и объяснениями учителя, опытами, демонстрациями и т.п.; практическое обучение должно было, по мысли Бецкого, иметь приоритет перед теоретическим. Весьма эффективным было изучение иностранных языков посредством общения с надзирателями-иностранцами (так называемыми «аббатами»).

[739] Устав Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса. СПб., 1766. С. 9.
[740] Там же. С. 31.

Стройный план обучения существовал, однако, лишь на бумаге: в результате проверки в начале 1780-х гг. оказалось, что «…воспитанники, достигнув пятого возраста, где бы им все науки оканчивать уж должно, оные вместо того лишь начинают; и что многие другие остаются еще безо всякого преподавания, как то все науки гражданские»[741].

В 1784 г. комиссией под председательством П.В. Завадовского учебный план Сухопутного корпуса был упорядочен. Занятия были распределены по возрастам, в каждом из которых повторялось пройденное в предыдущем возрасте и начиналось изучение новых дисциплин. Преимущественное внимание уделялось математическим дисциплинам, гражданские науки преподавались в объеме, необходимом для будущего офицера. В преподавание был введен элемент состязательности – классы должны были делиться на отделения, и преподавание каждой дисциплины поручалось двум учителям, каждый из которых стремился превзойти другого в демонстрации успехов своих учеников на публичных экзаменах. Кроме того, был составлен список книг, необходимых для преподавания каждой дисциплины. Однако этот план так и не был введен в действие.

Граф Ф.-Е. Ангальт, занявший пост директора Сухопутного шляхетного кадетского корпуса в 1787 г., был сторонником идей Просвещения. Не меняя прежних учебных программ, он постарался превратить учебу из обязанности в интересное и приятное занятие. С этой целью он приказал разложить на столах в рекреационном зале книги и карты, а на каменной стене, окружавшей корпусной сад, «…начертать различные эмблемы и системы мира: Птолемея, Тихо Браге и Коперника, и написать поучительные изречения на русском и иностранных языках, хронологию важнейших событий и происшествий»[742]. Таким образом, эта стена, известная нескольким поколениям кадет под именем «Говорящей стены», стала своеобразным наглядным пособием. Один из воспитанников Ф.-Е. Ангальта, писатель С.Н. Глинка, назвал организованное подобным образом обучение «предва-

[741] РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 74. Ч. 1. Л. 103 об.
[742] ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 1082. Л. 2 об.

рительным, которое, знакомя исподволь с различными предметами, не изнуряет способностей ума и сберегает полноту их к подлежащему учению»[743].

Подготовка артиллерийских, инженерных и морских офицеров осуществлялась в других заведениях и в силу этого сохраняла свою специфику. Морской и Артиллерийский и инженерный шляхетные кадетские корпуса, в отличие от Сухопутного, опирались не столько на зарубежные образцы, сколько на опыт Школы математических и навигацких наук и артиллерийских и инженерных дворянских школ. В них до конца XVIII в. сохранялся индивидуальный подход к организации обучения.

Подготовка артиллеристов и военных инженеров осуществлялась в соответствии с планом, разработанным генерал-фельдцейхмейстером П.И. Шуваловым в 1757 г. и утвержденным Екатериной II в 1762 г. Преобразование школы в корпус осуществлялось под руководством генерал-фельдцейхмейстера А.Н. Вильбуа, который, в отличие от И.И. Бецкого, стремился придать учебному курсу максимальную практическую направленность и не уделял должного внимания общеобразовательной подготовке офицеров. Срок обучения в корпусе составлял 7 лет, преподаваемых дисциплин было несколько меньше, чем в Сухопутном корпусе, – 26. Первый (старший) класс, как и в Сухопутном корпусе, предназначался для повторения и углубленного изучения отдельных военных или гражданских наук. Большое внимание уделялось преподаванию математики и иностранных языков. У корпуса был даже свой учебный полигон и пушки. Для усовершенствования навыков стрельбы кадет старших классов прикомандировывали к артиллерийским батареям. Однако методы преподавания были рутинными, учебных пособий не хватало, господствовала зубрежка, и лишь некоторые преподаватели стремились использовать наглядное обучение. Специально-военное образование кадет Артиллерийского и инженерного корпуса, «будучи вполне удовлетворительным для строевых офицеров, было совершенно недостаточным для инженерных и артиллерийских офицеров»[744].

---

[743] Глинка С.Н. Записки Сергея Николаевича Глинки. М.: Захаров, 2004. С. 123.
[744] Юнкерам Николаевского инженерного училища от старших товарищей. Пг., 1916. С. 4.

П.И. Мелиссино, занявший пост директора Артиллерийского и инженерного корпуса в 1783 г., был, как и Ангальт, сторонником идей Просвещения. Он обратил пристальное внимание на обучение кадет гуманитарным наукам (истории и географии), а также естественной истории. Была усилена и военная подготовка – в перечень обязательных дисциплин были включены тактика и верховая езда, создана артиллерийская лаборатория, Диктовка и зубрежка были заменены наглядным обучением и практическими занятиями. Экзамены стали производиться в конце каждой трети учебного года.

Энциклопедизм, особенно в отношении изучения иностранных языков, был свойствен и другим военно-учебным заведениям. В гимназии чужестранных единоверцев, открытой в 1775 г. при Артиллерийском и инженерном корпусе, изучались Закон Божий, несколько языков (русский, немецкий, французский, итальянский, турецкий и греческий), арифметика, алгебра и геометрия, история и политическая география, а также рисовальное искусство и танцевание. Учебный курс был рассчитан на 4 года, после чего выпускники гимназии продолжали обучение в Морском и Артиллерийском и инженерном кадетских корпусах. Те, кто обнаруживал способность «к словесным наукам и вышней математике» оставались в гимназии и изучали сугубо гражданские дисциплины (логику, мораль, красноречие) и высшую математику, а затем продолжали обучение в университете при Академии наук[745]. В Морском корпусе также большое внимание уделялось изучению иностранных языков, знание которых было необходимо морскому офицеру, часто общавшемуся с иностранцами и имевшему необходимость в чтении иностранных сочинений по мореплаванию. Однако, отличие от Сухопутного и Артиллерийского и инженерного корпусов, в конце XVIII в. Морской корпус находился в глубоком упадке. Подготовка будущих моряков не испытала влияния просветительских идей, в результате чего энциклопедизм был полностью выхолощен. По отзыву бывшего кадета Н.А. Нордштейна, «странное воспитание в сем корпусе – там учат всему, но ничему не научают, кроме науки, до мореплавания касающейся, да и то не до совершенства – кто сколько успеет, хоть слабое поня-

[745] РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 268. Л. 5 об. – 6 об.

тие имеет – тотчас офицер; от сего-то морские офицеры есть флотские, а более ничего»[746]. Методы преподавания были рутинными. Лучшей иллюстрацией служат фразы из учебника английского языка, составленного преподавателем английского языка Морского корпуса П.И. Ждановым: «Читайте свой урок», «Должно вам его три раза прочитать», «Выучите свой урок наизусть»[747]. По мнению В.И. Штейнгеля, преподавание велось бессистемно[748]

В последней трети XVIII в. значительное развитие получила система поощрения воспитанников за отличную учебу. В 1765 г. чин, получаемый кадетом Сухопутного корпуса при выпуске, стал зависеть от успешной сдачи им экзаменов: те, кто демонстрировал хорошие знания по двум предметам из семи, выпускался прапорщиком, по пяти предметам – подпоручиком, а по всем семи предметам – поручиком. Кроме того, П.И. Шуваловым была заложена традиция оставлять отлично занимающихся воспитанников в заведении на дополнительный курс, а затем выпускать их с повышением в чине. Известны случаи, когда выпускникам присваивался сразу чин капитана. Хорошо успевающие кадеты получали еще в бытность в заведении звания капралов и сержантов. Они могли быть награждены золотыми и серебряными медалями, которые вручались им во время торжественного акта. В Сухопутном корпусе серебряные и золотые медали были установлены «Уставом» Бецкого для награждения кадет соответственно 4-го и 5-го возрастов. Ежегодно раздавалось 12 медалей (по 6 на каждый возраст). Медали были трех степеней – большие (с надписью «Достигшему»), средние (с надписью «Достигающему») и малые (с надписью «Успевающему»). Для отличия награжденных были установлены особые медальные знаки, им был предоставлен ряд привилегий. Кадеты младших классов за отличную учебу получали знаки-розетки из разноцветных шелковых лент. В Артиллерийском и инженерном кадетском корпусе воспитанники с 1796 г. также награждались серебряными позолоченными медалями «За прилежность и благонравие», которые носили на цепочке в петлице. В

[746] Выписки из памятной книжки Николая Алексеевича Нордштейна // Щукинский сборник. Выпуск 4. М., 1905. С. 194.
[747] Лупанова Е.М. К вопросу о методике преподавания иностранных языков в России XVIII в. // Иностранные языки в школе. 2010. № 1. С. 4.
[748] Штейнгель В.И. Сочинения и письма. Т. 1. Записки и письма. Иркутск, 1985. С. 89, 92, 94.

Гимназии чужестранных единоверцев, кроме медалей за успехи в изучении отдельных дисциплин, были введены награды за отличную учебу в виде книг, эстампов, математических инструментов и проч.

Важным средством мотивации к усиленной учебе являлись публичные экзамены, на которые приглашались высокопоставленные лица. Кроме того, лучшие кадеты время от времени приглашались ко двору.

В павловскую эпоху утилитаризм взял верх над обнаружившим свои невыгодные стороны энциклопедизмом. Военная школа была освобождена от задачи обеспечения гражданского ведомства квалифицированными кадрами и сосредоточилась исключительно на подготовке офицеров. В связи с этим в Сухопутном шляхетном корпусе было прекращено преподавание хронологии, мифологии, «учтивства» и прочих гражданских наук[749]. Бóльшее внимание стало уделяться военным дисциплинам – фортификации, артиллерии и топографии. Кроме того, М.И. Кутузов ввел новую дисциплину – военную историю, а преподаванием тактики стал заниматься сам. Кутузов разделил программу на 3 класса; перевод кадет из одного класса в другой и производство их в офицеры зависели от успеваемости.

Одновременно началась унификация программ разных военно-учебных заведений. Артиллерийский и инженерный шляхетный корпус стал постепенно утрачивать свою специфику, его учебная программа сблизилась с программой Сухопутного корпуса. Затем различия в подготовке сухопутных, артиллерийских и инженерных офицеров были полностью ликвидированы, в связи с чем в 1800 г. Сухопутный и Артиллерийский и инженерный шляхетные кадетские корпуса были переименованы соответственно в 1-й и 2-й кадетские корпуса.

В первой трети XIX в. учебная работа в русской военной школе развивалась эмпирическим путем в каждом заведении отдельно, без какого-либо общего руководства. Единых требований к подготовке офицеров не существовало, поэтому перечень и объем преподаваемых дисциплин определялся директором заведения, а выбор методов обучения и учебных пособий зависел от педагогов.

---

[749] Данченко В.Г., Калашников Г.В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 206.

Срок обучения в кадетских корпусах в 1-й четверти XIX в. составлял семь лет, два из которых занимало обучение чтению, письму и началам счета. Следует отметить, что даже после прекращения преподавания гражданских дисциплин учебный план 1-го кадетского корпуса был весьма обширен. В послужных списках офицеров, окончивших 1-й кадетский корпус в начале XIX в., значилось знание следующих дисциплин: русского, немецкого и французского языков, фортификации временной и долговременной, конических сечений, дифференциального и интегрального исчислений, плоской тригонометрии, стереометрии, планиметрии, геометрии, арифметики, алгебры, артиллерии, физики, ситуации, истории, географии, рисования и верховой езды[750]. Курс Пажеского корпуса после его преобразования в военно-учебное заведение был, напротив, даже расширен[751].

Таким образом, заложенная Бецким традиция энциклопедичности учебных курсов сохранялась. Начатая Павлом I «милитаризация» военного образования в начале XIX в. затормозилась. По мнению Н.Н. Ауровой, в александровское царствование «кадетские корпуса по-прежнему отличал некоторый «универсализм» как наследие прежних времен»[752]. На изучение военных дисциплин, которые проходились в течение двух-трех последних лет пребывания в заведении, отводилось не более 25 процентов всего бюджета времени[753]. В Военно-сиротском доме, который выпускал офицеров начиная с 1799 г., до 1805 г. военные науки не преподавались совсем[754].

Однако просветительские традиции, у истоков которых стоял Бецкой и которые достигли расцвета благодаря усилиям Ангальта и Мелиссино, были преданы забвению. В течение царствования Александра I учебная работа постепенно приходила в упадок. Так, в 1-м кадетском корпусе Ф.И. Клингер исключил из

---

[750] РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4086. Л. 74 об. – 75.

[751] Ф.И. Клингер включил в него следующие дисциплины: 1) Закон Божий, 2) русский язык, 3) французский язык, 4) немецкий язык, 5) арифметику, 6) географию, 7) историю, 8) статистику, 9) геометрию, 10) механику, 11) гидравлику, 12) физику, 13) натуральную историю, 14) гражданскую архитектуру, 15) артиллерию, 16) фортификацию, 17) рисование, 18) музыку и 19) телесные упражнения (танцы, фехтование и манеж).

[752] Аурова Н.Н. Атмосфера и быт в кадетских корпусах Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. С. 182.

[753] Целорунго Д.Г. Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения: историко-социологическое исследование. М.: ИИК «Калита», 2002. С. 116.

[754] Целорунго Д.Г. Образовательный уровень русского офицерского корпуса в эпоху Отечественной войны 1812 года (историко-статистическое исследование) // Бомбардир. 1995. № 1. С. 24.

учебных планов тактику и устройство иностранных армий, которые стали преподаваться при М.И. Кутузове. Прекратилось издание учебников, из-за крайне низкого жалованья неуклонно снижался уровень квалификации преподавательского состава. Во вновь открывавшихся военно-учебных заведениях учебный курс был урезан до минимума. Так, в Дворянском полку в первые годы после его открытия преподавались лишь русская грамота и начала арифметики. Кроме того, качественной подготовке препятствовала поставленная многочисленными войнами задача выпуска максимального числа офицеров в сжатые до предела сроки. Кадеты надевали офицерские эполеты задолго до окончания полного учебного курса, даже не сдавая необходимых экзаменов. Их неполные, отрывочные сведения не были ни глубоки, ни прочны[755].

В 1826 г. для упорядочения учебных программ Пажеского корпуса, кадетских корпусов и Дворянского полка был создан Комитет о военно-учебных заведениях под председательством инженер-генерала К.И. Оппермана. В 1830 г., после завершения работы комитета, перечень дисциплин, которые должны были преподаваться в кадетских корпусах, нашел закрепление в «Уставе для военно-учебных заведений второго класса». В этот перечень входили следующие предметы: Закон Божий, русский, немецкий и французский языки, чистописание на каждом из этих языков, рисование, ситуационное черчение, география, история, арифметика, алгебра с приложением ее к геометрии, геометрия, тригонометрия, правила строевой и лагерной службы, полевая фортификация, основы артиллерии, военное судопроизводство и письмоводство. Кадеты, которые готовились к службе в артиллерии, должны были обучаться, кроме того, коническим сечениям, основам механики и гидравлики, началам физики и химии, артиллерию, общим правилам долговременной фортификации, атаке и обороне крепостей и минному искусству[756]. Срок обучения в корпусе составлял 9 лет.

---

[755] Ф.Н. Глинка, окончивший 1-й кадетский корпус в 1803 г., с горечью вспоминал о первых годах своей службы: «Науки, зачерпнутые в корпусе и наскоро усвоенные, мало-помалу испарялись. Дифференциальное и интегральное исчисления были первыми дезертирами; за ними следовали и прочие части математики. Голова моя пустела…» (Глинка Ф. Мои воспоминания о графе Михаиле Андреевиче Милорадовиче // Москвитянин. 1841. Ч. 2. № 4. С. 378).

[756] ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. V. Отд. 1-е. 3598. Ч. 2. § 5.

Учебный план 1836 г. почти треть бюджета времени отводил русскому и иностранным языкам, которые изучались во всех классах. Большое внимание обращалось на математику, историю, географию, естествознание, физику и химию. Военные науки проходились лишь кадетами специальных классов[757]. Срок обучения в корпусах равнялся 8 годам (2 года – в подготовительных классах, 4 года – в общих и 2 года – в специальных)[758]. В 1840 г. были впервые изданы подробные программы для каждой из преподаваемых дисциплин.

При великом князе Михаиле Павловиче большое внимание стало уделяться не только содержанию образования, но и организации учебного процесса. Продолжительность урока в 1836 г. была сокращена с двух до полутора часов. В 1843 г. учителям было запрещено давать свои лекции кадетам под диктовку, чтобы не приучать их тем самым к бессмысленной зубрежке. Лекции следовало не диктовать, а читать, кадеты же, записывая их в особые тетради, затем совместно должны были составлять учебные записки[759]. Для изучения иностранных языков был введен метод наглядного изучения, разработанный педагогом и переводчиком В. Эртелем. В Морском корпусе при изучении иностранных языков (прежде всего английского, трудного с точки зрения правил произношения слов) была возобновлена существовавшая с 1772 по 1805 гг. система воспитания малолетних кадет английскими дамами, которые должны были говорить с ними исключительно по-английски[760].

Наконец, в 1849 г. было издано «Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений», составленное начальником штаба военно-учебных заведений Я.И. Ростовцевым. В нем говорилось, что офицеры, помимо специально-военных знаний, должны иметь и «сведения общие, сведения, необходимые и для образованного человека, и для члена семейства, и для члена граж-

---

[757] Солодухин А.Н. Особенности организации учебного процесса в кадетских корпусах // Бомбардир. 1995. № 1. С. 18.

[758] Алпатов Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. М.: Учпедгиз, 1958. С. 60. В 1852 г. в столичных кадетских корпусах и Дворянском полку по инициативе Я.И. Ростовцева были открыты третьи (дополнительные) специальные классы, являвшиеся промежуточной ступенью между средним и высшим военным образованием, однако обучение в них не было обязательным.

[759] Приказ Главного начальника Пажеского, всех Сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка. 27 января 1843 г. № 432. П. 8.

[760] РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 3047. Л. 5 об. – 6.

данского общества»[761]. Этим обстоятельством объяснялось разделение учебного курса на общий и специальный. Преподавание и общих, и военных наук, по мнению Ростовцева, не могло осуществляться в кадетских корпусах в полном объеме, ибо офицеры имели возможность получить высшее образование в Императорской военной академии и офицерских классах Главного инженерного и Артиллерийского училищ. Однако чрезмерно сокращать программу было нельзя, так как высшее образование получал лишь один из десяти офицеров. Ростовцев поставил перед собой задачу распределить учебный материал таким образом, чтобы его усвоение было по силам учащимся и чтобы каждая дисциплина заняла в учебном курсе подобающее ей место, не мешая другим. Объем преподаваемого материала был сокращен, его содержание упрощено и освобождено «от схоластики, от утопических гипотез и от предметов придаточных, вредящих и способностям учащихся и направлению их воспитания»[762]. Исключению подлежали и второстепенные детали (несущественные даты, имена незначительных персонажей и т.п.). В основу учения был положен не механический труд памяти, а сознательное усвоение материала, развивавшего умственные способности кадет с помощью примеров, пояснений и практических упражнений. Приготовительный класс и 1-3 классы общего курса предназначались для элементарного преподавания, в 4 классе начиналось преподавание теоретическое. Способным кадетам была предоставлена возможность проходить курс в расширенном объеме.

Воспитанники поощрялись к усердной учебе с помощью различных мер. В 1835 г. были заведены светло-серые мраморные доски, на которые заносились фамилии первых по баллам выпускников. Чтобы эти доски всегда были перед глазами кадет, они размещались в рекреационных залах заведений[763]. В том же году в классах размещались красные и черные доски: на первых писались имена лучших

[761] Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. Высочайше утверждено 24 декабря 1848 г. СПб., 1849. С. 4.
[762] Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. Высочайше утверждено 24 декабря 1848 г. СПб., 1849. С. VII.
[763] Приказ Главного начальника Пажеского, всех Сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка. 21 января 1835 г. № 43. П. 5.

по учебным успехам кадет, на вторых – худших[764]. С 1841 г. красные и черные доски были заведены и в ротах.

В Морском корпусе мраморные доски, выставляемые в зале публичных испытаний, были заведены в 1836 г. В отличие от кадетских корпусов, в Морском корпусе на доски заносились фамилии первых по успехам мичманов офицерского класса. Фамилии отличных гардемарин заносились в особую книгу[765]. В 1841 г. в ротах и классах Морского корпуса появились красные и черные доски. В 1844 г. красные и черные доски были введены в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров[766].

Сохранялась и градация выпускников в зависимости от успехов. Первые по баллам кадеты выпускались в гвардию, те, кто окончил курс отлично – подпоручиками в армию или прапорщиками в артиллерию и инженерные войска, основная масса – прапорщиками в армию, малоуспешные – прапорщиками в линейные батальоны, а худшие – прапорщиками во внутреннюю стражу.

Стремление к учебе поощрялось и оставлением отличных по учебным успехам кадет, удостоенных к выпуску в офицеры, на лишний год в корпусе «для большего усовершенствования в науках». Кадет, добровольно отказавшийся от производства, удостаивался благодарности Главного начальника военно-учебных заведений; о его поступке сообщалось в приказе (Приложение 5). С 1836 г. такие кадеты стали получать особое отличие – шеврон из золотого галуна на левом рукаве[767].

Большое внимание уделялось совершенствованию форм и методов воспитания. В целях унификации учебного процесса в разных заведениях и обмена положительным опытом директора столичных кадетских корпусов как минимум раз в месяц должны были посещать другие корпуса. Кроме того, впервые с начала XIX в. была предпринята попытка заимствования иностранного опыта. В Европу был командирован генерал Н.В. Медем, который должен был ознакомиться с послед-

[764] Приказ Главного начальника Пажеского, всех Сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка. 25 января 1835 г. № 45. П. 2.
[765] РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 2758. Л. 2.
[766] РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 182. Л. 1.
[767] Приказ Главного начальника Пажеского, всех Сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка. 3 марта 1836 г. № 122. П. 8.

ними достижениями в области военных наук и изучить систему зарубежного военного образования. В 1851 г. был издан отчет Медема «Описание военно-учебных заведений Пруссии», в котором он отметил положительные стороны прусской военной школы, пригодные для их использования в российских кадетских корпусах.

Однако задача совмещения в рамках одного и того же учебного заведения и общей, и специальной подготовки будущего офицера осложнялась тем, что не были грамотно расставлены приоритеты. Д.А. Милютин еще в конце 1840-х гг. в своей записке «Некоторые мысли о методе преподавания в военно-учебных заведениях» писал, что выполнение этой задачи невозможно: «Желая удовлетворить требования защитников каждой отрасли человеческих знаний, неизбежно склонимся к тому, что обременим курс непомерным количеством разнородных знаний, несоответствующим времени, а чтоб, так сказать, насильственно вогнать эту массу знаний в рамки времени – невольно впадем в энциклопедизм»[768]. В результате молодые люди получали вместо знаний «огромную массу вычурных фраз и резких приговоров», которая мешала дальнейшему развитию офицеров, внушая им отвращение и презрение к науке либо приучая смотреть на все с мнимой высоты своих «универсальных» познаний.

К концу 1850-х гг. стало ясно, что так и не ликвидированные чрезмерная теоретичность курса и его перегруженность общеобразовательными предметами мешают специально-военной подготовке, особенно в части, касающейся практики. Поэтому в 1862 г. программа кадетских корпусов была несколько упрощена. Учебный курс стал включать в себя следующие дисциплины: Закон Божий, русский язык и словесность, французский или немецкий язык, математика, физика, начала неорганической химии, история, география, тактика, артиллерия, фортификация, военная топография, законоведение и рисование. Преподаваемые предметы должны были быть «по содержанию своему рассчитаны не на даровитые исключения, но доступны, по возможности, всей массе учащихся»[769]. Естествозна-

[768] Милютин Д.А. Некоторые мысли о методе преподавания в военно-учебных заведениях. 1846-1850 // НИОР РГБ. Ф. 169. К. 24. Е. 2. Л. 1 об. – 2.
[769] Приказ Главного начальника военно-учебных заведений. 1862. 26 августа. № 3012.

ние и статистика в сокращенном виде были включены в курс географии, а история литературы – в курс теории словесности. Военная история стала разделом тактики.

В результате военно-учебной реформы 1863-1864 гг. единая система военного образования была разделена на две ступени – подготовительную и основную. Курс основных военно-учебных заведений (военных училищ) был освобожден от общеобразовательных предметов и приобрел специальный характер. Роль общеобразовательных заведений с минимальным элементом военной подготовки стали играть военные гимназии.

Еще в 1856 г. Н.И. Пирогов в знаменитой статье «Вопросы жизни» провозгласил приоритет общего образования перед узкопрофессиональным. Это признавали и ведущие военные педагоги. Так, по мнению П.О. Бобровского, «чем полнее и совершеннее общее образование, тем, без сомнения, легче прививаются те прикладные знания, тот запас специальных сведений, с которыми каждый начнет свою общественную деятельность»[770]. Д.А. Милютин, став военным министром, отказался от раннего внедрения элементов военной подготовки, и гуманитарная традиция мало-помалу начала воскресать. Военные гимназии были призваны дать молодым людям полноценное общее образование без ярко выраженной военной специализации. Главное внимание уделялось всестороннему развитию воспитанника. В учебный курс входили следующие предметы: Закон Божий, русский язык (с церковнославянским) и словесность, математика, французский и немецкий языки, история, география, естествознание, чистописание, рисование (с топографическим черчением), пение и гимнастика. Инструкции для преподавания этих предметов, составленные в 1865-66 гг., требовали, чтобы главное внимание было обращено не на сообщение воспитанникам определенной суммы знаний, а на развитие их умственных способностей и формирование навыков самостоятельной работы. Объем общеобразовательной подготовки был приравнен к объему курса реальных училищ. При этом главное внимание уделялось изучению языков и мате-

[770] Генерал П.О. Бобровский и его сыновья-пажи // Пажеский Его Императорского Величества корпус. М.: Интербук-бизнес, 2004. С. 263.

матики. Вместе с тем задачи гуманитарной подготовки привели к существенному изменению содержания курсов ряда дисциплин: в курс словесности были включены произведения русских писателей и поэтов конца XVIII – 1-й половины XIX в. (Карамзина, Жуковского, Крылова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя) и современных писателей (например, Тургенева). Военные гимназии были признаны «едва ли не единственными заведениями, в которых дано надлежащее место изучению отечественного языка, отодвинутого на второй план в министерстве народного просвещения и в духовно-учебных заведениях»[771]. Курс географии был дополнен этнографическими темами, значительному расширению подвергся курс истории.

Кардинальные изменения претерпела методика преподавания. На смену не изжитой в прежних корпусах схоластике пришел так называемый катехизисный метод. В трех младших классах воспитанники должны были усвоить преподносимые им основы наук в виде самостоятельно формулируемых тезисов, три старших класса посвящались систематическому научному преподаванию дисциплин, основанному на расширении и углублении приобретенных ранее знаний. Большое внимание стало уделяться наглядному обучению. Принятые в корпусах учебные награды (мраморные доски, красные доски, шевроны и т.п.) были отменены. От подарков за успехи в науках (книг, учебных принадлежностей и т.п.) также было решено отказаться, чтобы способные воспитанники, получавшие их ежегодно, не становились излишне самонадеянными. Кроме того, многие воспитанники смотрели на подарки исключительно с материальной точки зрения и даже продавали их[772]. Выпускники гимназий могли удостоиться денежных премий, однако эти деньги на руки не выдавались, а шли на приобретение ученых трудов и собраний сочинений классиков, которые и вручались им на торжественном акте.

В 1869 г. Педагогический комитет Главного управления военно-учебных заведений пришел к выводу, что для успешного окончания юнкерами военно-училищного курса они должны предварительно проходить «нормальный гимназический курс реального характера, долженствующий стоять и по составу своему,

[771] Переустройство учебного курса в военных гимназиях // Учитель. Журнал для наставников и родителей. 1870. № 21. С. 684.
[772] РГВИА. Ф. 725. Оп. 2. Д. 97. Л. 1 – 1 об.

и по характеру самого преподавания во всех частностях выше курса гимназического»[773]. Чтобы избавить военные училища от необходимости вводить повторительные курсы некоторых общеобразовательных дисциплин и от вызванной этим нежелательной многопредметности, курс военных гимназий был расширен. Отдельными дисциплинами стали физика, космография и физиология, были введены новые предметы (физическая и математическая география), некоторые разделы математики были перенесены из училищного курса в гимназический, стала изучаться история Нового времени до Великой Французской революции. Систематическое изучение наук отныне начиналось не в 4, а в 3 классе, а для облегчения усвоения элементарного курса был учрежден приготовительный класс. Для неуспешных учеников между 1 и 2 классами элементарного курса был введен особый повторительный класс. Главное внимание по-прежнему уделялось языкам, словесности и математике.

Срок обучения в военных училищах, которые должны были давать выпускникам военных гимназий специальные знания, необходимые для занятия командных должностей вплоть до командира полка, составлял 2 года. Согласно положению о военных училищах, принятому 20 июня 1867 г., учебный курс состоял из следующих предметов: 1) Закон Божий, 2) практические занятия по русскому и иностранным языкам, 3) история, 4) статистика, 5) математика, 6) физика, 7) химия, 8) тактика, 9) артиллерия, 10) фортификация, 11) военная топография, 12) военная администрация, 13) военное законоведение, 14) черчение (топографическое, артиллерийское и фортификационное) и 15) иппология (лишь для Николаевского кавалерийского училища). Таким образом, число общеобразовательных дисциплин (8) в пехотных училищах превышало число военных дисциплин (7), а в Николаевском кавалерийском училище соотношение было равным (8:8).

В первые годы существования военных училищ недостаточная подготовка абитуриентов существенно затрудняла усвоение специальных дисциплин. По мнению преподавателей, причиной неуспеха юнкеров была и энциклопедичность

[773] Лелина Е.И. «На благое просвещение народа»: Педагогические музеи в России второй половины XIX – начала XX в.: история становления и развития. СПб., 2012. С. 8.

курса: в программу входили военные, политические, естественные и математические науки, в младшем классе число преподаваемых предметов равнялось 12 (не считая черчения и практических занятий по тактике), в старшем – 9 (не считая практических занятий, переводов и черчения). Обширность курса неизбежно приводила к поверхностному усвоению изучаемых дисциплин, в том числе и специальных. Однако отказаться от невоенных дисциплин было невозможно: недостаточность и незавершенность общего образования, полученного большинством юнкеров до поступления в училище (ибо военные гимназии еще не сделали выпусков), не позволяли сосредоточить внимание исключительно на специально-военной подготовке. С другой стороны, исключительная насыщенность курса, втиснутого в 2 года, была явно не по силам юнкерам, особенно малоразвитым, и порождала те же проблемы, что и в специальных классах кадетских корпусов – поверхностное усвоение знаний, ложную уверенность в собственной энциклопедической образованности, фразерство и неспособность сосредоточить умственные усилия на каком-либо одном предмете. С изъянами многопредметного курса пытались бороться уменьшением числа одновременно преподаваемых дисциплин (они были распределены между старшим и младшим классами; кроме того, было введено семестральное преподавание некоторых предметов). Однако нагрузка, особенно в специальных училищах (Михайловском артиллерийском, Николаевском инженерном) была очень велика[774].

В течение 1860-80-х гг. неоднократно предпринимались попытки сократить учебный курс военных училищ. С 1869 г. обязательным стало изучение только одного иностранного языка. В 1880 г. для уменьшения многопредметности была создана особая комиссия, однако результатом ее деятельности были лишь прекращение преподавания статистики и ликвидация самостоятельного статуса артиллерийского и фортификационного черчения. Зато был прибавлен новый предмет – военная гигиена[775].

---

[774] В Михайловском училище по распоряжению начальника, генерал-лейтенанта А.С. Платова, юнкерам разрешали готовиться к занятиям до часу ночи и даже выдавали им еженедельно по два фунта стеариновых свечей (РГВИА. Ф. 267. Оп. 1. Д. 2. Л. 173).

[775] Милютин Д.А. Замечания мои на составленный особыми комиссиями проект изменений в курсах военных училищ и военных гимназий. 1880 // НИОР РГБ. Ф. 169. К. 24. Е. 15. Л. 2.

Учебный процесс в военных училищах был организован совершенно иначе, чем в специальных классах старых кадетских корпусов. В целях лучшего контроля за усвоением пройденного была введена лекционно-репетиционная система, при которой предмет делился на части. По окончании изучения каждой из частей устраивались частные экзамены (репетиции). Таким образом, юнкера усваивали дисциплину постепенно и делали это более основательно, чем при прежней урочно-экзаменационной системе, в которой фиксация промежуточных результатов обучения отсутствовала и курс зачастую осваивался поверхностно, в течение нескольких дней, предшествовавших экзамену.

Однако ни энциклопедичность курса, ни порожденная им теоретичность так и не были изжиты. Юнкера в основном слушали лекции, практических же занятий из-за дефицита средств проводилось очень мало. Не хватало необходимых пособий и приборов, не были оборудованы тиры и стрельбища. П. Режепо в своей брошюре «Офицерский вопрос» в 1909 г. отмечал: «Постановка курсов все еще слишком теоретична. Приходится говорить юнкеру о таких вещах или предметах, которых он никогда не видел, а между тем показ которых вполне возможен… Курсы очень велики, в них много мелочей, порой излишней теории и нет того, что придется делать с первого шага молодому офицеру»[776].

В 1864 г. появился еще один вид военно-учебных заведений – юнкерские училища. Первоначально срок обучения в них составлял, как и в военных училищах, два года. В течение этого срока молодым людям следовало сообщить комплекс знаний и навыков, которые позволили бы им впоследствии командовать батальоном. Из специальных военных предметов по облегченным по сравнению с военными училищами программам юнкера должны были изучать тактику, военную историю, топографию, фортификацию, артиллерию, военную администрацию, законоведение, военную географию и воинские уставы, а в кавалерийских и казачьих юнкерских училищах этот перечень расширялся за счет конно-саперного дела и иппологии. Вскоре для повышения общеобразовательной подготовки слабых в большинстве своем юнкеров был учрежден общий класс. По мнению П.О.

[776] Режепо П. Офицерский вопрос. СПб., 1909. С. 24-25.

Бобровского «предметы, долженствующие войти в состав учебного курса юнкерских училищ, должны по своим качествам удовлетворять общечеловеческим и специальным требованиям и обнимать не только то, что пригодно для жизни и что пойдет в дело с первых дней службы, но и все то, чем обуславливаются и от чего зависят успехи воспитания офицера как человека»[777]. Большое значение Бобровский придавал изучению русского языка и отечественной истории.

Преобразование военных гимназий в 1882 г. в кадетские корпуса было вызвано соображениями военно-воспитательного характера и никак не отразилось на учебных задачах заведений, сохранивших присвоенный им ранее расширенный реальный курс и традиции многопредметности и теоретичности обучения. В 1886 г. были приняты новые учебные программы, призванные «облегчить обременение учащихся умственной работой»[778]. Хотя некоторые военные педагоги выступали за резкое сокращение программ за счет исключения курса аналитической геометрии, сокращения курса физики и т.п., в конечном итоге изменения свелись к минимуму[779]. Образовательные приоритеты были несколько изменены: к основным предметам, помимо математики и языков, стал относиться Закон Божий. В 1898 г. было несколько сокращено число уроков за счет уменьшения курса, а освободившееся время было использовано для дополнительных физических занятий.

В пореформенных кадетских корпусах организация учебного процесса, как и в военных гимназиях в последний период их существования, носила рутинный характер. Руководство военно-учебных заведений не только не выступало с инициативами внедрения новых методов обучения, но и неприязненно относилось к любым попыткам улучшить постановку учебного дела.

Учебные программы военных и юнкерских училищ в конце XIX в. периодически изменялись и сокращались, однако это не приводило к положительным результатам. Так, в Николаевском кавалерийском училище специально-кавалерийская подготовка будущих офицеров страдала из-за того, что «…учебные

[777] Генерал П.О. Бобровский и его сыновья-пажи // Пажеский Его Императорского Величества корпус. М.: Интербук-бизнес, 2004. С. 263.
[778] Кондрашин А.В. Учебные программы кадетских корпусов как отражение сущности военного образования в России // Бомбардир. 1995. № 1. С. 22.
[779] Кожухов Ю.В. Проблема взаимоотношений между воспитателями и воспитанниками в учебных заведениях закрытого типа: (На материалах кадет. корпусов и воен. гимназий): дис. ... канд. пед. наук. М., 1996. С. 36.

курсы слишком велики и притом по своему составу более приурочены к потребностям пехотных военных училищ, чем кавалерийских…»[780] Руководство училища ходатайствовало об отмене бесполезных для кавалериста и самых нелюбимых юнкерами дисциплин (механики и химии) и об увеличении продолжительности учебного курса на один год. Программы юнкерских училищ в 1887 г. были существенно урезаны, уровень подготовки их выпускников резко снизился[781]. Лишь в специальных училищах научное образование юнкеров в конце XIX в. стояло на высоте, несмотря на многопредметность, благодаря существовавшему в них культу знаний, поддерживаемому как начальством, так и самими учащимися.

В начале XX в. великий князь Константин Константинович предпринял решительную попытку ликвидировать упадок учебного дела в кадетских корпусах. С отстающими организовывались дополнительные занятия; если слабых учеников в классе было много, преподаватель был обязан сообразовываться с уровнем их развития Стал практиковаться индивидуальный подход к воспитаннику, учитывающий его личные склонности, в корпусах восстанавливался обычай занесения фамилий лучших выпускников на мраморные доски. Большое внимание уделялось общегуманитарной подготовке. Вопрос о расширении гуманитарной составляющей в подготовке кадет обсуждался на 1-м Съезде преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях, который проходил в декабре 1903 г.[782] Но и практическая направленность обучения не была забыта. В начале 1900-х гг. были разработаны новые программы, основанные на следующих принципах: «а) ослабление излишней книжности учения; б) перенесение тяжести работы учащихся на классное время; в развитие у кадет активного мышления и самодеятельности»[783]. Предполагалось резко усилить связь учебных курсов с практикой. В корпусах должны были устраиваться многочисленные экскурсии, в ходе которых кадеты знакомились бы с хозяйственной и бытовой сторонами жизни армии: посещали

[780] РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 2039. Л. 88.
[781] Михайлов А.А. Военно-учебное ведомство России во второй половине XIX – начале XX в. и его роль в подготовке офицерских кадров: дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2000. С. 513.
[782] Полянин А.Р. Опыт гуманитарной подготовки в кадетских корпусах России в современном измерении // Армия и общество. 2008. №4. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/opyt-gumanitarnoy-podgotovki-v-kadetskih-korpusah-rossii-v-sovremennom-izmerenii (дата обращения: 15.05.2016).
[783] Коровин В.М. Военное образование в Российской империи (середина XIX – начало XX в.): монография. Воронеж, 2009. С. 120.

казармы, наблюдали за хлебопечением, на практике изучали правила ухода за лошадьми, рубили дрова и даже выполняли некоторые сельхозработы. Летом устраивались дальние военные прогулки. Эти программы были введены с 1903 г. в трех корпусах в экспериментальном порядке.

Однако данный опыт не был поддержан. По мнению Е.И. Мартынова, подобное упрощение курса планировалось для того, чтобы затруднить поступление выпускников корпусов в высшие гражданские учебные заведения и тем самым оставить им лишь один путь завершения образования – поступление в военные училища[784]. Поэтому энциклопедичность и теоретичность обучения, почти не имевшего никакой связи с практикой, сохранялись. Из всего намеченного получили распространение лишь экскурсии и военные прогулки.

Последние изменения учебного курса кадетских корпусов произошли в 1915 г. Программы почти всех дисциплин подверглись упрощению и сокращению. Большее внимание стало уделяться практическим занятиям, однако на них отводилось всего 2 часа в неделю, а курс 7 класса был полностью теоретическим[785].

Определенную трансформацию в начале XX в. претерпело и специально-военное образование. В 1910 г. все юнкерские училища были реорганизованы в военные. В том же году были приняты новые учебные программы, в которых второстепенные и нелюбимые юнкерами химия и механика были заменены гигиеной и военной географией. Последняя дисциплина была призвана ознакомить юнкеров «с силами и средствами, которыми располагает Родина для борьбы с противником, силами и средствами наших вероятных противников» и давать им сведения о «вероятных театрах военных действий»[786].

Новый этап развития военно-учебных традиций начался после Февральской революции. В марте 1917 г. была создана комиссия по реорганизации кадетских корпусов. Ее председателем стал временно исполнявший должность начальника ГУВУЗ генерал-лейтенант З.А. Макшеев.

---

[784] Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны. Изд. 2-е. СПб., 1907. С. 41.
[785] Общая программа и инструкция для преподавания учебных предметов в кадетских корпусах. Пг.: Издание ГУВУЗ, 1915.
[786] Михайлов А.А. Военно-учебное ведомство России во второй половине XIX – начале XX в. и его роль в подготовке офицерских кадров: дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2000. С. 514-515.

Один из видных военных педагогов В.П. Буданов предлагал освободить учебные программы от балласта излишних фактических сведений и сократить количество учебных часов с 38 до 30 в неделю. Освободившееся время давало возможность учащимся заниматься самообразованием, необходимым для развития личности. Этой же цели служили ликвидация казарменного режима и упразднение строевых занятий. Действующий распорядок дня, при котором кадеты были практически лишены досуга, предполагалось пересмотреть с тем, чтобы у воспитанников было хотя бы 2-3 часа свободного времени, которым они могли бы распоряжаться по своему усмотрению. Образование и воспитание в демилитаризованной военной школе отныне преследовало «общечеловеческие, а не специальные ведомственные цели»; из стен обновленных корпусов должны были выходить не офицеры и не юнкера, а просто образованные люди, «интеллигенты в лучшем смысле этого слова»[787].

Согласно решению 1-го Всероссийского съезда делегатов кадетских корпусов, состоявшегося в июле 1917 г. в Петрограде, реформированные кадетские корпуса должны были преследовать одну-единственную цель – распространение знаний и воспитание личности[788]. Их программа должна была быть приближена к программе средней общеобразовательной школы. Реорганизованные корпуса должны были быть наименованы гимназиями военного ведомства в целях установления «нравственной связи с военными гимназиями и их славными традициями»[789].

В августе 1917 г. кадетские корпуса были преобразованы в гимназии военного ведомства. Учебные программы оставались прежними, однако 12-балльная система оценки знаний была заменена 5-балльной.

Подводя итоги, можно сказать следующее. В целом традиции организации учебной работы, сложившиеся в отечественной военной школе, позволяли обеспечить будущих офицеров знаниями, умениями и навыками, необходимыми им в

---

[787] Буданов В.П. К реформе кадетских корпусов (по поводу статьи члена Государственной Думы И.С. Клюжева «Наше военное образование») // Педагогический сборник. 1917. №№ 7-8 и 9. Часть неофициальная. С. 105.
[788] Первый Всероссийский съезд делегатов кадетских корпусов // Педагогический сборник. 1917. № 7-8 и 9. Часть неофициальная. С. 256-257.
[789] Там же. С. 258.

служебной деятельности. Вместе с тем необходимо отметить, что многопредметность и излишняя теоретичность учебных курсов, не адаптированных к возможностям детей, подростков и юношей, побуждала осваивать многие дисциплины лишь поверхностно, приучала к верхоглядству, развивала самонадеянность и склонность к безапелляционным суждениям. Традиция практического обучения, получившая широкое распространение в начале XX в., не успела дать ожидаемых плодов.

4.2. Воспитательные традиции отечественной военной школы

Вопрос о том, когда началось формирование воспитательных традиций подготовки русского офицерства, остается открытым. Их элементы присутствовали уже во второй половине XVII в. в полках «нового строя». Например, во 2-м Московском выборном полку солдатского строя, которым начиная с 1661 г. командовал М.О. Кровков, прошедший обучение под руководством Фанбуковена, активно велось религиозное воспитание, содействовавшее направленному формированию личности будущих «начальных людей», для чего были куплены Евангелие, Псалтирь, Часослов и другие церковно-служебные книги.

Британский историк Д. Ливен полагает, что «у русского дворянства восемнадцатого века не было собственных, российских, традиций в воспитании и образовании, как не было и давно учрежденных школ с установившейся репутацией. Принципы образования заимствовались у Запада и плохо укоренялись в русской почве»[790]. Эта точка зрения почти совпадает с мнением историка педагогики Ю.В. Кожухова, который считает, что первые 150 лет деятельности русской военной школы можно назвать «началом поиска путей построения учебной и воспитательной работы на научно-педагогической основе»[791]. Этот поиск был непоследовательным и бессистемным, во взаимоотношениях воспитателей и учащихся гос-

[790] Ливен Д. Аристократия в Европе 1815-1914. СПб.: Академический проект, 2000. С. 210.
[791] Кожухов Ю.В. Проблема взаимоотношений между воспитателями и воспитанниками в учебных заведениях закрытого типа: (На материалах кадет. корпусов и воен. гимназий): дис. ... канд. пед. наук. М., 1996. С. 39-40.

подствовали уставщина и формалистика, а воспитательная работа осуществлялась преимущественно эмпирическим путем. Военные историки В. Гурковский и А. Воробьев, напротив, пришли к выводу, что уже в Школе математических и навигацких наук были сформированы следующие элементы модели отечественного военного воспитания: «закрытое учебное заведение с постоянным проживанием в его стенах; четкий распорядок и дисциплина, приближающаяся к воинской; равенство воспитанников по возрасту, правам и обязанностям; единая форма и единые требования к качеству подготовки; общая система поощрений и наказаний; культ традиций, в том числе воинских; соблюдение ритуалов и безусловный приоритет духовно-нравственных ценностей»[792].

Безусловно, влияния западных моделей организации военного воспитания (в первую очередь кадетского) отрицать нельзя. С другой стороны, необходимо констатировать наличие уже в XVIII в. зачатков отечественных воспитательных традиций. Однако между началом создания традиций военного воспитания и их оформлением в более или менее целостную и устойчивую систему прошел не один десяток лет, и внедрение отмеченных В. Гурковским и А. Воробьевым элементов парадигмы отечественного военного воспитания в практику осуществлялось постепенно. Петровские школы не были закрытыми учебными заведениями: так, часть учеников Школы математических и навигацких наук жила не в здании заведения, а на частных квартирах; многие ученики Академии морской гвардии, вопреки инструкции, также жили на квартирах. Воспитательные задачи перед первыми военно-учебными заведениями не ставились; суровая дисциплина, необходимая для принуждения к учению, поддерживалась с помощью жестоких наказаний. Так, в Академии морской гвардии за порядком в классах наблюдал отставной солдат, который мог бить непослушных учеников хлыстом[793]. Таким образом, в петровскую эпоху были заложены основы репрессивной модели воспитания, подчиненной образовательным задачам. Из поощрительных средств, существо-

[792] Гурковский В., Воробьев А. Кадеты, виват! // Российская кадетская перекличка. 2006. № 1. С. 50.
[793] Гаршин М.Ю. Навигацкая школа и Морская академия при Петре Великом // Морской журнал. 1938. № 10-11. С. 24.

вавших в первых военных школах, можно отметить только досрочное производство в чин, влиявшее на дальнейшее продвижение по службе.

В кадетском корпусе в первые три десятилетия его существования планомерное воспитание не велось, к учащимся относились, как к солдатам. Необходимая дисциплина так же, как и в петровских школах, поддерживалась с помощью репрессий: телесных наказаний, ограничений в пище, выставления к позорному столбу, аресту и т.п. К поощрительным мерам по-прежнему относилось досрочное производство в унтер-офицеры и офицеры. Кроме того, как и во всех учебных заведениях, значительное влияние на становление личности кадет оказывала церковь. Уже через несколько месяцев после открытия Сухопутного корпуса в нем были созданы и православная, и лютеранская церкви. В последней даже имелся орган[794]. В соответствии с пиетистской установкой, исходившей от Б.-К. Миниха, и традициями пиетистского образования, сложившимися в Берлинском корпусе, было организовано преподавание Закона Божия[795]. Таким образом, в первые десятилетия существования кадетского корпуса воспитание кадет носило исключительно религиозный характер.

Вопросы светского воспитания впервые оказались на повестке дня в конце 1750-х – начале 1760-х гг. П.И. Шувалов, разработавший в 1757 г. проект реорганизации Соединенной артиллерийской и инженерной школы в кадетский корпус, выдвинул идею изоляции кадет от малообразованной и малонравственной армейской среды, которая могла пагубно на них повлиять. В 1762 г. Петром III была высказана мысль о необходимости «нежного воспитания благородного юношества»[796].

В царствование Екатерины II в военно-учебных заведениях стала вестись планомерная воспитательная политика. Воспитательные цели получили приоритет перед образовательными. В основу системы воспитания офицеров была поло-

[794] Первый кадетский корпус во Дворце Меншикова. К 275-летию основания. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа; Историческая иллюстрация, 2007. С. 17.
[795] Федюкин И., Лавринович М. Сухопутный Кадетский корпус в Санкт-Петербурге (1730-е годы) и его берлинский прообраз // «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М.: Новое издательство, 2015. С. 276-278.
[796] Фрейман О.Р. Пажи за 183 года (1711—1894). Биографии бывших пажей, с портретами. Выпуск 2. СПб., 1894. С. 850.

жена философско-педагогическая концепция И.И. Бецкого, отражением которой являлись «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества» и «Устав Императорского сухопутного шляхетного кадетского корпуса». Идея воспитания «новой породы людей» нашла горячую поддержку у императрицы, назвавшей Сухопутный шляхетный кадетский корпус «рассадником великих людей». Главным принципом воспитания стала полная изоляция от окружающего мира – срок обучения составлял 15 лет, родителям запрещалось брать детей даже на короткое время, а свидания на территории корпуса происходили 2-3 раза в год и продолжались несколько минут. На смену репрессиям пришло гуманное отношение. Розги были запрещены, основными средствами наказания стали выговор, лишение пищи, арест, лишение права носить мундир. Широкое распространение получили публичные порицания и наказания, причем в обсуждении проступка участвовали и товарищи виновного кадета. Не осталось без внимания и религиозное воспитание кадет – в распорядке дня появилось особое время для молитв, православная церковь была перестроена и увеличена, а для кадет-католиков устроили особую молебную комнату[797].

Бецкой предостерегал от увлечения роскошью, празднествами и всем тем, что могло изнежить кадет. Воспитанники должны были питаться простой пищей и не заботиться о своей внешности[798]. Корпус был должен готовить не офицеров или чиновников, а «знатных граждан», отличающихся спокойствием, твердостью и неустрашимостью. Учащимся надлежало «больше тело приучать к трудам, нежели принуждать разум к размышлениям и соображениям; чтоб блестящая поверхность не была предпочитаема простым и правдолюбивым нравам; но преимущество бы даваемо было трудам, постоянству и доброй вере»[799]. Кроме того, следовало воспитывать в духе непримиримого отношения к праздности, лести и эгоизму.

Наиболее полное выражение гуманистическая традиция воспитания получила в 1787-1794 гг., когда пост директора Сухопутного шляхетного корпуса за-

[797] Первый кадетский корпус во Дворце Меншикова. К 275-летию основания. Каталог выставки. СПб.: Государственный Эрмитаж; Историческая иллюстрация, 2007. С. 17.
[798] Майков П.И. Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904. С. 366.
[799] Там же. С. 366.

нимал генерал-лейтенант граф Ф.-Е. Ангальт. Он считал, что образование и воспитание должны зиждеться на внимании и уважении к ученику. Основные принципы воспитания, по мнению Ангальта, сводились к любви, ласке и кротости[800]. Он внушал своим подчиненным, что учитель обязан «предоставлять себе тернии, а в руки воспитанников передавать цветы»[801].

В то время как Сухопутный шляхетный и Артиллерийский и инженерный кадетские корпуса не только образовывали своих питомцев, но и воспитывали их, в Морском корпусе образовательная система переживала глубокий кризис. Д.Н. Сенявин вспоминал: «… нравственности и присмотра за детьми не было никаких, а потому из 200 или 250 кадет ежегодно десятками выпускались в морские батальоны и артиллерию за леность и дурное поведение»[802]. Мотивация к учебе выражалась фразой: «Вы достойны быть высечены»[803].

В конце XVIII в. просветительские традиции воспитания кадет стали угасать. Екатерина II, разочаровавшаяся в идеях Бецкого, не проявляла никакого интереса к инновационной педагогике Ангальта. После смерти директора-философа Сухопутный корпус возглавил М.И. Кутузов, которому императрица приказала «подтянуть» кадет. Высказанное Кутузовым при знакомстве с воспитанниками намерение обращаться с ними не как с детьми, подобно предшественнику, а как с солдатами, ознаменовали поворот от утопического энциклопедизма к рациональному милитаризму. Поначалу традиция милитаризма носила положительный характер: директор, будучи боевым генералом, всеми силами способствовал развитию у кадет необходимых для будущего офицера качеств: патриотизма, дисциплинированности, инициативы, силы воли, решительности, воинского товарищества, любви к солдату, чувства ответственности за порученное дело[804]. При этом Кутузов употреблял телесные наказания лишь в крайних случаях, полагая, что,

---

[800] Михайлова Л.Б. Фридрих фон Ангальт – директор Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса. СПб., 1998. С. 51.
[801] Аурова Н.Н. Кадетские корпуса в системе дворянского образования и культурной жизни России: конец XVIII-первая половина XIX в. : дис. … канд. ист. наук. М., 1999. С. 121.
[802] Сенявин Д.Н. Записки адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина // Морской сборник. 1913. Т. 377. № 7. Паг. 8-я. С. 6.
[803] Лупанова Е.М. К вопросу о методике преподавания иностранных языков в России XVIII в. // Иностранные языки в школе. 2010. № 1. С. 4.
[804] Фельдмаршал Кутузов // Кадетское письмо. № 13. Буэнос-Айрес, ноябрь 1958 г. С. 11-12.

«когда наказание становится частым и чрезвычайным, худые поступки умножаются»[805].

В Пажеском корпусе в начале XIX в. воспитательная работа стала вестись на рациональной основе и приобрела систематический характер. Главной целью воспитания стало не развитие личности, а приучение к строгой воинской дисциплине. «Учреждение Пажеского корпуса», разработанное в 1802 г. генерал-майором Ф.И. Клингером, провозглашало это заведение «училищем для образования нравов и характера… корпус сей есть совокупно такое военное установление, где благородное юношество чрез воспитание приуготовляется к воинской службе строгим повиновением, совершенной подчиненностью и непринужденным, но добровольным выполнением должностей своих»[806]. Для облегчения условий ведения воспитательной работы проживание пажей вне заведения было запрещено.

Однако парадомания, которой была заражена армия в павловскую эпоху, укрепила и деформировала традицию милитаризма. Шагистика и муштра были верными спутниками и армии, и военной школы до Великих реформ Александра II. К ней присоединилась и возрожденная репрессивная традиция. Так, упомянутый выше Ф.И. Клингер, в течение почти 20 лет занимавший пост директора 1-го кадетского корпуса, считал розги единственным средством воспитания. Телесные наказания назначались и исполнялись с немецкой педантичностью; «утром почти ежедневно в роте раздавались крики и вопли детей»[807].

Вместе с тем в эпоху Александра I стало уделяться большое внимание религиозному воспитанию. Кадеты были обязаны неуклонно посещать все церковные службы и строго следовать всем требованиям, предъявлявшимся к христианину. Были установлены обязательные молитвы, читавшиеся утром и вечером. По праздникам законоучители должны были обращаться к воспитанникам с проповедями. По инициативе цесаревича Константина Павловича в Дворянском полку,

---

[805] Гуляев Ю.Н. Особенности постановки воспитательного процесса в Артиллерийском и Инженерном кадетском корпусе // Бомбардир. 1995. № 1. С. 8.
[806] Тавастшерна В. Столетие Пажеского Е.И.В. корпуса. 1802-1902. Оттиск статьи, напечатанной в № 12 «Артиллерийского журнала» за 1902 г. СПб., 1902. С. 6.
[807] Чулков Г.И. Мятежники 1825 г. М.: Современные проблемы, 1925. С. 45.

воспитанники которого «…по небрежному как видно воспитанию не имеют в законе божеском почти никаких или весьма недостаточные познания», в 1816 г. началось обучение «Закону Божию и христианской нравственности»: воспитанников раз в неделю приводили в церковь, где им проповедовали священник и иеромонах[808]. Особенное попечение религиозному воспитанию осуществлял Главный директор Пажеского и кадетских корпусов Н.И. Демидов, который распространял среди кадет речи известных проповедников.

В конце правления Александра I внимание к воспитанию кадет в связи с возникновением в армии тайных обществ несколько усилилось. Офицерам вменялось в обязанность «занимать воспитанников в свободные часы полезными разговорами, внушать им здравый образ мыслей». Впервые было обращено внимание на положительные стороны семейного воспитания: чтобы не терять нравственной связи с родителями, кадеты были обязаны минимум три раза в год писать им письма.

В царствование Николая I главной задачей воспитания будущего офицера стало развитие его воли. Большое внимание обращалось на внешний вид кадет, которые должны были иметь «бодрую осанку и молодецкий взгляд»[809]. Нравственное же воспитание преследовало цель «развития и укрепления в воспитанниках чувства Веры и благочестия, затем чувства долга и чести, беспредельной преданности Государю и Отечеству, беспрекословного повиновения начальству, любви к родителям, почтения к старшим, наконец, вообще вежливости и приличия»[810]. В 1836 г. во всех корпусах были созданы воспитательные комитеты, которые должны были обсуждать вопросы, связанные с духовно-нравственным воспитанием кадет. Тогда же на каждого воспитанника была заведена особая аттестационная тетрадь, в которую заносились сведения о совершенных им проступках и определенных за них наказаниях, а также о наградах и поощрениях. В конце каждого учебного года воспитатель должен был составлять краткую характеристику о характере и нравственных качествах кадета.

---

[808] РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 778. Л. 1 – 1 об.
[809] ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 374. Л. 4.
[810] Лалаев М.С. Исторический очерк образования и развития Первого Московского кадетского корпуса, что ныне Первая Московская военная гимназия. 1778-1878. СПб., 1878. С. 68.

Закрепленные Уставом 1830 г. задачи религиозно-нравственного воспитания преследовали одну главную цель – подготовку идеального офицера. В конце 1848 г. Я.И. Ростовцев составил «Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений», в котором говорил о том, что кадет, выпущенный из корпуса, должен был быть «христианином, верноподданным, русским, добрым сыном, надежным товарищем, скромным и образованным юношей, исполнительным, терпеливым и расторопным офицером»[811].

Кроме того, питомец отечественной военной школы должен был иметь «чистое желание отплатить государю за его благодеяния – честной службой, честной жизнью и честной смертью». Были приняты и соответствующие воспитательные меры: в корпусных церквах размещались черные мраморные доски, на которые заносились фамилии выпускников, погибших в бою или умерших от полученных в сражениях ран, причем если погибшим был совершен личный подвиг, «показавший высокое чувство самоотвержения на пользу службы государя императора и в честь воинской славы России», то на доске помещалось и краткое описание подвига.

Дальнейшее развитие получило и религиозное воспитание. Ежедневно перед началом занятий и после их окончания читались молитвы. Большое внимание уделялось преподаванию Закона Божия, которое, по мнению руководителей военно-учебного ведомства, обладало «наивеличайшей силой… в этом всеобщем действии на душу детей»[812]. Чтобы преподавание этой дисциплины осуществлялось во всех кадетских корпусах единообразно и в строгом соответствии с требованиями, предъявляемыми Синодом, была учреждена должность главного наблюдателя по преподаванию Закона Божия в военно-учебных заведениях. Законоучителям вменялось в обязанность посещение кадет в рекреационное время. В «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» публиковались речи, произнесенные духовными лицами по разным случаям. Великий князь Михаил Павлович впервые обратил внимание на религиозное воспитание кадет-мусульман.

[811] Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. Высочайше утверждено 24 декабря 1848 г. СПб., 1849. С. 2.
[812] По вопросу о нравственно-религиозном образовании в военно-учебных заведениях // Педагогический сборник. 1868. № 10. Ч. неофиц. С. 1069.

Для них были организованы занятия по изучению Корана под руководством мулл, разработаны правила отправления необходимых обрядов[813]. Чтобы кадеты-мусульмане могли посещать общие религиозные мероприятия, им предоставлялся отпуск с освобождением от учебных занятий. Кадет-лютеран провинциальных корпусов, не имевших возможности получать необходимое им религиозное воспитание под руководством пастора, переводили в столичные военно-учебные заведения. В петербургских корпусах преподавание Закона Божия лютеранам под руководством Генеральной консистории было организовано на вполне приемлемом уровне: выделены уроки, закуплены необходимые руководства, наняты преподаватели (причем для кадет, совершенно не владеющих немецким языком, было введено, в виде исключения, временное преподавание на русском языке[814]). В 1836 г. было начато преподавание Закона Божия воспитанникам-армянам на их родном языке[815]. Таким образом, в основу религиозного воспитания были положены принципы плюрализма и веротерпимости. Лишь кадет – сыновей казаков-старообрядцев правительство пыталось всеми силами склонить к переходу в православие[816].

Однако из-за плохо подобранного состава офицеров воспитательная работа велась во многих заведениях лишь формально. Главное внимание обращалось на дисциплину. Кадетские корпуса николаевской эпохи были настоящими «педагогическими машинами», подобными Военной школе Франции, основанной в 1751 г. по проекту финансиста Жозефа Пари Дюверне и преследовавшей следующие цели: «муштровать тела – императив здоровья; формировать компетентных офицеров – императив квалификации; создавать послушных военных – политики; предупреждать разврат и гомосексуализм – императив нравственности»[817]. В некоторых заведениях определенное внимание уделялось внешней благопристойности и светскому лоску. Так, в представлении ротного командира Пажеского кор-

[813] Приказ Главного начальника Пажеского, всех Сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка. 13 декабря 1834 г. № 25. П. 5.
[814] РГВИА. Ф. 725. Оп. 5. Д. 122. Л. 1.
[815] Приказ Главного начальника Пажеского, всех Сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка. 16 апреля 1836 г. № 128. П. 4.
[816] Приказ Главного начальника военно-учебных заведений. 24 января 1847 г. № 819. П. 2.
[817] Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 252.

пуса К.К. Жирардота идеал пажа выглядел следующим образом: «вежливость, воспитанность, умение говорить на французском языке, любовь к Царю и Отечеству и службе, с полным проникновением чувства долга»[818]. Поскольку разделение воспитанников на роты не совпадало с классным делением, воспитательная часть была полностью отделена от учебной. Корпусными офицерами становились обычные строевые офицеры, недостаточно образованные, совершенно не знакомые с приемами воспитания и в силу этого стремившиеся перенести на своих подопечных привычную им армейскую муштру. В большинстве случаев они не имели никакого нравственного авторитета в глазах воспитанников и по причине своей необразованности и ограниченности часто становились объектом для издевок. Вследствие этого роль корпусных офицеров сводилась к простому надзору за соблюдением внешнего порядка – как правило, с помощью наказаний. По свидетельству военного педагога Г.Д. Щербачева, «кадет воспитывали в корпусах так же, как отставной фельдфебель воспитывает своих сыновей; в чем бы и как бы ни провинился мальчик, ему давали розги, не разбирая ни степени его вины, ни побуждения к ней…»[819] Все время, свободное от занятий, было занято маршировкой, ружейными приемами и гимнастикой. Даже религиозное воспитание порой велось спустя рукава: по отзыву А.Н. Куропаткина, «…преподаватели не передавали в молодые сердца «искры Божией», не вызывали религиозного чувства…»[820] В итоге религиозные чувства к началу 1860-х гг. настолько заглохли, что в заведениях не только получили распространение антирелигиозные сочинения, но и было зафиксировано несколько случаев богохульства[821]. Зачастую наружное следование обрядам причудливым образом сочеталось с равнодушным или даже отрицательным отношением к религии.

По мнению Д. Ливена, российские кадетские корпуса первой половины XIX в. являлись почти полными аналогами прусских кадетских корпусов, «…отличались жестким режимом и антиинтеллектуальной направленностью, но

[818] Тавастшерна В. Столетие Пажеского Е.И.В. корпуса. 1802-1902. Оттиск статьи, напечатанной в № 12 «Артил. Журнала» за 1902 г. СПб., 1902. С. 8.
[819] Щербачев Г.Д. Идеалы моей жизни. Воспоминания из времен царствования императоров Николая I и Александра II. М., 1895. С. 11.
[820] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1740. Л. 12.
[821] РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 5735. Л. 14 об. – 15, 27 об.; ОР РНБ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2. Л. 168.

готовили крепких, храбрых и преданных строевых офицеров…»[822] Николаевская воспитательная политика в совокупности с созданными в 1830-е гг. едиными для всего военно-учебного ведомства образовательными программами, а также с официальными церемониями и военно-культурными артефактами служила действенным средством унификации подготовки офицеров, выработке в них специфического менталитета, отличавшего профессиональных военных.

Начало военно-учебной реформы Александра II ознаменовало отказ от формально-репрессивной модели воспитания. На смену произвольно и механически налагаемым наказаниям пришел метод индивидуальной воспитательной работы. Педагоги, беседуя с воспитанниками, разъясняли им неправильность их поведения и стремились предотвратить совершение проступков в будущем. Воспитательная политика была модернизирована в соответствии с ликвидацией двуединой цели военно-учебного ведомства – развивать личность ребенка и одновременно готовить его к военной службе. После реорганизации старых корпусов воспитательная работа в военных гимназиях и военных училищах стала представлять собой две обособленные друг от друга стадии. На первой стадии формировалась личность учащегося; этот процесс был освобожден от влияния преждевременно вводимого в корпуса военного элемента, оказывавшего деформирующее и даже губительное воздействие на развитие ребенка. В военном гимназисте требовалось развить следующие качества: «Здоровье, силу и бодрость тела и духа, спокойную наблюдательность и верность взгляда на вещи, способность ясного и быстрого соображения и понимания данного вопроса, скромность, твердость и решительность в суждениях о предметах, отнюдь не выходящих за пределы доступного и подлежащего его личному суждению, точность и краткость в выражении собственных мыслей и передаче сообщенного другими, наконец, нравственное мужество и энергическую решимость исполнять собственными силами предстоящую за-

[822] Ливен Д. Указ. соч. С. 211. По мнению Д. Ливена, определенная специфика была присуща Пажескому корпусу – элитному учебному заведению, в котором большое внимание уделялось светскому воспитанию. С этим нельзя не согласиться. Однако утверждение Ливена о том, что главной целью Школы гвардейских подпрапорщиков в директорство А.Н. Сутгофа было всестороннее интеллектуальное развитие обучающихся, на наш взгляд, весьма далеко от истины.

дачу, даже в случае малой вероятности успеха»[823]. Кроме того, у военных гимназистов следовало формировать добросовестное отношение к своим обязанностям.

Военные гимназисты воспитывались не в казарменной, а в семейной обстановке; отсутствие дисциплинарных отношений позволяло воспитателям «относиться к детям с необходимым для возраста последних участием и мягкостью»[824]. Стало уделяться очень большое внимание составу воспитателей: строевых офицеров заменили гражданские лица с высшим образованием, получавшие приличное денежное содержание. Поскольку, по мнению Д.А. Милютина, даже лучший воспитатель не в состоянии заменить ребенку родителей, по его настоянию в 1873 г. были открыты 3-я Петербургская и Симбирская военные гимназии, предназначенные исключительно для приходящих воспитанников. Главной целью воспитательной работы в военных гимназиях являлось всестороннее развитие личности ребенка, раскрытие ее творческих способностей и создание тех нравственных основ, «кои необходимы для ревностного выполнения предстоящего ему впоследствии высокого долга – быть верным и полезным слугой своего Государя и отечества»[825]. Телесные наказания и ограничение в пище были сведены к минимуму, а в некоторых гимназиях отменены совсем. Воспитатели должны были предупреждать проступки, действовать на гимназистов личным примером, смягчать нравы и формировать доверительное отношение к себе. Пренебрежительное отношение к воспитанникам сменилось подчеркнуто уважительным; воспитателям настоятельно рекомендовалось обращаться к гимназистам на «Вы». Значительное внимание стало уделяться организации досуга. Кроме того, дети были избавлены от вредного влияния старших воспитанников – во-первых, на базе бывших специальных классов кадетских корпусов были созданы военные училища, во-вторых, возрасты, на которые стали делиться военные гимназисты, были почти полностью изолированы друг от друга.

---

[823] Инструкция для преподавания учебных предметов в военных гимназиях. Положения общие // Педагогический сборник. 1883. № 1. С. 7.
[824] Реформа военно-учебных заведений. Ее причины, способ осуществления и результаты // Педагогический сборник. 1869. № 3. Ч. неофиц. С. 181.
[825] Инструкция для преподавания учебных предметов в военных гимназиях. Положения общие // Педагогический сборник. 1883. № 1. С. 6-7.

Религиозное воспитание велось на прежних началах веротерпимости. Воспитанники, по объективным причинам (например, отсутствие преподавателей) не имевшие возможности пользоваться духовным назиданием, пользовались правом на перевод в другую военную гимназию; при невозможности перевода обязанность обеспечивать религиозное воспитание военных гимназистов возлагалась на их родителей или опекунов[826]. Были составлены перечни обязательных молитв и уточнены их тексты, увеличено количество уроков по Закону Божьему, рекомендованы наиболее подходящие учебники. В 1870 г. были разработаны правила относительно порядка говения воспитанников. Для желающих поститься в течение всего Великого поста был открыт постный стол. В свободное от занятий время организовывались беседы законоучителей с воспитанниками. Во время каникул военным гимназистам вменялось в неукоснительную обязанность посещение церкви.

Полноценное воспитание юноши как будущего офицера начиналось лишь в военных училищах. Молодые люди после перевода в училище принимали присягу и зачислялись на действительную воинскую службу. Требования к юнкеру не отличались от требований к солдату. Его необходимо было воспитывать в строгих условиях военной дисциплины и порядка действительной службы так, чтобы он сумел «свыкнуться с обстановкой военного быта, сопряженного с лишениями и пожертвованиями»[827]. Чтобы еще на училищной скамье приучить будущего офицера к работе с подчиненными, лучшие юнкера назначались командирами отделений и взводов, им присваивались унтер-офицерские и фельдфебельские звания. Этот воспитательский метод полностью себя оправдал: «Молодые начальники – юнкера – из кожи лезли вон, чтобы только не ударить лицом в грязь перед своими недавними товарищами, ставшими вдруг сразу в положение подчиненных. А мы, подчиненные, старались не подвести чем-нибудь такое начальство перед высшим командованием училища, ибо не могли не считать начальников-юнкеров своими товарищами и знали, что через год многие из нас попадут в такое же положе-

[826] РГВИА. Ф. 725. Оп. 8. Д. 84. Л. 32 об., 35.
[827] Головнин А.В. О военно-учебных заведениях. СПб., 1862. С. 3.

ние»[828]. Религиозному воспитанию юнкеров уделялось достаточное внимание (преподавался Закон Божий, создавались хоры певчих). Решение вопроса об организации преподавания Закона Божия юнкерам-иноверцам было оставлено на усмотрение непосредственного начальства заведений.

При Александре III началась постепенная милитаризация воспитательного процесса в рамках подготовительной ступени военного образования. Военные гимназии, переименованные в 1882 г. в кадетские корпуса, были призваны «воспитать в своих питомцах тот военный дух, которым искони отличались офицеры русской армии»[829] и тем самым готовить их морально к прохождению курса в военных училищах. Гражданские воспитатели постепенно заменялись офицерами.

В соответствии с «Инструкцией по воспитательной части для кадетских корпусов», воспитание, «живо проникнутое духом христианского вероучения и строго согласованное с общими началами русского государственного устройства», преследовало следующую цель: «подготовление воспитывающихся юношей к будущей службе Государю и Отечеству – посредством постепенной, с детского возраста, выработки в кадетах тех верных понятий и стремлений, кои служат прочной основой искренней преданности Престолу, сознательного повиновения власти и закону и чувств чести, добра и правды»[830]. Основные принципы, лежавшие в основе системы воспитания в военных гимназиях (отсутствие муштры и ранней военной специализации, гуманное отношение воспитателей к их подопечным), были сохранены[831]. Религиозное воспитание начиналось в первом классе и продолжалось до окончания корпуса, причем преподавание Закона Божия должно было «выражаться не в форме только простого изложения уроков Св. веры, как предмета знания, но в форме живых и вразумительных бесед с детьми о вере и благочестии»[832]. Цель религиозного воспитания заключалась в формировании религиозно-нравственных убеждений, «в которых каждый юноша имел бы всегда надежную опору от могущих постигнуть его впоследствии внутренних сомнений

[828] ГАРФ. Ф. Р-6797. Оп. 1. Д. 29. Л. 28-29.
[829] РГВИА. Ф. 725. Оп. 20. Д. 18. Л. 137 об.
[830] Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. СПб., 1886. С. I.
[831] Несколько слов о необходимости дальнейшего развития преобразований военно-учебных заведений // Педагогический сборник. 1899. № 12. Ч. неофиц. С. 503-504.
[832] РГВИА. Ф. 725. Оп. 24. Д. 219. Л. 2 – 2 об.

и внешних искушений, как и постоянный источники душевной силы для доброго совершения предстоящего ему дела жизни»[833]. В 1890 г. были приняты новые инструкции по религиозному воспитанию, в соответствии с которыми на первый план выдвигались религиозные средства укрепления духа воина, формирования в нем «благонравия и честности, полного послушания начальникам и безграничной преданности престолу и Отечеству»[834]. Принцип религиозного плюрализма остался в силе, однако во многих заведениях воспитанники-иноверцы в некоторых случаях должны были посещать и православные богослужения. Перечень обязательных молитв был уточнен с учетом сложившихся традиций, требования к их общему исполнению – ужесточены.

Несмотря на предпринимаемые усилия, в пореформенных корпусах эффективность учебно-воспитательной работы неуклонно снижалась. Офицеры-воспитатели, как и корпусные офицеры дореформенного времени, не имели необходимой педагогической подготовки, относились к своим обязанностям формально и тяготели к репрессивной модели взаимоотношений с кадетами. Доверие воспитанников к воспитателям, исчезнувшее еще в конце 1870-х гг., так и не удалось восстановить. Общая милитаризация кадетской жизни, наложившись на отчужденные отношения между преподавателями и кадетами, вернула в заведения казарменный дух. В Морском корпусе при директоре Д.С. Арсеньеве на первый план, напротив, выдвинулась светская дрессировка[835].

Великий князь Константин Константинович сразу после того, как возглавил военно-учебное ведомство, выразил желание «избавиться… от казарменно-казенного духа и ввести принцип сочетания строгости и заботы»[836]. С этой целью он изменил принципы воспитания. Формальное отношение к подопечным было ликвидировано, политика запретов и ограничений пересмотрена. Августейший главный начальник требовал вдумчивого, сердечного, индивидуального подхода к каждому воспитаннику, учитывающего его возраст, характер, способности, се-

[833] Там же. Л. 6 – 6 об.
[834] Кузнецов В.Д. Религиозные основы подготовки будущих офицеров Российской империи в 1890-1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2005. № 12. С. 62.
[835] РГАЛИ. Ф. 458. Оп. 3. Д. 17. Л. 54 – 55 об.
[836] Голощапова Е.В. Духовно-нравственное воспитание в кадетских корпусах России во второй половине XIX – начале XX века. Ульяновск: Вектор-С, 2009. С. 33.

мейное положение. Излишне строгий контроль над старшими кадетами, основанный на изначальном недоверии к ним, как полагал К.Р., угнетал кадет нравственно и приносил серьезный вред воспитательному делу, убивая в военной молодежи самостоятельность и задерживая развитие характера будущих офицеров. Великий князь считал, что «…поддерживая все свои требования с принципиальной строгостью и устраивая над вновь поступающими самый бдительный надзор, закрытое заведение обязано, по мере нравственного роста своих воспитанников, постепенно поднимать в них сознание человеческого достоинства и бережно устранять все то, что может унизить или оскорбить это достоинство»[837]. Были отменены многие мелочные запреты, отравлявшие жизнь кадет старших классов. Наказания, в пореформенных корпусах успевшие широко войти в обиход, были резко ограничены.

Бóльшее внимание стало уделяться религиозному воспитанию кадет, в основу которого «было положено непосредственное изучение Св. Писания на русском и церковнославянском языках»[838]. Были обновлены богословские отделы ротных библиотек, заведены ротные образа, желающим поститься в течение всего Великого поста готовили постную пищу. Католикам Закон Божий преподавал ксензд, протестантам – пастор. В дни религиозных праздников инославные кадеты имели право посещать своих храмы. Начиная с 1907 г. в корпусах были организованы внеклассные чтения Библии законоучителями и офицерами-воспитателями.

Впервые было обращено некоторое внимание на политическое воспитание – начальникам военных и юнкерских училищ рекомендовалось организовать беседы, в ходе которых юнкерам была бы разъяснена сущность социалистических учений[839].

Кроме того, Константин Константинович предпринял попытку создать институт «старших кадет», которые были бы помощниками офицеров-воспитателей

---

[837] Приказ Главного начальника военно-учебных заведений. 24 февраля 1901 г. № 30.
[838] Коровин В.М. Военное образование в Российской империи (середина XIX – начало XX в.): монография. Воронеж, 2009. С. 122.
[839] Михайлов А.А. Военно-учебное ведомство России во второй половине XIX – начале XX в. и его роль в подготовке офицерских кадров: дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2000. С. 514.

в младших классах. По его мнению, это позволило бы как поднять дисциплину в младших классах, так и приучить кадет старших классов к работе с подчиненными. Однако эта инициатива не увенчалась полным успехом: старшие кадеты, в отличие от начальников-юнкеров, далеко не всегда могли поставить себя надлежащим образом по отношению к младшим товарищам, а воспитательские обязанности отнимали у них слишком много времени.

После Февральской революции начался поиск новых форм и методов ведения воспитательной работы. Один из видных военных педагогов В.П. Буданов предлагал сделать основной воспитательной единицей не роту, а классное отделение, как можно более приблизив воспитательный процесс к семейным условиям. Быт воспитанников должен был быть подвергнут максимальной демократизации: учащихся предполагалось привлекать к мелкой починке платья, уборке помещений, работе на дворе, отучая их тем самым от барства.

Согласно решению 1-го Всероссийского съезда делегатов кадетских корпусов, состоявшегося в июле 1917 г. в Петрограде, по сравнению с прежними корпусами в гимназиях военного ведомства усиливались элементы гражданского воспитания и самодеятельности, планировалось создание ученических организаций. Казарменную обстановку многие делегаты съезда предлагали ослабить, по возможности приблизив жизнь учащихся к семейной и заменив надзор постоянным общением воспитанников с воспитателями.

В августе 1917 г. обреченные на демилитаризацию кадетские корпуса были переименованы в гимназии военного ведомства. Воспитание гимназистов «должно было быть организовано на широких демократических началах с полным отказом от прежнего предназначения воспитанников к военной службе»[840]. Деление на роты было отменено, должности ротных командиров упразднены. К исполнению воспитательских обязанностей были допущены преподаватели, имевшие педагогическую практику; число их уроков сокращалось до 15. Однако жизнь гимназий

[840] Положения по учебно-воспитательной части для гимназий военного ведомства на 1917-18 учебный год // Педагогический сборник. 1917. № 7-9. Ч. офиц. С. 2.

военного ведомства оказалась недолгой, и уже в следующем году они были закрыты или реорганизованы в трудовые школы.

Подводя итоги, необходимо сказать следующее. Несмотря на большое значение традиций религиозно-нравственного воспитания, в основе которых лежали христианские идеалы, веротерпимость, гуманизм и милосердие, значительную роль в воспитании будущих офицеров играли казарменно-репрессивные воспитательные традиции. Особенно сильно их негативное влияние сказывалось в первой половине и в последней четверти XIX в. Взгляд на воспитанника не как на будущего воина, а как на человека был впервые положен в основу воспитания в конце XVIII в., но тепличные формы, в которые было облечено воспитание «новой породы людей», свели на нет все его положительные стороны. Военные гимназии стали эффективным полигоном для апробации идей гуманистического воспитания, однако его плоды были недолговечными и неприемлемыми с точки зрения подготовки будущего офицера. Лишь в начале XX в., когда воспитательная система стала базироваться на военно-рыцарских идеалах, главным проводником которых в жизнь был великий князь Константин Константинович, две мешавшие друг другу до этого цели – воспитание человека и воспитание офицера – были гармонично объединены.

4.3. Традиции военно-профессиональной подготовки офицеров

Военно-профессиональная подготовка будущих офицеров осуществлялась по двум направлениям – практическому (техническому, утилитарному) и воспитательному. В рамках первого направления воспитанников учили тому, что должен знать и уметь офицер, в рамках второго – осуществляли формирование их личности на основе идей патриотизма, мужества, верности воинскому долгу.

Начало традициям военно-профессиональной подготовки будущих офицеров было положено в полках «нового строя». В рейтарском полку И. Фанбуковена начиная с 1649 г. осуществлялось обучение «упражнениям пешего строя с пиками

и мушкетами», а также «упражнениям конного строя»[841]. Экзерциции велись на основе книги известного военного теоретика начала XVII в. И.Я. Вальгаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», переведенной в 1647 г. на русский язык и ставшей первым русским воинским уставом[842]. Вальгаузен был последователем идей нидерландской школы, однако, по мнению А.А. Свечина, исказил их «пристрастием к фантастическим построениям войск в огромные сложные фигуры – восьмиугольником, крестом и т.д.»[843]. П. Гудима-Левкович полагал, что «самое существование устава и даже слабое знакомство с ним все-таки дает повод видеть, что была потребность обучать людей и более или менее регламентировать это обучение»[844]. Кроме того, сам Фанбуковен в 1651 г. составил инструкцию для проверки подготовки «урядников» – так в России середины XVII в. называли всех «начальных людей», от ефрейтора до полковника. Запросы командиров рейтарских полков относительно выдачи им пороха, свинца и фитилей свидетельствуют о том, что рейтар учили стрелять. Использование европейской системы чинов, в которые офицеры полков «нового строя», как правило, производились последовательно, не пропуская ни одной ступени, способствовало усвоению представлений об иерархичности военной службы, достаточно жесткой зависимости служебного положения не только от личных качеств, но и от выслуги положенного числа лет.

Дальнейшее развитие традиций военно-профессиональной подготовки «начальных людей» было связано с деятельностью «потешных» полков Петра I. Зачисленные в «потешные» подростки и юноши не только проходили основательный курс строевой муштры по европейским уставам, но и получали солидную военно-практическую подготовку, в рамках которой знакомились с осадой и атакой крепостей, стрельбой из пушек, военными маневрами, морским делом, отрабатывали практические навыки владения холодным и огнестрельным оружием. Кроме

[841] Каргалов В.В. Полководцы XVII в. М.: Патриот, 1990. С. 269.
[842] Рогожин А.А. Рейтары полка И. Фанбуковена. Создание в середине XVII века русских воинских формирований и подготовка для них командных кадров // Военно-исторический журнал. 2012. № 9. С. 23; Мышлаевский А.З., Парийский И.В. [Предисловие] // Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб.: Бережливость, 1904. С. I.
[843] Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том I. М.-Л.: Военгиз, 1928. С. 174.
[844] Гудима-Левкович П. Историческое развитие вооруженных сил в России до 1708 года. СПб., 1875. С. 53.

того, в «потешных» полках были заложены основы воинского воспитания будущих офицеров – в них действовал товарищеский суд чести, формировались представления о воинской дисциплине, чувстве долга и боевого товарищества, прививались любовь к армии и Отечеству «частью путем изучения истории, частью путем бесед о текущих государственных делах»[845].

В 1699 г. Петр и его сподвижники «для образования кадров в новоприборные солдатские полки, преимущественно офицеров и сержантов… принялись за обучение стольников и недорослей обращению с оружием по ”Воинским Артикулам”»[846]. Центрами военной подготовки являлись села Преображенское и Семеновское. Вымуштрованные по Артикулам недоросли производились в сержанты, а лучшие получали сразу чин прапорщика. Однако эта подготовка велась спешно и преследовала ограниченные цели («чин свой знать и с ружьем ходить»). После начала Северной войны военно-профессиональная подготовка офицеров в гвардейских полках велась эмпирическим путем, без четкого плана, что не способствовало достижению эффективных результатов. Даже фронтовое образование личного состава гвардии «…не успело усовершенствоваться, вследствие беспрерывных походов, что и не давало возможности обращать должного внимания на эту отрасль образования войск»[847]. Деятельность полковых школ, готовивших унтер-офицеров, не была эффективной. Это обстоятельство вкупе с насущной задачей повышения уровня общеобразовательной подготовки офицеров гвардии (многие из которых были неграмотными и не могли выполнить возложенные на них простейшие поручения) побудило Петра I учредить в 1721 г. при Преображенском полку инженерную школу, в которой изучались арифметика, геометрия, черчение и основы фортификации[848]. Преимущественным вниманием начальства гвардейского начальства пользовалась лишь строевая подготовка, занятия которой, впрочем, далеко не всегда велись регулярно и с должным тщанием. Периодически

[845] Назаров А.М. Потешные. Роль их в прошлом и задачи в будущем. Исторический очерк «О потешных полках Петра I». Одесса: типо-литография Штаба Одесского военного округа, 1911. С. 97.
[846] Бобровский П.О. История Лейб-гвардии Преображенского полка. Т. 1. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1900. С. 356.
[847] Чичерин А. История Лейб-гвардии Преображенского полка. 1683-1883 гг. Т. 1. 1683-1725 гг. СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1883. С. 541.
[848] Дирин П. История л.-гв. Семеновского полка. СПб.: Тип. Эдуарда Гоппе, 1883. Т. 1. С. 164-165.

устраивались полковые и ротные учения со стрельбой, причем каждый офицер должен был иметь при себе копию своей диспозиции. Учения, лагери и маневры сохраняли свое значение в качестве средства приобщения будущих офицеров к военно-культурным традициям и в последующее время. Такую же роль играли парады и смотры, наглядно демонстрировавшие служившим в полках кандидатам на производство в офицеры мощь русского воинства. Так, Преображенский полк ежегодно участвовал как минимум в шести парадах – «в день Нового года, в Крещенском, в день тезоименитства Государя, в воспоминание Полтавского сражения, в день полкового праздника и в день победы под Лесной»[849]. Однако целенаправленная военно-воспитательная работа с юнкерами и подпрапорщиками в полках – и гвардейских, и армейских – никогда не велась. Превращение молодых людей в носителей профессионального военного менталитета осуществлялось бесконтрольно и хаотически, вследствие чего очень часто принимало уродливые формы. Поэтому в формировании профессиональных качеств, которыми должен был обладать офицер, большая роль отводилась военной школе.

Военно-учебные заведения России с самого начала своего существования выполняли, помимо подготовки офицеров, множество других функций – благотворительных, общеобразовательных, просветительских, культурных. Побочные задачи зачастую выходили на первый план, мешая воспитанию будущих военных. В связи с этим военно-профессиональная подготовка кадет и юнкеров нуждалась в особом внимании и постоянной поддержке.

Петровские школы готовили не офицеров, а военно-технических специалистов («образованных артиллерийских служителей», по выражению В.Н. Бенды[850]), воспитательная же работа в них не велась совсем (за исключением жестоких телесных наказаний). О создании хотя бы какого-то подобия целостной образовательной среды не могло быть и речи – катастрофически не хватало педагогических кадров, методика преподавания и воспитания находилась в зачаточном со-

[849] Чичерин А. История Лейб-гвардии Преображенского полка. 1683-1883 гг. Т. 1. 1683-1725 гг. СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1883. С. 564.
[850] Бенда В.Н. Создание и развитие системы подготовки военных кадров в России в конце XVII – первой половине XVIII в. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2008. С. 109.

стоянии, а надзор за учащимися был невозможен из-за того, что они жили не в заведении, а на частных квартирах.

Кадетский корпус, открытый в 1731 г., играл роль дворянского университета. Его выпускники предназначались как для армии, так и для бюрократического аппарата. Однако военно-профессиональная подготовка была достаточна сильна: обучение строю и воинским экзерциям занимало до 4 часов в день, кадеты проходили обязанности часового, патрульного, учились писать рапорты и прочие служебные документы.

Во второй половине XVIII в. в учебный процесс стали активно внедряться и другие элементы военно-практической подготовки. В 1759 г. кадет Сухопутного шляхетного кадетского корпуса начали обучать «фейерверкерному искусству», и с этой целью артиллерии капитаном П.И. Мелиссино были сделаны разнообразные инструменты и машины[851]. В екатерининскую эпоху, несмотря на доминирование просветительских и энциклопедических идей, кадеты Сухопутного корпуса упражнялись в черчении планов всех важнейших крепостей Европы, а в 1788 г. директор корпуса Ф.-Е. Ангальт ввел практическое обучение ружейной и артиллерийской стрельбе[852]. Тогда же кадеты в летнее время стали жить в лагере, который, правда, располагался на одном из лугов на территории корпуса. Идейной подготовке воспитанников к военной службе уделялось, однако, крайне мало внимания, и кумирами кадет были не великие полководцы, а античные поэты и французские философы-энциклопедисты.

В александровское царствование увлечение шагистикой негативно повлияло на военно-профессиональную подготовку будущих офицеров, сообщив ей однобокий, показной, уродливый характер. С одной стороны, излишне пристальное внимание обращалось на фронтовые занятия. Воспитанников постоянно выводили на частные и общие строевые учения, которые были столь продолжительными и изматывающими, что многие воспитанники «соделывались негодными к военной

[851] РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 3034. Л. 94.
[852] Яковлева Л.В. Педагогические особенности воспитания кадетов и юнкеров в военно-учебных заведениях Российской империи: дис. … канд. пед. наук. Воронеж, 2011. С. 28.

службе от трепетания сердца и аневризма»[853]. С другой стороны, с 1812 г. воспитанников перестали выводить в лагерь.

Однако «милитаризация» военного образования повлекла за собой и положительные явления в области военного воспитания. В 1818 г. с Царицына луга к зданию 1-го кадетского корпуса был перенесен обелиск, посвященный победам П.А. Румянцева-Задунайского, учившегося в Сухопутном корпусе в 1740-41 гг. Историк корпуса А.В. Висковатов дал следующую оценку этому событию: «Мысль счастливая: поставить обелиск бессмертного полководца в виду Корпуса, его образовавшего и им взамен прославленного, – в виду юношей, которые, взирая с глубоким уважением на памятник победам их предка-товарища, не должны ли одушевляться желанием подражать ему!»[854]

Николай I и занимавший пост Главного начальника Пажеского корпуса, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка великий князь Михаил Павлович приложили много усилия для улучшения военно-профессиональной подготовки кадет. Михаил Павлович, видя вред чрезмерных занятий фронтом, предписал директорам корпусов «сколько возможно более соразмерять фронтовые занятия воспитанников с физическими их силами»[855]. Кадет стали вновь выводить в лагеря. Во время пребывания в лагерях воспитанники обучались строевой, лагерной и форпостной службе, занимались гимнастикой и фехтованием, а кадеты старших классов, кроме того, присутствовали при стрельбе из артиллерийских орудий, строительстве полевых укреплений, минных и других инженерных работах, а также обучались съемке планов.

Жизнь воспитанников в лагерях была максимально приближена к солдатской. Юнкера Артиллерийского училища выступали в лагерь в полной походной

---

[853] Лалаев М.С. Наши военно-учебные заведения под главным начальством великого князя Михаила Николаевича. 1860-1863. СПб., 1898. С. 10. Впрочем, в Морском корпусе в александровскую эпоху фронтовых занятий не проводилось вообще, а знамена, пожалованные заведению при Екатерине II, до 1826 г. лежали в куче хлама на чердаке, где их грызли мыши.

[854] Висковатов А.В. Краткая история 1-го кадетского корпуса. СПб., 1832. С. 55-56.

[855] Цит. по: Зверев С.Е. Юбилейный сборник Михайловского Воронежского кадетского корпуса. 1845-1895. Воронеж, 1898. С. XII.

амуниции, а в самом лагере жили в палатках или шатрах, участвовали в учениях, смотрах, парадах. Завершалось пребывание в лагере большими маневрами[856].

Для приучения кадет к требованиям воинской дисциплины стали назначаться начальники из самих воспитанников – ефрейторы, унтер-офицеры и фельдфебели. Они являлись помощниками офицеров и отвечали за поведение своих подчиненных.

В столовом зале Морского корпуса в 1826 г. была поставлена модель фрегата, стал ежедневно делаться развод в караулы в корпус и на фрегат, а также производились парусное учение и отработка командных навыков. Летом кадеты отправлялись в плавание по «Маркизовой луже» (Невской губе) на эскадре из четырех фрегатов, причем кадеты выполняли все судовые работы, кроме черных (мытья палубы и пр.)[857]. Гардемарины отправлялись в плавание на судах особого отряда либо на кораблях Балтийского флота.

Стало уделяться внимание и патриотическому воспитанию. В открытом в 1835 г. Полоцком корпусе в стену одного из коридоров было вделано ядро, которое, по преданию, засело в стене иезуитского коллегиума (здание которого занимал корпус) 7 октября, когда Полоцк штурмовала русская армия. Ядро должно было «напоминать юным питомцам заведения подвиги и самоотвержение их отцов и соотечественников в тяжкую для России годину 12 года»[858]. В 1836 г. директор 2-го кадетского корпуса генерал-майор Ф.Я. Миркович выступил с предложением о сооружении перед корпусным зданием памятника М.И. Кутузову, выпускнику Артиллерийской и инженерной дворянской школы. «Напоминание славы знаменитого их предшественника», по мнению Мирковича, должно было оказать большое нравственное влияние на кадет[859]. Разрешение на устройство памятника не было получено, однако Николай I повелел снять для корпуса копию с портрета полководца, находящегося в военной галерее Зимнего дворца. Корпус-

[856] Башилов П.А. «Прожитые годы. Мои воспоминания». Ч. 1. 1790-е – 1850-е гг. (1890-е гг.) // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 103. Л. 55 – 55 об.
[857] Кротков А.С. Морской кадетский корпус. Краткий исторический очерк. СПб., 1901. С. 147.
[858] 6-го декабря 1885 г. Празднование пятидесятилетнего юбилея Полоцкого кадетского корпуса. 1835-1885. Полоцк: Типография Х. Клячко, 1886. С. 19.
[859] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2. Д. 60. Л. 4.

ные офицеры и законоучители часто беседовали с кадетами о подвигах офицеров и солдат, о необходимости защищать Родину до последней капли крови.

Многочисленные войны, в которых участвовала Россия, оставляли значительный след в жизни военно-учебных заведений. По распоряжению Николая I в корпуса передавались копии с портретов полководцев и картины, изображавшие сражения. Как было сказано выше, начиная с 1835 г. на черных мраморных досках в корпусных церквах записывались имена выпускников, убитых и умерших от ран. В «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» помещались описания эпизодов Кавказской войны, публиковались портреты бывших кадет – георгиевских кавалеров. Кроме того, портреты георгиевских кавалеров доставлялись в те кадетские корпуса, в которых они получили образование. Александр II вскоре после своего вступления на престол повелел завести белые мраморные доски для выпускников корпусов – «кавалеров ордена Св. Георгия, кои оказали необыкновенные воинские заслуги»[860]. В корпуса передавалась и часть трофеев. Так, Николай I подарил Морскому корпусу турецкий флаг – трофей Наваринского сражения и гюйс захваченного в ходе Крымской войны египетского парохода.

Для того чтобы воспитанники дорожили своим званием и трепетно относились ко всем требованиям и обязанностям, в приказах по военно-учебным заведениям регулярно объявлялось о суровых наказаниях тех, кто был повинен в упущениях и нарушениях.

По мнению А.Н. Куропаткина, «николаевский» подход к военному воспитанию был достаточно эффективным: «…к тому, чтобы нам стать хорошими служаками, делалось многое. Мы любили свое военное звание, гордились им, готовились к подвигу в случае войны»[861]. Кадеты были хорошо знакомы с ратными подвигами Петра Великого и его сподвижников, славными делами русских полководцев второй половины XVIII – начала XIX вв.: П.А. Румянцева, А.В. Суворова, М.И. Кутузова, М.Б. Барклая-де-Толли, П.И. Багратиона, Д.С. Дохтурова. Их

[860] РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 1483. Л. 1.
[861] Воспоминания Куропаткина А.Н. («70 лет моей жизни»), 1848-1917 гг. Т. 1. Ч. 1. Гл. 1-4 // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1740. Л. 37.

кумирами были и знаменитые современники – герои Крымской войны: П.С. Нахимов, В.А. Корнилов, В.И. Истомин. Хотя далеко не всем воспитанникам была присуща горячая любовь к военному делу (для многих лентяев пределом мечтаний было «выйти в гарнизон» – пусть даже юнкером), самоидентификация наиболее энергичных и талантливых кадет происходила через отождествление своей будущей судьбы с судьбой выдающихся русских полководцев (в первую очередь А.В. Суворова, образ которого в кадетском сознании являлся наиболее легендированным). Популярные в конце XVIII в. образы античных героев были почти полностью забыты.

Процесс реорганизации военно-учебных заведений, начавшийся в 1860-е гг., по мнению авторов некоторых проектов (например, С.Г. Строганова), не должен был затронуть ни фронтовых занятий, ни военных упражнений воспитанников. Однако в окончательном виде реформа представляла собой разделение военного образования на две ступени: подготовительную и профессиональную. На профессиональной ступени (в военных училищах) воспитанники должны были уделять особое внимание теоретическому и практическому изучению военных предметов, их воспитание носило более «военизированный» характер, а обстановка приближалась к условиям действительной службы. Подготовительная ступень (военные гимназии) должна была быть освобождена от военных упражнений и военно-дисциплинарных отношений, которые были признаны преждевременными и вредными для детей. На первый план выдвигалось воспитание личности, а обучение фронту, которое обезличивало людей, должно было быть облечено в форму гимнастических упражнений. Для того, чтобы воспитанники имели возможность провести летние каникулы в семейном кругу, отменялись лагерные сборы.

Почти полное исключение из подготовки военных гимназистов военного элемента вызывало недовольство у руководителей военных училищ, которые полагали, что не могут подготовить в течение двух лет хороших офицеров, знакомых с требованиями военной службы, дисциплинированных и ответственных. По мнению начальника Константиновского военного училища полковника К.Д.

Кондзеровского, военные гимназии не должны совершенно игнорировать предназначение своих воспитанников к военной службе. Кондзеровский высказал пожелание, «чтобы хотя в старшем возрасте… обращено было серьезное внимание на развитие в воспитанниках любви к военному званию и на ознакомление их в некоторой степени с требованиями военной дисциплины и военного приличия…»[862]

Зато в военных училищах, куда переходили выпускники гимназий, специально-военной подготовке уделялось достаточное внимание. Юнкерам присваивались звания фельдфебеля, старших и младших портупей-юнкеров. Летом юнкера и пажи специальных классов участвовали с войсками в больших маневрах, во время которых принимали участие в линейных учениях и упражнялись в стрельбе в мишень. Устраивались военные поездки, производилась практическая стрельба из ружей в тире. Кроме того, юнкера обучались стрелять из револьвера и владеть шашкой. В Михайловском училище в 1871 г. была введена призовая стрельба из 4-фунтовых медных орудий на неопределенную дистанцию[863]. Для отличия наиболее подготовленных в военном отношении юнкеров кавалерийских училищ фамилии лучших ездоков заносились на специальные мраморные доски[864]. В Николаевском кавалерийском училище, кроме того, для поощрения занятий конной ездой в зимнее время, раз в неделю, устраивались конные турниры (карусели), на которых юнкера упражнялись в искусстве владеть конем и оружием. Эти карусели охотно посещались родственниками и знакомыми юнкеров[865].

Большое внимание уделялось и патриотическому воспитанию юнкеров. С этой целью организовывались экскурсии на места сражений, устраивались встречи с боевыми офицерами – выпускниками училищ. П.О. Бобровский предлагал разместить в классах, читальных комнатах и спальнях юнкеров картины с изображениями подвигов русских солдат и офицеров, изображения военно-бытовых сценок, чтобы «…в своем домашнем быту юнкера чувствовали бы себя среди тех людей, какими и они должны быть впоследствии, когда будут призваны на защи-

[862] РГВИА. Ф. 725. Оп. 13. Д. 153. Л. 70 об. – 71.
[863] Черновики писем (1901-1914 гг.) и воспоминания директора 1 кадетского корпуса Ф.А. Григорьева. «Дед внукам». Главы 1-7. 1901-1915 гг. // РГВИА. Ф. 267. Оп. 1. Д. 2. Л. 181.
[864] РГВИА. Ф. 725. Оп. 45. Д. 816. Л. 11 – 11 об.
[865] Шкот П.П. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища, бывшей Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1823-1898. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1898. С. 107.

ту Отечества»[866]. Юнкера воспитывались в духе уважения к воинской дисциплине, им было хорошо знакомо понятие чести мундира. В Чугуевском училище в 1860-е гг. даже был создан суд чести[867].

В Морском училище практическое обучение морскому делу в 1860-е гг. усилилось. Корпусные гардемарины стали назначаться на корабли, которые уходили в плавание по Средиземному морю. Кадеты, чье знакомство с морем раньше ограничивалось учениями на модели фрегата и катанием на шлюпках, начали плавать на фрегатах по Финскому заливу и Балтийскому морю.

В конце 1870-х – начале 1880-х гг. изъяны воспитательной парадигмы военных гимназий резко дали о себе знать. Общая распущенность сочеталась с нежеланием многих воспитанников переходить в военные училища. Осознание необходимости закрепления таких принципов воспитания, как нравственная и умственная дисциплина, сознание долга и чувства законности, любви и безграничной преданности престолу и отечеству, подтолкнуло к мысли о внедрении в программу военных гимназий элементов военной подготовки. По мнению видного военного педагога, директора Педагогического музея Главного управления военно-учебных заведений генерал-майора В.П. Коховского, в старших классах гимназий необходимо было ввести «некоторое начальное ознакомление и освоение… с условиями военной обстановки», а также, в весьма умеренных размерах, строевые упражнения с ружьями. На должности воспитателей Коховский предлагал назначать исключительно офицеров, возраста переименовать в роты, а в помощь офицерам-воспитателям назначать лучших воспитанников 7 класса, которые не только присматривали бы за своими младшими товарищами, но и усваивали бы командные навыки. Эти предположения легли в основу реформы военного образования 1882 г., в ходе которой военные гимназии были реорганизованы в кадетские корпуса.

В пореформенных кадетских корпусах большее внимание стало уделяться строевым занятиям и гимнастике, целью которых было сообщить воспитанникам

[866] Бобровский П. Юнкерские училища в 1874 году (Издание редакции журнала «Военный сборник»). СПб., 1875. С. 27.
[867] Ставропольское, Чугуевское, Рижское юнкерские училища. Письма (232) начальников училищ Павлу Осиповичу Бобровскому. Ставрополь, Чугуев, Харьков, Рига. 1865-75 // ОР РНБ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2. Л. 260-261.

бодрость, подтянутость, знакомство с внешними формами военного приличия. Весь уклад жизни кадетских корпусов был основан на строгой дисциплине, воинской подчиненности и чинопочитании, а внутренний порядок в строевой роте был приближен к порядку, существовавшему в военных училищах и в войсках. Согласно принятой в 1885 г. «Инструкции для военно-подготовительных занятий в кадетских корпусах», кадеты проходили как одиночное обучение (приобретали необходимую стойку и выправку, обучались правилам отдания чести и встречи начальника в строю, поворотам, движению и т.п.), так и шереножное и взводное учение, а также знакомились с пехотными сигналами. Воспитанники строевой роты обучались строю с ружьями, проходили ротное учение, занимались гимнастикой в соответствии с «Наставлением для обучения войск гимнастике» и обучались фехтованию на рапирах, эспадронах и ружьях.

В первые годы существования пореформенных кадетских корпусов кадеты строевой роты летом выводились на 6 недель в лагеря. Там они занимались строевым учением, изучали основы гарнизонной и полевой службы, ходили на военные прогулки, упражнялись в стрельбе дробинками, учились глазомерному определению расстояний, занимались топографическими работами, гимнастикой, фехтованием и плаванием. Кроме того, старшие кадеты знакомились в теории: со сведениями, обязательными для каждого солдата, сведениями о гарнизонной и полевой службе, топографическим черчением, устройством ружья, уходом за ним и определением прицела. Однако через несколько лет лагерные занятия были сочтены бесполезными и упразднены[868].

В 1885 г. в строевых ротах кадетских корпусов с целью привития кадетам служебной исполнительности и подготовки их к строевой службе были введены звания вице-фельдфебеля и вице-унтер-офицеров и установлены наружные знаки отличия для них (нашивки на погонах из золотого галуна). Какие-либо властные полномочия «чиновным» кадетам, однако, не были предоставлены ввиду незрелого характера и неопытности 15-17-летних юношей. Вице-фельдфебель и вице-

[868] Медем Б.Г. Былое и последовавшее в Петровской Полтавской военной гимназии и Петровском Полтавском кадетском корпусе. СПб., 1912. С. 49.

унтер-офицеры должны были следить за порядком, благопристойным поведением и опрятностью кадета, а также служить примером для младших товарищей, помогать им как словом, так и делом, а также являться охранителями чести родного корпуса. Однако корпусам не были возвращены ни строевая организация, ни знамена. Без этого военная подготовка кадет, их воинское воспитание не были полными.

Военные училища были призваны ликвидировать изъяны кадетской подготовки. В училищах, согласно «Положению» 1894 г., задача военного воспитания стояла на первом месте. Оно должно было прежде всего способствовать «возможно скорейшему отрешению их (кадет – А.Г.) от кадетских школьных воззрений»[869]. К дальнейшим задачам военного воспитания относились: «1) глубокое укоренение чувств долга верноподданнического и воинского, 2) образование честного, строго исполнительного и мужественного характера, 3) развитие и упрочение сознания о высоком значении воина, призванного к защите Престола и Отечества, 4) прочное усвоение воинской дисциплины и чинопочитания, 5) поддержание между юнкерами духа доброго товарищества, с должной в порядке службы подчиненностью к старшим из них по званию»[870]. Основой подготовки офицеров являлось «содержание юнкеров в строгом подчинении установленному в училище внутреннему порядку»[871]. Главным стержнем этого порядка являлся воинский строй. Будущие офицеры должны были понять, что дисциплина – это душа армии и что лишь она превращает людей в единый организм. Отношение к юнкерам было таким же, как к солдатам, безо всяких поблажек и снисхождений. Караульная служба была объявлена одним из самых важных занятий юнкеров, выполнение обязанностей младших командиров трактовалось как средство поощрения наиболее усердных и старательных воспитанников. Эталоном военной подготовки юн-

[869] РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 2039. Л. 91 об.
[870] Высочайше утвержденное Положение о военных училищах // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. XIV. 11007. § 33.
[871] Инструкция, определяющая правила военного воспитания и устройства внутреннего порядка в юнкерских училищах. СПб.: Изд-во В. Березовского, 1901. С. 4.

кера были «павлоны», щеголявшие своим доскональным знанием уставов, четким выполнением ружейных приемов и великолепной строевой подготовкой[872].

Воспитание юнкеров, как и ранее, было основано на принципах патриотизма и жертвенности, «…весь внутренний быт и воспитание юнкеров должны в возможно большей степени способствовать глубокому укоренению в них верноподданнического долга»[873]. В 1891 г. полковником Н.Д. Бутовским была разработана программа чтений, на которых юнкерам рассказывалось об общем положении молодого офицера в войсках (отношении к начальству, товарищам, служебных занятиях и обязанностях), занятиях с молодыми и старослужащими солдатами, лагерных занятиях и подготовке солдата к бою[874]. Продолжалось занесение на черные мраморные доски в церквах фамилий убитых и умерших от ран выпускников. В Морском училище, кроме того, были установлены серые мраморные доски с именами выпускников, погибших при крушениях судов во время исполнения служебных обязанностей.

Однако практической подготовке юнкеров к исполнению обязанностей офицера уделялось крайне мало внимания, и это обстоятельство особенно болезненно сказывалось на выпускниках училищ в первые годы их офицерской службы. Юнкеров, как и кадет, «приучали к нежности и баловству, но жизнь… гнали как можно дальше». Несамостоятельность, наивность, непрактичность – вот качества, которыми отличались бывшие питомцы военной школы.

Поэтому в начале XX в., когда на повестке дня оказался вопрос обновления армии, стали раздаваться призывы к установлению тесной связи между военной школой и войсками, к переустройству воспитания кадет и юнкеров на основе военно-рыцарских традиций, презрения к материальным благам и роскоши и преклонения перед героическими подвигами предков[875]. Великий князь Константин Константинович и его подчиненные приложили максимум усилий для того, чтобы развить в кадетах воинский дух и снабдить их сведениями, необходимыми юнке-

[872] Лапин В.В. Военная столица Российской империи. В фотографиях конца XIX – начала XX в. Альбом. СПб.: Изд-во «Лики России», 2007. С. 92.
[873] Инструкция, определяющая правила военного воспитания и устройства внутреннего порядка в юнкерских училищах. СПб.: Изд-во В. Березовского, 1901. С. 9.
[874] РГВИА. Ф. 725. Оп. 29. Д. 74. Л. 1 – 7 об.
[875] По вопросу о браках офицеров // Русский инвалид. 1898. 12 августа. № 174. С. 5.

ру и офицеру. Воспитанники кадетских корпусов обучались фехтованию, ружейным приемам, учились стрелять, изучали основы военной администрации. В старших ротах устраивались строевые ротные учения и военные прогулки под музыку. Были восстановлены лагеря. Кадеты участвовали в парадах, смотрах и прочих торжественных церемониях.

Представители офицерского корпуса с одобрением встретили эти мероприятия и настаивали на дальнейшем развитии и углублении военно-профессиональной подготовки воспитанников. По мнению полковника В.Л. Райковского, следовало более тесно связать кадетские корпуса со строем и военными занятиями. Для достижения этой цели он предлагал начать обучение ружейным приемам со среднего возраста, а выпускной роте разрешить настоящую стрельбу из облегченных ружей[876]. В 1911 г. эта задача была отчасти решена: обучение стрельбе стало начинаться с 4 класса, а во всех классах были введены прогулки-экскурсии в соответствии с требованиями программы «юных разведчиков» (скаутов) Р. Баден-Пауэлла. Скаутские прогулки должны были выработать в кадетах такие качества, как чувство долга, самостоятельность, находчивость, настойчивость, дисциплинированность, выносливость, а также развить навыки ориентирования на местности, чтения карты, распознавания следов. Краткие (однодневные) прогулки-экскурсии должны были проводиться 8-10 раз с каждым отделением в продолжение учебного года, а большая (5-7 дневная прогулка) – раз в год, по окончании экзаменов. Судя по отчетам кадетских корпусов, стрельба из карабинов и ружей в лагерном расположении производилась регулярно, а за проведением прогулок начальство следило достаточно внимательно. Кадеты производили съемки местности, знакомились с артиллерией и даже авиацией.

Особое внимание в начале XX в. уделялось патриотическому воспитанию будущих офицеров. По праздникам проводились воспитательные чтения и беседы, на которых кадетам рассказывалось о выдающихся подвигах русских воинов. К столетнему юбилею Отечественной войны 1912 г. был разработан цикл тематических вечеров, каждый из которых посвящался определенному этапу войны. Не-

[876] Райковский В. Военное воспитание. М., 1908. С. 7.

малое место в военно-воспитательной работе занимало увековечение памяти великих русских полководцев. В 1900 г., к столетней годовщине со дня смерти А.В. Суворова, Варшавский кадетский корпус был переименован в Суворовский. Великий князь Константин Константинович подарил кадетам-суворовцам бюст полководца, причем выразил уверенность, что «они никогда не забудут, какое славное имя они носят, и что всегда будут черпать уроки доблести в деяниях дивного выразителя русской силы и русской славы»[877]. В 1913 г. в связи с празднованием столетия со дня смерти М.И. Кутузова 3-я рота 2-го кадетского корпуса была названа «ротой генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского». Патриотическое воспитание не ограничивалось сугубо военной сферой. Августейший Главный начальник военно-учебных заведений полагал, что «…надо всеми условиями жизни заведения, всеми его воспитательными и учебными порядками поднять значение воспитания в духе любви к родине и в чувстве военного долга. Этим духом привязанности к отечеству, этим чувством верности святому воинскому долгу должны быть проникнуты насквозь и воспитание, и обучение»[878]. Педагогам следовало не только рассказывать о подвигах русских солдат и офицеров, но и делать акцент на открытиях, сделанных русскими учеными, знакомить кадет в первую очередь с русской фауной и флорой. В гуманитарных же дисциплинах патриотический образ мысли провозглашался обязательным.

В военных училищах военно-профессиональная подготовка была организована на прежних основаниях. В Николаевском кавалерийском училище в 1908 г. были заведены мраморные доски для записи фамилий юнкеров, получивших призы за фехтование. Большее внимание стало обращаться на связь будущих офицеров с армией: в 1909 г. было рекомендовано организовывать посещение юнкерами воинских частей, а с 1912 г. юнкера активно привлекались к обучению молодых солдат[879]. В Михайловском артиллерийском училище с 1911 г. стали устраиваться «карусели» – конные праздники, аналогичные тем, что проводились в Николаев-

[877] Суворовский кадетский корпус. 1899. История. URL: www.cadethistory.ru/suvorovskiy-kadetskiy-korpus-1899 (дата обращения: 07.03.2017)
[878] РГВИА. Ф. 725. Оп. 44. Д. 25. Л. 6 об.
[879] Журавлев А.Ю. Подготовка обер-офицерского состава русской армии в юнкерских военных училищах второй половины XIX – начала XX в.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2008. С. 245.

ском кавалерийском училище, причем в их программу входила и дамская верховая езда. Блестящее выступление «амазонок» вызвало восторг у публики. Регулярно устраивалась в Михайловском артиллерийском училище и призовая стрельба. Однако практическая подготовка к офицерской службе в войсках не была окончательно избавлена от недостатков. Так, И.Н. Гребенкин указывает, что над специально-военной подготовкой юнкеров продолжало довлеть стремление к теоретизации, от которого некоторые заведения не сумели избавиться и в годы Первой мировой войны[880].

Подводя итоги, необходимо сказать о том, что военно-профессиональная подготовка кандидатов в офицеры в рейтарских, «потешных» и гвардейских полках сводилась лишь к обучению строевым упражнениям и стрельбе, а также привлечению их к участию в учениях и маневрах. Военно-воспитательная работа в полках никогда не велась (отдельные ее элементы присутствовали только в программе обучения «потешных»). Поэтому главным центром военно-профессиональной подготовки офицеров русской армии являлись военно-учебные заведения, в которых ей неизменно уделялось достаточное внимание. Лишь в военных гимназиях подготовка обучающихся к офицерской службе была сознательно ослаблена. Военно-патриотическое воспитание кадет и юнкеров всегда находилось на должном уровне. Однако практическая подготовка к службе не была свободна от ряда недостатков, главным из которых являлась недостаточная связь между военной школой и армией. Выпускники и дореформенных кадетских корпусов, и пореформенных военных училищ были слабо знакомы с конкретными требованиями, которые предъявлялись к ним на службе, и по этой причине нуждались в достаточно длительной адаптации. К началу 1910-х гг. эти недостатки удалось в значительной мере преодолеть, однако новая, более эффективная, чем прежде, система военно-профессиональной подготовки не успела принести ожидаемых результатов.

[880] Гребенкин И.Н. Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914-1918 гг.: дис. … д-ра ист. наук. Владимир, 2011. С. 105.

4.4. Гимнастика и спорт в жизни военно-учебных заведений

Традиция физического воспитания будущих офицеров складывалась постепенно. Воспитанники петровских школ не занимались никакими телесными упражнениями; напротив, многочасовое сидение в душных помещениях подрывало их здоровье. В 1732 г. был открыт «корпус кадетов», учителя которого получили предписание «упражнять воспитанников в танцевании, вольтижировании и в солдатской экзерциции»[881]. Отзывы современников говорят о том, что занятия «солдатской экзерцицией» (то есть военной муштрой) шли наиболее успешно. Педагоги так рьяно принялись за дело, что продолжительность строевых занятий была вскоре доведена до четырех часов – двух до обеда и двух после. Лишь благодаря приказу Анны Иоанновны занятия строем были резко сокращены и стали проводиться раз в неделю.

В 1766 г. был принят устав Императорского сухопутного шляхетского кадетского корпуса, автором которого был философ и педагог И.И. Бецкой. Развивая идею создания «новой породы людей», горячо поддержанную императрицей, Бецкой на первый план ставил цель «сделать человека здоровым и способным сносить воинские труды». Эта цель была конкретизирована в составленном им же «Кратком наставлении, выбранном из лучших авторов, с некоторыми физическими примечаниями, о воспитании детей от рождения их до юношества»[882]. Хотя о физическом воспитании как таковом в «Кратком наставлении» ничего не говорилось, это сочинение содержало «обстоятельные гигиенические правила о размещении детей в зданиях, об телесных упражнениях, детских играх и т.п.»[883]. В программу обучения кадет были включены такие дисциплины, как танцы и фехтование. Продолжались, хотя и в умеренном объеме, и занятия «военной экзерцици-

[881] Грабарь В.К. Вскормленные с копья. Очерки истории детского воинского воспитания. СПб.: Ф-т филологии и иск-в СПбГУ, 2009. С. 126.
[882] Краткое наставление, выбранное из лучших авторов, с некоторыми физическими примечаниями, о воспитании детей от рождения их до юношества. СПб., 1766.
[883] Кононов Г.Л. Средние военно-учебные заведения (корпуса). СПб., 1901. С. 63.

ей». В Сухопутном кадетском корпусе был даже устроен один из первых в Европе зал для игры в мяч[884].

Однако действительность сильно расходилась с планами. Так, в Морском корпусе обучение кадет плаванию не велось годами из-за того, что невозможно было найти учителя[885]. На рубеже XVIII-XIX вв. физическое воспитание будущих офицеров пришло в полный упадок. Занятия танцами и фехтованием были прекращены, подвижные игры не поощрялись. Фронтовое учение приобрело гипертрофированную форму и не столько способствовало физическому развитию воспитанников, сколько подрывало их здоровье. Николай I, еще в бытность великим князем внимательно следивший за развитием отечественной военной школы, вскоре после своего вступления на престол распорядился организовать физическую подготовку кадет. Исполняя волю императора, в мае 1828 г. Главный директор Пажеского, всех кадетских корпусов и Дворянского полка генерал-адъютант Н.И. Демидов приказал включить в программу физического воспитания кадет «следующие гимнастические упражнения: 1) барьер и ров для прыганья, 2) бревны для хождения с постепенным возвышением, 3) деревянные и веревочные лестницы, 4) вертикально укрепленные веревки для лазанья, 5) веревки горизонтально протянутые для прыганья с постепенным возвышением, 6) вольтижирование через деревянную кобылку, 7) качели, 8) игры в бар, мячик и волан»[886]. Во всех военно-учебных заведениях началось устройство специальных помещений, в которых располагались «гимнастические машины» (то есть спортивные снаряды). С целью развития в воспитанниках стремления в совершенстве овладеть искусством выполнения гимнастических упражнений предполагалось учредить призы. Питомцы Царскосельского лицея, кроме описанных выше упражнений, должны были заниматься плаванием.

Однако сколько-нибудь существенных результатов добиться не удалось. Преподавание гимнастики («без всякой системы, а следственно и без пользы») осуществлялось лишь в Пажеском корпусе. Более результативные попытки науч-

[884] Первый кадетский корпус во Дворце Меншикова. К 275-летию основания. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа; Историческая иллюстрация, 2007. С. 17.
[885] РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 75. Л. 27.
[886] Там же. Л. 17.

ной организации в отечественных военно-учебных заведениях занятий гимнастикой и подвижными играми на свежем воздухе стали предприниматься в 1830-е гг.[887] Инициатива введения в кадетских корпусах шведской гимнастической системы исходила от возглавившего военно-учебное ведомство в 1831 г. великого князя Михаила Павловича, который после осмотра московского ортопедического кабинета доктора Л. Мандилени решил ввести ее в подведомственных ему заведениях «не в виде простой забавы, но в виде науки, долженствующей развивать и укреплять силы воспитанников постепенно и сообразно с физическим образованием каждого»[888]. В октябре 1832 г. разрешение на систематическое преподавание гимнастики в военно-учебных заведениях было получено, и под руководством Л. Мандилени началась подготовка учителей гимнастики из кантонистов[889]. В 1835 г., когда подготовка 16 учителей завершилась, было введено преподавание гимнастики в Пажеском корпусе, петербургских кадетских корпусах, Дворянском полку и Императорском Царскосельском лицее под наблюдением шведского гимнаста и фехтмейстера М. Паули[890]. В 1830-е гг. обучение гимнастике началось и в Морском кадетском корпусе[891].

В 1844 г. появилось первое руководство, в котором нашли освещение вопросы организации подвижных игр. В 1848 г. Я.И. Ростовцев в своем «Наставлении для образования воспитанников военно-учебных заведений» выделил пять видов «гимнастических искусств»: «1) гимнастика собственно, 2) фехтование, 3) танцевание, 4) верховая езда (обучают только в шести заведениях, где даны правительством особые на то средства), 5) плавание»[892].

Однако, несмотря на все усилия, гимнастика не получила существенного распространения в николаевских кадетских корпусах. Главное внимание попрежнему уделялось строевым упражнениям. К концу 1850-х гг. обучение гимна-

---

[887] Зверев С.Е. Юбилейный сборник Михайловского Воронежского кадетского корпуса. 1845-1895. Воронеж, 1898. С. XIII.
[888] Приказ Главного начальника Пажеского, всех Сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка. 26 марта 1835 г. № 65. П. 6.
[889] РГВИА. Ф. 405. Оп. 5. Д. 202. Л. 3.
[890] Бубка С.Н. А.Д. Бутовский о системе физического воспитания в Швеции // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. 2012. № 5. С. 8.
[891] Кротков А.С. Морской кадетский корпус. Краткий исторический очерк. СПб., 1901. С. 161.
[892] Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. Высочайше утверждено 24 декабря 1848 г. СПб., 1849. С. 181.

стике в корпусах пришло в полный упадок. Не были организованы на научной основе и подвижные игры. Популярностью пользовались лишь катание на лодках и коньках, борьба, игра в городки и лапту[893]. Обучение плаванию, как правило, осуществлялось в каникулярное время, под руководством не воспитателей, а родственников или знакомых. Занятия верховой ездой из-за отсутствия денег на покупку и содержание лошадей велись лишь в нескольких заведениях[894].

В 1860-е гг., после военно-учебной реформы, физические занятия были поставлены на прочную научную основу и стали вестись систематически. В «Инструкции по воспитательной части» появился отдел «Основные правила физического воспитания». Согласно данной инструкции, цель физического воспитания заключалась «в правильном развитии и усовершенствовании телесного организма детей, в сохранении их здоровья и в необходимом приспособлении тела к внешним условиям, в изощрении органов внешних чувств и в укреплении костей, мускулов и нервов»[895]. В учебное расписание были включены уроки гимнастики, на которых сочетались «вольные движения» (прыжки, наклоны, приседания) с упражнениями на таких снарядах, как параллельные брусья, козел, барьер, наклонные лестницы, шесты, канаты, шведская мачта и т.п. В некоторых заведениях были разработаны комплексы упражнения для каждого снаряда – так, воспитанникам 2-й Московской военной гимназии для выполнения на брусьях рекомендовалось 40 несложных упражнений и 67 сложных, а на горизонтальной палке – 36 несложных и 46 сложных[896]. В течение дня воспитателями несколько раз проводились своеобразные «гимнастические минутки», во время которых выполнялись несложные упражнения. В обиход вошли подвижные игры, катание на санках с ледяных гор (они зачастую специально устраивались на территории корпуса), катание и бег на коньках. Регулярно устраивались соревнования в беге. Воспитан-

[893] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 103. Л. 47 об.; РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1740. Л. 50-52.
[894] Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. Высочайше утверждено 24 декабря 1848 г. СПб., 1849. С. 181.
[895] Инструкция по воспитательной части для военных гимназий, однородных с ними заведений и военных прогимназий. Устройство внутреннего порядка. Основные правила физического и нравственного воспитания. Общие обязанности воспитателей. Изд. на основе СВП, 1869 г., книги XV, ст. 210, 229, 632, 635, 695 и примеч. к ст. 288, по II продолжению. СПб., 1881. С. 11.
[896] Отчет об обучении гимнастике во 2-й Московской военной гимназии за три года // Педагогический сборник. 1868. № 6. Ч. офиц. С. 415-436.

ники старших классов получили возможность заниматься фехтованием на рапирах. Летом, во время каникул, военные гимназисты учились плавать и катались на лодках в сопровождении воспитателей. Большое внимание стало уделяться танцам. Кроме того, в качестве факультативов были введены занятия ремеслами и садовыми работами, которые также оказывали влияние на физическое развитие.

Обучение гимнастике не было единообразным для всех военно-учебных заведений. В конце 1870-х гг. в основу преподавания гимнастики в некоторых военных гимназиях была положена система профессора П.Ф. Лесгафта, который уделял большое внимание упражнениям с отягощениями, бегу и играм. К 1880 г. обучение по системе Лесгафта было принято во 2-й Санкт-Петербургской и 4-й Московской военных гимназиях, а также в приготовительных классах Пажеского корпуса. В прочих военных гимназиях использовались различные варианты шведской гимнастики. Кроме того, в 1880 г. была выработана временная инструкция для ведения гимнастических занятий, в которой сочетались элементы шведской гимнастики и системы Лесгафта.

Чтобы занятия гимнастикой велись на должном уровне, были ассигнованы значительные средства. Это позволило заведениям обзавестись добротным спортивным инвентарем. Бывший гимназист 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии Н.П. Звездкин вспоминал: «…ко второму году существования гимназии мы получили прекрасную классную обстановку, в промежутках между камерами поставили гимнастические машины, заведены токарные и столярные станки, в отделения выданы коньки, мячики, шахматы»[897]. Уделялось внимание и методическому сопровождению занятий. Так, 2-ю военную гимназию часто посещал П.Ф. Лесгафт, который опробовал на учащихся свою систему гимнастических упражнений с отягощениями. Однако военные гимназисты более тяготели к шведской гимнастике, более привычной для них[898].

---

[897] Звездкин Н.П. Из воспоминаний старого однокашника // Кадет-михайловец. Литературный популярно-научный журнал 2-го кадетского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича корпуса. № 3. 23 ноября 1908 г. С. 41.

[898] Лыкошин Н. Во 2-й СПб. военной гимназии. Из воспоминаний 1870-77 гг. // Кадет-михайловец. Литературный популярно-научный журнал 2-го кадетского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича корпуса. № 6. 12 мая 1910 г. С. 31.

Занятия гимнастикой получили существенное развитие не только в столичных, но и в провинциальных военно-учебных заведениях. Например, в Нижегородской графа Аракчеева военной гимназии занятия гимнастическими упражнениями проводились дважды в неделю, воспитанники же младших классов ежедневно упражнялись в выполнении так называемых «приготовительных гимнастических движений». Старшеклассники по желанию 2-3 раза в неделю могли посещать занятия по фехтованию. Большой популярностью пользовались подвижные игры (игра в мяч, лапта, городки, кегли).

Необходимо отметить, что в ряде провинциальных военно-учебных заведений занятия гимнастикой велись на низком уровне, не приносили ожидаемых результатов и вызывали у воспитанников лишь отвращение. Например, в Петровско-Полтавской военной гимназии «…физические упражнения производились преимущественно в закрытых помещениях. Гимнастика делалась по однотонной команде, способной навлечь одну только скуку»[899]. Главной причиной подобного положения дел было отсутствие у преподавателей необходимой квалификации: «Учителя гимнастики вовсе не были знакомы с физической организацией ребенка. Они не имели даже общеобразовательного ценза»[900]. Кадровый вопрос, несмотря на неоднократные попытки, в 1870-е гг. решить так и не удалось.

Некоторые направления физической подготовки существовали лишь формально. Так, с большими затруднениями было сопряжено обучение воспитанников плаванию. В 1875 г. систематическое обучение плаванию велось лишь в 1-й Санкт-Петербургской, Орловской-Бахтина, Петровской-Полтавской и Сибирской военных гимназиях, а также в учительской семинарии военного ведомства[901]. В прочих военно-учебных заведениях обучение плаванию не осуществлялось ввиду отсутствия рек, их мелководья, быстроты течения, низкой температуры воды и т.п., удаленности рек от заведений либо интенсивности судоходства на них. Фехтование в военных гимназиях почти не преподавалось.

---

[899] Медем Б.Г. Былое и последовавшее в Петровской Полтавской военной гимназии и в Петровском Полтавском кадетском корпусе. СПб., 1912. С. 12.
[900] Там же. С. 12.
[901] РГВИА. Ф. 725. Оп. 12. Д. 118. Л. 33 об.

В военных училищах с самого начала их существования, а также в специальных классах Пажеского и Финляндского кадетского корпусов физическому воспитанию уделялось очень большое внимание. Будущие офицеры упражнялись в фехтовании на рапирах, эспадронах и штыках, причем в специальных классах Пажеского корпуса многие воспитанники, не довольствуясь обязательными занятиями, брали и приватные уроки. На занятия гимнастикой отводилось 2-3 часа в неделю. По воспоминаниям А.Н. Куропаткина, в Павловском военном училище была принята шведская гимнастика[902]. Многие воспитанники так пристрастились к физическим упражнениям, что часто посещали гимнастический зал в свободное время и заводили собственные гантели для развития мускулов. В зимнее время юнкера катались на коньках (каток устраивался на плацу) и ходили на лыжах по Неве.

Кроме того, юнкера старшего класса и пажи обоих специальных классов занимались верховой ездой, однако если в Пажеском корпусе на верховую езду отводилось 6 часовых уроков еженедельно, то в военных училищах из-за недостатка лошадей каждый юнкер мог ездить только 1 час в неделю. В Финляндском корпусе лошадей по штату не полагалось, поэтому обучение верховой езде не велось.

В 1870-е гг. во многих училищах периодически устраивались состязания по гимнастике и фехтованию.

В 1882 г., после переименования военных гимназий в кадетские корпуса, порядки в средней военной школе стали более «военизированными». Была возобновлена строевая подготовка, большее внимание стало уделяться физическому развитию кадет. В 1885 г. была учреждена комиссия по пересмотру учебных программ кадетских корпусов под председательством генерал-лейтенанта Ф.И. Симашко. Комиссия высказалась в пользу сокращения времени учебных занятий и усиления физического воспитания. Инспектирование заведений, предпринятое в 1887 г., показало, что «…гимнастика находится уже давно в переходном состоянии; подвижные игры, несмотря на их значение, или вовсе не практикуются, или

[902] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1740. Л. 72.

же являются в виде крайне скромных начинаний; в том же положении находятся плавание и фехтование»[903].

В 1890 г. было принято «Наставление для ведения внеклассных занятий в кадетских корпусах». В соответствии с ним гимнастика была закреплена в качестве главной формы физической активности воспитанников: гимнастические упражнения занимали 3,5-4,5 часа в неделю (для сравнения: строевые занятия длились 1-2 часа, а на занятия ремеслами отводилось в среднем 3 часа в неделю).

В основу преподавания гимнастики было положено сочетание элементов шведской и немецкой систем (методика П.Ф. Лесгафта была отброшена как недостаточно практичная). Рекомендованный комплекс упражнений включал: «1) упражнения в устойчивых положениях тела при различных видоизменениях точки опоры; 2) упражнения в работе верхних конечностей, соответственно их устройству…; 3) упражнения в ходьбе, беге, прыгании; 4) упражнения в равновесии; 5) упражнения в преодолении различного рода препятствий посредством прыжка…; 6) упражнения в приподымании тела посредством притягивания и отталкивания на руках; 7) упражнения в борьбе и вообще в противодействии внешней живой силе…; 8) некоторые специальные упражнения, способствующие усовершенствованию деятельности внешних чувств; 9) различные сочетания перечисленных выше видов упражнений»[904]. Дополнением к гимнастическим упражнениям служили подвижные игры, причем главное внимание рекомендовалось уделять городкам, лапте и прочим русским национальным играм. Обучение плаванию было обязательно для кадет старших классов.

Принятие «Положения» сразу же оказало серьезное положительное влияние на постановку занятий физическими упражнениями в кадетских корпусах. Так, уже в 1890 г. в Московских, Орловском-Бахтина и Петровском-Полтавском кадетских корпусах были введены упражнения с гимнастическими палками, обновлены гимнастические снаряды, введены подвижные игры. Осмотр 1893 г. показал, что гимнастические упражнения в большинстве военно-учебных заведений вы-

[903] Объяснительная записка к Наставлению для ведения внеклассных занятий в кадетских корпусах. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1890. С. 3.
[904] Бутовский А.Д. Телесные упражнения и внеклассные занятия в кадетских корпусах. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1898. С. 5.

полнялись удовлетворительно, хотя и были лишены необходимой свободы, легкости и щеголеватости исполнения[905].

Таким образом, лучшие традиции организации физического воспитания, которые были заложены в военных гимназиях, нашли продолжение в пореформенных корпусах. Удалось привить интерес воспитанников к подвижным играм; в провинциальных корпусах, располагавших большими участками земли, они были особенно хорошо организованы и служили «одним из любимых средств для наполнения праздничного досуга воспитанников»[906].

Как и в предшествовавший период, правильной организации физических занятий мешала слабая подготовка педагогов, которые превращали гимнастику в монотонное, утомительное отбывание номера. По мере роста профессионализма учителей занятия гимнастикой становились более разнообразными, оживленными и плодотворными. Инспекция 1898 г. показала, что в постановке физических упражнений в кадетских корпусах «замечается непрерывный успех», большая часть занятий проводилась на свежем воздухе, даже в зимнее время[907]. Не довольствуясь этим, некоторые педагоги предлагали усилить военно-спортивную подготовку будущих офицеров и ввести для младших кадет упражнения в постройке снежных замков и ледяных домов, метание дисков, стрел и копий, для старших кадет – бег на лыжах, катание с гор, охоту по искусственному следу на лыжах или коньках, игру в лисичку, для юнкеров – бег на лыжах и коньках, производство разведок на велосипедах и пр.[908]

В начале XX в. умелое руководство физическим воспитанием кадет в пореформенных корпусах и ужесточение требований, предъявляемых к воспитанникам, позволили достичь существенных результатов. День кадета стал неизменно начинаться с гимнастики (ранее воспитанники после утреннего туалета и чая сразу шли на уроки). Во всех заведениях широкое распространение, кроме гимнасти-

---

[905] Приказ по военно-учебным заведениям. 9 мая 1893 г. № 22 // Педагогический сборник. 1893. № 6. Ч. офиц. С. 47-50.
[906] Бутовский А.Д. Телесные упражнения и внеклассные занятия в кадетских корпусах. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1898. С. 9.
[907] Приказ по военно-учебным заведениям. 12 ноября 1898 г. № 139 // Педагогический сборник. 1899. № 1. Ч. офиц. С. 18-19.
[908] Хлыновский М. Вопросы военной школы // Военный сборник. 1900. № 4. С. 378-379.

ки, получили подвижные игры, катание на санках и коньках, плавание и катание на лодках. В некоторых кадетских корпусах было организовано обучение верховой езде. В подавляющем большинстве заведений имелись кегельбан, крокет, лаун-теннис, гигантские шаги, велосипеды. Плавать, судя по отчетам о летних занятиях в 1914 г., умели почти все кадеты; многие из них умели правильно грести[909]. В 1910-11 учебном году во всех корпусах были организованы занятия сокольской гимнастикой. Большую популярность получила легкая атлетика (метание копья, диска, все виды бега). Физические занятия пользовались любовью воспитанников, которые нимало не тяготились ими и не воспринимали их как неприятную и неизбежную обязанность.

Постепенно в каждом кадетском корпусе стали возникать собственные традиции организации физической подготовки, обусловливавшие ее специфику. Например, воспитанники Александровского кадетского корпуса (с 1903 г. – Императора Александра II кадетский корпус) активно занимались греблей и лаун-теннисом[910]. Любимой игрой кадет Первого кадетского корпуса была лапта, которая благодаря увлечению ею князей Иоанна и Гавриила Константиновичей приобрела статус аристократического занятия[911]. В Омском корпусе большой популярностью пользовалось метание копий и дисков[912].

Существенным прогрессом отличалось развитие физических занятий в начале XX в. и в военных училищах. В Михайловском артиллерийском училище в начале XX в. приглашенным преподавателем, офицером австрийской службы О.К. Котинским, были введены упражнения с деревянными бутылками, гирями и палками, а также игра в футбол. В Николаевском инженерном училище в 1911 г. был создан футбольный кружок. В Николаевском кавалерийском училище начиная с 1907 г. действовал гимнастический кружок «Заря», целью которого было содействие «телесному и нравственному совершенствованию юнкеров путем раз-

[909] РГВИА. Ф. 725. Оп. 48. Д. 1261. Л. 4, 7 об., 11 об., 48, 62 об., 91, 92 об.
[910] Коровин В.М. Военное образование в Российской империи (середина XIX – начало XX в.): монография. Воронеж, 2009. С. 31.
[911] Борщов А.В. Мои воспоминания молодости. Семейная хроника XVIII, XIX и 1-й четверти XX в. // Архив БФРЗ. Ф-2. М-90. Л. 43.
[912] Гусев Н. К столетнему юбилею Омского кадетского корпуса // Педагогический сборник. 1913. № 6. Ч. неофиц. С. 699.

вития в них телесной выправки, ловкости, мужества, дисциплины, чувства единства и долга»[913]. Члены кружка занимались всеми видами легкой атлетики, конной ездой, вольтижировкой, рубкой, фехтованием, греблей, парусным спортом, стрельбой, плаванием, борьбой, боксом, бегом на лыжах и коньках.

Мало-помалу складывалась общая для всех российских военно-учебных заведений традиция проведения состязаний и спортивных праздников. Выше говорилось о том, что первая попытка внедрения элемента состязательности в систему физических занятий предпринималась Н.И. Демидовым еще в конце 1820-х гг. Однако условия для организации соревнований между питомцами русской военной школы были созданы лишь на рубеже XIX-XX вв.

В 1880-90-е гг. учитель гимнастики Симбирского кадетского корпуса Варда устраивал гимнастические праздники, в программу которых входили соревнования кадет в беге, прыжках, лазании и фехтовании, прыгании, лазании и фехтовании. Судьями, определявшими победителей и награждавшими их призами, были командиры местных воинских частей. Кроме того, в Симбирске «устраивались также с некоторой торжественностью бега на коньках и катанье с гор»[914]. Кадеты Хабаровского корпуса воспитанники соревновались в борьбе, в фехтовании на рапирах, метании копий, прыжках через поставленного вдоль деревянного коня с пролетом через обтянутый бумагой обруч или горящий обруч.

В 1-м кадетском корпусе в 1907 г. были проведены состязания кадет в выполнении физических упражнений. Кадеты младшей, 4-й, роты соревновались в перетягивании каната, прыжках через движущуюся веревку, играх «третий лишний и «бой петухов». Кадеты 3-й роты выполняли вольные движения, 2-й роты – упражнения с деревянными палками. Кадеты роты Его Величества состязались в упражнениях на гимнастических снарядах и прыжках. В программу соревнований между классами входили городки, барры, лапта, бег взапуски, бег взапуски с препятствиями и футбол[915].

---

[913] Устав гимнастического кружка юнкеров Николаевского кавалерийского училища «Заря». Петроград, 1915. С. 1-2.
[914] Материалы для истории Симбирского кадетского корпуса за первые 25 лет его существования. 1873-1898 гг. Собирал А.И. Рязанов. Симбирск: Типолитография А.И. Токарева, 1900. С. 128.
[915] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2. Д. 46. Л. 34.

В Пажеском корпусе с 1906 г. проводились ежегодные конные состязания («concours hippique»). В 1907 г. в «concours» принимали участие и камер-пажи, и пажи всех трех рот. Состязание включало в себя два отделения; в первом отделении было 7 препятствий (гроб, жерди, хворост, хворост с канавой и т.п.), во втором отделении – 6 препятствий. В первом отделении участвовало 29 человек, во втором – 27. Судьями были офицеры кавалерийской школы[916]. Кроме того, начиная с 1908 г. в Пажеском корпусе ежегодно устраивались гимнастические праздники. В их программу входили рубка глины и лозы, фехтование на рапирах, эспадронах и штыках, барьерный бег, лисичка, конные поединки, вольтижировка, легкая атлетика (прыжки, упражнения на брусьях и турнике), гимнастический бег и сменная езда[917].

Собственные традиции организации спортивных соревнований сложились и в Михайловском артиллерийском училище. Впервые гимнастические состязания в этом заведении прошли под руководством О.К. Котинского в 1909 г. Состязания открылись упражнениями на турнике (как обязательными, так и вольными). После «массы эффектных номеров, показывавших ловкость, смелость и сильно развитую мускулатуру юнкеров»[918], следовали упражнения на параллельных брусьях, прыжки в длину (через деревянную лошадь) и в высоту.

Начиная с 1910 г. силами юнкеров-михайловцев устраивались конные праздники. Программа первого праздника включала в себя элементы гимнастики и состояла из 12 номеров: парной езды, преодоления препятствий стоя, «тандема», «лисички», вольтижировки на кругу, боя на эспадронах, езды стоя на парах, «шестерки на вожжах», барьерной езды, «карусели», «вольтижировки в смене» и «орудийной езды». В перерыве демонстрировалась гимнастика на машинах и гимнастические пирамиды. В 1913 г. программа включала 14 номеров (были добавлены тройки и рубка чучела). По отзывам очевидцев, «вся программа выпол-

[916] Там же. С. 56.
[917] Н.Д. и Б.Т. Гимнастический праздник 2 мая 1910 г. // Пажеский сборник. № 10. 1.I.1909 – 7.XII.1910. С. 28-32.
[918] Хроника // Михайловец. 1909. № 1. С. 112.

нена безукоризненно. «Коронными» номерами праздника были, безусловно, сменная езда, гимнастика и вольтижировка»[919].

Постепенно начали проводиться соревнования между воспитанниками разных кадетских корпусов. Впервые подобные соревнования были устроены весной 1909 г. Они проводились между кадетами двух старших классов одновременно в Петербурге и Москве. Воспитанники провинциальных корпусов в состязаниях не участвовали. Программа состояла из следующих упражнений: «прыжок в ширину, через препятствие 1,5 аршин, через лошадь вдоль, поперек, горизонтальное бревно, наклонная лестница, отвесные шесты (лазание), параллельные брусья (выкидывание ног на брусья и выпрыгивание назад)»[920]. Оценки за выполнение давались по 12-балльной шкале. В ходе соревнований кадеты продемонстрировали хорошую физическую подготовку и показали высокий уровень техники выполнения гимнастических упражнений. Коллегия судей пришла к следующему выводу: «В гимнастической работе кадет несомненно наблюдается единство метода обучения, установлению которого в кадетских корпусах способствовали курсы физического образования для офицеров-воспитателей; вследствие того и исполнение упражнений отличалось вообще единообразием и достаточной правильностью»[921].

Гимнастические соревнования кадет ежегодно проводились вплоть до 1912 г., причем в них принимали участие и воспитанники некоторых провинциальных корпусов. Правила оставались неизменными. В годы Первой мировой войны состязания по объективным причинам не устраивались.

Таким образом, можно прийти к выводу, что неоднократные попытки организовать целенаправленную физическую подготовку будущих офицеров, предпринимавшиеся в XVIII – 1-й половине XIX в., не увенчались успехом. Становление эффективной, поставленной на научную основу системы физического воспитания кадет и юнкеров началось лишь в 60-е гг. XIX в. После многочисленных проб и ошибок к началу XX в. была создана целостная концепция физического воспитания, основанная на гимнастических упражнениях. В это же время начали

[919] Хроника // Михайловец. 1914. № 1. С. 61.
[920] Приказ по военно-учебным заведениям от 30 сентября 1909 г. № 92.
[921] Там же.

устраиваться гимнастические состязания между кадетами старших классов и юнкерами военных училищ.

4.5. Образовательные экскурсии и научная работа

Воспитанники военно-учебных заведений жили в обстановке относительной изоляции от окружающего мира. Даже самая великолепная учебная программа была недостаточна для того, чтобы расширить кругозор будущих офицеров, подготовить их к предстоящей им деятельности, дать им возможность близко познакомиться с природой, бытом и занятиями народа, культурными ценностями и историческими достопримечательностями. Эти задачи решались в ходе образовательных экскурсий.

Обучение в петровских военных школах носило утилитарно-прикладной характер, их ученики проходили практику на заводах, в лабораториях и в действующей армии. Общекультурное развитие не входило в задачу этих школ. Поэтому необходимости в устройстве экскурсий не было.

Впервые о необходимости организации познавательных экскурсий было сказано в проекте реорганизации Морской академии, разработанном А.И. Остерманом в 1730-е гг. Учащихся надлежало «ко всяким мастеровым и ремесленным людям водить тако в мануфактуры и заводы оным показывать, в чем всякое дело состоит, сколь долго кто повинен в одном или другом ремесле учиться, какая в том государственная и… народная польза, какие у какого знания к тому потребны инструменты и материалы, откуда оные берутся, почем всякие товары продаются и прочее, дабы они видя основательно о том рассуждать могли»[922]. Кроме того, учащиеся должны были посещать адмиралтейскую верфь с целью изучения процесса строительства кораблей.

Однако в военно-учебных заведениях начиная с 1730-х гг. на протяжении целого столетия доминировал иной подход, в основе которого лежала полная изо-

[922] РГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 45. Л. 26 об. – 27.

ляция будущих офицеров от окружающего мира. Ни о каких экскурсиях в этих условиях и речи быть не могло.

Лишь в 1830-е гг. идея организации познавательных экскурсий была реанимирована. Оторванность кадет от реальной жизни, их слабое знакомство с тем, что не входило в учебные программы корпуса, низкий уровень общей культуры в николаевское царствование стали вызывать беспокойство руководителей военно-учебного ведомства. В войсках жаловались на изнеженность и заносчивость офицеров из кадет, которые ни шагу не могли ступить без няньки-фельдфебеля, и многие боевые генералы не скрывали своего презрения к белоручкам, нахватавшимся знаний «по верхам» и мнивших себя великими знатоками военного дела. Кроме того, невежественность и некультурность выпускников кадетских корпусов стали причиной того, что их стали презрительно именовать «бурбонами».

Инициатором проведения экскурсий выступил в 1835 г. Главный начальник Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка великий князь Михаил Павлович. Он приказал водить воспитанников старших классов петербургских военно-учебных заведений как минимум раз в месяц «…в Литейную, Арсенал, Пороховой завод, Лабораторию, Монетный двор, музеумы, фабрики и на разные особенно-примечательные публичные работы», чтобы выпускники поступали «…на действительную службу и в быт гражданский с большими (как собственно по военным наукам, так и по прочим отраслям образования) практическими познаниями…»[923] Кроме того, руководители отдельных военно-учебных заведений по собственной инициативе стали возить учащихся на различные заводы. Так, воспитанники Пажеского корпуса, по воспоминаниям камер-пажа К.К. Жерве, посещали Оружейный завод в Сестрорецке[924].

1830-40-е гг. стали временем интенсивного развития сети провинциальных кадетских корпусов. Их воспитанники были лишены возможности пользоваться даже теми скромными культурными развлечениями, которыми иногда баловали

[923] Приказ Главного начальника Пажеского, всех Сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка. 12 февраля 1835 г. № 53. П. 4.
[924] Аурова Н.Н. Атмосфера и быт в кадетских корпусах Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. С. 188.

столичных кадет (посещение театров, осмотр достопримечательностей Петербурга и Москвы). Поскольку выпускники провинциальных корпусов для окончания своего обучения отправлялись в специальные классы Дворянского полка, в 1845 г. было принято за правило, чтобы они по дороге в Петербург останавливались на три дня в Москве для осмотра ее важнейших достопримечательностей[925].

Однако настоящий бум экскурсий и образовательных прогулок пришелся на время существования военных гимназий, образованных в 1864-1866 гг. на базе общих классов кадетских корпусов. Узкопрофессиональная военная подготовка была отвергнута, главное внимание стало уделяться математике, языкам и естественнонаучным дисциплинам. Заботясь о развитии личности воспитанников и об искоренении традиционных шалостей, руководство военно-учебных заведений придавало прогулкам и экскурсиям большое значение: ведь они, являясь логическим продолжением уроков естественной истории, были вместе с тем самым дешевым и безобидным средством заполнения досуга воспитанников. Благодаря им гимназисты должны были получить возможность наглядного изучения естественной истории, преподаваемой не сухо, по учебникам, а живо и интересно – в поле, лесу или на фабрике. По мнению педагогов, воспитанники в ходе таких занятий могли не только прочно усвоить необходимые знания, но и развить наблюдательность и любознательность, приобрести навыки самостоятельной работы. Кроме того, имелось в виду и развитие эстетических чувств: «…частое пребывание среди природы смягчает характер; в душе развивается склонность к прекрасному; мальчик научается ценить природу, как мать, у которой он всегда найдет мотивы, заставляющие душу его стремиться к добру и знанию»[926]. Наконец, гимназисты должны были закаляться физически во время длительных переходов и отвыкать от грубых и жестоких шалостей, которые порождало бездельное сидение в четырех стенах. Преимущественное внимание уделялось летним экскурсиям, совершаемым во время каникул. Однако и зимой предусматривалось посещение музеев, заводов, теплиц и т.п.

---

[925] Приказ Главного начальника военно-учебных заведений. 27 октября 1845 г. № 674. П. 4.

[926] Внеклассные естественно-исторические занятия детей дома и в учебных заведениях // Педагогический сборник. 1887. № 5. Часть официальная. С. 442.

В 1870 г. были составлены примерные правила организации экскурсий и прогулок. С чисто педагогической точки зрения они должны были преследовать цель перехода к модели активного обучения. Ожидалось, что воспитанники, привыкшие к безвыходному пребыванию в стенах заведений, живо и с жадностью будут всматриваться во все то, что встретится им на прогулках, тем самым развивая в себе жажду к самостоятельному и добровольному приобретению знаний.

В ходе прогулок и экскурсий предполагалось познакомить воспитанников младшего и среднего возрастов с внешним видом и устройством крестьянской избы и хозяйственных построек, планировкой селений, основными видами сельскохозяйственных и ремесленных работ, устройством и деятельностью ферм, а также производством работ на таких заводах, как кирпичный, свечной, мыловаренный, салотопенный, маслобойный и т.п. Отдельной целью был осмотр исторических мест. В старшем возрасте на базе полученных знаний следовало продолжать изучение экономического развития местности, получить систематизированные научные знания о социально-экономическом развитии региона и выявить его специфические черты[927].

В течение учебного года, когда естественноисторические экскурсии проводить было невозможно, петербургских гимназистов водили в Ботанический сад[928]. Кроме того, в зимний период воспитанники столичных военно-учебных заведений посещали Эрмитаж и Академию художеств[929].

От столичных военно-учебных заведений старались не отставать и провинциальные. В Тульской-Александровской военной гимназии практиковались загородные образовательные прогулки (например, при экскурсии в поле, через которое проходила железная дорога, преподаватель рассказывал гимназистам о путях сообщения в целом, об устройстве железной дороги и подвижного состава, об экономическом и военном значении железнодорожных линий). Во Владимирской-Киевской военной гимназии во время ближних воспитанники знакомились с ки-

---

[927] Материалы для инструкции по воспитательной части для военных гимназий и прогимназий // Педагогический сборник. 1870. № 1. Часть официальная. С. 14.
[928] Извлечение из протоколов заседаний педагогических собраний 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии за 1863-1864 учебный год // Педагогический сборник. 1865. № 5(8). Часть официальная. С. 146.
[929] РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9624. Л. 3 об.

евскими древними святынями, некоторыми простыми производствами в Киеве и ближайших окрестностях, с устройством крестьянского быта в ближайших к городу деревнях.

В пореформенных кадетских корпусах традиция организации образовательных экскурсий была продолжена. Кадеты осматривали фабрики и заводы, причем должны были делать это «…стараясь во все тщательно и сознательно вникнуть, дать себе полный отчет в виденном и, таким образом, пополнить свои сведения»[930].

В юнкерских и военных училищах в соответствии с требованиями § 42 «Инструкции, определяющей правила военного воспитания и устройства внутреннего порядка в юнкерских училищах» организовывалось посещение юнкерами «выставок, музеев и вообще таких сокровищниц, кои способствуют общему развитию и развитию художественного вкуса»[931], а также местных исторических памятников и достопримечательностей.

В начале XX в. знакомству воспитанников военно-учебных заведений с местными музеями, храмами, историческими памятниками, а также фабриками и заводами стало уделяться пристальное внимание. Экскурсии должны были осуществляться не хаотично, а планомерно, с необходимыми пояснениями сопровождающих лиц. Воспитанники Пажеского корпуса ходили в музеи, спускались в подземные шахты Горного института под Невой, осматривали заводы и военные корабли. В 1906 г. пажи посетили Учебный воздухоплавательный парк, где прослушали лекцию об устройстве воздушных шаров и змеев, осмотрели классы, мастерские, метеорологическую станцию, голубятню, музей и даже поднялись в воздух на привязном воздушном шаре[932].

В начале XX в. Главное управление военно-учебных заведений начало отпускать средства на экскурсии кадет в другие города и места империи. Таким образом, руководители заведений получили возможность не только знакомить вос-

---

[930] Памятная книжка кадета 1-го Московского кадетского корпуса. М., 1900. С. 91.
[931] Инструкция, определяющая правила военного воспитания и устройства внутреннего порядка в юнкерских училищах. СПб.: Изд-во В. Березовского, 1901. С. 26-27.
[932] О-ш-ъ. Экскурсия в Учебный воздухоплавательный парк // Пажеский сборник. № 5. 1.III. – 15.V.1906. С. 65-66.

питанников с городом и его окрестностями, но и устраивать длительные поездки с образовательными целями.

Кадетские корпуса активно пользовались представившейся возможностью. Так, воспитанники 1-го кадетского корпуса в 1907 г. совершили небольшую экскурсию по Финляндии, в 1909 г. проехали по маршруту: Москва – Воронеж – Киев – Полтава – Орел – Петербург и приняли участие в праздновании 200-летия Полтавского сражения, в 1911 г. совершили поездку в Сербию и Болгарию с целью знакомства с историческими местами русско-турецкой войны 1877-78 гг., а в 1913 г. проплыли по Волге до Царицына и оттуда по железной дороге через Новочеркасск, Воронеж, Орел и Полоцк вернулись в Петербург[933]. Кроме того, совершались и небольшие экскурсии с целью знакомства с жизнью крестьян и полевыми работами. Кадеты 2-го кадетского корпуса отправлялись в летние поездки ежегодно, а однажды даже посетили Египет. Экскурсии были интересными и познавательными: «Под Киевом кадеты исследовали пещеры Киево-Печерской Лавры; в Севастополе осматривали корабли Черноморского флота и, по приглашению командующего, оставались на флагманском корабле и при выходе эскадры в море для практической стрельбы»[934].

Воспитанники провинциальных кадетских корпусов в основном посещали городские и пригородные достопримечательности (например, кадеты Петровско-Полтавского корпуса – Шведскую могилу, черепичный завод, школу садоводства, конную ярмарку), но иногда предпринимались и поездки в соседние города. Так, в 1906 г. 25 кадет Орловского-Бахтина корпуса были отправлены на экскурсию в Брянск для осмотра заводов и на станцию Сельцо Риго-Орловской железной дороги на могилу основателя корпуса генерал-майора М.П. Бахтина[935]. Кадеты и офицеры Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса в 1908 г., в преддверии 75-летия заведения, совершили поездку в Новгородскую губернию, где осмотрели здания, где раньше размещался корпус, посетили Грузино, побывали на могиле А.А. Аракчеева и попутно осмотрели новгородский Кремль и досто-

[933] РГВИА. Ф. 267. Оп. 1. Д. 3. Л. 239.
[934] Бельский В.Я. О родном корпусе. Сан-Франциско, 1971. С. 39.
[935] РГВИА. Ф. 725. Оп. 52. Д. 470. Л. 234.

примечательности Костромы, Ярославля, Рыбинска и отчасти Москвы[936]. В 1909 г. кадеты-аракчеевцы посетили Полтаву и Киев. Они побывали на поле Полтавской битвы, а в Киеве посетили не только Золотые ворота, Софийский собор и Десятинную церковь, но и могилу выпускника корпуса и его мецената, генерала Л.И. Ильяшевича. Переезд из Полтавы в Киев было решено совершить по Днепру, чтобы «ознакомить юных экскурсантов-волгарей с жизнью и видами другой большой русской реки»[937]. Любопытно, что кадетам незадолго до поездки были прочитаны лекции об историческом прошлом Полтавы и Киева и о наиболее значительных памятниках этих городов. Наконец, в 1910 г. кадеты Нижегородского корпуса побывали на Урале, ознакомились с его природными богатствами и побывали на нескольких заводах. Кадеты имели возможность наблюдать за процессом изготовления холодного оружия, орудий и снарядов, обработкой мрамора, выплавкой золота и чугуна, изготовлением стали, ее прокаткой и обработкой.

В летнее время кадеты совершали прогулки в окрестностях лагеря, осматривая кузницы, лесопилки, ветряные мельницы, поля, пасеки, парки, монастыри и пр. Энергичные и креативные воспитатели могли превратить заурядную прогулку в занимательную и полезную экскурсию. Например, кадеты Псковского корпуса во время прогулок учились разбивать лагерь, ловили раков. Воспитатель В.И. Обух регулярно ходил с кадетами в походы на весельных лодках по рекам Псковского уезда[938]. Воспитанники Донского кадетского корпуса в 1914 г. во время экскурсии на опытное поле сами принимали участие в уборке зерна, ручной и малинной молотьбе[939].

В 1912 г. по приказанию начальника ГУВУЗ были организованы экскурсии в Москву и Бородино, приуроченные к 100-летию Отечественной войны. В них участвовали все пажи старшего специального класса, все юнкера старшего класса и половина наличного состава пажей и кадет 6 и 7 классов. Воспитанники обхо-

---

[936] Сумцов В.Н. Аракчеевцы в Грузино и Аракчеевку. Экскурсионный очерк. К 75-летию Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса. Н. Новг., 1909. С. V-VI.
[937] Сумцов В.Н. Аракчеевцы в Полтаву и Киев. Экскурсионный очерк. С 21 рисунком в тексте. Н. Новг.: Типография И. Серкина, 1911. С. III.
[938] Михайлов А.А. Обаяние мундира. Псков, 2004. С. 83-84.
[939] РГВИА. Ф. 725. Оп. 48. Д. 1261. Л. 58 об.

дили Бородинское поле под руководством преподавателей истории или военных дисциплин, которые рассказывали им об основных этапах сражения.

Юбилейный для Дома Романовых 1913 год ознаменовался устройством экскурсий в Кострому, Нижний Новгород и Москву. В Москве кадеты должны были посетить и осмотреть Палаты Романовых на Варварке, Новоспасский монастырь, Грановитую палату, Архангельский собор, Исторический музей и село Коломенское, в Костроме – Ипатьевский монастырь и палаты Романовых, Успенский собор, исторический музей и при возможности село Домнино, где жил И. Сусанин. В Нижнем Новгороде интерес представляли Преображенский собор, в котором находились гробница Минина и хоругви Пожарского, Кремль, Исторический музей и площадь, на которой Минин обратился к народу с призывом пожертвовать средства на ополчение. Попутно кадеты могли осмотреть достопримечательности Ростова и Ярославля[940].

Кроме продолжительных образовательных экскурсий, начиная с 1911 г. предпринималось много кратковременных прогулок-экскурсий, которые были организованы по скаутской программе. Так, в Орловском-Бахтина кадетском корпусе в продолжение 1-го полугодия 1913/14 учебного года было совершено 73 прогулки, в том числе в 1 роте – 13, во 2 роте – 6, в 3 роте – 15 и в 4 роте – 21[941]. В весенне-летний период количество прогулок-экскурсий резко увеличивалось: например, в марте, апреле и мае 1914 г. кадеты Орловского-Бахтина кадетского корпуса совершили 39 прогулок-экскурсий, а за один лишь август 1914 г. – 17[942]. Устраивались (также по скаутской системе) и продолжительные прогулки: в мае 1914 г. кадеты 3 класса были отправлены на 5-дневную прогулку-экскурсию в с. Домнино Орловского уезда, а кадеты 4 класса – на такие же прогулки в Карачев и Белые-Берега Брянского уезда.

Юнкеров военных училищ в начале XX в. знакомили с историческими достопримечательностями и местами боевой славы, показывали им изготовление оружия, водили в арсеналы, крепости и на корабли. Юнкера Одесского военного

[940] РГВИА. Ф. 725. Оп. 47. Д. 1329. Л. 108-109.
[941] РГВИА. Ф. 725. Оп. 52. Д. 478. Л. 20.
[942] Там же. Л. 145, 232.

училища в январе 1911 г. посетили Севастополь, где им показывали не только памятные места Крымской войны, но и работы крепостной минной роты, занятия военно-воздухоплавательной школы, беспроволочный телеграф, различные типы кораблей, доки и адмиралтейство[943]. Список военно-научных экскурсий Новочеркасского казачьего училища в том же году включал в себя посещение ряда исторических мест (братская могила Донского казачества, Старочеркасский собор и др.), присутствие на учении и маневрах роты боевого состава в Ростове-на-Дону, знакомство с материальной частью артиллерии при Управлении артиллерии войска Донского, осмотр городского водопровода, городской электрической станции, железнодорожной станции, чугунолитейного завода и даже Новочеркасской тюрьмы[944].

Предпринимались и чисто туристические поездки – например, в Москву (для учащихся петербургских военно-учебных заведений), Кронштадт, Ревель, Финляндию. Кроме того, небольшие экскурсии устраивались ежегодно для выпускных юнкеров. Выпускники московских военных училищ осматривали достопримечательности Петербурга, выпускники южных училищ – города, расположенные на побережье Черного моря. Так, в 1906 г. юнкера Чугуевского училища посетили Севастополь и Ялту, побывали на Малаховом кургане. Один из них так описал эффект от увиденного: «Местность возле кургана и краткие описания происходивших здесь событий производили на нас, военных, будущих мучеников войны, - громадное впечатление. Какое-то сладкое и мучительное чувство рождалось в груди… Смерть во имя долга, идеи…»[945]

Образовательные экскурсии оказывали большое влияние на умственное развитие воспитанников и являлись одним из средств продуктивного заполнения их досуга. Благодаря изучению природы, крестьянского быта, сельского хозяйства и промышленности выпускники гимназий уже не были оторванными от жизни «бурбонами», имевшими весьма смутное представление о том, что ждало их за порогом родного заведения. Кроме того, наблюдая за работой крестьян и фабрич-

[943] РГВИА. Ф. 725. Оп. 47. Д. 205. Л. 3.
[944] РГВИА. Ф. 725. Оп. 47. Д. 586. Л. 2-5.
[945] Лессеко Н.М. Дневник юнкера. Кутаис, 1912. С. 78.

ных рабочих, беседуя с ними, будущие офицеры знакомились с той средой, в которой жили и воспитывались будущие солдаты. Это способствовало ликвидации кастового строя русской армии, смягчало и демократизировало взаимоотношения между командирами и подчиненными.

Экскурсии являлись важным средством общекультурного развития и профессиональной подготовки кадет и юнкеров, однако не менее действенным средством их приобщения к знаниям была научная работа.

Традиция организации научных занятий в корпусах была заложена в 1850-е гг., когда появились третьи специальные классы, воспитанники которых готовились к переходу в Императорскую военную академию, Михайловское артиллерийское и Главное инженерное училища. Результаты научных изысканий кадет публиковались на страницах «Журнала для чтения воспитанникам военно-учебных заведений». Большая часть статей была написана на исторические («Прием и отпуск послов при царе Алексее Михайловиче», «Оставление русскими Смоленска», «Постепенный упадок папской власти от половины XIII до половины XV столетий», «О русских посольствах в XVII в.»), военно-исторические («Русское войско в XVII столетии») и военные («О вооруженном нейтралитете») темы.

Кроме того, общий умственный подъем второй половины 1850-х гг. привел к возникновению тяги к знаниям даже у кадет провинциальных кадетских корпусов. Так, в Петровском-Полтавском кадетском корпусе в 1850-е гг. многие кадеты изучали отдельные предметы «по-пространному», то есть по рекомендованным учителями книгам из корпусной библиотеки, «и таких кадет бывало по нескольку человек в каждом классном отделении и общих классов»[946].

В военных гимназиях научное развитие воспитанников осуществлялось с помощью воспитательских чтений. Их тематика была чрезвычайно разнообразной. Преобладали военно-исторические и географические темы, некоторое вни-

[946] Бутовский А.Д. Годы моего ученья в Петровском-Полтавском кадетском корпусе // Педагогический сборник. 1915. № 11. Ч. неофиц. С. 332.

мание уделялось естествознанию, астрономии, музыке и литературе. Некоторые беседы сопровождались показом «туманных картин».

В военных училищах в первые годы после их открытия научному образованию юнкеров уделялось большое внимание. Так, в Павловском военном училище были организованы лекции: по военной истории – полковника М.И. Драгомирова, по вопросам химического и технологического производства – генерал-майора В.Ф. Петрушевского, о новейших физических открытиях – А.И. Шпаковского[947]. В Александровском училище читались лекции по истории древнего искусства, в Константиновском – по истории русской литературы и истории военного искусства, в Николаевском кавалерийском – по военному искусству[948]. Даже в окружных юнкерских училищах вечера отдыха юнкеров очень часто представляли собой «чтения в общей зале из военной истории, из военной гигиены, из военной администрации, из физики и т.п.»[949]

В пореформенных кадетских корпусах традиция организации научных занятий была продолжена. Например, в Александровском кадетском корпусе в конце XIX в. были ассигнованы значительные средства на устройство внеклассных занятий по естествоведению, физике, метеорологии и фотографии[950].

Научная деятельность кадет была продуктивна лишь в том случае, если велась по инициативе самих воспитанников, располагавших к тому же относительной академической свободой. По воспоминаниям Б. Базилева, выпускника одного из московских кадетских корпусов, в бытность его кадетом инспектор классов «читал… по вечерам лекции по истории искусства, иллюстрируя их роскошными туманными картинами»[951]. Под его влиянием кадеты всерьез увлеклись чтением и даже создали кружок самообразования, в который входило 10 воспитанников 7 класса и 3 воспитанника 6 класса. Члены кружка сначала занимались совместны-

---

[947] Коровин В.М. Военное образование в Российской империи (середина XIX – начало XX в.): монография. Воронеж, 2009. С. 269.
[948] Протокол занятий комиссии, учрежденной при Главном управлении для обсуждения некоторых вопросов, относящихся к устройству военных училищ // Педагогический сборник. 1869. № 6. Ч. офиц. С. 409.
[949] Бобровский П. Юнкерские училища в 1874 году (Издание редакции журнала «Военный сборник»). СПб., 1875. С. 26.
[950] Коровин В.М. Военное образование в Российской империи (середина XIX – начало XX в.): монография. Воронеж, 2009. С. 131.
[951] Базилев Б. Памяти одного из немногих (биографический очерк) // Александровец. 1907. № 5. С. 39.

ми чтениями и спорами, а затем каждый из них стал выбирать себе определенную тему и после ее тщательной проработки делал доклад в присутствии всей первой роты. Сначала чтения проводились нелегально, в «чистилке». Начальство, узнав о научных заседаниях, придало им официальный статус, однако сильно стеснило кадет в выборе тем, потребовав предоставлять накануне чтения докладов их программу и использованную литературу. После этого заседания стали делиться на «официальные» (в читальной комнате, в присутствии педагогов и даже директора) и «свои» (в чистилке). Тем не менее научная работа продолжалась достаточно активно, и спектр затрагиваемых тем был весьма широким. Читались «рефераты о теории Дарвина, об антидарвинизме, о Луне и ее спутниках, о философии Шопенгауэра, об истории развития детской души, о рабочем вопросе в Финляндии, о роли земства в народном образовании и др.»[952] Воспитанники даже издавали журнал «Кадетский мудрец».

Попытки организовать научную работу «сверху», без учета склонностей и желаний самих воспитанников, были обречены на провал. Директор Пажеского корпуса Ф.Э. Келлер в 1895 г. выступил с инициативой организации ученических докладов на литературные и научные темы и даже назначил преподавателя, который должен был отвечать за работу этого кружка. Однако откровенная лень этого учителя и его стойкое нежелание посещать собрания пажей привели к тому, что учащиеся варились в собственном соку, без должной помощи. Поэтому деятельность кружка вскоре сошла на нет, не дав никаких плодов.

В начале XX в. кадеты во время пребывания в летних лагерях собирали коллекции растений, насекомых и минералов, занимались метеорологическими наблюдениями. В Пажеский корпус для расширения кругозора воспитанников приглашали ученых и изобретателей. Один из бывших пажей вспоминал: «Помню одного брюнета-итальянца, который носился из одной залы в другую с небольшим ящичком в руках и демонстрировал нам свое открытие в области беспроволочного телеграфа. Это был не кто иной, как сам Маркони»[953].

---

[952] Базилев Б. Памяти одного из немногих (биографический очерк) // Александровец. 1907. № 5. С. 40.
[953] Из воспоминаний Ф.С. Олферьева (1905 г.). Пажеский корпус – юность – первые шаги // Сборник. Воспоминания бывших пажей. № 30. Париж, 1964. С. 7.

В военных училищах в начале XX в. юнкерами готовились рефераты и делались сообщения на военные темы. Так, в декабре 1906 г. юнкером Александровского военного училища Б. Зборомирским было прочитано сообщение на тему: «Воспитание и образование офицеров германской армии по сравнению с воспитанием и образованием офицеров русской армии»[954]. Выступали перед юнкерской аудиторией и офицеры. В октябре 1908 г. прапорщик запаса Эггерт прочитал в Александровском училище сообщение «О Луне», сопровождаемое туманными картинами. Полковник Скобельцын прочитал в июне 1909 г. юнкерам Михайловского артиллерийского училища лекцию о Полтавском бое и его значении, причем сообщение «иллюстрировалось картами огромных масштабов, исполненными ю. Агеевым»[955].

Подводя итоги, необходимо сказать, что экскурсии и научные кружки были эффективным средством расширения кругозора воспитанников, их знакомства с природой и ее богатствами, с бытом крестьян, с устройством фабрик и заводов, с культурными сокровищами. Особенно значимы были экскурсии для тех, кто учился в провинциальных военных гимназиях и кадетских корпусах. Юнкера военных училищ, расположенных в столицах, посещая музеи и выставки, участвуя в работе научных кружков, слушая лекции, закладывали прочный общеобразовательный и культурный фундамент для последующего самообразования, что было крайне необходимо офицерам, большая часть службы и жизни которых проходила, как правило, в «медвежьих углах».

4.6. Руководство чтением и литературным творчеством воспитанников

Зарождение элементов традиций руководства чтением произошло задолго до открытия первых военно-учебных заведений, во второй половине XVII в., в полках «нового строя». В 1660-70-е гг. во 2-м Московском выборном полку солдатского строя благодаря усилиям его командира полковника М.О. Кровкова была

[954] О лекциях и сообщениях, читанных в училище // Александровец. 1907. № 6. С. 44-45.
[955] Хроника // Михайловец. 1909. № 2-3. С. 191.

создана полковая библиотека, состоявшая преимущественно из книг религиозного содержания (Евангелия, Псалтиря, Часослова, Минеи Общей и т.д.) и предназначенная для «ево полку началных людей и солдатов…»[956] Однако условия службы в полках (как и условия учебы в первых петровских школах) не способствовали закреплению руководства чтением в качестве устойчивой военно-культурной традиции подготовки офицеров.

После открытия кадетского корпуса руководство чтением стало играть существенную роль в формировании личности будущих офицеров. В 1730-е гг. в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе возник литературный кружок, одним из членов которого был А.П. Сумароков. Библиотека корпуса быстро пополнялась; в 1744 г. в ней было более тысячи книг, распределенных по трем отделам: русскому, иностранному и военному[957].

Чуть позже, в елизаветинскую эпоху, зародилась традиция литературного творчества кадет. Воспитанники Сухопутного корпуса внесли большой вклад в развитие отечественной журналистики. М.М. Херасков еще в бытность свою кадетом писал статьи для издаваемого Академией наук литературного и научно-популярного журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». В 1759-60 гг. в корпусных стенах издавался журнал «Праздное время, в пользу употребленное». В подготовке его номеров принимали участие А.П. Сумароков, выпускник корпуса А.А. Нартов, другие бывшие кадеты, некоторые преподаватели корпуса, а также один из воспитателей цесаревича Павла Петровича С.А. Порошин.

Библиотека Морского корпуса была основана в 1769 г., однако научные труды и художественные произведения поступали в корпус с начала 1760-х гг. по инициативе директора И.Л. Голенищева-Кутузова. Многие книги (в частности, «Механика» Л. Эйлера) были переведены на русский язык и затем напечатаны. Чтением кадет в 1770-е гг. руководил первосвященник корпусной церкви иеромо-

---

[956] Русская историческая библиотека. Т. 23. Дела Тайного приказа. Книга 3. СПб.: Археографическая комиссия, 1904. Ст. 35.

[957] Аурова Н.Н. Атмосфера и быт в кадетских корпусах Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. С. 189.

нах Нектарий, который «…старался образовать и давал нам [кадетам – А.Г.] одни полезные книги»[958].

Расцвет библиотеки Сухопутного кадетского корпуса пришелся на директорство Ф.Е. Ангальта (1787-1794 гг.). В 1787 г. Екатерина II по его ходатайству приобрела для корпуса библиотеку бывшего коменданта Данцига генерала Эггерса – 7000 книг на русском, немецком и французском языках, главным образом по военной тематике[959].

Ангальт сумел организовать чтение кадетами серьезной литературы и обмен мнениями по поводу прочитанного. Директор создал в корпусе уникальную образовательную среду: книги сопровождали воспитанников не только в классах, но и в рекреационном зале, и даже в столовой. В рекреационном зале исторические, географические и прочие сочинения были прибиты к столам. Директор объяснял этот порядок так: «Один кадет будет смотреть, другой кадет будет листать, третий кадет прочитает, и это хорошо, потому что в библиотеке и этот один из трех не прочтет»[960]. Поучительные сентенции и афоризмы размещались и на стенах рекреационного зала, и на знаменитой «Говорящей стене», окружавшей корпусной сад. По словам П.И. Полетики, «знания были так приближены к воспитанникам, что даже те из них, кои мало имели природного расположения к ученью, невольно приобретали некоторые познания»[961]. Вдоль стен рекреационного зала были размещены доски, на которые кадеты, по старшинству классов, должны были выписывать понравившиеся им места из книг. По воскресеньям кадеты собирались в зале и под руководством самого директора обсуждали сделанные в течение недели выписки, а также читали стихи собственного сочинения. Затем цитаты переписывались с досок в особые красиво переплетенные журналы под названием «Плоды счения господ кадетов», которые поступали в корпусную библиотеку. Судя по их содержанию, кадеты в основном читали французских и немецких философов, поэтов и драматургов. Очень часто цитировали Вольтера, Руссо, Расина, Корнеля,

[958] Башуцкий Д.Я. Записки // ОР РНБ. Ф. 777. Оп. 3. Д. 788. Л. 40 – 40 об.
[959] Первый кадетский корпус во Дворце Меншикова. К 275-летию основания. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа; Историческая иллюстрация, 2007. С. 60.
[960] Данченко В.Г., Калашников Г.В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 186.
[961] Воспоминания Петра Ивановича Полетики // Русский архив. 1885. № 11. С. 309.

Гофмана. Из русских авторов встречаются Сумароков, Ломоносов, Херасков, Княжнин, Крылов[962]. Некоторые воспитанники, не довольствуясь официальными журналами, заводили собственные тетради для выписок. Например, кадет П. Лунин в 1792 г. вел тетрадь ”Cahier surnimerare”, в которую переписывал стихи Княжнина, Сумарокова и Хераскова[963].

Впоследствии в библиотеку регулярно поступали научные труды по математическим дисциплинам, философии, истории и географии, а также художественные произведения. В конце XVIII – начале XIX в. фундаментальная библиотека корпуса пополнялась даже историческими трудами, посвященными революционным событиям в Англии, Франции, Испании, сборниками речей деятелей Великой Французской революции.

Однако начавшаяся при Павле I гипертрофированная милитаризация кадетских корпусов стала причиной того, что воспитанники начали пренебрежительно относиться к умственным занятиям, якобы не подобающим настоящему военному, и перестали брать в руки книгу. Руководство чтением также пришло в упадок: и император, и руководство военной школой, и директора кадетских корпусов полагали, что офицер не должен знать ничего, кроме весьма ограниченных сведений, необходимых ему для службы. В 1-м кадетском корпусе выдача книг из библиотеки была прекращена. Лишь в Пажеском корпусе по инициативе министра народного просвещения графа П.В. Завадовского было организовано чтение пажами книг под руководством одного из учителей, который отвечал и за сохранность библиотеки[964]. Со временем литературные вкусы воспитанников изменились: философские произведения и лучшие образцы отечественной и зарубежной драматургии уступили место приключенческим романам. С русской литературой воспитанники военной школы первой половины XIX в. почти не были знакомы.

---

[962] ОР РНБ. Ф. 1057. Собр. журн. 1-го кадетского корпуса. Т. 6. Л. 175; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/55. Д. 1. Л. 31.

[963] Аурова Н.Н. Атмосфера и быт в кадетских корпусах Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. С. 192.

[964] Тавастшерна В. Столетие Пажеского Е.И.В. корпуса. 1802-1902. Оттиск статьи, напечатанной в № 12 «Артил. Журнала» за 1902 г. СПб., 1902. С. 4.

В большинстве военно-учебных заведений александровской и николаевской эпох грубые нравы и ненависть к жестоким офицерам послужили причинами возникновения кадетского фольклора. В нескладных, примитивных, часто нецензурных стихах высмеивались директора, офицеры и педагоги, описывались «достойные внимания» события – драки, бунты, попойки и т.п. Например, поэты Морского корпуса, в котором в начале XIX в. регулярно устраивались кровопролитные драки на задворках корпусного здания, «писали длиннейшие поэмы, прославляя эти бои в кадетской истории корпуса»[965].

В Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в начале 1830-х гг. М.Ю. Лермонтовым и его товарищами издавался еженедельник «Всякая всячина напячена», представлявший собой тетрадь, сшитую из рукописей, поступивших в «редакцию» в течение недели. Во «Всякой всячине…» было опубликовано немало стихотворений самого Лермонтова, в том числе и непристойных.

В Императорском Царскосельском лицее, который в 1822-1843 гг. был военно-учебным заведением, силами воспитанников несколько лет выходил «журнал-пасквиль на славянском языке под именем летописи, в коем все поступки директора представлены в карикатурном виде»[966]. «Пасквиль» был «переписан весьма чисто и щеголевато»; лицеисты берегли его как зеницу ока.

Издание воспитанниками «подпольных» журналов вызывало гнев начальства и жестокие репрессии. Однако руководство военно-учебных заведений понимало, что одними лишь наказаниями желаемых результатов сложно добиться. В 1832 г. Главный директор Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка Н.И. Демидов обратил внимание директора Лицея Ф.Г. Гольтгоера на необходимость руководства чтением воспитанников. Чтение как «похвальное и полезное упражнение», по мнению Демидова, было лучшим средством в борьбе с вольнодумством. Главный директор полагал, что кадетам, лицеистам и пажам наибольшую пользу могло оказать чтение исторических и нравоучитель-

[965] Колыбель флота. Навигацкая школа – Морской корпус. К 250-летию со дня основания Школы математических и навигацких наук. 1701-1951. Париж, 1951. С. 90.
[966] Бернацкий, В.А. Императорский Александровский лицей в ведомстве военно-учебных заведений (Историческая справка ко дню столетнего юбилея Лицея). СПб., 1911. С. 17.

ных сочинений, «сообразных с возрастом и познаниями воспитывающихся»[967]. От беспорядочного чтения трагедий, романов и других произведений, которые преждевременно распаляли воображение воспитанников и вредно влияли на их чувственность, юношество, напротив, следовало оберегать. Демидов написал множество нравоучительных книжек, которые во время своих визитов в корпуса дарил кадетам. Воспитанники были обязаны не только прочесть эти брошюры, но и выучить их наизусть. Однако неприязненное отношение кадет к Главному директору не позволило этому начинанию принести сколько-нибудь значимые плоды.

Более действенные меры по организации руководства чтением воспитанников принял в 1835 г. великий князь Михаил Павлович, возглавлявший военно-учебное ведомство в 1831-1849 гг. Он направил военному министру графу А.И. Чернышеву записку, в которой констатировал полное отсутствие заботы о том, что читают будущие офицеры и читают ли они что-либо вообще[968]. По мнению Михаила Павловича, «умственная праздность» негативно воздействовала на кадет, портила их нравственно и впоследствии способствовала закреплению за офицерами, выпущенными из корпусов, репутации необразованных «бурбонов».

Великий князь ставил перед военно-учебным ведомством такую задачу, как «внушение воспитанникам от самого малолетства привычки к чтению благонамеренному». Для этого он предлагал учредить периодическое издание, адресованное исключительно воспитанникам военной школы, – «Журнал для военно-учебных заведений». На его страницах предполагалось размещать оригинальные и переводные произведения лучших русских и иностранных поэтов и писателей, а также статьи, написанные преподавателями и воспитателями кадетских корпусов и самими кадетами. Издание должно было осуществляться «в духе христианской нравственности, преданности самодержавной власти, любви к уставам и славе России и в целях возбуждения воинской и гражданской доблести»[969]. Николай I согласился со всеми предложениями, однако, счел «неудобным дозволять воспи-

[967] Там же. С. 18.
[968] РГВИА. Ф. 405. Оп. 5. Д. 413. Л. 3 – 3 об.
[969] Соколовский, М.К. Из истории кадетского журнала. Появление и первые годы издания журнала для чтения воспитанникам военно-учебных заведений и замена его впоследствии Педагогическим сборником. СПб., 1906. С. 7.

танникам военно-учебных заведений трудами своими участвовать в издании журнала»[970], чтобы не отвлекать их от учебы.

Первый номер журнала вышел в июле 1836 г. Издание продолжалось 27 лет, вышло более 600 книжек. Журнал выходил раз в две недели. Он включал четыре раздела: 1) словесность (романы и отрывки из них, повести, рассказы, комедии, драмы, стихотворения и басни, образцы духовной литературы, историко-географические описания стран и городов, очерки, написанные путешественниками), 2) история (здесь преимущественно размещались биографии выдающихся людей – монархов, полководцев, реже ученых), 3) науки и художества (военно-исторические очерки, статьи по физике, химии и другим наукам), 4) смесь («анекдоты, показывающие благородство души и возвышенные чувствования, любовь к правде и справедливости, преданность государю, мужество в опасностях и проч.»[971]: небольшие познавательные заметки, забавные или поучительные эпизоды из жизни великих полководцев и т.п.). В 1850-е гг. на страницах журнала достаточно часто стали появляться кадетские рефераты по истории, юриспруденции, военной администрации и прочим наукам. «Журнал…», по мнению руководства военно-учебных заведений, должен был являться главным средством приобщения воспитанников к производительному чтению, в то время как библиотеки кадетских корпусов предназначались в основном для педагогов и лишь в последнюю очередь могли «…доставлять воспитанникам… возможность полезного чтения, сверх особого журнала, издаваемого уже для сего предмета»[972].

В 30-40-е гг. XIX в. «Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений» пользовался большой популярностью в кадетской среде. Воспитанники с жадностью набрасывались на каждый новый выпуск, особенно если там должно было быть продолжение романа или повести, опубликованных в предыдущем номере. По свидетельству А.Н. Куропаткина, бывшего кадетом 1-го кадетского корпуса в 1855-1861 г., в «Журнале…» помещались «бойко написанные рассказы из войн Кавказской, Севастопольской; рассказы эти производили впечатление и спо-

[970] Там же. С. 10.
[971] Соколовский, М. Кадетский журнал полвека назад. Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, как повременное издание. 1836-1863. Историко-библиографический очерк. СПб., 1904. С. 4.
[972] Приказ Главного начальника военно-учебных заведений. 23 мая 1844 г. № 542.

собствовали росту в нас воинственности»[973]. Многим воспитанникам научные статьи, которые публиковались в «Журнале», были весомым подспорьем в учебной работе. При умелом руководстве чтением достигались потрясающие результаты. Например, начитанность бывших кадет Петровского-Полтавского кадетского корпуса, которые держали экзамены для перевода в Дворянский полк, где должны были завершить свое образование, поражала экзаменаторов, которые не верили, что основным источником глубоких научных знаний являлся «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений»[974].

Даже в николаевских корпусах круг чтения кадет далеко не был ограничен исключительно «Журналом…» И в столичных, и в провинциальных корпусах училось немало любителей книги, интересы которых выходили далеко за рамки списков литературы, рекомендованных учителями. Было распространено и полулегальное литературное творчество. Например, в Пажеском корпусе, по свидетельству бывшего пажа Н.Н. Вельяминова, в конце 1830-х – начале 1840-х гг. было много воспитанников, увлеченных литературой, которые сочиняли не только очень хорошие стихи, но и сатирические куплеты на офицеров[975].

В кадетских корпусах, руководители которых поощряли интерес к чтению, кадеты не только читали серьезную литературу, но и приобретали навыки ее научного анализа. Например, воспитанник Петровского-Полтавского кадетского корпуса Ош-цов, внимательно прочитав несколько раз Библию и Коран, составил к ним обстоятельные комментарии.

Начиная с 1844 г. библиотеки заведений военно-учебного ведомства пополнялись книгами централизованно, по особо составленному каталогу. В 1848 г. все рекомендуемые для кадетских корпусов издания были разделены на «необходимые» и «полезные», благодаря чему книжные собрания военно-учебных заведений стали комплектоваться в первую очередь за счет «сочинений капитальных,

---

[973] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1740.
[974] М.А.Д. Полтавский кадетский корпус в первые годы его существования // Исторический вестник. 1890. № 11. С. 453.
[975] Вельяминов Н.Н. Воспоминания о государе императоре Николае Павловиче и его времени // НИОР РГБ. Ф. 218. № 121. Л. 43 об.

классических, составляющих основание хорошей библиотеки»[976]. Для приобретения «полезных» книг сверх сметы предназначались остатки от штатных сумм заведения. Поэтому библиотеки даже провинциальных корпусов отличались весьма неплохим подбором литературы.

Однако далеко не во всех военно-учебных заведениях организация чтения воспитанников находилась на должной высоте. По свидетельству А.Н. Куропаткина, учившегося в 1-м кадетском корпусе в 1855-1861 гг., «в младших классах чтение было развито мало и им никто не руководил. Чаще всего кадеты увлекались рассказами «с приключениями» военного характера. Любимым чтением моим и моих сверстников в младших классах были рассказы вроде Монте Кристо, рассказы об индейцах, их борьбе в Америке с бледнолицыми, путешествия, обильные военной борьбой, исторические рассказы и романы»[977]. В Орловском Бахтина кадетском корпусе библиотека была лишь красивым элементом интерьера: «книги были расставлены по ранжиру, в красивых переплетах, но трудно сказать, для какой цели она существовала, так как воспитанники ею не пользовались и не видно, чтобы ею пользовались преподаватели и офицеры»[978].

В начале царствования Александра II кадеты, как и вся учащаяся молодежь, стали интересоваться современной литературой. Старшие воспитанники увлеклись не только философскими трудами (произведениями Л. Фейербаха и Л. Бюхнера), но и запрещенными изданиями: «Колоколом» А.И. Герцена, прокламациями М.И. Михайлова, атеистическими произведениями[979]. Корпусные офицеры 2-го кадетского корпуса порой не только не препятствовали, но даже содействовали распространению нелегальной литературы. Упадок авторитета воспитателей способствовал развитию подпольной кадетской журналистики. Например, в 1861 г. кадетами 3-го специального класса 1-го Московского кадетского корпуса издавался рукописный сатирический журнал, в котором высмеивались начальство и преподаватели заведения[980]. В 1862 г. в Михайлов-

[976] Приказ Главного начальника военно-учебных заведений. 12 августа 1848 г. № 986.
[977] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1740. Л. 9-10.
[978] Кулябка, К.Ф. Воспоминания старого орловца // Русская старина. 1908. № 8. С. 376.
[979] РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 5735. Л. 16 об. – 19.
[980] РГВИА. Ф. 725. Оп. 6. Д. 131. Л. 18 об.

ском-Воронежском кадетском корпусе издавался рукописный журнал «Микроскоп», в котором помещались обличительные статьи[981]. В провинциальных корпусах, где начальственный контроль был слабее, руководством предпринимались попытки легализовать литературную деятельность кадет. Так, в Сибирском кадетском корпусе кадеты старших классов с разрешения директора и при помощи преподавателя русского языка и словесности В.П. Лободовского начали выпускать рукописный юмористический литературный журнал «Булавка». Изданием журнала искренне интересовались не только кадеты, но и преподаватели, однако вышло всего два номера, после чего «по целому ряду причин выпуск журнала был прекращен»[982].

С 1856 г. кадетские корпуса стали активно выписывать периодические издания. В итоге к концу 1850-х гг. «Журнал для чтения военно-учебных заведений» утратил свою былую притягательность для кадет, уже не довольствовавшихся плодами военно-учебной цензуры и предпочитавших чтение статей в оригинале. В 1864 г. на смену потерявшему свою аудиторию «Журналу…» пришел «Педагогический сборник», однако он был адресован не воспитанникам, а педагогам.

В военных гимназиях, созданных в 1863-1866 гг. на базе общих классов кадетских корпусов, чтению уделялось большое внимание: «…внеклассное чтение книг воспитанниками, как самостоятельное, так и с воспитателями, имеет первенствующее, после учебной работы, значение в ряду образовательных средств заведения и вообще оказывает весьма сильное влияние на развитие и направление детей и юношей в нравственном отношении»[983]. Оно было призвано: «1) давать воспитанникам образовательные и полезные сведения, 2) возбуждая работу мысли в приложении к приобретению таких сведений и разъяснению прежде усвоенного, развивать и укреплять внимание, мыслительную способность, память и воображение; 3) вызывая чувства симпатии к нравственному и эстетическому и отвра-

[981] Там же. Л. 28 – 28 об.
[982] 1-й Сибирский императора Александра I кадетский корпус 1813. URL: http://cadethistory.ru/1-y-sibirskiy-imperatora-aleksandra (дата обращения: 01.05.2016)
[983] Инструкция по воспитательной части для военных гимназий, однородных с ними заведений и военных прогимназий. Устройство внутреннего порядка. Основные правила физического и нравственного воспитания. Общие обязанности воспитателей. Изд. на основе СВП, 1869 г., книги XV, ст. 210, 229, 632, 635, 695 и примеч. к ст. 288, по II продолжению. СПб., 1881. С. 61.

щения к безнравственному и безобразному, развивать чувства нравственное и эстетическое; 4) развивать охоту и любовь к чтению и… 5) развивать и укреплять привычку и умение читать, изучая читаемое»[984]. Методы привлечения воспитанников к чтению решались на уровне отдельных заведений.

Круг чтения воспитанников определялся их ближайшими наставниками: без разрешения отделенного воспитателя читать посторонние книги было нельзя. Как правило, военные гимназисты предпочитали беллетристику, книги о путешествиях и географических открытиях, а также биографические очерки выдающихся людей. В старших классах выбор книг был серьезнее: например, в 1868 г. на воспитанника Орловской-Бахтина военной гимназии Ф.А. Григорьева и его товарищей колоссальное впечатление произвел роман Л.Н. Толстого «Война и мир»: «…каждый раз прерывали чтение только по принуждению или тогда, когда кончали часть, а следующая еще не вышла…»[985] Рекомендация конкретных книг зависела от возраста учащихся[986]. Отдельные воспитанники по собственному почину пытались разнообразить свой круг чтения – как правило, либо изданиями, не соответствовавшими их возрасту, либо пустыми книгами. Поэтому большое внимание уделялось воспитательному чтению в младших классах, организация которого была возложена на педагогов и наставников. Специально подобранные книги и статьи читал или сам воспитатель, или один из лучших учеников; прочитанное тут же комментировалось и обсуждалось. Рекомендация книг производилась индивидуально, с учетом уровня развития и интересов учащегося; каждый гимназист имел особую тетрадку для выписок из прочитанного.

---

[984] Материалы для инструкции по воспитательной части. О внеклассном чтении // Педагогический сборник. 1869. № 12. С. 601-602.

[985] РГВИА. Ф. 267. Оп. 1. Д. 2. Л. 158.

[986] Так, в 1866 г. в лагере Орловской-Бахтина военной гимназии воспитанникам старшего возраста (4 и 5 классы) были предложены для чтения такие книги, как «Природа и люди» Павловского, «Путешествие в полярные страны» Кэна, «Смутное время Московского государства» Костомарова. Воспитанники 1-го отделения среднего возраста (3-й класс) должны были читать «Чудеса подземного мира» Гартвига, «Географические очерки» Грубе, «Жизнь птиц» Брема, «Богдана Хмельницкого» и «Смутное время Московского государства» Костомарова. Воспитатели 2-го отделения среднего возраста (3 и 2 классы) и в 1-го отделения младшего возраста (2 и 1 классы) читали своим подопечным «Географические очерки» Грубе, «О Ломоносове» Фурмана, «Естественную историю» Франклина, «Детские годы Багрова» Аксакова, «Фрегат «Паллада»» Гончарова, «Путешествие» Дарвина (О занятиях воспитанников Орловской-Бахтина военной гимназии в течение лагерного времени в 1866 г. // Педагогический сборник. 1866. № 10. С. 508-509).

В военных и юнкерских училищах были открыты первоначально лишь общие училищные библиотеки. Ротные библиотеки, которые предполагалось «снабдить хотя небольшим числом различных книг, но выбранных с надлежащей строгостью, дабы доставить каждому воспитаннику случай прочесть по различным отраслям несколько наиболее замечательных и серьезных книг, знакомство с которыми могло бы образовать его вкус и доставить ему более или менее положительные сведения о различных предметах»[987], не были созданы.

Главным препятствием для планомерной организации чтения был скудный фонд большинства корпусных и училищных библиотек. По воспоминаниям бывших гимназистов, возрастные библиотеки заключали в себе лишь пару сотен изрядно потрепанных книг преимущественно военно-исторического и приключенческого жанра (Марлинский, Загоскин, Майн Рид, Густав Эмар, Фенимор Купер, Жюль Верн и т.п.). Поэтому С.Я. Надсон, учившийся во 2-й Петербургской военной гимназии, брал серьезные книги у воспитателей, знакомых, а также из городских библиотек[988]. Юнкера нередко вскладчину создавали собственные библиотеки, увлекались и запрещенной литературой. «Павлоны», по свидетельству А.Н. Куропаткина, в 1864-1866 гг. зачитывались журналами «Современник» и «Русское дело», обсуждали романы И.С. Тургенева «Отцы и дети» и Н.Г. Чернышевского «Что делать?», статьи Н.А. Добролюбова и Д.И. Писарева, штудировали труды по физиологии. Разумеется, это чтение шло хаотично, безо всякого руководства. В Михайловском артиллерийском училище на рубеже 1860-70-х гг. существовала тайная библиотека, в которой были как разрешенные, так и запрещенные издания. Однако в целом к началу 1870-х гг. интерес воспитанников к серьезной литературе угас. Начальник Главного управления военно-учебных заведений Н.В. Исаков в 1870 г. Пажеского корпуса, беседуя с пажами и юнкерами, «…спрашивал у каждого, читает ли он и что читает. Из этого опроса он вывел заключение, что мы вообще читаем пустячные книги, хотя невинного содержания, и

[987] Извлечение из журнала заседания педагогического комитета третьего военного Александровского училища 6 сентября 1864 г. // Педагогический сборник. 1864. № 3. Ч. офиц. С. 39.
[988] Надсон С.Я. Дневник и сочинения. 1875-1879 // ОР РНБ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 30 – 31 об.

что юнкера читают меньше солдат»[989]. Благодаря большому числу журналов в училищных библиотеках многие юнкера предпочитали журнальные статьи книгам. Лишь немногие из них регулярно читали военные и военно-исторические сочинения.

Отголоском прежних «старокадетских» времен в военных гимназиях были издаваемые воспитанниками сатирические журналы, в которых высмеивались начальство и преподаватели[990]. Поскольку эти сборники были «…нередко весьма грязного и даже преступного содержания и ввиду того, что подобные вредные сочинения, отвлекая учащихся от серьезных занятий науками, растлевают их нравственность и развивают между ними дух неповиновения и враждебные мысли», Александр II в 1868 г. велел запретить их, сделав исключение лишь для сборников «исключительно литературного и научного содержания»[991], издаваемых под надзором и руководством непосредственного начальства. Однако вся прелесть гимназистской и юнкерской журналистики в то время заключалась именно в том, что она носила подпольный, запрещенный характер. Официальные журналы, как правило, существовали недолго. Так, рукописный юнкерский журнал «Юнкерское слово», издававшийся в Павловском военном училище в 1866 г. с разрешения начальника училища под руководством одного из отделенных офицеров, выдержал лишь один выпуск[992]. В 1869 г. Главное управление военно-учебных заведений вынесло на обсуждение вопрос о том, можно ли гимназистам и юнкерам издавать свои журналы и сборники. Педагоги всех училищ и корпусов (за исключением Орловского-Бахтина корпуса) единодушно выступили против того, чтобы разрешать воспитанникам издавать собственные журналы, аргументируя свое мнение тем, что ни возраст, ни распорядок дня, ни степень развития гимназистов и юнкеров не позволят им издавать серьезные и полезными журналы – они будут наполнены либо пасквилями, либо компиляциями. Кроме того, Финляндский корпус

---

[989] Отрывки из заметок фельдфебеля камер-пажа Михаила Степанова. 1869-1870 // РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9624. Л. 62 об.

[990] В 1-й Московской военной гимназии в 1864 г. издавался «антизакальский» журнал, в котором высмеивался обычай «старокадетства». Воспитатели, видя в этом журнале действенное оружие против старокадетства, поначалу не стали препятствовать его изданию, однако, когда «закалы» стали грозить редактору и авторам физической расправой, были вынуждены отдать приказание о закрытии журнала (РГВИА. Ф. 725. Оп. 6. Д. 131. Л. 17-18).

[991] РГВИА. Ф. 725. Оп. 6. Д. 131. Л. 1 – 1 об.

[992] Там же. Л. 6.

высказался в пользу того, чтобы разрешить гимназистам издавать сборники своих сочинений. В итоге циркуляром по военно-учебным заведениям от 1 июня 1869 г. № 22 издание воспитанниками сборников и журналов было запрещено[993]. Попытки издания ученических журналов возобновились лишь в середине 1870-х гг. (во 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии в 1875 г. издавался литературно-сатирический журнал «Домашний кружок», в котором С.Я. Надсон помещал свои «Очерки современной жизни в гимназии», а в 1876 г. – журнал «Литературный винегрет» под редакцией самого Надсона[994]). В 1870-е гг. под влиянием идей народничества усилилась тяга к нелегальной литературе и естественнонаучным трудам.

Постоянное внимание к тому, что читают воспитанники, сохранилось и после того, как военные гимназии были переформированы в кадетские корпуса. Руководители заведений и педагоги знали, какое влияние оказывает чтение на подготовку офицеров. Директор Пажеского корпуса генерал-майор Ф.Э. Келлер, сам не блиставший красноречием, не уставал обращать внимание своих питомцев на то, что «уменье связно и грамотно выражать свои мысли обязательно для военного культурного человека, независимо от его специальности»[995]. Библиотеки корпусов регулярно снабжались в соответствии с утвержденными в Главном управлении военно-учебных заведений списками книгами духовно-нравственного, художественно, историко-биографического и военного содержания. При этом списки рекомендуемой литературы были составлены отдельно для воспитанников 6-7, 3-5 и 1-2 классов. Заведения выписывали большое количество периодических изданий (так, в 1894 г. Орловский-Бахтина кадетский корпус оформил подписку на 27 наименований журналов и газет[996]). Досуг кадет их педагоги старались скрасить с помощью чтения. Во Владимирском-Киевском кадетском корпусе в 1880-е гг. каждую субботу для воспитанников, не пошедших в отпуск на выходные, силами отделенных воспитателей читались вслух произведения классиков отечественной литературы. Один из выпускников корпуса вспоминал чтения с

[993] Циркуляр по военно-учебным заведениям. 1 июня 1869 г. П. 6.
[994] ОР РНБ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 56 об. – 57 об., 61 об., 162 об. – 163.
[995] Ламздорф-Галаган П.К. Воспоминания // Архив БФРЗ. Ф-2. М-88. Л. 349.
[996] РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 2572. Л. 61 об. – 62 об.

благодарностью: «Мне особенно памятны и дороги эти вечера, т.к. с 4 класса и до выпуска в нашем отделении воспитателем был П. Ив. Матковский, прекрасный чтец, который перечитал нам массу лучших произведений наших классиков и заронил в душу любовь к русской литературе»[997]. В Симбирском кадетском корпусе нередко устраивались литературные диспуты в присутствии начальства заведения, и кадеты тщательно к ним готовились, так как никому не хотелось выглядеть невежественным и неразвитым. Кроме того, развитию интереса к чтению немало способствовали школьные спектакли и литературные вечера, которые к тому же помогали воспитанникам укрепить память и овладеть навыками выразительного чтения.

Однако руководство чтением воспитанников было сопряжено с большими ограничениями. Посещать публичные библиотеки кадетам было запрещено[998]. Читать посторонние книги без разрешения воспитателя (он должен был сделать соответствующую надпись прямо на издании) не позволялось. Издавать собственные журналы по-прежнему было нельзя. В 4-м Московском кадетском корпусе кадеты в 1880-е гг. издавали «летучие листки», за что подвергались наказаниям[999]. В 1884 г. директор Александровского кадетского корпуса К.В. Рудановский представил Главному начальник военно-учебных заведений Н.А. Махотину экземпляр журнала «Кадетский вестник», составленного кадетами 6-го класса, добавив, что «…подобные попытки к занятию издательством журнала повторялись между кадетами старших классах ежегодно с большим и меньшим успехом, но всегда почти останавливались на двух, трех выпущенных нумерах»[1000]. Главный начальник, сославшись на циркуляр 1869 г., издание журнала запретил.

В военных училищах в 1886 г. были заведены ротные библиотеки, состоявшие преимущественно из трудов по военной истории, военных справочников и военных журналов. Однако юнкера почти не обращались к ним: «Мало кто из нас занимался чтением. Если кто и чувствовал, что в своем умственном развитии он

---

[997] Воспоминания Ф.М. Колоней. 1936 // ГАРФ. Ф. Р-6797. Оп. 1. Д. 38. Л. 2 об.
[998] Памятная книжка кадета 1-го Московского кадетского корпуса. М., 1900. С. 82.
[999] Письмо в редакцию // «Кадет». Литературно-научный журнал Третьего Московского императора Александра II кадетского корпуса. № 4. Декабрь 1909 г. С. 34.
[1000] РГВИА. Ф. 725. Оп. 22. Д. 295. Л. 1 об.

недалеко ушел, то он думал, что, выйдя в офицеры, займется саморазвитием…»[1001] Издавать свои сборники юнкерам, как и кадетам, было запрещено, публикация сочинений и переводов без разрешения начальства не допускалась. Приносить и читать в училище книги юнкер мог только с разрешения отделенного офицера, это же относилось и подписке на журналы и газеты. Даже посещение Императорской публичной библиотеки юнкерам позволялось с письменного разрешения ротного командира, в котором указывалось, какие именно книги требуются для занятий. Начальники некоторых училищ были откровенными врагами книги и знания. Так, начальник Чугуевского пехотного юнкерского училища полковник Арцышевский лично пообещал «вырвать нос» юнкеру Болдыреву за любовь к книгам[1002]. Неудивительно, что юнкера, чтобы не раздражать начальства, перестали читать вообще.

Множество запретов и ограничений привело к тому, что к концу пребывания на должности Главного начальника Н.А. Махотина руководство чтением кадет и юнкеров во многих военно-учебных заведениях велось лишь формально. Так, по свидетельству Н.А. Зотова, в бытность его кадетом офицер-воспитатель в течение двух (!) лет читал своим подопечным по субботним вечерам произведения Мельникова-Печерского – «На горах» и «В лесах», причем утомленные за день кадеты крепко засыпали под монотонное, невыразительное чтение. Точно так же «выразительно» читали и преподаватели русского языка и словесности.

В начале XX в. благодаря усилиям нового Главного начальника военно-учебных заведений великого князя Константина Константиновича традиция организации чтения воспитанников была реанимирована. Большое внимание уделялось не только фундаментальным библиотекам кадетских корпусов, но и ротным библиотекам. Кроме того, кадетам была предоставлена широкая возможность пользоваться книгами из фундаментальной библиотеки по ходатайству их преподавателей. Офицерам-воспитателям вменялось в обязанность следить за тем, чтобы кадеты регулярно пользовались библиотекой: «Беда кадету, не берущему книг

[1001] Кузьминский К. Под впечатлением пережитого // Александровец. 1906. № 3. С. 80.
[1002] Подпоручик Болдырев В.Н. «Юнкерское училище». Воспоминания. 1930 // ГАРФ. Ф. Р-6797. Оп. 1. Д. 29. Л. 49, 52.

для чтения – воспитатель расскажет об этом словеснику, а то еще и родным напишет»[1003]. Некоторые офицеры устраивали с воспитанниками беседы на литературные темы, развивая их художественный вкус и стараясь приохотить к хорошей литературе. Учителя-словесники Одесского кадетского корпуса поощряли стремление к изучению иностранных языков, выставляя высшие оценки за переводы французских и немецких авторов[1004].

Среди кадет младших и средних классов были весьма популярны приключенческие романы Фенимора Купера, Жюля Верна, Майн Рида, Луи Буссенара. В старших классах воспитанники проявляли интерес к более серьезной литературе – «Морским рассказам» и повестям Константина Станюковича, историческим романам Вальтера Скотта, Генриха Сенкевича и Александра Дюма-отца и даже философским произведениям Владимира Соловьева.

Однако, несмотря на тщательное руководство, за пределами заведений кадеты и юнкера активно приобщались к бульварной литературе и увлекались пинкертоновщиной. Согласно отзыву военного педагога И.Г. Рудановского, многие кадеты, оканчивая корпус даже с хорошими баллами, не были хорошо знакомы с такими произведениями, как «Ревизор», «Мертвые души», «Война и мир», «Дворянское гнездо». Другой педагог, С.Я. Фисенков, сетовал: «Читают кадеты нередко всякий вздор и привозят из дому книжки самого разнообразного содержания, начиная от «жестоких романов» и оканчивая неприличными анекдотами и порнографиями»[1005]. В специальных военных училищах, по отзыву самих юнкеров, изучению серьезной литературы мешала беспросветная зубрежка – чтение рассматривалось лишь как отдых. Юнкер Михайловского училища Л. Терентьев устами героя одного из своих рассказов так охарактеризовал сложившееся положение: «Кто зубрил – тот читал знаменитых гениев сыска – Майн-Ридов, Куперов и Густавов Эмаров… Простите – это не чтение»[1006]. Тем не менее в Николаевском инженерном училище в 1906 г. под руководством преподавателя русской словесности Ф.А. Витберга был создан литературный кружок, члены которого устраивали

[1003] Ряснянский Б. // Кадетское письмо. № 14. Буэнос-Айрес, б.г. С. 15.
[1004] Одесский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус. 1899-1924. Нью-Йорк, 1974. С. 40.
[1005] Фисенков С. Из быта кадетских корпусов // Педагогический сборник. 1908. № 7. С. 56.
[1006] Терентьев Л. Не на месте. Рассказ из юнкерской жизни // Михайловец. 1910. № 1. С. 73.

совместные беседы на литературные темы, читали рефераты и даже публиковали научные сборники[1007].

Великий князь Константин Константинович, который сам был даровитым поэтом, поощрял литературные занятия воспитанников, считая их действенным средством борьбы с ленью и шалостями. Съезд преподавателей русского языка военно-учебных заведений, состоявшийся в Санкт-Петербурге в декабре 1903 г., пришел к выводу о том, что учреждение журналов при военно-учебных заведениях будет способствовать «реализации прогрессивных начинаний в области педагогики – развитию личностного потенциала, творческих способностей и духовных запросов учащихся»[1008]. Благодаря решению съезда и горячей поддержке К.Р. собственными журналами обзавелись многие корпуса и училища. Начало XX в. стало эпохой расцвета кадетской и юнкерской журналистики.

В 1-м кадетском корпусе в 1905 г. началось издание литературного и научно-популярного журнала «Кадетский досуг». Редактором являлся один из учащихся старших классов, все авторы были кадетами. Периодичность издания журнала – 3-4 номера в месяц, что для школьного альманаха было своеобразным рекордом. Главные задачи журнала были сформулированы так: 1) «открыть читателям новый мир юношеской поэзии, мало известный многим из них, открыть незатронутые дарования и дать выход мыслям, сложившимся у нас в корпусе», 2) «ознакомить кадет с некоторыми отраслями науки» и 3) «в дружеском объединении кадет уничтожить отжившие традиции наших предшественников, … понять смысл истинного товарищества и выработать новые традиции, достойные 1-го корпуса, взамен отживших»[1009]. Редколлегия обратилась к однокашникам с призывом «встряхнуться», избавиться от лени и нежелания серьезно учиться, забыть про шалости и дурные традиции. Журнал выступал в поддержку деятельности организованного кадетами седьмого класса «Кружка любителей военных знаний», в котором воспитанники, руководимые офицерами-воспитателями, изучали исто-

[1007] Сборник литературного кружка Николаевского инженерного училища. СПб., 1907. № 1.
[1008] Бондаренко М.А. Кадетские и юнкерские журналы начала XX века: педагогическая составляющая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 96.
[1009] Симонов И.С. Кадетские журналы и сборники // Педагогический сборник. 1906. № 11. Часть неофициальная. С. 423.

рию военного искусства, военную администрацию, военную географию и прочие предметы, преподаваемые в военных училищах. Кадеты, выступавшие в роли корреспондентов, делились с товарищами своими взглядами на внеклассное чтение, товарищеские взаимоотношения между младшими и старшими воспитанниками (в одной из статей с гордостью отмечалось, что «цук» в корпусе постепенно исчезает). В пятом выпуске впервые появился критический отдел. Помещались в журнале и стихотворения – преимущественно лирика.

Печатный орган 2-го кадетского корпуса, журнал «Кадет-Михайловец» (после того, как в 1912 г. корпусу было присвоено имя Петра I, – «Кадет-Петровец»), выходил дважды в год. Его редактором был офицер-воспитатель подполковник Н.П. Жервэ, один из авторов исторического очерка заведения. «Кадет-Михайловец» был солидным «толстым» журналом, почти не отличимым от «Русской старины» или «Вестника Европы». В нем публиковались литературные опыты кадет в стихах и прозе, исторические очерки, фотографии, сделанные воспитанниками, и даже карикатуры[1010]. Интересно отметить, что на страницах журнала часто появлялись стихотворения известного в то время поэта С.Я. Надсона, выпускника 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии, которых не было в его собраниях сочинений.

«Пажеский сборник», который издавался в Пажеском корпусе с января 1905 г., включал в себя шесть отделов: «1) повести, рассказы и стихотворения, 2) научные статьи, 3) военные заметки, 4) статьи, касающиеся русско-японской войны, 5) рисунки и карикатуры, касающиеся Пажеского корпуса, 6) игры и задачи»[1011]. Сборник выходил редко и нерегулярно; последний, тринадцатый номер увидел свет в 1916 г. Редколлегию возглавляли офицеры-воспитатели.

Кроме того, журналы издавались в Николаевском кадетском корпусе («Кадетское слово»), Владимирском Киевском кадетском корпусе («Литературно-научный сборник»), Полоцком корпусе («Полочанин»), Симбирском корпусе («Кадетский досуг») и ряде других военно-учебных заведений.

[1010] Бельский В.Я. О родном корпусе. Сан-Франциско, 1971. С. 39.
[1011] Симонов И.С. Кадетские журналы и сборники // Педагогический сборник. 1906. № 12. Часть неофициальная. С. 545.

В двух корпусах были предприняты успешные попытки издания кадетских газет. В Суворовском корпусе с 1904 г. выпускалась газета «Кадетская неделя». Ее правильнее было бы назвать стенгазетой, так как она выходила в одном экземпляре. Выпуски, утратившие актуальность, передавались на хранение в корпусной музей. Кадеты первой роты Хабаровского корпуса в 1906 г. учредили еженедельную газету «Час досуга». В ней помещались не только литературные опыты воспитанников, но и товарищеская критика, способствовавшая, по мнению издателей «исправлению некоторых кадет».

Лучшие достижения юных писателей, поэтов и журналистов удостоивались похвалы не только непосредственных руководителей кадетских корпусов и военных училищ, но и главы военно-учебного ведомства. Великий князь Константин Константинович, который сам являлся известным поэтом и драматургом, стремился поддержать выдающихся по своим способностям воспитанников. Так, он неоднократно беседовал с кадетом Владимирского Киевского кадетского корпуса Александром Топольским, издававшим в 1907 г. совместно с одноклассниками ученический журнал. Стихи Топольского, списки с которых отложились в личном фонде К.Р., действительно заслуживают внимания. В отличие от большинства ученических произведений, они далеки от подражательности; изящная форма сочетается в них с глубоким содержанием.

Журналистикой занимались не только кадеты, но и юнкера. Например, юнкера Александровского училища публиковали свои рассказы и стихотворения в журнале «Александровец». В отличие от кадетских журналов, в нем часто появлялись стихотворения на политическую тематику: «Друзья! железною стеной / Во имя правды и закона / Для блага родины святой / Сомкнемся у подножья трона. / Пускай мятежная волна / Сметет ряды родного строя, / Но разобьется и она / О грудь погибшего героя…»[1012] Кроме того, в «Александровце» помещались воспоминания выпускников училища, научно-популярные статьи, исторические очерки, хроника жизни заведения и даже карикатуры. Юнкерами Одесского пехотного юнкерского училища осенью 1909 г. было начато издание журнала «Юнкерские

[1012] Быв. Алекс 3 р. Друзья! Железною стеной // Александровец. 1907. № 5. С. 33.

досуги», который, по мнению сотрудников редакции, мог «содействовать развитию юнкеров и укреплению в них военных знаний, а также – дать полезное и приятное развлечение на досуге»[1013]. «Юнкерские досуги» не был чисто ученическим журналом: его главным редактором был подполковник Горлецкий, авторство многих теоретических статей принадлежало преподавателям. Тем не менее большая часть публикуемых материалов художественного содержания (повести, рассказы, стихотворения) поступала от воспитанников. Редактор «Педагогического сборника» И.С. Симонов отмечал, что «многие из них читаются с интересом, обнаруживая в авторах «писательскую жилку»[1014]. Некоторые статьи по военному делу также писались юнкерами. В Михайловском артиллерийском училище издавался журнал «Михайловец», в котором размещались беллетристические произведения, научные статьи, переводы и рефераты.

Можно сделать вывод о том, что организация чтения и литературного творчества в начале XX в. перешла на новый, более высокий уровень, который позволил будущим офицерам не только знакомиться с лучшими произведениями отечественных и зарубежных авторов, последними достижениями в точных и военных науках, но и делать первые шаги в качестве авторов художественных произведений и научных трудов.

Подытоживая все сказанное выше, можно сделать следующие выводы. Руководство чтением кадет и юнкеров, во-первых, обеспечивало продуктивное заполнение досуга учащихся, не давая развиться как привычке к ничегонеделанию, так и дурным традициям, во-вторых, позволяло существенно расширить умственный кругозор будущих офицеров, в-третьих, препятствовало увлечению низкопробной бульварной литературой, в-четвертых, отвлекало от не доступных еще пониманию неопытных молодых людей политических сочинений. К сожалению, в этом руководстве традиционно преобладали запретительные меры, жесткость которых побуждала кадет и юнкеров пренебрегать установленными правилами. Далеко не всегда (особенно в 1-й половине XIX в.) были должным образом уком-

[1013] Симонов И.С. «Юнкерские досуги», №№ 1-12 (1909-1910 гг.) // Педагогический сборник. 1911. № 8. Часть неофициальная. С. 180.
[1014] Там же. С. 182.

плектованы библиотеки заведений. В некоторых заведениях руководство чтением осуществлялось лишь формально, с помощью одних огульных запретов. В начале XX в. организация чтения стала вестись на педагогических началах, большое внимание уделялось выбору книг для воспитательского чтения. В итоге, вопреки распространенному в обществе мнению, юнкера и особенно кадеты были гораздо более начитанными, чем их сверстники, обучавшиеся в гражданских учебных заведениях. Что касается литературного творчества кадет и юнкеров и издания ими школьных журналов, то они были под почти полным запретом до начала XX в. (если не считать кратковременного разрешения ученической журналистики при Александре II). Этот запрет побуждал воспитанников заниматься нелегальным сочинительством – как правило, нецензурных стихов и поэм, в которых высмеивались преподаватели и офицеры. Лишь при великом князе Константине Константиновиче, снявшем запрет, творчество воспитанников вошло в нужное русло. 1900-1917 гг. стали эпохой расцвета кадетской и юнкерской журналистики.

4.7. Музыка, пение и танцы в жизни военно-учебных заведений

Военные школы петровской эпохи были сугубо утилитарными учебными заведениями, и их руководители не уделяли никакого внимания организации досуга воспитанников. Поэтому в первой трети XVIII в. обучение музыке, пению и танцам в отечественных военно-учебных заведениях не осуществлялось.

Сухопутный шляхетный корпус с самого начала своего существования являлся не только «дворянским университетом», но и культурным центром. Уже в 1733 г. по инициативе Б.-К. Миниха кадет стали обучать литавренному бою; были, кроме того, закуплены флейты, валторны, скрипки и гобои[1015]. Обучение танцам входило в учебную программу. Корпус стал своеобразной «колыбелью русского балета», кадеты часто привлекались к участию в придворных балетных дивертисментах. В елизаветинскую эпоху в Сухопутном шляхетном корпусе дейст-

[1015] Данченко В.Г., Калашников Г.В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 37.

вовала «Танцевальная Ея Величества школа», успешно готовившая артистов балета из солдатских детей.

В «золотой век» кадетских корпусов – эпоху просвещенной императрицы Екатерины II – кадеты устраивали театральные представления, занимались рисованию, танцами, фехтованием и даже вольтижировкой. В 1775 г. кадеты принимали участие в балете-пантомиме «Триумф благоденствия», являвшемся частью торжеств по случаю годовщины Кючук-Кайнарджийского мира. В то же время обучение кадет пению было бессистемным и нерегулярным, а шанс овладеть под руководством педагога искусством игры на музыкальном инструменте выпадал на долю лишь наиболее даровитых кадет. Дух просвещения, господствовавший в военно-учебных заведениях, изгнал из их стен все связанное с армией, в том числе и военную музыку.

При Павле I и Александре I время, свободное от занятий, было занято строем. В немногочисленные часы досуга кадеты, предоставленные самим себе, дрались или устраивали дерзкие выходки и непристойные шалости (в число которых входило и распевание грубых нецензурных песен). Исключение представлял собой Морской корпус, в котором в конце XVIII в. уделялось некоторое внимание церковному пению, а в 1798 г. была предпринята попытка организации музыкального класса, для чего были куплены скрипки, флейты и ноты[1016].

В 1830-е гг. Главный начальник Пажеского, всех кадетских корпусов и Дворянского полка великий князь Михаил Павлович предпринял попытку организовать занятия музыкой и пением, которые, по его мнению, могли оказать серьезное положительное влияние на развитие личности будущих офицеров. В своем приказе от 2 февраля 1835 г. № 49 он писал: «В подведомственных мне заведениях вовсе не поощряется, а в некоторых, как мне известно, даже дозволяется неохотно обучение воспитанников музыке. Музыка, как и всякое изящное искусство, возвышает дух человека, дает им новые средства быть приятным в обществе, а в трудных обстоятельствах жизни служит ему иногда и утешением». Начиная с 1835 г. с кадетами в свободное время стали организовываться занятия по изуче-

[1016] ОР РНБ. Ф. 777. Оп. 3. Д. 788. Л. 40 – 40 об.; РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 757. Л. 1 – 2.

нию нотной грамоты, началось обучение игре на музыкальных инструментах и хоровому пению. Во время строевых упражнений, обычно сопровождаемых барабанным боем, иногда играл военный оркестр. В 1-м кадетском корпусе был организован хороший кадетский хор, послушать пение которого приезжали даже выпускники заведения.

Однако организация занятий музыкой и пением в 1830-40-е гг. не имела ни научной основы, ни строгой системы. Отношение к занятиям было несерьезным: начальство смотрело на них как на один из способов скрасить досуг воспитанников, а сами кадеты – как на приятное развлечение. Поэтому даже способные учащиеся не получали сколько-нибудь солидной музыкальной подготовки. Систематические занятия музыкой и пением не были организованы не только в провинциальных кадетских корпусах, не располагавших хорошими инструментами и профессиональными педагогами, но и в петербургских и московских военно-учебных заведениях. Лишь в Морском корпусе существовал постоянный класс музыки, хотя и в весьма скромном составе – 8 человек[1017]. Состав оркестров, которые иногда составлялись из старших кадет, был случайным, имевшиеся в заведениях инструменты пылились без дела. По воспоминаниям Н.П. Звездкина, бывшего в 1860-е гг. кадетом 2-го корпуса, в рекреационной зале стояло фортепиано, однако за него, кроме двух-трех кадет, иногда садился лишь офицер, который «играл… по слуху и больше марши»[1018]. Кадеты любили петь, но в силу распространенности в николаевских корпусах дурных нравов наибольшей популярностью пользовались песни нецензурного содержания, а также примитивные солдатские частушки и прибаутки.

В николаевскую эпоху определенное внимание было обращено и на обучение кадет танцам. По мнению Я.И. Ростовцева, «…молодой человек, не умеющий танцевать, чуждается общества и, мало-помалу, дичает и грубеет; танцевание дает юноше поступь легкую и свободную и телодвижения правильные и прият-

[1017] РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 3047. Л. 18.
[1018] Звездкин Н.П. Из воспоминаний старого однокашника // Кадет-михайловец. Литературный популярно-научный журнал 2-го кадетского Его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича корпуса. № 2. 15 марта 1908 г. С. 37.

ные…»[1019] В основу обучения кадет была положена «старая французская метода», без пируэтов и антраша, как «принадлежности танцора по ремеслу».

В 1830-40-е гг. в кадетских корпусах, кроме домашних театральных представлений, стали устраиваться танцевальные «вечеринки», «по простоте и безыскуственности своей вполне отвечающие суровому быту кадета и будущего воина»[1020]. Кадеты танцевали под звуки фортепиано или казенного оркестра, посторонние лица (за исключением родственников кадет и сотрудников корпуса) не приглашались. Эта традиция нашла распространение далеко не во всех корпусах: так, в Орловском-Бахтина кадетском корпусе в течение первых десяти лет его существования «танцевальных вечеров, на которые приглашаются родители и родственники воспитанников, никогда учреждаемо не было»[1021]. Лишь в 1850-е гг. на танцевальные вечера стали допускаться в небольшом количестве посторонние посетители, и кадетские вечеринки стали принимать публичный характер.

Воспитанники не любили танцы, обучение которым зачастую велось рутинно и безжизненно. Кадеты, вынужденные танцевать «за даму», подвергались насмешкам. Кроме того, засилье в кадетской среде «закалов», неприязненно относившихся к светской жизни, этикету и принятым в обществе нормам поведения, служило дополнительным стимулом демонстративно негативного отношения к танцам.

После милютинской военно-учебной реформы организация музыкальной подготовки воспитанников военно-учебных заведений приобрела более четкие формы, хотя занятия по-прежнему имели статус факультатива. Руководство выступало против того, чтобы занятиям музыкой и пением был придан консерваториальный характер. Их задачи планировались как гораздо более ограниченные и сводились к следующему: развить у воспитанника музыкальный слух, привить ему любовь к музыке и, при наличии у него определенных способностей, – научить играть на каком-либо музыкальном инструменте – не как профессионала, а как любителя, исключительно для собственного удовольствия.

[1019] Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. Высочайше утверждено 24 декабря 1848 г. СПб., 1849. С. 184.
[1020] Танцевальные вечера в кадетских корпусах // Русский инвалид. 1900. № 13. С. 5.
[1021] РГВИА. Ф. 725. Оп. 55. Д. 5570. Л. 93 об.

Решение даже этих весьма скромных задач было сопряжено с организационными сложностями. Учитель музыки в военно-учебном заведении должен был быть как минимум профессиональным скрипачом и пианистом, знать хорошо теорию музыки, чтобы аранжировать пьесы и писать партии, подходящие к силам учеников, и уметь обучать их игре на деревянных и медных духовых инструментах. Инструменты, особенно хорошие, стоили очень дорого. Однако занятия музыкой и пением (светским и церковным) стали неотъемлемой частью программы внеклассных занятий. Хоровое пение и игра оркестра неизменно сопровождали любое торжественное мероприятие. Руководители губернских военных гимназий, не желая уступать столичным коллегам, прилагали значительные усилия, чтобы закупить все необходимое для оркестра и пригласить знающих учителей. На первый план выдвинулась воспитательная цель занятий – музыка и пение точно так же, как чтение, ручной труд, научно-познавательные экскурсии и прочие факультативные занятия, были призваны бороться с дурными нравами, которыми отличались воспитанники прежних кадетских корпусов, отвлекать военных гимназистов от шалостей и развивать их в эстетическом отношении.

Меры, принятые руководством для повышения уровня музыкальной культуры будущих офицеров, очень быстро оправдали себя. Так, для занятий пением с воспитанниками 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии был приглашен Н.П. Подгородинский, входивший в состав придворной певческой капеллы. Он сумел быстро создать прекрасный церковный хор, а занятия светским пением шли так успешно, что «…хор человек в 200-250 очень стройно исполнял сложные оперные вещи, вроде «В бурю во грозу» и полонеза из «Жизни за царя», «Слава на небе солнцу высокому» и т.п., некоторые пьесы и народный гимн исполнялись с аккомпанементом оркестра»[1022]. Музыке гимназистов с 1877 г. обучал А.Ф. Баганц – бывший артист оркестра Императорской русской оперы, автор многих музыкальных произведений военного содержания. С помощью служивших в гимназии нижних чинов из числа отставных военных музыкантов Баганцу удалось создать

[1022] Лыкошин Н. Во 2-й Санкт-Петербурской военной гимназии. Из воспоминаний 1870-77 гг. // Кадет-михайловец. Литературный популярно-научный журнал 2-го кадетского Его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича корпуса. № 6. 12 мая 1910 г. С. 31.

оркестр струнных и духовых инструментов в составе 60 воспитанников. Оркестр был хорошо сыгран и превосходно исполнял сложные произведения. Каждый год в гимназии устраивался ученический концерт с приглашением родственников и знакомых учащихся. Концерт, на который собиралось до 800 зрителей, был заметным культурным мероприятием и одновременно играл роль публичного экзамена. Лучшим музыкантам предоставлялось право ходить за счет казны в театр и на концерты.

В других военно-учебных заведениях столицы успехи были не менее впечатляющими. Например, в 1-й Санкт-Петербургской военной гимназии все воспитанники обучались пению по нотам, а из лучших по голосу гимназистов был составлен церковный хор (120 человек). Воспитанники имели возможность обучаться игре как на струнных, так и на духовых инструментах – всего таковых в 1874/75 учебном году было 82 человека. Из гимназистов, уже хорошо владевших инструментами, был составлен оркестр в количестве 45 человек.

В 1-й Московской военной гимназии музыке обучались по желанию воспитанники старшего и среднего возрастов (в 1873/74 учебном году их было 67), а из 25 лучших воспитанников в конце года был составлен музыкальный хор, которым исполнялись некоторые легкие пьесы.

От столичных военно-учебных заведений не отставали и провинциальные. В Нижегородской военной гимназии благодаря директору П.И. Носовичу (1866-1877 гг.) были созданы несколько хоров и два оркестра струнных и духовых инструментов, регулярно дававших концерты. В Орловской-Бахтина военной гимназии в 1860-е гг. было закуплено множество музыкальных инструментов и нот и приглашен способный учитель, который сформировал и обучил ученические хоры. В Михайловской-Воронежской военной гимназии в 1874 г. обучением гимназистов музыке занимался капельмейстер театрального оркестра с пятью помощниками – скрипачом, виолончелистом, флейтистом, кларнетистом и трубачом, и «с самого начала обучения дело пошло весьма изрядно»: после строгого отбора к обучению игре на скрипке было допущено 12 человек, на медных духовых инст-

рументах – 2, на кларнете – 2, на флейте – 2, на виолончели – 2, на барабане – 2[1023]. В Симбирской военной гимназии пению обучалось 48 воспитанников из 83.

При преобразовании кадетских корпусов в военные гимназии публичные танцевальные вечера были признаны неуместными. Однако музыка и танцы продолжали оставаться в программе чисто домашних увеселительных вечеров, которые периодически устраивались для того, чтобы развлечь обучающихся и внести разнообразие в их размеренную жизнь. В программу обычно входили «…хоровое пение, с аккомпанементом; исполнение воспитанниками соответствующих их умению и пониманию музыкальных пьес на различных инструментах, преимущественно же оркестровое; танцы, характерные и общественные…»[1024] Когда музыкальные упражнения были поставлены на прочную основу, в военных гимназиях стали устраиваться публичные испытания по пению и музыке, которые заканчивались танцами гимназистов с приглашенными на испытания дамами и девушками[1025]. Мало-помалу эти испытания стали утрачивать изначально присущий им концертный характер и, несмотря на циркулярные предписания Главного управления военно-учебных заведений 1872 г. №№ 43 и 44, к началу 1880-х гг. превратились в танцевальные вечера[1026].

В военных и юнкерских училищах на занятия музыкой и пением до конца 1860-х гг. не обращалось внимания. Лишь в некоторых училищах (например, в Елизаветградском кавалерийском) юнкерские оркестры и хоры создавались по инициативе начальников[1027]. В 1869 г. было принято решение о продуктивном заполнении досуга юнкеров путем продолжения необязательных занятий, начатых ими во время обучения в гимназии[1028]. Была организована закупка музыкальных инструментов, стали приглашаться педагоги, началось создание оркестров. Вскоре в училищах появились как церковные, так и светские хоры, «способные вы-

[1023] РГВИА. Ф. 725. Оп. 12. Д. 97. Л. 1 об. – 2.
[1024] Инструкция по воспитательной части для военных гимназий, однородных с ними заведений и военных прогимназий. Устройство внутреннего порядка. Основные правила физического и нравственного воспитания. Общие обязанности воспитателей. СПб., 1881. С. 65.
[1025] РГВИА. Ф. 725. Оп. 37. Д. 244. Л. 17 об.
[1026] Танцевальные вечера в кадетских корпусах // Русский инвалид. 1900. № 13. С. 5.
[1027] С.-Петербургское и Елисаветградское юнкерские училища. Письма (127) начальников училищ Павлу Осиповичу Бобровскому. Петербург, Елисаветград. 1865-75 // ОР РНБ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 4. Л. 280, 372.
[1028] Протокол занятий комиссии, учрежденной при Главном управлении для обсуждения некоторых вопросов, относящихся к устройству военных училищ // Педагогический сборник. 1869. № 6. Ч. офиц. С. 410.

полнять произведения Бортнянского, Львова, Глинки и других русских композиторов»[1029]. По праздникам в училищах проходили скромные музыкально-танцевальные вечера, а в особо торжественных случаях устраивались настоящие концерты. Танцы не вошли в программу военных и юнкерских училищ, и лишь в Тифлисском училище было введено обязательное обучение танцам.

Военно-учебная реформа Александра II ознаменовала переход музыкальной, вокальной и танцевальной подготовки будущих офицеров на качественно новый уровень. Однако справедливости ради следует отметить, что ее плоды не были долговечны. В конце 1870-х гг., когда система отечественного военного образования переживала острый кризис, во многих военно-учебных заведениях из-за финансовых затруднений либо отсутствия энергичных руководителей и педагогов обучение воспитанников музыке и пению пришло в упадок. В конце 1879 г. руководство военно-учебных заведений инициировало проверку организации внеучебных занятий. По итогам ревизии выяснилось, что легкомысленное отношение многих начальников военных училищ к продуктивному заполнению досуга их подопечных привело к тому, что обучение юнкеров музыке и пению почти прекратилось[1030]. Ситуация в военных гимназиях была немногим лучше. Интересно, что слабая организация занятий музыкой и пением была в большей степени свойственна столичным военно-учебным заведениям, воспитанники которых могли ходить на концерты и брать уроки у частных педагогов. Начальство провинциальных военных гимназий проявляло большее внимание к организации хоров и оркестров, понимая, что это единственный способ приобщить воспитанников к музыке и пению.

В пореформенных кадетских корпусах занятия музыкой и пением, которые в военных гимназиях велись хотя и достаточно успешно, но бессистемно и бесконтрольно, были постепенно поставлены на прочную методическую основу. В 1889 г. была принята «Инструкция для обучения пению и музыке в кадетских корпусах», а в 1890 г. появилось «Наставление для ведения внеклассных занятий

[1029] Бобровский П. Юнкерские училища в 1874 году. (Издание редакции журнала «Военный сборник»). СПб., 1875. С. 26.
[1030] РГВИА. Ф. 725. Оп. 17. Д. 104. Л. 9 об., 21, 26.

в кадетских корпусах». Будущие офицеры изучали нотную грамоту, бальные танцы, игру на музыкальных инструментах, учились петь хором. Хоровое пение преподавалось в качестве обязательного предмета во всех семи классов (от занятий освобождались лишь кадеты, у которых шла ломка голоса). Цели занятий лежали не только в развлекательно-досуговой, но и в эстетической плоскости: воспитанники приобщались к шедеврам музыкальной культуры, развивали слух, учились исполнять нетрудные многоголосные пьесы (как с сопровождением, так и a capella). Кадетам первого класса ставили голос и сразу же начинали обучать пению по нотам (в первом классе – на два голоса, во втором – на три), параллельно знакомя их с основами теории музыки. Кадет, обладавший слухом, в третьем классе в обязательном порядке зачислялся в общий корпусной хор, который покидал лишь на время ломки голоса. Репетиции корпусного хора были подобны учебным занятиям и преследовали исключительно педагогические задачи (патриотическое и военное воспитание), эстетика пения при этом отступала на второй план. Корпусной хор разучивал основные молитвы, а также народный гимн («Боже, Царя храни») и хор «Славься» из оперы «Жизнь за царя» М.И. Глинки, исполняемые во время всех официальных мероприятий. Репертуар состоял в основном из военных, патриотических и народных песен («Многи лета, многи лета», «Выпьем первый бокал за здоровье Царя», «Уж столице возвестили», «Ездил русский белый Царь», «Гренадеры молодцы», «Во саду ли, в огороде», «Вниз по матушке по Волге» и т.п.).

Наиболее одаренные в музыкальном отношении воспитанники могли быть зачислены певчими в церковный хор, состоявший из 50-100 человек, причем зачисление зависело исключительно от воли начальства, и воспитанники были лишены права ходатайствовать о включении их в хор. Отказаться стать певчим или выйти из состава хора по собственной инициативе было также невозможно. Спевки и репетиции церковного хора, как и корпусного, были своего рода учебной повинностью, хотя и сопряженной с рядом привилегий: певчие пользовались правом на дополнительный отпуск и могли посещать концерты и театральные представления за счет казны преимущественно перед прочими воспитанниками. Участни-

ками церковного хора «обязательно и твердо» разучивались главные молитвы и песнопения, причем на качество исполнения обращалось немалое внимание: пение должно было «быть гармоничное, не крикливое и по достоинству своему вполне отвечать как торжественности, так и святости богослужения»[1031]. В 1893 г. регентам церковных хоров было запрещено увлекаться разучиванием духовно-музыкальных сочинений в ущерб совершенствованию обиходного пения.

Обучение музыке также осуществлялось исключительно с педагогической целью: заведения не стремились готовить кадет к деятельности профессионального музыканта-солиста. Главное внимание было сосредоточено на работе с оркестром (при возможности – с двумя оркестрами, струнных и духовых инструментов). В некоторых заведениях создавались оркестры народных инструментов. Руководство приобретало все необходимые музыкальные инструменты и ноты; при наличии средств создавались специально оборудованные музыкальные классы. Если была возможность, приобретался рояль или хотя бы пианино. Покупка неоркестровых инструментов осуществлялась за счет воспитанников, изъявивших желание обучиться игре на них. Особое внимание уделялось выбору педагогов.

Занятия музыкой были весьма популярны среди кадет, и в некоторых заведениях игре обучался едва ли не каждый второй воспитанник. Время занятий было распланировано так, чтобы учащиеся имели возможность упражняться не менее двух часов в неделю. К ученическим оркестрам предъявлялись достаточно серьезные требования: так, струнный оркестр через два года регулярных репетиций должен был уметь играть такие произведения, как «Хор охотников» из оперы «Волшебный стрелок» Вебера, «Вечерний хор» Крейцера, дуэт из оперы «Норма» Беллини, менуэт из оперы «Дон Жуан» Моцарта. Правда, эти достаточно сложные вещи «разучивались в облегченных переложениях, выполненных руководителями оркестров применительно к возможностям конкретных ученических коллективов»[1032]. Тем не менее занятия носили серьезный характер; во избежание развития дурного вкуса кадетам запрещалось «исполнение опереточных арий, попурри, со-

[1031] Проект инструкции для обучению пению и музыке в кадетских корпусах. Составлен полковником Бутовским на основании данных, выработанных в специальной комиссии Педагогического музея ВУЗ // Педагогический сборник. 1889. № 8. Ч. неофиц. С. 9.
[1032] Адищев В. Музыка в кадетских корпусах России // Искусство в школе. 2007. № 1. С. 39.

ставленных из мотивов, не имеющих между собой логической связи, и вообще вещей, основанных на эффектах, чуждых эстетического достоинства…»[1033] Кроме того, в сугубо педагогических целях кадетским оркестрам было запрещено участвовать в концертах и спектаклях с платой за вход, а также выступать в качестве оркестра строевых музыкантов при проведении парадов и иных официальных церемоний. Приобретенные навыки демонстрировались во время устраиваемых несколько раз в год музыкально-литературных вечеров, носивших ограниченно публичный характер (приглашались исключительно родственники и близкие знакомые), причем ответственность за организацию музыкальной части лежала исключительно на кадетах, превосходно справлявшейся с ней без помощи приглашенных музыкантов. Приобретенные за годы учебы в корпусе и училище уверенные навыки игры на оркестровых инструментах и фортепиано давали возможность молодым офицерам после прибытия в часть создавать там не только музыкальные кружки, но и оркестры.

Обучение танцам в первые годы существования пореформенных кадетских корпусов велось бессистемно, утратило то значение, которое придавалось ему «Наставлением» Я.И. Ростовцева, и «обратилось в простую выучку нескольким салонным танцам»[1034]. В конце 1880-х гг. преподавание танцев было приближено к гимнастическим «свободным упражнениям», главное внимание стало уделяться ритмике движений и эстетике их выполнения, изяществу осанки. Салонные танцы стали изучаться лишь в двух старших классах корпусов. Эти правила были закреплены в «Наставлении для ведения внеклассных занятий в кадетских корпусах» 1890 г.

Осмотр в 1890 г. внеклассных занятий в московских, Орловском-Бахтина и Петровском-Полтавском кадетских корпусах показал, что во всех этих заведениях уже установлено элементарное теоретическое обучение музыке и пению в двух младших классах, созданы корпусные хоры и организованы занятия воспитанни-

---

[1033] Проект инструкции для обучению пению и музыке в кадетских корпусах. Составлен полковником Бутовским на основании данных, выработанных в специальной комиссии Педагогического музея ВУЗ // Педагогический сборник. 1889. № 8. Ч. неофиц. С. 18.

[1034] Объяснительная записка к Наставлению для ведения внеклассных занятий в кадетских корпусах. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1890. С. 3, 9.

ков на музыкальных инструментах – как под руководством учителя, так и самостоятельные. Духовые оркестры выглядели вполне удовлетворительно, струнные были беднее по составу и слабее. В младших классах была также введена новая программа обучения танцам, и на домашнем танцевальном вечере, который состоялся в 4-м Московском корпусе, «танцующих кадет было очень много… вообще кадеты были вполне приличны и достаточно развязны»[1035].

Военные училища в 1880-90-е гг. по уровню организации обучения музыке и пению не отставали от кадетских корпусов. Оркестр Александровского военного училища в начале 1890-х гг. считался лучшим в Москве. Юнкера обучались духовному и светскому пению, игре на рояле и духовых инструментах. В Николаевском кавалерийском училище был создан превосходный оркестр трубачей. «Михайлоны» могли похвастать большим духовым оркестром, которым управлял не приглашенный капельмейстер, а один из юнкеров. Даже в провинциальном Чугуевском пехотном юнкерском училище в 1880-е гг. был создан оркестр и приобретен рояль. В отличие от корпусов, в училищах можно было петь и танцевать, если это не мешало учебным занятиям других юнкеров.

Специфический колорит был присущ провинциальным юнкерским училищам. Например, Чугуевское пехотное юнкерское училище «традиционно славилось своей вокальностью»[1036]. Большая часть юнкеров принадлежала к числу музыкально одаренных от природы малороссов. Начальство, хотя и не выделяло средств на создание училищного оркестра, не препятствовало музицированию и пению. Официальных занятий, репетиций и концертов не было, все происходило неформально, в спокойной душевной обстановке. Накануне праздников и в праздники юнкерам разрешалось танцевать в актовом зале под аккомпанемент рояля. Чугуевцы танцевали с упоением, и хорошие танцоры «ценились столь же высоко, как и хорошие строевики»[1037].

В 1883 г. публичные танцевальные и музыкальные вечера в закрытых кадетских корпусах, «устраиваемые наподобие танцевальных вечеров в клубах», были

[1035] РГВИА. Ф. 725. Оп. 29. Д. 96. Л. 6 – 6 об.
[1036] Штейфон Б.А. Чугуевские песни // ГАРФ. Ф. Р-6797. Оп. 1. Д. 3. Л. 73.
[1037] Генерал Штейфон Б.А. «Семьдесят пять лет». 1940 // ГАРФ. Ф. Р-6797. Оп. 1. Д. 70. Л. 28 об. – 29.

запрещены. Вечера должны были носить домашний характер и устраиваться не для всего заведения одновременно, а для отдельных групп. В кадетских корпусах для приходящих было запрещено устраивать даже домашние танцевальные вечера[1038].

Кроме того, посещение публичных танцевальных вечеров в соответствии с циркуляром по военно-учебным заведениям 1885 г. № 10 и отношением Главного управления военно-учебных заведений от 30 декабря 1889 г. за № 19128 как кадетам, так и юнкерам было запрещено.

В военных училищах, Пажеском корпусе и Морском училище танцевальные вечера не были запрещены. Так, в Морском училище в программу танцевального вечера, который состоялся 6 ноября 1883 г., входили вальс «Бокачио» Штрауса, кадриль «Корневильские колокола» Артемьева, полька «Фру Фру» Реша, вальс «Тигренок» Генера, вальс «Les Inseparables» Дюкомена и другие танцы. В Михайловском училище ежегодный музыкальный вечер постепенно превратился в известный всему городу блестящий бал, попасть на который было заветной мечтой многих барышень. Когда Константиновское военное училище в 1894 г. было преобразовано в артиллерийское, в нем стали устраиваться танцевальные вечера «во всем одинаково с тем, как это принято делать в Михайловском артиллерийском училище»[1039].

Однако и в кадетских корпусах, в первую очередь столичных, несмотря на запрет, в 1880-е – начале 1890-х гг. устраивались многолюдные музыкально-танцевальные вечера, на которых зачастую присутствовало несколько сотен (иногда – более тысячи) приглашенных гостей. Среди последних было много женщин в откровенных нарядах. Присутствие блестящей публики и титанические усилия руководства заведений перещеголять друг друга масштабом празднества придавали вечерам клубный характер; воспитанники же невольно оттеснялись на второй план. Поэтому в 1893 г. организация танцевальных вечеров с приглашением посторонней публики была разрешена только в военных училищах, в праздничное

[1038] РГВИА. Ф. 725. Оп. 37. Д. 244. Л. 17, 21-22 об.
[1039] РГВИА. Ф. 320. Оп. 2. Д. 647. Л. 83.

время. Если устройство вечера в корпусе представлялось крайне необходимым (например, в связи с юбилейными торжествами), требовалось заблаговременно испросить разрешение Главного начальника военно-учебных заведений[1040]. Исключение не было сделано даже для провинциальных кадетских корпусов, в которых танцевальные вечера имели достаточно скромный характер, благотворно воздействовали на нравы кадет и служили единственным средством культурной связи заведения с местным обществом. Лишь в конце 1899 г. вследствие многочисленных просьб, а также ввиду того, что во многих корпусах успехи обучения танцам катастрофически понизились, запрет был отменен[1041].

Чтобы исключить допускаемую прежде роскошь, танцевальные вечера было разрешено устраивать только поротно (для заведения в целом – лишь с предварительного разрешения Главного начальника). Приглашать можно было только ближайших знакомых кадет и родственников педагогов, причем дамам полагалось быть в закрытых платьях. Угощение должно было быть простым (чай с булками, пряники, яблоки), а освещение и убранство помещений не должно было иметь претензий на щегольство.

В начале XX в. обучение музыке и пению в кадетских корпусах сохранило свой преимущественно учебно-воспитательный характер. Кадет обучали главным образом пению в составе хора, которое, по мнению педагогов, способствовало эстетическому развитию воспитанников и являлось действенным средством воспитания чувства товарищества. Уроки пения проводились с первого по седьмой класс, в двух первых классах – независимо от способностей учащихся. С третьего класса кадеты, не лишенные слуха, зачислялись в корпусной хор, а наиболее способные – в церковный хор. Певческий репертуар включал в себя «на паритетных началах» как духовные, так и светские произведения. Обязательно разучивались основные молитвы и гимны («Боже, Царя храни» и «Коль славен наш Господь в Сионе»). Многие воспитанники обучались игре на струнных и духовых инструментах, причем кадеты, вошедшие в состав оркестра, не могли по своему жела-

[1040] Циркуляр по военно-учебным заведениям. 8 сентября 1893 г. № 42.
[1041] РГВИА. Ф. 725. Оп. 37. Д. 244. Л. 28 об. – 30.

нию оставить занятия музыкой. Пение церковного кадетского хора было неотъемлемым атрибутом всех церковных праздников, а оркестр духовых инструментов неизменно сопровождал кадет на прогулках и в походах. В связи с торжественными событиями (визиты высоких лиц, празднование столетия Отечественной войны, разнообразные юбилеи) устраивались литературно-музыкальные вечера, на которых исполнение музыкальных произведений чередовалось с художественным чтением стихотворений и отрывков из романов. На них выступали не только воспитанники, но и приглашенные музыканты и солисты, в том числе и такие знаменитости, как М.И. Фигнер, А.М. Давыдов, М.А. Славина. Домашние танцевальные вечера устраивались по субботам и накануне праздников, а также в лагерное время. Они пользовались популярностью среди кадет и их педагогов. По настоянию великого князя Константина Константиновича кадетам и юнкерам была предоставлена возможность посещать разнообразные концерты и вечера (например, вечера «Русской песни» М.И. Горленко-Долиной[1042]).

Особый блеск музыкальная культура приобрела в петербургских и московских корпусах и училищах. Руководство Пажеского корпуса в начале XX в. не жалело средств на организацию занятий музыкой и пением. По свидетельству одного из выпускников, подготовка находилась на высоком уровне: «После обеда являлись ежедневно музыканты из Придворной Капеллы для обучения нас игре на самых разнообразных инструментах, начиная с рояля и кончая барабаном. Было организовано три оркестра и хор певчих»[1043]. Пажи регулярно устраивали литературно-музыкальные вечера, на который приглашали родителей и родственников. Программа этих вечеров была разнообразной, исполнение большинства номеров – талантливым.

В 1-м кадетском корпусе, по воспоминаниям Г.А. Бенуа, имелись духовой, большой кадетский оркестр, малые ротные фанфарные оркестры и барабанщи-

[1042] РГВИА. Ф. 725. Оп. 45. Д. 368. Л. 1 – 3 об.
[1043] Проект инструкции для обучению пению и музыке в кадетских корпусах. Составлен полковником Бутовским на основании данных, выработанных в специальной комиссии Педагогического музея ВУЗ // Педагогический сборник. 1889. № 8. Ч. неофиц. С. 7-8.

ки[1044]. Кроме того, существовал вокально-музыкальный кружок, в который входили педагоги, кадеты-старшеклассники и их родственники. Встречи членов кружка устраивались еженедельно, по вечерам, в соответствии со следующей программой: «декламация-музыка-пение, на импровизированной сцене какой-нибудь скетч»[1045]. Заведение имело даже собственный марш – «Августейший кадет».

Прекрасно было организовано обучение музыке и пению в провинциальных кадетских корпусах. Из кадет-одесситов были составлены целых три оркестра (духовой, струнный камерный и балалаечный), в Сумах кадетских оркестров было также три (духовой, симфонический и балалаечный). Сумской корпус, кроме того, мог похвастать хорошо оборудованной музыкальной комнатой. В Ташкентском корпусе пением в обязательном порядке обучались все кадеты, а для желающих были организованы занятия по обучению игре на фортепиано, скрипке и виолончели. Кадеты Омского корпуса имели возможность обучаться игре на рояле, духовых и струнных инструментах.

Большие концерты, которые давались в кадетских корпусах, были скорее профессиональными, нежели любительскими. Например, программа кадетского концерта, данного во 2-м кадетском корпусе в 1908 г., состояла из следующих номеров: «1) Гимн. 2) «Жаворонок» Глинки. 3) «Marche funebre» и «Adagio» Бетховена (исполнил струнный оркестр кадет). 4) «Песнь жнецов» Лимсена. 5) «За реченькой» Гречанинова (исполнил хор кадет). 6) «Berceuse» Неруда – соло на скрипке исполнил кад. Глиндеман. 7) «Почта в лесу» Шеффера – соло на виолончели исполнил кадет Иванов 6-й. 9) «Ой все кумушки домой» (Русская песня). 10) «Бабочка» – вальс Андреева (исполнил великорусский оркестр кадет). 11) Марш «Шагом» и «Турецкий дозор» Эйленберга. 12) «Кадетский марш» Рейхе (исполнил духовой оркестр кадет)»[1046]. Кадеты 3-го Московского кадетского корпуса даже после того, как началась Первая мировая война, продолжали регулярно устраивать литературно-вокальные вечера, причем в начале каждого представления

[1044] Первый кадетский корпус во Дворце Меншикова. К 275-летию основания. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа; Историческая иллюстрация, 2007. С. 7.
[1045] Данилов В.Г. Воспоминания // Архив БФРЗ. Ф-1. Оп. 3. Аю-6. Л. 7.
[1046] Хроника кадетской жизни // Кадет-михайловец. Литературный популярно-научный журнал 2-го кадетского Его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича корпуса. 15 марта 1908 г. № 2. С. 43.

кадетский оркестр играл гимны государств, входивших в состав Антанты. Организовывались и концерты с благотворительными целями, сбор с которых шел в пользу лазаретов.

Провинциальные корпуса практически не уступали столичным. В Ташкентском корпусе в 1902 г. на публичных испытания по внеклассным занятиям струнный оркестр из 18 кадет сыграл «Торжественный марш» Эйленгберга и одно из произведений Варламова, а кадетский хор «прекрасно пропел несколько простых задушевных русских песен»[1047]. Учитель музыки Псковского кадетского корпуса И.И. Тульчиев, ученик Н.А. Римского-Корсакова, в 1903-1905 гг. осуществил постановку нескольких детских опер.

Успех в организации занятий музыкой был заметен и в военных училищах. Так, в Николаевском инженерном училище действовали хор певчих, духовой оркестр и хор балалаечников, в Александровском военном училище в 1909 г. был создан струнный оркестр[1048]. В декабре 1903 г. под руководством капитана Н.И. Казанли, известного композитора и дирижера, был устроен первый музыкальный вечер юнкеров военных училищ, «и таким образом осуществилась мысль Августейшего Главного начальника военно-учебных заведений о продолжении занятий музыкой кадет по переходе их в военные училища и поддержании таким путем товарищеской связи однокашников»[1049]. В дальнейшем музыкальные вечера обычно устраивались в дни училищных праздников, а летом они еженедельно проводились в лагерях.

При обучении танцам в начале XX в. главное внимание в соответствии с «Положением» 1890 г. обращалось не на отделку техники, а на выработку чувства меры и изящества в осанке и движениях. Однако кадеты обязательно обучались общеизвестным европейским танцам: полонезу, вальсу, польке, мазурке. В военных училищах обучение танцам стал обязательным для юнкеров всех курсов.

[1047] Юсупов Э.С. Военно-педагогическая система обучения и воспитания на примере Ташкентского Наследника престола Цесаревича Алексея кадетского корпуса // Бомбардир. 1995. № 1. С. 34.
[1048] В.С. Исторический отдел // Александровец. 1909. № 5(№ 13). С. VII.
[1049] РГВИА. Ф. 725. Оп. 42. Д. 236. Л. 1 – 1 об.

Танцевальные вечера, разрешенные в 1899 г., в начале XX в. пользовались популярностью и проводились в большинстве корпусов «и весело, и просто»[1050]. Традицией стало приглашать на них воспитанниц женских институтов. В военных училищах на танцевальные вечера приглашались родственники и знакомые юнкеров.

К сожалению, политика отказа от всех культурных традиций системы старого военного образования, которую проводило Временное правительство, нашла неожиданную поддержку в кадетской среде. Об этом свидетельствует требование уничтожить уроки пения во всех классах, а танцы в двух старших классах, выдвинутое в 1917 г. кадетами Орловского-Бахтина кадетского корпуса[1051].

Подводя итоги, следует отметить, что к началу XX в. в кадетских корпусах и военных училищах были созданы условия, более чем достаточные для результативного обучения будущих офицеров пению и игре на различных музыкальных инструментах. Продуманная организация обязательных и необязательных занятий позволила повысить уровень культурного и эстетического развития кадет и юнкеров, которые не только приятно и с пользой проводили свое свободное время, но и приобщались к миру музыки. Навыки пения и игры на фортепиано, скрипке или кларнете являлись хорошим дополнением к умению танцевать, начитанности, знанию иностранных языков и служили необходимым условием формирования культурного облика русского офицера, который был не неловким «бурбоном», а человеком, уверенно чувствовавшим себя в светском обществе. Кроме того, полученные знания, умения и навыки давали возможность организовывать на высоком уровне занятия пением и музыкой с солдатами и тем самым содействовать повышению уровня культурного развития личного состава армии.

[1050] Кадет-михайловец. Литературный популярно-научный журнал 2-го кадетского Его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича корпуса. 6 декабря 1907. № 1. С. 45.
[1051] РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 2595. Л. 114.

4.8. Театр в жизни воспитанников военно-учебных заведений

Театральные представления играли важную роль в жизни воспитанников военно-учебных заведений Российской империи. Во-первых, посещение императорских и частных театров было одним из главных средств заполнения досуга учащихся. Во-вторых, кадеты и юнкера сами устраивали домашние театральные постановки, выступая в роли и режиссеров, и актеров, и зрителей.

По мнению С.М. Филаретовой, «…еще со времен возникновения первых кадетских учреждений посещение их воспитанниками театров вошло в традицию»[1052]. Сухопутный шляхетный корпус с первых же дней своего существования стал одним из центров театральной культуры России. Кадеты часто привлекались к придворным театральным постановкам.

Становление любительского корпусного театра относится к концу 1740-х гг. Первый опыт организации сценического представления «через кадетов» относится к 1748 г.[1053] Скорее всего, воспитанники участвовали тогда в постановке французской пьесы. Однако признание к кадетскому театру пришло как к театру русскому. Один из питомцев корпуса, А.П. Сумароков, еще будучи кадетом, стал сочинять стихотворения, а через семь лет после выпуска, в 1747 г., написал первую русскую трагедию – «Хорев». В 1749 г. эта трагедия была поставлена при дворе членами Общества любителей российской словесности, а в начале 1750 г., по повелению самой императрицы Елизаветы Петровны, – кадетами. На содержание корпусного театра была отпущена огромная сумма. Спектакль имел большой успех и воодушевил автора и актеров. В течение года кадеты переиграли при дворе и в корпусе практически все произведения Сумарокова. В 1752 г., согласно повелению императрицы, в корпус для приобретения образования и манер были зачислены актеры ярославского театра Ф.Г. Волкова (в том числе известный впоследствии драматург и театральный педагог И.А. Дмитревский), которые после

[1052] Филаретова С.М. Кадетский досуг // Бремя развлечений: Otium в Европе. XVIII-XX вв. / Отв. ред. Е.В. Дуков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 184.
[1053] Сухопутный кадетский корпус по «Журналам дежурных генерал-адъютантов». Сообщ. П.В. Петров // Педагогический сборник. 1898. № 5. Часть неофициальная. С. 521.

окончания курса наук были зачислены во вновь образованный «Русский для представления трагедий и комедий театр», директором которого был тогда же назначен полковник А.П. Сумароков[1054]. Под руководством Сумарокова сделал свои первые шаги в литературе кадет Сухопутного корпуса М.М. Херасков. Питомцами корпуса были и такие известные трагики XVIII в., как В.А. Озеров и М.В. Крюковской. В этом же заведении словесность преподавал один из крупнейших драматургов русского классицизма Я.Б. Княжнин – зять Сумарокова и учитель Озерова. Таким образом, Сухопутный шляхетный кадетский корпус, «колыбель славы многих героев и знаменитых мужей России, был колыбелью ее трагедии и театра»[1055].

В царствование Екатерины II традиция организации кадетами театральных представлений не угасла. Так, в 1770 г. на среднем дворе Сухопутного корпуса для кадетского театра было сооружено особое помещение. Воспитанники ставили пьесы и комические оперы. Одну из постановок – вольтеровскую «Заиру» – удостоила посещением сама императрица. Как и прежде, кадеты привлекались к придворным постановкам. Например, в 1775 г. воспитанники участвовали в театральном представлении, приуроченном к годовщине заключения Кючук-Кайнарджийского мира.

При Екатерине II кадетский театр появился и в Морском корпусе. К 1774 г. относится создание «благородного театра», руководство которым было поручено ученику И.А. Дмитревского С. Павлову – гардемарину выпускного класса, вскоре ставшему корпусным офицером. Впоследствии театром руководили учитель П. Жданов и подпоручик С. Лобысевич. В отличие от театра Сухопутного корпуса, носившего придворный характер и почти неизвестного обществу, театр Морского корпуса получил широкую известность. По словам Башуцкого, одного из бывших кадет, принимавших участие в представлениях, «…составилась из кадет… труппа актеров в таком достоинстве, что из Петербурга знатные посетители нередко

[1054] Грабарь В.К. Вскормленные с копья. Очерки истории детского воинского воспитания. СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 136.
[1055] История первого и второго кадетских корпусов. Статья первая // Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. 1836. № 9. С. 61.

съезжались видеть игру кадет на сцене и отдавали справедливость»[1056]. Автором одной из поставленных пьес – трагедии «Беверлей» – был капитан корпуса, впоследствии министр народного просвещения А.С. Шишков. Некоторые роли были поручены офицерам, служившим в корпусе, и членам их семей.

Руководители и педагоги Морского корпуса рассматривали участие воспитанников в театральных постановках не только как средство продуктивного заполнения их досуга, но и как способ интенсивного обучения иностранным языкам, в первую очередь немецкому: «…кадет, вытвердя несколько сцен своей роли с иностранным языком, так сказать, более ознакомится, и сколько б в обыкновенных разговорах ни встречалось вытверженных им немалого числа тех слов и целых речей, уже оные ему будут знакомы и без труда и нечувствительно, приобретая то одною забавою»[1057]. Чтобы возбудить в воспитанниках честолюбие и состязательность, был наложен запрет на участие в театральных представлениях тех, кто плохо учился и дурно себя вел.

Театральные кадетские постановки устраивались и в Шкловском благородном училище. В организации представлений принимали участие не только кадеты, но и их учителя[1058].

В Сухопутном кадетском корпусе театральные постановки (преимущественно античных трагедий) в педагогических целях устраивал знаменитый Ф.-Е. Ангальт, занимавший пост директора в 1787-1794 гг. Один из питомцев Ангальта, С.Н. Глинка, вспоминал, что кадеты «возглашали» римские тексты по-французски, а Ангальт сопровождал происходившее на сцене нравоучительными комментариями. В итоге кадеты «играючи» приобрели глубокие знания по истории античности. Кроме того, при Ангальте. в корпусе ставились французские пьесы (в 1787 г. – «Брут» Вольтера, в 1791 г. – «Диалог» Сюрвиля») под руково-

[1056] Башуцкий Д.Я. Записки // ОР РНБ. Ф. 777. Оп. 3. Д. 788. Л. 41.
[1057] Переписка об учреждении в корпусе театра и отпуске необходимых материалов и вещей для его оборудования; об увольнении из корпуса детей банкира Фридрикса; о заготовлении пожарных инструментов; ведомости наличия денежной казны. 1774-76 гг. // РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 103. Л. 44 об.
[1058] Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная. 1764-1805. В 3 ч. М., 1885. С. 28-29.

дством учителя декламации Ж. Офрена, приглашенного с целью усовершенствовать произношение кадет[1059].

П.И. Мелиссино, директор Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса в 1783-1797 гг., в юности сам играл на сцене, будучи кадетом Сухопутного корпуса. Возглавив Артиллерийский и инженерный корпус, он организовывал театральные представления по торжественным дням. Например, в день прибытия в корпус в 1793 г. П.А. Зубова, назначенного главным директором заведения, силами кадет была поставлена пастораль на французском языке[1060].

В конце XVIII в., после начала «милитаризации» системы военного образования, традиция организации театральных представлений в кадетских корпусах стала затухать. М.И. Кутузов, ставший директором Сухопутного кадетского корпуса в 1794 г., упразднил театральные постановки. В александровскую эпоху театр полностью исчез из жизни кадет.

Возрождение связи театра с военно-учебными заведениями относится к 1830-х гг., когда пост Главного начальника Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка занял младший брат императора, великий князь Михаил Павлович. Воспитанников стали водить на представления в императорских театрах, где для кадет было зарезервировано определенное число бесплатных мест[1061]. Кадеты охотно пользовались этой привилегией. Особенно активно театр стал посещаться в конце 1850-х гг., когда был смягчен дисциплинарный режим и кадеты получили возможность возвращаться из воскресного отпуска поздно вечером.

Кадетские театральные постановки были возобновлены, однако они носили характер домашних спектаклей. Эти спектакли устраивались по большим праздникам. Их постановкой занимались приглашаемые начальством корпусов актерами. Ставились в основном патриотические пьесы, сцены из военного быта, коме-

---

[1059] Петровская И.Ф., Сомина В.В. Театральный Петербург: Начало XVIII в. – октябрь 1917 г.: Обозрение-путеводитель. СПб., 1994. С. 40.
[1060] Жервэ, Н.П., Строев В.Н. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712–1912. В 2-х т., Т. 1. СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1912. С. 98.
[1061] Голощапова Е.В. Духовно-нравственное воспитание в кадетских корпусах. Ульяновск: Вектор-С, 2009. С. 22.

дии и водевили; «иногда ставили пьесы и на иностранных языках, преимущественно французском»[1062].

Домашние представления устраивались не только в кадетских корпусах, но и в других военно-учебных заведениях. В Пажеском корпусе, по свидетельству Н.Н. Вельяминова, на рубеже 1830-40-х гг., «много было театралов» и «были хорошие актеры»[1063]. Более или менее подробные сведения о театральных постановках, к сожалению, отсутствуют. В Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров юнкерские спектакли были впервые устроены в 1847 г. Ставились водевили, отдельные сцены из «Горе от ума» и малороссийская оперетка «Москаль чаривник»[1064]. Эти спектакли отвлекли старших юнкеров от традиционных издевательств над младшими и несколько оздоровили нравственную атмосферу заведения. В Морском корпусе инициатором кадетских театральных постановок был директор – прославленный адмирал И.Ф. Крузерштерн. По его желанию гардемарины старшей роты после выпускных экзаменов разыграли две пьесы, написанные ротным командиром капитан-лейтенантом Шаховским. Офицеры и члены их семей к постановке не привлекались, поэтому все роли, в том числе и женские, были исполнены самими учащимися. Представление носило чисто домашний характер. Зрителями, помимо кадет, были педагоги корпуса, их жены и дети.

Начиная с 1860-х гг. сценические представления стали неотъемлемой частью юбилейных торжеств. Так, в 1862 г. праздновалось столетие со дня открытия Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса. В связи с этим Александр II распорядился дать для педагогов и воспитанников этого корпуса бесплатный спектакль в одном из театров – Мариинском или Александринском. Выбирать нужно было из списка пьес, в который входили «Горе от ума», «Ревизор», «Король Лир» и «Женихи». В итоге для демонстрации кадетам была выбрана дававшаяся в Александринском театре пьеса «Новгородцы в Ревеле», которая

[1062] Э. Заметка на заметку о танцевальных вечерах в кадетских корпусах (Цит. по: РГВИА. Ф. 725. Оп. 37. Д. 344. Л. 43).
[1063] Вельяминов Н.Н. Воспоминания о государе императоре Николае Павловиче и его времени // НИОР РГБ. Ф. 218. № 121. Л. 43 об.
[1064] Стахович А.А. Клочки воспоминаний. М., 1904. С. 226-227.

могла заинтересовать воспитанников «заключающимися в этой пьесе конными и пешими сражениями»[1065].

В военных гимназиях, созданных в 1864-1866 гг. на базе общих классов кадетских корпусов, традиция организации кадетских театральных представлений была возобновлена и получила широкое развитие. Так, в Нижегородской графа Аракчеева военной гимназии были поставлены «Скупой рыцарь» и «Борис Годунов» А.С. Пушкина. Имеются сведения об организации домашних спектаклей под руководством преподавателей в Орловской-Бахтина военной гимназии[1066].

Воспитанникам гимназий позволялось посещать театральные представления, но лишь с разрешения директора и в сопровождении воспитателей. Выбор пьес также зависел от директора. Поэтому многие театры (такие, как «Буфф» в Петербурге) посещались любителями опереток нелегально, в гражданской одежде.

Юнкера юнкерских и военных училищ также по мере возможности приобщались к театру – и как зрители профессиональных постановок, и как участники домашних представлений. В столичные училища присылались бесплатные билеты в императорские театры, которые юнкера делили между собой по жребию[1067]. В провинциальных юнкерских училищах, воспитанники которых были лишены возможности посещать театры, устраивались домашние спектакли. Все мужские роли, как правило, исполнялись самими юнкерами, а женские – дочерями и женами преподавателей и офицеров. Спектакли часто преследовали благотворительные цели – собранные средства передавались в местные учебные заведения, больницы и т.п.

Общий упадок учебно-воспитательной работы, наблюдавшийся в русской военной школе в конце 1870-х гг., не мог не сказаться негативно на взаимосвязи военно-учебных заведений и театра. Руководители многих заведений не считали нужным устраивать спектакли в стенах корпусов и училищ, полагая, что это отвлечет учащихся от работы и вредно повлияет на их нравственность. Тем не менее

[1065] РГИА. Ф. 497. Оп. 2. Д. 18535. Л. 13 об.
[1066] РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 3991. Л. 117.
[1067] Бугураев М. Михайловское артиллерийское училище. 150-летие основания. Издание Общества Михайловцев-артиллеристов в США, 1971. С. 23-24.

в некоторых заведениях театральная традиция, хотя и существенно ограниченная жестким надзором, продолжала существовать. Например, в 1-й Санкт-Петербургской военной гимназии регулярно устраивались музыкально-драматические вечера, которые, по мнению директора гимназии П.И. Носовича, позволяли и ознакомить гимназистов с лучшими произведениями отечественной литературы, и сблизить учащихся с их педагогами[1068]. Руководство Оренбургского-Неплюевского кадетского корпуса видело в спектаклях важное средство духовного развития малокультурных воспитанников.

После переименования военных гимназий в кадетские корпуса и общей милитаризации учебно-воспитательной работы связь воспитанников с театром сохранилась. Кадеты могли посещать представления с разрешения директора и в сопровождении воспитателей или родственников, причем им было можно было брать места только в ложах. Воспитанники, певшие в хоре и игравшие в корпусном оркестре, имели право посещать определенное количество представлений за казенный счет. Выпускник Пажеского корпуса П.К. Ламздорф-Галаган вспоминал: «При тогдашней дешевизне билетов я имел возможность бывать в театре не менее одного раза в неделю, что, конечно, не могло не способствовать росту интереса к сценическому искусству, перешедшему после окончания мною корпуса в настоящую театроманию»[1069]. Пажам, а также кадетам столичных корпусов не позволялось ходить на представления, даваемые в частных театрах. Для воспитанников провинциальных кадетских корпусов подобного запрета не существовало – в губернских городах имелись лишь частные театры, к тому же репертуар их был достаточно скромным и не представлявшим опасности для нравственности учащихся.

Для юнкеров военных училищ посещение театров в отпускные дни стало одним из самых распространенных развлечений. Как нижние чины, юнкера имели право брать дешевые места в партере, что позволяло им бывать в театрах достаточно часто. Юнкера петербургских училищ ходили в Мариинский и Александ-

[1068] Там же. Лл. 1, 27 – 27 об.
[1069] Ламздорф-Галаган П.К. Воспоминания. Пажеский корпус // Архив БФРЗ. М-88. Л. 365.

ринский театры (посещение частного театра Берга и оперы Буфф им было запрещено); воспитанники Александровского военного училища, расположенного в Москве, посещали Малый и Большой театры, а также Русский драматический театр Корша.

Что же касается школьных спектаклей, то их устройство в пореформенных кадетских корпусах и военных училищах было сопряжено с серьезными ограничениями. В 1883 г. в «Педагогическом сборнике» появился ряд статей, посвященных вопросам организации театральных представлений силами учащихся. Один из авторов, В.Ш., отметил, что непрофессиональные постановки сильно искажают художественную сторону произведения, а ставшее традиционным исполнение женских ролей юношами превращает серьезное представление в балаган. В другой статье, написанной главным редактором «Педагогического сборника» А.Н. Острогорским, была высказана мысль о необходимости составления списка пьес, разрешенных к постановке в кадетских корпусах, причем в этот список предлагалось включить басни, отрывки из литературных произведений и «бытовые и исторические» пьесы, разыгрывание которых было бы по силам учащимся[1070]. В 1893 г. устройство в военно-учебных заведениях домашних спектаклей было запрещено. Театральные постановки были разрешены лишь в кадетских корпусах, «в виде забавы для остающихся на праздники кадет младших классов»[1071]. Директора корпусов активно прибегали к этому средству развлечения малышей. Например, штатный преподаватель пения Симбирского кадетского корпуса И.А. Иванов совместно с воспитанниками младших классов поставил детские оперы «Кот, Козел и Баран», «Квартет» и «Волшебная флейта» [1072].

Запрет на театральные постановки, однако, постоянно нарушался, и в некоторых заведениях школьные спектакли устраивались достаточно часто. В Морском корпусе старшими кадетами по случаю их перехода в гардемаринскую роту была разыграна «Свадьба» А.П. Чехова, причем, вопреки приведенному выше мнению В.Ш., публику «более всего очаровал кадет, исполнивший роль невес-

[1070] Репертуар школьных пьес // Педагогический сборник. 1883. № 3. Ч. неофиц. С. 204-214.
[1071] Циркуляр по военно-учебным заведениям. 9 сентября 1893 г. № 42.
[1072] Материалы для истории Симбирского кадетского корпуса за первые 25 лет его существования. 1873-1898 гг. Собирал А.И. Рязанов. Симбирск: Типолитография А.И. Токарева, 1900. С. 129.

ты»[1073]. В военных и юнкерских училищах скромные спектакли устраивались в основном в лагерное время. Кроме того, воспитанники провинциальных юнкерских училищ, которые не могли, подобно столичным юнкерам, ходить в настоящие театры, активно участвовали в местных любительских спектаклях. Например, юнкера Чугуевского пехотного юнкерского училища были непременными участниками спектаклей, проходивших в офицерском собрании. Среди них было «немало способных и даже талантливых исполнителей»[1074].

К настоящим, профессиональным постановкам воспитанники, как правило, не допускались. Призрачной реминисценцией придворных спектаклей елизаветинской эпохи являлся парадный спектакль в Эрмитаже, который был дан в 1890 г. в честь переезда Александра III из Гатчины в Аничков дворец. В основе постановки лежала трилогия А.К. Толстого «Борис Годунов». Роли исполняли великие князья, высокопоставленные придворные, офицеры гвардии. Питомцы Пажеского корпуса были вынуждены довольствоваться положением статистов. Директор Морского корпуса Д.С. Арсеньев, сам игравший ганзейского посла, пользуясь связями при дворе, привлек в массовку и своих подопечных, которые были довольны тем, что получили возможность «утереть нос пажам» [1075].

К концу XIX в. запрет на посещение частных театров начал постепенно сниматься. В 1895 г. кадетам, пажам и юнкерам разрешили посещать итальянскую оперу в театре «Аквариум», а в 1896 г. им было позволено ходить на драматические представления столичного литературно-артистического кружка, которые давались сначала в Панаевском, а затем в Малом театрах[1076]. В 1898 г. директор Эден-театра Б. Шенк добился разрешения посещения воспитанниками военно-учебных заведений его «фантастическо-научных представлений»[1077]. В том же году учащиеся военно-учебных заведений получили право ходить на представления Художественно-общедоступного театра и «Частной оперы» Солодовникова.

[1073] Филаретова С.М. Кадетский досуг // Бремя развлечений: Otium в Европе. XVIII-XX вв. / Отв. ред. Е.В. Дуков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 186.
[1074] Генерал Штейфон Б.А. «Семьдесят пять лет». 1940 г. // ГАРФ. Ф. Р-6797. Оп. 1. Д. 70. Л. 29 – 29 об.
[1075] Случевский В.В. О моей подготовке в 1886 г. к вступительному экзамену в Морской кадетский корпус; об этом корпусе и первых месяцах после производства меня в 1893 г. в мичмана флота. 1886-1893 гг. // РГАЛИ. Ф. 458. Оп. 3. Д. 17. Л. 62.
[1076] РГВИА. Ф. 725. Оп. 35. Д. 209. Л. 1-4, 9.
[1077] РГВИА. Ф. 725. Оп. 36. Д. 238. Л. 7 об. – 8.

Расцвет театральных традиций в военной школе пришелся на начало XX в., когда Главным начальником военно-учебных заведений стал великий князь Константин Константинович. Великий князь уделял большое внимание культурному развитию кадет и юнкеров. Посещение театров, по его мнению, являлось одним из главных способов приобщения молодежи к литературе и искусству. В Мариинском и Александринском императорских театрах воспитанникам военно-учебных заведений разрешалось посещать все представления, в Михайловском театре – только русские оперные и драматические пьесы[1078]. Как и прежде, не позволялось ходить на оперетты и фарсы. Не приветствовалось и посещение пьес, написанных зарубежными драматургами.

В начале XX в. неуклонно расширялся перечень частных театров, которые можно было посещать воспитанникам. Например, в 1901 г. кадеты, пажи и юнкера получили право ходить на представления, даваемые в «Народном доме императора Николая II»[1079].

В корпуса часто приглашались артисты императорских театров (К.А. Варламов, В.Н. Давыдов, М.Г. Савина, В.А. Мичурина-Самойлова). Они разыгрывали сценки перед учащимися, читали, пели, декламировали и даже помогали в организации школьных спектаклей, запрет на которые при К.Р. был снят. Так, в 1905 г. Ю.М. Юрьев поставил в Пажеском корпусе пьесу «Измаил» и комедию «La belle-fille»[1080]. Роли были распределены между пажами, а представление было не только приурочено к выпуску, но и преследовало благотворительную цель – сбор средств в пользу семей жертв русско-японской войны.

Больших успехов в сценическом искусстве добились и кадеты провинциальных корпусов. В Сумском корпусе была постоянная сцена; часто ставились серьезные вещи («Жизнь за царя» М.И. Глинки, «Аскольдова могила» А.Н. Верстовского). В Ташкентском корпусе в 1902 г. была даже поставлена пьеса «La chaperon rouge» на французском языке. Согласно отзывам местной прессы, «акте-

[1078] Лощилов И. Петербург – кадетская столица. СПб., 2003. С. 23.
[1079] Циркуляр по военно-учебным заведениям. 13 апреля 1901 г. № 21 // Педагогический сборник. 1901. № 7. Ч. офиц. С. 107.
[1080] Из воспоминаний Ф.С. Олферьева (1905 г.). Пажеский корпус – юность – первые шаги // Сборник. Воспоминания бывших пажей. № 30. Париж, 1964. С. 8; Спектакль пажей в пользу вдов и сирот убитых воинов – жертв текущей войны // Пажеский сборник. № 1. 1905 г. С. 42-43.

ры довольно свободно владеют языком и… уловили тонкости произношения. Прекрасная игра кадет произвела благоприятное впечатление»[1081].

Существенную роль училищные спектакли играли в жизни юнкеров – причем не только провинциальных, но и столичных училищ. Питомцы Александровского училища ставили исторические пьесы, спектакли из военного быта, комедии и водевили. Любительские спектакли «Михайлонов», как правило, включали в себя несколько коротких произведений (сцен, шуток, драматических этюдов). Успеху не мешало ни отсутствие музыки, ни то, что женские роли исполнялись самими юнкерами. Зрителями, как правило, были юнкера. Некоторые спектакли предназначались для нижних чинов, служивших в училище.

В начале XX в. старейшие военно-учебные заведения отмечали свои юбилеи. В программу юбилейных торжеств, по примеру празднования Морским корпусом столетнего юбилея в декабре 1852 г., были включены бесплатные спектакли в императорских театрах для воспитанников и служащих. Представление для кадет и педагогов Морского корпуса было дано 15 января 1901 г. в Мариинском театре. Давалась опера П.И. Чайковского «Евгений Онегин», причем одну из ролей исполнял бывший воспитанник Морского корпуса, певец Фигнер[1082]. Юбилейный спектакль для пажей и их наставников (включавший в себя первый акт оперы «Жизнь за царя» М.И. Глинки и первый акт балета «Дочь Микадо» бывшего пажа барона В.Г. Врангеля[1083]), состоялся 14 декабря 1902 г. также в Мариинском театре.

Таким образом, театр занимал важное место в жизни русской военной школы на всем протяжении двух с половиной веков ее существования. Посещение профессиональных театральных представлений было эффективным средством приобщения будущих офицеров к лучшим образцам драматического искусства и литературы. Домашние спектакли позволяли продуктивно заполнить досуг, улучшить взаимоотношения как в ученической среде, так и между воспитанника-

---

[1081] Юсупов Э.С. Военно-педагогическая система обучения и воспитания на примере Ташкентского Наследника престола Цесаревича Алексея кадетского корпуса // Бомбардир. 1995. № 1. С. 34.
[1082] РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 4620. Л. 7; Кротков А.С. Морской кадетский корпус. Краткий исторический очерк. СПб., 1901. С. 225.
[1083] РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 4704. Л. 7.

ми и педагогами, способствовали смягчению нравов, создавали благоприятный культурный имидж заведения.

Выводы по четвертой главе

Традиции организации учебной работы, складывавшиеся в системе отечественных военно-учебных заведений начиная с эпохи Петра I, обеспечивали всестороннюю профессиональную подготовку, в рамках которой будущие офицеры получали сумму знаний, достаточную для того, чтобы достойно выполнять свои обязанности даже на высших ступенях воинской иерархии. Однако стремление к всеохватности неизбежно приводило к излишней теоретизации учебного процесса, формальному отношению к обучению, поверхностному усвоению материала. Офицер, выпущенный из военной школы, нуждался в длительной адаптации к реальным условиям армейской жизни, а большая часть наскоро усвоенных им знаний забывалась в первые же годы службы.

В основе воспитания кадет и юнкеров лежали религиозные ценности, идея верности монархии и патриотические идеалы. В совокупности они должны были обеспечить подготовку высоконравственного, верноподданного офицера, готового умереть за Отечество. Воплощению в жизнь данной парадигмы мешали укоренившиеся в военной школе в начале XIX в. казарменно-репрессивные традиции. Гуманистическая модель подготовки офицера дважды, в конце XVIII в. и в 1860-70-е гг., становилась доминирующей, однако она не позволяла достичь желаемых результатов из-за того, что полностью заглушала задачу подготовки боевого офицера. Лишь в начале XX в., когда в основу системы воспитания были положены военно-рыцарские идеалы, появились условия для успешного решения двуединой задачи воспитания человека и подготовки офицера.

Военно-профессиональная подготовка офицеров, страдавшая, как и учебно-воспитательная работа, от недостаточной связи с реальными задачами, которые возлагались на офицера в армии, в начале XX в. была подвергнута серьезной модернизации, которая, однако, не успела принести зримых результатов.

Физическое воспитание будущих офицеров после ряда неудачных попыток, предпринятых в конце XVIII – середине XIX в., было поставлено на научную ос-

нову. Целостная и эффективная система физической подготовки в рамках военной школы сложилась лишь к началу XX в., когда занятия гимнастикой были органично дополнены подвижными играми и спортивными состязаниями.

Организация познавательных прогулок и экскурсий вследствие хорошо продуманной методики начиная с 1860-х гг. получила широкое распространение и позволила достичь желаемых результатов, обеспечив знакомство будущих офицеров как с памятниками истории и культуры, так и с фабрично-заводским делом, бытом крестьян и т.п.

Руководство чтением кадет и юнкеров обеспечивало продуктивное заполнение их досуга, позволяло существенно расширить умственный кругозор будущих офицеров, препятствовало увлечению низкопробной бульварной литературой, отвлекало от «модных» политических сочинений. Однако доминирование вплоть до начала XX в. запретительных мер, формальный подход к комплектованию библиотек заведений и свойственное военной среде пренебрежительное отношение к знанию долгое время не позволяли обеспечить литературное развитие воспитанников. Грамотный педагогический подход к организации чтения сложился лишь к началу XX в. Тогда же были сняты запреты на ученическую журналистику, ранее побуждавшие кадет и юнкеров заниматься нелегальным сочинительством, приобретавшим, как правило, форму нецензурных стихов и пасквилей. Учреждение многочисленных корпусных и училищных журналов и сборников привело к расцвету литературного творчества воспитанников.

Обучение музыке и пению в XIX в. было сопряжено как с организационными, так и с материальными проблемами. Их успешное преодоление в начале XX в. повлекло за собой создание благоприятных условий для эстетического и духовно-нравственного развития будущих офицеров, которое, в свою очередь, способствовало формированию их благоприятного имиджа в глазах общества и позволяло выпускникам военно-учебных заведений вести плодотворную культурную работу в армейской среде. Такую же роль играло и приобщение воспитанников к театральному искусству, которое приобрело характер традиции уже в XVIII в.

ГЛАВА V.

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ КАДЕТСКИЕ И ЮНКЕРСКИЕ ТРАДИЦИИ И ОБЫЧАИ

5.1. Традиция негативного отношения к начальству, педагогам и порядкам заведения

Недостатки организации учебно-воспитательной работы и изъяны домашнего воспитания учащихся приводили к тому, что педагоги и воспитанники образовывали два противостоящих друг другу лагеря. Так возникала традиция негативного отношения к начальству, учителям, воспитателям и всем официальным порядкам заведения. Ее усиление совпадало с периодами использования репрессивной модели отношений между педагогами и учащимися. Однако и в рамках конструктивных педагогических моделей, нацеленных на диалог учителей и учеников, полного сознательного подчинения порядкам заведения достигнуть удавалось очень редко. Жизнь в интернате была сопряжена с таким большим количеством запретов и ограничений, а распорядок дня был столь плотным, что учащиеся мечтали о свободе – если не полной, то хотя бы относительной. Это побуждало их обходить запреты, обманывать педагогов и начальство. Лишь немногим, наиболее талантливым, воспитателям и преподавателям удавалось разрушить традиционную стену, отделявшую их мир от мира воспитанников, в котором действовали свои законы и правила.

Первые свидетельства о существовании в русских военно-учебных заведениях традиции негативного отношения к начальству относятся к первой трети XVIII в. Схоластика и репрессии, господствовавшие в петровских школах, внушали отвращение к учебе. В Артиллерийской школе в 1730-е гг., «…когда же классы кончались, тогда ученики, измучившись от безысходного почти сидения на скамейках, учинят бывало великий и безобразный на все голоса крик, наподобие ура, протяжно шебаш»[1084].

[1084] Глебов П. Артиллерийская школа в царствование императрицы Анны Иоанновны // Артиллерийский журнал. 1862. № XI. С. 637.

В эпоху Екатерины II, когда в основу деятельности военно-учебных заведений были положены просветительские педагогические концепции, рознь между педагогами и учащимися постепенно исчезла. В отсутствие репрессий ее подогревало лишь незнание учителями-иностранцами русского языка, что провоцировало некоторых детей на дерзкие шалости. Д. Дидро, посетивший в 1773 г. Россию, так характеризовал поведение кадет Сухопутного корпуса: «Дети подбивают друг друга против порядков заведения, против учителей, наград и наказаний, их дерзость доходит до того, что в присутствии товарищей они иногда посылают по адресу преподавателей оскорбительные выражения, и преподаватели не могут даже заставить других детей перевести эти выражения. Таким образом детям весьма легко составлять маленькие заговоры, которые в большинстве случаев удаются им»[1085]. В середине 1780-х гг. в Сухопутном корпусе произошло даже «грозное восстание старших кадет против офицеров»[1086], причины которого неясны. Однако ко второй половине 1780-х гг. в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе в основу взаимоотношений кадет и педагогов были положены искренняя любовь и взаимное уважение. Граф Ф.Е. Ангальт, бывший директором корпуса в 1787-1794 гг., называл кадет ”mes chers enfants” (мои милые дети)[1087], заботился об их энциклопедическом образовании, стремился учесть личные склонности и интересы каждого воспитанника[1088].

В Морском кадетском корпусе причиной негативного отношения к начальству, впервые давшего о себе знать в 1780-90-е гг., была жестокость корпусных офицеров Голостенова и Федорова и попустительство директора корпуса, доброго, но сурового П.К. Карцова. Репрессии не только породили ненависть к «секунам», но и катастрофическому падению нравов кадет. В воспоминаниях В.И. Штейнгеля дана картина полного морального разложения воспитанников: «Между кадетами замечательна была вообще грубость, чувства во многих низкие и невежественные. В это время делались заговоры, чтобы побить такого-то офицера

[1085] Дидро – о шляхетном корпусе // Педагогический сборник. 1882. № 2. Ч. неофиц. С. 127-128.
[1086] Глинка С.Н. Записки. М.: Захаров, 2004. С. 70.
[1087] Взгляд на прошедшее. Первый кадетский корпус. Волынь и дальнейшие сношения мои с Милорадовичем. Ф. Глинки. (Отрывок 3-й) // Москвитянин. 1846. Ч. 1. № 2. С. 35.
[1088] Подробнее об этом см: Из давних воспоминаний, статья В.В.Селиванова // Русский архив. 1869. № 6. С. 160-162.

или учителя, пили вино, посылали за ним в кабаки кадет же…нередко соглашались при выходе из классов вечерних, пользуясь темнотою, делать им [учителям] различные пакости»[1089].

В Сухопутном корпусе предпосылки возникновения традиции негативного отношения к начальству были созданы в самом конце XVIII в., когда в повседневное употребление были введены розги. Ф.В. Булгарин, в 1799 г. переведенный в гренадерскую роту, которой командовал полковник Пурпур, вскоре стал «обыкновенной жертвой Пурпурова розголюбия». Неумолимый и бессердечный ротный командир не признавал никаких наказаний, кроме сечения. Именно такие наставники, как он, и были причиной возникновения традиционной ненависти кадет не только к педагогам, но и ко всему, что имело отношение к корпусу. Ф.В. Булгарин вспоминал: «Кому была надобность знать, что непомерная строгость и дурное обращение ожесточают меня, вместо того, чтобы исправлять…? Я сделался для Пурпура… черным зверем, как говорят французы, и он, охотясь беспрестанно на меня, довел меня до того, что я почти окаменел сердцем и возненавидел все в мире, даже самого себя!»[1090]

Становление традиции негативного отношения к начальству в 1-м кадетском корпусе произошло в эпоху Александра I, когда должность директора этого заведения занял жестокий и бездушный генерал Ф.И. Клингер, известный немецкий писатель. Любимой его поговоркой было: «Русских надо меньше учить и больше бить». Этот принцип он неукоснительно проводил в жизнь в течение своего почти 20-летнего директорства, живо интересуясь лишь тем, «крепко» ли наказали воспитанника розгами. Вполне закономерным последствием бесчеловечных телесных наказаний стала лютая ненависть к кадет к директору и исполнявшим его волю «секунам». По утверждению О.С. Андреевой, «почти каждый на-

[1089] Штейнгель В.И. Сочинения и письма. В 2-х тт. Т.1. Записки и письма. Иркутск, 1985. С. 90.
[1090] Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. Часть первая. СПб., 1846. С. 264-265.

чальник стал в эти времена для воспитанников олицетворением несправедливости»[1091].

Судя по воспоминаниям бывших кадет, традиция появилась в самом начале директорства Клингера, когда в корпусе еще учились кадеты, заставшие «золотой век» Ф.-Е. Ангальта. А.А. Одинцов, находившийся в корпусе с 1817 по 1823 гг., застал традицию негативного отношения к начальству уже сложившейся, но сумел охарактеризовать механизм ее возникновения: «…введение строгой военной дисциплины в корпус, питомцы которого привыкли к отеческому обращению Ангальта, могло возбудить лишь сильное негодование между воспитанниками и внушить им недоверие к справедливости начальства. Воспитанники, вновь поступавшие в корпус, принимали мнение своих старших товарищей. Через несколько лет эта настороженная позиция укоренилась и выработала нравственный кодекс отношений кадет к их начальникам»[1092]. Репрессии начальников и офицеров, относившихся к своим подопечным как к солдатам, усугубляли традиционное противостояние, придавали ему все более и более жестокие формы. В конце концов между кадетами и их начальниками и воспитателями разгорелась настоящая война. Наставники кадет, как правило, не чувствовали призвания к воспитательскому делу; не обладая ни малейшей педагогической подготовкой, они руководствовались простой мыслью, что кадет «должен молчать и повиноваться, что всякое отступление от этого, всякий порыв разузнать причину какого-нибудь приказания есть уже проступок, заслуживающий строгого наказания»[1093]. Главной целью был внешний порядок, достигаемый любыми доступными средствами. Подобных «педагогов» кадеты были вынуждены слушаться, однако при первой же возможности жестоко мстили им – не только за себя, но и за пострадавших товарищей. По признанию одного из бывших воспитанников, «выходки и наглые проделки были делом обыкновенным в нашей [т.е. кадетской – А.Г.], бывшей постоянной, беспо-

[1091] Андреева О.С. Портрет директора глазами кадета. По воспоминаниям воспитанников Первого кадетского корпуса // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию Достопамятного зала. Ч. 2. СПб.: ВИМАИВиВС, 2006. С. 6.
[1092] Посмертные записки А.А.Одинцова // Русская старина. 1889. №11. С. 309.
[1093] См.: Яковлев Р.Н. О воспитании в военно-учебных заведениях // Воспитание. 1862. № 7. С. 26.

щадной войной с представителями корпусного начальства»[1094]. Никаких ограничений кадеты в этой войне не признавали. Во время открытых выступлений офицеров площадно ругали, срывали с них эполеты и даже били[1095]. Допускалась и «тайная война»: кадеты воровали и портили личные вещи офицеров, били стекла в их квартирах, травили домашних животных. Мстительная изобретательность доведенных до отчаяния кадет не знала границ и порой принимала кошмарные формы. Так, в 1840-е гг. кадеты 1-го кадетского корпуса сговорились облить кислотой детей жестокого капитана Черкасова, часто гулявших в корпусном саду[1096]. Иногда происходили открытые массовые выступления против начальства – «бунты», которые сопровождались битьем стекол, ломанием мебели, выкрикиванием оскорблений в адрес директора, инспектора классов, ротных командиров.

Ненависть к начальству и офицерам сочеталась с негативным отношением к преподавателям, многие из которых были некомпетентны как специалисты, беспомощны как педагоги и в силу этого также тяготели к репрессиям. Наиболее распространенным формами травли учителей были привязывание к стулу, втыкание в стул булавок, обстреливание бумажками, порча личных вещей, а также «балаганы» (шум, стук, крик и визг во время занятий). Иногда дело доходило до жестокой физической расправы. Например, в 1835 г. отстраненный от выпуска в офицеры за провал на экзамене кадет Московского кадетского корпуса Н. Житков напал на преподавателя географии штабс-капитана Соколовского, которого он считал главным виновником своей неудачи, и стал рубить по голове тесаком, намереваясь убить[1097].

К снисходительным воспитателям и педагогам кадеты относились неплохо, однако при малейшей возможности стремились сесть им на шею. Излюбленным объектом насмешек были учителя немецкого и французского языков, которые, как правило, плохо говорили по-русски. Во 2-м кадетском корпусе между кадетами и

[1094] Януш Л.И. Полвека назад (Воспоминания о Втором Московском кадетском корпусе) // Русская школа. 1907. №7/8. С. 223.
[1095] ГАРФ. Ф. 109. 4 экспедиция. Оп. 190. Д. 134. Л. 3 – 3 об.; НИОР РГБ. Ф. 218. № 121. Л. 33 об.; РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 5570. Л. 14 – 14 об.
[1096] См.: Крылов Н.А. Кадеты 40-х годов. (Личные воспоминания) // Исторический вестник. 1901. № 9. С. 953.
[1097] Приказ Главного начальника Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка. 23 декабря 1835 г. № 113. П. 6.

учителями иностранных языков шла настоящая война: воспитанники во время занятий всячески издевались над педагогами; учителя же, не ограничиваясь неудовлетворительными отметками и жалобами начальству, часто прибегали к унизительным наказаниям (например, заставляли стоять в углу в течение нескольких недель)[1098]. Враждебное отношение к «язычникам» во 2-м корпусе было настолько сильным, что привело к возникновению запрета говорить по-французски и по-немецки в стенах корпуса под угрозой физического наказания[1099]. Педагогов, прекрасно знавших свой предмет и хорошо относившихся к кадетам, воспитанники любили и слушали на уроках, однако в силу укоренившейся традиции устраивали им пакости во внеучебное время. Найти какое-либо оправдание этим шалостям не могли и сами кадеты: «Да, мы любили «Пифагора» (преподавателя математики – А.Г.), очень любили его, и я до сих пор не могу понять, почему мы вне урока считали себя вправе и чуть ли даже не обязанными так назойливо шутить и насмехаться над ним?..»[1100]

Репрессивная политика и порожденная ею традиция враждебного отношения к педагогам настолько исказила и изуродовала детскую психику, что дружелюбное отношение воспитанника к учителю или офицеру считалось ненормальным явлением. Кадетская масса с подозрением относилась к тем, кто предпочитал серьезную учебу шалостям, огульно записывая их в фискалы или по меньшей мере в «подъегозчики». Кадеты, отказывавшиеся следовать традиции враждебного отношения к педагогам, презрительно именовались «лисичками» и «мыловарами».

Традиция негативного отношения к начальству распространялась и на официальные корпусные порядки. Главной причиной возмущения была скудная и плохо приготовленная пища. Частая подача нелюбимых блюд или найденный в тарелке таракан порождали так называемые «кашные бунты», во время которых кадеты вызывали корпусного эконома, якобы повинного в плохом качестве еды, и закидывали его хлебом и кашей.

[1098] М.Л. Несколько заметок о Втором кадетском корпусе // Военный сборник. 1862. № 4. С. 420-421.
[1099] Воспоминания бывшего воспитанника 2-го кадетского корпуса // Военный сборник. 1861. № 7. С. 145.
[1100] «Пифагор» (Очерки А. фон Риттера: Старые кадеты) // Нева. 1911. № 19. Ст. 1901.

Особенно сильно дала о себе знать традиция негативного отношения к начальству в конце 1850-х – начале 1860-х гг. Пренебрежение общества к офицерам после Крымской войны наложилось на масштабное обновление педагогического состава. Просвещенные и гуманные педагоги сумели внушить воспитанникам любовь к знаниям, и те поняли, насколько необразованны и невежественны их воспитатели – в подавляющем большинстве своем офицеры из строя. В итоге авторитет корпусных офицеров резко упал, а уровень дисциплины катастрофически понизился. Резко возросло число таких проступков, зафиксированных в протоколах заседаний педагогических заведений, как «неучтивые ответы», «неуместные и неприличные объяснения», «неисполнение приказаний», «неоднократное ослушание», «строптивость и упрямство», «возбуждение других к ослушанию», «грубость и дерзость» и т.п. Чиновник В. Вундеревский, прибывший в 1862 г. с инспекцией во 2-й Московский кадетский корпус, отмечал: «Офицер избегает сделать замечание кадету из опасения встретить в нем противоречие и даже неуважение к себе. В настоящее время на кадет можно действовать только силой убеждений, но всякий ли из воспитателей обладает таковыми даром и терпением?»[1101] Этим педагогическим бессилием воспользовались еще остававшиеся в корпусах «старые кадеты», которые, почувствовав свою безнаказанность и окончательно обнаглев, устроили в некоторых заведениях грандиозные бунты с избиениями офицеров, оскорблениями директоров и т.п. Не менее впечатляющие восстания были вызваны попытками начальства навести порядок – так, в Полоцком кадетском корпусе в 1864 г. кадеты первой роты в ответ на ужесточение режима забросали командира роты табуретами и забаррикадировались в своем помещении[1102]. До строительства баррикад дело едва не дошло и в Полтавском корпусе[1103].

Традиции негативного отношения к начальству и педагогов в дореформенное время не было лишь в Оренбургском-Неплюевском кадетском корпусе, в котором взаимоотношения начальства и кадет носили неформальный, семейный характер и не создавали почвы для вражды.

[1101] РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 5735. Л. 19 об.
[1102] РГВИА. Ф. 267. Оп. 1. Д. 2. Л. 125.
[1103] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 373. Л. 1.

В военных гимназиях, образованных на базе общих классов кадетских корпусов в середине 1860-х гг., традиция неповиновения начальству поначалу была весьма сильна. Взгляд на заведение как на смирительный дом, а на педагогов как на полицейских надзирателей был широко распространен и являлся серьезным препятствием на пути налаживания учебно-воспитательной работы. Недоверие и предубеждение к наставникам были следствием культивируемой в течение десятилетий кадетской скрытности. Удаление неисправимых воспитанников и дифференцированный подход к учащимся разных возрастов в сочетании с грамотным планированием учебной работы и продуктивным заполнением досуга уже в первые месяцы существования военных гимназий позволили сблизить гимназистов с педагогами, ликвидировать глухую стену, препятствовавшую их нормальному общению. Неприязненность быстро исчезла, и в течение 1860-х – первой половины 1870-х гг. традиция негативного отношения к начальству, педагогам и порядкам заведения не действовала, уступив место позитивным взаимоотношениям и плодотворному сотрудничеству. Хорошая подготовка воспитателей, имевших в большинстве своем высшее образование, их доброжелательное отношение к воспитанникам существенно подняли их авторитет, который был значительно выше учительского. Нелюбимым или слабым учителям по-прежнему устраивали «балаганы», но случалось это весьма редко. Особенной нелюбовью, как и прежде, пользовались преподаватели немецкого языка, по отношению к которым допускались и такие дикие выходки, как обливание вещей серной кислотой[1104]. Особенное распространение традиция организации «балаганов» (правда, не заранее задуманных, а спонтанных) и учителям, и офицерам получила в привилегированном Пажеском корпусе – учившиеся в нем представители «золотой молодежи» не боялись быть исключенными за развлечения подобного рода[1105]. В Морском корпусе и в пореформенное время складывались легенды о жестоких расправах с офицерами: «Вот окно – последнее по правой стороне столового зала, если стать лицом к бригу. Из

[1104] Короткевич Н.Н. Воспоминания о Полоцком кадетском корпусе (1870-77 гг.) // Бюллетень Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Венесуэле. № 3. Каракас, февраль 1980. С. 27.
[1105] РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9624. Л. 59 об. – 62.

этого окна в семидесятых годах прошлого столетия (XIX в. – А.Г.) прямо сквозь стекла на двор выбросили одного ротного командира[1106].

Ко второй половине 1870-х гг. учебно-воспитательная работа в военных гимназиях стала вестись формально и приходить в упадок. Учащиеся не могли не отреагировать на это, и традиция негативного отношения к персоналу и порядкам заведения мало-помалу возобновилась. С.Я. Надсон в одном из своих ученических стихотворений упоминал о «скотах под образом людей», «бенефисах бурных» и воспитателе, зорко наблюдающем за тем, чтобы воспитанники не спали на занятиях. Он же дал и определение бенефиса – это «договор между воспитанниками, по которому они сговариваются вести себя отвратительно»[1107]. В Пажеском корпусе в 1870-е гг. традиционным выражением пренебрежения к порядкам заведения стало битье стекол в окнах и дверях накануне ухода в отпуск на рождественские каникулы[1108].

В военных и юнкерских училищах традиции негативного отношения к начальству, благодаря солидному возрасту юнкеров и тому, что они находились на действительной службе, не нашли широкого распространения. Неуместные обращения к офицерам влекли за собой суровые наказания. Так, в 1897 г. юнкер Николаевского кавалерийского училища за неохотное выполнение приказания офицера и возражение ему был переведен из первого разряда по поведению в третий и арестован на 14 суток. В Михайловском артиллерийском училище «кошачий концерт» в адрес нелюбимых офицеров традиции разрешали устраивать лишь накануне производства в офицеры. Непопулярные действия начальства (борьба с собственной формой и другие мелочные запреты) влекли за собой длительную борьбу, причем юнкерам нельзя было отказать ни в терпеливости, ни в остроумии[1109]. Кроме того, в различных военных училищах традициями запрещалось усердное изучение отдельных предметов (в Николаевском кавалерийском – химии и меха-

[1106] Колбасьев С. Арсен Люпен // Юнкера и гардемарины. Сборник. Пермь: «Пермская книга, 1992. С. 604.
[1107] ОР РНБ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 100 об.
[1108] РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 2180. Л. 4.
[1109] Так, когда в 1912 г. новый начальник Михайловского училища полковник П.П. Карачан запретил ношение собственных сапог, юнкера «пытались смягчить» его гнев, послав на квартиру Карачана сотни пирожных, а после нагоняя прислали ему касторку, предварительно распустив слух, что начальник и его жена объелись и страдают желудочными коликами.

ники как ненужных в кавалерии, в Михайловском артиллерийском – тактики, необходимой, по мнению будущих артиллеристов, лишь офицерам пехоты).

В пореформенных кадетских корпусах производство «бунтов» против придирчивых офицеров и устройство «бенефисов» нелюбимым учителям быстро стало устойчивой традицией. «Бунты» в первые годы существования корпусов устраивались с небывалым размахом: в 1884 г. кадеты 4-го Московского кадетского корпуса, мстя офицерам за придирки и грубое обращение, «дозволили себе сообща произвести шумный беспорядок в помещении роты, гасили лампы, разбивали мебель и выломали две запертые двери»[1110], а один из воспитанников позволил себе несколько раз ударить дежурного воспитателя. Расследование показало, что причины подобного поведения кадет во многом объяснялись «…неровным и грубым обращением воспитателей, причем некоторые из них проявляли в своих отношениях к воспитанникам неуместную фамильярность рядом с придирчивой требовательностью, мелочность и раздражительность, доходившую до брани…»[1111] После того, как грубое обращение офицеров и учителей к кадетам было изжито, проявления недовольства приняли гораздо более «скромный» вид: неуместные возражения в ответ на замечания, шум на уроках, пение неприличных песен, в которых упоминались фамилии офицеров и педагогов, бросание мела и бумажек из окон или с лестниц и т.п.

В некоторых губернских кадетских корпусах (например, Симбирском) отношения между воспитанниками и педагогами в конце XIX в. носили не казенный, а семейный характер. Одна из причин этого явления заключалась в том, что провинциальные педагоги были тесно связаны с кадетским корпусом и служили в нем, как правило, долгие годы, а многие – и всю жизнь. Корпус был для них не просто местом службы, но и единственным очагом культуры, поэтому они относились и к заведению, и к обучавшимися в нем кадетам в любовью и заботой, приводили на все корпусные мероприятия своих детей, которые общались и играли с воспитанниками. Кроме того, многие из кадет ходили в отпуск к офицерам и

[1110] РГВИА. Ф. 725. Оп. 22. Д. 30. Л. 4 – 4 об.
[1111] Там же. Л. 8.

учителям, и это также сообщало их взаимоотношениям семейный, неофициальный характер. В подобных условиях традиция негативного отношения воспитанников к наставникам и корпусным порядкам возникнуть не могла.

К концу 1890-х гг. учебно-воспитательная работа во многих заведениях приобрела формальный характер, а надзор за воспитанниками вследствие благодушия начальства ослаб. Кадеты старшей роты выговорили себя разнообразные льготы и иммунитеты (так, в соответствии с традициями 3-го Московского кадетского корпуса воспитателю не полагалось присутствовать при укладке воспитанников спать[1112], во 2-м кадетском корпусе офицеры никогда не заходили в читальную комнату[1113]). Усиление контроля за поведением, введение дополнительных занятий для отстающих и т.п. зачастую негативно встречались кадетами, которые выражали свое недовольство бунтами, бойкотами («поставлением на сугубую»), демонстративным курением в присутствии старших и т.п. В корпусах, возглавляемых престарелыми директорами, утратившими авторитет (например, Орловском-Бахтина, Псковском, Морском), даже справедливое выставление дурных отметок могло послужить поводом для унизительного «бенефиса» учителю, нецензурной брани в его адрес прямо на уроке и даже угрозы физической расправы.

Традиции не поощряли тягу к учебе; идеальный кадет должен был иметь баллы, едва удовлетворительные для перехода в следующий класс. Поэтому классные обманы (подсказки, пользование шпаргалками) было сильно развито. Воспитанникам, стремившимся хорошо себя вести и прилежно учиться, давалась оскорбительная кличка «мыловар».

При великом князе Константине Константиновиче подобные безобразия прекращались с помощью назначения сильных, энергичных директоров, быстро подчинявших себе кадетскую массу. Зачинщики беспощадно увольнялись или переводились в Вольскую школу, широко практиковались аресты и снятие погон.

Однако до конца изжить традицию негативного отношения к начальству не удалось. Шумные бунты с ломанием мебели и битьем стекол устраивались крайне

[1112] РГВИА. Ф. 725. Оп. 55. Д. 30. Л. 7 об.
[1113] Бельский В.Я. О родном корпусе. Сан-Франциско, 1971. С. 108.

редко; в основном недовольство проявлялось в виде отказов отвечать на приветствие, «кошачьих концертах» (мяукании, лае, рычании, свисте и т.п.) при укладке спать, демонстративном курении, тушении света, громком притопывании при хождении строем, стуке скамьями и стульями об пол или печь и т.п. В исключительных случаях по адресу нелюбимых воспитателей произносились нецензурные ругательства.

Сохранилось и демонстративное пренебрежение к учебе. В старших классах Пажеского корпуса, где, как и в военных училищах, была принята репетиционная система занятий, отказ преподавателя перенести репетицию мог повлечь за собой бойкот репетиции всем отделением. Был случай, когда пажи, возмутившись поставленной одному из них дурной отметкой, завернули учителя географии в большую карту и сделали вид, что хотят выбросить его в окно[1114].

Периодически случались «кашные бунты», причем отнюдь не по объективным причинам: так, в марте 1908 г. кадеты 1-й роты Ярославского кадетского корпуса отказались есть новое блюдо – рисовую кашу с белыми грибами, которая была вкусно приготовлена и которую с удовольствием ели кадеты 2-й и 3-й рот[1115].

Наконец, еще одной причиной коллективного выражения недовольства могло стать неприятие нового начальства. В 1913 г. гардемарины Морского корпуса, протестуя против замены любимого ими директора вице-адмирала А.И. Русина на капитана I ранга В.А. Карцова, организованно передали пригласительные билеты на ежегодный бал Морского корпуса проституткам, в результате чего бал был сорван со скандалом.

Таким образом, традиция негативного отношения к начальству и порядкам заведений играла достаточно серьезную отрицательную роль в жизни отечественной военной школы. Уродуя взаимоотношения между педагогической корпорацией и обучающими, она парализовала все лучшие начинания, мешала планомерному ведению учебно-воспитательной работы, превращала жизнь заведений в не-

[1114] Каменский В. Воспоминания о Королевиче Александре Сербском // Союз пажей. Сборник № 7, посвященный выдержкам из воспоминаний бывших пажей. Париж, 1958. С. 9-10.
[1115] РГВИА. Ф. 725. Оп. 45. Д. 888. Л. 1.

прерывную войну. В 1-й половине XIX в. негативное отношение к начальству было главной неофициальной традицией воспитанников. В военных гимназиях ее негативное влияние было ликвидировано, однако уже в конце 1870-х гг. она возродилась вновь. Лишь в начале XX в. грамотными педагогическими мерами пропасть между воспитателями и воспитанниками стала постепенно ликвидироваться, хотя ее проявления (причем достаточно сильные) давали о себе знать и в 1910-е гг.

5.2. Традиция товарищества и корпусного (училищного) братства

Современный военный педагог Е.В. Голощапова в результате изучения неофициальных традиций пришла к следующему выводу: «Товарищество – духовный, крепкий братской круговой порукой союз равных в правах единомышленников, высшее состояние единства людей, главный результат организации жизни на основе традиций. Законам товарищества подчиняется даже дружба»[1116].

Соглашаясь с данным определением традиции товарищества, следует сделать одно важное замечание, касающееся происхождения товарищества. Возникновение этой традиции было вызвано необходимостью консолидации сил кадет, противостоявших педагогам. Таким образом, традиция товарищества являлась производной от традиции негативного отношения к начальству и порядкам заведения. Лишь позднее она стала основой всех кадетских традиций и выдвинулась на первый план, обретя в целом положительный смысл, но при этом не утратив и своего негативного оттенка[1117].

Традицию товарищества необходимо отличать от традиции корпусного братства. Последняя возникла на рубеже XVIII-XIX вв. Сначала она основывалась на длительном совместном пребывании в корпусных стенах, а затем – на факте обучения в одном и том же военно-учебном заведении. «Никакие уставы, никакие

[1116] Голощапова Е.В. Духовно-нравственное воспитание в кадетских корпусах. Ульяновск: Вектор-С, 2009. С. 230.
[1117] Йордан А.Б. Честь родного погона [книга о традициях в Российских кадетских корпусах]. М.: Интерграф Сервис, 2003. С. 25.

условия обществ не могут произвести таких твердых связей между людьми, как свычка ранних лет»[1118], – восторженно писал после прибытия в действующую армию назначенный в 1812 г. адъютантом М.А. Милорадовича выпускник 1-го кадетского корпуса Ф.Н. Глинка, которого с распростертыми объятиями встретили однокашники, невзирая на десятилетнюю разлуку и разницу в чинах. Именно эта «свычка», позже получившая расширительное толкование, когда «товарищами» стали считаться не только однокашники, но и вообще все получившие или получающие образование в одном и том же заведении, даже незнакомые друг с другом и находящиеся на разных ступенях социальной иерархии, побуждала однокашников общаться запросто и оказывать друг другу помощь. Все официальные рамки при этом ликвидировались, был запрещен даже намек на чинопочитание. Кадет-первоклассник 1-го кадетского корпуса в неформальной обстановке должен был обращаться на «ты» к окончившему этот же корпус полному генералу и мог рассчитывать на его поддержку только потому, что он «того же корпуса». Исключительно прочным было братство выпускников Пажеского корпуса: «Именно пажам была свойственна высокая корпоративность, которая накладывала серьезный отпечаток на отношение гвардейских офицеров, принадлежащих к пажеской среде, к своим коллегам из других военно-учебных заведений. Пажи даже «умудрились» создать свою обособленную группу в среде офицеров Генерального Штаба»[1119].

«Товарищество» же изначально представляло собой союз кадет, который должен был как противостоять репрессивному режиму (функция обороны), так и вести эффективную борьбу с ненавистными педагогами и представителями администрации (функция наступления). Появилась традиция товарищества в начале XIX в., вслед за распространением и укреплением традиции негативного отношения к начальству, чтобы сплотить кадет и скоординировать их усилия в борьбе с начальством и педагогами. По свидетельству выпускника 1-го кадетского корпуса А.А. Одинцова, основой кадетского общества была «крепкая, тесная связь между товарищами. Каждый кадет должен был рассчитывать на собственные свои спо-

[1118] Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М.: Воениздат, 1987. С. 7.
[1119] Чувардин Г.С. Пажеский корпус как элитообразующая структура Российской империи в период правления императоров Александра III – Николая II // Научный диалог. 2012. № 4. С. 51-52.

собности и никогда не прибегать к заискиванию пред начальством»[1120]. Наиболее тяжким преступлением с точки зрения кадетских традиций было наушничанье начальству и выдача тех, кто устраивал шалости («шпионство» или «фискальство»). В Морском корпусе «задорных» кадет (тех, кто жаловался на товарищей офицерам) подвергали полному бойкоту. Клеймо шпиона было практически несмываемым. Кадет, заискивавших перед начальством, обзывали «подъэгощиками» и презирали почти так же, как шпионов.

Чтобы проверить, способен ли новичок поддерживать традицию товарищества, проводился обряд инициации. Он именовался «крещением» или «посвящением». Новенького сразу после его прибытия окружала толпа воспитанников, которые начинали его шпынять, дразнить и провоцировать на драку. Если кадет вел себя хладнокровно, огрызался в ответ на насмешки и давал сдачи нападавшему, то он становился полноправным товарищем. Избиение обидчика автоматически повышало авторитет новичка, его начинали называть «молодцом». Если же вновь поступивший вместо того, чтобы дать отпор, начинал плакать, он зачислялся в разряд «слабеньких», которые не пользовались уважением и являлись мишенью для издевок. Донос начальству влек за собой наложение несмываемого клейма фискала. Такие воспитанники, презираемые всеми, рано или поздно оставляли корпус.

Никогда, ни при каких условиях, кадет не мог выдать своего товарища, даже если ему грозила самая суровая экзекуция: «Если будут сечь или морить голодом, то все-таки никогда «не выдавай товарища»[1121]. Правило «не выдавать» было стержнем товарищества, его ключевым принципом. По уверению В.И. Штейнгеля, жестокое наказание, во время которого «кровь текла ручьями и тело раздиралось в куски», «…одну только ту выгоду приносило, что между кадетами была связь чрезвычайная»[1122].

Помощь товарищам проявлялась не только в «невыдаче», но и в заступничестве старших кадет за младших, подсказывании во время уроков. Кадеты, полу-

---

[1120] Посмертные записки А.А.Одинцова // Русская старина. 1889. № 11. С. 309.
[1121] Крылов Н.А. Кадеты 40-х годов. (Личные воспоминания) // Исторический вестник. 1901. № 9. С. 944.
[1122] Штейнгель В.И. Сочинения и письма. Т. 1. Записки и письма. Иркутск, 1985. С. 89-90.

чавшие гостинцы из дома, щедро делились ими с товарищами, особенно с неимущими. Были случаи, когда кадеты перед роспуском на каникулы отдавали свои деньги, хранившиеся у воспитателей, тем из товарищей, чьи родители были не в состоянии оплатить дорогу[1123].

В большинстве кадетских корпусов первой половины XIX в. традиция товарищества нивелировала кадет. Происхождение кадета, наличие у него громкой фамилии, титула, влиятельных покровителей никак не влияли на его место в кадетской иерархии. То же самое относилось и к национальности воспитанника и исповедуемой им религии.

Принцип равенства распространялся и на учебные успехи, стремление хорошо учиться не поощрялось. Наиболее приемлемым вариантом считалось балансирование на грани между удовлетворительным и неудовлетворительным баллом. «Зубрилы», которые, кроме того, как правило, не участвовали в общих проделках, не пользовались уважением. Их подвергали всяческим насмешкам, мешали заниматься, отнимали книги, портили тетради. Исключением из этого правила являлся Морской корпус, в котором первые ученики имели почетное наименование «зейманов» (от «Zeeman» – морской человек). Прочие кадеты (даже дурно учившиеся лентяи) относились к «зейманам» с благоговением, не позволяли мешать им заниматься. В свою очередь, «зейманы» не откалывались от товарищей, охотно разъясняли им непонятное в классах, делились яблоками, которые получали за отличные отметки.

Тех, кто вольно или невольно нарушал традицию товарищества, ждало серьезное наказание. Так, в 1-м кадетском корпусе виновного в нарушении правила «круговой поруки» подвергали так называемому «шестованию». Экзекуция заключалась в том, что преступника клали вниз лицом на стол, на него, как бы в виде пресса, наваливались несколько человек, «а затем взад и вперед по столу вози-

[1123] В 1840 г. кадет Оренбургского-Неплюевского военного училища А. Халецкий отдал своему воспитателю 100 рублей, подаренные ему родителями в разное время, с просьбой «употребить сии деньги на уплату первой трети содержания кого-либо из тех пенсионеров, которые, по невзносу родственниками денег за их содержание, могут подвергнуться исключению из училища», причем просил не упоминать своего имени (Приказ Главного начальника Пажеского, всех Сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка. 6 мая 1840 г. № 279).

ли виновного»[1124]. За более тяжкие преступления против товарищества (неоднократное фискальство и т.п.) делалась «темная» (избиение большой группой через шинель или одеяло) или объявлялся бойкот. Наказание, как физическую расправу, так и бойкот, следовало осуществлять с санкции всех кадет; в некоторых заведениях (например, в Оренбургском-Неплюевском кадетском корпусе) существовал кадетский суд. Тайно подговаривать других воспитанников к расправе над виновным запрещалось.

Тяжким преступлением в глазах кадет было воровство у товарищей. Интересно отметить, что жестоко каралась лишь кража чего-либо у кадет. Украсть казенное имущество или личную вещь воспитателя, напротив, считалось молодечеством. За незначительные кражи, совершенные у товарищей, виновный подвергался телесному наказанию; хищение ценных предметов могло повлечь за собой выдачу виновного начальству, совершенную по общему приговору кадет.

Следствием грубости нравов воспитанников было отсутствие уважения к личности товарищей. Это проявлялось в торжестве кулачного права и необузданном насилии над тем, кто не мог дать сдачи. Товарищество в николаевских корпусах без видимых помех уживалось с обычаями третирования новичков и слабосильных кадет, а также с систематическим угнетением старшими воспитанниками младших.

Любопытно, что товарищеская взаимопомощь зачастую не была бескорыстной. Например, кадету 1-го корпуса, совершившему проступок и не желавшему в нем сознаваться, можно было подкупить товарища, чтобы тот взял вину на себя[1125]. Кадетским обществом этот откуп от розог не осуждался.

В переломную эпоху великих реформ традиция товарищества резко ослабла. Кадетам уже не была свойственна прежняя сплоченность. П.П. Карцов, преподававший в различных кадетских корпусах в конце 1850-х гг., вспоминал: «Мои ученики отличались резкостью манер и суждений, хитростью, страстью к показа-

[1124] Крылов Н.А. Кадеты 40-х годов. (Личные воспоминания) // Исторический вестник. 1901. №9. С. 964.
[1125] Крылов Н.А. Указ. соч. С. 951.

нию товара лицом, завистью к товариществу и эгоизмом. Это были ни дети, ни взрослые, но уже мечтавшие о самостоятельности и равенстве»[1126].

В военных гимназиях в первые годы их существования в качестве пережитка прежней эпохи сохранялось правило невыдачи виновного, которое поддерживалось воспитанниками бессознательно, как бы по инерции, и неуважение к личности товарища. Усилия воспитателей, терпеливо разъяснявших гимназистам всю нелепость их представлений о товариществе, привели к тому, что взаимоотношения гимназистов существенно улучшились, а «извращенное чувство товарищества… заменилось чувством взаимной любви и помощи ближнему»[1127]. Действенным средством борьбы с ложным товариществом была организация товарищеского суда, который разбирал проступки гимназистов сначала в присутствии воспитателя, а затем и самостоятельно. Физические наказания и бойкот уступили место общественному порицанию. Прежняя товарищеская корпорация, существовавшая ради шалостей и жестоко каравшая отдельных своих членов за нежелательные контакты с нелюбимым руководством, ушла в прошлое. Развитию товарищества способствовала демократизация правил приема: в 1873 г. были открыты всесословные 3-я Санкт-Петербургская и Симбирская военные гимназии, в которых «рядом с сыном командира блестящего гвардейского полка мог сидеть сын полкового барабанщика»[1128], причем отношения между ними были теплыми и дружескими. Однако в целом гимназистам не была присуща та тесная товарищеская спайка, которой отличались кадеты прежних корпусов. Гуманный режим скорее способствовал развитию разумного индивидуализма, нежели коллективизма. Крепкие, почти родственные узы, которые связывали старых кадет, укрывавших друг друга и страдавших за чужую вину, не могли возникнуть между гимназистами.

[1126] Карцов П.П. Исторический очерк Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса и Нижегородской военной гимназии (ныне Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус). Сост. к 50-летнему юбилею корпуса. 1834-1884. СПб., 1884. С. 352.

[1127] Материалы, извлеченные из отчетов военных гимназий за 1867 год (Из дел учебного отделения). VIII. Состояние воспитательного дела в военных гимназиях // Педагогический сборник. 1868. № 10. Ч. офиц. С. 726.

[1128] Коровин В.М. Военное образование в Российской империи (середина XIX – начало XX в.): монография. Воронеж, 2009. С. 130.

Корпоративная идентичность в военных гимназиях также ослабла. Уничтожение строевого деления и лагерей в военных гимназиях привело к тому, что воспитанники разных классов почти не общались друг с другом. Поэтому питомцы военной школы уже не представляли собой единой семьи: «Стоит побывать на годичных обедах, которые введены в военном обществе, в дни основания прежних кадетских корпусов, чтобы в смысле товарищества и взаимной связи видеть разницу между бывшими кадетами и получившими воспитание в гимназиях. Первые встречаются как братья, вторые – как знакомые»[1129].

По мере того, как учебно-воспитательная работа в военных гимназиях приобретала формальный характер, традиция негативного товарищества стала воскресать. По признанию бывшего воспитанника 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии Н. Лыкошина, на развитие товарищества влияли скука и однообразие жизни гимназистов. Во второй половине 1870-х гг. прежнее корпусное товарищество со всеми его атрибутами (невыдачей виновных, бойкотом фискалов и презрением к тем, кто был склонен к заискиванию перед начальством, драками «на силача») существовало во многих военно-учебных заведениях, как столичных, так и провинциальных.

Товарищество в военных училищах было производным от гимназического товарищества. Воспитанники после перехода в училища вначале поддерживали товарищеские связи лишь со своими гимназическими однокашниками, затем создавались новые товарищеские группировки – по симпатиям и по влечению друг другу. При этом «никакой неприязни между группами не было, общее же было – единое стремление поддержать честь родного училища и выручить товарища из беды, как какой бы группе он ни принадлежал»[1130]. Директор Нижегородской военной гимназии П.И. Носович в 1875 г. выдвинул предложение переводить выпускников каждой военной гимназии в одно военное училище с тем, чтобы укоренившиеся товарищеские отношения между ними не позволяли развиться цинизму и молодечеству, однако верх взяла противоположная точка зрения – военно-

[1129] Кадетские корпуса и военные гимназии. Б.м., б.г. С. 14.
[1130] Промтов М.Н. Мои воспоминания // Михайловцы. Сборник воспоминаний о Михайловских артиллерийских училище и академии и их питомцах. Выпуск 1-й. Белград, 1936. С. 46-47.

гимназический корпоративизм в то время уже имел больше дурных, чем хороших сторон, и, по мнению начальника Александровского военного училища генерал-майора М.П. Самохвалова, товарищеская солидарность юнкеров лишь мешала их военному воспитанию.

Традиция братства возникла в военных училищах в первые же годы их существования. Например, выпускники Павловского училища, даже если ранее не были знакомы, обращались друг к другу на «ты» и в силу той же традиции общались вполне искренне и доверительно. Обращение на «ты» было традицией и в Николаевском кавалерийском училище.

В пореформенных кадетских корпусах традиция товарищества – как позитивного, так и ложно понимаемого – выдвинулась на первый план. Все кадеты были абсолютно равны, все они, независимо от происхождения, наличия титула или состояния, обращались друг к другу на «ты». Великий князь Константин Константинович, незадолго до смерти обращаясь к директору 1-го кадетского корпуса Ф.А. Григорьеву с просьбой о помещении в этот корпус своего сына Георгия, просил не делать никакой разницы между ним и прочими кадетами и «ставил непременным условием, чтобы все, т.е. воспитатели, преподаватели и кадеты, без всякого титула, называли бы сына по имени и отчеству, а я (Ф.А. Григорьев – А.Г.) и отделенный воспитатель говорили бы ему «ты», как это практиковалось по отношению ко всем кадетам корпуса»[1131]. Из товарищеской среды несколько выделялись в лучшую сторону лишь те, кто по своим духовным качествам действительно этого заслуживал.

Исключительно пестрая пажеская корпорация внешне казалась менее сплоченной, чем кадетская, однако небольшие размеры заведения (штат Пажеского корпуса при Александре III составлял 330 человек, в то время к как в кадетских корпусах число учащихся порой превышало 500) способствовали более тесному общению пажей и укреплению товарищеских и дружеских отношений между ними. Среди пажей было немало представителей знатных фамилий, встречались и

[1131] Воспоминания директора 1 кадетского корпуса Ф.А. Григорьева. «Дед внукам». Главы 13 (продолжение) – 14. Март 1918 – август 1918 // РГВИА. Ф. 267. Оп. 1. Д. 4. Л. 105 – 106.

наследники иностранных престолов (сербский королевич Александр, сиамский принц Чакробон). Но громкие титулы не мешали товарищескому общению и не служили основанием для дистанцирования их носителей от прочих пажей.

В основу взаимоотношений между кадетами, как и прежде, было положено правило «сам погибай, а товарища выручай». А.И. Спиридович, окончивший в 1891 г. Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус, вспоминал: «Можно было быть умным или глупым, прилежным или лентяем, храбрым или трусоватым, но нельзя было быть плохим товарищем»[1132]. Новички проходили процедуру «испытания», в ходе которой оценивались их сила воли и товарищеские качества. По-прежнему самыми тяжкими преступлениями против товарищества были выдача виновного в шалостях и жалобы начальству. Бойкота за измену товариществу не мог избежать никто – ни сын командующего флотом, ни князь императорской крови. Высокомерное и презрительное отношение к товарищам, склочность и драчливость влекли за собой глухое недовольство, а затем и систематическую травлю. При первом же промахе (нанесение оскорбления кому-либо, жалоба начальству) таким воспитанникам объявлялся бойкот. Наказывались также хвастливость, физическая и моральная нечистоплотность, завистливость, скупость, упрямство. Кадетская среда не прощала таких недостатков, награждая тех, кто ими обладал, меткими и обидными прозвищами. Тесная товарищеская связь позволила многим кадетам окончить корпус благодаря помощи в подготовке уроков, подсказкам на уроках и экзаменах. Порой сила товарищеского влияния и убеждения уберегала кадет от совершения дерзких поступков, за которые они неминуемо были бы отчислены. Иногда вину дурного кадета принимал на себя с общего согласия хороший по поведению воспитанник, тем самым спасая хулигана от изгнания из корпуса. Ф.С. Олферьев, окончивший Пажеский корпус в 1905 г., свидетельствовал: «Все за одного, и один за всех» – был наш девиз»[1133].

Но и в начале XX в. в основе традиции товарищества в кадетских корпусах лежало право сильного. Тон задавали лидеры – как положительные, так и отрица-

[1132] Спиридович А.И. Записки жандарма. М.: Художественная литература, 1991. С. 204.
[1133] Пажеский Его Императорского Величества корпус. М.: Интербук-бизнес, 2004. С. 185.

тельные. Слабые были вынуждены подчиняться тем или другим в зависимости от того, чья сторона брала верх. В большинстве заведений главной задачей товарищества являлась, как и в николаевские времена, борьба с педагогами и поддержание негативных традиций. Один из педагогов с грустью писал: «Устроить школьный беспорядок – «бенефис» – какому-нибудь педагогу, отстоять и поддержать товарищей в школьных невзгодах, обмануть бдительность рьяного педагога с полицейскими замашками, подсказывать, отказаться от урока всем классом, познакомиться с запретным плодом, поддержать корпоративную честь, выказать молодечество в самых разнообразных формах – вот на что обычно уходят силы товарищеских организаций»[1134]. Дурной элемент откровенно эксплуатировал традицию товарищества в своих интересах: «Выкинет такой «Теглев» какую-нибудь глупую шалость, прячась за спиною товарищей – будь то в классе, либо в строю и вот потом начинается «агитация» – не выдавать, всем молчать на опрос воспитателя – лучше всем классом сидеть без отпуска, чем, упаси Бог, намекнуть, что глупость выкинул именно он… «герой» Теглев»[1135]. Подобная псевдосолидарность деформировала кадетскую психологию, на корню губила все начинания педагогов, внушало превратные представления о соотношении товарищества и службы. Нивелирующее влияние товарищества сказывалось и на учебных успехах – «настоящему» кадету не полагалось демонстрировать интерес к наукам, он должен был говорить на особом грубом жаргоне.

Великий князь Константин Константинович, в 1900 г. занявший пост Главного начальника военно-учебных заведений, не желал мириться с подобным положением дел. Борясь с «цуком», грубостью нравов, негативным отношением к начальству и другими дурными кадетскими традициями, он не мог не обратить внимания на товарищество. Вскоре проблема использования воспитательного потенциала традиции товарищества стала одной из ключевых в педагогической литературе. Н. Киселев полагал, что товарищеский дух – это огромная сила, которую педагогам необходимо грамотно использовать. «Товарищество, – писал он, –

[1134] С.П. Несколько слов о наших кадетских корпусах // Педагогический сборник. 1903. № 7. Ч. неофиц. С. 61.
[1135] Борщов А.В. Мои воспоминания молодости. Семейная хроника XVIII, XIX и 1-й четверти XX в. // Архив БФРЗ. Ф-2. М-90. Л. 42.

представляется, без всякого сомнения, явлением весьма желательным в школе вообще, а в военной школе, воспитывающей людей для службы, где все или почти все основано на чувстве взаимной выручки, – в особенности»[1136]. Но, поскольку традиция товарищества, развивавшаяся независимо от желаний и усилий педагогов, могла оказать противодействие их стремлениям, ее необходимо было поставить под контроль и лишить бурсаческой окраски. Сделать это можно было не полицейскими запретами, а отеческими внушениями. Такая установка вскоре нашла отражение в локальных актах, регламентировавших воспитательный процесс. В «Инструкции для кадет Псковского кадетского корпуса» говорилось о том, что «кадеты должны понять, что истинное товарищество состоит не в том, чтобы содействовать чему-нибудь дурному, а, напротив, в том, чтобы помочь друг другу во всем добром и полезном и предостеречь товарищей от всего дурного»[1137].

Великий князь предложил создать на основе уже существующего обычая товарищеского «патронажа» старшими кадетами младших институт «старших кадет», которые должны были бы помогать малышам готовить уроки, следить за их поведением и являться во всем для них примером. Старшие кадеты вскоре появились во многих корпусах. Несмотря на то, что их деятельность не всегда отвечала задачам, поставленным К.Р., и невольно подрывала авторитет педагогов, «юноши-начальники» сыграли большую роль в оздоровлении товарищеских отношений в младших классах, действуя на своих подопечных так, как не мог на них действовать даже самый чуткий и внимательный офицер-воспитатель. Высказывались предложения (отчасти реализованные впоследствии) об облагороживании товарищества путем придания ему форм научного, литературного и иного сотрудничества в рамках научных и художественных кружков, школьных журналов, касс взаимопомощи и др.

Кроме того, началась активная борьба с ложным пониманием товарищества – коллективной невыдачей виновных. Применение коллективных наказаний, налагаемых на кадетскую массу, не желавшую называть имена действительных ор-

[1136] Киселев Н. Товарищество в кадетских корпусах и его воспитательное значение. Педагогический этюд // Педагогический сборник. 1902. № 2. Ч. неофиц. С. 159.
[1137] Михайлов А.А. Обаяние мундира. Псков, 2004. С. 80.

ганизаторов и участников шалостей, было признано непедагогичным. Н. Киселев предложил учредить товарищеский суд, принять кодекс кадетских проступков (своего рода дисциплинарный устав для учащихся), а также ввести институт поручительства – кадет освобождался от наказания на поруки товарищей, которые несли коллективную ответственность за его поведение.

Моральным способом облагородить товарищество было распространение «заповедей товарищества», которые включались в кадетские памятки и размещались в виде наглядной агитации на стенах заведений. Один из вариантов («Изречения о товариществе») был составлен начальником Виленского военного училища полковником Б.В. Адамовичем[1138]. Четырнадцать изречений-афоризмов регламентировали соотношение товарищества, дружбы и служебных отношений, провозглашали главными признаками товарищества доверие и самопожертвование, утверждали приоритет чести перед товариществом. Против «невыдачи» была направлена одиннадцатая заповедь: «Подвод товарища под ответственность за свои поступки – измена товариществу».

В 1913 г. великий князь Константин Константинович разослал по всем кадетским корпусам и военным училищам «Двенадцать заповедей товарищества», которые в основном дублировали заповеди, составленные Б. Адамовичем. Новой была лишь первая заповедь: «Товариществом называются добрые взаимные отношения вместе живущих или работающих, основанные на доверии и самопожертвовании».

Наконец, в 1917 г., уже в гимназиях военного ведомства, стали появляться товарищеские суды. В октябре 1917 г. были созданы товарищеские суды в Орловской-Бахтина гимназии военного ведомства. Они действовали в каждом из отделений четырех старших классов. Инициатива возбуждения дела могла принадлежать воспитателю, а также, с его разрешения, – самому суду или отдельным воспитанникам. Судьями не могли быть новички, второгодники, а также гимназисты, наказанные товарищеским судом за порочащие проступки. Разбору товарищеского суда подлежали: «1) проступки против доброго имени заведения вообще и ка-

[1138] Иллюстрированная памятка кадета-аракчеевца. Составил В.Н.С. Н.Новгород, 1912. С. 55-56.

ждого воспитанника (или группы воспитанников) в частности; 2) проступки против порядка в классное и внеклассное время и 3) недоразумения, возникающие в среде воспитанников»[1139]. Дела рассматривались в закрытом заседании; воспитатель мог присутствовать лишь по приглашению суда. Мера наказания носила предположительный характер и в зависимости от серьезности совершенного проступка подлежала утверждению воспитателя, возрастного Совета или Общего педагогического совета заведения, которые могли не утвердить или видоизменить ее.

Усилия, которые приложил великий князь Константин Константинович и его сотрудники для нормализации товарищеских отношений между кадетами, не пропали даром. Его бывшие ученики сумели преодолеть и традиционную отчужденность, существовавшую между выпускниками разных военно-учебных заведений. Задолго до создания в Югославии 1-го Русского великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса возникло понятие «княжеконстантиновец». Так называли себя питомцы великого князя независимо от того, погоны какого корпуса и училища они носили в свое время.

Однако, несмотря на старания педагогов, избавиться от «ложно понимаемого» товарищества так и не удалось. Обычай «своих не выдавать» был настолько сильным, что заглушал все рациональные доводы и убеждения. Как писал директор 2-го Оренбургского кадетского корпуса генерал-майор В.В. Григоров, «в большинстве случаев в кадете два человека: просто мальчик и кадет. Большей частью один толково и отчетливо различает хорошее и дурное, добро и зло, другой – держится особой этики – кадетской»[1140]. Нельзя сказать о том, что кадетская этика была дикой и вредной. На некоторые проступки принцип «не выдавать» не распространялся. Например, выдаче подлежали воспитанники, виновные в противоестественных пороках, разврате, крайнем цинизме и богохульстве. Кадеты исключали их из своей среды; выдать их начальству было не преступлением по отношению к товариществу, а нравственной необходимостью кадетской корпора-

[1139] РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 2596. Л. 3 об.
[1140] РГВИА. Ф. 725. Оп. 55. Д. 50. Л. 8.

ции, стремившейся к самоочищению от дурных элементов. Усилия педагогов приносили добрые плоды, и принцип невыдачи переставал действовать в отношении некоторых проступков, ранее традиционно укрываемых[1141].

В военных училищах в конце XIX – начале XX в. традиция товарищества поддерживалась в основном силами бывших кадет. Они быстрее сходились друг с другом и сразу переходили на «ты». Отчужденное обращение на «вы» практиковалось по отношению к тем, кто поступил в училище «со стороны», – гимназистам, реалистам и студентам. Слабо знакомые с военной средой, они поначалу подвергались насмешкам и придиркам и лишь после некоторой адаптации к армейским условиям начинали мало-помалу вливаться в товарищеский коллектив юнкеров. Лишь во время Первой мировой войны товарищеские отношения между бывшими студентами и бывшими кадетами уступили место вражде, причиной которой было пристрастие юнкеров из студенческой среды к разговорам на политические темы.

Юнкера так же, как и кадеты, по-братски делились с членами своего товарищеского кружка гостинцами, полученными из дома[1142]. Принцип «не выдавать» был в ходу, и проступки товарищей (самовольные отлучки, возвращение из увольнения в нетрезвом виде) тщательно скрывались, однако виновных в безнравственном поведении (кража, донос, обман товарища) ждал бойкот или выдача начальству.

Но товарищеские узы между юнкерами были не столь сильны и интимны, как между кадетами. Занятий было больше, свободного времени – меньше. В специальных училищах (артиллерийских, инженерном) юнкера вследствие напряженных занятий и конкуренции за средний балл не образовывали единой корпорации, отношения между ними были корректными, но отчужденными. В пехотных училищах рознь и конкуренция, обычно не слишком заметные, давали о себе знать незадолго до выпуска, когда вставал вопрос о распределении.

[1141] Так, когда в 1902 г. двое кадет 7 класса Орловского-Бахтина кадетского корпуса выпили водки, их товарищи были настолько возмущены, что доложили о проступке начальству, ходатайствуя при этом об оставлении виновных в корпусе и ручаясь за их исправление (РГВИА. Ф. 725. Оп. 55. Д. 28. Л. 6 – 6 об.).
[1142] Гребенщиков И.А. Павлоны // Архив БФРЗ. Ф-2. М-127. Л. 178.

Весьма непростым было положение младших командиров – фельдфебелей и портупей-юнкеров. С одной стороны, они должны были соблюдать традиции товарищества. С другой – они являлись начальниками и не могли пренебрегать своими служебными обязанностями. В «Инструкции для юнкеров Николаевского инженерного училища» был следующий пункт: «Начальствующие юнкера должны обладать известным тактом, чтобы согласовать свои отношения к юнкерам, как к подчиненным и товарищам»[1143]. Фельдфебелю и портупей-юнкерам приходилось соблюдать разумный баланс между товариществом и службой, переступать через личные симпатии и антипатии, вырабатывать особую манеру говорить перед строем. Однако в подавляющем большинстве случаев юнкера понимали задачу своих товарищей-начальников и беспрекословно подчинялись их приказаниям.

Какими бы уродливыми и извращенными ни казались порой товарищеские взаимоотношения, подавляющее большинство выпускников военно-учебных заведений высоко ценили эту традицию, полагая, что они обязаны ей лучшими качествами своего характера. Бывший воспитанник 1-го кадетского корпуса Д.А. Ротштейн вспоминал: «Каждый из нас настолько был проникнут духом товарищества, что стоял всегда горой один за другого, и выдать кого-либо даже за самую безобидную шалость, столь свойственную детскому возрасту, почиталось между нами позором… Вот на этих-то началах собственно и развивались в нашем маленьком мире все нравственные качества, столь необходимые в жизни»[1144]. Товарищество играло серьезную педагогическую роль, вырабатывая цельность характера и силу воли, прививая уважение и любовь к ближнему и формируя сплоченный воинский коллектив, каждый из членов которого был готов принести свои интересы, а при необходимости – и жизнь в жертву общему делу, безжалостно выкидывая из среды воспитанников трусов, подхалимов, доносчиков. Однако так называемое ложное товарищество, выражавшееся в коллективных отказах отвечать, укрытии виновных, переложения ответственности за совершение проступ-

[1143] Инструкция для юнкеров Николаевского инженерного училища. Пг., 1916. С. 137.
[1144] Роштейн Д.А. Воспоминание об императоре Николае I // Исторический вестник. 1889. № 5. С. 356.

ков с одних воспитанников на других, негативно отражалось на учебно-воспитательной работе и порождало у хулиганов чувство безнаказанности. По мере того, как репрессивный педагогический режим уступал место гуманному, основанному на доверии к воспитанникам, видоизменялась и традиция товарищества. Она выступала на первый план в системе неофициальных традиций и, очищенная от своих негативных элементов, давала начало традиции братства выпускников, которые считались добрыми товарищами уже в силу факта окончания ими одного и того же военно-учебного заведения.

5.3. Культ нарочитой грубости и показного молодечества

Эта традиция была очень сложной, многоплановой и неоднозначной. Ее содержание определялось условиями эпохи, социокультурными особенностями конкретного заведения, возрастом и степенью развития воспитанников. В кадетских корпусах и военных училищах она проявлялась по-разному. Нарочитая грубость была отражением армейской грубости и побочным явлением традиции негативного отношения к начальству; главный же смысл показного молодечества заключался в демонстрации окружающим тех качеств, которые, по мнению воспитанников, отличали будущих офицеров от штатских. Офицер, в представлении кадет, должен был обладать такими качествами, как лихость, смелость, ловкость, находчивость, разумное щегольство. Эти качества в совокупности именовались «отчетливостью». Гипертрофированный вариант «отчетливости» именовался «отчаянностью» – в этом случае требовалось усиленно демонстрировать пренебрежительное отношение к начальству и порядкам заведения в целом, как бы бросая всем вызов.

Грубость нравов в русской армии имела давнее происхождение. П. Гордон, перешедший на русскую службу в 1661 г., в своем дневнике неоднократно упоминал о ссорах и драках не только между солдатами, но и между офицерами[1145].

[1145] Гордон П. Дневник, 1659-1667. М.: Наука, 2003. С. 108-110.

Традиция разрешать конфликты с помощью оружия или физической силы сохранилась в армии и в XVIII в., пьянство и драки были рядовым явлением. Неудивительно, что воспитанники первых отечественных военно-учебных заведений, многие из которых уже достигли зрелого возраста и были знакомы с армейскими нравами не понаслышке, отличались грубостью, жестокостью и склонностью к разгулу. Сказывалось и отсутствие заботы о продуктивном заполнении досуга учащихся. Так, в Морской академии «буйство, пирушки, попойки и драки на шпагах являлись среди воспитанников обычными «молодеческими» проступками»[1146].

Дикие нравы были присущи и кадетам эпохи Анны Иоанновны. Английский путешественник Джон Кук, посетивший Россию в середине 1730-х гг., отмечал вражду между кадетами и гвардейцами, приводившую к многочисленным вооруженным стычкам: «Все гвардейцы имеют широкие шпаги, а кадеты маленькие мечи. Если гвардейский солдат бьет первым, кадету конец; но очень часто кадет отклоняет удар, и прежде чем гвардеец изготовится для другого, пронзает его»[1147]. Об этой кровной вражде свидетельствуют и материалы расследований, отложившиеся в документах Сухопутного корпуса[1148]. Следует отметить, что грубость нравов кадет являлась не только отражением армейской грубости, но и реакцией на репрессивный воспитательный режим: офицеры «рыцарской академии» поддерживали надлежащую дисциплину, …наказывая провинившихся, смотря по их проступкам, арестом, фухтелями, выставлением к позорному столбу, сидением на острой кровельке, поставленной на орудийный запал, korsslutande и т.д.»[1149]. Это ожесточало воспитанников, поэтому «грубые продерзости кадет», по отзыву М.М. Философова, были бичом Сухопутного шляхетного корпуса эпохи Елизаветы Петровны[1150]. В елизаветинское правление продолжал сохраняться и антагонизм между представителями различных ведомств: после открытия в 1752 г. Морского

[1146] Зуев Г.И. Историческая хроника Морского корпуса. 1701-1925. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. С. 62.
[1147] Кук Дж. Путешествия и странствия по Российской империи, Татарии и части Персидского царства // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны и иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 408.
[1148] О заколотии кадета Петра Линдемана лейб-гвардии Измайловского полка сержантом Зейтцом. 1746-47 // РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 2068.
[1149] Берк К.Р. Путевые заметки о России // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны и иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 228.
[1150] РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 74. Ч. 1. Л. 64.

корпуса начались жесточайшие побоища между морскими и сухопутными кадетами[1151]. «На ножах» питомцы Сухопутного шляхетного корпуса были и с учениками Артиллерийской и инженерной школы, дразнившими их «красной говядиной»[1152]. В царствование Екатерины II «продерзости» были постепенно истреблены, драки прекратились. Поскольку Сухопутный корпус и другие учебные заведения играли роль университетов и акцент на предназначении воспитанников к военной службе до 1790-х гг. не делался, почвы для распространения показного молодечества не было, и кадеты вели себя весьма скромно.

В первой половине XIX в., по мере распространения в военной школе репрессивной политики, культ нарочитой грубости и показного молодечества был возрожден и сумел получить широкое распространение практически во всех военно-учебных заведениях Российской империи.

Главным фактором возникновения грубости нравов была ответная реакция на репрессивно-казарменные методы воспитания. «Во всяком случае можно считать, что Клингер – если не основал, то усилил… грубость в кадетских нравах…»[1153], – отмечал бывший кадет 1-го корпуса В.М. Жемчужников. В Морском корпусе грубость нравов возникла в самом конце XVIII в., когда вместо отошедшего от дел И.Л. Голенищева-Кутузова заведением фактически управлял жестокий Н.С. Федоров. Репрессии ожесточили будущих моряков, среди них большое распространение получили драки «стенка на стенку». Грубость начальства и репрессивная воспитательная политика, последствия которых были многократно усилены почти полной изоляцией кадет от внешней среды,[1154] привели к возник-

[1151] О драке кадет Шляхетного корпуса с морскими кадетами. 1754 // РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 2625; О происшедшей в новой слободке между кадетами и морскими кадетами ссоре и драке. 1754 // РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 2695.
[1152] Мелентьев В.Д. Кутузов в Петербурге. Л.: Лениздат, 1986. С. 11.
[1153] Записки В.М. Жемчужникова. Из посмертных бумаг // Вестник Европы. 1899. № 2. С. 641.
[1154] Если в последней трети XVIII в. кадет изолировали от окружающего мира для того, чтобы царившие в нем косность и грубость не мешали развитию «новой породы людей», то в первой половине XIX в. корпусные стены должны были служить плотиной против вольнодумных идей. Радикально была изменена и образовательная среда: так, в 1-м корпусе были закрыты музей и библиотека, запрещено чтение посторонних книг, опытные учителя заменены малоразвитыми офицерами из строя (см.: Буковская Т.И. Кадетские корпуса: история, этапы становления и развития военного образования в России: дис… канд. ист. наук. СПб., 2003. С. 46-47).

новению протеста против официальных порядков. Он был облечен в форму специфического кадетского нигилизма – «закальство»[1155].

«Закалы», «старые кадеты», «коренные кадеты», «старикашки», «отчаянные» – все эти термины обозначали кадет старшей роты или великовозрастных второ- и третьегодников, которые забрасывали учебу, открыто бросали вызов официальным правилам поведения, не признавали общепринятой морали и жили по собственному «кодексу», в основу которого были положены преклонение перед физической силой, ненависть к начальству, показное безразличие к собственной судьбе, нарочитая грубость и цинизм.

«Старый кадет» должен был отвечать целому ряду требований. Настоящий «закал» должен был пользоваться непререкаемым авторитетом в кадетской массе, отличаться недюжинной физической силой и, кроме того, «быть до того огрубелым и очерствелым существом, чтобы ни слова, ни розги не могли выжать из него слезинки». Телесное наказание, позорное с точки зрения воспитателей, в кадетской среде считалось испытанием на прочность, которое нужно было с честью преодолеть. В 1-м кадетском корпусе даже в 1860-е гг. кадет, не высеченный ни разу, не имел права называться кадетом; его именовали «воспитанником»[1156]. Внешний вид «закалов» отличался оригинальностью. В.Г. фон Бооль, служивший в 1-м кадетском корпусе, дал следующее описание: «Идет сильно стуча каблуками, обшлага на рукавах отворочены, нижняя пуговица куртки расстегнута, смотрит на всех, особенно на начальство, зверем, если скажет что-нибудь, то непременно густым басом»[1157]. М.Я. Ольшевскому, бывшему кадету этого же корпуса, бросилось в глаза полное пренебрежение закалов к своему внешнему виду: «Куртка и брюки запачканные, а иной раз и разорванные, крючки на воротнике и несколько пуговиц на борту не застегнуты, сапоги не чищенные, волосы взъерошенные, руки исцарапанные с грязными ногтями, кулаки сжатые, физиономия

[1155] «Закалами» первоначально, по-видимому, именовали кадет, «закаленных» телесными наказаниями и способных переносить их без каких-либо внешних проявлений страданий.
[1156] РГВИА. Ф. 267. Оп. 1. Д. 2. Л. 115.
[1157] Михайлов А. Жизнь под барабан // Родина. 2003. № 1. С. 77.

мрачная, а иной раз и подбитая»[1158]. «Старые кадеты» 2-го кадетского и Морского корпусов были, напротив, не истерзанными оборванцами, а франтами: они ходили в очень широких расстегнутых куртках, брюках-клеш и сапогах с очень высокими каблуками.

Стремление к нарушению официальных порядков сообщало «старым кадетам» страсть к разгулу. Они курили и жевали табак, пили водку (часто до бесчувствия), бравировали тем, что приносили спиртное из отпуска и напивались прямо в корпусе, играли в карты и иные азартные игры. Хорошим тоном также считалось посещение публичных домов; кадеты, переболевшие венерическими болезнями, считались подлинными знатоками женщин. «Закалы» изо всех сил стремились доказать товарищам свою испорченность, развращенность до мозга костей: «некоторые… притворялись, что водка для них стала необходимостью и от этого притворства становились затем настоящими пьяницами»[1159]. Среди «закалов» были популярны порнографические стихотворения Баркова и Пушкина; демонстрация нежных чувств по отношению к женщинам и проявление любви к матери и сестрам считались недопустимыми и подвергались осмеянию.

«Закал» должен был быть, при всей своей напускной внешней неуклюжести, физически сильным и ловким. Поэтому гимнастические упражнения и фронтовые занятия были любимыми занятиями «старых кадет». Весьма любопытная деталь: на протяжении нескольких десятилетий считалось, что «закал» должен иметь кривые ноги, но не сходившиеся в коленях, а, напротив, «колесом». Первые кадеты с колесообразными ногами появились в корпусах в начале XIX в., когда постоянное ношение кожаных краг в сочетании с недостатком кальция в ослабленном вследствие скудости и однообразия пищи организме приводило к искривлению костей ног у многих воспитанников. По мнению бывшего кадета Морского корпуса А. С. Зеленого, кривоногий, раскачивающийся при ходьбе, подобно маятнику, кадет приводил товарищей в восхищение тем, что был похож на «старого казака-кавалериста, выросшего с детства на коне и в бою, а казаки вообще счита-

[1158] Ольшевский М.Я. Первый кадетский корпус в 1826-1833. Воспоминания генерала от инфантерии М.Я. Ольшевского // Русская старина. 1886. № 1. С. 72-73.
[1159] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1740. Л. 48.

лись у нас образцами удали и молодечества»[1160]. В корпусах возникла мода на «колесоногость». Чтобы достичь желаемого результата, многие кадеты во время посещения бани специально распаривали колени и зажимали между ними деревянную шайку.

«Коренные» гордились своим пренебрежительным отношением к дисциплине и отваживались бросить вызов не только офицерам, но и директору корпуса. Учителя побаивались «закалов» и избегали конфликтов с ними, поэтому во время уроков «старые кадеты» могли спать (часто – под лавками или на задних скамьях на шинелях), играть в азартные игры, есть и даже употреблять спиртное. Неподдельная любовь к строевым занятиям и впечатляющие успехи обеспечивали им некоторые послабления со стороны ротных командиров и директора; некоторые «закалы» даже получали унтер-офицерские звания. В Морском корпусе, где строевые упражнения считались постыдным занятием, старикашки стремились отличиться во время прохождения практики на судах. Поскольку «закалы» могли повлиять на исход смотра (от их воли зависело поведение всех кадет), начальство было вынуждено считаться с их требованиями и часто шло на уступки.

Влияние «старых кадет» на товарищей было деструктивным. «Закалы» организовывали травлю тех, кто стремился хорошо учиться, слушался офицеров и учителей. Они не гнушались грабить младших, облагать их данью в виде съестного, табака, денег, заставляли приносить вино и водку. Тем не менее благодаря своему независимому поведению по отношению к начальству, которое было ненавистно большинству воспитанников, и определенному негативному обаянию «закалы» пользовались большим авторитетом в кадетской среде, считались образцом военного человека, им стремились подражать многие.

В большинстве военно-учебных заведений «закалы» были весьма многочисленны. Укреплению их авторитета, достигнутого за счет упорной многолетней борьбы с начальством, способствовало то, что они часто принимали на себя ответственность за проступки, совершенные другими воспитанниками. Начальство не знало, как бороться со «старокадетчиной», развращавшей детей героизацией

[1160] Воспоминания о Морском кадетском корпусе. А.С. Зеленый // Исторический вестник. 1901. № 2. С. 610.

хамства, грубости, лени и всевозможных пороков: чем чаще пускались в ход розги, тем более популярными становились кривые ноги и широкие куртки. Лишь в середине XIX в. пришло осознание того, что «старокадетство» может быть ликвидировано с помощью сердечного обращения с кадетами, вежливости и терпения. Смягчение нравов привело к тому, что «закалы» быстро превратились из героев-мучеников в жалкие и смешные осколки прежней репрессивной эпохи. Там же, где «закальство» сохранилось, в начале 1860-х гг. произошли массовые беспорядки, и эти события стали очередным свидетельством острой необходимости изменить принципы воспитательной работы, что и было сделано в милютинских военных гимназиях.

Традиция показного молодечества возникла в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в первые годы существования этого заведения. В отличие корпусной «старокадетчины», являвшейся последствием репрессивного режима, «кутильная закваска» «Славной школы» была одновременно формой заполнения досуга «золотой молодежи» и средством единения с кавалерийскими традициями. Один из выпускников Школы писал: «…офицерство (особенно гвардейских кавалерийских полков), пользуясь еще большим кредитом, или расчетом на богатые наследства, кутило в хвост и в гриву; а учащаяся военная молодежь, будучи свидетельницей разухабистой жизни своих старших братьев, или зная о ней понаслышке, конечно, старалась подражать им…»[1161]

В какой-то степени юнкерские кутежи можно считать своеобразным проявлением стремления к свободе и независимости. По мнению Ю.М. Лотмана, в начале XIX в. возник тип разгульного поведения, который представлял собой специфический вариант вольномыслия. Гуляка-романтик упивался своей свободой, наслаждался презрением к любым сдерживающим рамкам. Пределом мечтаний было совершение какого-либо неслыханного по своей дерзости поступка, который поверг бы общество в состояние шока[1162]. Подобные «подвиги» совершали,

[1161] Ореус И.И. Школа гвардейских подпрапорщиков и юнкеров в воспоминаниях одного из ее воспитанников. 1845-1849 гг. // Русская старина. 1884. № 1. С. 213.
[1162] Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.). СПб.: Искусство-СПб, 1994. С. 493.

например, Курагин, Долохов – персонажи романа Л.Н. Толстого «Война и мир» – и их товарищи-конногвардейцы.

В соответствии с этими целевыми установками идеалом будущих офицеров кавалерии был не вялый и хмурый кривоногий неряха, а лихой, бесшабашный кутила – любимец товарищей и дам. Традиция кутежей – так называемая «закваска кутильного направления» – в Школе возникла еще при ее первом командире П.П. Годейне, не интересовавшемся жизнью подчиненной ему «золотой молодежи», поступавшей в заведение из полков и привыкшей там к веселому времяпрепровождению. Приготовление жженки, игра в карты, посещение ресторанов, цыган и «веселых» домов были излюбленными занятиями юнкеров. Начальство снисходительно относилось к подобному времяпрепровождению. Многие питомцы Школы проживали на съемных квартирах, вдали от начальства, и часто устраивали пьяные оргии. Огрублению нравов способствовала и специфика подготовки кавалеристов: «…маршировка, манежная езда, до окровавления некоторых частей тела, отбили охоту от всякой литературы; склонности и вкусы направились к запрещенному курению трубки, а в недалеком будущем – к бутылке ликера или доппель-кюммеля и pate-froid, приносимым услужливыми унтер-офицерами»[1163].

Настоящий юнкер-кавалерист должен был быть не только гулякой, но и забиякой: «Подгуляв как следует, расходившиеся юноши нередко отправлялись доканчивать ночь в другие веселые места. К числу подобных веселых мест принадлежали и так называемые танцклассы, где собиралось общество обоего пола для упражнений в хореографическом искусстве. Что уже это было за общество – можно себе легко представить! Наша военная молодежь наезжала туда не столько для забавы, сколько для скандала, и одно из главных ея наслаждений состояло в том, чтобы затеять побоище с мирными гражданами и изгнать их из танцевальной залы; это тоже входило в кодекс молодецких приемов Давыдовского гусарства»[1164].

[1163] Бобарыкин В.В. Три встречи с М.Ю. Лермонтовым // Русский библиофил. 1915. № 5. С. 73.
[1164] Ореус И.И. Школа гвардейских подпрапорщиков и юнкеров в воспоминаниях одного из ее воспитанников. 1845-1849 гг. // Русская старина. 1884. №2. С. 442.

Сменивший Годейна в 1831 г. К.А. Шлиппенбах взял юнкеров и подпрапорщиков в ежовые рукавицы, однако покончить с дурным направлением обучающихся он оказался не в силах: «дух разгула и кутежа» господствовал среди них и тогда, когда в Школе учился Лермонтов. Юнкера, возвращаясь из отпуска, приносили с собой вино, а однажды пьяная компания, которой предводительствовал будущий фельдмаршал Барятинский, во время кутежа перебила окна в ресторане[1165]. К концу директорства Шлиппенбаха, когда он охладел к вопросам воспитания и увлекся картами, «кутильная закваска» вновь дала о себе знать в полной силе. Пришедший на смену Шлиппенбаху А.Н. Сутгоф, остававшийся на посту командира Школы в течение 20 лет, благоволил к воспитанникам с громкими фамилиями, поддерживая тем самым их наклонность к развлечениям и пьянству[1166].

С первых же лет существования в Школе в ней зародилась и традиция пренебрежительного отношения к наукам, также приобретшая характер молодечества.

Традиция показного молодечества и разгула нашла достаточно широкое распространение и среди кадет старших классов, не обязательно являвшихся «закалами». Старшеклассники, желая показать всем, что не уважают свое начальство и не считают нужным следовать официальным правилам поведения, демонстративно нарушали запреты. Например, кадеты одного из корпусов любили кутить в достаточно престижном ресторане, куда часто заходили корпусные офицеры. В попойках участвовали даже те, кто питал отвращение к спиртному. Игра, по мнению участников этих своеобразных акций протеста, стоила свеч: «Своей смелой оппозицией мы поддерживали дух в подавляемых младших товарищах, давали им пример, как можно держаться на своих ногах, несмотря на гнет, и тем спасали в них, да и в себе, остатки человеческой личности, остатки свободной воли...»[1167]

В военных гимназиях традиция «закальства» в целом была искоренена в течение двух-трех лет (неисправимые «закалы» были выписаны юнкерами в армию,

---

[1165] Автобиографическая записка С.М. Сухотина // Русский архив. 1894. № 9. С. 76; Колокольцов, Д.Г. Лейб-гвардии Преображенский полк в воспоминаниях его старого офицера с 1831 по 1846 г. // Русская старина. 1883. № 5. С. 285.

[1166] Воспоминания старинного офицера лейб-гвардии Волынского полка В.П. Юрлова // Русский архив. 1909. № 5. С. 7.

[1167] Востоков. Из воспоминаний бывшего кадета // Русская мысль. 1883. Кн.1. № 1. С. 185-186.

влияние прочих было уменьшено с помощью продуктивного заполнения досуга, предоставления права на отпуск в более широком размере и т.п.), однако ее рецидивы время от времени случались[1168]. Предания о молодецких выходках прежних «закалов» долго сохранялись в памяти воспитанников, поэтому малейшие ошибки в организации учебно-воспитательной работы приводили к формированию «старокадетских замашек и убеждений»[1169] и влекли за собой угрозу возрождения культа грубости и молодечества. Удаль демонстрировалась не пьянством и рассказами о любовных похождениях, а смелыми выходками (например, лазанием по карнизам, водосточным трубам и т.п.). Быстро справились с «закалами» и в военных училищах[1170].

Но уже к концу 1860-х гг. в военных гимназиях появился аналог «старокадетства» – «ухарство». Гимназист-«ухарь», как и закал, щеголял перед товарищами своим безобразным поведением, стойко переносил наказания, кичился снятием с него погон, зачастую добиваясь исключения или перевода в юнкера[1171]. В 1873 г. во Владимирской-Киевской военной гимназии было зафиксировано несколько случаев кутежей; по итогам расследования выяснилось, что подобные проступки регулярно совершаются уже в течение нескольких лет и стали традицией. По мнению одного из педагогов, эту традицию нельзя было отождествить со «старокадетством», и вина за ее возникновение падала не на заведение, а на родственников гимназистов, рано знакомивших их со спиртными напитками[1172]. Настоящий ренессанс «старокадетства» в военных гимназиях произошел в конце 1870-х гг., когда учебно-воспитательная работа пришла в упадок. А.И. Куприн, учившийся в 3-й Московской военной гимназии, в повести «На переломе (Кадеты)» дал описание «отчаянных» кадет, по внешнему виду мало чем отличавшихся от «закалов»: «Панталоны и пиджак… разорваны в лохмотья, сапоги с рыжими задниками, нечищеные пуговицы позеленели от грязи… Чесать волосы и мыть руки считалось

[1168] Циркуляр по военно-учебным заведениям. 24 сентября 1872 г. № 8.
[1169] Материалы, извлеченные из отчетов военных гимназий за 1867 год (Из дел учебного отделения). VIII. Состояние воспитательной работы в военных гимназиях // Педагогический сборник. 1868. № 10. Ч. офиц. С. 722.
[1170] Извлечение из журналов заседаний Педагогического комитета Павловского 1-го военного училища 6 ноября и 30 декабря 1863 г. // Педагогический сборник. 1864. № 1. Ч. офиц. С. 10-11.
[1171] Бунаков Н. Заметки об условиях воспитания в военных гимназиях // Педагогический сборник. 1870. № 5. С. 477-478.
[1172] РГВИА. Ф. 725. Оп. 11. Д. 195. Л. 9 об. – 10.

между отчаянными лишней, пожалуй даже вредной, роскошью, «бабством», как они говорили…»[1173] Поведение «отчаянных» было таким же, как у «закалов»: они пренебрегали учебой, издевались над товарищами и демонстративно нарушали порядки заведения.

В военных и юнкерских училищах хорошим тоном считалось демонстрировать пренебрежение к наукам, но при этом получать хорошие баллы. В отличие от «закалов», «ухарей» и «отчаянных», бравировавших своим действительным незнанием, юнкера лишь делали вид, что ничего не учат: «…каждый говорил, что он еще книгу и не открывал, хотя мы знали, что заявлявший уже несколько раз проучил заданное, так как все были друг у друга на виду»[1174]. Молодечество юнкеров нашло выражение в пренебрежительном отношении к штатским, которые презирались, унижались, а при первой же возможности – и избивались. Сохранялась и «кутильная закваска».

В восстановленных кадетских корпусах место «отчаянных» заняли физически развитые второгодники, которые носили длинные широкие брюки и широкие куртки, надевали шапки набекрень, смотрели на всех исподлобья и говорили басом. Пережитком традиции «закальства» в Морском училище являлся обычай мыться в бане, зажав между ногами шайку, чтобы искривить их[1175]. По данным Е.В. Голощаповой, таких кадет – прямых потомков «закалов» – называли «дядями»[1176]. В Одесском корпусе, открытом в 1899 г., они именовались «силачами». «Дяди» и «силачи» пьянствовали, сквернословили, рассказывали похабные анекдоты, постоянно устраивали драки между собой с целью установить иерархию по силе, облагали натуральными и денежными податями младших воспитанников. Силачи быстро сумели внушить к себе уважение кадетской массы, беспрекословно им повиновавшейся. Усилиями подобных воспитанников были возрождены все дурные традиции, прежде всего негативное отношение к начальству и педагогам.

[1173] Куприн А.И. На переломе (Кадеты) // Куприн А.И. Избранные произведения. М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1952. С. 267.
[1174] Воспоминания полковника М.А. Куятова // ГАРФ. Ф. Р-6797. Оп. 1. Д. 41. Л. 9 об.
[1175] Пилкин В.К. Морской корпус сто лет тому назад (По рассказам и воспоминаниям отцов и дедов) // Морской журнал. 1938. № 130-131 (10-11). С. 13.
[1176] Голощапова Е.В. Духовно-нравственное воспитание в кадетских корпусах России во второй половине XIX – начале XX века. Ульяновск: Вектор-С, 2009. С. 223.

Нарочитая грубость (ее по аналогии с традицией николаевских корпусов именовали «закальничеством») проявлялась в шумном хождении строем, скверном поведении за столом, шалостях на уроках, громком и нахальном поведении в свободное время и браваде тем, что можно делать все, что захочется.

Главными формами демонстрации удали являлись употребление спиртных напитков, пирушки в ресторанах, лихая езда по городским улицам в нанятых экипажах (иногда целыми кавалькадами), стычки и драки со сверстниками, учившимися в гражданской средней и высшей школе. Стычки с реалистами и гимназистами («шпаками») на почве ухаживаний за девушками или случайных недоразумений иногда принимали характер массовых столкновений (так, в 1915 г. 150 кадет Владикавказского корпуса избили гимназистов на городском треке и сбросили их в пруд[1177]).

В начале XX в. большое развитие получила традиция украшения кадетами формы. Так, в Суворовском корпусе кадеты на сэкономленные деньги, высылаемые из дома, заводили «…штрипки к штанам, высоченные воротники на парадном мундире, иногда даже с кованым галуном, золоченые бляхи и, как редкое, особое достижение – собственные модные ботинки»[1178]. У кадет Морского корпуса особым шиком считалось иметь собственный длинный, как у кирасира, палаш в стальных ножнах, вместо казенного, короткого, который выглядел не очень эффектно.

Традиция показного молодечества в начале XX в. сохранилась и в военных училищах. Будущий офицер во всем старался походить на «юнкера «доброго старого времени» – развратного и кутилу»[1179]. Князь В.С. Трубецкой – выпускник Николаевского кавалерийского училища – писал: «Интересоваться науками вообще считалось в училище своего рода дурным тоном. Гульнуть же с хорошей бабенкой, кутнуть в веселой компании, а при случае смазать по роже штатского ин-

[1177] РГВИА. Ф. 725. Оп. 49. Д. 884. Л. 18. Фактором ухудшения отношений было то, что многие бывшие гимназисты, став прапорщиками военного времени, начали делать замечания кадетам за неотдание чести (Там же. Л. 8).
[1178] Суражевский Э.Н. Суворовский кадетский корпус (Памятка 1899-1949). Мюнхен, 1949. С. 28.
[1179] Лессеко Н.М. Дневник юнкера. Кутаис, 1912. С. 43.

теллигента или же подцепить болезнь, про которую громко в обществе не говорят, – вот это были стоящие дела – куда интереснее всяких наук»[1180].

Таким образом, можно прийти к следующим выводам. Убежденность учащихся военно-учебных заведений в том, что офицер должен демонстрировать такие качества, как лихость, отчаянность и бесстрашие, в сочетании с репрессивной образовательной политикой и достаточно сильным влиянием армейских традиций (в первую очередь кавалерийских), в 1-й половине XIX в. привела к созданию традиции «закальства» в кадетских корпусах и «кутильной закваски» в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Тесно связанные с традицией негативного отношения к начальству и порядкам заведения, эти традиции шли вразрез с официальной линией воспитания (хотя «кутильная закваска» пользовалась известным покровительством начальников «Славной гвардейской школы»). И если обычаи кутежей были относительно безобидными и не являлись серьезным препятствием для учебной работы, то «закальство», разросшееся вследствие своей популярности до эпидемических масштабов, приняло настолько уродливые формы, что практически полностью парализовало все усилия воспитателей и преподавателей поднять учебно-воспитательное дело на должную высоту. В военных гимназиях традиция «закальства» была ликвидирована, однако рецидивы «старокадетчины» случались и в военных гимназиях в последние годы их существования, и в пореформенных кадетских корпусах. К концу XIX в. в некоторых корпусах традиция «закальства» была восстановлена в полной мере – с той лишь разницей, что под влиянием кавалерийских традиций рваные грязные мундиры и нечищеные сапоги уступили место щегольской неформенной одежде. В Николаевском кавалерийском училище традиция кутежей, хотя и в более цивилизованном, чем прежде, виде, сохранялась на всем протяжении существования заведения. В военных и специальных училищах единственным проявлением молодечества было стремление покрасоваться в отпуску собственной красивой неформенной одеждой.

[1180] Трубецкой В.С. Записки кирасира. М., 1993. С. 81.

5.4. «Цук» и иные формы неуставных отношений в военно-учебных заведениях

И «цук», и иные формы неуставных отношений были присущи практически всем кадетским корпусам и военным училищам. Логика выстраивания межличностных связей между мальчиками, подростками и юношами, вынужденными в течение нескольких лет жить бок о бок в закрытом пространстве, приводила к созданию неформальной иерархии, которая вследствие влияния на нее военной среды (критерии выделения лидеров и авторитетов, ценностные приоритеты, терминология) становилась компонентом неофициальной воинской культуры. Классический «цук» в Николаевском кавалерийском училище представлял собой строго регламентированные неуставные отношения между юнкерами старшего и младшего курсов, целью которых была выработка у вновь поступивших в училище юнкеров знаний и навыков, необходимых кавалерийскому офицеру. Кавалерийский «цук», серьезный по содержанию, был облечен в остроумную, юмористическую форму с легким оттенком издевки. В Пажеском корпусе и кадетских корпусах «цук» представлял собой откровенное издевательство старших воспитанников над младшими, связанное с применением физического и психического насилия.

Слово «цук» немецкого происхождения и характеризует поведение лошади («вздрагивание») при резком натягивании повода. В представлении юнкеров и кадет родиной «цука» и создателем его эталонных форм являлось Николаевское кавалерийское училище – «Славная гвардейская школа», как его именовали сами юнкера. Согласно преданиям Школы, «цук» и его атрибутика были придуманы самым известным из ее выпускников – М.Ю. Лермонтовым, учившимся в ней в 1832-34 гг. Однако анализ источников свидетельствует о том, что подчинение младших воспитанников старшим, так или иначе сопряженное с издевательством, появилось в кадетских корпусах задолго до основания Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Можно предположить, что традиция угнетения младших кадет старшими возникла в Морском корпусе в конце XVIII в., когда его фактическим руководи-

телем был ограниченный и жестокий капитан I ранга Н.С. Федоров. Грубость нравов и палочный режим породили уродливые формы обращения старших воспитанников с младшими. Гардемарины и старшие в каморах, подчинив себе кадет, «употребляли последних в услугу как сущих своих дворовых людей». Жизнь младших, по свидетельству В.И. Штейнгеля, была безотрадна: «Я сам, бывши кадетом, подавал старшему умываться, снимал сапоги, чистил платье, перестилал постель и помыкался на посылках с записочками, иногда в зимнюю ночь босиком по галерее бежишь и не оглядываешься. Боже избави ослушаться! – прибьют до полусмерти. Зато какая радость, какое счастье, когда произведут, бывало, в гардемарины; тогда из крепостных становишься уже сам барином, и все повинуются»[1181]. Со своей стороны, гардемарины оберегали подвластных им кадет от притеснений со стороны других гардемарин. Младшие гардемарины подчинялись старшим гардемаринам.

В сухопутных кадетских корпусах традиция подчинения младших воспитанников старшим зародилась в начале XIX в. вследствие ужесточения режима и возникновения грубости нравов и противодействия кадет начальству. Например, во 2-м кадетском корпусе она была связана с обучением новичков правилам поведения, принятым в кадетской среде. Эта традиция была жестко регламентирована; в частности, «наблюдалась справедливость, состоящая в том, чтобы маленькие кадеты обучали маленьких новичков, средние – средних и большие – больших»[1182]. Целью обучения и подчинения было сплочение кадет в одну корпорацию, противостоящую педагогам.

В 1820-е гг. носителями традиции подчинения младших воспитанников старшим стали «старые кадеты», или «закалы». Именно «закалы» более всего помыкали своими младшими товарищами, ставя их много ниже себя и подвергая всяческим издевательствам: давали обидные прозвища, отбирали деньги и домашние гостинцы, требовали приносить из дома папирос, заставляли рассказывать на ночь сказки, возить на закорках в уборную; наконец, били и измывались

[1181] Штейнгель В.И. Сочинения и письма. Т. 1. Записки и письма. Иркутск, 1985. С. 94-95.
[1182] Записки генерал-майора Н. В. Вохина // Русская старина. 1891. № 3. С. 558.

при всяком удобном случае. Все моральные правила, действовавшие в начале XIX в., утратили силу, и «старые кадеты» могли беспрепятственно бить младших и присваивать их вещи. Один из выпускников 2-го кадетского корпуса вспоминал: «Я был свидетелем одной безобразной сцены: по ротному коридору шел возвратившийся из отпуска воспитанник… рядом с воспитанником шла его мать; вдруг какой-то сорванец подбегает к нему, ударом кулака сбивает с него кивер, хватает лежавшие в нем гостинцы – и был таков!»[1183]

Угнетение «закалами» новичков, младших и слабосильных воспитанников представляло собой откровенное издевательство, сопряженное с глумлением и вымогательством. Младших изводили для того, чтобы потешить самолюбие, получить деньги, ценные вещи, папиросы, сладости и т.д. Никаких границ произвол «закалов» не знал.

Порой «подтяжка» приобретала бесстыдно-циничные формы и превращалась в целенаправленное растаптывание личности младших и слабейших. Так, в Пажеском корпусе традиция подчинения младших старшим, называвшаяся «цирком», представляла собой глумление пажей, учившихся в первом (старшем) классе, над младшими воспитанниками. П.А. Кропоткин, учившийся в Пажеском корпусе в 1857-1862 гг., в своих воспоминаниях писал о том, что за год до поступления его в заведение излюбленная забава пажей-старшеклассников «заключалась в том, что они собирали ночью новичков в одну комнату и гоняли их в ночных сорочках по кругу, как лошадей в цирке (отсюда, видимо, пошло и название традиции – «цирк» – А.Г.). Одни камер-пажи стояли в круге, другие – вне его и гуттаперчевыми хлыстами беспощадно стегали мальчиков. «Цирк» обыкновенно заканчивался отвратительной оргией на восточный лад»[1184]. В 1-м кадетском корпусе первоклассников принуждали пить чернила. В Главном инженерном училище младшим воспитанникам («рябцам») отбивали руки тяжелыми деревянными линейками до тех пор, пока они не синели и опухали. Те, кто прошел через подобные издевательства, вымещали свою злость на вновь поступивших; таким обра-

[1183] М. Л. Несколько заметок о Втором кадетском корпусе // Военный сборник. 1862. № 4. С. 399.
[1184] Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Московский рабочий, 1988. С. 107.

зом, порочный круг замыкался, и отвратительная традиция передавалась от одного поколения кадет другому. Надо отметить, что в возникших в николаевскую эпоху губернских корпусах отношения между старшими и младшими воспитанниками, как правило, были свободны от притеснений и издевательств.

Что же касается Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, то в ней в первые годы ее существования отношения между старшими и младшими юнкерами были ближе к угнетению «закалами» малышей, чем к классическому кавалерийскому «цуку». Причинами возникновения традиции помыкания новичками в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров были, таким образом, убогая духовная атмосфера в этом учебном заведении (культ жженки, презрение к наукам, ненависть ко всему невоенному) и желание воспитать вновь поступивших в Школу юнкеров на традициях «давыдовского гусарства», вытравив из молодых людей все то, что не соответствовало идеалу лихого рубаки-кавалериста.

После того, как в 1830-е гг. порядки в училище были практически унифицированы с порядками кадетских корпусов, положение новичков усугубилось. В Школу стали поступать не взрослые молодые люди, а 13-15 летние подростки; срок обучения был увеличен до 4 лет[1185]. Новички, поступившие в четвертый класс, были абсолютно бесправны; те, кто перешел в третий класс, получали право их умеренного притеснения; второй класс уже принимал относительно новичков начальнический тон; наконец, воспитанники 1-го класса могли распоряжаться личностью и собственностью любого новичка по своему усмотрению. Обычай этот назывался не «цуком», а «приставанием к новичкам», и длился год (так же, как впоследствии «цук»).

В отличие от классического «цука», правила которого запрещали «корнетам» прикасаться к «зверям» даже пальцем и обогащаться за их счет, «приставание к новичкам» не регламентировалось никак. Будущих офицеров гвардии не только били за малейшую провинность – их приравнивали к шутам, которые были

[1185] Шкот П.П. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища, бывшей школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1823-1898. СПб., 1898. С. 52.

обязаны потешать публику. Высмеивались физические недостатки воспитанников, и «не было тех унизительных должностей, которых бы не исполняли эти крепостные дети из потомственных дворян, будущие защитники отечества, орлы русского царя»[1186]. Те из новичков, которые сумели выдержать все испытания и добраться до второго класса, сами превращались в тиранов и извергов, готовя себе достойную смену. Порочный круг замыкался.

Однако, как это ни парадоксально, обычай «приставания к новичкам» в глазах самих юнкеров не был лишен определенного педагогического значения. «Мы отделяли шалость, школьничество, шутку от предметов серьезных, когда затрагивалась честь, достоинство, звание, или наносилось личное оскорбление… В этом деле старые юнкера имели большое значение, направляя, или, как говорилось обыкновенно, вышколивая новичков, в числе которых были люди разных свойств и наклонностей. Тем или другим путем, но общество, или, иначе сказать, масса юнкеров достигала своей цели, переламывая натуры, попорченные домашним воспитанием…»[1187], – вспоминал окончивший Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в 1833 г. генерал от кавалерии И. В. Анненков.

Положение новичков улучшилось лишь зимой 1847 г., когда в Школе впервые со дня ее основания было предположено устроить несколько спектаклей силами воспитанников. Истязатели и истязуемые, участвуя в репетициях, несколько сблизились. Кроме того, времени для издевательств почти не осталось, и традиция «приставания к новичкам» пошла на убыль.

В других военно-учебных заведениях господство старших было свергнуто насильственным путем гораздо позже, на рубеже 1850-60-х гг. В 1-м кадетском корпусе, по свидетельству А.Н. Куропаткина, в начале 1860-х гг. несколько кадет второй роты (одним из которых был будущий военный министр) бросили вызов кадетам первой роты, и это привело к созданию противоборствующих группировок, конфликт между которыми принял чуть ли не вооруженный характер[1188].

[1186] Ореус, И.И. Школа гвардейских подпрапорщиков и юнкеров в воспоминаниях одного из ее воспитанников. 1845-1849 гг. // Русская старина.1884. № 1. С. 224.
[1187] Анненков И. В. Воспоминания генерал-адъютанта И. В. Анненкова // Наша старина. 1917. № 3. С. 37.
[1188] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1740. Л. 49-50.

В военных гимназиях приставание к новичкам поначалу отсутствовало – в первую очередь благодаря грамотной постановке учебно-воспитательной работы, продуктивному заполнению досуга гимназистов, а также изоляции старших воспитанников от младших. Кроме того, наиболее закоренелые «традиционеры» были исключены из заведений. Правда, рецидивы «старокадетства» время от время случались. Так, в декабре 1868 г. воспитанники 6 класса Полоцкой военной гимназии избили жгутами воспитанника 5 класса, нарушившего, по их мнению, традиции товарищества и обосновывавших расправу тем, что так было принято поступать в подобных случаях в прежних кадетских корпусах[1189]. Однако подобных случаев было немного. Лишь во 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии в начале 1870-х гг. новичков презрительно называли «колбасами», облагали данью и время от времени колотили, поэтому все «колбасы» стремились найти себе покровителей среди «старичков»[1190].

Возобновление традиции помыкания новичками относится к концу 1870-х гг., когда учебно-воспитательная работа в гимназиях пришла в упадок. Издевательства над новичками в 3-й Московской военной гимназии красочно описаны А.И. Куприным в повести «На переломе (Кадеты)».

Именно милютинская эпоха стала временем формирования традиции классического «цука» в Николаевском кавалерийском училище. На вопрос о том, когда сложилась его атрибутика, сложно дать однозначный ответ. Разумеется, создание всех обычаев, церемоний и ритуалов, с учетом их сложности и многочисленности, заняло не одно десятилетие. Первые упоминания о «цуке» или отдельных его элементах относятся к концу 1860-х гг. Начало же его оформления, по-видимому, падает на середину 1860-х гг.. Лишь начиная с 1864 г., когда курс Николаевского кавалерийского училища стал равен двум годам, стало гипотетически возможным деление на «корнетов» и «зверей» и начало оформление традиции «цука», включая и создание необходимой атрибутики. По-видимому, юнкера ста-

[1189] Полоцкий кадетский корпус. Исторический очерк 75-летия его существования. Составил В.П. Викентьев. Полоцк, 1910. С. 247-248.
[1190] Лыкошин Н. Во 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии. Из воспоминаний 1870-77 гг. // Кадет-михайловец. Литературный научно-популярный журнал 2-го кадетского Его Императорского Высочества великого князя Михаила Николаевича корпуса. № 7. 2 ноября 1910 г. С. 26.

ли считать основателем своих традиций Лермонтова лишь потому, что был одним из самых известных выпускников Школы и написал несколько стихотворений, посвященных юнкерской жизни. Кроме того, «майоры» (юнкера-второгодники), «полковники» (остававшиеся на второй год и в младшем, и в старшем классах) и «генералы от кавалерии» (второгодники, дважды отчисляемые в полк и проведшие в стенах Школы пять лет вместо положенных двух) могли появиться только после 1864 г. – в 1823-37 гг. в Школе нельзя было учиться больше трех лет. Добровольный переход новичка на «красное» положение, после которого он освобождался от «цука», запрет нанесения побоев и витиеватая остроумная атрибутика (перечень бессмысленных вопросов и традиционных «экзаменов», сдаваемых «корнетской комиссии») также могли появиться лишь в 1860-70-е гг., в эпоху смягчения нравов. Наконец, именование юнкеров старшего курса «корнетами», скорее всего, вошло в обиход после 1864 г., когда было установлено правило, что окончившие училище по 1-му разряду (таких было большинство) при выпуске в армейские кавалерийские полки производились в старшие корнеты, то есть получали один год старшинства в чине[1191]. Многочисленные обряды и табу возникали постепенно и окончательно сложились лишь к 1890-м гг. Тогда же были регламентированы и взаимоотношения «корнетов» и «зверей».

«Звери», согласно училищной мифологии, стояли неизмеримо ниже «благородных корнетов». Хотя их реальное положение было не таким уж плачевным – во всяком случае, абсолютно бесправными «звери» не являлись – фольклор «Славной школы» настойчиво, в форме, не лишенной известного изящества, подчеркивал приниженность юнкеров младшего курса, их зависимость от воли «корнетов». «Корнеты», «родившиеся из пены Дудергофского озера», считались офицерами, еще учась в Школе, «звери» же могли рассчитывать лишь на то, чтобы стать «штаб-трубачами через 75 лет службы при удачном производстве»[1192]. Кроме того, понятию «зверь» соответствовал ряд синонимов – от вполне безобидных «молодого» и «сугубца» до «скифа», «вандала», «сармата». Носитель этих эпите-

[1191] О приеме в сем 1869 году в военные училища. URL: www.mem6.com/2012/o-prieme-v-sem-1869-godu-v-voennye-uchilishha (дата обращения: 24.01.2014)
[1192] Марков А.Л. Кадеты и юнкера / А.Л. Марков. Кадеты и юнкера; В.Н. Никитин. Многострадальные. М.: Воениздат, 2001. С. 66.

тов, согласно училищной мифологии, имел соответствующий облик – неповоротливый, косматый, обросший и густой шерстью, и перьями одновременно, он тащил за собой длинный пушистый хвост.

Эта характеристика, разумеется, гротескна, но имеет под собой определенные основания. В 60-е гг. XIX в., в пору зарождения атрибутики «цука», военные гимназии, в которых отсутствовало обучение фронту, не обеспечивали своим выпускникам, поступавшим в Школу, должной выправки. Кроме того, пропускная способность военных гимназий в то время была невелика, поэтому значительная часть юнкеров поступала «со стороны», из гражданских учебных заведений (по училищной терминологии – «с вокзала»), и не только не знала, с какой стороны подойти к лошади, но и не имела ни малейшего представления о военной службе. В течение года всю эту разнородную и разношерстную массу, на первых порах действительно напоминавшую сбившихся в стадо неуклюжих животных, предстояло превратить в лихих кавалеристов. Усилий одних лишь офицеров было недостаточно, поэтому задачу обучения молодежи добровольно приняли на себя юнкера старшего курса. Дрессировка «зверей», которые должны были в конце концов приобрести человеческий облик, и составляла главную цель «цука». Вновь поступавшим в училище юнкерам вахмистр эскадрона объяснял, что «…юнкер должен быть подтянут, дисциплинирован и быть все время наготове: «Устал, хочется поспать, хочется сладенького – все это надо забыть»[1193]. Не выдрессированный должным образом «зверь», переходя на старший курс, вместо производства в «корнеты» приобретал постыдный статус «пассажира».

Эта дрессировка – приучение к дисциплине и к беспрекословному выполнению приказов, изучение во всех деталях полков российской конницы – производилась как в серьезной, так и в шуточной формах. Обучение строевому шагу, четкому представлению старшему осуществлялось по всем официальным правилам строевого устава. При входе корнета в помещение, в котором сидели «звери», последние вскакивали и стояли «смирно» до получения разрешения сесть. К каждому «зверю» в самом начале учебного года был прикреплен «дядька» из числа юн-

[1193] Танутров Г.Ф. Свет и тени Кавказа: От Тифлиса до Парижа. М.: Воениздат, 2000. С. 42.

керов старшего курса, который должен был обучать своего «племянника» всем премудростям училищной жизни. Он же был его защитником и покровителем. Однако это вовсе не спасало «зверя» от цукания других старшекурсников. Любой «корнет» по отношению к любому «зверю» был полновластным начальником. «Зверь» был обязан в любое время дня и ночи немедленно явиться по вызову «благородного корнета», отчетливо стать смирно и отвечать на любые вопросы, причем ответы были также регламентированы традициями и представляли собой длинные, витиеватые формулы, которые «зверь» должен был знать наизусть[1194].

С такой же серьезностью было организовано изучение русской кавалерии (так называемой «дислокации») – «звери» должны были вызубрить все, что касалось форм, стоянок и командиров кавалерийских полков, точно знать значение всех терминов, относившихся к лошади и амуниции. Проверка производилась «корнетами» не то что ежедневно – ежеминутно, а в конце года устраивались даже настоящие экзамены с комиссией, билетами и т.п. Необходимая физическая форма достигалась с помощью приседаний и вращений – первое упражнение развивало мышцы ног и позволяло уверенно держаться в седле, второе тренировало вестибулярный аппарат. Поскольку наказания за неотчетливый подход, ошибки в «дислокации» и другие недочеты заключались в первую очередь во вращениях и приседаниях, необходимый результат достигался очень быстро – вчерашний увалень становился ловким, подтянутым («отчетливым») строевиком и умелым наездником. Хорошие ездоки, учившиеся в младшем классе, от «цука» освобождались[1195]. Это же относилось и к тем, кто назубок знал «дислокацию»[1196].

Приучение же к соблюдению запретов выражалось в наличии «корнетских» лестниц, углов и проходов, которых «звери» не должны были «осквернять своими раздвоенными копытами», «корнетских» дверей, через которые они не могли проходить, и «корнетских» зеркал, в которые не имели права смотреться. Таким же было и воспитание в духе аккуратности – снятая на ночь одежда «зверя» должна

[1194] Марков А.Л. Кадеты и юнкера / А.Л. Марков. Кадеты и юнкера; В.Н. Никитин. Многострадальные. М.: Воениздат, 2001.С. 34; Танутров Г.Ф. Свет и тени Кавказа: От Тифлиса до Парижа. М.: Воениздат, 2000. С. 44.
[1195] Пегелау В.М. Воспоминания // Архив БФРЗ. Ф-1. Р-451. Л. 190.
[1196] Бульмеринг М.Е. Воспоминания // Архив БФРЗ. Ф. 1. Оп. 1. Е-32. Л. 12.

была сложена в виде квадратов, правильность формы которых корнеты во время ночных обходов проверяли с помощью особых рамок.

Все эти требования были строго регламентированы, и нарушать их не имели права не только «звери», но и «корнеты». Благородство последних внешне проявлялось в том, что они обращались к «сугубым» исключительно на «вы», без грубостей и ругательств. Ударить или хотя бы толкнуть «зверя», отнять у него деньги или какую-либо вещь было немыслимо. За соблюдением существовавших правил строго следил «Корнетский комитет», который выполнял роль суда чести, и виновный «корнет» мог подвергнуться разжалованию, а в случае совершения особенно циничного проступка – изгнанию из стен «Славной школы». Поэтому внешне «цук» выглядел достаточно благопристойно и не воспринимался как унижение. Откровенно издевательскими представлялись лишь перекочевавшие в училище из Школы подпрапорщиков «традиционные» вопросы о бессмертии души рябчика или о горизонте мусорной кучи, на которые полагалось давать столь же традиционные бессмысленные ответы, а также вопросы об «имени любимой женщины» (имелась в виду лошадь «корнета») и проч. Не возбранялось заставлять «зверей» рассказывать сказки, а также будить их среди ночи под разными предлогами и ездить на них верхом в уборную.

Традиции регламентировали и отношение юнкеров к учебе. Согласно училищному кодексу, будущему кавалеристу вовсе не полагалось быть ученым. Со страстью отдаваясь верховой езде и изучению иппологии, он должен был демонстрировать пренебрежение к прочим преподаваемым в училище наукам. Особой нелюбовью юнкеров пользовались «сугубые» (в данном контексте – «штатские») предметы, к которым принадлежали химия и механика. К ним никто не относился всерьез; в случае необходимости подготовиться учебник брался руками, на которые были надеты перчатки. Юнкера-второгодники «производились» в «майоры», «полковники» и «генералы». Следует отметить, что подобное пренебрежительное отношение к наукам, которое вело начало еще от лермонтовских времен, к концу XIX в. стало носить искусственный, напускной характер, и «зверям» «по секрету»

рекомендовали, внешне поддерживая традицию презрения к «сугубым» наукам (механике и химии), не манкировать учебой.

Подчиняться традициям было вовсе не обязательно – юнкера могли отказаться следовать им и жить «по уставу». Однако в этом случае они презрительно именовались «навозом», подвергались многочисленным взысканиям за незначительные нарушения формальных требований. Кроме того, доступ в лучшие полки был для них закрыт – офицеры-кавалеристы, сами бывшие питомцы «Славной школы», не желали принять в свою среду тех, кто не чтил традиций родного учебного заведения.

Польза умеренного «цука» признавалась многими – в первую очередь самими «зверями», которые через год после поступления становились отчетливыми «корнетами», а еще через год – лихими кавалерийскими офицерами. Училищный «цук», в отличие от «цука» корпусного, не был бессмысленным издевательством, он представлял собой стройную систему правил, основанную на принципе: «Только тот умеет приказывать, кто сам в свое время умел подчиняться»[1197]. А.С. Бразоль, поступивший в «Славную Школу» в 1912 г., так отзывался о «цуке»: «Пройдя год «зверем», я лично считаю, что цук необходим. За этот год из нас вырабатывали отчетливого юнкера, давали нам выправку, абсолютное повиновение старшему и любовь к военной службе»[1198]. Поэтому «цук», несмотря на упорную борьбу с ним главного начальника военно-учебных заведений великого князя Константина Константиновича и стоявших в разное время во главе Николаевского кавалерийского училища генералов П.А. Плеве и М.К. Марченко, не исчез, оставшись неотъемлемой принадлежностью училищной жизни и в эмиграции.

Традиция «цука», сложившаяся в Николаевском кавалерийском училище и почти полностью скопированная юнкерами Елизаветградского кавалерийского училища, была не единственным вариантом неуставных отношений между будущими кавалеристами. Так, в третьем кавалерийском училище – Тверском – «цук» приобрел уродливые формы и представлял собой простое издевательство. Следу-

[1197] Носович А.Л. Записки вахмистра Носовича. Париж, 1967. С. 4.
[1198] Бразоль А.С. Николаевское кавалерийское училище // Новый журнал. № 120. Нью-Йорк, 1975. С. 179.

ет отметить, что инициаторами «цука» в Тверском училище были выпускники гражданских средних учебных заведений, а направлен он был против кадет[1199].

Особый «цук» был и в Пажеском корпусе. Восстановление традиционной системы подчинения младших пажей камер-пажам началось в 1880-е гг. Основой пажеского «цука» стал «цук» Николаевского кавалерийского училища. Пажеский «цук», по сравнению с кавалерийским, был «несколько растворенным», то есть не так строго регламентированным. Пажи специальных классов так же, как и юнкера, делились на «корнетов» и «зверей», в помещении были выделены «корнетские» и «звериные» лестницы и коридоры, в саду появились соответствующие тропинки и даже в курилке была проведена «корнетская» черта. Однако смысл «цука» – воспитание образцового кавалериста – по вполне понятным причинам был утрачен, а традиционные правила поведения не возводились в ранг абсолюта. «Корнеты» не обучали «зверей» и не экзаменовали их. «Цук» представлял собой служебную «подтяжку», которая поначалу облекалась в юмористическую форму, а после усвоения основных правил, предъявляемых к пажу, приобретала чисто официальный характер.

Табу на произвол камер-пажей при этом не налагалось, и они могли вести себя как им заблагорассудится, оставаясь безнаказанными: ведь какого-либо подобия «Корнетского комитета» в стенах Пажеского корпуса не существовало. Поэтому «добродушное подтрунивание» быстро выродилось в «…тайную так называемую подтяжку, требовавшую в бесконтрольную минуту безмолвного повиновения и дававшую простор применению самой грубой силы и кулачного права»[1200]. Традиционные отношения между пажами старших классов, в отличие от отношений между юнкерами кавалерийских училищ, и в пореформенный период не были лишены элементов физического насилия. В этом пажеский «цук» смыкался с «цуком», существовавшим в то время в кадетских корпусах. Например, в 1885 г. пажами 7 класса был жестоко, до крови, избит паж 6 класса барон Корф 2-й, причем один из старших пажей, сын военного министра Ванновский, в исступ-

[1199] РГВИА. Ф. 725. Оп. 49. Д. 285. Л. 1 – 1 об.
[1200] РГВИА. Ф. 725. Оп. 23. Д. 259. Л. 8 – 8 об.

лении призывал товарищей заколоть Корфа штыком. Поводом к избиению послужило то, что Корф недостаточно быстро выполнил незаконный приказ одного из старших воспитанников, а затем позволил себе огрызнуться в ответ на вполне справедливое замечание[1201]. Кроме того, пажеский «цук» был лишен свойственного «кавалерийскому» «цуку» изящно закамуфлированного издевательского оттенка.

В военных и юнкерских пехотных училищах права, предоставленные фельдфебелю и отделенным портупей-юнкерам, позволяли добиваться необходимых результатов в рамках уставных отношений, но жизнь «по уставу» зачастую была тяжелее, чем самый изощренный «цук». Если «цук» и возникал, он носил чисто служебный характер и представлял собой усиленную муштру новичков при строевой подготовке, а также приучение их к воинской дисциплине силами юнкеров старшего курса. Неофициальная иерархия воспитанников в Павловском, Московском и других военных училищах была схожей с существовавшей в кавалерийских училищах, однако «подтяжка» не выходила за рамки служебных требований, и о какой-либо издевке не было и речи, хотя рвение некоторых «подпоручиков» со стороны могло восприниматься как издевательство. Вне служебных занятий юнкера младшего и старшего курсов могли общаться неформально, особенно в Московском военном училище. О патерналистских отношениях старших к младшим говорило и неофициальное наименование взводного старшего портупей-юнкера – «козерожий папаша». По мере того, как новички становились «заправскими» юнкерами, «цук» ослабевал, хотя наименование «козерогов» сохранялось за воспитанниками младшего курса до момента производства старшекурсников в офицеры. В Чугуевском пехотном юнкерском училище юнкера старшего курса назывались «соломонами», а младшего – «чижами», однако отношения между ними были ровными и ничем не напоминали «цук».

В специальных училищах – Михайловском и Константиновском артиллерийских и Николаевском инженерном – «цук» отсутствовал совсем, и в отноше-

[1201] Там же. Л. 2-3.

ниях между всеми юнкерами, как младшими, так и старшими, господствовали взаимная вежливость и предупредительность.

В пореформенных кадетских корпусах господство первой роты стало традиционным для многих кадетских корпусов. Судя по отзыву директора Орловского-Бахтина кадетского корпуса Н.Н. Светлицкого, он на протяжении 7 лет, с 1884 по 1891 гг., «боролся с глупейшими традициями какого-то подчинения младших классов старшим – и ни на чем не основанного права или домогательства старшего класса подчинять себе младшие классы и требовать к себе какого-то особого уважения»[1202]. Поначалу это доминирование имело определенную воспитательную роль – старшие кадеты «смотрели за порядком, за строем, охраняли слабых от сильных и проч.»[1203]. Корпусной «цук», в отличие от училищного, не имел каких-либо моральных ограничений и был сопряжен с моральным и физическим угнетением младших и слабейших воспитанников. Подлые кулачные расправы, когда несколько кадет набрасывались на одного и наносили ему жестокие побои, стали явлением обыкновенным.

В кадетских корпусах «цук» достиг апогея на рубеже XIX–XX вв., когда в них перекочевала его «кавалерийская» внешняя атрибутика (именование младших кадет «зверями», второгодников «майорами», бессмысленные вопросы, корнетский комитет («выпуск», «майорат») и др.). Однако характер корпусного «цука» остался прежним. Он, как и ранее, представлял собой ничем не регламентированное угнетение старшими и сильными младших и слабых. Лишь в Николаевском корпусе, тесно связанном с Николаевским училищем, «цук» был точной копией училищного и преследовал те же благие воспитательные цели[1204]. Подобные же группы «кавалеристов», практиковавшие «цук» «Славной школы», существовали и в других корпусах, например во 2-м[1205].

Постепенно сложились два варианта корпусного «цука» – «жесткий» и «мягкий». «Жесткий» «цук», господствовавший в Псковском, 2-м Московском и

[1202] РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 2570. Л. 29 об.
[1203] РГВИА. Ф. 725. Оп. 40. Д. 227. Л. 8.
[1204] Коровин В.М. Военное образование в Российской империи (середина XIX – начало XX в.): монография. Воронеж, 2009. С. 129.
[1205] Бельский В.Я. О родном корпусе. Сан-Франциско, 1971. С. 112-113.

Орловском-Бахтина кадетских корпусах, не знал никаких этических границ: старшие кадеты избивали младших, глумились над их религиозными чувствами, устраивали унизительные шванц-парады и даже склоняли к гомосексуальным отношениям[1206]. Непрекращавшееся изощренное насилие доводило младших кадет до отчаяния; некоторые, не выдержав побоев и глумления, пытались покончить с собой. «Мягкий» «цук» представлял собой форму разъяснения младшим воспитанникам правил поведения, принятых в кадетской среде. Наставления и внушения не обходились, однако, без рукоприкладства. Этот вариант «цука» имел определенную пользу: старшие кадеты бдительно следили за тем, чтобы младшие не занимались онанизмом, не курили и т.п. «Цукатели» старшего класса имели особые привилегии: право игры на бильярде, особые места за столом и даже в ватерклозете[1207], однако к каким-либо угнетениям и дискриминации это не приводило. «Мягкий цук» существовал в Суворовском, Одесском, Ярославском, 2-м кадетском корпусах, а в 1910-е гг. – и в Орловском-Бахтина корпусе.

В некоторых корпусах (Донском и Владикавказском) «цук» в конце XIX – начале XX в. отсутствовал совсем. Не было его и в Морском корпусе. Отношения старших воспитанников к младшим в этих заведениях отличались взаимным уважением и предупредительностью; кадеты старших классов отечески заботились о малышах и старались быть для них примером во всем.

Подводя итоги, следует сказать, что традиция подчинения младших воспитанников старшим существовала в различных формах и играла в жизни военно-учебных заведений неоднозначную роль. В 1-й половине XIX в. традиция «приставания к новичкам», зачастую принимавшая формы изощренного издевательства, превращала их жизнь в настоящий ад. Говорить о хотя бы минимальном положительном ее влиянии на кадет и юнкеров нельзя. Осмысленным и в определенном смысле полезным был лишь «цук», появившийся в 1860-е гг. в Николаевском кавалерийском училище. Он был строго регламентирован, не допускал откровенных издевательств и мучений, преследовал цель воспитания образцового кавале-

[1206] Н.К.М. Цук // Педагогический сборник. 1908. № 9. С. 203-207.
[1207] РГВИА. Ф. 725. Оп. 48. Д. 1259. Л. 57.

риста, искренне влюбленного в свое дело, знающего и почитающего славные традиции русской кавалерии. Юмористическая сторона «цука» была скорее забавна, чем оскорбительна, и вносила в жизнь юнкеров необходимую разрядку. Однако копирование «цука» кадетами приводило во многих случае к установлению жестокого помыкания старшими младших, лишь прикрытого атрибутикой осмысленной кавалерийской «подтяжки». Вместе с тем нельзя не признавать за «мягким» кадетским «цуком» определенной положительной роли.

5.5. Неофициальные церемонии и обряды

В ряду неофициальных кадетских и юнкерских традиций значительное место принадлежало неофициальным церемониям, обрядам и ритуалам. Являясь пародией на официальные церемонии, они носили шуточный, озорной характер и, сплачивая кадет и юнкеров, одновременно выполняли функцию психологической разрядки.

Наиболее распространенными неофициальными церемониями являлись тесно связанные друг с другом «похороны» и «парады». В Николаевском кавалерийском училище практиковались, кроме того, «корнетские обходы».

Возникновение традиции «похорон» объясняется тем, что к концу года напряженная учеба настолько надоедала юнкерам и кадетам, что они организовывали ритуал прощания с науками (в первую очередь второстепенными и нелюбимыми), а также с учебным начальством.

«Похороны» существовали в нескольких вариантах. В Николаевском кавалерийском училище ежегодно устраивали «похороны капонира» и «хоронили» инспектора классов. В Морском корпусе хоронился «сэр Наутикаль Альманах». Наиболее распространенным видом «похорон» в кадетских корпусах являлись «похороны химии».

«Похороны капонира» представляли собой торжественное сожжение учебников и конспектов по химии и механике в камине курилки. Похороны инспекто-

ра классов были гораздо более детализированной церемонией. Основателем этой традиции считался, разумеется, Лермонтов. Похороны устраивались ежегодно. Как правило, инспектор «умирал» сразу после окончания лекций, до начала экзаменов. Церемония «похорон» носила характер маскарада. «Звери» в ночных рубашках, с винтовками и зажженными свечами стояли шпалерами на пути следования «благородных корнетов». «Корнеты» надевали офицерские фуражки, шпоры и оружие; некоторые облачались в оригинальные костюмы[1208]. Среди участников костюмированного шествия можно было видеть священника, дьякона, певчих, монашек, балерин, кузнецов и пр. Юнкера несли чучело инспектора классов в форме с генеральскими погонами; над чучелом рыдала его «вдова» – юнкер, загримированный под девушку. Траурная процессия, обойдя все взводы, приходила в курилку, где в камине торжественно сжигалось несколько учебников. Затем младший курс отправлялся спать, а «корнетство» начинало кутеж.

Наиболее красочно церемония «похорон» проходила в Морском корпусе. «Сэром Наутикалем Альманахом» именовали английский справочник по мореходной астрономии («Nautical Almanac»), приносивший немало мучений гардемаринам, слабо владевшим английским языком, но вынужденных постоянно к нему обращаться. «Наутикаль Альманах» умирал в день сдачи экзамена по астрономии, и в корпусе наступала тишина – кадеты не говорили между собой и даже в строю шли на цыпочках. Церемония «похорон» проходила ночью. В подготовленный гроб клалось облаченное в форму гардемарина чучело, вместо головы у которого был справочник. Гроб клался на лафет трофейной пушки, стоявшей в Столовом зале, рядом ставился караул из обнаженных гардемарин в фуражках, портупеях и с палашами наголо. Рядом с гробом танцевала «душа Альманаха» – голый гардемарин в ботинках и манжетах, такой же вид имела и рыдавшая над покойником «жена Альманаха». В траурной процессии были гардемарины, загримированные под директора корпуса, ротных командиров, офицеров и преподавателей. На торжественном месте, на троне, покрытом красными одеялами, восседал Нептун, которого окружали полуголые «русалки». Священник и дьякон служили панихиду,

[1208] Бразоль А.С. Николаевское кавалерийское училище // Новый журнал. № 120. Нью-Йорк, 1975. С. 185.

совершали отпевание. В многочисленных надгробных речах остроумно и нецензурно вышучивалось начальство. В завершение церемонии справочник торжественно сжигался в камине. После «похорон» начинались «поминки», сопровождавшиеся обильными возлияниями.

«Похороны наук» устраивались и в военных и юнкерских училищах. Хоронили либо учебники, либо юнкера, оканчивающего училище по третьему разряду. Участники похоронной процессии заранее готовили костюмы, репетировали траурный марш на гребешках. Церемония была весьма схожа с похоронами инспектора классов в Николаевском училище и «Наутикаля Альманаха» в Морском корпусе, Отпевание совершалось «духовенством», покойника оплакивала его «вдова» и т.п.

В Николаевском кавалерийском училище существовал обычай «похорон штыка». Они устраивались после перевода в «Славную школу» юнкера пехотного училища, который должен был таким образом распрощаться со своим некавалерийским прошлым. В присутствии всех «корнетов» штык под пение хора и стенания его владельца закапывался в предманежнике, а затем юнкера проходили по свежей могиле церемониальным маршем[1209].

Кроме традиции «похорон», в некоторых училищах бытовал обряд встречи репетиций. Так, в Чугуевском училище встреча имела характер карнавального шествия: «Впереди выступали какие-то греки в фантастических костюмах, генерал, полицеймейстер, голый татуированный индеец с копьем и щитом, затем матрос, повар, студенты, турецкие башибузуки, запорожец, священник в камилавке и дьякон с настоящим кадилом. На знаменах было начертано: «Да здравствуют взыскания и третий разряд!» Далее несли собственного изготовления знамя училища и значки на половых щетках»[1210]. Шествие сопровождалось игрой на балалайках и плавно перетекало в имитацию церковной службы.

В Михайловском артиллерийском училище, срок обучения в котором составлял три года, существовал особый обряд перехода на средний курс. Юнкера

[1209] Смирнов Р.В. «Дикий обычай» Славной гвардейской школы. Цук и другие традиции Николаевского кавалерийского училища. М.: Любимая книга, 2010. С. 20.
[1210] Лессеко Н.М. Дневник юнкера. Кутаис, 1912. С. 13.

среднего курса во время стрельбы собирали алюминиевые колпачки, предохранявшие снаряды от сырости, так как в соответствии с традициями считалось, что юнкера младшего курса («козероги») имели длинный хвост, состоявший из 365 позвонков-колпачков. В день первой для младшего курса стрельбы на полу барака выкладывался длинный хвост из колпачков, а на койки юнкеров младшего курса клались предметы, символизировавшие характер каждого из них. Хорошие ездоки получали седла и шпоры, грубияны – сапоги, заискивавшие перед начальством («мыловары») – мыло и т.п. После возвращения младшекурсников со стрельбы фельдфебель отсекал хвост, оставляя только пять колпачков. «Козероги» становились «короткохвостыми фоксами», однако это наименование никогда не произносилось вслух.

«Корнетский обход» в Николаевском кавалерийском училище был приурочен к принятию «зверями» присяги. Сначала в курилке при свечах читался якобы написанный Лермонтовым «Приказ по курилке № 1», в котором в шутливой форме излагались обязанности юнкера: строго соблюдать форму одежды и правила чинопочитания, не шататься бесцельно по улицам и не глазеть на витрины, не таскать с собой кульки и свертки, а также проезжать мимо Павловского училища, юнкера которого были заклятыми врагами питомцев «Славной Школы», галопом и зажимать нос платком, чтобы не пропитаться «пехотным духом». Требованиям этим – и серьезным, и шутливым – «звери» должны были следовать неукоснительно. После окончания чтения свечи тушились, и начиналось пение традиционной песни – «Звериады».

Сам обход производился после вечерней переклички. «Звери» становились в одних рубашках на своих тумбочках навытяжку, с шашками наголо. «Корнеты» надевали офицерские фуражки тех полков, в которые предполагали выйти из училища; многие облачались в маскарадные костюмы, зачастую весьма непристойные. Во время обхода проверялось, как «звери» усваивают традиции «Славной школы»: «Некоторые останавливались перед зверями, подносили свечу к носу сугубого, проверяя, насколько у него «вид веселый, но без улыбки», задавали каверзные вопросы, поворачивали сугубых кругом, требуя возможно большей от-

четливости и следовали затем дальше»[1211]. Кроме того, проверялась форма «квадратиков» (свою одежду юнкера должны были складывать на ночь в форме правильных квадратов).

В Михайловском и Константиновском артиллерийских училищах, где «цука» не было, ночные парады были просто средством разрядки и дружеского сплочения юнкерского коллектива. Они устраивались вскоре после начала учебного года. Участники парадов, раздевшись догола, надевали фуражку, пояс с шашкой и шпоры. Парад заканчивался воинственными криками и беготней по коридору, а затем следовали товарищеские пирушки в спальнях. Юнкеров, не принимавших участия в параде, сбрасывали с кроватей.

В Пажеском корпусе в 1860-е гг. во время пребывания пажей старшего класса в лагерях устраивалась так называемая «прощальная ночь», когда будущие пехотинцы прощались с будущими кавалеристами накануне развода их по разным лагерям[1212]. «Прощание» сопровождалось феерическим пьянством, в результате чего многим пажам сбавлялись баллы за поведение и они тем самым рисковали испортить себе начало карьеры.

К началу XX в. среди пажей сложился иной вариант традиции прощания пажей старшего специального класса со своими младшими товарищами. Оно стало сопровождаться товарищеским ужином с пением куплетов «Журавля» и исполнением маршей тех полков, в которые выходили выпускники (марши играл специально приглашенный оркестр лейб-гвардии Стрелкового артиллерийского дивизиона), причем пажам, переходившим на гражданскую службу, играл «штатский марш» (какофония). Затем штатские клались на носилки и обносились вокруг бараков с пением «Вечной памяти» как умершим для военной службы. Завершалось прощание «шванц-парадом», на который младший класс являлся в ночных рубашках, с зажженными свечами, а старший класс – в полковых фуражках, преображенцы – совершенно голые, выходившие в другие части гвардии – обнаженные до пояса, все прочие – полностью одетые. Шедшие на гражданскую

[1211] Целебровский В. Корнетский обход // Из нашего прошлого. Воспоминания членов союза бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища в Гельсингфорсе. Тетрадь первая. Гельсингфорс, 1943. С. 55.
[1212] РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9624. Л. 49.

службу являлись во фраках, цилиндрах и с тросточками. После прохождения пажей церемониальным маршем начинались товарищеские возлияния, продолжавшиеся до утра.

Традиционные «парады» стали проводиться в кадетских корпусах в начале XX в., однако эта церемония не получила широкого распространения ввиду того, что не везде существовала «Звериада», которую выпускные кадеты должны были передавать своим преемникам. Так, в Суворовском кадетском корпусе ночной парад устраивался именно в честь передачи «Звериады» вице-фельдфебелем выпускного класса будущему вице-фельдфебелю 6-го класса. Церемония проходила в ротном зале. Дежурный офицер и дядьки, которые могли помешать торжеству, на какое-то время запирались снаружи. Кадеты-выпускники, считая себя почти юнкерами, выходили на парад в бушлатах с бумажными погонами тех училищ, в которые собирались поступать. Бушлаты были заправлены в кальсоны, которые отчасти напоминали белые брюки; второгодники («генералы», «полковники» и «майоры») нашивали алые лацканы из картона и цветной бумаги. Вице-фельдфебель выпускного класса, передавая «Звериаду» своему преемнику, произносил короткую речь, в которой говорил о необходимости поддержания старых традиций. Затем кадеты 7-го класса под звуки старого егерского марша проходили мимо своего вице-фельдфебеля церемониальным маршем[1213].

В других же кадетских корпусах, где существовали традиционное начальство и «Звериада», передача старшинства имела более простой вид. Например, в Полоцком кадетском корпусе передача традиций происходила в конце года при общем собрании всех кадет 6 и 7 классов. Вновь назначенный «триплет-майор», стоя на коленях, принимал из рук своего предшественника «Звериаду», целовал ее и давал клятву следить за неукоснительным соблюдением традиций.

«Похороны наук» в кадетских корпусах не были устойчивой традицией и существовали далеко не во всех заведениях. В основном «хоронили», как и в кавалерийских училищах, химию. В Одесском корпусе в 1904 г., после появления в

[1213] Страшкевич Н.Н. Ночной парад 3-го выпуска Суворовского к.к. // Кадетская перекличка. 1977. № 17. С. 56-59.

печати известий о реформе русской орфографии, были устроены похороны «ятя», «и десятеричного» и других предполагаемых к упразднению букв[1214].

Прочие кадетские ритуалы, как правило, носили грубый и зачастую циничный характер. В предшествующем параграфе говорилось о ритуалах, которыми была обставлена традиция «цука» в корпусах. Обряды, связанные со «Звериадой», и традиционные парады были немногим лучше. В Полоцком корпусе в канун корпусного праздника в уборной ставилась елка, обвешанная лоскутками бумаги, на которых были написаны остроты на офицеров и преподавателей. На стенах уборной писались памфлеты на начальство. Шестому классу зачитывались выдержки из «Звериады», затем шестиклассники клялись хранить традиции. Церемония завершалась пением «Звериады» и расправой над теми, кто в течение года провинился перед товарищами. «Крещение» же шестого класса по случаю его перевода в строевую роту представляло собой избиение. Традиционный парад являлся пародией на настоящий, но проводился не в день корпусного праздника, а 7 октября (на «именины бомбы», по корпусной терминологии)[1215]; при этом двери, мешавшие прохождению церемониальным маршем, взламывались.

Существовали в кадетской среде и дикие, злобные обычаи вроде забивания гвоздей в фамилии преподавателей на расписании уроков. Чем строже и придирчивее был преподаватель – тем больше гвоздей забивалось в его фамилию[1216].

В Артиллерийском училище в 1850-е гг. существовала любопытная традиция «казни» сильно провинившегося перед товарищами юнкера. «Казнь» представляла собой костюмированное представление: стражи в масках и красных колпаках, с обнаженными тесаками, вели преступника в самую просторную спальню (называемую на училищном жаргоне «Москвой») под погребальное пение юнкеров, облаченных во все черное и державших в руках зажженные свечи. В «Москве» сооружался эшафот из табуретов и старых шинелей, возле которого стоял па-

[1214] Одесский кадетский корпус за первые 7 лет его существования. Одесса: Типография Е.И. Фесенко, 1906. С. 27.
[1215] РГВИА. Ф. 725. Оп. 50. Д. 303. Так день парада именовался потому, что одной из реликвий заведения было пушечное ядро, попавшее в стену нижнего коридора здания во время его обстрела 7 октября 1812 г. Парад в честь «именин бомбы» проходил в этом коридоре. С ядром в Полоцком корпусе был связан еще ряд традиций: отдание чести при прохождении мимо нее, обливание вином при выпуске из корпуса (Полоцкий кадетский корпус. Сан-Франциско: Глобус, 1982. С. 75).
[1216] Полоцкий кадетский корпус. Сан-Франциско: Глобус, 1982. С. 75.

лач с обнаженным тесаком. Под рычание разъяренной толпы юнкеров аудитор зачитывал приговор, а палач делал вид, что отсекает преступнику голову, положенную на плаху. Затем на казненного надевали шинель и фуражку, выносили «труп» к выходу из заведения и объявляли юнкеру, что он «мертв для артиллерийского училища» и «немедля ”сокращался” (т.е. исчез) и никогда бы не смел показываться около его честных стен»[1217]. Альтернативой «казни» было прилюдное получение пощечины, навеки покрывавшее виновного позором.

Несмотря на в целом негативное отношение начальства к неофициальным церемониям и обрядам, они продолжали сохраняться до самого конца существования военно-учебных заведений, развлекая и сплачивая воспитанников, помогая им снять напряжение и преодолеть трудности. Их можно признать скорее положительным, нежели отрицательным элементом кадетской и юнкерской традиционной жизни. Юмор и шутка были клапаном для выхода негативной энергии, и силы, потраченные на приготовление к традиционному параду, уже не тратились на организацию «бунта». Вместе с тем задушевная, неофициальная и вместе с тем нарочито-серьезная обстановка парадов и смотров играла определенную компенсирующую роль по отношению к достаточно формальным и сухим официальным церемониям, заставляя воспитанников лучше осознавать свое единство, свою принадлежность к дружной корпусной или училищной семьи, сплачивая кадет и юнкеров не только внешне, но и внутренне.

5.6. Кадетский и юнкерский фольклор

Коллективное творчество кадет и юнкеров носило, как правило, подпольный характер, ибо было направлено против официальных порядков и выражалось в нецензурной форме. Наиболее известным памятником кадетского и юнкерского эпоса являлась «Звериада». Кроме нее, существовали «Золотая книга» Морского

[1217] Новички (Из воспоминаний о Михайловском артиллерийском училище пятидесятых годов прошлого века) // Русская старина. 1903. № 9. С. 61-62.

корпуса, «Эпопея» Михайловского артиллерийского училища, аналоги армейского «Журавля» в кадетских корпусах.

Начало устойчивой традиции кадетского фольклора было положено, очевидно, в первые годы XIX в., когда стали зарождаться негативные традиции – грубость, культ физической силы, враждебное отношение к преподавателям. В Морском корпусе в начале XIX в. в стиле «Россиады» М.М. Хераскова писались длинные поэмы, прославлявшие бои «стенка на стенку» между гардемаринами и кадетами[1218].

Относительно времени и места создания знаменитой «Звериады» единого мнения у исследователей нет. По утверждению Н.Н. Ауровой, «Звериаду» в 1-м кадетском корпусе дополняли в течение столетия[1219]. Следовательно, ее создание можно отнести к 1810-м гг. Однако в мемуарах кадет 1-го корпуса (равно как прочих кадетских корпусов) александровской и николаевской эпох нет упоминаний о традиции составления «Звериады». К.Ф. Рылеев, учившийся в 1-м корпусе в 1801-1814 гг., в 1813 г. написал шуточную поэму «Кулакияда», в которой описывались похороны повара Кулакова и давалась юмористическая характеристика знаменитого эконома А.П. Боброва[1220]. Однако к «Звериаде» «Кулакияда» не имела ни малейшего отношения.

Традициями Николаевского кавалерийского училища авторство «Звериады» приписывалось М.Ю. Лермонтову, учившемуся в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в 1832-1834 гг.[1221] Е.А. Теляковский полагал, что первоосновой «Звериады» были сатирические стихи на преподавателей, написанные Лермонтовым во время пребывания в Школе. Каждый выпуск добавлял новые строфы, а последние изменения лермонтовской «Звериады» относятся к 1858 г.[1222] Однако, по мнению выпускника Школы гвардейских подпрапорщиков

[1218] Колыбель флота. Навигацкая школа – Морской корпус. К 250-летию со дня основания Школы математических и навигацких наук. 1701-1951. Париж, 1951. С. 90; Цурикова Г.М. Сто прапорщиков. К портрету одного поколения. Л.: Советский писатель, 1983. С. 132.

[1219] Аурова Н.Н. Атмосфера и быт в кадетских корпусах Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. С. 193.

[1220] Рылеев К.Ф. Сочинения. Л.: Художественная литература, 1987. С. 21-25.

[1221] Туношенский В.В. Звериада // Русская старина. 1887. № 12. С. 739.

[1222] Теляковский Е.А. Звериада // Русская старина. 1887. № 4. С. 250.

и кавалерийских юнкеров Т. Познанского, в конце 40-х – начале 50-х гг., в бытность его юнкером, о «Звериаде» Лермонтова ничего не было известно. Познанский полагал, что Лермонтов мог быть автором стихотворной сатиры на педагогов, однако она не получила распространения и не могла являться первой «Звериадой». Перечень фамилий преподавателей, упомянутых в первой редакции «Звериады», свидетельствует о том, что она появилась не раньше 1852 г., когда Лермонтова уже не было в живых. По уверению Т. Познанского, именно он, выпускник Школы 1853 г., был автором первой «Звериады», что могут подтвердить все его однокашники. М.О. Петухов также считал, что отсутствие текстов «Звериады», в которых упоминались бы педагоги, служившие в Школе во времена Лермонтова, говорит о том, что великий поэт не мог являться автором «Звериады» или аналогичного по содержанию, но иначе озаглавленного произведения[1223].

Итак, можно прийти к выводу о том, что «Звериада» была составлена впервые в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в начале 1850-х гг.

Структурно «Звериада» состояла из вступления (знаменитого ухания филина в полуночном Дудергофском лагере: «Пора! Пора! Пора! Пора!») и двух основных частей. В первой части говорилось о кутежах, пьянстве, мотовстве, амурных похождениях юнкеров былых времен, о необходимости борьбы с «пехотным духом» и задаче воспитания младших юнкеров («зверей») в духе уважения к кавалерийским традициям – ловкости, находчивости, лихости («Споемте, братцы, «Звериаду», / Собрались «звери» все кругом, / Бессмысленных баранов стадо, / Подтянет вас корнет лихой!»). Конец первой части был серьезно-торжественный: «Бывали в школе бури, свалки, бывало много разных бед, / Но славной конницы заветы всегда хранил младой корнет. / За друга друг стоял горою, в беде друг друга выручал, / И были вечными друзьями солдат, корнет и генерал».

Некоторые куплеты «Звериады» были, по всей вероятности, включены в текст уже в эмиграции: «В стенах родимых нашей школы в последний раз мы пропоем, / О том, как жил в былые годы наш вечно славный эскадрон. / Забыто

[1223] Звериада. Сообщ. М.О. Петухов // Русская старина. 1887. № 11. С. 517.

все, забыт обычай, черты заветной больше нет, / И взвод Второй наш знаменитый, где сам стихи слагал поэт… / К чему, зачем, что людям надо? / Зачем презренной клеветой / Они пролили каплю яда / В преданье старины седой».

Вторая часть («прощальная») представляла собой сборник эпиграмм на придирчивых преподавателей и офицеров и нелюбимые науки («Прощайте, иксы, плюсы, зеты, / Научных формул легион, / Банкеты, траверсы, барбеты, / Езда в манеже без стремен»).

«Звериада» Николаевского кавалерийского училища, как самый старый и устоявшийся памятник военно-школьного фольклора, по-видимому, не нуждалась в письменной фиксации. По крайней мере, никаких упоминаний о книге или альбоме с таким названием в описаниях традиций «Славной школы» нет.

В Елизаветградском кавалерийском училище «Звериада» представляла собой не сборник эпиграмм, а шутливое описание обстоятельств появления «цука», имевшее оригинальную и вполне литературную форму (Приложение 6). В песне «Южной школы» рассказывалось о том, как в училище в разгар юнкерской попойки по случаю основания заведения явились на колеснице, в сопровождении амуров, сатиров и нимф, главные покровители юнкеров – Вакх и Венера. Сев среди юнкеров и подняв кубок, Вакх завещал юнкерам хранить кавалерийские традиции и не гнаться за карьерой. Чтобы молодые питомцы училища могли усвоить эти заветы, они, по мысли Вакха, должны были год пробыть в «зверской шкуре», подчиняясь во всем «корнетам» – своим старшим товарищам, старательно изучая формы полков, приседая, вертясь и выполняя все прочие требования. После этой речи молодые юнкера превратились в настоящих зверей и начали следовать указаниям, а Вакх со свитой покинул училище, строго наказав «зверям: «Зверье мохнатое, пыхтите, / Для красных места в Школе нет, / перед корнетом трепещите, / Чтоб каждый стал потом корнет»[1224].

В кадетские корпуса «Звериада», по-видимому, проникла вслед за «цуком» и другими кавалерийскими традициями лишь в конце XIX в. Однако, подчеркивая

[1224] Звериада Южной Школы // Исторический очерк Елизаветградского кавалерийского училища с воспоминаниями питомцев школы к столетию со дня основания училища. Под ред. С.Н. Ряснянского. Нью-Йорк, 1965. С. 201.

свою связь с кавалерией (например, облачаясь во время традиционных парадов в кавалерийскую форму), кадеты отрицали генетическую связь своих «Звериад» со «Звериадой» «Славной школы». Почти канонической стала версия о том, что песни именно с таким названием, в которых обличались педагоги, появились в кадетских корпусах еще в николаевскую эпоху.

Кадеты Донского корпуса утверждали, что их корпусная летопись поначалу называлась «Звери ада» (или «Звери-ада»), ибо «зверями» в этом корпусе традиционно именовали не младших воспитанников, а педагогов. Такого же мнения придерживались и кадеты Николаевского кадетского корпуса, наиболее близкого к Николаевскому кавалерийскому училищу, хотя в кавалерийских учебных заведениях «зверями» всегда именовали младших. Один из куплетов «Звериады» был даже переделан следующим образом: «Так спойте ж песню, звери ада, / Вы здесь собрались все гурьбой, / Бессмысленных баранов стадо – / Подтянет вас кадет лихой!» В этой трактовке «Звериада» была описанием всех провинностей «зверей ада» (т.е. педагогов) перед кадетами.

«Звериада» представляла собой «традиционную кадетскую песню, на определенный мотив и определенного стихотворного размера, в которой обычно высмеиваются корпусное начальство и вообще весь учебно-педагогический персонал данного корпуса»[1225]. «Звериада» обычно начиналась словами «Когда наш корпус основался» и заканчивалась прощанием с корпусом; основное внимание уделялось характеристике преподавателей, офицеров, «жилы-эконома», с которыми кадеты прощались навсегда, и описаниям мнимых страданий кадет. Неподражаемо изящный юмор «Славной школы» был чужд кадетам, поэтому ежегодные дополнения к первоначальному тексту были грубыми, циничными и зачастую бессмысленными.

В конце XIX в. в кадетских корпусах сложилась и песня, в которой высмеивалась традиционно нелюбимая юнкерами Николаевского кавалерийского учи-

[1225] Кадетские корпуса за рубежом. 1920-1945 гг. Нью-Йорк, 1970. С. 277.

лища химия: «Аш два О прокипятят, / А потом кадет поят. / Химия, Химия… / Сугубая Химия… / Чтобы Химию учить, / Идиотом надо быть…»[1226]

К началу XX в. корпусные «Звериады» стали переписываться в большие книги в дорогих кожаных переплетах с металлическими накладками и украшениями. На переплеты крепились погоны, вензеля, а также накладные буквы: «ЗВЕРИАДА». В Донском корпусе это название писалось через дефис: «ЗВЕРИ-АДА». В качестве приложений к тексту «Звериады» помещались перечень традиций и описание порядка их выполнения. За сохранность книги отвечал специально назначаемый хранитель, державший ее у себя дома или в укромном месте. «Звериада» торжественно выносилась в строй во время неофициальных кадетских церемоний. Считалось, что она имеет генеральский чин, поэтому ей отдавали честь и именовали «Ее Превосходительство «Звериада». «Звериада» читалась вслух лишь по корпусным праздникам; выпускной класс вписывал в нее новые куплеты в течение года. Если в выпуске не было кадет, одаренных поэтическим талантом хотя бы в минимальной степени, записи могли не делаться.

Грубый цинизм «Звериад» был неприятен многим кадетам. Великий князь Константин Константинович, преследовавший цель очищения кадетских традиций от всего негативного, отчасти достиг ее. В начале 1909/10 учебного года несколько кадет 7 класса Полоцкого кадетского корпуса отказались поддерживать традиции, другие же воспитанники выразили согласие следовать традициям только в том случае, если из «Звериады» будут исключены «все пошлые и циничные выражения по отношению к кому бы то ни было»[1227]. Поэтому «Звериада» полочан была полностью пересмотрена и избавлена от грубых и циничных стихов. В 1916 г. «Звериада», по отзыву директора Полоцкого корпуса генерал-майора Чигиря, выглядела уже вполне прилично: «…в настоящее время никаких гадостей она в себе не заключает, изложена в стихотворной, местами остроумной, форме»[1228].

[1226] Бельский В.Я. О родном корпусе. Сан-Франциско, 1971. С. 131.
[1227] РГВИА. Ф. 725. Оп. 50. Д. 303. Л. 7.
[1228] Там же. Л. 7.

Однако самоцензура не позволила «Звериадам» приобрести статус официальной летописи заведений. Кадетский язык был беспощаден даже по отношению к любимым педагогам. Отмечались как физические качества, так и особенности характера учителей и воспитателей. Вот как в «Звериаде» Донского кадетского корпуса говорилось о преподавателе истории С.П. Кузьмиче: «Сутуловатый и горбатый, с утиным носом и в очках, без шеи, толстый и пузатый, и на искривленных ногах...»[1229]

В Морском корпусе аналогом «Звериады» была «Золотая книга». Ее текст был почти тождествен тексту «Звериады» и начинался словами: «Когда наш Корпус основался, тогда разверзлись небеса…»[1230] Далее шли принятые в кадетских корпусах куплеты, в которых говорилось о традиционной вражде преподавателей и учащихся и прославлялся культ пьянства и разгула. История корпуса излагалась во включенной в текст «Золотой книги» «былине», которая представляла собой достаточно остроумную пародию на «Историю государства Российского от Гостомысла до Тимашева» А.К. Толстого[1231].

Еще одной формой кадетского фольклора были «Журавли» (в единственном числе – «Журавель) – юмористические двустишия, в которых высмеивались как начальники и педагоги, так и отдельные учебные заведения. Традиция составлять «Журавли» была общеармейской, причем частушки, посвященные, например, гвардейским и армейским кавалерийским полкам, были совершенно непристойными[1232]. Кадетские «журавлики» были гораздо более остроумными и точно схватывали социокультурный облик каждого заведения («Пред начальством, как ужи, / Извиваются пажи»; «Полочане, как жиды, / Всюду вместе, все на «ты»»; «Драли зады многи лета / Предка вольского кадета»; «На шпаргалки портачи – / То зубрилы-псковичи»). Юнкера, соперничество и зависть между которыми были гораздо сильнее, чем между кадетами, сочиняли гораздо более грубые и оскорбительные «Журавли»: «Кто безмерно туп и глуп? / Это юнкер Консталуп»; «Строят

[1229] Донской императора Александра III кадетский корпус. Воспоминания кадет Донского корпуса. Под ред. М.К. Бугураева. Мадрид, 1974. С. 44.
[1230] Морской кадетский корпус. В воспоминаниях современников. Сост. А.Ю. Емелин. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2003. С. 164.
[1231] Там же. С. 295.
[1232] РГВИА. Ф. 260. Оп. 1. Д. 18. Л. 1 – 1 об.

ср...ник на ура / Инженеры-юнкера»; «А кто первые хамлоны? / Это верно уж Павлоны».

В Михайловских артиллерийских академии и училище отчасти напоминающей «Звериаду» формой литературного творчества юнкеров была «Эпопея». В отличие от «Звериады», дополняемой ежегодно, «Эпопея» была составлена офицерами – выпускниками Михайловской академии 1900 г. Макаровичем и Лашковым. Она была посвящена прощанию не с преподавателями и науками, а с товарищами-слушателями («Хочу я в эти дни прощанья / Итог трехлетний подвести, / Не злиться, чур, на описанья, / Ведь ложь лишь может извести… / Жано наш милый, он порою / Способен сильно удивить, / Ведь он встает почти с зарею, / Чтобы тотчас начать зубрить»), носила вполне невинный характер и была разрешена к публикации цензурой[1233].

В 1917 г. «Звериады» спасались воспитанниками так же, как знамена. Если не было возможности спасти книгу, она уничтожалась. Первая «Звериада» Хабаровского кадетского корпуса была торжественно сожжена кадетами 13-го выпуска на берегу Амура. Вторая «Звериада», созданная 14-м выпуском, была вывезена в Сербию «генералом выпуска» О. Калюжным и там пропала[1234].

Подводя итоги, следует сказать, что кадетский и юнкерский фольклор вносил в атмосферу закрытых учебных заведений столь необходимые детям, подросткам и юношам шутку и смех. В условиях господства запретов на официальное литературное творчество он давал выход накопившейся энергии, помогал снимать напряжение и тем самым ослаблял развитие традиций негативного отношения к порядкам заведения, начальству и лицам учебно-воспитательного состава. Бесспорным изъяном подпольного творчества были грубость, цинизм, высмеивание педагогов, передававшиеся от поколения к поколению.

Выводы по пятой главе

[1233] Крылов А.И. 1917 год // Михайловцы. Сборник воспоминаний о Михайловских артиллерийских училище и академии и их питомцах. Выпуск 1-й. Белград, 1936. С. 109-112.
[1234] Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус. 1888-1978. Сан-Франциско, 1978. С. 79.

Анализ неофициальных традиций, создаваемых и поддерживаемых воспитанниками, показывает, что их нельзя считать однозначно негативным социокультурным явлением.

Традиция негативного отношения к начальству, до середины XIX в. являвшаяся основой неофициальной жизни кадет, была следствием репрессивной политики начальства. В традиции борьбы с начальниками заведений и педагогами невозможно найти что-либо положительное. Она являлась серьезным препятствием для осуществления планомерной учебно-воспитательной работы, вселяя в кадет ложные идеалы и полностью парализуя любую педагогическую инициативу. Ликвидировать деструктивное влияние этой традиции не удалось даже в начале XX в.

Традиция товарищества, несмотря на то, что она порой приобретала дикие формы, в целом способствовала формированию у будущих офицеров положительных качеств: мужества, стойкости, готовности к взаимовыручке и самопожертвованию. Отрицательную роль играло лишь ложное товарищество, приводившее к укрывательству виновных воспитанников, которые, чувствуя свою безнаказанность, становились наглыми и распущенными. По мере того, как ложное товарищество преодолевалось, лучшие стороны товарищества будущих офицеров выступали на первый план. Тесно связанной с традицией товарищества была традиция братства выпускников одного и того же учебного заведения, способствовавшая формированию системы прочных корпоративных связей.

Традиция нарочитой грубости и показного молодечества, существовавшая в 1-й половине XIX в. в форме «закальства» в кадетских корпусах и «кутильной закваски» в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в значительной степени искажала психосоциальное развитие будущих офицеров и приводила к деформации их личности. Особенно губительным было «закальство», рецидивы которого имели место быть и во 2-й половине XIX в., и в начале XX в. Относительно безобидным пережитком «кутильной закваски» в пореформенных военных училищах было стремление к неформенной одежде.

Неуставные отношения в военно-учебных заведениях в основном сводились к подчинению младших воспитанников старшим. «Приставание к новичкам», ши-

роко распространенное в военной школе в 1-й половине XIX в., было однозначно негативным явлением. Положительную роль традиция подчинения младших старшим приобрела лишь в 1860-е гг., когда в Николаевском кавалерийском училище возник «цук», который был строго регламентирован, не допускал физического насилия и откровенных издевательств и преследовал цель воспитания образцового кавалериста. Копирование «цука» кадетами привело к появлению двух разновидностей корпусного «цука» – «мягкой» и «жесткой». «Мягкий» «цук» был осмысленным и преследовал положительные цели, выбраковывая из кадетской среды негодный элемент, «жесткий» же был аналогом «приставания к новичкам» и представлял собой циничное глумление над младшими и слабыми, свободное от каких-либо моральных ограничений.

Кадетский и юнкерский фольклор служил средством психологической разрядки, позволяя снять напряжение, осложнявшее отношения между воспитанниками и педагогической корпорацией. Его отрицательными последствиями были распространение в кадетской и юнкерской среде склонности к цинизму, скабрезным шуткам и нецензурным выражениям, а также подрыв авторитета начальства и педагогов.

ГЛАВА VI.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОЕННО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ ПОДГОТОВКИ РУССКОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА

6.1. Отношение к традициям начальства, педагогов, воспитанников и общества в целом

Такой сложный и многоплановый феномен, как военно-культурные традиции подготовки офицеров, не мог однозначно восприниматься обучающимися, педагогами и обществом. Кадеты и офицеры, военные и штатские, либералы и консерваторы, поклонники муштры и ее ярые противники – все они имели свой взгляд на то, какой должна быть система подготовки офицеров, какие традиции достойны поддержки, а какие необходимо искоренить. Военно-культурные традиции, сложившиеся в училищах и корпусах, имели разный статус и различные источники, возникновению каждой из них сопутствовала уникальная комбинация условий и факторов, которой невозможно было дать объективную оценку. Специфика восприятия традиций была в значительной мере обусловлена и социокультурными особенностями, присущими той или иной эпохе.

6.1.1. Отношение к официальным традициям, символам, церемониям и ритуалам

Отношение к форме и погонам

Кадетская и юнкерская форма, погоны и жетоны в представлении воспитанников были неразрывно связаны с высоким званием русского офицера. Поэтому отношение кадет и юнкеров к форме и погонам было трепетным: «…мундир в их глазах был символом незыблемой чести, олицетворением высокого, всего того, что на протяжении столетий берег и самоотверженно защищал российский воин»[1235]. Особенно обостренным было подобное восприятие в военное время. В годы Первой мировой войны кадет Псковского корпуса Б. Ждан-Пушкин написал

[1235] Баженов С.В. Военный мундир русского кадета (1732-1917 гг.) // Бомбардир. 1995. № 1. С. 58.

статью «Обаяние мундира», в которой говорил о том, что «мундир военного должен постоянно напоминать об обязанностях военной службы, о ее назначении и цели. Эта цель велика и возвышенна… Постоянная, чуждая всяких колебаний готовность к самопожертвованию придает военному сословию возвышенный и героический характер. И этот героизм налагает неизгладимый отпечаток на всю наружность военного; она-то и отражается таким заманчивым блеском на военном мундире. Вот в чем главный секрет обаяния военного мундира и военной службы»[1236]. Для юнкеров-кавалеристов и артиллеристов предметом особой гордости были шпоры, право ношения которых предоставлялось лишь хорошим наездникам. Юнкера Елисаветградского кавалерийского училища весьма ценили свой красивый головной убор – уланскую шапку[1237].

Пренебрежительное отношение к форме наблюдалось лишь в военных гимназиях в конце 1870-х – начале 1880-х гг., в эпоху их глубокого упадка. «Отчаянные» воспитанники, по свидетельству А.И. Куприна ходили в рваных мундирах с нечищеными пуговицами и порыжевших сапогах. Особенно заметным было равнодушное отношение к форме во время летних каникул: летом 1881 г. гимназисты, по свидетельству помощника начальника Главного штаба свиты Его императорского величества генерал-майора Мирковича, «ходили по улицам неряхами в нечищеной одежде и сапогах, без галстухов, в грязных гимнастических рубашках и летних панталонах, приходилось замечать недостаток пуговиц на одежде или распоротые швы»[1238]. Главный начальник военно-учебных заведений в своем приказе от 30 июля 1882 г. поставил на вид директорам столичных заведений, что «…находящиеся в отпуску кадеты 1-го, 2-го и Александровского кадетских корпусов… отступают от установленной формы одежды, а именно: ходят в гимнастических рубашках, одевают одни – белые, а другие – черные панталоны, носят pince-nez и т.п.»[1239]. Однако после переформирования гимназий в кадетские корпуса с подобным отношением к форме было быстро покончено.

[1236] Михайлов А.А. Обаяние мундира. Псков, 2004. С. 5.
[1237] Петраков В. Обмундирование юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища // Цейхгауз. 2002. № 2(18). С. 33.
[1238] РГВИА. Ф. 725. Оп. 20. Д. 10. Л. 1.
[1239] Там же. Л. 60.

Справедливости ради следует сказать, что далеко не все предметы форменного обмундирования были изящны и удобны. Стремление красиво выглядеть в глазах окружающих побуждало воспитанников заменять неказистые казенные вещи собственными, сделанными на заказ. Начало этой традиции было положено на рубеже 1850-60-х гг., когда кадеты 1-го корпуса стали заменять грубую и тяжелую казенную каску, сильно сдавливавшую голову, собственной – легкой и изящной[1240]. В конце XIX в. среди пажей и юнкеров Николаевского кавалерийского и Михайловского артиллерийского училищ, родители которых, как правило, располагали значительными средствами, получила распространение традиция заказывать собственное, улучшенное, обмундирование. Например, пажи-экстерны заказывали у частных портных укороченные мундиры на белой, а не черной подкладке, с более длинными и широкими галунами, чем на казенных мундирах, и брюки из эластичной материи. Юнкера Николаевского училища, как правило, в отпуск одевались во все собственное: «В помещении звон шпор. В моде шпоры Савельева и карибуты [шпоры с загнутым книзу шенкелем – А.Г.]. Многие отступают от формы и надевают рейтузы, галифе или бриджи, рискуя за это остаться без отпуска… Звон шпор должен быть особый – малиновый. Мундир – заказанный у Каплана, сапоги – у Гозэ»[1241].

О том, какое место занимали погоны в жизни кадет, свидетельствует следующий случай. В конце 1917 г., когда в Донской корпус, единственный действующий корпус в европейской России, прибыли кадеты других корпусов, все они сменили свои погоны на погоны кадет-донцов. Лишь один воспитанник Николаевского корпуса упорно не желал расстаться со своими погонами. Одноклассники несколько раз дали ему понять, что таким поведением он высказывает явное пренебрежение к Корпусу, приютившему его. Когда же «нарушитель» в очередной раз вернулся из корпуса в своей форме, к нему была применена высшая мера наказания за нарушение традиций – виновного растянули плашмя и «покачали пузом вниз». Лишь после этого наказанный «прочувствовал, что ему объяснили, не-

[1240] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1740. Л. 14.
[1241] Танутров Г.Ф. Свет и тени Кавказа: От Тифлиса до Парижа. М.: Воениздат, 2000. С. 45.

медленно одел наши погоны и сейчас же после этого стал полноправным членом общей семьи»[1242].

Особенно болезненно воспринималось такое наказание, как снятие погон. Были случаи, когда кадеты умоляли заменить эту позорную для них кару отправлением в исправительное заведение – Ярославскую военную школу. Однажды кадету Воронежского корпуса А. Грейцу было назначено наказание в виде снятия погон за проступок, который он на самом деле не совершал. Во время экзекуции он не позволил срезать с себя погоны, угрожая избить каждого, кто к нему приблизится. Кадет, лишенный погон, в представлении товарищей был обесчещенным изгоем. Снятием погон бравировали лишь «отчаянные» кадеты, открыто бросавшие вызов порядком заведения и щеголявшие без погон в течение нескольких месяцев.

Корпусное и училищное начальство видело в форме важное воспитательное средство. Кадет не только знакомили с правилами ношения формы, но и учили ее носить. По свидетельству А.Л. Маркова, на это уходило несколько месяцев, после чего кадет приобретал «воинский вид».

Правилам ношения формы и ее состоянию придавалось большое значение. Расстегнутый воротник, оторванный крючок или нечищеные пуговицы могли стать причиной серьезного взыскания. Лишь на рубеже 1850-х – 1860-х гг., когда учебно-воспитательная работа в корпусах пришла в упадок, внешнему виду кадет в некоторых заведениях почти не уделялось внимания. В 1-м и 2-м Московских кадетских корпусах воспитанники «щеголяли» в старых, засаленных, испещренных разноцветными заплатами куртках и панталонах, рваных рубахах и протертых чулках[1243].

Традиция ношения собственных предметов обмундирования была неоднозначно воспринята членами педагогической корпорации. В 1880-90-е гг. начальство Пажеского корпуса снисходительно относилось к стремлению пажей заказывать собственные мундиры, однако генерал-майор Ф.Э. Келлер, ставший директо-

[1242] Сагацкий И. XXX выпуск // Военная быль.1959. № 39. С. 11.
[1243] РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 5735. Л. 2 – 2 об., 14 – 14 об., 22 – 22 об.

ром корпуса в 1893 г., стал беспощадно с щегольством, издав приказ о «писарском шике», в котором разъяснял, что «единственный допустимый у военного человека вид щегольства есть строгое соблюдение формы»[1244]. Настоящую войну с неформенным обмундированием вели начальник Николаевского кавалерийского училища П.А. Плеве и начальник Михайловского артиллерийского училища П.П. Карачан. Великий князь Константин Константинович в 1904 г. отдал приказ, в котором говорилось о том, что «самовольное изменение формы недостойно порядочного пажа, юнкера и кадета: что не извинительно франтоватому писарю за глазами начальства, то подавно непростительно питомцу военных училищ и кадетских корпусов»[1245].

Однако многие генералы и офицеры снисходительно относились к собственным предметам формы, а начальник Михайловской артиллерийской академии и артиллерийских училищ генерал-лейтенант В.Т. Чернявский в присутствии юнкеров приказал П.П. Карачану отменить запрет на ношение неформенных сапог, сказав, что и он сам, и Карачан в бытность свою юнкерами также носили собственные сапоги.

Погоны в представлении педагогов также имели существенные воспитательный потенциал. Вручение погон было наградой за успехи в строевой подготовке и усвоение правил воинской вежливости. Вице-унтер-офицерские и вице-фельдфебельские погоны торжественно вручались директором во время «зари с церемонией». Снятие погон было одним из самых позорных наказаний и применялось нечасто. Защита чести погон всемерно поощрялась. Так, великий князь Константин Константинович не стал накладывать наказание на вышеупомянутого кадета А. Грейца, а перевел ослушника в Полоцкий корпус – пользовавшееся особой любовью великого князя военно-учебное заведение, где учился его сын Олег. Вскоре отец Грейца получил телеграмму от К.Р., в которой тот отмечал: «Кадет,

[1244] Ламздорф-Галаган П.К. Воспоминания. Пажеский корпус // Архив БФРЗ. М-88. Л. 327.
[1245] Приказ по военно-учебным заведениям. 9 сентября 1904 г. № 70.

поставивший честь погон своих выше своего благополучия, заслуживает не только право сохранить их за собой, но и похвалы»[1246].

Обществом форма и погоны воспринимались если не положительно, то во всяком случае нейтрально. Восторженное отношение к военной форме появлялось в эпоху патриотического подъема, когда все, связанное с армией и оружием, окружалось любовью и обожанием. Напротив, в эпоху упадка армии (после Крымской войны и в самом конце XIX в.), когда престиж и офицерской службы, и военного образования снижался, восторг сменялся пренебрежительным отношением. В конце XIX – начале XX в., по мере развития революционного движения, форма, погоны с вензелями, оружие устойчиво ассоциировались у определенных групп общества с ненавистным самодержавным строем и вызывали резко негативную реакцию. Большую роль играли и чисто субъективные причины. Так, безусловно положительным было отношение к форме у воспитанниц женских гимназий и институтов. Зависть и соперничество порождали негативное отношение ко всему, что было связано с кадетами и юнкерами, у их сверстников из числа гражданской молодежи – гимназистов, реалистов, студентов.

Отношение к знамени

Кадеты и юнкера относились к знамени своего заведения как к его главной святыне, особенно если знамя было старым и ветхим. По утверждению А.Н. Куропаткина, «к знамени с ранних лет чувствовалось глубокое почитание. Мечтали о том, как мы будем в бою защищать свое знамя и брать неприятельское»[1247]. Однако младшие воспитанники далеко не всегда осознавали значение знамени и во время парадов обращали внимание главным образом на то, сможет ли справиться знаменщик со своими обязанностями при сильном ветре. После военно-учебной реформы Милютина знамена кадетских корпусов стояли в церквах или были переданы военным училищам, а в пореформенных корпусах продолжали оставаться в церквах и в строй не выносились.

[1246] Грейц А. Тайна // Исаков Е. Военная быль о Доблести, Добре и Красоте. Книга для чтения по истории Российских кадетских корпусов. М., 2000. С. 84-85.
[1247] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1740. Л. 6.

Когда в 1900 г. великий князь Константин Константинович выступил с инициативой предоставления кадетским корпусам права выносить свои знамена в строй, в справке, составленной по этому поводу канцелярией Главного управления военно-учебных заведений, было высказано сомнение относительно того, «насколько будет признано удобным такую чисто воинскую регалию, как знамя, вверять части недисциплинированной в строгом смысле этого слова и состоящей к тому же из молодых людей, не принимавших присяги и, следовательно, совершенно свободных от всякой военно-уголовной ответственности в случае какого-либо явного нарушения должного уважения к означенной регалии»[1248]. Однако директора кадетских корпусов, отзывы которых на записку были запрошены, почти единодушно высказались в поддержку великого князя. По мнению директора 2-го Московского кадетского корпуса полковника Дубасова, возвращение корпусу знамен «…придало бы всей внутренней жизни … более воинский дух, облегчило бы развитие в кадетах дисциплины, товарищества, серьезного отношения к строю и понимания его внутреннего смысла»[1249]. Директор Михайловского-Воронежского кадетского корпуса генерал-майор Н.А. Репин – старый николаевский кадет – отмечал, что дарование корпусам права выносить знамена в строй «…будет иметь благотворное нравственное воздействие на кадет и значительно в них разовьет сознание важности военной службы и почетного ее значения, гордость молодежи, что она носит военный мундир, а с другой стороны еще более сплотит воспитанников с начальством и между собой, а само заведение – с войсками»[1250]. Впрочем, некоторые руководители (директор Орловского-Бахтина кадетского корпуса генерал-майор Н.Н. Светлицкий, директор Владимирского-Киевского кадетского корпуса полковник М.Г. Попруженко) считали возвращение знамен нецелесообразным. По их мнению, кадеты еще не доросли до осознания значения знамени и будут относиться к нему, как к игрушке. Пометы Константина Константиновича на полях докладов Светлицкого и Попруженко

[1248] РГВИА. Ф. 725. Оп. 38. Д. 19. Л. 1 – 1 об.
[1249] Там же. Л. 7.
[1250] Там же. Л. 9 об.

(«Вздор», «Совершенно не согласен») свидетельствуют о том, насколько далек он был от подобной точки зрения.

Ожидания великого князя Константина Константиновича полностью оправдались. Старые знамена, почти лишенные ткани, внушали кадетам священный трепет. В годы Гражданской войны кадеты спасали знамена – часто ценой своей жизни.

Отношение к парадам и иным официальным церемониям

Участие в парадах и иных официальных церемониях было предметом гордости кадет и юнкеров. А.Н. Куропаткин вспоминал: «Маршировка в три приема утомляла всех, но движение в строю, особенно под музыку, волновало нас и настраивало воинственно»[1251]. Роты соревновались между собой в прохождении церемониальным маршем, тех, кто сбивался с ноги, после парада ругали и даже били. Однако преждевременное привлечение кадет к участию в воинских церемониях не внушало им надлежащего уважения к строю и знамени, и многие воспитанники во время парадов и маневров просто забавлялись, глядя, как знаменщик старается удержать знамя при сильном ветре, или сильно шлепали по лужам, стараясь забрызгать друг друга[1252].

Начальство уделяло большое внимание подготовке к парадам и смотрам. Эта подготовка занимала существенное время, особенно в 1-й половине XIX в., когда воспитанники кадетских корпусов участвовали в многочисленных парадах, ходили на разводы караулов. Просветитель и меценат С.Г. Строганов пришел к выводу, что из-за «фронтовых учений, разного рода примерок и пригонок» у воспитанников почти не оставалось времени для приготовления уроков, что препятствовало получению полноценного образования[1253]. По мнению Строганова, младшие классы корпусов было необходимо лишить военной организации и тем самым освободить воспитанников от участия в парадах и прочих экзерциициях.

[1251] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1740. Л. 6.
[1252] Януш Л.И. Военно-учебные заведения с 1850 до 1882 года // Военный голос. 1906. № 98. 4 мая. С. 3.
[1253] РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 160. Л. 2 – 2 об.

Для гражданской публики прохождение кадет и юнкеров церемониальным маршем во время парада всегда было красивым зрелищем, а в периоды патриотического подъема оно внушало чувство гордости за будущее русской армии.

Отношение к правилам воинской вежливости и чинопочитания

К сожалению, приходится констатировать, что отдание чести было наименее почитаемой кадетами и юнкерами официальной воинской традицией.

В милитаризованной до предела николаевской России правила отдания чести соблюдались воспитанниками военно-учебных заведений неукоснительно. Случаи их нарушения были редки и в большинстве случаев представляли собой случайную оплошность. Открытый вызов «сухопутной» муштре и «сухопутным» же правилам чинопочитания отважились бросить лишь будущие моряки. Так, в 1831 г. директор Морского кадетского корпуса, знаменитый адмирал И.Ф. Крузенштерн, в приказе по заведению от 6 марта 1831 г. отмечал, что «…некоторые кадеты Морского корпуса… не делают фрунту [ритуала прикладывания руки к головному убору в то время еще не существовало – А.Г.] встречающимся с ними офицерам, почему и нахожу за нужное приписать гг. ротным командирам подтверждать сколь возможно чаще увольняемым за корпус кадетам, чтобы они… при встрече со всяким офицером делали фронт. Если же кто-либо из кадет преступит сии правила, то такой не будет увольняем из корпуса…»[1254]

Эта традиция манкирования ритуалами чинопочитания успешно дожила у будущих моряков до начала XX в. По свидетельству Г.К. Графа, учившегося в Морском корпусе в 1898-1904 гг., его товарищи «…считали как бы унизительным для себя военную выправку, отчетливое отдание чести, согласно требованиям Устава, и хождение во фронте, «как в пехоте». Вообще ничто не должно было напомнить подтянутости сухопутных военных училищ. «Настоящий» кадет Морского корпуса должен был иметь вид весьма независимый, несколько расхлябанный, ходить вразвалку и честь отдавать небрежно, так сказать походить на морского волка. Между прочим, из-за плохого отдания чести сухопутные офицеры, в

[1254] РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 2232. Л. 21.

особенности гвардейские, относились к нам враждебно и часто придирались на улицах. Никакие строгости не могли побороть эту закваску, да впрочем в то время и не очень энергично боролись с этой расхлябанностью и подчеркнутой небрежностью: начальство как будто свыклось с таким положением вещей»[1255].

В сухопутных кадетских корпусах пренебрежительное отношение к отданию чести стало весьма распространенным явлением лишь в конце 1850-х – начале 1860-х гг., когда в обществе началось брожение, авторитет и армии в целом, и ее офицерского корпуса после позорной для России Крымской войны был невелик, а военная школа, лишившаяся привычной опоры на розги и карцер, распустилась до неузнаваемости. В 1862 г. лефортовский частный пристав в своем донесении начальству так отзывался о воспитанниках московских кадетских корпусов: «Отпускаемые кадеты к родителям и родственникам бродят по улицам без соблюдения формы в одежде, кафтанчики бывают у них расстегнуты. При встрече с офицерами не отдают им должной чести»[1256].

Юнкера военных училищ, находившиеся на действительной службе, обычно следовали правилам отдания воинской чести. Юнкера Павловского училища безукоризненно выполняли все существовавшие предписания, в том числе и относительно выполнения воинского приветствия, а в Александровском училище отданием чести даже было принято щеголять[1257]. Лишь воспитанники Михайловского училища, избалованные снисходительным начальником А.С. Платовым, «очень плохо отдавали честь и вообще были мало дисциплинированы и без военной закваски»[1258].

Следование правилам отдания чести, установленным в 1879 г., было обязательно для воспитанников военных гимназий. Однако многие учащиеся неохотно отдавали честь офицерам, особенно отставным, и открыто игнорировали гражданских чиновников. Рубеж 1870-х – 1880-х гг. стал, подобно первым годам царствования Александра II, очередной черной эпохой в жизни российских военно-

---

[1255] Граф Г.К. Моряки (очерки из жизни морских офицеров). Париж, 1930. С. 14.
[1256] РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 5735. Л. 27.
[1257] Описание подпоручика Соколова и его поступление в Л.-Гв. Петербургский полк // Александровец. 1907. № 6. С. 61.
[1258] РГВИА. Ф. 267. Оп. 1. Д. 2. Л. 175.

учебных заведений. Дух этого времени прекрасно отражен в повести А.И. Куприна «На переломе (Кадеты)». На фоне катастрофического упадка дисциплины и всеобщей распущенности выполнение воинского приветствия расценивалось военными гимназистами как что-то факультативное. В циркулярном предписании Главного управления военно-учебных заведений от 24 апреля 1877 г. № 4977 говорилось: «В минувшем году в каникулярное время перебывало в Петербурге значительное число воспитанников военных гимназий и прогимназий. Большинство из них не имели того вида, который должен отличать молодых людей, приготовляемых для военной карьеры: одни ходили по улицам неряшливо одетыми, другие не соблюдали установленной формы, некоторые отдавали честь небрежно, а были и такие, которые этого правила вовсе не соблюдали»[1259].

В 1883 г. были введены нашивки на погоны офицеров и генералов, находившихся в запасе[1260]. Это новое отличие резко выделило «запасников» из общей массы офицеров и спровоцировало пренебрежительное отношение к ним. Так, в июне 1898 г. кадет 1-й роты Морского кадетского корпуса О. Герарди, находясь в отпуске в Риге и гуляя по Стрелковому саду, несколько раз прошел мимо прапорщика запаса А. Юнге и не отдал ему честь. На вопрос офицера о причине подобного поведения кадет ответил, «…играя находящейся у него в руках палочкой: ”Мы офицерам с нашивками чести не отдаем”»[1261]. Начальник Главного морского штаба вице-адмирал Ф.К. Авелан, которому доложил о случившемся батальонный командир Морского корпуса генерал-майор В.А. Давыдов, приказал наказать Герарди как можно строже.

Введение в 1890 г. новых правил не предотвратило появления новых же случаев пренебрежительного отношения к ритуалу отдания воинской чести. Так, в 1898 г. камер-паж Эксе, проходя мимо здания Адмиралтейства, не только намеренно не отдал честь старшему врачу 18-го флотского экипажа Н. Тимму, но и не уступил ему дорогу. Когда врач остановил камер-пажа, то Эксе вместо того, чтобы извиниться, грубым тоном сказал Тимму: «Что вы ко мне пристали – я с вами

[1259] РГВИА. Ф. 725. Оп. 52. Д. 465. Л. 52.
[1260] Приказ по военному ведомству № 48 от 23 февраля 1883 г.
[1261] РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 6799. Л. 211.

не знаком», после чего повернулся и пошел дальше[1262]. За этот проступок Эксе был арестован на трое суток.

Однако если речь заходила о вежливости по отношению к самим воспитанникам, их требовательность не знала никаких границ – ни правовых, ни моральных. В августе 1898 г. на Красносельском железнодорожном вокзале произошло столкновение пажа Колониуса с дежурным жандармским унтер-офицером Никитиным. Колониус, бывший навеселе и продолжавший распивать шампанское прямо на платформе, начал придираться к жандарму, требуя от него отдания чести. Когда Никитин сказал пажу, что тот не вправе требовать от него отдания чести, и ушел в телеграфное отделение, Колониус последовал за ним и «… стал снова придираться за неотдание чести и кроме того стал кричать и ругать его мерзавцем и другими позорными словами»[1263]. Конец безобразию положил товарищ Колониуса, камер-паж граф Кронгельм, который после долгих увещеваний увез его на извозчике. Когда о случившемся был извещен директор Пажеского корпуса, Колониус попал под арест.

Руководство военно-учебных заведений, разумеется, всегда требовало неукоснительного соблюдения правил отдания чести. Исключением был лишь генерал-лейтенант А.С. Платов, начальник Михайловского артиллерийского училища в 1860-х гг. По свидетельству Ф.А. Григорьева, Платов, пренебрежительно относившийся ко всему, связанному со строем, однажды сильно «разнес» прапорщика, который пришел в училище с жалобой на юнкера старшего класса, не отдавшего ему честь.

Отношение к корпусным и училищным праздникам, балам и вечерам

Воспитанники военно-учебных заведений, в будние дни живущие по строгому графику, безусловно, радовались свободным от обязательных занятий праздничным дням. Однако многочисленные праздники наносили серьезный урон учебной работе, что вызывало недовольство педагогов. П. Режепо в 1909 г. отме-

[1262] РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 2785. Л. 3.
[1263] РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 2745. Л. 7 об.

чал, что «праздников… так много, что на ученье остается не более половины всего времени»[1264]. Руководство военно-учебных заведений постоянно стремилось сократить их число, чтобы дать педагогам возможность полностью пройти обширные курсы, не сокращая их. Против сокращения числа праздников (в основном религиозных) выступали лишь законоучители, полагавшие, что «…уничтожение праздников, не принося предполагаемой пользы в учебном отношении, в религиозном отношении может быть довольно вредным»[1265].

Главный, корпусной, праздник надолго врезывался в память кадет. Особенное впечатление производила длительная и кропотливая подготовка к масштабным юбилейным торжествам. Кадет 6-го класса 1-го кадетского корпуса Б. Прокофьев так описывал подготовку к празднованию 175-летия корпуса в 1907 г.: «Будничные кадетские интересы отступили на задний план перед предстоящим торжественным событием; всюду царило бодрое, веселое, праздничное настроение; все стремились к одной общей цели, все были воодушевлены одним общим желанием, чтобы праздник удался на славу, и каждый по мере способностей и уменья старался внести хоть крохотную долю в общий труд»[1266]. Однако отмена праздничных торжеств в военное время встречалась и кадетами, и юнкерами с одобрением – они полностью соглашались с тем, что они неуместны и даже неприличны. Многие воспитанники стыдились того, что блестящие балы устраиваются тогда, когда население многих губерний жестоко страдает от последствий неурожая: «Нам, устраивающим ежегодно блестящий бал, на который идет масса денег, стыдно не помочь этим погибающим. Быть может, в то время, когда мы будем нестись в вихре вальса – десятки людей умрут от голода и холода»[1267].

Руководство военно-учебных заведений неоднократно выступало против блестящих праздников и балов, отвлекавших юнкеров и особенно кадет от занятий и даже развращавших их своей роскошью. М.С. Лалаев полагал, что «…балы, концерты и спектакли, устраиваемые в наших заведениях с претензиями на изящество, блеск и роскошь, исподволь развивают в воспитанниках такие вкусы и

[1264] Режепо П. Офицерский вопрос. СПб., 1909. С. 25.
[1265] РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 1114. Л. 2 об.
[1266] Антонов А. В память празднования 175-й годовщины Первого кадетского корпуса. Б.м., 1907. С. 40.
[1267] Арин. Мысль // Михайловец. 1906. № 9. С. 583.

требования, удовлетворить которым едва ли сможет скромная, трудовая и сопряженная с лишениями жизнь армейского офицера»[1268].

На публику блеск корпусных и училищных юбилеев и балов производил неизгладимое впечатление. Шикарный бал Морского корпуса открывал сезон балов в Петербурге. В провинции балы, даваемые в кадетских корпусах, считались большими светскими событиями. Родители охотно привозили на такие балы своих дочерей, ибо в военно-учебных заведениях, «кроме готовых в изобилии кавалеров, имелись налицо такие условия препровождения времени, которые вполне гарантировали девушек от опасности завязать нежелательные знакомства или натолкнуться на сцены, могущие оскорбить их скромность»[1269].

6.1.2. Отношение к образовательным, воспитательным и культурным традициям

Отношение к традициям организации учебной работы

Кадет, слабо разбиравшихся в педагогике, больше всего раздражало обилие занятий, зачастую не оставлявших им ни минуты свободного времени. Кадет 2-го кадетского корпуса князь С. Друцкой-Соколинский писал в 1828 г. в письме другу: «Ну словом, нас совсем заморили; отменили более 10 праздников, а только из класса, то на ученье, а потом опять на мученье. И так все кружится непрерывным движением и будем кружиться, пока не ударимся об стену головой»[1270]. Рутинные методы обучения воспринимались с отвращением, которое приводило к тому, что стремление хорошо учиться осуждалось, и «зубрилы» в кадетской иерархии стояли крайне невысоко. Скука, сон, лень были ответом на бесплодную схоластику, господствовавшую на многих уроках. Со временем, уже после выпуска, приходило осознание несовершенства учебных программ: «Мы подробно изучали историю Греции, а историю родного, многострадального Пскова не знали… Мы исполняли пьесы Мольера на французском языке, и одновременно с этим кадет 6-го

[1268] РГВИА. Ф. 725. Оп. 36. Д. 219. Л. 13 об.
[1269] Танцевальные вечера в кадетских корпусах // Русский инвалид. 1900. № 13. С. 5.
[1270] РГВИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 71. Л. 9 об. – 10.

класса оставлялся на второй год из-за французского языка… Много было рутины и чисто формального отношения, а страдали от этого воспитанники, которым портили дальнейшую жизнь»[1271]. Лишь даровитые учителя могли заинтересовать кадет увлекательными рассказами, причем они это делали зачастую в обход всех существовавших методик и рекомендаций.

В военных училищах отношение к учебным занятиям было совершенно иным: «слово ”зубрить” выговаривалось уже с некоторым оттенком уважения»[1272]. Репетиционная система, по мнению многих юнкеров, приучала к серьезной самостоятельной работе, усидчивым занятиям. Еще более трепетным отношение к учебе было у юнкеров специальных училищ.

Отношение императоров и руководителей военно-учебного ведомства к задачам и традициям постановки учебного дела менялось от эпохи к эпохе. Военно-технический практицизм Петра Великого, основавшего первые школы, сменился при Анне Иоанновне и Елизавете Петровне взглядом на первый кадетский корпус как на дворянский университет, готовивший офицеров и чиновников и одновременно выполнявший благотворительную функцию. В свою очередь, этот взгляд в царствование Екатерины II был вытеснен высочайше поставленной задачей подготовки «новой породы людей». В первой половине XIX в. императоры и их окружение выступили едва ли не с проповедью обскурантизма. От идеального офицера, по мнению Ф.И. Клингера, возглавлявшего 1-й кадетский корпус в 1801-1820 гг., требовались знание иностранных языков и основ наук, безукоризненная строевая выправка и беспрекословное повиновение начальству. Когда Николаю I при осмотре одного из кадетских корпусов представили талантливого воспитанника, он заявил: «"Мне таких не нужно; без него есть кому думать… мне нужны вот какие!" – с этими словами он берет за руку и выдвигает из толпы дюжего малого, огромный кус мяса, без всякой жизни и мысли в лице и последнего по успехам»[1273]. Главный директор Пажеского и кадетских корпусов Н.И. Демидов, стремившийся урезать учебную программу подведомственных ему заведений до пре-

[1271] Савельев П. [Без названия] // Кадетское письмо. № 14. С. 13.
[1272] Воспоминания юнкера-александровца // Александровец. 1907. № 7. С. 17.
[1273] Соловьев, С.М. Записки Сергея Михайловича Соловьева. Пг., 1915. С. 113.

дела, откровенно говорил о том, что отсутствие научных познаний не является препятствием для блестящей военной карьеры: «Помилуйте, пустое! Вот я ничему не учен и книжек не читаю, а извольте видеть – служу честно и аксельбант ношу!»[1274] Во 60-70-е гг. XIX в. военная школа, по мысли Д.А. Милютина, должна была готовить в первую очередь человека, а лишь затем – офицера. В 1880-е гг. по инициативе Александра III эти задачи поменялись местами. И лишь в начале XX в. великий князь Константин Константинович привел общее и специальное образование офицеров в необходимое состояние равновесия.

Общество, как правило, болезненно реагировало на оторванность системы подготовки офицеров от жизни. Недовольство вызывали как энциклопедизм, так и узконаправленный практицизм. Дипломат С.Р. Воронцов, отец будущего фельдмаршала М.С. Воронцова, критикуя образовательную систему Сухопутного шляхетного корпуса последней трети XVIII в., отмечал: «Стремление быть универсальным и знать все приводит к тому, что не знают ничего… Офицеры, выходившие из нашего старого кадетского корпуса, были хорошие военные и только, воспитанные же Бецким, играли комедии, писали стихи, знали, словом, все, кроме того, что должен знать офицер»[1275]. Свойственные учебным курсам кадетских корпусов в первой трети XIX в. теоретичность и гипертрофированное внимание к математическим дисциплинам в ущерб всем остальным наукам также вызывало негативную реакцию у общества. А.Н. Вульф в своем дневнике так отозвался о постановке учебного дела в кадетских корпусах в конце 1820-х гг.: «Круг познаний офицера так велик и оные так разнообразны, что, право, у него нет времени лишнего, чтобы он мог его посвящать исчислениям высшей математики, ему ненужной… На исторические, географические науки, столь необходимые, обращают мало внимания, даже и на знание отечественного языка»[1276]. Возрожденная в 1830-е гг. многопредметность, быстро выродившаяся в ложный энциклопедизм, не смогла найти поддержки за пределами корпусных стен. Подполковник корпуса жандармов А. Васильев в 1846 г. писал: «…у нас большая часть офицеров пе-

[1274] Данченко В.Г., Калашников Г.В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 268.
[1275] Каменев А.И. История подготовки офицерских кадров в России. М.: ВПА им. Ленина, 1990. С. 33.
[1276] Вульф А.Н. Дневники // Любовный быт пушкинской эпохи. М.: Современник, 1999. С. 86.

хоты и кавалерии не понимают, как заряжается орудие, а атакованные сильнейшим неприятелем не сумеют построить грудной обороны – память побед римлян над Югуртою тогда не поможет им. И кроме всеобщей древней истории… в сухопутных кадетских корпусах преподается множество посторонних предметов только путающих головы детей и отвращающих их от уроков дельных. Испестря программу ботаникой, зоологией, физикой, химией, механикой, минералогией и т.п., сделали то, что выпускаемые из корпусов офицеры решительно не знают ничего основательно и с детства получают отвращение от занятий, бесполезно заевших их молодость!..»[1277]

Превращение военных гимназий в 1860-е гг. в полигон передовых педагогических идей было важным шагом вперед, знаменовавшим отказ от прежней схоластики. Свидетельством возросшего авторитета военной школы может служить тот факт, что известный педагог К.Д. Ушинский предпочел дать своему сыну образование именно в военной гимназии. Однако многие решения, ставшие фундаментом учебной работы в гимназиях, к концу 1870-х были сочтены ошибочными. По мнению А.И. Ватаци, военные гимназии в погоне за умственным развитием учащихся «стали смотреть на каждый предмет состава учебного курса только как на орудие для умственной гимнастики, а самое изучение предмета, даже в доступном для воспитанников объеме программы и учебника, ставили далеко на второй план»[1278]. Методу катехизации, принятому в младших классах, стали придавать такое большое значение, что он начал широко использоваться в средних и даже в старших классах гимназий. В итоге уроки получались малосодержательными и не давали воспитанникам необходимых знаний. По словам П. Рогова, введение элементарного курса привело к тому, что педагоги, «избегая отупления от долбни, впали в другую крайность – расслабления и развращения учащихся при помощи одного и того же и топтания на одном и том же месте»[1279]. Конечный результат оказался прямо противоположным ожидаемому: если прежняя система зубрежки, не позволяя развиться слабым и средним по способностям кадетам, все-

[1277] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 323. Л. 34 об. – 35 об.
[1278] НИОР РГБ. Ф. 169. К. 24. Е. 10. Л. 3.
[1279] НИОР РГБ. Ф. 169. К. 24. Е. 7. Л. 2 об.

таки вырабатывала в сильных способность к самостоятельному труду, то элементарный курс на корню губил всякую самостоятельность.

Определенные нарекания вызывало и содержание программы, соотношение часов на изучение отдельных дисциплин. Директор 1-й Санкт-Петербургской военной гимназии П.И. Носович в 1879 г. выступил против того, чтобы тратить слишком много часов на русский язык и математику: «Учителя русского языка тратят время на бесплодный разбор выдержек из наших сатириков, математики же приучают воспитанников к бесконечным и крайне дробным объяснениям каждой математической истины»[1280]. В то же время крайне недостаточным признавалось количество часов на изучение иностранных языков.

В отличие от Ф.-Е. Ангальта, сознательно превратившего корпус в «башню из слоновой кости», военные педагоги XIX в. осознавали вред энциклопедичности и теоретичности курса, однако были не в силах уйти от него. Так, директор Педагогического музея военно-учебных заведений генерал-майор В.П. Коховский в своей «Записке о ближайших нуждах военно-учебных заведений», составленной в 1882 г. назвал многопредметность «щитом, о который разбивались требования больших успехов по предметам военной специальности»[1281]. И тем не менее в этой же записке, говоря о способах помочь юнкерам лучше усвоить военные предметы, он выдвинул предложение «присоединить к курсу военных предметов, во избежание его сухости и односторонности, такие из общеобразовательных предметов, кои выгодно дополняли бы общее развитие будущих офицеров»[1282]. Сохранившийся разрыв между военной школой и армией, особенно резко давший о себе знать во время русско-японской войны, в 1900-е гг. вновь стал объектом ожесточенной критики. По словам М.С. Галкина, выпущенный из училища юнкер был совершенно не готов к исполнению служебных обязанностей, «и первое чувство, которое его охватывает при входе в казарму, – это чувство растерянности и беспомощности»[1283].

[1280] НИОР РГБ. Ф. 169. К. 24. Е. 14. Л. 3 – 3 об.
[1281] РГВИА. Ф. 725. Оп. 20. Д. 18. Л. 34.
[1282] Там же. Л. 36.
[1283] Галкин М.С. Новый путь современного офицера. СПб., 1907. С. 64.

Отношение к воспитательным традициям

Репрессивная политика, господствовавшая в русской военной школе до 1760-х гг., не могла встретить сочувствия в кадетской среде. Просветительские идеалы, лежавшие в основе воспитательной системы кадетских корпусов в эпоху Екатерины II, напротив, разделялись подавляющим большинством воспитанников, остававшихся их горячими приверженцами и после выпуска их корпуса. Однако «оранжерейная» воспитательная система Ф.-Е. Ангальта критиковалась многими кадетами, испытавшими ее влияние на себе. По словам выпускника 1-го кадетского корпуса Ф.Н. Глинки, учившегося в нем в 1796-1802 гг., когда идеи Бецкого и Ангальта еще были живы, «отделенные своею стеною от мира гражданского, питомцы науки и теории оставались за этою стеною безвыходно около двух десятилетий. Живя жизнью анахоретов, без всякого общения с деятельностью, страстями и нравами внешнего мира, – кадеты составили свой особенный мир. У них были свои поверья, предания, свой собственный, может быть, слишком утопический взгляд на жизнь… Эти молодые растения слишком разнеживались в их искусственном климате и становились малоспособными к перенесению стужи внешнего быта общества, в которое должны же были, наконец, вступить после долговременного затворничества… Вынося из своего уединения избыток чувствительности, доброты, часто простодушной до забавного, и романтическую наклонность к мечтам, они, несмотря на всю роскошь своего воспитания, долго не могли сделаться деловыми, годными работниками…»[1284]

Воспитательная политика, которая велась в кадетских корпусах в 1-й половине XIX в., вызывала у кадет резко негативную реакцию. На грубость отвечали грубостью и неповиновением. Были случаи, когда воспитанники, желая избежать телесного наказания, пытались покончить с собой[1285]. Бывшие кадеты александровской и николаевской эпох в своих мемуарах, как правило, были склонны идеализировать воспитательные условия военно-учебных заведений, даже если в годы

[1284] Взгляд на прошедшее. Первый кадетский корпус. Волынь и дальнейшие сношения мои с Милорадовичем. Ф. Глинки. (Отрывок 3-й) // Москвитянин. 1846. Ч. 1. № 2. С. 37-38.
[1285] РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1059. Л. 1 – 7 об.

учебы демонстрировали негативное к ним отношение. Спустя годы суровость и жесткость казарменно-милитаристского режима воспринимались с ностальгией как наиболее подходящие для подготовки офицера. Вот почему преобразование кадетских корпусов в военные гимназии и ослабление специально-военной подготовки было негативно встречено многими офицерами – выпускниками корпусов николаевской эпохи.

Резко критические отзывы об условиях воспитания можно встретить у тех, кто учился в военных гимназиях в 1870-е гг. (С.Я. Надсон) и пореформенных кадетских корпусах в 1880-90-е гг. (А.И. Куприн, М.К. Соколовский, В.А. Самонов). Грубость офицеров, культ наказаний, дурные нравы товарищей – все это неприятно шокировало воспитанников, особенно тех, кто поступал сразу в старшие классы. Особенно негативно воспринималось отсутствие определенной воспитательной цели. В.А. Самонов вспоминал: «Отсутствие разумной программы воспитания и образования создавало из нас неопределенный тип – кадета, шалуна, без воли, характера и положительной мысли. А главное, кадетское воспитание не достигало своей цели и не создавало из нас – настоящих военных людей. Мы все скорей были люди привычки, слабые нервные без твердой воли, а не здоровые сильные юноши, охваченные военной идеей. Крайнее ограничение свободы, тяжелый казарменный режим, разобщенность с природой – создавало во многих из нас полное отвращение к военному делу»[1286].

Наконец, те, кто учился в корпусах и училищах в начале XX в., отзывались о воспитательных мероприятиях великого князя Константина Константиновича с благоговением, с гордостью именуя себя «княжеконстантиновцами».

Отсутствие единства между офицерами-воспитателями и педагогами сказывалось на их отношении к воспитательным традициям. Первые во главе с руководством заведений были, за весьма редкими исключениями, последовательными сторонниками внедрения военно-дисциплинарной подготовки уже с момента зачисления ребенка в заведение, чтобы как можно раньше начать формирование в

[1286] Самонов В.А. Мысли современного офицера. В 4-х выпусках. Выпуск I. Тифлис: Типография «Гуттенберг», 1907. С. 20.

нем «военной косточки». У педагогической корпорации, напротив, раннее начало специально-военной подготовки в кадетских корпусах вызывало большие нарекания: «Воспитание детей требует забот об индивидуальной личности, а военная дисциплина, если не по духу закона, то по ее пониманию, стремится обезличить и нивелировать всех военной выправкой;… воспитание стремится к развитию самостоятельности, особенно обучение должно развивать самодеятельность и некоторый критицизм, а военная дисциплина требует безусловного подчинения…»[1287]

Строевое начальство, настороженно относившееся к выпускникам кадетских корпусов и в XVIII в., и в 1-й половине XIX в.[1288], после военно-учебной реформы Милютина изменило отношение к ним. Начальник Павловского военного училища в 1875 г. писал: «Лестные отзывы военных начальников молодым офицерам, выпущенным из военных училищ, служат тому лучшим доказательством вполне рациональной постановки в них военного воспитания… Гвардейский корпус… в последнее время значительно увеличил свои требования на них (выпускников училищ – А.Г.) и кроме разрешаемого монаршей волей числа вакансий, обыкновенно сверх комплекта, ходатайствует ежегодно о выпуске еще большего числа на именные вакансии»[1289]. При этом на первый план выдвигалось воспитание качеств, необходимых будущему воину: отваги, смелости, лихости. По словам одного из военных публицистов, «нельзя ставить себе исключительным идеалом добронравного, тихого юношу, отвечающего по всем предметам на полный балл»[1290].

Неоднозначным было отношение к воспитательным традициям у общества, в частности у родственников кадет. Бывшие кадеты екатерининской эпохи с трудом адаптировались к условиям реальной жизни и нравам общества, однако не становились объектом для насмешек, подобных тем, что сыпались в адрес инсти-

---

[1287] С.П. Несколько слов о наших кадетских корпусах // Педагогический сборник. 1903. № 7. С. 51.

[1288] А.В. Суворов с предубеждением относился к выпускникам корпуса, называл их «курочками», избегал принимать их в вверенные ему части, а если назначение все-таки происходило, то издевался над бывшими кадетами со всей изощренностью, на которую только был способен (Данченко В.Г., Калашников Г.В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 167-168). В александровскую и николаевскую эпоху строевые начальники считали выпускников корпусов самонадеянными невеждами и строптивцами, нуждавшимися в «няньке»-фельдфебеле, и предпочитали им офицеров, выслужившихся из юнкеров.

[1289] РГВИА. Ф. 725. Оп. 13. Д. 153. Л. 57 об.

[1290] Выписка из статьи газеты «Русский инвалид» по вопросу о браках офицеров (1898 г., № 174) // РГВИА. Ф. 725. Оп. 36. Д. 219. Л. 2 об. – 3.

туток. Критическое отношение к воспитанию офицеров появилось в начале XIX в. Выпускники николаевских кадетских корпусов получили прозвище «бурбонов» за необученность светским манерам и незнание иностранных языков. Видный церковный деятель митрополит Евгений (Болховитинов) в 1809 г. писал в письме одному из своих друзей: «Михайлу Васильевича непременно прочьте в Петербург, но не в корпуса, которые в нынешнее время ничему не учат, кроме солдатства»[1291]. Один из бывших питомцев Ангальта А.Н. Соковнин, в 20-е годы XIX в. отдавая своих детей в корпус, по собственному признанию, «ужаснулся той перемене, какую я нашел теперь. Куда девалась вежливость, благородное обращение! У нас наказание розгами было вещию редкой, а тут каждый офицер дерет, когда ему вздумается. Стыд наказания пропал, – разницы между кадетом и солдатом не стало. Невежество, необразованность…так ли было в наше время?..»[1292] А.Н. Вульф называл кадетские корпуса полуказармами-полумонастырями, соединившими пороки и тех, и других: «Нет разврата чувственности, изобретенного сластолюбием Катона и утонченного греками…, которого не случалось бы там, и нет казармы, где бы более встречалось грубости, невежества и буйства, как в таком училище русского дворянства!»[1293] Тем не менее в николаевскую эпоху дворяне предпочитали давать своим детям военное образование, и «определять здорового сына в гимназию считалось тогда несколько странным»[1294]. Осуждение вызывали формальный подход к ведению воспитательной работы и крайние формы репрессивной политики. Крайний упадок дисциплины в кадетских корпусах в конце 1850-х гг. продемонстрировал несостоятельность существовавшей системы воспитания, которая стала возбуждать «общий против себя ропот»[1295]. В начале 1860-х гг. общественность требовала ликвидации кадетских корпусов – дорогостоящих благотворительных учреждений. Успех воспитательной работы в военных гимназиях восстановил доверие к ним, и традиция давать детям военное образование

[1291] Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевского) к воронежскому приятелю его Василию Игнатьевичу Македонцу // Русский архив. 1870. № 4-5. С. 867.
[1292] Из давних воспоминаний, статья В.В. Селиванова // Русский архив. 1869. № 6. С. 160.
[1293] Вульф А.Н. Дневники // Любовный быт пушкинской эпохи. М.: Современник, 1999. С. 85.
[1294] Карцов П.П. Личные и служебные воспоминания П.П. Карцова. Ч. первая. 1831-1876 г. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1888. С. 3.
[1295] Лалаев М.С. Наши военно-учебные заведений под главным начальством великого князя Михаила Николаевича. 1860-1863. СПб., 1898. С. 42.

была продолжена[1296]. Однако прежнего единодушия в вопросах воспитания между начальством заведения и родителями уже не было; напротив, многие родители потакали своим детям в их попытках нарушить принятые правила и даже помогали им. Так, в 1870 г. отец одного из воспитанников Орловской-Бахтина военной гимназии прислал сыну табак с советом получше его спрятать[1297]. Постепенно связь дворянской среды с военно-учебным ведомством, которое постепенно утрачивало свой привилегированный статус, стала ослабевать. В 1870-е гг. в печати началась критика военных училищ с антимилитаристских позиций. В 1882 г. общество почти единодушно (за исключением представителей военной среды) осудило реорганизацию военных гимназий в кадетские корпуса[1298]. Упадок воспитательного дела в корпусах привел к тому, что в конце XIX в. многие офицеры отдавали своих детей в кадеты лишь из-за недостатка средств для того, чтобы подготовить их к поступлению в другие учебные заведения. Постепенно стала возникать опасная тенденция: «Родители, нередко сами носящие офицерские погоны, обыкновенно говорят о своих малолетних сыновьях: ”Вася мальчик способный, его жаль отдавать в кадетский корпус, а Володя плох, плох, и поэтому придется пустить его по военной”. Дети слышат эти мнения, и у них рано начинает слагаться убеждение, что прохождение средней военной школы есть только установившаяся формальность…»[1299] В конце концов многие родители стали смотреть на корпуса как на исправительные заведения. В начале XX в. консервативная часть общественности (в лице М.О. Меньшикова) стала призывать к крайним формам

[1296] Ильин И.С. Воспоминания // Архив БФРЗ. Ф. 1. Е-27. Л. 1.
[1297] РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 2561. Л. 57.
[1298] Любопытно отметить мнение о кадетах и военных гимназистах простого человека – лодочника, проживавшего в окрестностях Петербурга. В 1864 г. А.Н. Куропаткин, окончив 1-й кадетский корпус и ожидая приказа прибыть в лагерь, жил с несколькими товарищами в землянке на берегу. Однажды кадеты наняли лодку и, не справившись с управлением, были унесены в море, где пробыли почти двое суток. Не имея денег расплатиться с лодочником, они избили его и его работников, отобрали оставленные в залог тесаки и ушли, прихватив с собой хозяйскую провизию. Через 2 года, уже офицерами, Куропаткин и его друзья, решив покататься, вновь пришли к тому же лодочнику и, ожидая снаряжения лодки, спросили у него, берут ли лодки военные гимназисты. К удивлению Куропаткина, «хозяин отнесся к военным гимназистам довольно презрительно: белоручки, неженки и с нескрываемой симпатией вспоминал кадет, ”с которыми надо было держать ухо востро”, но это были славные, смелые ребята» (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1740. Л. 59). Затем лодочник, не узнав в офицерах избивших его когда-то кадет, рассказал им «без озлобления, но даже с сочувствием» о том как два года назад пять молодцов, взяв у него лодку, в течение полутора суток носились по морю, но не бросили ее, а вернули неиспорченной.
[1299] Старый воспитатель. Наши недочеты // Труды руководителей и слушателей Педагогических курсов военно-учебных заведений. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1906. С. 59-60.

милитаризации воспитательного процесса, либералы же настаивали на отказе от подготовки «пушечного мяса» и «человекоубийц»[1300].

Отношение к традициям военно-профессиональной подготовки

Отношение к строю у воспитанников военно-учебных заведений было крайне почтительным: «Перед проходящим строем сидящие кадеты вставали и стояли смирно, пока перед ними не пройдет весь строй. В строю прекращались всякие вольности, шутки и разговоры»[1301]. Неуместное поведение в строю (разговоры, смех) быстро пресекались офицерами или старшими воспитанниками, случаи грубых нарушений правил поведения в строю (самовольный выход, курение) были единичны. Даже в специальных училищах, где строевым упражнениям не уделялось никакого внимания, находились юнкера, отстаивавшие необходимость соблюдения установленных правил: «…”Черт возьми! Командует фельдфебель: ”смирно”, а как стоят наши юнкера”, – проговорил сдавленным шепотом Тарасов, обращаясь к Кохновскому. Пронеслась команда: ”Направо, марш”, и юнкера начали спускаться по лестнице в столовую. Этот спуск совершенно свободно можно было назвать бегством великой армии. Каждый шел, как хотел. Громкие разговоры, смех не прекращались ни на минуту. ”Военные, – заговорил Тарасов, – а как идут, хуже 4-й роты корпуса. Мы – военные студенты”»[1302]. Однако в том же Михайловском артиллерийском училище с 1906 г. существовала традиция возвращаться в училище с вокзала после производства в офицеры в таком строгом порядке, которому могла бы позавидовать любая воинская часть.

Специально-военные упражнения с восторгом встречались воспитанниками. Кадеты Морского корпуса с нетерпением ожидали летнего плавания на судах. Пажи, которых в 1860-е гг. стали обучать возводить части укреплений, так увлеклись работой, что «…уже в городе, найдя в саду кучи глины и щебня, …принялись за постройку настоящего укрепления в уменьшенном виде. Барбеты, прямые и косые бойницы были тщательно вычислены. Все было сделано очень

[1300] Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны. Изд. 2-е. СПб., 1907. С. 8.
[1301] Полоцкий кадетский корпус. Сан-Франциско: Глобус, 1982. С. 75.
[1302] Терентьев Л. Не на месте. Рассказ из юнкерской жизни // Михайловец. 1910. № 1. С. 44.

изящно. Мы мечтали теперь о том, как бы достать досок, чтобы сделать платформы для орудий и поставить на них модели пушек из нашей классной»[1303].

Начальство военно-учебных заведений обращало основное внимание на неукоснительное соблюдение кадетами и юнкерами всех правил поведения в строю. Воспитанникам внушалось, что «для военного человека строй – священное место, быть в строю – величайшая честь, самовольно оставить строй – величайший позор»[1304]. Отступления от правил, особенно умышленно-грубые, сурово карались. В 1874 г. юнкер Николаевского кавалерийского училища Карель, позволивший себе находиться в строю на крещенском параде в нетрезвом виде, был предназначен педагогическим комитетом училища к исключению, замененному начальником училища арестом, продолжительным лишением отпуска и переводом в третий разряд по поведению[1305]. Произведенным в 1902 г. в офицеры юнкерам Константиновского артиллерийского училища, бросившим орудия вдоль дороги в беспорядке и без присмотра, военный министр А.Н. Куропаткин приказал внушить, что артиллеристы должны «умирать при орудиях, им вверенных»[1306]. Пренебрежительно относились к строю лишь педагоги Морского корпуса: «…ненормально требовать, чтобы морской человек был бы, как военный, вымуштрован по артикулам военного строевого устава, ему на судне нужна живость и лихость, а усиленная строевая муштровка их убьет…»[1307]

Фронтовые упражнения в 1-й половине XIX в. были непосильными для детей. Великий князь Михаил Павлович приказал начальникам военно-учебных заведений прекратить изматывающие строевые учения, калечившие кадет. В 1860-е гг. в преддверии военно-учебной реформы С.Г. Строгановым было высказано мнение, что воспитанники младших классов должны быть полностью освобождены от преждевременных и вредных для них строевых упражнений, отнимающих к тому же очень много времени. Воспитанники военных гимназий не обучались

[1303] Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Московский рабочий, 1988. С. 149.
[1304] РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 64. Л. 59.
[1305] РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 177. Л. 143.
[1306] РГВИА. Ф. 725. Оп. 40. Д. 16. Л. 1 об.
[1307] Воспитатель. О преобразовании Морского кадетского корпуса // Морской сборник. 1905. № 12. Неофициальный отдел. С. 46.

строю, а в пореформенных кадетских корпусах обучение фронту велось в разумных пределах и не приобрело гипертрофированных форм.

Однако специально-военной подготовке, в отличие от строевой, зачастую не уделялось достаточного внимания. П.А. Кропоткин вспоминал, что попытка самостоятельного возведения пажами уменьшенной копии настоящего укрепления навлекла на них гнев начальства, а на следующий день изящная модель крепости была варварски разрушена.

В начале XX в. в печати появилось большое количество публикаций, в которых отстаивалась необходимость усиления специально-военной подготовки воспитанников. М.О. Меньшиков в своей статье «Недовольство в армии» называл кадет телятами и ягнятами, из которых никогда не выйдут настоящие офицеры, и призывал отбросить учебники и сделать обучение по-настоящему военным: «Создайте военную обстановку, например, изо дня в день поход, лагерь, строй, осады, битвы, караулы, разведки, военные ученья, сделайте так, чтобы как можно было меньше теории и как можно больше практики…»[1308] Развивая эту мысль, один из авторов настаивал на необходимости развивать в детях дух милитаризма и сделать его основой воспитания будущих офицеров: «Пусть кадеты рубят дрова, бегают взапуски; учите их бороться, устраивайте длинные военные прогулки с ночевкой в деревнях, пусть бегают на лыжах и т.д. и т.д. Конца нет всем видам военных упражнений и спорта, доступных их возрасту»[1309]. Подобный «спартанский» подход к подготовке офицеров не нашел поддержки у руководства военно-учебных заведений, хотя вопросы о вреде приучения кадет к роскоши, о губительном для будущих офицеров недостатке воздуха и спорта, о полной неготовности выпускников военно-учебных заведений к суровым условиям службы, их наивности и непрактичности и до этого неоднократно поднимались в печати[1310].

Отношение к гимнастике и спорту

[1308] Меньшиков М.О. Недовольство в армии // Новое время. 1909. 10(23) февраля. № 11823. С. 3.
[1309] Л.Э.Ф. По поводу статьи «Недовольство в армии» (Новое время. № 11823) // Русский инвалид. 1909. 20 февраля. № 40. С. 5.
[1310] Гр. А.Д. Разговор о кадетском воспитании // Русский инвалид. 1907. 12 января. № 9. С. 4-5; Левитский М. Насущный вопрос // Русский инвалид. 1907. 24 января. № 19. С. 5.

В кадетских корпусах физические упражнения всегда были весьма популярны. Кадеты любили строевые учения, любили гимнастику. Во Владимирском-Киевском кадетском корпусе в 1880-е гг. «…гимнастика… не только входила в программу дня, но и составляла предмет соревнования кадет, в особенности в младших ротах… Взлезть на руках по наклонной лестнице с быстротой молнии под потолок и оттуда медленно спускаться, поочередно меняя руки, считалось обязательным для кадета»[1311].

В военных училищах выполнение сложных гимнастических упражнений и участие в спортивных соревнованиях воспринималось как дело чести. Офицер, в представлении большинства юнкеров, должен был быть хорошо развит не только умственно, но и физически.

Замена в военных гимназиях продолжительных фронтовых занятий кратковременными упражнениями гимнастикой была негативно встречена некоторыми педагогами, полагавшими, что это ведет к изнеженности воспитанников. Столь же негативно воспринимались частью педагогического состава появившиеся в начале XX в. гигиенические требования, которые якобы развращали кадет. Увлечение спортом, которое стало следствием организации спортивных состязаний, по мнению некоторых педагогов, наносило вред учебным успехам[1312].

Спортивные соревнования, особенно конные праздники, привлекали многочисленную публику, которая, судя по появлявшимся в печати отзывам, оставалась весьма довольной увиденным, «унося с собой любовь и уважение к новому поколению…»[1313]

Отношение к образовательным экскурсиям

Кадеты и юнкера в целом положительно относились к экскурсиям и прогулкам, вносившим разнообразие в их монотонную жизнь, однако из-за продолжи-

[1311] Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986. С. 36.
[1312] Тихобразов Л. Несколько мыслей по поводу учебной подготовки в наших кадетских корпусах // Педагогический сборник. 1910. № 7. С. 36.
[1313] Несколько слов по поводу Конного праздника // Михайловец. 1911. № 2. С. 79.

тельности и сложности познавательных экскурсий по арсеналам, заводам и музеям иронично именовали их «хождением по мукам»[1314].

Руководство военно-учебных заведений требовало, чтобы прогулки представляли собой не комфортабельные увеселительные поездки, а приносили практическую пользу и являлись бы полноценным видом учебных занятий. Директора некоторых корпусов (например, Псковского) стремились устраивать экскурсии как можно реже, ибо, по их мнению, они мешали учебе кадет.

Отношение к руководству чтением и литературным творчеством

Отношение воспитанников к традиции руководства чтением и литературным творчеством обусловливалось спецификой развития этой традиции и социокультурными особенностями эпохи. «Метода» Ангальта, который окружил кадет книгами, приучил их к выписыванию понравившихся мыслей и суждений, организовал обсуждение прочитанного, воспринималась кадетами с восторгом. Жесткий запрет на чтение «посторонней» литературы, существовавший в 1-й половине XIX в., был встречен кадетами спокойно, а «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» кадеты поначалу зачитывали до дыр. Однако общий умственный подъем конца 1850-х – начала 1860-х гг. привлек их внимание к серьезной литературе, в том числе и запрещенной. «Журнал» перестал удовлетворять запросам кадет, казенные библиотеки лишь наводили на них уныние. В течение всей 2-й половины XIX в. отсутствие собственных печатных изданий, скудость библиотек и серьезные ограничения на чтение посторонней литературы породили тягу к нелегальному проносу книг в заведения и подпольной журналистике, сатирической по содержанию и нецензурной по форме. Разрешение кадетских и юнкерских журналов в начале XX в. было встречено с восторгом и привело к появлению ряда печатных изданий.

Руководство военно-учебных заведений стремилось к энциклопедическому развитию воспитанников лишь в конце XVIII в. Начиная с павловского царствования чтение кадет было поставлено в жесткие рамки, а литературное творчество

[1314] Хроника // Михайловец. 1909. № 1. С. 112.

– запрещено совсем. «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» стал прокрустовым ложем для русской и зарубежной литературы, адресованной кадетам. Во 2-й половине XIX в. руководители и военно-учебного ведомства, и отдельных заведений были солидарны в том, что, уделяя организации чтения большое внимание, следует сохранять строгие правила, его регламентирующие, комплектовать библиотеки в соответствии с подробными списками рекомендуемой литературы и организовать систему предварительного просмотра всех приносимых кадетами в заведение книг. Запрет на издание кадетских и юнкерских журналов в 1869 г. был наложен с единодушного согласия всех руководителей военно-учебных заведений. Лишь в начале XX в., благодаря инициативе великого князя Константина Константиновича, этот запрет был снят, а круг чтения кадет – расширен.

Общество благосклонно принимало печатные издания военно-учебного ведомства. Редактор «Библиотеки для чтения» О.И. Сенковский в 1836 г. писал Я.И. Ростовцеву: «Могу уверить вас без лести, что этот скромный журнал для юношества лучше десяти других литературных журналов, издаваемых для публики; статьи в нем выбраны со вкусом, с уменьем и представляют все вместе полезное и разнообразное чтение»[1315]. Впоследствии неоднократно поднимался вопрос о том, чтобы разрешить свободную продажу «Журнала для чтения» и подписку на него частных лиц.

Возрождение кадетских и юнкерских журналов в начале XX в. было тепло встречено обществом, особенно офицерами – бывшими питомцами военной школы.

Отношение к музыке, пению и танцам

Кадеты дореформенных корпусов рассматривали занятия музыкой лишь как приятный факультатив. В военных гимназиях, где обучение игре на музыкальных инструментах стало вестись планомерно, лишение права заниматься музыкой

[1315] Соколовский М.К. Из истории кадетского журнала. Появление и первые годы издания журнала для чтения воспитанникам военно-учебных заведений и замена его впоследствии Педагогическим сборником. СПб., 1906. С. 19.

считалось воспитанниками более серьезным наказанием, чем штраф, арест, лишение блюда за обедом. Известно немало случаев, когда воспитанники умоляли заменить им лишение права участвовать в оркестре продолжительным арестом в карцере. В военных и юнкерских училищах, особенно провинциальных, занятия музыкой также были весьма популярны. Часто экспромтом устраивались музыкально-вокальные вечера. Однако пение в хоре, особенно в церковном, воспринималось как обременительная обязанность, хотя и дававшая некоторые льготы и привилегии.

Танцы никогда не пользовались популярностью среди кадет и военных гимназистов, так как некоторым воспитанникам приходилось танцевать за даму и по этой причине становиться мишенью для насмешек. Кроме того, отдельный балл за танцы не ставился, а лишь учитывался при выводе общего балла за успехи в строевых упражнениях и танцах; существовала даже поговорка: «Что мне в танцах, коль я по фронту хорош!» Юнкера также «всеми силами старались увильнуть от танцклассов»[1316], любителей танцевать в насмешку именовали «полотерами».

Обучение музыке, по мнению руководства, должно было помочь офицеру в будущем не только заполнить свой досуг, но и руководить солдатским оркестром. Начальство отстаивало необходимость обучения танцам, полагая, что офицер, чтобы не выглядеть в обществе «белой вороной», должен уметь хорошо танцевать. Юнкеров, хорошо учившихся, но не умевших танцевать, не производили в портупей-юнкера, и они теряли в старшинстве при производстве.

Отношение к театру

Воспитанники всегда воспринимали театр как интересное развлечение. Билеты, присылаемые в корпуса и училища, быстро разбирались. В обход существующих запретов нелегально посещались представления, даваемые в частных театрах. Театральные постановки в самих заведениях были событиями, которых ждали с волнением. Подготовка к ним была тщательной, сил и времени не жале-

[1316] Промтов М.Н. Мои воспоминания // Михайловцы. Сборник воспоминаний о Михайловских артиллерийских училище и академии и их питомцах. Выпуск 1-й. Белград, 1936. С. 44.

ли, поэтому «…участвовали в спектаклях почти все: кто изображал парикмахера-гримера и разукрашивал жженой пробкой физиономии актеров, доверчиво отдававшихся ему в руки; кто подымал занавес, кто зажигал лампы…»[1317]

Руководство военно-учебных заведений строго контролировало посещение кадетами и юнкерами спектаклей, не позволяя им ходить на оперетки и сомнительные спектакли, даваемые в частных театрах. К домашним постановкам отношение было достаточно настороженным. В «Материалах для инструкции по воспитательной части для военных гимназий и прогимназий» спектакли были названы «наиболее опасными» развлечениями. Главное опасение вызывало несоответствие многих пьес детскому возрасту. Но даже хорошо подобранные пьесы, по мнению педагогов, угрожали детской нравственности: «Роли раздражают детскую фантазию и переполняют ее образами, которые впоследствии не дают ей успокоиться. Представления эти будят самолюбие и зависть, притупляют впечатлительность к более скромным удовольствиям и могут развить весьма опасную страсть к удовольствиям необыкновенным. Воспроизведение чужих, вымышленных чувств может породить притворство. Одобрения публики сильно щекотят самолюбие, заглушают свойственную детям застенчивость и часто замещают ее наглостью»[1318]. Поэтому от организации представлений в военных гимназиях было решено отказаться. Отрицательно относились к театральным постановкам и руководители Пажеского корпуса и некоторых военных училищ. В ответ на запрос, сделанный в 1879 г. Главным управлением военно-учебных заведений относительно организации досуга воспитанников, директор Пажеского корпуса отрапортовал, что, по его мнению, учащиеся «…в силу неизбежного вредного влияния столичной атмосферы преждевременно начинают пользоваться развлечениями общественной жизни и вследствие этого нередко страдают нервно воспаленным воображением»[1319], а начальник Павловского училища прямо указал, что не находит полезным устраивать спектакли в заведении.

[1317] Хроника // Михайловец. 1906. № 6. С. 435.
[1318] Материалы для инструкции по воспитательной части для военных гимназий и прогимназий // Педагогический сборник. 1870. № 1. Ч. офиц. С. 3.
[1319] РГВИА. Ф. 725. Оп. 17. Д. 104. Л. 9 об. – 10.

В пореформенных кадетских корпусах школьные спектакли были признаны хорошим средством заполнения досуга воспитанников, побуждавшим их к углубленному изучению изображенной в пьесе эпохи, а также эффективным способом тренировки выразительного чтения. Однако некоторые руководители (например, директор Псковского кадетского корпуса И.А. Боголюбов) неодобрительно относились к театральным представлениям как мешавшим учебе кадет.

6.1.3. Отношение к неофициальным кадетским и юнкерским традициям и обычаям

Эта группа традиций создавалась самими воспитанниками и поддерживалась подавляющим их большинством. Кадеты и юнкера, как правило, одобряли все традиции, даже самые жестокие. Они относились к ним как к заветам своих предшественников, многие из которых дослужились до генеральских чинов, стали прославленными полководцами и государственными деятелями. По мнению воспитанников, именитые мужи в бытность их кадетами и юнкерами не могли придумать ничего дурного – а это означало, что традиции, завещанные однокашниками старых выпусков, необходимо поддерживать всеми силами. Поскольку дети, как правило, поступали в военно-учебное заведение в возрасте 9-10 лет, они не могли рационально воспринимать то, что их окружало, и, пройдя этап инициации, в большинстве своем становились ярыми «традиционерами», считавшими защиту неписаных кадетских обычаев своим долгом. Выступление против традиций ставило кадета или юнкера в положение изгоя. Неодобрительное отношение к традициям лишь впоследствии находило отражение на страницах воспоминаний выпускников военно-учебных заведений. Так, князь П.П. Ишеев, перешедший из Морского корпуса в Николаевское кавалерийское училище, с неодобрением встретил «кавалерийские традиции», в основе которых, как он считал, лежало ущемление самолюбия младших и откровенное глумление над ними, но не решился открыто против них выступить.

Кадровые офицеры, сами прошедшие через горнило традиций, в большинстве случаев относились к ним с сочувствием и если не поддерживали «традицио-

неров» открыто, то, по крайней мере, старались делать вид, что не замечали безобразий, творившихся у них прямо под носом. В более сложном положении находились начальники военно-учебных заведений, вынужденные бороться с негативными традициями. Те, кто объявлял традициям открытую войну (П.А. Плеве, М.К. Марченко, П.П. Карачан), как правило, быстро терпели фиаско. Начальники, обладавшие бóльшей проницательностью, не стеснялись заявлять о том, что сами являются «старыми пажами», питомцами «Славной школы», «павлонами» и т.п. и в силу этого солидарны с лучшими традициями заведения. Так, бывшему пажу Н.В. Корсакову, назначенному в 1865 г. временно исполняющим должность директора Пажеского корпуса, пришлось «подтягивать» заведение, распущенное его безвольным предшественником С.П. Озеровым; при этом Корсаков, опираясь на культивируемые пажескими традициями рыцарские чувства, пытался поднять «значение общей порядочности, благовоспитанности пажей»[1320]. Это ему удалось: балаганы и прочие шалости перестали быть обыденным явлением, настроение воспитанников стало более серьезным, а поведение – сдержанным. Подобный педагогический прием успешно использовал и генерал Ф.Э. Келлер, также бывший паж, ставший директором Пажеского корпуса в 1893 г. Как вспоминал П.К. Ламздорф-Галаган, один из питомцев корпуса, «…с подкупающей искренностью он [Келлер – А.Г.] признался нам, что никогда не был и теперь не считает себя педагогом, но, как бывший паж, любит родной корпус, знает и ценит его традиции и ставит себе целью воспитать нас так, чтобы мы были достойны нашей славной школы»[1321]. Наградой новому директору были «сочувственные взоры покоренной им молодежи». Чутко относился к корпусным традициям и генерал-лейтенант Григорьев, последовательно возглавлявший Михайловский-Воронежский и 1-й кадетские корпуса. Генерал-лейтенант В.В. Римский-Корсаков, директор эмигрантского Крымского корпуса, «…несомненно хорошо понимал значение внутренней дисциплины, столь много способствовавшей превращению разнородной

[1320] Гершельман Ф.К., Гурко Д.И. Генералами рождаются. Воспоминания русских военачальников XIX – начала XX вв. М.: Русское слово, 2002. С. 97.
[1321] Ламздорф-Галаган П.К. Воспоминания // Архив БФРЗ. Ф-2. М-88. Л. 326-327.

толпы мальчишек в образцовое учебное заведение, и не только не препятствовал соблюдению традиций, а даже негласно опирался на них…»[1322]

Гражданские педагоги, как правило, традиций кадет и юнкеров не понимали и относились к ним неодобрительно[1323].

Отношение к негативному восприятию воспитанниками начальства и порядков заведения

Как правило, «бенефисы» и «бунты» организовывались негативными лидерами кадетской массы и их ближайшим окружением. Большинство воспитанников относилось к беспорядкам положительно лишь тогда, когда для этого существовал действительно серьезный повод, но внешне были вынуждены демонстрировать лояльность вожакам. Открыто выступить против «бенефиса» осмеливались лишь немногие воспитанники, которых ждала суровая товарищеская кара. Так, С.Я. Надсона, протестовавшего против организации «бенефиса» одному из воспитателей, сначала закидали хлебом, а затем стали угрожать жестоким избиением[1324]. Чувство стыда за содеянное приходило к бывшим кадетам лишь спустя много лет после окончания заведения: «Как же мы, дети благородных родителей, опускались настолько, что приклеивали эти ярлыки, как «Скелет», «Зануда», «Горб», «Волосатик» людям, кои старались вывести нас на широкую дорогу образования. Почему тогда об этом ничего не думалось и цена людского достоинства нам была чужда»[1325].

Педагогическая корпорация всеми силами боролась с негативным отношением к ней воспитанников – репрессиями, конструктивыми педагогическими мерами и различными вариантами их сочетания. При этом в привилегированных военно-учебных заведениях сопротивление этой традиции было слабее – многие офицеры боялись наказывать детей высокопоставленных лиц, дорожа службой и предпочитая на многие безобразия закрывать глаза.

[1322] Бодиско В. Преданья старины глубокой // Бюллетень № 20. Декабрь 1986. С. 17.
[1323] Короткевич Н.Н. Воспоминания о Полоцком кадетском корпусе (1870-77 гг.) // Бюллетень Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Венесуэле. № 3. Февраль 1980. С. 20.
[1324] ОР РНБ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 141 об., 143.
[1325] Бураков Н.В. Воспоминания // Архив БФРЗ. Ф. 1. А-80. Л. 8.

Отношение к традиции товарищества

Традиция товарищества была одной из наиболее почитаемых воспитанниками неофициальных традиций. Противопоставление себя товарищам, особенно выраженное в резкой форме, или совершение преступления против товарищества делали дальнейшее пребывание такого кадета или юнкера в стенах заведения невыносимым. В Артиллерийском училище даже существовала традиция «казни» сильно провинившегося перед товарищами, после которой его выносили на училищное крыльцо и приказывали немедленно исчезнуть и более не появляться.

Начальство боролось с негативными проявлениями традиции товарищества (так называемым «ложно понимаемым товариществом») – укрывательством виновных в проступках, принятием одними воспитанниками на себя вины за проступки, совершенные другими, и т.п. Юнкеров учили отделять частные товарищеские отношения от служебных, подчиняя первые вторым, и не создавать никаких противоборствующих группировок – товарищество должно было быть общим для всех.

Вместе с тем стремление отдельных воспитанников резко противопоставить себя товарищеской массе и тем более фискальство и наушничество крайне неодобрительно воспринимались и членами педагогической корпорации. Когда в Михайловском артиллерийском училище командир 1-й батареи полковник В.Д. Туров дал слишком большое задание на репетицию по уставам, юнкера всем классом отказались отвечать, и лишь «зубрила» юнкер Микеладзе заявил, что он готов ответить, пойдя, таким образом, наперекор традиции товарищества. Полковник Туров, чувствуя правоту большинства, встал на сторону класса: «Вл. Дм. стал задавать ему вопросы, но и в тоне и в его взгляде чувствовалось такое неодобрение по отношению к Микеладзе, что мы ему не завидовали… Нам, остальным, ничего не было, только репетиция была отложена на другой день»[1326]. Один из великих князей, сын которого обучался в Пажеском корпусе и был избит за

[1326] Лашков С.И. Артиллерийское училище // Михайловцы. Сборник воспоминаний о Михайловских артиллерийских училище и академии и их питомцах. Выпуск 1-й. Белград, 1936. С. 80.

фискальство, приехал в заведение и перед строем пажей попросил их… побить своего сына «хорошенько еще раз, чтобы он навсегда забыл фискалить»[1327].

Отношение к культу нарочитой грубости и показного молодечества

Кадетская и юнкерская масса, как правило, брала пример с тех, кто был лихим, смелым, не боялся начальства, вел себя независимо и даже вызывающе по отношению к кому бы то ни было. Ненависть к начальству в дореформенных кадетских корпусах порождала симпатию к грубым и наглым «закалам». Один из бывших питомцев 2-го кадетского корпуса отмечал: «Кадет, отличавшийся мужицкими манерами, терпеливо переносивший самые жестокие наказания, постоянно враждовавший с начальниками, с нелепым, часто враждебным образом мыслей, – таков был идеал большинства»[1328]. По свидетельству А.Н. Куропаткина, «…звание закал было настолько почетно, что некоторые из очень способных и хорошо занимавшихся кадет становились «закалами»[1329]. Кадеты, чье поведение было диаметрально противоположным «закальскому», не пользовались авторитетом. Так, в Дворянском полку воспитанники, не пившие, подобно «старым кадетам», спиртного и не посещавшие публичные дома, презрительно именовались «гусями»[1330]. Лишь на рубеже 1850-60-х гг., когда в кадетские корпуса проник культ книги и знания, «закалы» полностью утратили свой авторитет и были окружены презрением. В пореформенных кадетских корпусах лихих кадет, щеголявших отличной строевой выправкой, уважительно именовали «пистолетами». В Николаевском кавалерийском училище «кутильная закваска», органически сочетавшаяся с гипертрофированной любовью к кавалерии и пренебрежительным отношением к наукам и всему невоенному, продолжала сохраняться в течение всего срока существования заведения.

Начальство постоянно боролось с культом грубости и молодечества – преимущественно репрессивными методами. Правда, находились офицеры, которые

[1327] Канкрин А.В. Мальтийские рыцари. М.: Московский рабочий, 1993. С. 63-64.
[1328] Цит. по: Михайлов А. Шляхетный корпус // Родина. 1997. № 6. С. 57.
[1329] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1740. Л. 7.
[1330] РГВИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 52. Л. 3.

защищали виновных в проступках от исключения, полагая, что драчуны и вожаки кадетской массы впоследствии будут хорошими и храбрыми офицерами, а тихони и подлизы окажутся негодными к настоящей военной службе карьеристами и трусами. Много сил отнимала борьба с пьянством кадет и юнкеров, которое впоследствии у некоторых офицеров, особенно попадавших в «медвежьи углы», перерастало в настоящий алкоголизм. Лишь в Школе гвардейских подпрапорщиков и Николаевском кавалерийском училище на разгульную жизнь юнкеров многие начальники смотрели сквозь пальцы.

Общество относилось к культу грубости и молодечества резко отрицательно. Родители кадет запрещали им пользоваться дома кадетским жаргоном. Особенно возмущала родственников юнкеров «кутильная закваска», принятая в Пажеском корпусе, Николаевском кавалерийском, Главном инженерном и Артиллерийском училищах, которая приучала молодых людей не только к пьянству, азартным играм, половому разврату и жизни не по средствам, но и к неповиновению родителям. Общество было сильно шокировано неприязненным отношением к штатским, которое выливалось в безобразные скандалы и публичные оскорбления и избиения.

Отношение к «цуку» и кадетским организациям

Кадеты оправдывали существование и жесткого, и легкого «цука» тем, что это старые и издавна укоренившиеся в заведениях традиции. Однако подлинной симпатии к жесткому «цуку» не было, кадеты радовались, когда из заведений исключались наиболее жестокие угнетатели и даже, вразрез с традицией товарищества, сами ходатайствовали об их удалении. Легкий же «цук», выполнявший определенные воспитательные функции, искренне поддерживался почти всеми. Тем не менее существовали корпуса, в которых отрицался любой «цук» – Владимирский-Киевский, Донской, Владикавказский.

В кавалерийских училищах «цук» внешне поддерживался всеми юнкерами как старая традиция, введенная еще Лермонтовым. Юнкера Елизаветградского училища не стыдились того, что в свое время прошли через «цук», сделавший их,

в соответствии с девизом Школы, «холодно горячими и бешено спокойными». Бывшие кадеты были защитниками «цука» почти поголовно, однако юнкера, закончившие гражданские средние или высшие учебные заведения, относились к «цуку» более чем скептически, зачастую не скрывая этого.

Как правило, жестоким традициям были вынуждены следовать все воспитанники – один в поле не воин. Лишь немногие сильные натуры, вроде обучавшегося в Пажеском корпусе еще в 1850-е гг. П.А. Кропоткина, находили в себе мужество бросить вызов «традиционерам». Паж Кропоткин, несмотря на то, что нарушителей традиций принято было избивать тяжелыми дубовыми линейками, открыто отказался выполнять требования камер-пажа, что положило начало падению авторитета старшего специального класса и угасанию традиции «цука»[1331]. В большинстве военно-учебных заведений протест против традиций автоматически означал исключение бунтовщика из системы товарищеских отношений (он переводился на так называемое «красное положение»). Как правило, такой воспитанник не мог рассчитывать на успешную карьеру после выпуска – выход в гвардию или в специальные войска для него был невозможен. Привести к положительным результатам могло лишь организованное выступление массы воспитанников, имевшее место быть, в частности, в Николаевском кавалерийском училище после сформирования в нем казачьей сотни. Когда старшие юнкера, требовавшие от небогатых казаков соблюдения традиции носить сшитые за свой счет шикарные мундиры, изрезали казенные сапоги одного из донцов, казаки нашли тех, кто это сделал, и избили их нагайками. Начальство не решилось применить массовые репрессии (каждый нанес хотя бы один удар, поэтому вина падала на всех) и выделило казаков в отдельный эскадрон – «сотню», в которой «цуку» уже не было места[1332].

Достаточно сложным к традициям было у начальства и педагогов. Здесь, помимо чисто служебных интересов, которым традиции чаще противоречили, чем отвечали, действовали еще два фактора: 1) позиция императора, великих князей,

---

[1331] Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Московский рабочий, 1988. С. 108-109.
[1332] Чеботарев Г.П. Правда о России. Мемуары профессора Принстонского университета, в прошлом казачьего офицера. 1917-1959. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 55-56.

Главного начальника военно-учебных заведений и других высокопоставленных лиц, так или иначе связанных с военно-учебным ведомством; 2) личные симпатии и антипатии офицеров, подавляющее большинство которых являлось выпускниками военно-учебных заведений и носителями определенных военно-культурных традиций.

В Пажеском корпусе офицеры в большинстве случаев не предпринимали никаких усилий по искоренению «цука». Это бездействие объяснялось несколькими причинами. Во-первых, «цукатели» фактически помогали им поддерживать порядок среди воспитанников и тем самым освобождали от ряда утомительных задач. Во-вторых, среди пажей было очень много сыновей и родственников высокопоставленных персон, которых их воспитатели попросту боялись наказывать и были вынуждены делать вид, что ничего не замечают. Жалобы угнетаемых пажей не могли заставить офицеров-воспитателей изменить свою позицию. А.А. Игнатьев, пожаловавшись на «цукателей» капитану Потехину, услышал такой ответ: «Они беленькие, а вы – черненькие, они всегда правы. Станете сами беленькими – и тоже будете правы»[1333].

В 1900 г. новым директором Пажеского корпуса стал генерал-майор Н.А. Епанчин. Он не был выпускником корпуса и с первых же дней своего пребывания в должности, как бывший «павлон», категорически не приемлющий неуставных отношений, стал рьяно бороться с «цуком». Епанчин называл его «диким обычаем», «ненормальным и незаконным отношением пажей старшего специального класса к пажам младшего специального класса», хотя и признавал меньший вред пажеского «цука» по сравнению с «цуком» Николаевского кавалерийского училища. Со спецификой взаимоотношений «зверей» и «корнетов» Епанчин был хорошо знаком, так как преподавал в «Славной Школе» в течение восемнадцати лет[1334]. В своем стремлении искоренить «цук» директор сумел опереться на родителей некоторых пажей, получив, таким образом, серьезную поддержку. Но корпорация пажей-выпускников была категорически против желания Епанчина унич-

[1333] Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986. С. 50.
[1334] Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М.: Издание журнала «Наше наследие», 1996. С. 274-275 .

тожить «цук». Многие из бывших пажей по своему служебному положению стояли гораздо выше директора и могли себе позволить откровенно третировать его. Так, в 1902 г. во время торжественного банкета в честь столетнего юбилея Пажеского корпуса как военно-учебного заведения «старые пажи», среди которых были не только полные генералы, но и сиамский принц Чакрабон, фактически выгнали Епанчина с торжества: при появлении директора они стали хором петь: «Мы вас не задерживаем!» Епанчин, осознав свою беспомощность, доложил старшему из пажей, генерал-адъютанту Рихтеру, что из-за недомогания вынужден покинуть собрание, и удалился под злобные крики защитников «цука» («Скатертью дорога!», «Так и следовало!» и т.п.).

Даже такой последовательный и настойчивый противник «цука», как великий князь Константин Константинович, по некоторым сведениям, стремился не к полной его ликвидации, а лишь к облагороживанию и очистке от всего дурного. Разговаривая с одним из пажей, приглашенных в Мраморный дворец на чай, К.Р. спросил у него, будет ли он поддерживать «цук», когда перейдет в старшие классы. Услышав утвердительный ответ, великий князь, вместо того, чтобы осудить пажа, как бы между делом сказал: «Я приказал генералу Епанчину строго наказывать все случаи издевательства и нанесения побоев, но ничего не говорил ему о совершенном искоренении цукания. Это очень старая традиция»[1335].

Среди начальников Николаевского кавалерийского училища, многие из которых были его выпускниками, единой точки зрения на проблему «подтяжки» не было. Наиболее ярым гонителем «цука» был П.А. Плеве, выпускник училища 1870 г., возглавлявший его в 1895-1899 гг. Бывший улан, к моменту достижения генеральского чина он представлял собой пародию на кавалериста, ненавидел все связанное с «цуком» и безуспешно с ним боролся. Возглавлявший училище в 1910-1912 гг. генерал Е.К. Миллер, окончивший и Николаевское училище, и Николаевский корпус, напротив, «понимал юнкеров и на цук смотрел сквозь пальцы,

[1335] В гостях у Его императорского высочества великого князя Константина Константиновича в Мраморном дворце (Из воспоминаний пажа барона В. Кистер 2-го, 1901-1905 гг. общие классы). // Союз пажей. Сборник, посвященный выдержкам из воспоминаний бывших пажей. 1960. № 14. С. 13.

считая, что это необходимо для воспитания будущего офицера»[1336]. Пришедший ему на смену М.К. Марченко, выпускник Училища правоведения, с кавалерийскими традициями не был знаком даже понаслышке. Николай II, негативно относившийся к «цуку», заявил Марченко, что не посетит «Славную школу» до тех пор, пока в ней не прекратится «цук», и усердный генерал «стал со зверством выводить цук из училища»[1337]. Ему удалось это сделать, изолировав младших юнкеров от старших, однако «цук» приобрел официальную форму, выраженную в требованиях вахмистра, портупей-юнкеров и прочих младших начальников. Так же рьяно и безуспешно боролся с «цуком» в течение 4 лет своего пребывания во главе Елисаветградского кавалерийского училища генерал-майор В.Н. Петерс, называвший «цук» «уродливым безобразным явлением»[1338].

Директора и офицеры кадетских корпусов, активно боровшиеся с «цуком», особенно жестким, в душе порой одобряли его, считая, что он способствует воспитанию кадет в духе беспрекословного послушания старшим и тем самым помогает решать задачи, стоящие перед педагогической корпорацией. С.Т. Минаков, детально изучивший биографию М.Н. Тухачевского, полагает, что тот факт, что в «красном маршале» еще с юношеских лет был силен дух сопротивления начальству, можно объяснить тем, что Тухачевский не прошел полный курс кадетского корпуса и, следовательно, не являлся носителем традиционной кадетской психологии, основанной на подчинении признанным авторитетам, к которым в первую очередь относятся старшие.

В обществе сложилось мнение о «цуке» как о диком, жестоком, унизительном и бессмысленном обычае[1339]. Родители юнкеров писали начальникам училищ гневные письма, в которых призывали искоренить изощренные издевательства старших воспитанников над младшими. Лишь те, кто в свое время сами в училищах и прошли через «цук», оправдывали его существование, в беседах с детьми-юнкерами ностальгически вспоминали детали этой традиции и говорили о ее

[1336] Бразоль А.С. Николаевское кавалерийское училище // Новый журнал. № 120. Нью-Йорк, 1975. С. 188.
[1337] Пегелау В.М. Воспоминания // Архив БФРЗ. Ф-1. Р-451. Л. 16.
[1338] РГВИА. Ф. 861. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.
[1339] РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 6040. Л. 4.

серьезной сущности, скрытой под шуточной оболочкой, и большом воспитательном значении.

Отношение к неофициальным церемониям и обрядам

Неофициальные церемонии и обряды не встречали сочувствия лишь у кадет и юнкеров, перешедших в военную школу из гражданской. Так, П.Л. Светлик, поступивший в Морской корпус в 1899 г. после окончания 6-й Петербургской классической гимназии и являвшийся, таким образом, «нигилистом», не скрывал своего пренебрежительного отношения к неофициальным корпусным порядкам. Одну из наиболее чтимых морскими кадетами традиций – похороны «сира Наутикаля Альманаха» – Светлик описывал с использованием эпитетов «идиотский» и «нецензурно-нелепый»[1340].

Начальство и офицеры знали о существовании неофициальных церемоний, однако не боролись с ними и даже косвенно выражали свое сочувствие. Так, во время ночных парадов в Константиновском училище дежурные офицеры, сами когда-то участвовавшие в подобных церемониях, не выходили из своей комнаты и делали вид, что ничего не слышат[1341], а наутро с притворным недоумением взирали на своих невыспавшихся подопечных. Генерал Цырг, в течение 20 лет бывший инспектором классов Николаевского кавалерийского училища, ежегодно «хоронился» в виде чучела вместе со всеми науками, но нисколько не обижался за это на юнкеров, а, напротив, живо интересовался нюансами обряда и… умер от огорчения в тот год, когда ритуал его «похорон» оказался под запретом[1342].

Таким образом, особенно бурные дискуссии вызывали неофициальные традиции, разделявшие педагогов и обучающихся и вызывавшие шоковую реакцию у общества, до которого, как правило, доходили в преувеличенном виде. Предметом оживленных споров периодически становились традиции организации учебно-воспитательной работы. Наибольшая солидарность у кадет, юнкеров, их настав-

---

[1340] Светлик П.Л. Тени прошлого… Воспоминания о службе в Российском императорском флоте // Морские записки. 1955. Т. 13. № 1. С. 62.
[1341] Ларионов В. Последние юнкера. Франкфурт-на-Майне, 1984. С. 14.
[1342] Менд Э.Ф. В училище // Из нашего прошлого. Воспоминания членов союза бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища в Гельсингфорсе. Тетрадь первая. Гельсингфорс, 1943. С. 5.

ников и общества была по поводу официальных традиций, представлявших собой внешнюю, «парадную» сторону процесса подготовки офицеров.

6.2. Роль и место военно-культурных традиций в подготовке офицеров русской армии

По мнению В.Е. Морихина, военная школа представляла собой уникальный, полный внутренних противоречий феномен. В военно-учебных заведениях «формировался облик будущего защитника Отечества в офицерских погонах, зарождались или разрушались его юношеские помыслы и устремления, закалялся или ломался характер, проявлялись или гасились его темперамент, воля, умственные, физические и душевные качества»[1343].

В целом система подготовки офицерских кадров справлялась со стоявшими перед ней задачами, превращая молодых людей в профессиональных носителей военно-культурных традиций, своеобразных «homo militaris» – рыцарей, воинов, бойцов. Их знания и воинский дух давали армии многое – особенно в период активных боевых действий, когда исход дела напрямую зависел от умелого маневра и решительного натиска. Недаром прославленный русский полководец генерал М.Д. Скобелев отмечал, что на войне нравственный элемент относится к физическому как три к одному. Продуманная организация учебно-воспитательной работы в сочетании с умелым использованием естественной мотивации учащихся и учетом создаваемых ими неписаных традиций позволяла дать армии образованных, высококультурных офицеров – носителей «прогрессивных традиций, которые находили свое продолжение в войсках»[1344]. Основой этих традиций было безукоризненное, самоотверженное исполнение обязанностей.

Смысл подготовки офицера заключался в усвоении с малых лет требований, предъявляемых к военному: искренней преданности монарху и Родине, безуслов-

[1343] Морихин В. Е. Традиции офицерского корпуса русской армии. Научно-историческое исследование. 2-е изд. М.: Кучково поле, 2010. С. 66.
[1344] Там же. С. 94.

ного повиновения, уважения к старшим, стойкого перенесения всех трудов и тягот. При этом гораздо большее значение имели военно-культурные традиции именно кадетской, а не юнкерской подготовки: «Нельзя отрицать, что всем военным училищам были присущи их собственные особенности и традиции, что составляло понятную гордость, но кадеты были теми дрожжами, на которых поднималось пышное тесто – императорский российский офицерский корпус»[1345]. Г.С. Чувардин, анализируя систему подготовки гвардейских офицеров, отмечал: «Уже в кадетских корпусах мальчик, **потенциальный офицер** [выделено автором – А.Г.], встречался с основными принципами поведения (можно обозначить как «психологию поступка»), которыми он должен был руководствоваться в повседневной жизни и которые позднее слагались в структурообразующее понятие – «офицерская честь». К данным принципам относились: а) доброжелательность – в отношениях как между воспитанником и воспитателем, так и между воспитанниками; б) честность или искренность, в) патриотизм, г) религиозность, д) довение и уважение, е) чувство долга. Именно эти (во многом абстрактные и утопические по содержанию), а также ряд других дополнительных принципов закладывались в основание поведения кадета»[1346].

Кадеты являлись главными носителями традиций, необходимых будущему офицеру, и после перехода в военные училища сообщали их разнородной массе юнкеров, вышедших из гражданской среды, превращая ее в военную касту. «Кадетскую закваску» высоко ценили в войсках. Командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа великий князь Владимир Александрович в своем рапорте на имя военного министра от 4 марта 1882 г. отмечал, что «…1) двухлетнее только пребывание юнкеров в военных училищах, в сравнении с существовавшим в кадетских корпусах правилом воспитывать детей с юного возраста, дает меньше средств к определению нравственных качеств производимых в офицеры и что, вследствие сего, 2) гвардия не пополняется высоконравственными офицера-

[1345] Двигубский С. Кадетские корпуса // Бюллетень Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Венесуэле. № 34. Каракас, апрель 1993. С. 28.
[1346] Чувардин Г.С. Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки, традиции: Монография. Орел: Издатель А. Воробьев, 2005. С. 227-228.

ми в такой степени, как то было прежде»[1347]. Получившие первичную военную подготовку в гимназиях и корпусах были наиболее прочным элементом офицерского корпуса: выпускник подготовительного военно-учебного заведения «…еще в юном возрасте свыкается с мыслью о предстоящей ему военной службе и вместе со своими товарищами переходит в военное училище, выходит офицером и служит в войсках – хотя бы даже в силу усвоенного им привычного направления»[1348].

Огромную роль в воспитании офицера играли официальные традиции. Каждое из военно-учебных заведений имело свою уникальную социокультурную среду. Она самовоспроизводилась благодаря передаче традиций от одного поколения учащихся другому: «Благородные традиции, раз навсегда установленные, должны передаваться от одного выпуска юнкеров к другому, из века в век»[1349]. С этой целью на корпусные и училищные праздники приглашалось как можно больше выпускников – многие из них, совершившие блестящую карьеру и имевшие огромные заслуги перед Отечеством, должны были служить своим юным однокашникам живым примером и, кроме того, вселять в них чувство гордости за родное заведение.

Красивая, изящная форма заставляла кадет и юнкеров чувствовать, что они – это элита общества. Элементы кадетской, юнкерской и пажеской формы свидетельствовали о высоком положении тех, кто ее носил, в воинской иерархии. Галунная обшивка мундира и офицерская чешуя кивера кадет дореформенных корпусов, галун на мундире и погонах юнкеров, офицерские козырьки фуражек и золотые петлицы воротников кадет пореформенных корпусов, расшитая золотом придворная форма камер-пажей, собственная эмблема военно-учебного ведомства («орел в сиянии») – все это выгодно отличало воспитанников военно-учебных заведений не только от нижних чинов, но и от офицеров. Некоторые детали формы несли дополнительную смысловую нагрузку, свидетельствуя о корпоративном единении воспитанников с определенными родами войск.

[1347] РГВИА. Ф. 725. Оп. 20. Д. 18. Л. 76 об.
[1348] Там же. Л. 18.
[1349] Инструкция юнкерам Николаевского артиллерийского училища. Киев, 1915. С. 33.

Мундир обязывал ко многому, заставлял вести себя соответствующим образом, чтобы не уронить звания кадета или юнкера. Его дисциплинирующая роль была велика: «Подтянутые, элегантно и неизменно чисто одетые кадеты, лихо козыряющие офицерам на улице, всегда получая от них уставной ответ… всем являли пример кастовой обособленности, самоуважения и дисциплины»[1350]. Лишь в военных гимназиях форма, потерявшая сопряженные с ней ранее точность и аккуратность, почти утратила свою воспитательную роль.

Погоны сами по себе – даже самые простые – свидетельствовали о принадлежности кадета или юнкера к воинской корпорации, их лишение было одним из самых тяжких наказаний для кадета. Вензеля на погонах, являясь знаком высочайшей милости, подтверждавшего высокий статус военно-учебного заведения, должны были служить «еще к большему укреплению… правильных оснований военного воспитания»[1351]. Нашивки на погонах выполняли функцию, отличную от той, что они имели вне военно-учебного ведомства. Это была воспитательная функция. По мнению начальника Алексеевского военного училища Н.А. Хамина, «…установление особого наружного отличия для юнкеров унтер-офицерского звания, хотя бы столь незначительного, как ефрейторская нашивка на погонах, сразу поднимет как строевую подготовку, так и знание уставов, так как каждому юнкеру младшего класса будет лестно получить первое отличие, которое выделит его из среды товарищей»[1352].

Наличие у военно-учебного заведения собственного знамени укрепляло его связь с армией, приобщало воспитанников к воинским святыням, дисциплинировало их. Участие в парадах также позволяло кадетам и юнкерам осознавать себя частью огромной армии, носителями ее вековых славных традиций. В соответствии с «Правилами для парадов и церемоний», высочайше утвержденными в 1902 г., при построении войск для парадов в пехоте и кавалерии военно-учебные заве-

[1350] Бодиско В. Истоки // Бюллетень Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Венесуэле. № 24. Каракас, май 1988. С. 13.
[1351] Михайловец. 1905. № 3. С. 247.
[1352] РГВИА. Ф. 725. Оп. 45. Д. 824. Л. 14.

дения становились на правом фланге, перед гвардейскими полками, то есть на весьма почетном месте[1353].

Предъявляемое к кадетам требование отдавать честь офицерам, участие их в парадах и иных воинских церемониях заставляло будущих офицеров чувствовать себя частью армии, что существенно повышало дисциплину. Полная «демилитаризация» военных гимназий привела к тому, что их выпускники были, «за немногим исключением, совершенно статскими, не выказывая ни малейшей склонности к военной службе»[1354]. Напротив, преобразование военных гимназий в кадетские корпуса и придание заведениям строевой организации подтянуло воспитанников, внушило им большее уважение к военной службе. Очень дисциплинировала воспитанников присяга, приносимая юнкерами военных училищ, пажами специальных классов и гардемаринами Морского корпуса.

Устраиваемые в заведениях литературно-музыкальные праздники, балы и вечера смягчали нравы воспитанников, вносили разнообразие в казарменную обстановку, знакомили юнкеров и особенно кадет с правилами поведения в обществе, внушали рыцарское отношение к женщинам. Домашние праздники заведений сплачивали членов педагогической корпорации и учащихся в одну дружную семью. Торжественное празднование корпусных и училищных праздников и юбилеев заведений собирало в их стены выпускников, многие из которых были примером для подражания для кадет и юнкеров, а участие в праздничных мероприятиях членов императорской фамилии служило ярким свидетельством того, насколько высок статус военного образования и как престижно носить кадетский или юнкерский мундир. Вместе с тем блеск и роскошь балов могли оказывать вредное воздействие на учащихся, возбуждая не соответствовавшие возрасту чувства и отвлекая от учебы.

По словам генерала армии В.С. Бобрышева, организация учебно-воспитательной работы в кадетских корпусах и военных училищах позволила

[1353] Правила для парадов и церемоний. Высочайше утверждены 22 июня 1902 г. Пг.: Изд. В. Березовского, 1915. С. 2-3. В артиллерии батареи артиллерийских училищ располагались после пеших артиллерийских батарей и батальонов и рот крепостной и осадной артиллерии.

[1354] Полоцкий кадетский корпус. Исторический очерк 75-летия его существования. Составил В.П. Викентьев. Полоцк, 1910. С. 269.

подготовить выдающихся государственных деятелей. Эта подготовка велась с детства, в нравственной строгости; она носила широкий гуманитарный характер и развивала ответственность, способность принимать решения и принимать на себя роль лидера[1355]. При оценке ее значения для выработки у русских офицеров профессионально значимых качеств следует учитывать то, что, к сожалению, даже в начале XX в. в офицерской среде не было принято следить за военной литературой, и многие руководствовались «твердо сложившимся убеждением… что можно пройти всю предстоящую карьеру свою, ровно ничего не читая и ни в чем не совершенствуя раз полученных со школьной скамьи научных сведений»[1356]. Таким образом, для большинства офицеров усвоенные в стенах военно-учебных заведениях знания составляли даже не фундамент, а все здание их профессиональной подготовки.

Безусловно, постановка учебно-воспитательной работы никогда не была идеальной, однако в целом она всегда позволяла реализовать главную цель военно-учебного ведомства – подготовить офицеров. При этом воспитательные цели, как правило, имели приоритет перед учебными. Русский офицер должен был быть бессребреником-идеалистом, пусть не могущим похвастать глубокими научными познаниями, зато беспредельно преданным России, монарху и своей военной профессии. Эти качества, формируемые с малых лет, должны были составлять основу личности человека, морально готового к любым трудностям и испытаниям как в военное, так и в мирное время. Именно поэтому самым ценным кадром были выпускники кадетских корпусов, с детства связавшие с армией свою судьбу. Твердость характера позволяла им добиваться решения поставленных задач не только на военной, но и на гражданской службе. Выпускники окружных юнкерских училищ не могли удовлетворить этим требованиям. Молодые люди, поступившие в военное училище после окончания гимназии, также не успевали стать профессиональными военными в течение двух лет. Даже те, кто пришел в училище, уже имея диплом об окончании высшего учебного заведения, рассматрива-

[1355] Кадетский вестник России. Альманах. Сентябрь-декабрь 2007 г. Выпуск № 3. М., 2007. С. 46.
[1356] Геруа А.В. Офицерский подбор // Геруа А.В. К познанию армии. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1907. С. 113.

лись как ценный, но все-таки не вполне желательный элемент. Наиболее оптимальным вариантом полноценного обучения и воспитания будущего офицера было признано 9-10-летнее пребывание в кадетском корпусе и военном училище. Только после такой военно-рыцарской подготовки офицер был неспособен променять свои эполеты на золотого тельца[1357].

Роль и место учебно-воспитательных традиций в подготовке офицера не оставались неизменными на протяжении более чем двухвекового существования отечественной военной школы. В течение первой четверти XVIII в. они позволяли снабдить офицера необходимыми для военного специалиста знаниями, однако не давали ему никакого воспитания, кроме военно-дисциплинарного. Петровские школы после смерти их основателя пришли в упадок и не давали не только общего образования, но и специальных знаний. Кадетский корпус в течение первых трех десятилетий своего существования был дворянским университетом, хотя и готовившим в первую очередь офицеров, но не воспитывавшим их должным образом.

Просветительские идеалы, которые стали основой учебно-воспитательной работы в кадетских корпусах в последней трети XVIII в., способствовали умственному и нравственному развитию кадет, формированию у них представления о долге гражданина перед Отечеством, о подлинном благородстве дворянина, о героизме и храбрости, основанных на античных примерах. Питомцы Ангальта были великолепно образованными, стремящимися к делам и славе романтиками, движимыми идеалами, заложенными в них на школьной скамье. Недостатками их подготовки были оторванность от реальной жизни, наивность и максимализм. Вместе с тем многие питомцы Ангальта, принимавшие участие в войнах, в критических ситуациях продемонстрировали хладнокровие, храбрость, расторопность, готовность без колебаний пойти на смерть.

В первой четверти XIX в. кадетские корпуса не обеспечивали своим выпускникам необходимый уровень подготовки. Прусская муштра, введенная при Павле I и усугубленная при Александре I, кризис преподавательского состава, до-

[1357] РГВИА. Ф. 725. Оп. 36. Д. 219. Л. 4.

срочные выпуски – все это препятствовало вдумчивой организации учебно-воспитательной работы. Один из строевых начальников, генерал Сабанеев, в 1829 г. писал: «Офицеров почти нет. Если выбросить негодных, то пополнять будет некем. Какой источник? Из корпусов и от производства унтер-офицеров?! Что за корпуса! Что за народ, идущий в армию унтер-офицерами! Из 1000 один порядочный!..»[1358] Усилия, предпринятые великим князем Михаилом Павловичем, возглавившим военно-учебное ведомство в 1831 г., быстро принесли заметные плоды. Большинство артиллерийских и саперных офицеров, отличившихся в ходе Крымской войны, принадлежало к числу выпускников кадетских корпусов.

Однако ввиду малого количества кадетских корпусов и специальных училищ пропускная способность отечественных военно-учебных заведений была невелика, и они снабжали офицерами в основном артиллерию и инженерные войска, а также гвардию. Кроме того, уровень научной подготовки кадет был достаточно скромен, а зачастую весьма низок. Некоторые кадеты выпускались из заведений совершенными невеждами. Один из примеров подобного рода привел в своей записке «О кадетских корпусах и армейских юнкерах» подполковник корпуса жандармов А. Васильев. Скромный и примерный мальчик после семи лет пребывания в корпусе покинул его, «не зная из древней истории даже названий древних государств, а из географии даже названий столиц нынешней Европы»[1359]. Строгость казарменного воспитания со свойственным ему преувеличенным вниманием к мелочам делала выпускников корпусов военными формалистами, придававшим чересчур большое значение букве устава. Мертвящее влияние фронта и скучные уроки зачастую парализовали умственную деятельность, а начальство смотрело на воспитанников не как на детей, а как на солдат, которых следует муштровать и подтягивать. Из-за рассогласованности учебной и воспитательной работы повышение уровня учебной подготовки кадет негативно сказывалось на их моральном облике, и они «…приобретали совершенно неосновательные самоуверенность и

[1358] Епанчин Н.А. Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции. Часть I. Подготовка к походу. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1905. С. 79.
[1359] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 323. Л. 31.

самомнение, мешавшие дальнейшему их усовершенствованию в науках и самообразованию»[1360].

Военно-профессиональная подготовка воспитанников далеко не всегда стояла на должной высоте: «обилие, мертвящая скука и однообразие фронтовых зимних учений скоро охлаждали ревность к изучению строевого дела, и многие кадеты навсегда получали к нему отвращение»[1361]. Как это ни парадоксально, несмотря на многочисленные фронтовые занятия, мешавшие учебе, кадеты-выпускники далеко не всегда были обучены командованию и сабельным приемам. Выпускники специальных классов корпусов, решавшие на бумаге сложные тактические задачи, не были знакомы со строевым уставом и поэтому, «поступая на службу, чувствовали себя в строю, как в темном лесу»[1362]. Кроме того, воспитанников совершенно не знакомили с воинским бытом, поэтому они приходили в части абсолютно не подготовленными к выполнению своих обязанностей. В итоге кадетские корпуса не давали ни любви к военному делу, ни специальных знаний, необходимых офицеру. Выпускник корпуса, приходивший в войска, был невежественен, заносчив, строптив, нуждался в «няньке» в лице фельдфебеля, поэтому ему охотно предпочитали офицера, произведенного из юнкеров.

Дурная постановка учебно-воспитательной работы в дореформенных корпусах, с одной стороны, приводила к тому, что многие воспитанники не могли освоить курс и изгонялись из стен военной школы. С другой стороны, по свидетельству А.Д. Бутовского, «…в этих трудных условиях вырабатывалась также и та большая работоспособность, которой отличались в свое время не только выдающиеся, но и средние люди старого кадетского режима»[1363]. Именно поэтому из николаевских кадетских корпусов в целом достигали стоящих перед ними целей.

После военно-учебной реформы Александра II уровень научной подготовки воспитанников военных гимназий был существенно поднят, а военное воспитание сведено к минимуму. «Демилитаризация» бывших кадетских корпусов имела не

[1360] Януш Л.И. Военно-учебные заведения с 1850 до 1882 года // Военный голос. 1906. № 98. 4 мая. С. 3.
[1361] Там же. С. 3.
[1362] Там же.
[1363] Бутовский А.Д. Годы моего ученья в Петровском-Полтавском кадетском корпусе // Педагогический сборник. 1915. № 11. Ч. неофиц. С. 321.

только положительные, но и отрицательные стороны. К числу последних принадлежала утрата «воинского духа» – энтузиазма, который был жизненно необходим офицерам, большинство которых ждала тяжелая, полная лишений служба за достаточно скромное вознаграждение. Военные гимназии снабжали своих питомцев достаточным запасом знаний по общеобразовательным предметам, однако не давали сведений, необходимых для продолжения образования в военных училищах. В то же время в обновляющейся России перед юношами, получившими в военных гимназиях хорошее научное образование, открывались заманчивые перспективы на поприщах, далеких от армии. Результатом этого стал выход из военных гимназий «на сторону», в гражданские учебные заведения. Армия теряла потенциальных юнкеров, которые со временем смогли бы стать отличными офицерами. Сказывалось и отсутствие в «военных» только по названию гимназиях полноценной подготовки к продолжению образования в военных училищах: их выпускники «представляли совершенно сырой, необученный материал»[1364]. Военные училища не обеспечивали должного уровня военно-профессиональной подготовки из-за краткого срока обучения выпускников военных гимназий и гражданских учебных заведений. Кроме того, эта подготовка и сама по себе обладала серьезными недостатками: юнкеров по-прежнему почти не знакомили с тем, что потребуется от них на службе, связь училищ с войсками практически отсутствовала.

После переформирования военных гимназий в кадетские корпуса были приняты меры по усилению военного духа (создание института военных воспитателей, усиление строевых занятий, введение лагерных сборов), однако этого было явно недостаточно. По свидетельству одного из бывших кадет, окончившего курс корпуса в 1892 г., «режим жизни в корпусе, похожий на монотонную казарму, всех нас томил отсутствием живой, разумной военной системы, не развивал в нас военной доблести, отваги и смелости»[1365]. В итоге военное воспитание в кадетских корпусах конца XIX в. находилось на том же уровне, что и в военных гимназиях. Зато воспитание мыслящей личности, как и в николаевских корпусах, было

[1364] Керсновский А.А. История русской армии: 1700-1881. Смоленск: Русич, 2004. С. 376.
[1365] Самонов В.А. Мысли современного офицера. В 4-х выпусках. Выпуск I. Тифлис: Типография «Гуттенберг», 1907. С. 27.

задавлено дисциплинарными требованиями и командными отношениями. Учебная работа стремительно приходила в упадок, так как на уроках дети отдыхали от предъявляемых к ним воинским требованиям. Следствием мелочной опеки, подчиненности и несамостоятельности стали интеллектуальная деградация, «умственный паразитизм», неспособность мыслить и рассуждать.

К концу XIX в. застой в военно-учебном ведомстве привел к крайне плачевным результатам. Несогласованность различных предметов приводила к тому, что кадеты и юнкера, обладая некоторой суммой фактических знаний по каждому из них, не обладали необходимым умственным кругозором, были лишены аналитических навыков, не могли делать необходимые обобщения и не стремились к самостоятельным занятиям. По отзыву А.Н. Куропаткина, осмотревшего в 1903 г. Хабаровский кадетский корпус, «воспитанники 6 класса не знали повторного курса географии, 15-летние ученики не могли назвать, какие народы живут в Австрийской империи, не назвали ни немцев, ни венгров»[1366]. Великий князь Константин Константинович отмечал малограмотность кадет и даже юнкеров, слабое знание ими иностранных языков.

Практической подготовке к службе по-прежнему уделялось крайне мало внимания, и ее отсутствие давало о себе знать. Один из офицеров, получивших образование в кадетском корпусе и военном училище, вспоминал: «Мне приходилось принимать фураж, пищевые продукты, приходилось иметь дело с лошадьми, следить за ковкой их, довольствовать людей, но во всем этом я оказался совершенным профаном. Меня обманывали все, кому было не лень, и обман этот продолжался до тех пор, пока я на горьком опыте не ознакомился с делом»[1367].

Многопредметность и излишняя теоретичность учебного курса приводила к тому, что кадеты и юнкера усваивали изучаемые дисциплины лишь поверхностно, фрагментарно, без должного интереса и не знали, как применить полученные знания на практике. Поэтому они заменяли дело бесплодными разговорами и рассуждениями о нем. Главными последствиями несовершенной учебной системы, по

[1366] Кожухов Ю.В. Проблема взаимоотношений между воспитателями и воспитанниками в учебных заведениях закрытого типа: (На материалах кадет. корпусов и воен. гимназий): дис. ... канд. пед. наук. М., 1996. С. 37.
[1367] Левитский М. Насущный вопрос // Русский инвалид. 1907. 24 января. № 19. С. 5.

мнению педагогов, являлись «недостаток твердых знаний, отсутствие интереса к науке, малая сообразительность и находчивость и упадок творчества мысли»[1368].

В начале XX в. великий князь Константин Константинович поставил задачу воспитания кадет и юнкеров в военно-рыцарском духе. По словам одного из его бывших питомцев, «…честь, честность, чувство товарищества и гражданское мужество – вот качества, которые требовались от подростка и юноши-кадета»[1369]. Кадетским корпусам были возвращены знамена, кадеты стали участвовать в военных церемониях, большее внимание стало обращаться на спорт и стрельбу. По инициативе некоторых директоров организовывались военные прогулки и игры, которые развивали у кадет смекалку и инициативу, приучали их к воинскому распорядку, теснее сплачивали и приближали друг к другу. В итоге кадеты утратили ложное самолюбие, стали более дисциплинированными и благовоспитанными. Их морально-волевые качества позволяли им «объединять железной спайкой, пропитывать едиными и неизменными традициями весь русский офицерский корпус, блестящие качества которого особенно ярко проявились в огне Первой мировой и гражданской войн»[1370]. На высоком уровне в начале XX в. находилась и подготовка юнкеров. По мнению В.Н. Посторонкина, «прекрасная подготовка, полученная Тухачевским в первоклассном училище, быстро сказалась блестящими его действиями, начиная с первого же боя»[1371]. Современный исследователь И.Н. Гребенкин пришел к выводу, что даже военно-учебные заведения с сокращенным сроком обучения, действовавшие в годы Первой мировой войны, несмотря на ряд недостатков в организации учебной работы, превращали вчерашних гимназистов и студентов в командиров, по уровню профессионализма мало чем уступавшим кадровым офицерам[1372].

Гимнастика и спорт помогали выработать ловкость, быстроту и выносливость, необходимые офицеру. Участие в ставших регулярными в начале XX в.

[1368] РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 2587. Л. 73.
[1369] Ряснянский Б. // Кадетское письмо. № 14. Буэнос-Айрес, б.г. С. 14.
[1370] Миронов В. Интеграция традиций российских кадетских корпусов в современном процессе формирования молодого поколения // Кадетская перекличка. 1996. № 59. С. 118.
[1371] Неизвестное о Тухачевском // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 90.
[1372] Гребенкин И.Н. Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914-1918 гг.: дис. … д-ра ист. наук. Владимир, 2011. С. 106-108.

спортивных соревнованиях формировало в кадетах и юнкерах, настойчивость, терпение, собранность, командный дух, волю к победе.

Организация экскурсий приносила кадетам и юнкерам большую пользу как в образовательном, так и в воспитательном отношении. П.А. Кропоткин вспоминал: «Я понял поэзию машин, когда видел, как гигантская паровая лапа, выступавшая из лесопильного завода, вылавливает бревно из Невы и плавно подкладывает его под машину, которая распиливает ствол на доски; или же смотрел, как раскаленная докрасна железная полоса, пройдя между двумя цилиндрами, превращается в рельс»[1373]. Особенно большую роль играли экскурсии в столичных военно-учебных заведениях – например, в Эрмитаже воспитанникам показывались экспонаты, которые обычно демонстрировались лишь высочайшим особам. Для будущих офицеров, большая часть службы которых проходила в удаленных от столичных сокровищниц гарнизонах, экскурсии были способом создать культурный багаж. Кроме того, временный перерыв в напряженных учебных занятиях, дававший свежие впечатления, позволял военной молодежи «с большей охотой продолжать свои прерванные занятия». Дальние прогулки во время лагерей знакомили кадет с сельским хозяйством и бытом крестьян.

Руководство чтением преследовало в первую очередь цель умственного развития воспитанников. «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений», книжки которого представляли собой своеобразную энциклопедию, позволял кадетам провинциальных корпусов знакомиться с недоступными для них произведениями писателей и трудами историков. Один из бывших воспитанников Петровского-Полтавского корпуса, перешедший в Дворянский полк на экзамене по военной истории удивил комиссию тем, что цитировал Данилевского, Бутурлина и других авторов, выдержки из произведений которых прочитал еще в Полтаве в «Журнале для чтения воспитанникам…»

Грамотное руководство чтением позволяло не только развить воспитанников умственно, но и воспитать их в духе преклонения перед национальными героями и их подвигами. «Журнал для чтения воспитанникам…» был по своему ха-

[1373] Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Московский рабочий, 1988. С. 144-145.

рактеру педагогическим изданием – помещаемые в биографическом отделе биографии выдающихся деятелей прошлого надолго запоминались кадетам и оказали большое влияние на развитие их личности. Один из бывших кадет, военный моряк и писатель А.Д. Сатин, участвовавший в Синопском сражении, в разгар боя вспомнил прочитанный им когда-то в «Журнале…» рассказ о том, как князь М.М. Голицын, получив во время штурма крепости Орешек приказ Петра I отступить, велел ответить царю, что теперь он принадлежит богу, и в конце концов взял крепость. После этого молодой моряк, «предав себя воле божией, был почти спокоен»[1374]. Впоследствии Сатину довелось принять участие во многих сражениях, и каждый раз при виде первого клуба дыма он вспоминал о М.М. Голицыне. Патриотические рассказы и стихотворения, помещаемые в «Журнале…», «подогревали в сердцах будущих воинов эту святую и благородную любовь к отечеству»[1375].

Усилия педагогов и воспитателей, стремившихся приобщить воспитанников к чтению, обычно увенчивались успехом, и кадеты читали достаточно много. К сожалению, принятое в военной школе ограничение выбора книг на чтение не только негативно влияло на развитие воспитанников, но и прививало им интерес к бульварной и запрещенной литературе. Запрет на издание собственных журналов, существовавший вплоть до начала XX в., направлял энергию кадет и юнкеров на шалости и побуждал их нелегально издавать рукописные журналы, в которых помещались нецензурные произведения, неприличные остроты на офицеров и преподавателей. Чтение подобных сборников развращало воспитанников, подрывало авторитет педагогической корпорации. Снятие запрета пробудило в кадетах и юнкерах живую мысль, заставило их отвлечься от шалостей и непристойностей и взяться за серьезную и плодотворную работу: «Мысль, словно река, разорвавшая ледяные оковы во время половодья, забурлила и зарокотала в невзрачных, но дорогих для нас четырех стенах корпуса…»[1376] Совместная работа сближала воспи-

[1374] Соколовский М. Кадетский журнал полвека назад. Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, как повременное издание. 1836-1863. Историко-библиографический очерк. СПб., 1904. С. 100.
[1375] Там же. С. 103.
[1376] «Кадет». Литературно-научный журнал Третьего Московского императора Александра II кадетского корпуса. № 2. Март 1909 г. С. 4.

танников, особенно в специальных училищах, создавало постоянную связь между ними и выпускниками заведений.

Рисование, музыка, пение, танцы и театр облагораживали воспитанников, развивали их художественный вкус, позволяли отдохнуть от напряженных учебных занятий, отвлекали от непозволительных шалостей. Благодаря высокому уровню общей культуры выпускники кадетских корпусов и военных училищ проявляли себя не только на военном поприще, становясь писателями, художниками, артистами, музыкантами. Полученный в заведении культурный багаж очень часто помогал офицерам, не позволяя им опуститься и спиться во время пребывания в «медвежьих углах» благодаря продолжению занятий музыкой, организации художественной самодеятельностью. Кроме того, развитый в культурном отношении офицер пытался содействовать и развитию своих подчиненных.

Неофициальные традиции, создаваемыми самими кадетами и юнкерами, играли в жизни корпусов и училищ огромную роль. Жизнь воспитанников в отсутствие педагогов полностью определялась традициями, которые следили за поведением кадет и юнкеров, их нравственным обликом и внешним видом.

Неофициальные традиции очень сложно разделить на негативные и позитивные – они часто сочетали в себе и хорошее, и дурное. С формальной точки зрения кадетские и юнкерские традиции не столько помогали, сколько мешали учебно-воспитательному процессу. Детальному изучению неофициальных традиций в дореволюционных военно-учебных заведениях внимания не уделялось, однако педагогами зарубежных кадетских корпусов была выявлена любопытная взаимосвязь между отношением кадет к традициям и совершаемыми ими проступкам: в 1927 г. в Донском корпусе за одну треть учебного года «36 основными «традиционерами» совершено 156 проступков, 39 воспитанниками из отколовшихся – 190 проступков, а 20 кадетами, стоявшими вне всяких традиций, совершено только 30»[1377]. Направленность кадетских традиций против педагогов и порядков заведения, присущая им в ярко выраженной форме в начале XIX в., в момент их возникновения, сохранилась и после того, когда враждебное отношение

[1377] ГАРФ. Ф. Р-6792. Оп. 2. Д. 103. Л. 164-164 об.

кадет к офицерам и учителям стало постепенно исчезать, и даже в эмиграции, когда традиции приобрели серьезный характер и стали отчасти компенсировать недостатки пошатнувшейся учебно-воспитательной работы. Вместе с тем традиции могли устранить те негативные качества воспитанников (эгоизм, двуличность, моральная нечистоплотность), которые зачастую ускользали от внимания воспитателей.

Безусловно вредной и даже опасной была традиция негативного отношения к педагогам и официальным порядкам заведения. Настраивая кадетскую массу против любых инициатив, исходивших от офицеров и учителей, она была серьезным препятствием для учебно-воспитательной работы, делала невыносимой нравственную атмосферу в заведении, уродовала и коверкала личность будущих офицеров. Заносчивость и самомнение выпускников дореформенных кадетских корпусов, их неуважительное отношение к старшим были прямым следствием этой традиции.

Традиция товарищества, сплачивавшая воспитанников в единую корпорацию, приучала кадет и юнкеров поступаться личными интересами в угоду общему делу, развивала взаимопомощь и взаимовыручку, побуждала заботиться о добром имени родного заведения. Кадеты и юнкера безжалостно выбраковывали из своей среды негодный элемент: трусов, ябед, воров, развратников, предателей. На корню пресекались хамство, хулиганство, неповиновение старшим. Нерушимая товарищеская спайка кадет и юнкеров являлась основой войскового товарищества. Офицеров, заподозренных в кадетские годы в «фискальстве», не принимали в престижные части, их карьера оказывалась под угрозой.

Однако товарищество имело и оборотную сторону. Нивелирующая сила массы давила на отдельного воспитанника, принуждая его согласовывать свое поведение с тем, что было угодно большинству. В большинстве заведений не поощрялись стремление отлично учиться, уклонение от традиционных шалостей, демонстрация религиозных чувств, зато считались вполне приемлемыми и даже похвальными пьянство, кутежи, курение, драки. Обычай «не выдавать» зачастую порождал чувство безнаказанности у дурных кадет, раз за разом надежно укры-

вавшихся за спинами товарищей, невинно из-за них страдавших. Старшие стремились узаконить свои издевательства над младшими и скрыть их от воспитателей с помощью той же традиции товарищества.

Культ нарочитой грубости и показного молодечества играл в подготовке офицеров неоднозначную роль. С одной стороны, он позволял преодолеть официальные шаблоны поведения, сковывавшие индивидуальность, не позволявшие развиться инициативности, бесстрашию, готовности пойти на риск – тем качествам, которые являлись неизменными атрибутами идеального офицера. Осторожность и нерешительность, диктуемые соображениями воинской дисциплины и субординации, далеко не всегда оправдывались на поле боя. Многие выдающиеся полководцы в юности не отличались дисциплинированностью – размеренная казарменная жизнь и рутина схоластической педагогики была им не по душе. Генерал-фельдмаршал П.А. Румянцев-Задунайский пробыл в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе лишь два месяца, в течение которых активно протестовал против однообразного режима и скучных уроков, устраивая проказы и шалости. Великим полководцем и выдающимся военным теоретиком он сумел стать благодаря самообразованию. Однокашник Лермонтова А.И. Барятинский в бытность свою воспитанником Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров шокировал Петербург буйными выходками и любовными похождениями, а в возрасте 44 лет он был произведен в генерал-фельдмаршалы за покорение Восточного Кавказа и пленение Шамиля. Подобную же независимость в школьные годы демонстрировали и многие выдающиеся флотоводцы. Прославленный адмирал Д.Н. Сенявин во время пребывания в Морском корпусе, по его собственному признанию, был «резвецом чрезвычайным». Вице-адмирал А.И. Непенин, организовавший военно-морскую разведку на Балтике, во время обучения в Морском училище постоянно конфликтовал с несправедливыми и придирчивыми начальниками, за что семь раз представлялся к увольнению из заведения[1378]. Интересно, что нежелание мириться с рутиной было особенно свойственно будущим офице-

[1378] Фортуньянц В.Н. Морское училище в биографии А.И. Непенина (1885-1892) // Елагинские чтения. Вып. 1. СПб.: Остров, 2003. С. 93.

рам кавалерии, успех действий которой во многом определялся лихостью и «отчаянностью» ее командиров, их способностью принять авантюрное по внешности, но интуитивное верное решение, в конечном счете ведущее к победе, а также воспитанникам морских учебных заведений, в представлении которых дисциплина существенно уступала решительности, находчивости и отваге. В пехотных и специальных военных училищах, напротив, дисциплинированность и неукоснительное следование всем принятым правилам были возведены в ранг абсолюта.

С другой стороны, традиция нарочитой грубости и показного молодечества заставляла воспитанников поклоняться ложным идеалам, отвлекала их от серьезной умственной работы, культивировала презрительное отношение ко всему, что не было связано с военным делом или было отлично от превратно понимаемого эталона офицера, кавалериста, моряка и т.п. Собственно «старокадетчина» не содействовала выработке сильного характера. Кажущаяся независимость «закала» или «отчаянного» от начальства, его смелость и храбрость были во многом лишь иллюзией. Уверенность в незыблемости главного принципа традиции ложного товарищества – «не выдавать» – позволяла «закалам», совершив дерзкий поступок, успешно уходить от ответственности, трусливо отсиживаясь за спинами запуганных ими товарищей. Подлинная сущность «отчаянных» хорошо передана в повести «На переломе (Кадеты)» А.И. Куприна: «Весь возраст отлично помнил, что однажды, когда Грузова вели сечь, он ползал у директора в ногах и целовал его сапоги»[1379]. Открыто брали вину на себя (в том числе за проступки, совершенные товарищами) лишь те, кому нечего было терять.

Сказанное выше о «старокадетчине» в определенной степени относится и к «отчетливости» юнкеров и «тонности» пажей. За напускной лихостью юнкера кавалерийского училища порой скрывались не смелость и независимость, а испорченность и избалованность, подкрепленные уверенностью в поддержке могущественных покровителей. Шалости «золотой молодежи», учившейся в Пажеском корпусе, были абсолютно безнаказанными – офицеры-воспитатели не решались

[1379] Куприн А.И. На переломе (Кадеты) // Куприн А.И. Избранные произведения. М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1952. С. 268.

даже мягко пожурить распоясавшихся потомков аристократов и влиятельных сановников.

Таким образом, нежелание подчиняться установленным порядкам далеко не всегда способствовало формированию сильного и независимого характера. Зато равнодушие к учебным занятиям, страсть к шалостям, наклонность к порокам, стремление жить «красиво» было очень сложно вытравить. Многие офицеры стали алкоголиками во многом из-за влияния «кутильной закваски», широко распространенной в некоторых корпусах и училищах. Являясь в определенной степени следствием репрессивной политики в армии, откуда приходили корпусные офицеры, культ грубости бумерангом возвращался из корпусов в армию же: «Дикие люди, выросшие под розгой, в свою очередь розгой же… подготовляли других диких людей к наилучшему служению отечеству; а это служение опять-таки выражалось в неистовой порке подчиненных»[1380].

Сложной и неоднозначной традицией являлся и «цук». Настоящий кавалерийский «цук», сложившийся в Николаевском кавалерийском училище, скорее можно назвать положительной традицией, нежели отрицательной: «Было много шутливого, балаганного – но было много и очень дельного, серьезного, весьма умело скрывавшего под шуткой разумное правило, соблюдение которого вело к положительным результатам»[1381]. Подтрунивание старших над младшими было строго регламентировано и никогда не перерастало в бессмысленное и жестокое издевательство. Облеченные в юмористическую форму требования по своей сути были вполне серьезными и преследовали конкретную цель – воспитание образцового кавалериста из вчерашнего мальчика-кадета или пришедшего из гражданской школы мешковатого, неуклюжего юноши, слабо знакомого с требованиями военной дисциплины. Бывший питомец Николаевского кавалерийского училища Э.Ф. Менд вспоминал: «Традиции Школы, цуканье и подтяжка не умалили силу нашей конницы, но, наоборот, они дали ей стойкость, дали дисциплинированных

[1380] Там же. С. 267.
[1381] Вадимов Е. Корнеты и звери («славная школа»). Очерки. Белград: Издание Н.З. Рыбинского, 1929. С. 34.

офицеров, связанных между собой неподдельной дружбой и спаянных воспоминаниями о славной старой школе»[1382].

«Цук» позволял за короткое время добиться поразительных результатов. Стороннему наблюдателю казалось, «что было нечто неосязаемое и невидимое, что прочно гнездилось в стенах Школы. Это «нечто» творило чудеса: сегодняшняя толпа студентов, гимназистов и молодых людей «с вокзала» после ночи, проведенной в Школе, превращалась в стройные ряды подтянутых юнкеров с особым, непередаваемым отпечатком лихости, изящества и дисциплины»[1383].

В целом положительную роль, несмотря на возможность применения физического насилия, играл «цук» и в жизни пажей. «Цуком» культивировались строгая дисциплина, порядок и неукоснительное повиновение младших воспитанников камер-пажам. Традиция «подтяжки» неустанно напоминала о том, что пажеский мундир следует носить с честью. Тем самым создавался «тот непоколебимый «esprit de corps», который был одной из главных выдающихся черт, присущих только Пажескому Е.И.В. корпусу»[1384].

«Жесткий» «цук» в кадетских корпусах, обычай «приставания к новичкам» в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, «цирк» в Пажеском корпусе, издевательства над «рябцами» в Главном инженерном училище – все эти изуверские формы порабощения старшими воспитанниками младших уродовали нравственно и угнетаемых, и угнетателей, расстраивали учебно-воспитательную работу, бросали тень на доброе имя военно-учебного ведомства.

«Мягкий», «разумный» «цук» в кадетских корпусах по своей роли был схож с «кавалерийским». Благодаря ему старшие кадеты следили за нравственным и физическим обликом младших, контролировали их поведение, внушали уважение к добрым традициям заведения. Негласный надзор старших над младшими в форме «мягкого» «цука» оказался гораздо более эффективным, чем гласный, осуществлявшийся в рамках введенного в начале XX в. института «старших кадет».

[1382] Менд Э.Ф. В училище // Из нашего прошлого. Воспоминания членов союза бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища в Гельсингфорсе. Тетрадь первая. Гельсингфорс, 1943. С. 9.
[1383] Общество бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища. Париж, 1935. С. 18.
[1384] Воспоминания кн. Н.Л. Барклая де Толли Веймарн (1913 г.) // Союз пажей. Сборник, посвященный выдержкам из воспоминаний бывших пажей. 1958. № 9. С. 14.

Влияние неофициальных кадетских организаций («традиционного выпуска», «выпускного совета») порой было более значительным, чем официальная власть директора и офицеров. Традиционное кадетское начальство играло в жизни корпуса как положительную, так и отрицательную роль. С одной стороны, «генерал выпуска» и его окружение зорко следили за тем, чтобы кадеты не совершали бесчестных поступков, контролировали их поведение вне заведения, своевременно накладывали взыскания, а в случае необходимости – добивались изгнания серьезно провинившегося воспитанника из заведения. Не выполнить приказ, исходящий от «выпускного совета», было немыслимо. С другой стороны, велико было значение кадетской верхушки в деле организации разнообразных «бунтов», «бенефисов», «гажений» и прочих массовых беспорядков.

Неофициальные церемонии и обряды позволяли кадетам и юнкерам несколько разнообразить монотонную жизнь закрытого заведения. Кроме того, они являлись своеобразной инициацией, сопровождавшей переход воспитанников с одной ступени обучения на другую, приобретение ими нового статуса. Символическая передача традиций и старшинства во время ночного парада имела глубокий смысл: «Парад принимало традиционное старшинство и был он символом внутренней дисциплины, кадетского единения и верности традициям… Было торжественно и трогательно»[1385].

Кадетский и юнкерский фольклор играл двоякую роль. С одной стороны, он был психологической отдушиной, крайне необходимой военной молодежи. «Звериада» помогала выплеснуть накопившуюся негативную энергию, отвлечься от повседневной рутины. Совместное пение «Звериады» сближало воспитанников. Кроме того, «Звериада» имела и определенные воспитательные функции: «К ней прикладывались наиболее значительные постановления «выпускного совета», а также бойкотный лист, хранящий вечную память о тех, кто и за что подвергался столь суровому наказанию»[1386]. С другой стороны, остроумное высмеивание в

[1385] Бодиско В. // Бюллетень Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Венесуэле. № 23. Каракас, январь 1988. С. 48.
[1386] Комаровский Е.А. Воспитательные аспекты кадетских традиций в российских императорских кадетских корпусах в XIX – начале XX веков // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. С. 207.

«Звериаде» начальства и педагогов формировало пренебрежительное к ним отношение и могло полностью лишить их авторитета.

Действуя не по отдельности, а в комплексе, военно-культурные традиции подготовки русского офицерства лишь к началу XX в. были приведены в состояние разумного баланса и образовали целостную, внутренне непротиворечивую систему, в которой каждой положительной традиции было отведено определенное место, а влияние негативных традиций свелось к минимуму. Это стало возможным благодаря проведению в жизнь концепции военно-рыцарского воспитания, автором которой был великий князь Константин Константинович. К сожалению, она не успела принести ожидаемых плодов и дать армии гармонично развитых, высококультурных, влюбленных в свое дело военных профессионалов. Прямым свидетельством ее высокого потенциала является поведение кадет и юнкеров последних выпусков во время революции 1917 г. и Гражданской войны.

В Русском Зарубежье военно-культурные традиции кадетских корпусов обрели новый смысл, помогая русской военной молодежи не столько приобрести профессионально значимые для офицера качества, сколько сохранить национальную и культурную идентичность на чужбине. Официальные традиции и традиции организации учебно-воспитательной и культурно-досуговой работы остались прежними, однако неофициальные традиции подверглись серьезной трансформации. Они стали играть не разъединяющую, а объединяющую роль, сплачивая не только воспитанников и педагогов, но и кадет разных корпусов, ставя во главу угла принцип «Погоны разные, а душа одна». Их воспитательная составляющая выдвинулась на авансцену, почти полностью подчинив себе прежде доминировавшую юмористическую. Элементы шутки и озорства стушевались и стали менее заметными, и это придало традициям серьезный, сдержанный характер. Жестокий кадетский «цук» исчез, на смену ему пришла братская опека старших кадет над младшими. Педагогическую направленность приобрело и традиционное кадетское начальство, игравшее в эмигрантских корпусах, в отличие от дореволюционных, заметную роль. «Звериада» утратила свою прежнюю связь с глумлением над педагогами и воспитателями и превратилась в действенное средство патриотиче-

ского воспитания, прославляя далекую Россию и подвиги героической русской императорской армии.

Военно-культурные традиции дореволюционных военно-учебных заведений нашли продолжение и в советской военной школе. Несмотря на то, что попытка восстановить кадетские корпуса, предпринятая в начале 1920-х гг., не увенчалась успехом, военно-культурная преемственность была сохранена и на необходимость использования дореволюционного опыта постоянно обращалось внимание. Со второй половины 1930-х гг. начался процесс создания учебных заведений, типологически близких кадетским корпусам, – подготовительных артиллерийских школ. Мощный импульс восстановлению военно-культурных традиций дореволюционных корпусов был придан в 1943 г., когда стали организовываться суворовские военные училища. Суворовцы были носителями тех же традиций, что и кадеты (за исключением негативных). После сокращения в 1950-60-е гг. сроков обучения эти возрожденные традиции стали постепенно угасать.

Военно-культурные традиции дореволюционной военной школы не забыты и сегодня. Активное использование сложившихся за более чем трехвековую историю военно-учебных заведений Российской империи военно-культурных традиций в современных кадетских корпусах, переживающих, как и вся система военного образования в целом, эпоху структурных перемен, обеспечивает не только всестороннюю профессиональную подготовку будущих офицеров, но и их интеллектуальное и культурное развитие. Военно-культурные традиции имеют и немалое воспитательное значение. Эти традиции, органически соединяющие прошлое с настоящим, позволяют современным кадетам ощущать себя новым поколением славной своими ратными подвигами семьи русских воинов, накладывают на них серьезные моральные обязательства перед Родиной, заставляют серьезно относиться к учебе. До тех пор, пока существуют военно-культурные традиции в отечественной системе военного образования, можно говорить о современных офицерах как о наследниках лучших представителей русского офицерского корпуса.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам.

Влияние официальных традиций на подготовку будущих офицеров можно оценить как безусловно положительное. Однако их военно-воспитательное значение далеко не всегда находилось на должном уровне, особенно во второй половине XIX в. Кроме того, роскошь праздников и балов могла негативно отражаться на неокрепшей психике детей, подростков и юношей, подготовка к этим торжествам отнимала много времени и сил, мешала учебным занятиям.

Традиции организации учебно-воспитательной работы, благодаря которым учащиеся должны были приобрести необходимый будущему офицеру комплекс знаний, умений и навыков, к сожалению, не всегда оказывались на высоте. Учебное дело страдало от таких извечно присущих военной школе традиций его постановки, как теоретичность, стремление к всеохватности материала в ущерб глубине и тщательности его проработки, преувеличенное внимание к деталям, пренебрежение требованиями, предъявляемыми к выпускнику на службе. Грамотной постановке воспитания мешали репрессивные и казарменные традиции, отсутствие дифференцированного подхода к старшим и младшим воспитанникам, слепая вера в преимущество наказаний перед убеждениями. Вместе с тем необходимо отметить, что офицер, прошедший подготовку в военно-учебных заведениях, имел базовый набор знаний, необходимых для выполнения служебных обязанностей и достаточных для того, чтобы в течение непродолжительного срока выработать нужные умения и навыки. Досуговая работа, несмотря на многочисленные запреты и нехватку средств, со 2-й половины XIX в. развивалась достаточно динамично, и сложившиеся традиции ее организации позволяли выпускать из военно-учебных заведений офицеров – носителей высокой культуры.

Наконец, неофициальные традиции в большинстве своем оказывали негативное влияние на процесс подготовки офицеров. Противодействие начальству, зачастую принимавшее жестокие формы, культ грубой физической силы, распущенности, хамства и пьянства, замаскированные товарищескими чувствами укрывательство виновных и круговая порука были настоящими язвами, особенно в первой половине и самом конце XIX в. С этими традициями, порожденными репрессивной воспитательной политикой, пытались бороться с помощью репрессий,

тем самым замыкая порочный круг, усиливая и усугубляя деструктивное влияние негативных обычаев на жизнь заведений. Лишь кавалерийский «цук» и его мягкие формы в корпусах, а также (в определенной степени) фольклор и культ показного молодечества можно считать если не положительными, то хотя бы терпимыми явлениями военной культуры.

К началу XX в. благодаря усилиям великого князя Константина Константиновича, активно стремившегося провести в жизнь разработанную им концепцию военно-рыцарского воспитания, действие всех трех групп военно-культурных традиций подготовки офицеров было гармонизировано. Хотя эта система не успела принести заметных плодов, о ее высоком потенциале можно судить по героическому поведению русских кадет и юнкеров во время революции 1917 г. и Гражданской войны. Апробированная в кадетских корпусах Русского Зарубежья и претерпевшая ряд в целом положительных изменений, она помогла сохранить не только русскую военную культуру, но и русскую культуру в целом, способствовала социализации эмигрантской молодежи. О значимости военно-культурного опыта подготовки русского офицерства свидетельствует и то, что руководители Рабоче-крестьянской Красной Армии неоднократно обращались к нему в ходе создания и модернизации системы подготовки командных кадров. Наконец, в современной России военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса активно используются руководителями и педагогами кадетских образовательных учреждений. Таким образом, военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса сохранили свое значение и после гибели русской императорской армии и продолжают оказывать заметное влияние на подготовку офицеров современной Российской Армии.

Выводы по шестой главе

Отношение к военно-культурным традициям подготовки русского офицерства со стороны представителей педагогической корпорации, воспитанников и общества не было однозначным. Неофициальные традиции – особенно такие сложные и многоплановые, как «цук» – имели как горячих сторонников, так и не-

примиримых противников, служили источником конфликтов между педагогами и обучающимися и, доходя до общества в многократно преувеличенном и даже искаженном виде, шокировали его. Традиции организации учебно-воспитательной работы периодически становились предметом оживленных споров, в которых принимали участие не только педагоги, но и представители военного ведомства, недовольные слабой профессиональной подготовкой будущих офицеров, и родители кадет и юнкеров, которых беспокоил казарменно-репрессивный режим заведений. Что касается официальных традиций, то они, как правило, пользовались одобрением и поддержкой кадет, юнкеров, их наставников и общества.

Каждая группа традиций русских военно-учебных заведений играла различную роль в создании значимых для профессионального военного качеств.

Официальные традиции играли в подготовке будущих офицеров русской армии большую положительную роль, воспитывая любовь к Отечеству, гордость за принадлежность к армии, стремление продолжать дело славных предшественников. Однако их воспитательный потенциал далеко не всегда использовался в полной мере, особенно во второй половине XIX в. Следует отметить и то, что излишняя роскошь пышных празднеств, организуемых в стенах заведений в конце XIX – начале XX в. вопреки всем запретам, негативно влияла на нравственность воспитанников и мешала учебной работе.

Традиции организации учебной работы позволяли сообщить будущим офицерам сумму знаний, вполне достаточную для выполнения служебных обязанностей, хотя многопредметность и излишняя теоретичность курсов и часто встречавшийся формальный подход к преподаванию сильно препятствовали полноценной профессиональной подготовке. Традиции воспитательной работы обеспечивали формирование у будущих офицеров таких качеств, как храбрость, стойкость, преданность Отечеству, готовность к самопожертвованию. Однако нельзя не отметить, что устойчивая парадигма репрессивно-казарменного воспитания развивала в воспитанниках совсем иные, негативные, качества: жестокость, грубость, бездушие, пренебрежение к младшим и подчиненным. Традиции культурно-досуговой работы сложились и стали приносить заметные плоды лишь во второй

половине XIX в., исправляя недочеты в подготовке офицеров, вызванные репрессивной воспитательной политикой, смягчая их характер и повышая уровень общей культуры.

Неофициальные традиции в большинстве своем негативно сказывались на подготовке офицеров, особенно в первой половине XIX в. и на рубеже XIX-XX вв. Они возводили в ранг добродетели такие пороки, как лень, грубость, жестокость, цинизм, распущенность и вредные привычки, препятствовали налаживанию конструктивного диалога между учащимися и преподавателями, мешали учебно-воспитательной работе, подрывали авторитет начальства, искажали взаимоотношения в товарищеской среде. Однако за кавалерийским «цуком» и «мягким» «цуком» пореформенных кадетских корпусов, а также культом показного молодечества и школьным фольклором нельзя не признать положительного воспитательного значения.

Однако, поскольку военно-культурные традиции представляли собой целостный феномен, воздействие их различных групп суммировалось и создавало специфический для каждой эпохи социокультурный и профессиональный облик русского офицерства. Доминирование в конце XVIII в. культурно-досуговых традиций способствовало появлению гуманных офицеров-энциклопедистов. Жесткая образовательная политика 1-й половины XIX в., основанная на культе воинских ценностей, привела к формированию офицеров – идеальных «винтиков» военного механизма. Одновременно как протест против муштры появлялись и другие выпускники кадетских корпусов – офицеры типа Дениса Давыдова, беззаветно влюбленные в военное дело и не желавшие связывать себя какими-либо формальностями. К началу XX в. воздействие всех трех основных групп военно-культурных традиций подготовки русского офицерского корпуса было приведено в состояние баланса и способствовало формированию качеств идеального офицера-рыцаря – высококвалифицированного военного профессионала и носителя высокой культуры, чуждого негативных традиций, присущих армейской среде. Этот идеал лег в основу деятельности военно-учебных заведений Русского Зарубежья, в которых дореволюционные традиции не только сохранились, но и обеспечили

культурное выживание представителей русской диаспоры в агрессивной чужеродной среде. Отдельные элементы военно-культурной подготовки русского офицерства нашли применение и в военной школе Советской России и СССР. Особенно заметным процесс возрождения традиций стал в годы Великой Отечественной войны, когда были открыты суворовские училища. Наконец, обращение к дореволюционному военно-культурному опыту подготовки русского офицерского корпуса свойственно современным военно-учебным заведениям России, которые провозгласили себя наследниками старых кадетских корпусов и продолжателями их лучших традиций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен военно-культурных традиций занимает важное место в военной сфере жизнедеятельности общества, обеспечивая сохранение и передачу военной культуры, трактуемой в широком смысле. Под военно-культурными традициями следует понимать исторически сложившиеся и передающиеся от поколения к поколению знания, ценности, правила и нормы, необходимые для обеспечения военной безопасности государства и общества и являющиеся социально значимыми для военнослужащих. Особую социальную значимость военно-культурные традиции имеют для офицерского корпуса. Они выступали и выступают в качестве главного фактора формирования профессионально значимых качеств офицеров, их менталитета и социокультурного облика, образуют стержневую основу офицерской корпорации.

Военно-культурные традиции являются сложным, многоплановым социокультурным феноменом. По принципу формальной закрепленности их можно разделить на официальные и неофициальные, по степени общности – на общие и частные, по устойчивости – на постоянные и временные, по характеру – на военно-научные, военно-технические, военно-экономические, военно-правовые, военно-организационные, боевые, учебно-воспитательные, культурные, морально-нравственные, религиозные, бытовые.

В результате проведенного исследования можно прийти к выводу, что особым видом военно-культурных традиций являлись традиции подготовки русского офицерского корпуса. Они зародились во 2-й половине XVII в. в полках «нового строя», дальнейшее развитие получили в «потешных» полках, гвардии и петровских военных школах. Начатое Петром I форсированное строительство регулярной армии, которой требовалось большое количество хорошо обученных офицеров, привело к созданию модели организованной и целенаправленной трансляции в офицерскую среду активно насаждаемого «сверху» европейского военно-культурного опыта. Она могла быть реализована лишь в закрытых военно-учебных заведениях, первое из которых – кадетский корпус – было открыто в 1732 г. Поскольку система практического обучения офицеров в гвардейских пол-

ках к тому времени превратилась в полную фикцию, начиная со второй трети XVIII в. военно-культурные традиции подготовки офицеров складывались и развивались почти исключительно в рамках системы военного образования. Традиции военной школы, в совокупности образовывавшие целостный социокультурный феномен, обладали неоспоримым приоритетом перед армейскими традициями усвоения профессионально значимых для офицера знаний, умений и навыков. Несмотря на то, что до 1860-х гг. лишь треть офицеров проходила через военную школу, именно военно-учебные заведения, являвшиеся единственным средством профессиональной подготовки офицеров, служили главным каналом трансляции военной культуры в офицерскую среду, а их выпускники выступали в качестве основных носителей военно-культурных традиций и своеобразного эталона для всех прочих офицеров. Закрытые военно-учебные заведения, аккумулировавшие военно-культурные традиции подготовки офицерства, очищавшие их от всего второстепенного и наносного, должны были представлять собой матрицы для подготовки идеальных офицеров. Специфика военно-культурных традиций подготовки русского офицерского корпуса была обусловлена большей направленностью на обеспечение учебно-воспитательного процесса, а также большим удельным весом культурных и особенно неофициальных традиций. Несмотря на относительную обособленность русской военной школы от армии, военно-культурные традиции подготовки офицеров были достаточно тесно связаны с военно-культурными традициями армии. Так, официальные традиции военно-учебных заведений были неотъемлемой частью официальных традиций, существовавших в армии. Достаточно тесной была связь между образовательными, воспитательными и культурными традициями, которые находились под влиянием одних и тех же факторов и условий. Неофициальные традиции военной школы зачастую копировали традиции гвардии, кавалерии, артиллерии, однако ряд кадетских и юнкерских традиций («закальство», «цук») был глубоко самобытным и не имел аналогов в армии.

Возникновение традиций военно-учебных заведений и специфика их эволюции обусловливались следующими факторами: 1) правительственная политика

в области военного образования; 2) вектор развития традиций армии в целом; 3) общий социокультурный фон эпохи; 4) методы руководства, принятые в конкретном военно-учебном заведении в конкретный период; 5) особенности учебно-воспитательного состава и контингента воспитанников. Традиции военно-учебных заведений стали складываться во 2-й половине XVII в. и, пройдя девять основных этапов в своем развитии, оформились в стройную систему к началу XX в. Ее составными частями были официальные традиции, традиции организации учебно-воспитательной и культурно-досуговой работы, а также неофициальные кадетские и юнкерские традиции. Неразрывно связанные друг с другом, эти традиции представляли собой целостный, динамически развивавшийся феномен. Десятый, особый, этап эволюции военно-культурных традиций подготовки русского офицерского корпуса связан с их развитием в военно-учебных заведениях Русского Зарубежья и частичным использованием в системе подготовки командных кадров Рабоче-крестьянской Красной армии. Начало одиннадцатого этапа ознаменовано восстановлением кадетских корпусов в современной России.

Военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса, не теряя связи с армией и офицерской корпорацией, выступали в качестве самостоятельного феномена отечественной военной культуры. Создаваемое ими социокультурное пространство отечественной военной школы являлось уникальной средой, в которой закладывались основы мировоззрения будущих офицеров, а также формировались их профессионально значимые качества.

Первая группа военно-культурных традиций русских военно-учебных заведений, представленная официальными воинскими традициями, создавала основу военного воспитания будущих офицеров, обеспечивала их связь с армией, подчеркивала привилегированное положение военно-учебных заведений. К ним относились внешние корпоративные знаки отличия (форма и погоны, жетоны и нагрудные знаки), символы воинской чести и доблести (знамена), парады и иные торжественные церемонии, отдание воинской чести, торжественное празднование юбилеев и знаменательных дат.

Вторая группа традиций – образовательные, воспитательные и культурные традиции – оказывала непосредственное воздействие как на содержание комплекса знаний, умений и навыков, с которым выпускники покидали стены военно-учебных заведений, так и на их культурный и моральный облик и физическое развитие. В эту группу традиций входили традиции учебной и воспитательной работы, военно-профессиональной подготовки и физического воспитания, а также продуктивного заполнения досуга (руководство чтением и литературным творчеством, организация занятий музыкой, танцами, пением, театральной самодеятельностью, а также проведение образовательных прогулок и экскурсий, посещение театров, выставок и проч.).

Третья группа военно-культурных традиций – создаваемые воспитанниками неофициальные традиции – регламентировала как взаимоотношения между самими обучающимися, так и их отношение к начальству, учебе, порядкам, установленным в заведении. К этой группе принадлежали традиция негативного отношения к начальству и официальным правилам поведения, традиция товарищества, культ нарочитой грубости и показного молодечества, традиция подчинения младших воспитанников старшим, неофициальные церемонии и обряды, ученический фольклор.

Анализ деятельности русской военной школы показывает, что данные группы военно-культурных традиций подготовки офицеров играли в жизни обучающихся различную роль.

Влияние официальных традиций на подготовку будущих офицеров можно оценить как безусловно положительное. Однако их военно-воспитательное значение далеко не всегда находилось на должном уровне, особенно во второй половине XIX в. Кроме того, роскошь праздников и балов могла негативно сказываться на неокрепшей психике детей, подростков и юношей, а подготовка к этим торжествам отнимала много времени и сил и мешала учебным занятиям.

Традиции организации учебной работы в целом позволяли сообщить будущему офицеру сумму знаний, вполне достаточную для того, чтобы он не только справлялся с обязанностями субалтерн-офицера, но и смог продвинуться по

службе как минимум до командира полка. Однако излишняя многопредметность учебного курса, слабая связь обучения с практическими задачами, нехватка квалифицированных преподавателей, формальный контроль за учебным процессом негативно сказывались на профессиональных качествах выпускников. Воспитание будущих офицеров зижделось на религиозных ценностях, патриотических и воинских идеалах, было поставлено на прочную методологическую основу и формировало в воспитанниках храбрость, стойкость, мужество, бескорыстность, готовность к самопожертвованию, однако ему наносили большой урон репрессивные и казарменные традиции, отсутствие дифференцированного подхода к старшим и младшим воспитанникам, слепая вера в преимущество наказаний перед убеждениями. Традиции организации культурно-досуговой работы, сложившиеся, несмотря на предпринимаемые начиная с 1830-х гг. усилия, достаточно поздно, в эпоху Великих реформ Александра II, находились под сдерживающим влиянием множества запретов, но все же позволяли обеспечить полноценную культурную подготовку будущего офицера, знакомя его с театром и музыкой, приучая к чтению серьезной литературы.

Наконец, неофициальные традиции в большинстве своем оказывали негативное влияние на учебно-воспитательный процесс. Лишь кавалерийский «цук» и его мягкие формы в корпусах играли в подготовке офицеров определенную позитивную роль. Кроме того, культ показного молодечества и кадетский и юнкерский фольклор можно считать если не положительными, то хотя бы терпимыми явлениями военной культуры.

Облик русского офицера – выпускника военно-учебного заведения напрямую зависел от того, какая группа военно-культурных традиций доминировала в отечественной военной школе в тот или иной исторический период. Оторванный от жизни энциклопедист екатерининской эпохи, исполнительный нерассуждающий «бурбон» александровского и николаевского царствований, либерально настроенный, стремящийся к знаниям, но не чувствующий призвания к военной службе выпускник милютинской военной гимназии, привыкший к казарменной обстановке и готовый, пусть и без особого энтузиазма, покорно тянуть всю жизнь

служебную лямку выпускник пореформенного кадетского корпуса и военного училища – вот продукты военно-культурных традиций разных исторических эпох. Однако всех их роднила любовь к Родине, честность, храбрость, верность данному слову, готовность прийти на помощь товарищу. Недостаток общей культуры, нехватка профессиональных знаний, грубость – все это представлялось вторичными качествами, нежелательными, но терпимыми недостатками, которые со временем можно было исправить. Руководство военно-учебных заведений постоянно пыталось создать оптимальную форму подготовки офицеров, в рамках которой официальные, учебно-воспитательные и культурные традиции были бы уравновешены, а действие негативных военно-культурных традиций свелось бы к минимуму. Однако ряд причин как объективного (отсутствие средств, нехватка квалифицированных педагогических кадров, слабый состав воспитателей), так и субъективного характера (отсутствие четких представлений о том идеале офицера, к которому следует стремиться, безынициативность и склонность к рутине тех, от кого зависел выбор форм и методов подготовки офицеров) вплоть до конца XIX в. не позволял это сделать.

Содержательный анализ развития военно-культурных традиций отечественной военной школы показывает, что необходимый баланс между военно-профессиональной, общегуманитарной и культурной составляющими подготовки кадет и юнкеров, а также неофициальными традициями воспитанников, в значительной степени очищенными от всего дурного, был достигнут лишь в начале XX в, когда во главе военно-учебных заведений встал великий князь Константин Константинович. Рыцарь в душе, он смог передать свое настроение и воспитанникам, заставив их по-новому посмотреть на знамя, погоны, форму и – что самое главное – на высокое предназначение военного человека. Дифференцированный подход к старшим и младшим воспитанникам, гуманное и вместе с тем требовательное отношение к ним позволили нивелировать деструктивное влияние многих негативных обычаев и традиций, обнаружить и использовать скрытый в них положительный потенциал. Мощный импульс, который придала деятельность поэта К.Р. на посту «отца всех кадет» российским военно-культурным традициям, во

многом объясняет самоотверженность питомцев великого князя во время Первой мировой войны и в дни «русской смуты».

Сохраненные в эмиграции благодаря деятельности кадетских корпусов Русского Зарубежья и отчасти возрожденные в Советской России и СССР, военно-культурные традиции подготовки русского офицерства не утратили своего значения и в настоящее время. Для кадетских образовательных учреждений современной России они являются одним из источников педагогического, воспитательного и культурного опыта, и ценность их непреходяща. Благодаря сохранению живой связи с дореволюционной военной школой современные военно-учебные заведения имеют полное право именоваться наследниками славных своими традициями кадетских корпусов и военных училищ русской армии, а современные кадеты и суворовцы – считать себя хранителями лучших традиций русского офицерского корпуса.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Источники

1. Нормативные документы

1. Высочайше утвержденное Положение о военных училищах: Первом (Павловском), Втором (Константиновском), Третьем (Александровском), Четвертом (в городе Оренбурге), Николаевском кавалерийском, Михайловском артиллерийском и Николаевском инженерном. 1867 // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2-е. – Т. XLII. – Отд. 1-е. – 44723.

2. Высочайше утвержденное Положение о военных училищах. 1894 // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3-е. – Т. XIV. – 11007.

3. Инструкция для военно-подготовительных занятий в кадетских корпусах. К приказу по военно-учебным заведениям 28 февраля 1885 г. № 17. – СПб., 1885. – 23 с.

4. Инструкция должностным кадетам строевой роты кадетских корпусов. К приказу по военно-учебным заведениям 28 февраля 1885 г. № 16. – СПб., 1885. – 15 с.

5. Инструкция по воспитательной части для военных гимназий, однородных с ними заведений и военных прогимназий. Устройство внутреннего порядка. Основные правила физического и нравственного воспитания. Общие обязанности воспитателей. Изд. на основе Свода военных постановлений, 1869 г., книги XV, ст. 210, 229, 632, 65, 695 и примеч. к ст. 288, по II продолжению. – СПб., 1881. – 175 с.

6. Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. – СПб., 1886. – 133 с.

7. Инструкция по содержанию библиотек военно-учебных заведений, подведомственных главному их управлению. – СПб.: Изд-во В. Березовского, 1904. – 14 с.

8. Инструкция, определяющая правила военного воспитания и устройства внутреннего порядка в юнкерских училищах. – СПб.: Изд-во В. Березовского, 1901. – 50 с.

9. Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. Высочайше утверждено 24 декабря 1848 г. – СПб., 1849. – 185 с.

10. Об обязательном обучении военному искусству: Декрет ВЦИК от 22 апреля 1918 г. // СПС КонсультантПлюс.

11. Об утверждении типового положения о кадетской школе (кадетской школе-интернате): Постановление Правительства РФ от 15 ноября 1997 г. № 1427 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 47. – Ст. 5411.

12. Общая программа и инструкция для преподавания учебных предметов в военных гимназиях и однородных с ними заведениях. Руководящие указания. Частные программы по всем учебным предметам. Перечни учебных пособий. Изд. на основ. Свода военных постановлений, 1869 г., кн. XV, ст. 208, 640 и примечания к ст. 288, по II продолжению // Педагогический сборник. – 1883. – № 1. Ч. офиц. – С. 1-52; № 2. Ч. офиц. – С. 55-77; № 3. Ч. офиц. – С. 81-106; № 4. Ч. офиц.

– С. 129-142; № 5. Ч. офиц. – С. 143-151; № 6. Ч. офиц. – С. 167-177; № 7. Ч. офиц. – С. 179-189; № 8. Ч. офиц. – С. 191-212.

13. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 года «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». URL: http://flot.com/education/inbedofsvu/3/ (дата обращения: 23.11.2015).

14. Правила для парадов и церемоний. Высочайше утверждены 22 июня 1902 г. – Пг.: Изд. В. Березовского, 1915. – 152 с.

15. Приказы Главного начальника военно-учебных заведений. – СПб., 1834-1917.

16. Свод военных постановлений 1869 г. Книга XV. Заведения военно-учебные. Издание 4-е (по 1 января 1914 г.). – СПб.: Государственная типография, 1914. – 672 с.

17. Устав Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса. – СПб., 1766. – 25 с.

18. Циркуляры по военно-учебным заведениям. – СПб., 1851-1917.

2. Делопроизводственные документы

А) Неопубликованные.

1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВиВС).

Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 417, 418, 420, 1836, 1853, 2047, 3950, 3964, 3982, 4001, 4026, 4611, 5132.

Ф. 3. Оп. 56. Д. 423.

Ф. 6. Оп. 2/13. Д. 198.

Ф. 51. Оп. 96/2. Д. 19, 36, 40, 41, 44, 46, 48, 60.

Ф. 52. Оп. 110/23. Д. 5, 7, 9, 10, 11, 12. Оп. 110/35. Д. 1, 3, 4, 5. Оп. 110/35а. Д. 1. Оп. 110/55. Д. 1.

2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Ф. 102. Оп. 77. Д. 939. Оп. 79. Д. 677. Оп. 80. Д. 1005, 1177. Оп. 81. Д. 577, 880. Оп. 82. Д. 328. Оп. 83. Д. 235, 311, 484. Оп. 97. Д. 2532, 2981. Оп. 101. Д. 2686. Оп. 102. Д. 60. Ч. 7.

Ф. 109. Оп. 1а. Д. 565. Оп. 2а. Д. 326. Оп. 3а. Д. 323, 342, 346, 373. Оп. 178. Д. 179. Оп. 189. Д. 123, 163. Оп. 191. Д. 162. Оп. 198. Д. 136.

Ф. 272. Оп. 1. Д. 77.

Ф. 543. Оп. 1. Д. 7, 36, 374.

Ф. 550. Оп. 1. Д. 39, 40, 41.

Ф. 601. Оп. 1. Д. 1082, 2112.

Ф. 649. Оп. 1. Д. 717.

Ф. 660. Оп. 2. Д. 90, 846.

Ф. 666. Оп. 1. Д. 100, 105, 109.

Ф. 670. Оп. 1. Д. 43.

Ф. 678. Оп. 1. Д. 424.

Ф. 728. Оп. 1. Д. 155.

Ф. 1463. Оп. 2. Д. 315, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393.
Ф. Р-6808. Оп. 1. Д. 5, 6, 7, 8, 10.

3.Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ).
Ф. 432. Оп. 1. Д. 37, 38, 39, 75, 103, 104, 113, 122, 170, 217, 311, 312, 318, 375, 429, 436, 461, 555, 611, 684, 702, 711, 716, 737, 757, 1273, 1415, 1468, 1715, 1876, 1922, 1966, 2006, 2007, 2094, 2193, 2221, 2222, 2232, 2235, 2319, 2341, 2393, 2394, 2444, 2522, 2578, 2664, 2758, 2895, 3039, 3047, 3066, 3068, 3109, 3112, 3207, 3310, 3591, 3594, 3640, 3678, 3786, 3855, 3856, 3906, 3935, 3936, 4000, 4034, 4100, 4101, 4102, 4103, 4104, 4139, 4251, 4334, 4371, 4372, 4465, 4588, 4733, 5036, 5087, 5163, 5221, 5239, 5286, 5449, 5466, 5494, 5534, 5577, 5597, 5646, 5697, 5710, 5733, 5791, 5876, 5963, 6021, 6022, 6067, 6083, 6166, 6190, 6431, 6679, 6680, 6743, 6799, 6883, 6904, 6943, 7340, 7341, 7521, 7736, 7810, 7893, 7947, 7974, 7978, 8011, 8158, 8161. Оп. 8. Д. 6, 25, 32, 36.

4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
Ф. 20. Оп. 1. Д. 74. Ч. 1-2, 198, 268, 346.
Ф. 21. Оп. 1. Д. 45, 52, 55.

5.Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
Ф. 1296. Оп. 1. Д. 285.
Ф. 3034. Оп. 1. Д. 686.

6.Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
Ф. 314. Оп. 1. Д. 1748, 1753, 1754, 1760.
Ф. 318. Оп. 1. Д. 510, 523, 898, 1059, 1395, 1412, 1760, 1818, 1819, 2065, 2180, 2323, 2467, 2535, 2544, 2646, 2715, 2745, 2784, 2785, 2815, 2931, 2961, 3322, 3830.
Ф. 319. Оп. 1. Д. 229, 236, 404, 679.
Ф. 320. Оп. 2. Д. 67, 69, 330, 452, 453, 563, 647, 668, 839, 961, 1050.
Ф. 321. Оп. 1. Д. 177, 182, 472, 513, 866, 1287, 1483, 2039, 2159, 6040.
Ф. 327. Оп. 1. Д. 42.
Ф. 405. Оп. 5. Д. 202, 413, 7051, 7465, 9753, 11123, 11734.
Ф. 725. Оп. 2. Д. 21, 50, 77, 97. Оп. 3. Д. 30, 115. Оп. 4. Д. 10, 36, 134. Оп. 5. Д. 57, 75, 122, 124, 129, 137, 143. Оп. 6. Д. 77, 102, 117, 131. Оп. 7. Д. 89, 147. Оп. 8. Д. 4, 20, 29, 34, 84. Оп. 9. Д. 23, 85, 86, 87, 88. Оп. 10. Д. 9, 18, 38, 78, 97, 114, 130, 153. Оп. 11. Д. 29, 30, 107, 112, 195. Оп. 12. Д. 87, 97, 116, 118, 168, 189. Оп. 13. Д. 16, 137, 152, 153. Оп. 14. Д. 26, 45, 114, 141. Оп. 15. Д. 10, 80, 88, 89, 139. Оп. 16. Д. 5, 6, 134. Оп. 17. Д. 97, 104, 107. Оп. 18. Д. 2, 11. Оп. 19. Д. 30, 31, 260. Оп. 20. Д. 10, 18, 146. Оп. 21. Д. 31, 168, 175. Оп. 22. Д. 10, 30, 32, 33а, 98, 114, 259, 279, 295, 410. Оп. 23. Д. 7, 142, 178, 259, 288. Оп. 24. Д. 9, 61, 214, 219, 323. Оп. 25. Д. 6, 76, 102а, 107, 108, 132. Оп. 27. Д. 21, 25, 65, 83. Оп. 28. Д. 15, 84, 85, 98. Оп. 29. Д. 12, 26, 74, 96. Оп. 31. Д. 2, 94, 114. Оп. 32. Д. 27, 151, 158. Оп. 33. Д. 81. Оп. 34. Д. 130. Оп. 35. Д. 164, 209. Оп. 36. Д. 7, 13, 32, 219, 238. Оп. 37. Д. 210, 244. Оп. 38. Д. 19, 24, 298, 316, 327, 332. Оп. 39. Д. 14, 143, 184, 314, 327. Оп. 40.

Д. 16, 22, 63, 213, 227, 287, 400. Оп. 41. Д. 418. Оп. 42. Д. 57, 236, 270. Оп. 43. Д. 41, 85, 267, 275, 298, 397. Оп. 44. Д. 11, 325, 327, 335, 502. Оп. 45. Д. 50, 61, 176, 181, 368, 381, 789, 816, 824, 888, 891, 939, 982, 993. Оп. 46. Д. 77, 342, 349, 441, 505, 700, 702, 706, 780, 1481. Оп. 47. Д. 36, 64, 65, 205, 248, 264, 366, 369, 586, 798, 824, 875, 886, 934, 1099, 1103, 1104, 1254, 1329, 1347, 1431. Оп. 48. Д. 310, 311948, 1259, 1261, 1725, 1740, 1750, 1762. Оп. 49. Д. 52, 285, 344, 564, 774, 824, 884. Оп. 50. Д. 62, 64, 302, 303, 442. Оп. 51. Д. 241, 313. Оп. 55. Д. 248. Оп. 56. Д. 2511, 4446, 4492, 4747.

Ф. 943. Оп. 1. Д. 39, 51, 72.

Ф. 945. Оп. 1. Д. 50, 57, 239, 240, 244, 275, 336, 338.

7.Российский государственный исторический архив (РГИА).

Ф. 383. Оп. 15. Д. 19088. Оп. 17. Д. 21768.

Ф. 466. Оп. 1. Д. 163.

Ф. 468. Оп. 14. Д. 2311.

Ф. 472. Оп. 43. Д. 133, 188, 242. Оп. 49. Д. 1053.

Ф. 497. Оп. 2. Д. 18535, 18620. Оп. 6. Д. 4620, 4704.

Ф. 560. Оп. 7. Д. 589.

Ф. 565. Оп. 9. Д. 31200.

Ф. 655. Оп. 1. Д. 271.

Ф. 701. Оп. 1. Д. 12.

Ф. 732. Оп. 2. Д. 355.

Ф. 733. Оп. 2. Д. 30. Оп. 11. Д. 760. Оп. 20. Д. 178.

Ф. 734. Оп. 1. Д. 230.

Ф. 759. Оп. 26. Д. 178.

Ф. 789. Оп. 12. Д. 20.

Ф. 815. Оп. 16. Д. 778, 1114.

Ф. 828. Оп. 7. Д. 307.

Ф. 899. Оп. 1. Д. 116.

Ф. 932. Оп. 1. Д. 85.

Ф. 1018. Оп. 5. Д. 36.

Ф. 1022. Оп. 1. Д. 151, 152, 153, 159, 160.

Д. 1086. Оп. 1. Д. 1208. Оп. 2. Д. 886. Оп. 13. Д. 1146.

Ф. 1101. Оп. 2. Д. 517.

Ф. 1149. Оп. 2. Д. 29. Оп. 12. Д. 52.

Ф. 1158. Оп. 1. Д. 196, 451.

Ф. 1263. Оп. 1. Д. 368, 369, 1947.

Ф. 1276. Оп. 2. Д. 562.

Ф. 1278. Оп. 6. Д. 884. Оп. 7. Д. 1391.

Ф. 1284. Оп. 241. Д. 80.

Ф. 1286. Оп. 6. Д. 109, 619. Оп. 9. Д. 787. Оп. 10. Д. 1418.

Ф. 1341. Оп. 74. Д. 16. Оп. 99. Д. 1278, 1307. Оп. 101. Д. 1005.

Ф. 1409. Оп. 6. Д. 1171.

Б) Опубликованные

1. Военные училища и кадетские корпуса Русской императорской армии в Москве. XIX – начало XX вв. Сборник документов / Под ред. И.О. Гаркуша; сост. С.А. Харитонов, В.М. Шабанов и др. – М.: Древлехранилище, 2009. – 628 с.

2. Журнал № 1 заседания подкомиссии образованного под председательством морского министра совещания по вопросам о преобразовании Морского кадетского корпуса. 1905 г.

3. Извлечение из журнала заседания Педагогического комитета третьего военного Александровского училища 6 сентября 1864 г. // Педагогический сборник. – 1864. – № 3. Ч. офиц. – С. 29-42.

4. Извлечение из журналов заседаний Педагогического комитета Павловского 1-го военного училища 6 ноября и 30 декабря 1863 г. // Педагогический сборник. – 1864. – № 1. Ч. офиц. – С. 3-14.

5. Извлечение из протоколов заседаний педагогических собраний 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии за 1863-1864 учебный год // Педагогический сборник. – 1865. – № 5(8). Ч. офиц. – С. 141-152.

6. Извлечения из отчетов о летних занятиях воспитанников военных гимназий во время пребывания их в лагере в 1865 году // Педагогический сборник. – 1865. – № 12(15). Ч. офиц. – С. 321-347.

7. Материалы, извлеченные из отчетов военных гимназий за 1867 год (Из дел учебного отделения). VIII. Состояние воспитательного дела в военных гимназиях // Педагогический сборник. – 1868. – № 10. Ч. офиц. – С. 681-758.

8. Протокол занятий комиссии, учрежденной при Главном управлении для обсуждения некоторых вопросов, относящихся к устройству военных училищ // Педагогический сборник. – 1869. – № 6. Ч. офиц. – С. 378-420.

3. Военно-педагогические труды.

1. Боголюбов И. Влияние личности воспитателя на воспитанников в наших закрытых заведениях // Педагогический сборник. – 1868. – № 1. Ч. неофиц. – С. 32-52.

2. Бунаков Н. Заметки об условиях воспитания в военных гимназиях // Педагогический сборник. – 1870. – № 5. Ч. неофиц. – С. 469-505.

3. Бутовский А.Д. Телесные упражнения и внеклассные занятия в кадетских корпусах. – М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1898. – 15 с.

4. Бутовский А.Д. Шведская педагогическая гимнастика // Педагогический сборник. – 1897. – № 6. Ч. неофиц. – С. 565–591; № 7. Ч. неофиц. – С. 40–87; № 11. Ч. неофиц. – С. 424–460; 1898. Ч. неофиц. – № 1. – С. 70–105.

5. Ванновский П.С. О преобразовании военно-учебных заведений. – СПб., 1862. – 5 с.

6. Вессель Н. Военные училища и военные гимназии // Педагогический сборник. – 1867. – № 1. Ч. неофиц. – С. 77-131.

7. Ветеран. О нравственном образовании военных людей // Военный журнал. – 1811. – Кн. 18. – С. 4-14.

8. Внеклассные естественно-исторические занятия детей дома и в учебных заведениях // Педагогический сборник. – 1887. – № 5. Ч. офиц. – С. 429-442.

9. Волков Е. О чтении воспитанников // Педагогический сборник. – 1869. – № 9. Ч. неофиц. – С. 900-928; № 10. Ч. неофиц. – С. 988-1020.

10. Воронов А.С. По вопросу о преобразовании военно-учебных заведений. – СПб., 1862. – 9 с.

11. Герштенцвейг В.К. О патриотическом воспитании в кадетских корпусах. – СПб., 1911. – 42 с.

12. Головнин А.В. О военно-учебных заведениях. – СПб., 1862. – 9 с.

13. Греков В.И. К вопросу о воспитании в кадетских корпусах // Педагогический сборник. – 1910. – № 1. Ч. неофиц. – С. 1-21; № 2. Ч. неофиц. – С. 113-124.

14. Джульчи. О человеческом достоинстве. По поводу приказа по военно-учебным заведениям от 24 февраля 1901 г. № 30 // Педагогический сборник. – 1901. – № 9. Ч. неофиц. – С. 204-221.

15. Дометти К.К. Заметка о физических упражнениях в кадетских корпусах // Педагогический сборник. – 1898. – № 11. Ч. неофиц. – С. 473-499.

16. Дудулин В.В., Дроздов П.А. Воспитание военнослужащих на боевых и воинских традициях // Военная мысль. – 2008. – № 7. – С. 46-51.

17. Запольский Н. О внеклассном чтении произведений иностранной литературы // Педагогический сборник. – 1885. – № 3. Ч. неофиц. – С. 245-274.

18. К вопросу о воспитании и обучении детей в кадетских корпусах // Педагогический сборник. – 1898. – № 11. Ч. неофиц. – С. 411-419.

19. Киселев Н. Товарищество в кадетских корпусах и его воспитательное значение. Педагогический этюд // Педагогический сборник. – 1902. № 2. Ч. неофиц. – С. 158-170.

20. Коховский В.П. Реформа военно-учебных заведений. Ее причины, способ осуществления и результаты // Педагогический сборник. – 1869. – № 3. Ч. неофиц. – С. 179-221. № 4. Ч. неофиц. – С. 289-333.

21. Медем Н.В. Мнение о том, какие недостатки обнаружены в наших военно-учебных заведениях и какие меры были бы полезны для устранения этих недостатков. – СПб., 1863. – 26 с.

22. Н.К.М. Цук // Педагогический сборник. – 1908. – № 9. Ч. неофиц. – С. 200-212.

23. Нуо К. По поводу «вечеров» в N гимназии. Заметка // Педагогический сборник. – 1879. – № 11. Ч. неофиц. – С. 1245-1254.

24. Об устройстве в военно-учебных заведениях спектаклей и увеселительных вечеров // Педагогический сборник. – 1893. – № 7. Ч. офиц. – С. 63-80.

25. Острогорский А. Справедливость в школьной жизни // Педагогический сборник. – 1888. – № 7. Ч. неофиц. – С. 1-29; № 9. Ч. неофиц. – С. 181-208.

26. Пыльнев А.А. Практические занятия кадет и юнкеров. – СПб.: В. Березовский, 1902. – 294 с.

27. Реак А. Практические заметки о преподавании музыки в военных гимназиях // Педагогический сборник. – 1870. – №. 10. Ч. неофиц. – С. 1052-1076.

28. Сарминский Е.Г. Об условиях, влияющих на педагогическую работу офицеров-воспитателей в наших кадетских корпусах // Педагогический сборник. – 1912. – № 8. Ч. неофиц. – С. 180-191.

29. Старков И.П. Физическое развитие воспитанников военно-учебных заведений. – СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1897. – 188 с.

30. Строганов А.Г. Мнения о преобразовании военно-учебных заведений. – СПб.: Типография Штаба военно-учебных заведений, 1862. – 15 с.

31. С-ыч Л. Обман в школе (Из кадетской жизни) // Педагогический сборник. – 1907. – № 3. Ч. неофиц. – С. 201-212.

32. Тихобразов Л. Несколько мыслей по поводу учебной подготовки в наших кадетских корпусах // Педагогический сборник. – 1910. – № 7. Ч. неофиц. – С. 19-36.

33. Флейшер Б. К вопросу о недостаточной подготовке выпускаемых из корпусов кадет // Педагогический сборник. – 1910. – № 12. Ч. неофиц. – С. 519-532.

34. Фомин Д. Литературные вечера в кадетских корпусах // Педагогический сборник. – 1900. – № 12. Ч. неофиц. – С. 491-495.

35. Хлыновский М. Вопросы военной школы // Военный сборник. – 1900. – № 4. – С. 366-383; № 5. –С. 164-180; № 6. – С. 331-346; № 7. – С. 162-187.

36. Чертков. О преобразовании военно-учебных заведений. – СПб., 1862. – 7 с.

37. Шкларевич В. О составе учебного курса, цели и характере преподавания наук в военных училищах // Педагогический сборник. – 1865. – № 2(5). Ч. неофиц. – С. 359-378.

38. Шпиньков М. В казачьем кадетском корпусе // Воспитание школьников. – 2008. – № 6. – С. 22-23.

39. Щербачев Г.Д. Беседы о воспитании и преподавании. – Воронеж: Типография губернского правления, 1866. – 22 с.

4. Периодические издания.

1. Военная мысль. Военно-теоретический журнал. – М.,1918-2008.

2. Военное знание. Журнал Управления военно-учебных заведений. – М., 1922.

3. Военный вестник. Общевойсковой журнал Народного комиссариата обороны СССР. – М., 1923-1924.

4. Военный сборник. Журнал Военного министерства Российской империи. – СПб., 1858-1917.

5. Офицерская жизнь. Военный журнал. – Варшава, 1906-1914.

6. Педагогический сборник. Журнал Главного управления военно-учебных заведений. – СПб., 1864-1918.

7. Русский инвалид. Военная газета. – СПб., 1813-1917.

5. Издания военно-учебных заведений и объединений их выпускников

1. Александровец. Журнал Александровского военного училища. – М., 1908-1909.

2. Бацов В. Памятка корнета Тверского кавалерийского юнкерского училища. – Тверь, 1904/5. – 282 с.

3. Бюллетень Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Венесуэле. – Каракас, 1979-1995. – № 1-41.

4. Военная быль. Журнал Общекадетского объединения за рубежом. – Париж, 1952-1974. – №. 1-129.

5. Кадет. Литературно-научный журнал Третьего Московского императора Александра II кадетского корпуса. – М., 1909-1916. – № 1-10.

6. Кадет-михайловец. Литературный популярно-научный журнал 2-го кадетского Е.И.В. великого князя Михаила Николаевича корпуса. – СПб., 1907-1912. – № 1-9.

7. Кадетская перекличка. Журнал объединения кадет российских кадетских корпусов за рубежом. – Нью-Йорк, 1971-2008. – № 1-79.

8. Кадетское письмо. Вестник кадетского объединения в Аргентине. – Буэнос-Айрес, б.г.-2010. – №16-66.

9. Михайловец. Журнал Михайловского артиллерийского училища. – СПб., 1903-1914.

10. Михайловцы. Сборник воспоминаний о Михайловских артиллерийских училище и академии и их питомцах. Выпуск 1-й. – Белград, 1936. – 114 с.

11. Пажеский сборник. – СПб., 1905-1916. – № 1-13.

12. Союз пажей. Сборник, посвященный выдержкам из воспоминаний бывших пажей. – Париж, 1955-1968. – № 1-40.

13. Юбилейная памятка Пажеского Его Императорского Величества кадетского корпуса. 1802-1902. – СПб.: «Т-во Худож. Печати», 1905. – 32 с.

14. Юнкерам Николаевского инженерного училища от старших товарищей. – Пг., 1916. – 101 с.

6. Источники личного происхождения.

А) Неопубликованные

1.Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» им. А.И. Солженицына (Архив БФРЗ).

Ф. 1. А-1, А-4, А-64, А-72, А-77, А-79, А-80, А-89, А-115, А-119, Е-17, Е-27, Е-58, Е-66, Е-70, Е-80, Е-100, Е-118, Е-125, Е-128, Е-27, М-9, М-36(2), М-86, Р-212(2), Р-439, Р-451, Р-595. Оп. 1. Е-32, Е-116. Оп. 2. А-37, А-40, А-56, А-58, А-102. Оп. 3. Ав-6, Ав-14, Аю-6. Оп. 4. Аю-5.

Ф. 2. М-77, М-88, М-90, М-94, М-127, М-146, Р-145.

Ф. 20. Оп. 1. Д. 5.

2. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВиВС).

Ф. 52. Оп. 110/35. Д. 2. Оп. 110/55. Д. 1.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Ф. 660. Оп. 2. Д. 50, 90, 846, 1060, 1061, 1062, 1082.

Ф. Р-6797. Оп. 1. Д. 2, 3, 21, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 37, 38, 40, 41, 42, 51, 52, 53, 54, 56, 57, 58, 59, 68, 70, 87, 92.

4. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ).

Ф. 169. К.17. Е. 11, 12, 13, 16, 22, 23, 31. К. 21. Е. 38, 51, 52. К. 24. Е. 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 17, 19.

Ф. 218. № 121. № 307-1.

Ф. 554. К. 1. Е. 1.

5. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ).

Ф. 41. Оп. 1. Д. 477.

Ф. 52. Оп. 1. Д. 170.

Ф. 80. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6.

Ф. 369. Д. 1.

Ф. 508. Оп. 1. Д. 1, 2, 3.

Ф. 525. Д. 716.

Ф. 569. Оп. 1. Д. 1.

Ф. 601. Оп. 1. Д. 1285, 1286, 1287, 1304, 1305, 1306, 1307, 1308, 1309, 1311, 1312, 1313, 1314, 1315, 1316, 1317, 1318, 1319, 1320, 1321, 1355, 1700.

Ф. 665. Оп. 1. Д. 8, 9, 21, 24, 32, 37, 38, 41, 115, 120, 133, 125, 132, 143, 152, 176, 188, 192, 199, 208, 241, 258, 265, 273, 288, 321, 326.

Ф. 777. Оп. 3. Д. 788.

Ф. 808. Д. 4.

Ф. 1000. Оп. 2. Д. 103.

Ф. 1057. Собр. журн. I кадетского корпуса. Т. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

6. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

Ф. 275. Оп. 1. Д. 351.

Ф. 458. Оп. 3. Д. 17, 20.

Ф. 1296. Оп. 1. Д. 285.

Ф. 1337. Оп. 1. Д. 25, 228.

Ф. 2828. Оп. 1. Д. 69.

7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Ф. 165. Оп. 1. Д. 1740, 1746, 1747, 1748, 1749.

Ф. 260. Оп. 1. Д. 18.

Ф. 267. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

Ф. 318. Оп. 1. Д. 9624.

Ф. 388. Оп. 1. Д. 1.

Б) Опубликованные

1. «Пифагор» (Очерки А. фон Риттера: Старые кадеты) // Нева. – 1911. – № 19. – Ст. 1895-1903.

2. Анненков И.В. Воспоминания генерал-адъютанта И.В. Анненкова // Наша старина. – 1917. – № 3. – С. 16-56.

3. Артиллерийское училище в 1845 г. // Русская старина. –1904. – № 5. – С. 423-443; № 6. – С. 591-628.

4. Баженов А. Сотня юнкеров Николаевского кавалерийского училища // Родные дали. Лос-Анджелес. – 1956. – № 33. – С. 36-37; № 34. – С. 35-37.

5. Бельский В.Я. О родном корпусе. – Сан-Франциско, 1971. – 195 с.

6. Благовещенский В. Воспоминания юнкера-александровца за 1892-1894 гг. // Александровец. – 1907. – № 6. – С. 28-31; № 7. – С. 17-23.

7. Бобарыкин В.В. Три встречи с М.Ю. Лермонтовым // Русский библиофил. – 1915. – № 5. – С. 70-81.

8. Бразоль А.С. Николаевское кавалерийское училище // Новый журнал. – № 120. – Нью-Йорк, 1975. – С. 176-194.

9. Броневский В.Б. Воспоминания // Русская старина. – 1908. – № 6. – С. 537-586.

10. Бутовский А.Д. Годы моего ученья в Петровском-Полтавском кадетском корпусе // Педагогический сборник. – 1915. – № 11. Ч. неофиц. – С. 315-337; № 12. Ч. неофиц. – С. 468-495.

11. В Орловском Бахтина кадетском корпусе. Из воспоминаний ген.-лейт. Е. А. Милодановича // Военная быль. – 1962. – № 56. – С. 41-45; № 57. – С. 25-27.

12. В ссылку (Записки декабриста). Соч. барона Андрея Розена (декабриста). – М., 1900. – 256 с.

13. Вадимов Е. Корнеты и звери («славная школа»): Очерки. – Белград: Издание Н.З. Рыбинского, 1929. – 66 с.

14. Взгляд на прошедшее (Воспоминания А.С. Горковенко) // Морской сборник. – 1876. – № 6. – С. 55-84.

15. Взгляд на прошедшее. Первый кадетский корпус. Волынь и дальнейшие сношения мои с Милорадовичем. Ф. Глинки. (Отрывок 3-й) // Москвитянин. – 1846. – Ч. 1. – № 2. – С. 33-46.

16. Воспоминания бывшего воспитанника 2-го кадетского корпуса // Военный сборник. – 1861. – №7. – С. 141-164.

17. Воспоминания кн. Н.Л. Барклая де Толли Веймарн (1913 г.) // Союз пажей. Сборник, посвященный выдержкам из воспоминаний бывших пажей. – 1958. – № 9. – С. 14-17.

18. Воспоминания о Морском кадетском корпусе. А.С. Зеленый // Исторический вестник. – 1901. – № 2. – С. 604-622.

19. Воспоминания педагога В.Г. фон Бооля // Русская старина. – 1904. – № 3. – С. 615-630; № 4. – С. 111-123; № 5. – С. 379-392; № 7. – С. 213-227; № 8. – С. 287-305; № 9. – С. 578-593; № 10. – С. 74-101; № 11. – С. 300-348.

20. Воспоминания Петра Ивановича Полетики // Русский архив. – 1885. – № 11. – С. 305-336.

21. Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. Ч. 1. – СПб., 1846. – 334 с.

22. Востоков. Из воспоминаний бывшего кадета // Русская мысль. – 1883. – Кн. 1. – № 1. – С. 135-190.

23. Выписки из памятной книжки Николая Алексеевича Нордштейна // Щукинский сборник. – Выпуск 4. – М., 1905. – С. 193-195.

24. Гершельман Ф.К., Гурко Д.И. Генералами рождаются: воспоминания русских военачальников XIX – начала XX вв. – М.: Русское слово, 2002. – 472 с.

25. Гиляровский В.А. Мои скитания: Повесть бродяжной жизни. – М.: Федерация, 1928. – 300 с.

26. Глинка С.Н. Записки Сергея Николаевича Глинки. – М.: Захаров, 2004. – 464 с.

27. Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. – М.: Воениздат, 1987. – 383 с.

28. Граф Г.К. Моряки (очерки из жизни морских офицеров). – Париж: Imprimerie de Navarre, 1930. – 271 с.

29. Гришечко-Климов М. 30 лет назад (Из воспоминаний старого кадета Михайловского Воронежского кадетского корпуса). 1863-1869. – Воронеж, б.г. – 34 с.

30. Грулев М.В. Записки генерала-еврея. – М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007. – 272 с.

31. Дворянский полк в царствование Александра I. Из воспоминаний Ефима Ивановича Топчиева // Русская старина. – 1880. – № 8. – С. 639-650.

32. Деникин А.И. Путь русского офицера. – М.: Современник, 1991. – 300 с.

33. Дома и на войне. 1853-1881. Воспоминания и рассказы Александра Верещагина. Изд. 2-е. – СПб., 1886. – 572 с.

34. Дометти К.К. Заметки офицера-воспитателя // Педагогический сборник. – 1894. – № 7. Ч. неофиц. – С. 28-50.

35. Донской императора Александра III кадетский корпус. Воспоминания кадет Донского корпуса. Под ред. М.К. Бугураева. – Мадрид, 1974. – 590 с.

36. Досуг кадета-псковича. Февраль 1957. Париж. На правах рукописи. – 143 с.

37. Елизаров А.Н. Из воспоминаний московского кадета // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. – Вып. 3. – М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», 2002. – С. 311-332.

38. Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. – М., 1996. – 564 с.

39. Жемчужников Л.М. Мои воспоминания из прошлого. – Л., 1971. – 446 с.

40. Жизнь моя. Записки адмирала Данилова. 1759-1806 гг. – Кронштадт, 1913. – 168 с.

41. Жилинский И. «Рюрик» (Из воспоминаний об Одесском юнкерском училище). Дмитриев В. Юнкерские стихотворения. – СПб., 1908. – 38 с.

42. Завалишин Д.Н. Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822 год // Русский вестник. – 1873. – № 6. – С. 623-655.

43. Заметки А.Х. Востокова о его жизни. Сообщ. В.И. Срезневский. – СПб., 1901. – 114 с.

44. Записки В.М. Жемчужникова. Из посмертных бумаг // Вестник Европы. – 1899. – №2. – С. 634-664.

45. Записки генерал-майора Н.В. Вохина // Русская старина. – 1891. – № 3. – С. 547-566.

46. Записки М.В. Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722-1762). Сборник 1-й «Отголоски минувшего». – Казань, 1913. – 83 с.

47. Записки Николая Александровича Качалова // Голос минувшего. – 1916. – № 5-6. – С. 5-23; № 7-8. – С. 218-246.

48. Записки Петра Кононовича Менькова. В 3-х тт. Том II. Дневник П.К. Менькова. – СПб., 1898. – 370 с.

49. Захава Б.Е. Кадетский корпус. – М.: Academia, 2000. – 256 с.

50. Звездкин Н.П. Из воспоминаний старого однокашника // Кадет-михайловец. Литературный популярно-научный журнал 2-го кадетского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича корпуса. – 15 марта 1908 г. № 2. – С. 34-40; 23 ноября 1908 г. № 3. – С. 38-43.

51. З-ов Н. Из воспоминаний о Владимирской-Киевской военной гимназии (Посвящается памяти Павла Николаевича Юшенова) // Педагогический сборник. – 1907. – № 1. Ч. неофиц. – С. 56-71.

52. Зотов Н.А. Записки офицера-воспитателя (За 8 лет службы в кадетском корпусе) // Педагогический сборник. – 1908. – № 6. Ч. неофиц. – С. 484-494; 1909. – № 3. Ч. неофиц. – С. 222-229; 1910. – № 4. Ч. неофиц. – С. 392-408; 1911. – № 6. Ч. неофиц. – С. 691-700; 1914. – № 3. Ч. неофиц. – С. 312-320; 1916. – № 6. Ч. неофиц. – С. 778-787.

53. И.Ф. Воспоминания юнкера 2-го военного Константиновского училища // Русская старина. – 1909. – № 10. – С. 194-224; № 11. – С. 390-400.

54. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. – М.: Воениздат, 1986. – 750 с.

55. Из давних воспоминаний, статья В.В. Селиванова // Русский архив. – 1869. – № 6. – С. 153-174.

56. Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. – М.: Университетская типография (Катков и К), 1873. – 112 с.

57. Имеретинский Н.К. Пажеский корпус в 1843-1848 гг. Записки старого пажа // Русский вестник. – 1887. – № 8. – С. 663-703; № 9. – С. 221-254.

58. Ишеев П.П. Осколки прошлого. Воспоминания. 1889-1959. – Нью-Йорк, 1959. – 160 с.

59. Кадетские корпуса и военные гимназии. – Б.м., б.г. – 23 с.

60. Карцов П.П. Личные и служебные воспоминания П.П. Карцова. Ч. первая. 1831-1876 гг. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1888. – 519 с.

61. Корсаков А.Н. Воспоминания московского кадета // Русский архив. 1879. – № 7. – С. 304-327; 1880. – № 4. – С. 449-473; 1882. – № 1. – С. 58-376.

62. Кривенко В.С. Юнкерские годы. 25 лет назад. – СПб., 1898. – 81 с.

63. Кропоткин П.А. Записки революционера. – М.: Московский рабочий, 1988. – 544 с.

64. Крылов А.И. 1917 год // Михайловцы. Сборник воспоминаний о Михайловских артиллерийских училище и академии и их питомцах. Выпуск 1-й. – Белград, 1936. – С. 109-112.

65. Крылов Н.А. Кадеты 40-х годов. (Личные воспоминания) // Исторический вестник. – 1901. – № 9. – С. 943-967.

66. Кулябка К.Ф. Воспоминания старого орловца // Русская старина. – 1908. – № 8. – С. 367-381.

67. Ларионов В. Последние юнкера. – Франкфурт-на-Майне, 1984. – 243 с.

68. Лессеко Н.М. Дневник юнкера. – Кутаис, 1912. – 90 с.

69. Линден В.М. Из воспоминаний о Морском корпусе. Как нас учили (1856-1862) // Морской журнал. – 1936. – № 107 (11). – С. 254-255 (6-7).

70. Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911-1920. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 286 с.

71. Лобач-Жученко Б.Б. Записки последнего гардемарина. – М.: Андреевский флаг, 1993. – 80 с.

72. Лыкошин Н. Во 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии. Из воспоминаний 1870-77 гг. // Кадет-михайловец. Литературный популярно-научный журнал 2-го кадетского Его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича корпуса. – № 4. 15 мая 1909 г. – С. 20-24; № 5. 23 ноября 1909 г. – С. 25-28; № 6. 12 мая 1910 г. – С. 29-34; № 7. 23 ноября 1910 г. – С. 24-28.

73. Любимов Г.Г. Мои кадетские годы // Гувернер. 1998. – № 1. – С. 69-84.

74. М.А.Д. Полтавский кадетский корпус в первые годы его существования // Исторический вестник. – 1890. – № 11. – С. 444-476.

75. М.Л. Несколько заметок о Втором кадетском корпусе // Военный сборник. – 1862. – № 4. – С. 389-436.

76. Марков А.Л. Кадеты и юнкера / А.Л. Марков. Кадеты и юнкера; В.Н. Никитин. Многострадальные. – М.: Воениздат, 2001. – 262 с.

77. Медем Б.Г. Былое и последовавшее в Петровской Полтавской военной гимназии и Петровском Полтавском кадетском корпусе. – СПб., 1912. – 81 с.

78. Менд Э.Ф. В училище // Из нашего прошлого. Воспоминания членов союза б. юнкеров Николаевского кавалерийского училища в Гельсингфорсе. Тетрадь первая. – Гельсингфорс, 1943. – С. 2-17.

79. Месняев Г. Кадетские годы (1902–1902) // Военная быль. 1954. – № 11. – С. 2-6; 1955. – № 12. – С. 4-9; 1955. – № 13. – С. 6-10; 1955. – № 14. – С. 9-13; 1955. – № 15. – С. 4-7; 1956. – № 16. – С. 7-12.

80. Мещеряков П. Из недавнего прошлого (1830-1867) // Русская беседа. – 1896. – № 9. – С. 93-128.

81. Миклашевский А.М. Дворянский полк в 40-х гг. // Русская старина. – 1891. – № 1. – С. 111-125.

82. Морской кадетский корпус в 1823-1828 годах (Из воспоминания генерал-майора Петра Васильевича Митурича) // Исторический вестник. – 1888. – № 9. – С. 507-543.

83. Морской кадетский корпус в воспоминаниях адмирала А.И. Зеленого. 1822-1826 гг. // Русская старина. – 1883. – № 10. – С. 89-98.

84. Морской кадетский корпус. В воспоминаниях современников. Сост. А.Ю. Емелин. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2003. – 296 с.

85. Незабываемое прошлое Славной Южной Школы. Исторический очерк Елизаветградского кавалерийского училища с воспоминаниями питомцев школы к столетию со дня основания училища. Под ред. С.Н. Ряснянского. – Нью-Йорк, 1965. – 239 с.

86. Новицкий Г. Воспоминания воспитанника 1-го выпуска из Артиллерийского училища // Военный сборник. – 1871. – № 2. – С. 287-308.

87. Новички (Из воспоминаний о Михайловском артиллерийском училище 50-х гг. прошлого века) // Русская старина. – 1903. – № 10. – С. 43-63.

88. Носович А.Л. Записки вахмистра Носовича. – Париж, 1967. – 74 с.

89. Ольшевский М.Я. Первый кадетский корпус в 1826-1833. Воспоминания генерала от инфантерии М.Я. Ольшевского // Русская старина. – 1886. – № 1. – С. 63-95.

90. Ореус И.И. Школа гвардейских подпрапорщиков и юнкеров в воспоминаниях одного из ее воспитанников. 1845-1849 гг. // Русская старина. – 1884. – № 1. – С. 203-216; № 2. – С. 441-454.

91. Посмертные записки А.А. Одинцова // Русская старина. – 1889. – № 11. – С. 289-322.

92. Роштейн Д.А. Воспоминание об императоре Николае I // Исторический вестник. – 1889. – № 5. – С. 356-364.

93. Самонов В.А. Мысли современного офицера. В 4-х выпусках. Выпуск I. – Тифлис: Типография «Гуттенберг», 1907. – 78 с.

94. Семевский М.И. Полоцкий кадетский корпус, 1835-1885. Из воспоминаний // Русская старина. – 1885. – № 12. – С. 697-704.

95. Семенов-Тян-Шанский П.П. Мемуары П.П. Семенова-Тян-Шанского. Т.1. Детство и юность (1827-1855). – Пг., 1917. – 322 с.

96. Сенявин Д.Н. Записки адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина / Д.Н. Сенявин // Морской сборник. – 1913. – Т. 377. – № 7. – Паг. 8-я. – С. 1-99.

97. Спиридович А.И. Записки жандарма. – М.: Художественная литература, 1991. – 263 с.

98. Стахович А.А. Клочки воспоминаний. – М., 1904. – 359 с.

99. Стогов П.Е. Из корпусных воспоминаний (1901 год) // Морские записки. – 1949. – № 1. – С. 30.

100. Танутров Г.Ф. Свет и тени Кавказа: От Тифлиса до Парижа. – М.: Воениздат, 2000. – 239 с.

101. Трубачеев В.А. Записки старого кадета. – Пг., 1915. – 50 с.

102. Трубецкой В.С. Записки кирасира. – М., 1993. – 218 с.

103. Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. – М.: Воениздат, 1974. – 574 с.

104. Шатилов В.К. Орловский-Бахтина кадетский корпус // Исторический журнал для всех. – 1908. – № 7. – С. 5-25.

105. Штейнгель В.И. Сочинения и письма. В 2-х тт. – Т.1. – Записки и письма. – Иркутск, 1985. – 608 с.

106. Януш Л.И. Полвека назад. (Воспоминания о Втором Московском кадетском корпусе) // Русская школа. – 1907. – № 5/6. – С. 34-66; № 7/8. – С. 204-225; № 9. – С. 97-118; – № 10. – С. 60-78.

7. Художественная литература

1. Владиславович М. На мотивы «Звериады». Воспоминания о Николаевском кавалерийском училище. СПб., 1896-1898 гг. – Ровно, 1936. – 170 с.
2. Галич Ю. Звериада: Записки Черкесова. Роман. – Рига: Грамату Драугс, 1931. – 364 с.
3. Колбасьев С. Арсен Люпен // Юнкера и гардемарины. Сборник. – Пермь: «Пермская книга, 1992. – С. 593-653.
4. Куприн А.И. На переломе (Кадеты) // Куприн А.И. Избранные произведения. – М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1952. – С. 248-280.
5. Леман А. Очерки кадетской жизни. – СПб.: Типография Дома Призрения Малолетн. Бедных, 1888. – 248 с.
6. Михайлов Н. Кадетские годы Сергеева. – СПб., 1900. – 427 с.
7. Северцов В. Где счастье? : Рассказы и сказки. – СПб.: Тип. И.М. Комелова, 1898. – 240 с.

8. Фольклор

1. Зарубежная «Звериада» // Кадетская перекличка. – 1997. – № 62-63. – С. 4-6.
2. Звериада Крымского кадетского корпуса // Кадетская перекличка. – 1995. – № 57. – С. 132-133.
3. Звериада Южной Школы // Исторический очерк Елизаветградского кавалерийского училища с воспоминаниями питомцев школы к столетию со дня основания училища. Под ред. С.Н. Ряснянского. – Нью-Йорк, 1965. – С. 201.
4. Звериада. Сообщ. М.О. Петухов // Русская старина. – 1887. – № 11. – С. 517.
5. Туношенский В.В. Звериада // Русская старина. – 1887. – № 12. – С. 739-740.

II. Литература

1. Адищев В. Музыка в кадетских корпусах России // Искусство в школе. – 2007. – № 1. – С. 38-39.
2. Алпатов Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. – М.: Учпедгиз, 1958. – 244 с.
3. Альтшуллер Р.Е. Кутузов как военный педагог – директор кадетского корпуса // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. – М.: Наука, 1969. – С. 251-262.
4. Андреева О.С., Беспятых Ю.Н. Шведская рукопись о Первом кадетском корпусе при Анне Иоанновне // Петербургские чтения-95. Материалы научной конференции 22-26 мая 1995 г. – СПб., 1995. – С. 44-46.
5. Апухтин А. Н. Командный состав армии // Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. / Сост.: А. И. Каменев, И. В. Домнин, Ю. Т. Белов, А. Е. Савинкин, ред. А. Е. Савинкин. – М.: Военный университет: Русский путь, 2000. (Российский военный сборник. Вып. 17). – С. 154-179.

6. Аурова Н.Н. Атмосфера и быт в кадетских корпусах в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 182-194.

7. Аурова Н.Н. Система военного образования в России: кадетские корпуса во второй половине XVIII – первой половине XIX века. – М., 2003. – 276 с.

8. Ашев Г. А. Воинские ритуалы: Учебное пособие. – М.: ВПА, 1977. – 128 с.

9. Бабурин А.Ю. Александровское военное училище // Московский журнал. История государства российского. – 2006. – № 9. – С. 6-12.

10. Баженов С.В. Военный мундир русского кадета (1732-1917 гг.) // Бомбардир. – 1995. – № 1. – С. 47-59.

11. Бажуков В. И. Военная антропология: объект, предмет, направления, методология // Вестник Военного университета. – 2008. – № 3. – С. 37-45.

12. Бажуков В. И. Эвристические возможности антропологического подхода к исследованию военной культуры: дис. … д-ра культурологии. – М., 2009. – 338 с.

13. Беловинский Л.П. Русская гвардия в XVIII-XIX веках // Вопросы истории. – 1983. – № 9. – С. 94-105.

14. Белокрыс М. Когда поют казаки… (из музыкального прошлого кадетского корпуса) // Омская старина. – 1993. – № 2. – С. 48-56.

15. Беляев А.В. Кадетские корпуса дореволюционной России: опыт организации педагогических отношений: монография. – Ставрополь: Сервисшкола, 2008. – 220 с.

16. Беляев А.В. Кадетские корпуса России: история и современность: монография. – Ставрополь: Сервисшкола, 2008. – 228 с.

17. Беляков Б.Л. Традиции и обычаи офицерского корпуса России: историко-социологический анализ // Безопасность Евразии. – 2006. – № 1. – С. 455-464.

18. Бенда В.Н. Деятельность военно-специальных учебных заведений по подготовке артиллерийских и инженерных кадров в XVIII веке: монография. – СПб.: ГУАП, 2009. – 158 с.

19. Бенда В.Н. Особенности организации учебного процесса в Сухопутном кадетском корпусе в первой половине XVIII в. // Клио. – 2009. – № 4(47). – С. 123-126.

20. Бенда В.Н. Создание и развитие системы подготовки военных кадров в России в конце XVII – первой половине XVIII вв. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – 206 с.

21. Бернацкий В.А. Пятидесятилетие Главного управления военно-учебных заведений. 1863-1913. – СПб., 1913. – 93 с.

22. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. – М., 1986. – 238 с.

23. Бескровный Л.Г. Военное образование в России в XIX в. Доклад на секции военной истории XIII Международной конференции исторических наук. – М., 1970. – 14 с.

24. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал. – М., 1973. – 616 с.

25. Бобровский П. Двадцатипятилетие юнкерских училищ (20 сентября 1864 по 1889 г.). – СПб., 1889. – 43 с.

26. Бобровский П. Юнкерские училища в 1874 году. (Издание редакции журнала «Военный сборник»). – СПб., 1875. – 75 с.

27. Бобровский П.О. Юнкерские училища. Т. 1. Историческое обозрение их развития и деятельности. – СПб.: Изд. книг. Я.А. Исакова, 1872. – 275 с. Т. 2. Обучение и военное воспитание юнкеров. – СПб.: Изд. книг. Я.А. Исакова, 1873. – 685 с. Т. 3. Условия благоустройства. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1876. – 660 с.

28. Бобылев Д.В. Военное образование казаков России в юнкерских училищах // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 4(12). История. Вып. 29. – С. 82-90.

29. Богоявленский Г.П. М.И. Кутузов на посту директора военно-учебных заведений // Советская педагогика. – 1943. – № 7. – С. 32-34.

30. Бондаренко М.А. Кадетские и юнкерские журналы начала XX века: педагогическая составляющая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2013. – Т. 13. – Вып. 3. – С. 96-100.

31. Борисов О.С. Военные и военщина // Военные традиции России: история, психология, культура: Материалы междунар. науч. конф., 21-22 дек., 2000 г., Санкт-Петербург. – СПб.: Нестор, 2000. – С. 17-19.

32. Буковская Т.И. Кадетские корпуса: история, этапы становления и развития военного образования в России: Дис… канд. ист. наук. – СПб., 2003. – 162 с.

33. Буковский Н.Н. XXV годовщина Николаевского кавалерийского училища. – СПб., 1889. – 211 с.

34. Булин С.А. Формирование нравственных идеалов русского офицерства в кадетских корпусах 30-50-х гг. XIX в. // История национальной безопасности России. Материалы 39-й Всероссийской заочной научной конференции. – СПб.: Нестор, 2005. – С. 96-105.

35. Варфоломеев А.Г. Кадетские корпуса России в XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. – Курск, 2005. – 286 с.

36. Вахмистрова С.И. Вклад генерал-фельдмаршала И.Л. Голенищева-Кутузова в развитие военно-морского образования России (на примере Морского шляхетного кадетского корпуса) // Елагинские чтения. – Вып. 1. – СПб.: Остров, 2003. – С. 16-23.

37. Веселаго Ф.Ф. Очерки истории Морского кадетского корпуса (за 100 лет). – СПб., 1852. – 366 с.

38. Вечеслов А.Ф. Двадцать пять лет (1883-1908 гг.) Донского императора Александра III кадетского корпуса. Исторический очерк. – Новочеркасск: Частная Донская типография, 1908. – 204 с.

39. Висковатов А.В. Краткая история 1-го кадетского корпуса. – СПб., 1832. – 113 с.

40. Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 414 с.

41. Волховский К. Первый кадетский корпус. 1732-1863. – СПб., 1884. – 16 с.

42. Второй Оренбургский кадетский корпус (1887-1894) в ряду других военно-учебных заведений. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1894. – 80 с.

43. Галанин Ю.Г. Кадетские учебные заведения – возрождение традиций // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2007. – № 3. – С. 9-12.

44. Галенковский П.А. Воспитание юношества в прошлом. Исторический очерк педагогических средств при воспитании в военно-учебных заведениях (в период 1700-1856 гг.). – СПб., 1904. – 122 с.

45. Галкин М.С. Новый путь современного офицера. – СПб., 1907. – 143 с.

46. Галушко Ю.А., Колесников А.А. Школа российского офицерства. Исторический справочник. – М., 1993. – 221 с.

47. Гаршин М.Ю. Навигацкая школа и Морская академия при Петре Великом // Морской журнал. – 1938. – № 130-131(10-11). – С. 205-208(21-24).

48. Глебов П. Артиллерийская школа в царствование императрицы Анны Иоанновны // Артиллерийский журнал. – 1862. – № XI. – С. 619-643.

49. Глебов П. Военно-учебные заведения, подведомственные Его императорскому высочеству Главному начальнику, в царствование имп. Екатерины II // Отечественные записки. – 1845. – № 10. – С. 60-78.

50. Глебов П. Материал для истории русских военно-учебных заведений. Военно-учебные заведения в царствование императора Павла I // Отечественные записки. – 1839. – Т. 4. – № 7. – С. 65-73.

51. Голощапова Е.В. Духовно-нравственное воспитание в кадетских корпусах России во второй половине XIX – начале XX века. – Ульяновск: Вектор-С, 2009. – 242 с.

52. Голубев А.Ю. К вопросу о кадетском образовании в России // Военная мысль. – 2008. – № 7. – С. 70-80.

53. Гончар А.Е. Традиции русской армии в XVIII – первой половине XIX вв.: сущность, история, уроки: дис. … канд. ист. наук. – М., 1994. – 199 с.

54. Горощенова О.А. Школа математических и навигацких наук в Москве (1701-1752 гг.) и ее продолжатели // Вопросы истории. – 2005. – № 10. – С. 151-155.

55. Грабарь В.К. Вскормленные с копья. Очерки истории детского воинского воспитания. – СПб.: Ф-т филологии и иск-в СПбГУ, 2009. – 580 с.

56. Гребенкин И.Н. Долг и выбор: Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914-1918 гг. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 528 с.

57. Гребенкин И.Н. Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914-1918 гг.: дис. … д-ра ист. наук. – Владимир, 2011. – 537 с.

58. Гребеньков В.Н. Военная культура российского общества: философско-культурологическая концепция: дис. … д-ра философ. наук. – Ставрополь, 2011. – 307 с.

59. Греков Ф.В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. – М., 1910. – 192 с.

60. Гуляев Ю.Н. Особенности постановки воспитательного процесса в Артиллерийском и Инженерном кадетском корпусе // Бомбардир. – 1995. – № 1. – С. 8-12.

61. Гурковский В.А. Кадетские корпуса Российской Империи: В 2 т./Фонд содействия кадетским корпусам им. А. Йордана. – М.: Белый Берег, 2005. – Т. 1. – 263 с; Т.2. – 367 с.

62. Гурковский В.А. Российские кадетские корпуса за рубежом. – М.: Белый берег, 2009. – 440 с.

63. Данилов В.А. «Учение сделать простым, живым, заманчивым, а не запутанным и не схоластическим». Гуманитарное образование в военно-учебных заведениях России // Военно-исторический журнал. – 2003. – № 2. – С. 30-34.

64. Данченко В.Г., Калашников Г.В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 463 с.

65. Дарков С.К. Кадетские корпуса. Суворовские военные училища. Продолжение традиций? – М.: ЕВСТИ, 2011. – 174 с.

66. Дерепко С.А., Желтобрюх С.П. Характеристика профессионального менталитета юнкеров военных учебных заведений дореволюционной России // Развитие профессионального образования в Ярославской области: история и современность: Материалы международной конференции «Чтения Ушинского» 4-5 марта 2003 года, посвященной 200-летию высшей школы в г. Ярославле и 95-летию ЯГПУ. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2003. – С. 109-118.

67. Дерюгин Ю.И. «Дедовщина»: социально-психологический анализ явления // Психологический журнал. – 1990. – Т. 11. – № 1. – С. 109-117.

68. Дугин И.М. Нравственное воспитание учащихся кадетских корпусов России (историко-педагогический анализ). – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, 2006. – 176 с.

69. Епанчин Н. Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции. Ч. I. Подготовка к походу. – СПб.: Типография Главного управления уделов, 1905. – 488 с.

70. Ермоченко С.Н. Российская воинская культура: опыт интерпретации: дис. … канд. культурологии. – Саратов, 2009. – 150 с.

71. Жервэ Н.П., Строев В.Н. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712–1912. В 2-х т. – Т. 1. – СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1912. – 464, 174 с.

72. Жуковский В.П. Военное образование в России: преемственность, опыт, традиции. – Саратов: Саратовский государственный технический университет, 1999. – 256 с.

73. Журавлев А.Ю. Подготовка обер-офицерского состава русской армии в юнкерских военных училищах второй половины XIX – начала XX в.: дис. … канд. ист. наук. – СПб., 2008. – 322 с.

74. Журавлев А.Ю., Исаев А.П., Михайлов А.А. Юнкерские училища в России во второй половине XIX – начале XX в. – СПб.: Издательство СЗАГС, 2009. – 360 с.

75. Завадский Н.П. Владимирский Киевский кадетский корпус. 1851-1901. Краткая историческая записка. – Киев, 1901. – 19 с.

76. Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. 1881-1903. – М.: Мысль, 1973. – 371 с.

77. Золотарев В.А., Межевич М.Н., Скородумов Д.Е. Во славу отечества Российского. – М.: Мысль, 1984. – 335 с.

78. Золотарев О.В. Армия и культура. – М.: Знание, 1991. – 57 с.

79. Зуев Г.И. Историческая хроника Морского корпуса. 1701-1925. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 447 с.

80. Иванов Б.С. Воспитание воинской чести у офицеров Российской армии XVIII – начала XX в.: дис. … канд. пед. наук. – М., 1994. – 254 с.

81. Йордан А.Б. Честь родного погона [книга о традициях в Российских кадетских корпусах]. – М.: Интерграф Сервис, 2003. – 507 с.

82. К вопросу о воспитании и обучении детей в кадетских корпусах // Педагогический сборник. – 1898. – № 11. Ч. неофиц. – С. 411-419.

83. К истории военно-учебной реформы императора Александра II // Русская старина. – 1887. – № 5. – С. 345-366.

84. Каменев А. И. Офицер – профессия идейная // Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. / Сост.: А. И. Каменев, И. В. Домнин, Ю. Т. Белов, А. Е. Савинкин, ред. А. Е. Савинкин. – М.: Военный университет: Русский путь, 2000. (Российский военный сборник. Вып. 17). – С. 451-482.

85. Каменев А.И. История подготовки офицерских кадров в России. – М.: ВПА им. Ленина, 1990. – 195 с.

86. Каморников В.Ф. Учебная и учебно-воспитательная работа в военных и юнкерских училищах России (1863-1917 гг.): дис. … канд. ист. наук. – М., 2008. – 263 с.

87. Канкрин А.В. Мальтийские рыцари. – М.: Московский рабочий, 1993. – 175 с.

88. Карцов П.П. Исторический очерк Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса и Нижегородской военной гимназии (ныне Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус). 1834-1884. – СПб., 1884. – 416 с.

89. Керсновский А.А. История русской армии: 1700-1881. – Смоленск: Русич, 2004. – 464 с.

90. Кириленко Ю.Н. Философское измерение ритуала: ритуал как языковая игра // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 341. – С. 39-42.

91. Климашкина Е.В. Источники изучения педагогического опыта кадетских корпусов и военных гимназий дореволюционной России: дис. … канд. пед. наук. – Ставрополь, 2006. – 208 с.

92. Климов С.Н. Военная культура Франции XX в.: социально-философский анализ: дис. … д-ра филос. наук. – М., 2002. – 489 с.

93. Кожухов Ю.В. Проблема взаимоотношений между воспитателями и воспитанниками в учебных заведениях закрытого типа: (На материалах кадет. корпусов и воен. гимназий): дис. ... канд. пед. наук. – М., 1996. – 168 с.

94. Колыбель флота. Навигацкая школа – Морской корпус. К 250-летию со дня основания Школы математических и навигацких наук. 1701-1951. – Париж, 1951. – 327 с.

95. Комаровский Е.А. Воспитательные аспекты кадетских традиций в российских императорских кадетских корпусах в XIX – начале XX веков //Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 195-215.

96. Комаровский Е.А. Михайловский Воронежский кадетский корпус в XIX веке: дис. … канд. ист. наук. – Воронеж, 1999. – 197 с.

97. Комаровский Е.А., Комаровская Е.П. К истории российских императорских кадетских корпусов // Российская цивилизация: история и современность: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 14. – Воронеж: ГОУ ВГПУ, 2002. – С. 32-56.

98. Кондрашин А.В. Учебные программы кадетских корпусов как отражение сущности военного образования в России // Бомбардир. – 1995. – № 1. – С. 19-22.

99. Конончик В.П. Использование традиции 2-го кадетского корпуса в военно-патриотическом воспитании курсантов и слушателей ВИКА имени А.Ф. Можайского // Бомбардир. – 1995. – № 1. – С. 82-83.

100. Копанев Н.А. «Завтрак Кадетского Корпуса», или Утренние послания генерала Ф.Е. Ангальта // Вторые Лупповские чтения. – СПб., 2005. – С. 89-99.

101. Коргуев Н. О знаменах, гербе и судовом флаге Морского кадетского корпуса // Морской сборник. – 1899. – № 6. Неофиц. отдел. – С. 81-90.

102. Коровин В.М. Военное образование в Российской империи (середине XIX – начало XX в.): монография. – Воронеж, 2009. – 704 с.

103. Коротенко А.В. Понятие военной культуры: сущностные характеристики и итоговая дефиниция // Вестник ПАГС. – 2013. – № 6(39). – С. 15-20.

104. Корякин А.И. Организация учебно-воспитательного процесса в Санкт-Петербургском ракетно-артиллерийском корпусе // Бомбардир. – 1995. – № 1. – С. 78-81.

105. Костоусов Н.С. Кадетское образование: прошлое, настоящее, будущее. Монография. Изд-во Уральского государственного педагогического университета. – Екатеринбург, 2008. – 364 с.

106. Костоусов Н.С., Абзалов А.А., Зубарев И.А. Генезис нравственного воспитания в отечественном кадетском образовании // Образование и наука. Известия Уральского отделения РАО. Журнал теоретических и прикладных исследований. – 2006. – № 6. – С. 27-35.

107. Кочуков С.А. Некоторые бытовые моменты военной школы России второй половины XIX века // Проблемы истории российской цивилизации. – Саратов, 2004. – Вып. 1. – С. 114-122.

108. Кривицкий А. Традиции русского офицерства. – М.: Воениздат, 1945. – 108 с.

109. Кротков А.С. Морской кадетский корпус. Краткий исторический очерк. – СПб., 1901. – 227 с.

110. Круглов В. Феномен военной культуры // Независимое военное обозрение. – 2015. – 13 марта.

111. Крылов В.М. Кадетские корпуса и их славные традиции // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы

межрегиональной научно-практической конференции. – Вологда, 2000. – Часть 2. – С. 38-43.

112. Крылов В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты. – СПб., 1998. – 671 с.

113. Крылов В.М., Лазарев С.А. К вопросу о символике суворовских военных училищ и кадетских корпусов современной России // Гербовед. – 2000. – № 5 (43). – С. 40-42.

114. Крылов В.М., Семичев В.В. Званье скромное и гордое кадет. Исторические и культурные традиции кадетских корпусов России: Монография. СПб.: Петербург – XXI век, 2004. – 160 с.

115. Крылов В.М., Шевелева Е.Н. Нагрудные знаки и жетоны кадетских корпусов России. – СПб.: ЭГО, 1997. – 34 с.

116. Кузинец И.М. Адмиралтейская Академия. – М.: Изд. дом «Руда и металлы», 1998. – 640 с.

117. Кузнецов А.А., Чепурнов Н.И. Наградная медаль. В 2-х т. Т. 1: 1701-1917. – М.: Патриот, 1992. – 416 с.

118. Курмышов В.М. Факторы, определяющие содержание воспитательного процесса в кадетских корпусах русской армии в начале XX в. // Клио. – 2008. – № 3(42). – С. 79-84.

119. Лалаев М.С. Исторический обзор регламентации воспитания и обучения в наших военно-учебных заведениях от основания первых военных школ до последнего времени // Военный сборник. – 1900. – № 1. – С. 114-140; № 2. – С. 405-421.

120. Лалаев М.С. Исторический очерк военных учебных заведений, подведомственных Главному их Управлению. Ч. I-II. От основания в России военных школ до исхода 1-го двадцатипятилетия благополучного царствования Государя императора Александра Николаевича, 1700-1880. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. – 465 с.; Ч. III. 1881-1891. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1892. – 164 с.

121. Лалаев М.С. Исторический очерк образования и развития 1-го Московского кадетского корпуса, что ныне Первая Московская военная гимназия. 1778-1878. – СПб., 1878. – 208 с.

122. Лалаев М.С. Наши военно-учебные заведения под главным начальством великого князя Михаила Николаевича. 1860-1863. Исторический очерк. – СПб., 1898. – 68 с.

123. Ливен Д. Аристократия в Европе 1815-1914. – СПб.: Академический проект, 2000. – 364 с.

124. Литвинов А. Роль офицерского корпуса в воспитании подчиненных на лучших традициях отечественной военной культуры // Ориентир. – 2010. – № 7. – С. 46-50.

125. Ломан Н.Л. Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. – СПб., 1862. – 201 с.

126. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.). – СПб.: Искусство-СПб, 1994. – 670 с.

127. Луговой А.А. Субкультура военных: конфликт реалий и ценностей // Военные традиции России: история, психология, культура: Материалы междунар. науч. конф., 21-22 дек., 2000 г., Санкт-Петербург. – СПб.: Нестор, 2000. – С. 52-53.

128. Лузанов П. Сухопутный шляхетный кадетский корпус (ныне Первый кадетский). Исторический очерк (с 1732 по 1741 г.). – СПб., 1907. – 188 с.

129. Лупанова Е.М. К вопросу о методике преподавания иностранных языков в России XVIII в. // Иностранные языки в школе. – 2010. – № 1. – С. 3-6.

130. Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны. Изд. 2-е. – СПб., 1907. – 176 с.

131. Маякин Т.К. Военно-музыкальная культура России (историко-культурологический анализ): дис. … канд. филос. наук. – Нижний Новгород, 2010. – 149 с.

132. Мельницкий Н. Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (сухопутного ведомства): в 4 т.: в 6 ч. – СПб., 1857–1860. – Т. 1: Ч. 1. – [2], 139, III с.; Ч. 2. – 128, II с.; Т. 2: Ч. 3. – 222, III с.; Ч. 4. – 266, IV с.; Т. 3: Ч. 5. – 325, IV с.; Т. 4: Ч. 6. – 441, III, 17 с.

133. Меньшов В.М. Российские кадеты. – СПб.: Береста, 2003. – Т. 1. Кн. 1, 2. 449 с.; Т. 2. – 255 с.; Т. 3. – 425 с.

134. Милешина Н.А. Дворянские традиции в патриотическом и духовно-нравственном воспитании современных кадет // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 11 (37): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 115-117.

135. Милорадович Г.А. Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества корпуса. 1711-1875. – Киев, 1876. – 263 с.

136. Минаков С.Т. XVII век: первый русский генерал Венедикт Змеев. Монография. – Орел: ФГБОУ ВПО «ОГУ», 2011. – 144 с.

137. Минаков С.Т. Введение в историю мировой культуры. – Орел: Изд-во Социально-Образовательного Центра, 1995. – 150 с.

138. Минаков С.Т. Лейб-гвардии капитан Тухачевский. – Орел: Орловский государственный университет, 2012. – 201 с.

139. Минаков С.Т. Росский Тюренн. Опыт сравнительной военно-исторической антропологии. Монография. – Орел: Изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», 2014. – 236 с.

140. Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). – Орел: Орелиздат, 2000. – 559 с.

141. Миронов В.Н. Кадетские образовательные учреждения в России: история и современность: дис. … канд. ист. наук. – М., 2002. – 238 с.

142. Михайлов А. Жизнь под барабан // Родина. – 2003. – № 1. – С. 71-78.

143. Михайлов А. Шляхетный корпус // Родина. – 1997. – № 5. – С. 52-58.

144. Михайлов А.А. Военно-учебное ведомство России во второй половине XIX – начале XX в. и его роль в подготовке офицерских кадров: дис. … д-ра ист. наук. – СПб., 2000. – 308 с.+298 с. прил.

145. Михайлов А.А. Кадетский ракетно-артиллерийский корпус. 200 лет истории. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. – 336 с.

146. Михайлов А.А. Обаяние мундира. – Псков, 2004. – 296 с.

147. Михайлов А.А. Офицеры и воспитатели 1-го кадетского корпуса в первой половине XIX в. // Петербургские чтения-96. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ. – СПб., 1996. – С. 399-401.

148. Михайлов А.А. Поэтическое творчество кадетов 1-го Санкт-Петербургского кадетского корпуса // Русская литература XI-XX вв. Проблемы изучения. Тезисы докладов научной конференции молодых ученых и специалистов 29-30 апреля 1992 г. – СПб., 1992. – С. 31-32.

149. Михайлов А.А. Российские кадетские корпуса // Вопросы истории. – 1997. – № 12. – С. 124-136.

150. Михайлова Л.Б. Фридрих фон Ангальт – директор Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса / Л.Б. Михайлова // Немцы и развитие образования в России. – СПб., 1998. – С. 47-64.

151. Морихин В. Е. Традиции офицерского корпуса русской армии XIX - начала XX веков (Исторический анализ) : дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – 182 с.

152. Назаренко К.Б. Костюм гардемарин и гардемаринских офицеров первой половины XVIII в. // История военного дела: исследования и источники. – 2016. – Т. VIII. URL: http://www.milhist.info/2016/02/29/nazarenko_1 (дата обращения: 25.05.2016)

153. Одесский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус. 1899-1924. – Нью-Йорк, 1974. – 365 с.

154. Паж К. Чернозубов. Формы пажей // Пажеский сборник. – № 12. – Январь 1916 г. – С. 18-20; № 13. – 1916 г. – С. 13-15.

155. Пажеский Его Императорского Величества корпус. – М.: Интербук-бизнес, 2004. – 279 с.

156. Первый кадетский корпус во Дворце Меншикова. К 275-летию основания. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа; Историческая иллюстрация, 2007. – 176 с.

157. Петраков В. Обмундирование юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища // Цейхгауз. – 2002. – № 2(18). – С. 29-37 и 48.

158. Петров А.Н. Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского военно-сиротского дома. 1798-1898 гг. – СПб., 1898. – 760 с.

159. Петровская И.Ф., Сомина В.В. Театральный Петербург: Начало XVIII в. – октябрь 1917 г.: Обозрение-путеводитель. – СПб., 1994. – 448 с.

160. Печень Н. Традиции в русской армии // Военный вестник. – 1993. – № 6. – С. 62-65.

161. Платов А., Кирпичев Л. Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища. 1820-1870. – СПб., 1870. – 405 с.

162. Плеханов А.М., Попов А.А. Наследники Суворова: От кадетских корпусов России к суворовским военным училищам войск НКВД (МВД), КГБ СССР (1731-1960 гг.). Исторический очерк. 2-е изд. – М.: Русаки, 2001. – 279 с.

163. По вопросу о ведении гимнастики в военно-учебных заведениях с кратким историческим обозрением развития этого дела // Педагогический сборник. – 1887. – № 4. Ч. неофиц. – С. 336-358; № 5. Ч. неофиц. – С. 414-428.

164. Пряхин Ю.Д. Воспитание в системе подготовки офицеров флота России (XVIII-XIX вв.). К 300-летию военно-морского образования в России // Клио. – 2001. – № 1(13). – С. 169-172.

165. Пряхин Ю.Д. Корпус чужестранных единоверцев (Греческая гимназия) в Петербурге // Новый часовой. – 1999. – № 8-9. – С. 39-47.

166. Режепо П. Офицерский вопрос. – СПб., 1909. – 35 с.

167. Рогожин А.А. Рейтары полка И. Фанбуковена. Создание в середине XVII века русских воинских формирований и подготовка для них командных кадров // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 9. – С. 21-25.

168. Романова Е.Н. Военная культура и ее основные характеристики // Вестник Самарского государственного университета. – 2008. – № 1(60). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-kultura-i-ee-osnovnye-harakteristiki (дата обращения: 05.06.2016).

169. Ростовский В. Ю. Военная символика и ритуалы в культуре российского офицерства (конец XIX – начало XX вв.): дис. … канд. ист. наук. – Волгоград, 2007. – 198 с.

170. Рощин Л.В. Методологические вопросы формирования и развития традиции Советских Вооруженных Сил: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1970. – 291 с.

171. Руднев Д.В. Деятельность любительского театра в Морском кадетском корпусе в 1770-е годы // Основание национального театра и судьбы русской драматургии (к 250-летию создания театра в России). – СПб., 2006. – С. 52-61.

172. Рюмин В.П., Вертий А.О. Санкт-Петербургский ракетно-артиллерийский корпус – продолжатель традиций русских пушкарей. – СПб., 2004. – 313 с.

173. Рябов Е.Н. О пребывании Лермонтова в Школе Гвардейских подпрапорщиков и Кавалерийских юнкеров // Вопросы биографии М.Ю. Лермонтова. Научно-публикаторский журнал. – 2006. – № 1. – С. 19-85.

174. Сак К.В. Великий князь Константин Константинович в общественно-политической жизни Российской империи. Конец 70-х гг. XIX века – 1915 год: дис. … канд. ист. наук. – М., 2013. – 327 с.

175. Самович А.Л. Кадетские корпуса в России (80-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Минск, 2003. – 20 с.

176. Селиванов М. Нагрудные знаки и жетоны военных учебных заведений Российской императорской армии. – М.: Любимая книга, 2007. – 192 с.

177. Семичев В.В. Музыкальное воспитание в системе военного образования России, 1700-1917 гг.: автореф. дис. … канд. пед. наук. – СПб., 1994. – 16 с.

178. Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 5-22.

179. Серых В.Д. Воинские ритуалы. – М.: Воениздат, 1981. – 160 с.

180. Сивоволов Д.Ф. Воинско-ритуальная реальность: Монография. – Челябинск: ЧВВАКИУ, 2007. – 156 с.

181. Сидорчук В. А. Духовно-нравственное воспитание курсантов военных институтов на традициях Российской армии: дис. … канд. пед. наук. – Рязань, 2008. – 235 с.

182. Смирнов Р.В. «Дикий обычай» Славной гвардейской школы. Цук и другие традиции Николаевского кавалерийского училища. – М.: Любимая книга, 2010. – 127 с.

183. Смирнов С.Н. Символика как средство воспитания патриотических чувств (на опыте воспитания в кадетских корпусах): Монография / под ред. Б.В. Куприянова. – Кострома: Авантитул, 2008. – 110 с.

184. Соколовский М. Кадетский журнал полвека назад. Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, как повременное издание. 1836-1863. Историко-библиографический очерк. – СПб., 1904. – 121 с.

185. Соколовский М.К. Из истории кадетского журнала. Появление и первые годы издания журнала для чтения воспитанникам военно-учебных заведений и замена его впоследствии Педагогическим сборником. – СПб., 1906. – 25 с.

186. Солодухин А.Н. Особенности организации учебного процесса в кадетских корпусах // Бомбардир. – 1995. – № 1. – С. 13-18.

187. Столетие Военного министерства. Главное управление Военно-учебных заведений. Исторический очерк. Ч. I. – СПб., 1902. – 159 с.; Ч. II. – СПб., 1907. – 171 с.; Ч. III. – СПб., 1914. – 231 с.

188. Сушанский А.С., Анашкин О.А. Теоретические основы духовно-нравственного воспитания в военно-учебных заведениях России XVIII – начала XX вв. // Православие в исторических судьбах Юга России. Вып. 16. Сборник статей. – Ростов н/д, 2003. – С. 180-204.

189. Там, за Невой, – моря и океаны. История Высшего военно-морского ордена Ленина, Краснознаменного, ордена Ушакова училища им. М.В. Фрунзе. – М.: Воениздат, 1976. – 366 с.

190. Тарсаидзе А.Г. Морской корпус за четверть века. 1901-1925. – Нью-Йорк, 1944. – 88 с.

191. Традиции офицеров русской армии. – Жуковский, М., 2004. – 320 с.

192. Филаретова С.М. Кадетский досуг // Бремя развлечений: Otium в Европе. XVIII-XX вв. / Отв. ред. Е.В. Дуков. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – С. 178-188.

193. Французов В.Е. Быт и нравы Николаевского Инженерного училища // Михайловский замок. – СПб.: «Белое и черное», 2001. – С. 217-248.

194. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – 478 с.

195. Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус. 1888-1978. – Сан-Франциско, 1978. – 292 с.

196. Хазин О.А. Пажи, кадеты, юнкера: Исторический очерк (К 200-летию Пажеского Его Императорского Величества корпуса). 3-е изд., доп. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2006. – 152 с.

197. Целорунго Д.Г. Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения: историко-социологическое исследование. – М.: ИИК «Калита», 2002. – 368 с.

198. Цурикова Г.М. Сто прапорщиков. К портрету одного поколения. – Л.: Советский писатель, 1983. – 408 с.

199. Чадаева А.Я. Великий князь Константин Константинович Романов и его дети. – М.: Редакция журнала «Москва», 2009. – 480 с.

200. Червинка Я. Военная карьера у нас и за границею века // Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. / Сост.: А. И. Каменев, И. В. Домнин, Ю. Т. Белов, А. Е. Савинкин, ред. А. Е. Савинкин. – М.: Военный университет: Русский путь, 2000. (Российский военный сборник. Вып. 17). – С. 180-198.

201. Чувардин Г.С. Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки, традиции: Монография. – Орел: Издатель А. Воробьев, 2005. – 264 с.

202. Чувардин Г.С. Пажеский корпус как элитообразующая структура Российской империи в период правления императоров Александра III – Николая II // Научный диалог. – 2012. – № 4. – С. 39-58.

203. Шевелев А.Н. Система мужского дворянского воспитания в России XVIII-XIX веков в педагогике кадетских корпусов // История педагогики сегодня. – СПб., 1998. – С. 95-120.

204. Шевелева Е.Н. Нагрудные знаки и жетоны кадетских корпусов // Бомбардир. – 1995. № 1. – С. 60-65.

205. Шеин И.А. Развитие воинских традиций Российской армии во второй половине XIX – начале XX вв.: исторический опыт и уроки: дис. … канд. ист. наук. – М., 1994. – 206 с.

206. Шкот П.П. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища, бывшей Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1823-1898. – СПб.: Тип М.М. Стасюлевича, 1898. – 290 с.

207. Яковлева Л.В. Педагогические особенности воспитания кадетов и юнкеров в военно-учебных заведениях Российской империи: дис. … канд. пед. наук. – Воронеж, 2011. – 215 с.

208. Ярушевич Е. О лучших традициях русского офицерства // Военный вестник. – 1943. – № 15-16. – С. 37-39.

209. Kusbe J. Eliten- und Volksbildung im Zarenreich währeng des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Studien zu Diskurs, Gesetzgebung und Umsetzung (quellen und studien zur geschichte des Östlichen Europa, 65). – Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2004. – 497 s.

210. Screen J.E.O. The Helsinki Yunker School, 1846-1879: A case study of officer training in the Russian Army. Studia historica 22. Suomen historiallinen seura, Helsinki: Painokaari, 1986. – 319 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Попытки организации подготовки офицеров в России вне системы военно-учебных заведений в конце XVII – XIX вв.

Попытки создания в России системы профессиональной подготовки офицеров, которая позволила бы обеспечить превращение их в носителей военно-культурных традиций, предпринимались и после учреждения военно-учебных заведений. Малая пропускная способность кадетских корпусов и специальных училищ побуждала организовывать подготовку офицеров непосредственно в войсках.

Попытки подобного рода предпринимались с середины XVII в. Как уже говорилось выше, в конце 1640-х гг. задача обучения офицеров была возложена на рейтарский полк И. Фанбуковена. Этим же должны были заниматься и «потешные» полки, созданные в начале 1680-х гг. Однако главной задачей «потешных» все-таки являлась подготовка не офицеров, а идеальных солдат, «для которых «солдатчина» была бы не ненавистной неволей, а гранильной мастерской, в которой они приобретали бы однообразные грани того кристалла, что сиял в руках победоносцев изумительным блеском»[1387]. Впоследствии наиболее способные и достойные из «потешных» солдат удостаивались производства в офицеры, но специальная подготовка офицеров, отличная от солдатской, в рамках «потешных» полков не велась.

«Победоносцы» же, по мнению Петра, должны были проходить обучение за границей. Начиная с 1696 г. царь стал отправлять в европейские страны молодых придворных (комнатных стольников и спальников), которым было предписано «учиться всяким наукам», в том числе и воинскому искусству[1388]. Но такой способ усвоения знаний не был жестко связан с интересами военного ведомства и не мог

[1387] Назаров А.М. Потешные. Роль их в прошлом и задачи в будущем. Исторический очерк «О потешных полках Петра I». Одесса: типо-литография Штаба Одесского военного округа, 1911. С. 96.

[1388] Желябужский И.А. Дневные записки // Рождение империи. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 301; Об отсрочке в исковых делах Стольникам Комнатным, которым повелено ехать в Европейские Государства для обучения военному искусству // ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. III. № 1567.

обеспечить стремительно увеличивавшуюся петровскую армию необходимым количеством «начальных людей». Кроме того, качество военно-профессиональной подготовки стольников, слабо знавших математику и иностранные языки, оставляло желать много лучшего. Так, в начале 1697 г. в Англию, Голландию и Италию для изучения военно-морского дела были посланы 65 человек. После возвращения стольников, в 1699 г., Петр I лично принял у них практический экзамен на корабле, который сумели выдержать лишь 4 человека[1389].

В начале XVIII в. были открыты первые российские военно-учебные заведения. Длительные сроки обучения, приглашенные из Европы учителя, тщательно разработанные учебные программы и относительная независимость от мешавших планомерному усвоению знаний форсмажорных обстоятельств, неизбежно связанных с решением практических служебных задач, – все это должно было служить залогом успешности подготовки учеников к выполнению офицерских обязанностей. Однако петровские школы были вынуждены готовить не столько офицеров, сколько инженеров и других технических специалистов, и объективно не могли способствовать превращению своих учеников в офицеров – обладателей особого менталитета и носителей военно-культурных традиций. Поэтому их незаменимыми помощниками в деле трансляции военно-культурного опыта должны были стать гвардейские полки, являвшиеся наследниками «потешных». На гвардию Петром I была возложена функция пополнения офицерскими кадрами всех частей русской армии. Обучение новобранцев шло по прежним, «потешным», программам, в основе которых лежали освоение техники и практические занятия. Дворяне начинали в службу в гвардии рядовыми и лишь после приобретения знаний, необходимых офицеру, могли быть произведены в прапорщики. В XVIII в. перевод сержантов гвардии офицерами в армию был частым явлением, эта практика сохранилась и в XIX в.[1390] Однако военная подготовка гвардейцев носила, как и прежде, служебно-практический характер. Петр I полагал, что лишь последовательное прохождение всех служебных ступеней, начиная с низшей, является

[1389] Зуев Г.И. Историческая хроника Морского корпуса. 1701-1925 гг. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. С. 14.
[1390] Беловинский Л.П. Русская гвардия в XVIII-XIX веках // Вопросы истории. 1983. № 9. С. 100.

гарантией приобретения профессионально значимых для военного качеств. Он требовал, чтобы дворянство «трудом домогалось знакомства с военным делом»[1391]. В силу этого, а также ввиду непрекращавшихся боевых действий подготовка начальствующего состава для армии в гвардейских полках при Петре I осуществлялась эмпирическим путем. По мнению А.В. Геруа, гвардия являлась «своего рода военно-учебным заведением, только практического характера; а дворянских недорослей гвардейского полка того времени, по их назначению, можно смело приравнять к современным кадетам и юнкерам»[1392]. Но последовательное прохождение всех ступеней служебной иерархии начиная с самой нижней, знакомя будущего офицера с практической стороной службы и приучая его к дисциплине, не давало ему никаких теоретических знаний. Петр I, знавший и высоко ценивший роль школы в жизни общества, неоднократно пытался организовать теоретическую подготовку офицеров, однако его начинания не увенчались успехом. В 1713 г. царь повелел, чтобы «пребывавшие в зимнее время в Петербурге офицеры и унтер-офицеры Преображенского полка не проводили время в праздности и гульбе, а обучались инженерству»[1393]. По всей видимости, этот указ не принес ожидаемых результатов. По мнению В.Е. Морихина, осознание Петром I того, что слабая подготовка офицеров не позволит создать боеспособную регулярную армию, побудила его искать выход из сложившейся ситуации в развитии системы военного образования[1394]. Ее важным звеном должны были стать полковые школы, представлявшие собой, в отличие от военно-учебных заведений, учебные подразделения строевых частей. Они в первую очередь были адресованы сыновьям нижних чинов, для которых посещение занятий было обязательным. Кроме того, в полковых школах по желанию могли обучаться солдаты, которым предоставлялись льготы при прохождении службы (освобождение от ряда обязанностей) и право на получение следующего чина. Именно тогда в подготовку офицерских

[1391] Геруа А.В. Гвардия – школа // Геруа А.В. К познанию армии. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1907. С. 21; Геруа А. Суворов-солдат. 1742-1754 (Итоги архивных данных о его службе нижним чином). СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1900. С. 19-20.
[1392] Геруа А.В. Гвардия – школа // Геруа А.В. К познанию армии. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1907. С. 32.
[1393] Преображенцы: История, биографии, мемуары / Сост. А.Ю. Бондаренко. М.: Воениздат, 2000. С. 95.
[1394] Морихин В.Е. Традиции офицерского корпуса русской армии. Научно-историческое исследование. 2-е изд. М.: Кучково поле, 2010. С. 66.

кадров в гвардейских полках был внедрен теоретический элемент. Однако деятельность полковых школ была затруднена ввиду нехватки квалифицированных учителей, размещения солдат по частным квартирам и других обстоятельств. Так, в Семеновском полку фактическое открытие школы последовало лишь в 1747 г.[1395] Курс полковых школ внешне выглядел весьма солидно и включал в себя арифметику, геометрию, тригонометрию, планиметрию, фортификацию, основы инженерного дела, артиллерию, иностранные языки, «военную экзерцицию». Но, поскольку большинство недорослей проходили службу в гвардейских полках лишь фиктивно, организация теоретической подготовки в полковых школах не могла оказать серьезного воздействия на формирование профессионально значимых качеств русского офицерства. Кроме того, в этих школах преподавали не учителя, а гвардейские каптенармусы, не обладавшие значительными познаниями и не владевшие методикой подачи материала. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что успешное прохождение курса полковой школы не рассматривалось в качестве необходимого условия получения офицерского чина.

Низкий уровень образования многих офицеров гвардии (среди них, несмотря на деятельность полковых школ, которые разрешалось посещать всем желающим, было немало неграмотных) препятствовал осуществлению полноценного профессионального обучения в процессе повседневной службы. Это побудило Петра I учредить в 1721 г. при Преображенском полку одновременно с полковой и инженерную школу. Она была предназначена для обучения как унтер-офицеров, так и обер-офицеров. В программу входили следующие дисциплины: «1) пять частей арифметики, а по самой крайней нужде одна нумерация, 2) план геометрии со всеми циркульными приемами, 3) масштаб, по которому мог бы чертить на бумаге и после оное перевесть на землю к делу, 4) шанцы полевые в грунт, рисованье фасов, фланков, куртин с их дефензиею и профилью, 5) цирком-валацион и контро-валацион линии с их дефензиею и профилем и фельд-баттареи»[1396]. Таким образом, в школе изучались лишь математика, основы полевой и долговременной

[1395] Геруа А.В. Гвардия – школа // Геруа А.В. К познанию армии. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1907. С. 24.
[1396] История Преображенского полка. Составил лейб-гвардии Преображенского полка штабс-капитан Азанчевский 1-й. М.: Тип. Каткова и К, 1859. С. 129.

фортификации и черчение. Это сугубо техническое учебное заведение, аналогичное другим петровским школам, обеспечивало усвоение математических дисциплин и фортификации, но не ставило перед собой никаких военно-воспитательных задач. Хотя в 1723 г. программа школы была расширена: кроме различных частей математики и фортификации, стали изучаться французский и немецкий языки, обеспечить фундаментальную профессиональную подготовку будущих офицеров и тем более повлиять на их нравственный облик инженерная школа не была в состоянии.

Во второй половине XVIII в. школы, аналогичные Преображенской инженерной, существовали и при других гвардейских полках – Измайловском и Конногвардейском. В них обучались как малолетние дворяне, так и солдатские дети (последние готовились не в офицеры, а в унтер-офицеры). Однако, несмотря на кажущуюся фундаментальность курсов этих школ (в списке изучаемых предметов значились арифметика, геометрия, артиллерия, архитектура, метрология, иностранные языки[1397]), преподавание велось примитивно, ибо учителями были «сержанты, каптенармусы от бомбардир и от мушкетеров, капралы, фурьеры, пушкари и даже кадеты»[1398]. Поэтому утверждение В.А. Золотарева, М.Н. Межевича и Д.Е. Скородумова о том, что гвардейские полки в XVIII в. «фактически представляли собой дворянские военные школы»[1399], не соответствует действительности: они давали в лучшем случае начальное образование и минимум военной подготовки, не решая никаких воспитательных задач (за исключением петровской эпохи, когда гвардия действительно являлась суровой практической офицерской школой, куратором воспитательной работы в которой был сам монарх). Из-за недостатков, присущих полковым и инженерным школам, общетеоретические и профессиональные знания большинства офицеров (за исключением весьма немногих представителей знати, получивших солидное домашнее образование, а также тех, кто прошел курс в военных и гражданских учебных заведениях) были

[1397] Глиноецкий Н. Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чинопроизводства в русской армии // Каменев А.И., Домнин И.В., Белов Ю.Т., Савинкин А.Е. Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. М.: Военный университет: Русский путь, 2000. С. 26.
[1398] Петров А.Н. Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского военно-сиротского дома. 1798-1898 гг. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1898. С. 16.
[1399] Золотарев В.А., Межевич М.Н., Скородумов Д.Е. Во славу отечества Российского. М.: Мысль, 1984. С. 48.

весьма скромны. В сущности, гвардейские полки в обучении будущих офицеров играли лишь номинальную роль; не зря В.И. Суворов, отец прославленного полководца, после зачисления 12-летнего Александра в Семеновский полк, «…обозрев ситуацию в полку… решил, что он сможет дать своему сыну обучение необходимым наукам дома, оставляя его формально в штате полка и ежегодно отчитываясь об образовании своего сына…»[1400]

Кроме того, гвардия постепенно теряла возложенную на нее Петром I роль практической офицерской школы. Поскольку солдатская служба была продолжительна и тяжела, ее прохождение со временем обратилось в полную фикцию. Уже в 1730-е гг. недоросли стали записываться в полки в младенческом возрасте и, производясь за «выслугу лет» сначала в унтер-офицеры, а затем и в прапорщики, могли получить чин капитана, не прослужив ни дня и не имея ни малейшего представления об обязанностях офицера. С точки зрения военного управления этот порядок был губительным: «…нахватав чинов с колыбели, молодые безусые юнцы чуть ли не сразу получали полки и являлись, таким образом, начальниками боевых, заслуженных ветеранов»[1401]. Между тем многим из этих «безусых юнцов» на первых шагах действительной офицерской службы (если она, конечно, не была синекурой) не приходилось рассчитывать даже на минимальную подготовку. Так, в «богоспасаемой» Белогорской крепости, где начал свою карьеру герой повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» Петр Гринев, являвшийся сержантом гвардии еще до рождения, «не было ни смотров, ни учений, ни караулов», в гвардейских же полках, по отзыву его отца, вся военно-культурная подготовка сводилась к обучению «мотать и повесничать». Начальство обращало внимание лишь на занятия строем. Недостаток же общего и специального образования давал о себе знать даже в гвардейской среде в продолжение всего XVIII в., особенно в первой его

[1400] Минаков С.Т. Росский Тюренн. Опыт сравнительной военно-исторической антропологии. Монография. Орел: Изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», 2014. С. 109. В соответствии с программой, утвержденной высочайшим указом в 1736 г., недоросли должны были изучать следующие предметы (так называемые «указные науки»: арифметику, геометрию, тригонометрию, планиметрию, фортификацию, часть инженерного дела и артиллерии, иностранные языки, военную экзерцицию и ряд других наук (Геруа А. Суворов-солдат. 1742-1754 (Итоги архивных данных о его службе нижним чином). СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1900. С. 5).

[1401] Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений // Каменев А.И., Домнин И.В., Белов Ю.Т., Савинкин А.Е. Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. М.: Военный университет: Русский путь, 2000. С. 42.

половине, когда полковые школы, способствовавшие некоторому распространению общих и военных знаний, почти не действовали. Гвардейское начальство предпочитало возлагать обязанность получения малолетними солдатами образования на их родителей, оставляя за собой лишь контроль усвоения ими основных предметов (так называемых «указных наук»), которое во многих семействах было пущено на самотек: многие недоросли в течение пяти лет успевали выучить лишь арифметику.

Во второй половине XVIII в. ситуация несколько изменилась: после 1750 г. в полковой школе Семеновского полка «уже не доставало места для желающих учиться; а в кадетский корпус и академию люди отправлялись целыми командами»[1402]. Кстати, большое количество желающих посещать занятия в Сухопутном и Морском кадетских корпусах свидетельствует о том, что в гвардейских полках отсутствовали условия для полноценной специальной подготовки к офицерскому званию. Однако всплеск интереса к полковым школам и военному образованию в целом не привел к превращению гвардейских полков в центры военной подготовки. Ситуацию не исправило даже учреждение кадетских рот, аналогичных тем, что существовали во Франции со второй половины XVI в.[1403] Упоминание о необходимости их создания впервые встречается в тексте «Присяги» – программного документа, разработанного Верховным тайным советом[1404]. Однако появление «полковых кадет» произошло лишь в 1770 г., когда при лейб-гвардии Измайловском полку по ходатайству генерал-поручика А.И. Бибикова были сформированы «две кадетские роты для подготовки дворянских детей к офицерскому патенту»[1405]. Пер-

---

[1402] Дирин П. История л.-гв. Семеновского полка. СПб.: Тип. Эдуарда Гоппе, 1883. Т. 1. С. 273.

[1403] Хронист Брантом (ок. 1540 – 1614) так отзывался о гвардейском полку, в котором служили кадеты: «В нем не было ни одного солдата, который не заслуживал бы ранга капитана; даже молодые кадеты готовы были пролить последнюю каплю крови в сражении» (Померанцев Н.П. Военно-учебные заведения во Франции // Педагогический сборник. 1868. № 3. Ч. неофиц. С. 283-284). Впрочем, И.Н. Андрушкевич полагает, что «уже в XV и XVI веках в России существовали полки дворянских детей, которые даже принимали участие в качестве вспомогательных частей в военных действиях. Эти полки и являются прямыми отечественными предшественниками русских кадетских корпусов» (Андрушкевич И.Н. Необходимость подлинного восстановления русских кадетских корпусов // Кадетская перекличка. 1996. № 59. С. 50). Если принять данную точку зрения, то можно предположить, что аналог кадетских рот существовал в России задолго до их появления во Франции.

[1404] Петрухинцев Н.Н. Становление кадетского корпуса при Анне Иоанновне 1731-1740 гг. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVII: Первый кадетский корпус во дворце Меншикова: к 275-летию основания. Материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 133.

[1405] Быков М. Павлоны, констапупы и другие // Русский мир.ru. Журнал о России и русской цивилизации. 2009. Июль. URL: www.russkiymir.ru/media/ magazines/article/158327/ (дата обращения: 01.11.2016)

вым начальником кадетских рот являлся капитан-поручик Н.В. Леонтьев, выпускник Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, автор нескольких од и сборника басен. В число «полковых кадет» поступали недоросли, служившие в гвардейских полках. Часть их была выпущена за неуспехи в науках из кадетских корпусов в звании «кадет», которое было промежуточным между унтер-офицерскими и офицерскими чинами. Учебная программа кадетских рот была рассчитана на год. Восемь месяцев, с 1 сентября по 1 мая, шли классные занятия по следующим дисциплинам: математика, география, иностранные языки, рисование, артиллерия, фортификация. Кроме того, кадет обучали фехтованию и верховой езде[1406]. Май и летние месяцы посвящались обучению строю и военным экзерцициям.

По мнению составителя полковой истории измайловцев Н. Зноско-Боровского, «…заведение это [кадетские роты – А.Г.] дало много хороших и образованных офицеров в армию»[1407]. Большая часть «полковых кадет» действительно рано или поздно становилась офицерами. Следует, однако, отметить, что учебная программа кадетских рот была более чем скромной (от программы гвардейских нормальных школ, готовивших унтер-офицеров, она отличалась только наличием курса геометрии. Преподаванием и общеобразовательных, и специально-военных дисциплин, как и в нормальных школах, занимались не профессиональные педагоги, а доморощенные учителя из числа сержантов, каптенармусов и пушкарей. Поэтому выпускники кадетских рот, получив лишь начальное образование и минимум практической военной подготовки, в профессиональном отношении мало чем отличались от прошедших обучение в нормальных школах нижних чинов. По утверждению современных исследователей В.Г. Данченко и Г.В. Калашникова, «учебой и нравственным воспитанием там [в кадетских ротах – А.Г.] не занимались: роты несли службу наравне со строевыми и совершенно так же, как в седой древности, осваивали воинское дело только на практике»[1408]. Кадетские роты не получили распространения даже в гвардии, не говоря уже об армейских полках, и это не мо-

---

[1406] Измайловцы: История, биографии, мемуары / Автор-составитель А.Ю. Бондаренко. М.: Воениздат, 2007. С. 32.
[1407] Зноско-Боровский Н. История лейб-гвардии Измайловского полка. 1730-1880. СПб.: Типография П.Е. Лобанова, 1882. С. 29.
[1408] Данченко В.Г., Калашников Г.В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 122.

жет свидетельствовать о признании их деятельности успешной и достойной поддержки и расширения. В ноябре 1796 г. Измайловские кадетские роты были упразднены. Точная причина их расформирования неизвестна, но можно предположить, что ничтожный вклад кадетских рот в подготовку офицеров делал продолжение их существования бессмысленным. Интересно отметить, что во Франции проект первой военной школы был разработан капитаном Лану вскоре после создания кадетских рот – офицер, по его мнению, должен был быть просвещенным и культурным человеком, и сделать его таковым могла не жизнь в полку, а лишь учеба в военной академии[1409].

Подводя итоги, можно вслед за А.В. Геруа прийти к выводу, что в петровскую эпоху благодаря богатому боевому опыту гвардия действительно представляла собой «школу начальствующих с широкой практикой на войне и во время мира, выпуская своих питомцев, в качестве офицеров и начальников частей, проводником правильных взглядов на воспитание и обучение и питомником прочного воинского духа»[1410]. Начиная со второй четверти XVIII в. параллельно шли независимые друг от друга процессы постепенной утраты гвардией боевых традиций и придания ей характера теоретической школы. Однако организация планомерной теоретической подготовки офицеров в процессе повседневной деятельности гвардейских полков вплоть до конца 1740-х гг. была практически неосуществима, а во второй половине XVIII. в., в условиях фиктивного прохождения службы большинством недорослей, – почти лишена какого-либо смысла.

Следующая попытка организации подготовки офицеров в войсках относится к концу правления Александра I. В 1820-е гг. при главных квартирах 1-й и 2-й армий, а также при штабах некоторых корпусов были учреждены школы армейских подпрапорщиков и юнкерские школы, цель которых заключалась в том, чтобы «подготовить молодых людей к офицерскому званию доставлением им способов к приобретению сведений, необходимых для строевого офицера, образовать

[1409] Померанцев Н.П. Военно-учебные заведения во Франции // Педагогический сборник. 1868. № 3. Ч. неофиц. С. 284-285.
[1410] Геруа А.В. Гвардия – школа // Геруа А.В. К познанию армии. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1907. С. 26.

их нравственно и внушить им правила военной дисциплины»[1411]. Пропускная способность этих школ была невелика (например, в школе 2-й армии одновременно могли учиться лишь по 3 юнкера от каждого из полков), учебная программа, в соответствии с невысоким уровнем знаний основной массы обучающихся, представляла собой упрощенный курс кадетского корпуса. Срок обучения составлял 2-3 года. Единого подхода к организации подготовки не существовало: так, если школа, учрежденная в 1-й армии, представляла собой закрытое дворянское учебное заведение с несколько расширенной программой и была призвана стать рассадником военного образования, то школа 2-й армии, напротив, была более демократичной и ориентировалась не столько на теорию, сколько на практику. В 1828 г., после начала войны с Турцией, все армейские юнкерские школы были закрыты, не успев внести сколько-нибудь значимый вклад в подготовку русских офицеров, большинство которых, не прошедшее через военно-учебные заведения, было настолько малограмотным, что оказывалось в не в состоянии справиться со своими обязанностями[1412].

В начале 1840-х гг. при ряде корпусных штабов были организованы особые юнкерские команды, в которых осуществлялось обучение подпрапорщиков и юнкеров «уставам и вообще строевой службе». Однако их деятельность не отличалась эффективностью, так как не были назначены лица, ответственные за организацию подготовки юнкеров. Поэтому надзор за обучающимися был слишком слаб, а занятия не носили регулярного характера. В 1849 г., после выступления русских войск в Венгрию, последовала ликвидация юнкерских команд.

Таким образом, организации подготовки офицеров вне военно-учебного ведомства в первой половине XIX в. препятствовал ряд причин. Во-первых, низкий уровень начальной подготовки будущих офицеров и отсутствие у них навыков самообразования побуждал руководство создавать в войсках не краткосрочные

[1411] Каменев А.И. Первоначальное устройство юнкерских школ. URL: http://artofwar.ru/k/kamenew_anatolij_iwanowich/perwonachalxnoeustrojstwojunkerskihshkol.shtml (дата обращения: 15.10.2016)

[1412] Глиноецкий Н. Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чинопроизводства в русской армии // Каменев А.И., Домнин И.В., Белов Ю.Т., Савинкин А.Е. Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. М.: Военный университет: Русский путь, 2000. С. 32.

курсы, а учебные заведения упрощенного типа, которые, как и кадетские корпуса и специальные училища, не могли пропустить через себя всех кандидатов в офицеры и в силу этого были ориентированы главным образом на дворян. Во-вторых, налаживанию подготовки офицеров в войсках мешало отсутствие квалифицированных преподавательских кадров и частые перемещения частей с места на место, не позволявшие организовать эффективный учебный процесс. Таким образом, подготовка неизбежно приобретала сугубо практический, прикладной характер, велась без должной системы, урывками, охватывала лишь незначительную часть юнкеров, а с после начала военных действий, сопровождающихся масштабной мобилизацией воинских частей, – прекращалась. Поэтому подпрапорщики и юнкера, лишенные «возможности и средств получать даже элементарное военное образование»[1413], были вынуждены готовиться к экзаменам на офицерский чин самостоятельно. Сами экзамены, с учетом крайне слабых знаний кандидатов, носили, по словам А.И. Деникина, «анекдотический» характер, а зачастую представляли собой откровенную фикцию[1414]. Поскольку юнкерами в полках совершенно не занимались, в свободное от службы время подавляющее их большинство, вместо того, чтобы учиться, предпочитало бездельничать, пьянствовать и буянить[1415].

Неоднократно предпринимаемые попытки организовать военную подготовку на базе гражданских учебных заведений успехом не увенчались. В начале XIX в. в некоторых университетах (например, Харьковском и Дерптском) открылись кафедры военных наук. Однако в 1832 г., после открытия Императорской военной

[1413] Коховский В.П. Реформа военно-учебных заведений, ее причины, способ осуществления и результаты (1862-1869) // Педагогический сборник. 1869. № 4. Ч. неофиц. С. 292.

[1414] В мемуарах А.Н. Куропаткина описан весьма показательный случай приема экзаменов: «В мае [1871 г. – А.Г.] были назначены экзамены при штабе округа для поступления в академию… тогда же экзаменовали особой комиссией пехотных юнкеров, а также одного киргиза Алымкула, оказавшего особое отличие в бою 9 мая 1865 г., где он, как нам говорили, выручил Черняева, убив нападавшего на него туземца. Алымкула выучили, хотя и очень слабо, русскому языку, определили в войска, дали звание юнкера и начальство хотело провести его в офицеры. Было получено указание экзаменовать его снисходительно «как храброго юнкера». Один из экзаменаторов занялся с Алымкулом и ввиду его полной безграмотности и плохого знания русского языка заставил его выучить наизусть ответы на два вопроса, которые будут заданы ему на экзамене. По одному вопросу он должен был рассказать несколько слов по истории царствования Петра Великого. По другому вопросу из русского языка ему надлежало прочесть начало басни «Петух и жемчужное зерно». На экзамене при торжественной обстановке вызванному Алымкулу задали вопрос: «Расскажите, Алымкул, что вы знаете из истории Петра Великого». Алымкул расставил ноги, приподнял на уровень с экзаменаторами правую руку и, смотря на них в упор, ломаным языком сказал: «Питух нашел жимчужное зирно и говорит зачим оно». Экзаменаторы, несмотря на всю серьезность минуты, фыркнули. Экзамен окончился. Алымкулу сказали, что он может идти. Все же его произвели в прапорщики милиции…» (Воспоминания Куропаткина А.Н. Гл. 13-14. 1870 // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1748. Л. 77 – 78).

[1415] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 189. Д. 123. Л. 1 – 4 об.; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 189. Д. 163. Л. 1 – 2 об.

академии, они были по высочайшему повелению закрыты. В 1850 г., сразу после восстановления Виленского учебного округа, его попечитель, виленский генерал-губернатор И.Г. Бибиков, выступил с предложением об учреждении при Виленском учебном округе «специального военного класса для желающих поступить в военную службу воспитанников Виленского дворянского института и гимназии»[1416]. Однако император отклонил это ходатайство. Наконец, в 1851 г. эстляндское дворянство выразило желание открыть при Ревельском дворянском училище так называемые «параллельные» классы, которые готовили бы молодых людей к экзаменам на офицерский чин. Цесаревич Александр Николаевич поддержал ходатайство с тем, «1) чтобы окончившие в сем училище курс поступали в подпрапорщики и юнкера на общих правилах и 2) чтобы программами для такового учения были приняты программы, составленные, по поручению Е.Выс., в Штабе ВУЗ, для молодых людей, желающих определяться в юнкера и подпрапорщики полков лейб-гвардии)»[1417]. Николай I удовлетворил просьбу эстляндского дворянства, однако из материалов дела не видно, были ли «параллельные классы» в конце концов учреждены.

В итоге, по мнению Ю.М. Ращупкина, «две трети офицеров, то есть командный состав армейской пехоты и кавалерии, никакой систематической подготовки не имели»[1418]. Войсковое начальство отмечало, что «есть целые дивизии, в которых некому дать полка, батальона, роты»[1419].

В ходе Крымской войны, более чем наглядно продемонстрировавшей отсутствие необходимых знаний и навыков у большей части офицеров, начались «лихорадочные распоряжения… о занятии юнкеров и вольноопределяющихся: зимой – в сборных командах – науками, – летом в лагерях – разбивною укреплений,

---

[1416] Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802-1902. СПб.: М-во нар. просвещения, 1902. С. 309.
[1417] РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2511. Л. 1.
[1418] Ращупкин Ю.М. Формирование и деятельность военных округов в системе государственной власти России: на материалах Восточной Сибири. Иркутск, 2003. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publcations/rasp/ (дата обращения: 15.10.2016)
[1419] Коховский В.П. Реформа военно-учебных заведений, ее причины, способ осуществления и результаты (1862-1869) // Педагогический сборник. 1869. № 4. Ч. неофиц. С. 293.

съемкой и глазомерным обучением»[1420]. В 1854 г. началось обучение военному делу и экзерциции студентов столичных университетов, продолжавшееся до 1856 г.; военные науки были временно введены в курс и столичных гражданских гимназий. Разработанный в 1856 г. проект создания юнкерских школ не был реализован из-за ряда объективных причин (нехватка средств, зависимость срока службы до производства в офицеры от сословной принадлежности, невозможность планомерной работы в условиях «кочевой» армейской жизни), а также принципиальной позиции фактического главы военно-учебного ведомства Я.И. Ростовцева, считавшего, что лишь кадетские корпуса в состоянии подготовить знающего офицера[1421]. План командующего 1-й армией генерал-адъютанта М.Д. Горчакова по созданию сети юнкерских дивизионных школ и полковых команд разбился о нехватку преподавателей на местах стоянок полков и невозможность установить контроль за политической направленностью преподавания[1422]. Стремление создать условия для целенаправленной и эффективной подготовки юнкеров армии к офицерскому экзамену привело в 1850-е гг. к учреждению корпусных юнкерских училищ – прообраза окружных юнкерских училищ, которые стали открываться в 1864 г. и являлись уже полноценными военно-учебными заведениями, лишь немногим уступавшими военным училищам.

В рамках института вольноопределяющихся, несмотря на то, что в числе предоставленных этой категории военнослужащих льгот фигурировало право на производство в офицеры, специально-военная подготовка также не была организована. Экзамен, введенный для вольноопределяющихся в 1844 г., позволял проверить лишь уровень общих знаний поступающих на службу и не касался военной подготовки, а в офицеры вольноопределяющиеся по-прежнему производились за выслугу лет. Между тем основная масса вольноопределяющихся была лишена какой-либо профессиональной мотивации и не стремилась к получению военных знаний: «В вольноопределяющиеся поступал и поступает – и не хотевший учить-

[1420] Бобровский П.О. Юнкерские училища. Т. 1. Историческое обозрение их развития и деятельности. СПб.: Изд. книг. Я.А. Исакова, 1872. С. VI.
[1421] Журавлев А.Ю. Подготовка обер-офицерского состава русской армии в юнкерских военных училищах второй половины XIX – начала XX в.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2008. С. 48-49.
[1422] Там же. С. 51.

ся, и почувствовавший страсть к жизни на свободе, вдали от пытливых глаз родителей и наставников, и не могший снискать куска хлеба, или поскользнувшийся на другом каком поприще»[1423]. Уровень профессионализма таких офицеров, по мнению военного педагога П.О. Бобровского, оставлял желать много лучшего: «…молодые люди, поступая в войска почти без всякой подготовки, с самыми ограниченными знаниями, не могли образовать себя на службе» [1424]. Экзамены, которые сдавали вольноопределяющиеся, зачастую принимались формально, систематические занятия с ними не велись, и молодые люди, предоставленные сами себе, проводили время в совершенной праздности, забывая и то немногое, что знали до поступления на службу. Однако хроническая нехватка командных кадров заставляла пополнять офицерский корпус даже людьми «без всякой научной специальной подготовки, нередко при полном отсутствии начального общего образования»[1425].

Открытие в 1864 г. окружных юнкерских училищ, правила приема в которые были более чем демократичны, губительно отозвалось на подготовке вольноопределяющихся в полках, окончательно лишив ее связи с грядущим производством в офицеры. Молодые люди, подавляющее большинство которых не стремилось к знаниям, «…зная распоряжение свыше о снисходительности, не считали нужным даже и готовиться к экзамену. В полках подготовкой вольноопределяющихся не занимаются, и они еще до поступления в училища, проводя время в праздности и кутежах, носятся с пагубным взглядом, что незачем им заниматься в полках; занятия еще успеют надоесть, когда их серьезно посадят за книгу в училищах»[1426]. Результаты приемных экзаменов в юнкерские училища свидетельствовали о том, что вольноопределяющиеся были не только совершенно необразованны (экзаменаторы отмечали ужасающую безграмотность абитуриентов, неспособность осуществлять элементарные арифметические операции, незнакомство с

[1423] Коховский В.П. Реформа военно-учебных заведений, ее причины, способ осуществления и результаты (1862-1869) // Педагогический сборник. 1869. № 4. Ч. неофиц. С. 295.
[1424] Бобровский П.О. Юнкерские училища. Т. 1. Историческое обозрение их развития и деятельности. СПб.: Изд. книг. Я.А. Исакова, 1872. С. 21.
[1425] Там же. С. 25.
[1426] Приемный экзамен в юнкерских училищах в 1871 году // Педагогический сборник. 1871. № 3. Ч. неофиц. С. 269.

дробями, неумение отличить воду от суши на карте, незнание даже того, что они живут в XIX веке, и т.п.), но и имели весьма смутное представление о требованиях, предъявляемых к военнослужащим. На вступительных испытаниях выяснялось, что никто из вольноопределяющихся не читал уставы и слабо был знаком даже с азами службы; многие кавалерийские юнкера не умели ездить верхом. Причиной этого было то, что командиры частей явно стремились переложить все труды по профессиональному обучению вольноопределяющихся на юнкерские училища. Педагоги отмечали, что «полки оказали бы большую услугу и самим себе, и вольноопределяющимся, если бы серьезнее относились к поступающим добровольно на службу, обратив их праздный досуг в подготовительные занятия для приема в училища»[1427]. Однако строевое начальство не спешило организовывать занятия с вольноопределяющихся, и до поступления в училища они жили в полках, по-прежнему предоставленные самим себе. Вред, наносимый подобной практикой делу профессиональной подготовки офицерского корпуса, усугублялся тем, что учреждение юнкерских училищ не лишало вольноопределяющихся возможности быть произведенными в офицеры без прохождения их курса. В 1866 г. было высочайше утверждено положение Военного совета «О правилах для поступающих в военную службу по добровольному желанию»[1428]. В соответствии с данным положением вольноопределяющиеся, желавшие быть произведенными в офицеры, должны были, в зависимости от своего образовательного ценза, либо сдать экзамены по военным дисциплинам, входившим в программу военных или юнкерских училищ, либо сдать экзамены за полный курс военного или юнкерского училища при поступлении на службу, либо освоить курс юнкерского училища самостоятельно в процессе службы. Однако какие-либо учебные занятия с ними в полках так и не были организованы. По свидетельству В.А. Гиляровского, поступившего вольноопределяющимся в 137-й Нежинский пехотный полк осенью 1871 г., «…никто из нас [вольноопределяющихся – А.Г.] никогда не читал ничего, кро-

[1427] Приемный экзамен в юнкерских училищах в 1871 году // Педагогический сборник. 1871. № 3. Ч. неофиц. С. 270.
[1428] О правилах для поступающих в военную службу по добровольному желанию // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLI. Отд. 1-е. 43304.

ме гарнизонного устава»[1429]. Более того: вольноопределяющиеся, не прошедшие полноценной солдатской подготовки и произведенные в унтер-офицеры на льготных началах, были фактически лишены возможности получить необходимые знания в процессе самой службы, так как начальство предпочитало не тратить время на обучение, а просто освобождать вольноопределяющихся от многих обязанностей: «…их не ставят во фронт, чтобы не портили строя; их не наряжают и на службу наравне с прочими унтер-офицерами, потому что не знающему унтер-офицерских обязанностей нельзя доверить ни караула, ни команды; их избегают употреблять на парады и смотры, как людей, непривычных к строю»[1430]. Таким образом, вольноопределяющиеся, рассматриваемые строевым начальством как балласт, были обречены на праздную жизнь и не учились даже тому, чему учились солдаты. После 1874 г., когда институт вольноопределяющихся был подчинен главной цели – подготовке офицеров запаса – систематические занятия с ними, как и прежде, не велись (практиковалось лишь освобождение от служебных обязанностей на несколько месяцев). Пожелания педагогов юнкерских училищ, настаивавших на том, что вольноопределяющихся следует лишить привилегий и обязать проходить военную подготовку и получать унтер-офицерские звания наравне с прочими нижними чинами, не были приняты во внимание. М.В. Грулев, который стал вольноопределяющимся в 1878 г., так описывал времяпрепровождение своих товарищей: «Наш кружок вольноопределяющихся в батальоне состоял из 10-12 юношей, преимущественно детей офицеров и чиновников, поступивших на службу для военной карьеры. Вся эта семейка представляла собою веселую компанию, которая проводила время в праздности, ничего не делая, посещая часто рестораны, веселые дома, – насколько хватало у кого денежных средств; а были среди нас и богатые. Обязательных строевых занятий для вольноопределяющихся почти не существовало; жили они не в казарме, а на вольных квартирах, даже во время лагерного сбора…»[1431] В начале XX в., по свидетельству Ф.И. Елисеева, занятия с вольноопределяющимися (по крайней мере, в казачьих полках)

[1429] Гиляровский В.А. Мои скитания: Повесть бродяжной жизни. М.: Федерация, 1928. С. 78.
[1430] Приемный экзамен в юнкерских училищах в 1871 году // Педагогический сборник. 1871. № 3. Ч. неофиц. С. 275.
[1431] Грулев М.В. Записки генерала-еврея. М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007. С. 86-87.

приобрели более серьезный характер, однако, поскольку большинство «вольняков» не собиралось идти в офицеры, их подготовка ничем не отличалась от подготовки прочих нижних чинов в учебных командах. Тех же, кто изъявлял желание поступить в юнкерское училище, по-прежнему освобождали на несколько недель от обязательных занятий для самостоятельной подготовки к вступительным экзаменам[1432].

Таким образом, подготовка офицеров непосредственно в войсках, вследствие комплекса разнородных причин, в XVIII-XIX вв. так и не была организована. Безуспешные попытки создать хотя бы какое-нибудь ее подобие привели к выводу, что лишь военно-учебные заведения позволят «вывести юнкеров… из совершенной праздности, подчинить их ближайшему надзору особого начальства, образовать их нравственно, внушить им правила военной дисциплины, дать им верное и примененное к будущей их службе образование»[1433].

[1432] Елисеев Ф.И. Первые шаги молодого хорунжего. М.: Рейтар, 2005. С. 21, 108.
[1433] Коховский В.П. Реформа военно-учебных заведений, ее причины, способ осуществления и результаты (1862-1869) // Педагогический сборник. 1869. № 4. Ч. неофиц. С. 295.

Приложение 2

Первый Русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус. 15 мая 1940 г.

№ 6.

Г. Белая Церковь.

Секретно.

Г. Заведующему учебными заведениями Державной комиссии.

При сем представляю копию постановления кадет VIII класса от 8 мая с.г. по вопросу о кадетских «традициях».

Директор корпуса генерал-майор Попов.

Постановление.

Мы, нижеподписавшиеся кадеты 8 класса, составляющие 20 выпуск 1-го Русского великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса, уполномоченные Уставом наших Традиций принимать окончательное решение во всех важных вопросах, касающихся кадет-традиционеров, принимая во внимание исключительные обстоятельства, послужившие причиной создавшегося положения, постановили:

1. Не передавать кадетских традиций 21 выпуску и никаких представителей, тайных или явных, не назначать и прекратить существование кадетских традиций с 15 мая сего года.

2. Предложить всем кадетам, входящим в состав Традиций, принять это постановление к точному и беспрекословному исполнению.

3. Предложению директора корпуса о сдаче ему наших традиционных регалий, мы не можем пойти навстречу, так как последние не являются нашей собственностью, а достоянием всех кадет, когда-либо состоявших в организации.

8 мая 1940 г.
г. Белая Церковь

А. Апухтин
А. Бурхинов
Д. Воронец
М. Гришков
О. Дробышевский
В. Ермаков
М. Иованович
В. Касперович
Л. Кисиль
В. Кольчик
И. Кравченко
Д. Крамарев
Г. Лание
А. Левандовский
А. Плищенко
Попов
М. Ротов
А. Скивский
А. Супрунов
И. Татаринов
А. Тевяшов
Б. Ульянцев
М. Хлопов
В. Чалич

Приняли к сведении и исполнению вышеизложенное постановление:
Долговский
Иордан
Торком
Лукьянов
де-Боде
И. Думбадзе

(ГАРФ. Ф. Р-6792. Оп. 2. Д. 82. Л. 15-16)

Приложение 3

Министерство военное

Главное управление военно-учебных заведений

Канцелярия

30 июля 1893 г.

№ 9428.

С препровождением рисунков жетонов и описания их.

В Главное интендантское управление.

Государь император 10 октября 1892 г. высочайше соизволил одобрить рисунки жетонов 17 военно-учебных заведений, поименованных в прилагаемом при сем описании.

Препровождая при сем рисунки означенных жетонов и описание их, Главное управление просит о получении уведомить.

Помощник Главного начальника военно-учебных заведений генерал-майор Якубовский.

Описание жетонов.

Педагогический музей военно-учебных заведений

1)для членов Педагогического музея военно-учебных заведений.

Жетон круглый серебряный позолоченный, сверху солнечный золотой диск с лучами, на коем цифра XXV выражает 25-летнюю деятельность музея. В средине эмалированный глобус с частями старого света; около глобуса раскрытая серебряная книга, на которой годы 1864-1889 означают год основания и год 25-летия музея. Перед книгой – серебряный развернутый циркуль, за книгой волшебный фонарь, как один из главных факторов деятельности Музея по распространению знаний, перо и карандаш. Кругом жетона лавровая ветвь. На синей ленте, окружающей жетон, золотыми буквами написано: Педагогический музей военно-учебных заведений.

В средине оборотной стороны жетона серебряный развернутый свиток для надписи даты, а кругом на золоченой ленте эмалевыми буквами имени, отчества и фамилии владельца жетона.

Николаевское кавалерийское училище

Жетон изображен в виде золотого сокола, расправившего крылья, как эмблема силы, быстроты и отваги, присущие русской коннице. На голове сокола надет соколиный клобучек из национальных цветов с золотым верхом, - символическое изображение власти Верховного вождя русских сил. В лапах сокола обнаженные шашки, - драгунская и казачья, означающие оружие эскадрона и сотни училища. На груди сокола шашки скрещены и на их клинках написан девиз «с Богом за Царя».

На оборотной стороне жетона, в середине, будет вырезываться год выпуска из училища или из бывшей Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

1-е военное Павловское училище

Жетон состоит из рельефной золотой императорской короны с распущенной в обе стороны золотой ленты и золотого же щита, покрытого с обеих сторон красной эмалью.

На лицевой стороне щита два эмалированных погона: внизу бывшего Павловского кадетского корпуса, а сверху юнкерский, присвоенный сему училищу; под погонами золотая лента для вырезки на ней фамилии владельца жетона, а с трех сторон погон помещены золотые кружки; из которых на верхнем, из белой эмали, написана цифра XXV, означающая время существования училища.

Посередине оборотной стороны щита расположен ромб, покрытый синей эмалью, углы которого упираются в кружки, покрытые белой эмалью; в верхнем кружке – цифра XXV, в левом – год основания училища (1863); в правом –25-летнего юбилея училища (1888) и в нижнем – год основания Павловского корпуса (1798).

В середине эмалированного синего ромба помещен золотой ромб с литерой ПI, а между параллельными сторонами обоих ромбов написано золотыми буквами: «Первое военное Павловское училище». В углах щита: в верхнем левом золотая литера АII, в правом верхнем славянская золотая литера АIII, в левом нижнем золотыми же буквами написана «в память» и в правом нижнем золотыми же написано «XXV летия».

2-е военное Константиновское училище

Жетон изображает щит, обвитый сверху и с боков лентой и увенчан Императорской короной, через верх которой, через державу, проходит колечко.

Щит, корона, лента и колечко серебряные вызолоченные.

На лицевой стороне жетона наверху выпуклые надписи двух годов, разделенных звездочкой. 1807 год – год сформирования Дворянского полка и 1859 год – год, с которого заведение наименовано Константиновским военным училищем, на середине щита синей эмали круг в серебряном вызолоченном ободке; на эмалевом кругу выпуклые буквы: «К.У.» (Константиновское училище); под кругом выпуклыми буквами сделана надпись: «ДвоР.Полкъ» (Дворянский полк).

Года 1807 и 1859, звездочка, буквы К.У., Дворянский полк и каемка щита серебряные не позолоченные.

На оборотной стороне жетона, наверху, место для надписи года выпуска в офицеры из Дворянского полка, Константиновского кадетского корпуса или 2-го военного Константиновского училища; ниже сего накрест два погона: желтый (Дворянского полка) и синий с буквой К и с короной (2-го военного Константиновского училища), оба эмалевые, причем погон Константиновского училища положен сверху; погон Дворянского полка весь желтый.

Под погонами место для написания фамилии владельца жетона.

Надписи на оборотной стороне из синей эмали.

3-е военное Александровское училище

Лицевую сторону жетона составляет шифр императора Александра II металлический позолоченный, ажурно-рельефный, высочайше утвержденный для плечевых погон обмундирования чинов училища.

Лицевая его сторона из эмали по цвету шифра на плечевых погонах юнкеров; по краям шифра металлический позолоченный ободок, а наверху металлическая позолоченная императорская корона, в яблоке которой колечко для ношения жетона; внизу на металлическом щитике (так! А.Г.), позолоченном с лицевой стороны, римская цифра «II», эмалированная красная и окруженная металлическим позолоченным ободком. Шифр и корона лежат на скрещенных металлических знаменах и позолоченном с лицевой стороны щитике.

Оборотную сторону жетона составляют два знамени, высочайше дарованные 3-му военному Александровскому училищу при его учреждении из бывших кадетских корпусов: Александровского Брестского кадетского корпуса, выносимого в строй батальона училища, и Александринского Сиротского кадетского корпуса, хранящегося в церкви училища.

Древки знамен перекрещены, а полотна подобраны. Полотна знамен металлические, с обеих сторон эмалированные соответственно цвету, имеющемуся на шелковых полотнах знамен. Древки позолоченные, с орлами по образцам на знаменах, с опущенными крыльями; вдоль древок надписи цветной эмалью: на одном «Александровский Брестский кадетский корпус», а на другом – «Александринский кадетский корпус», согласно надписям, имеющимся на скобках знамен. На прикрепленном к их концам металлическом овальном щитике, на оборотной посеребренной его стороне, - место для написания эмалью фамилии владельца жетона и года его выпуска из училища. На нижних закруглениях литеры «А» эмалированная цветная надпись «3 В.А.У» и «1863» год основания училища.

1-й кадетский корпус

Общая форма жетона круглая с небольшими орнаментами наверху и внизу; на лицевой стороне помещен кадетский погон образца настоящего времени, по бокам которого по двум кривым на эмалевом черном фоне место для написания

золотыми буквами и цифрами: с одной стороны фамилии владельца жетона, а с другой стороны года окончания им курса; внизу на белом эмалевом фоне год основания корпуса.

На оборотной стороне на белом эмалевом фоне помещен герб корпуса, окруженный золотым лавровым венком, лежащим на зеленом эмалевом же фоне; в верхней части над гербом на красном эмалевом фоне, белыми цифрами обозначен год основания корпуса. Белое поле сделано в воспоминание того, что первое знамя, пожалованное корпусу императрицей Анной Иоанновной, было белого цвета. Окружающий белое поле лавровый венок изображает отличие, которое получали лучшие кадеты, удостоенные при выпуске медалей.

2-й кадетский корпус

Жетон серебряный, матовый, размеры. На лицевой стороне изображены два погона, расположенные крестообразно: нижний погон белый, который был присвоен корпусу до 1856 г., верхний погон синий, присвоенный корпусу с 1856 г. Над погонами место для написания начальных букв имени, отчества и фамилии владельца жетона, а под погонами место для написания года поступления и года выпуска из корпуса. На оборотной стороне жетона изображены: «1762-1862» года, т.е. год основания и год совершившегося столетия корпуса и надпись: «2-й кадетский корпус».

Николаевский кадетский корпус

На лицевой стороне серебряная вороненая подкова, обернутая эмалированным кушаком, присвоенным Николаевскому корпусу; сверху положен золотой погонный вензель. На оборотной стороне серебряная вороненая подкова, внизу которой место для написания фамилии владельца жетона и года его выпуска.

Александровский кадетский корпус

Жетон Александровского кадетского корпуса представляет из себя золотой лавровый венок, в средине которого помещен белый плечевой погон, присвоен-

ный кадетам Александровского кадетского корпуса с шифром в бозе почившего государя императора Александра II, в котором над литерой «А» помещена императорская корона, а внизу римская цифра II.

Оборотная сторона представляет гладкую поверхность для написания года поступления кадета в корпус, его имени, фамилии, нумера выпуска считая от основания корпуса и года окончания им курса.

Первый Московский кадетский корпус

Жетон серебряный, четырехугольной формы; на лицевой стороне на трех углах золоченые кнопки, а на четвертом, верхнем, золоченая же Императорская корона. Кругом ободок из белой эмали, прикрытый в верхнем углу готической буквой EII, а в нижнем буквой З. По ободку, в четырех его частях, надписи золотыми буквами: «Бойся Бога», «Чти Царя», «Уважай власти» и «Люби братий». Средняя часть жетона покрыта красной эмалью с золотыми на ней буквами 1М. На оборотной стороне ободок в виде рамки покрыт красной эмалью и также разделен на четыре части; на трех углах золочеными кнопками, а на верхнем золоченой императорской короной. По ободку серебром надписи: «Шклов 1778», «Смоленск 1807», «Кострома 1812» и «Москва 1824». Средняя часть покрыта белой эмалью и служит местом для написания начальных букв имени и отчества, под ними фамилии владельца жетона, а под фамилией год выпуска его из корпуса.

Орловский Бахтина кадетский корпус

На лицевой стороне серебряного матового щита, в верхней его половине, под императорской короной помещено вензелевое изображение имени в бозе почивающего императора Николая I, основателя ОБКК; под сим вензелевым изображением находится надпись «1843 6/декабря 1893», означающая год и число открытия и год пятидесятилетия существования корпуса. В нижней части щита помещены эмалированные крестообразно положенные кадетские плечевые погоны: снизу прежнего образца – синий с белой выпушкой, а сверху настоящего об-

разца – темно-зеленый с желтой выпушкой, погоны прикрыты вензелевым изображением имени ныне благополучно царствующего государя императора.

На оборотной стороне щита, в лавровом венке, на эмалированном голубом поле изображен герб Орловской губернии, окаймленный красной лентой, на которой помещена надпись: «в память пятидесятилетнего юбилея».

Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус

Лицевая сторона жетона состоит из двух частей: 1)металлической рамки, имеющей наверху такой же орнамент, состоящий из двух завитков с эмалированным погоном перед ним и двумя копьевидными украшениями по сторонам на верхних углах рамки, а внизу рамки украшение из двух завитков с шариком внизу и 2) круглой эмалированной части с изображенным на ней в красках гербом графа Аракчеева, от металлической рамки, окружающей эмаль, выступает тонкая полоска оправы.

Оборотная сторона жетона – вся металлическая, наверху тот же орнамент («на погоне награвированы буквы Г. и А.), место Аракчеевского герба предназначается для надписи имени и фамилии владельца, с обозначением годов пребывания его в корпусе и военном училище.

Полоцкий кадетский корпус

Жетон Полоцкого кадетского корпуса серебряный; он изготовлен в память исполнившегося 50-летия корпуса в 1885 г. На нем изображены два погона, положенные крестом: нижний погон представляет тот, который существовал при учреждении корпуса в 1835 г., а верхний – настоящего времени; ниже погонов лента для написания фамилии владельца жетона; сверх погонов изображено пушечное чугунное ядро, находящееся и ныне в стене нижнего коридора главного здания. Ядро это попало в стену во время Отечественной войны 7 октября 1812 г., о чем и сделана сверху его надпись. На оборотной стороне жетона надпись: «Юбилей Полоцкого кадетского корпуса 1835-1885».

Петровский Полтавский кадетский корпус

Жетон состоит из золотого одноглавого орла, держащего золотой лавровый венок, и из золотого же щита, лежащего на двух скрещенных золотых мечах. Лицевая сторона щита разделена на две части, покрытые эмалью; средняя часть – синяя (по цвету погонов) с шифром П.П.К.К., наружная часть – красная (по цвету воротника) с белыми по краям кантами и надписью на ней золотыми буквами «Пятидесятилетие Петровского Полтавского кадетского корпуса».

Оборотная сторона щита также разделена на две части: на средней части написаны годы 1840-1890; а на наружной фамилия владельца жетона.

Жетон весь золотой.

Владимирский Киевский кадетский корпус

Жетон ВККК и военной гимназии состоит из трех погонов этого заведения, соответствующих наиболее выдающимся эпохам его истории (основание корпуса – 1852 г., переформирование его в военную гимназию – 1864 г., переименование вновь в корпус – 1882 г.). Группу погонов покрывает миниатюрный, оксидированный, чеканной работы памятник св. Владимира в Киеве. Оборотная сторона жетона украшена гербом военно-учебных заведений, который носили кадеты на пуговицах и касках, в 1852 г., при основании корпуса.

Оренбургский Неплюевский кадетский корпус

Жетон состоит из двух частей: верхней и нижней. Верхняя часть изображает два бастионных фронта с тремя бастионами, напоминая этим то время заведения, когда оно под наименованием «Неплюевского военного училища» и затем «Неплюевского кадетского корпуса» находилось в крепости «Оренбург», а нижняя часть, представляя щит губернии, указывает на время, когда заведение почти одновременно с упразднением Оренбургской крепости приняло название Неплюевской военной гимназии и затем снова Неплюевского кадетского корпуса, существующего и в настоящее время.

Начертание бастионных фронтов золотое или позолоченное, состоя из трех плоскостей, несколько возвышается над ниже лежащим полем. Поле это из белой эмали и на нем обозначены: выдающийся над полем эполет, как характерная часть носимой в этот период кадетами формы, а по сторонам его «1825» – год основания Неплюевского заведения. Цифры из черной эмали, а эполет золотой или вызолоченный с синим кантом кругом.

Нижняя часть жетона несколько тоньше верхней; поле на ней серебряное матовое, а на нем два выдающихся накрест сложенных плечевых погона из синей эмали с желтым кантом и литерами О и Н.: по образцу ныне установленных, а по сторонам 1867 – год переформирования корпуса в военную гимназию и 4-е военное училище.

Оборотная сторона жетона гладкая серебряная; она назначена для вырезки на ней имени, фамилии и времени пребывания в заведении владельца жетона.

Донской кадетский корпус

Жетон имеет форму щита, употребляемого во всех гербах губерний и областей России и, в частности, выражает историческое значение казачества, как оплота границ русского государства.

Щит увенчан вертикально поставленным золотым перначом и крестообразно наклонно поставленными бунчуками с белыми хвостами, спускающимися на щит.

Бунчуки серебряные; головки их, у одного – шар, у другого – острие, золоченые, как регалии войска Донского; они указывают на особенности исторического образования и бытового устройства казаков.

Лицевая сторона щита покрыта голубой эмалью, по цвету мундира атаманского полка, а обратная сторона щита покрыта красной эмалью, по цвету мундира лейб-казаков.

В верхней части лицевой стороны щита выпуклый герб Области войска Донского, под которым находится надпись «Донской кадетский корпус», которая

в частности указывает на назначение кадетского корпуса служить нуждам войска Донского.

По сторонам герба сделана серебряная надпись года основания корпуса «1883».

Оборотная сторона жетона предназначена для написания: инициалами – имени и отчества, и полностью фамилии владельца жетона, года и нумера его выпуска.

Серебряный ободок жетона, окаймляющий щит, и серебряная надпись указывают на жалованный войску серебряный приклад вооружения и обмундирования.

Правитель канцелярии генерал-майор Лермонтов

(РГВИА. Ф. 725. Оп. 29. Д. 12. Л. 140-148)

Приложение 4

Постановления для руководства юнкеров Чугуевского пехотного юнкерского училища.

В училище дозволяется только игра в шахматы; вне заведения запрещаются всякие игры с денежным интересом.

<…>

Юнкерам дозволяется быть в театре, концертах и на публичных лекциях, занимая место не ближе 7 ряда кресел или стульев.

Посещение всякого рода публичных гуляний, где установлена плата за вход, равно как и посещение маскарадов, трактиров, кондитерских и т.п. воспрещается.

В театрах, концертах и на публичных лекциях быть одетыми в мундирах и при тесаках.

Присутствуя при смотрах и учениях, быть в той же форме, в какой одеты войска.

Отступление от установленной формы в одежде и в амуниции строго воспрещается.

Отдавать кому следует честь по установленным правилам. Для отдания чести идя пешком, при встрече с штаб- и обер-офицерами, прикладывать правую руку к козырьку шапки; при встрече же с членами императорской фамилии, всеми генералами, непосредственными начальниками и прочими офицерами своего училища и своего полка, становиться во фронт за 6 шагов и, пропустя на два шага, поворотясь направо или налево, продолжать путь. Для отдания чести из экипажа, следует повернуться лицом к лицу встречаемому и приложить руку к козырьку. Если юнкер проходит мимо стоящего офицера или обгоняет идущего, то в обоих случаях обязан прикладывать руку к козырьку. Честь отдается по вышесказанному правилу и обгоняющим юнкера офицерам. Для отдания чести за решеткой сада или на балконе дома вставать с места и прикладывать руку к козырьку, если юнкер в шапке. Отдавать честь кому следует и в том случае, когда юнкер идет с ге-

нералом, штаб- или обер-офицером, который чином старше лица им встречаемого.

(ОР РНБ. Оп. 1. Д. 2. Л. 227-229)

8. Военный министр г. генерал-адъютант граф Чернышев меня уведомил: (отношением от 24 февраля за № 1539), что государь император, по всеподданнейшему представлению моему, признавая весьма похвальным поступок воспитанника Павловского кадетского корпуса фельдфебеля Бориса Гине, который, предназначен будучи к выпуску в офицеры, сам пожелал остаться в корпусе еще на год для дальнейшего образования, высочайше повелеть соизволил: воспитанника Гине отличить шевроном из золотого галуна на левом рукаве.

Его величеству благоугодно, дабы и на будущее время принято было за правило давать подобное отличие всем воспитанникам военно-учебных заведений, кои, по успехам в науках и отличному поведению, будут назначаемы к выпуску в офицеры, но сами пожелают остаться в заведениях для дальнейшего усовершенствования своего в науках.

О сей высочайшей воле объявляя по военно-учебным заведениям, предписываю: о дозволении таковым воспитанникам пользоваться всемилостивейше дарованным им отличием, представлять, впредь на мое утверждение, немедленно после каждого экзамена; шевроны нашивать как на мундирах, так и на куртках, и приказ сей прочесть при собрании всех воспитанников, как новый знак постоянных милостей к ним государя их и благодетеля.

9. Директор 1-го кадетского корпуса генерал-лейтенант Годеин представил мне, что воспитанники корпуса унтер-офицеры Генрих Бернашович 2-й и Константин Дункель, ефрейторы Федор Вокач 1, Григорий Саранча, Константин Бубнов и Николай Воронин, по постоянно хорошему поведению, успехам в науках по возрасту своему, будучи назначены к выпуску в офицеры армии, просят дозволения остаться еще на год в корпусе, дабы, приготовив себя должным образом, удостоиться производства в офицеры в артиллерию.

Отдавая справедливость похвальному поступку сих воспитанников, предписываю, на основании вышеозначенного высочайшего повеления, дозволить им носить шеврон из золотого галуна на левом рукаве.

(Приказ Главного начальника Пажеского, всех Сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка. 3 марта 1836 г. № 122)

Приложение 6

«Звериада» Елизаветградского кавалерийского училища

В день основанья «Школы Южной»
Все молодые юнкера
Справляли праздник пачкой дружной
Кричали громкое «Ура».

Вино рекой широкой лилось –
Семья улан, драгун, гусар
Гремела, пила, веселилась,
Мешая с дымом винный пар.

Виднелись чакчиры, колеты,
Гусар затейливый наряд,
Мундиры, сабли, этишкеты,
Бутылок, рюмок целый ряд.

И вылетали пробки с треском,
Струя пенистая лилась,
И все сверкало чудным блеском
И песня звонкая неслась.

В разгар попойки и веселья
Вдруг загремело в небесах
И смолкли все от удивленья –
Весь свод небесный был огнях.

И в колеснице, запряженной

Шестеркой огненных коней,
Бог Вакх прибыл с Венерой томной
При свете радужных огней.

Вокруг амуры с факелами,
И муз и нимф крылатый рой,
Сатиры с козьими ногами
Неслися пестрою толпой.

Ватага в школу вся влетела;
Семья улан, драгун, гусар
На пир с веселием глядела
И муз и нимф, бросая в жар.

«Ура» – приветственно раздалось,
Струя златая полилась…
Веселье дальше продолжалось
И кровь у конников зажглась.

Гостей тотчас же разобрали,
Бог Вакх с Венерой рядом сел,
Амуры весело летали,
Сердца пронзая тучей стрел,

Бог Вакх поднял бокал огромный
С струей пенистого вина…
И смолк на миг говор оживленный
И водворилась тишина…

Вот каково было вступление:

«Друзья мои, – сказал им бог, –
Чтобы сдержать средь вас веселье,
Всегда я делал все, что мог.

В день Школы Южной основанья
Я передать хочу, друзья,
Мои заветы и желанья,
Прошу вас выслушать меня.

Пусть будут вечно, без утраты,
Средь вас мои заветы жить,
Тогда, они коль будут святы,
Вы лихо будете служить.

Коня любите и лелейте,
Конь, сабля, женщина, вино –
Вот чем умело вы владейте –
То для корнета создано.

Традиции конные храните,
В них благородство, храбрость, честь;
Их высоко всегда цените
И наслаждайтесь всем, что есть.

Но впредь, друзья, не забывайте –
Из-за карьеры и чинов
Себя не мыльте, не виляйте –
Девиз ваш вовсе не таков.

Другим вы это предоставьте

И, как гусары прежних лет,
Служите честно, не являйте
Того, что в вашей крови нет.

Так наливайте ж, наливайте
Свои бокалы вы полней,
Завет вы мой не забывайте,
Гордитесь конницей своей.

Кавалериста отличают
Черты все эти, господа;
Пусть в вас оне не умирают,
О пир!.. Вы помните всегда.

«Ура!» – Да здравствует веселье!
Мы пьем за конницу, друзья,
Из поколенья в поколенье
Пусть перейдет та песнь моя.

Но чтобы вид принять корнета
И блага эти заслужить
Должны еще вы многи лета
В звериной шкуре походить.

Должны корнетам подчиняться
И, приседая целый год,
На триста шестьдесят вращаться –
То будет Школы поворот.

Но год не скоро пронесется,

Пройдет, как двадцать восемь лет
И вам он солоно придется,
Но так решил наш комитет.

Но чин тот прежде заслужите –
Корнет сей Школы – чин большой
И вид отчетливый примите
И образ зверский сбросьте свой.

Работать вам придется много,
Чтоб быть достойными того;
Держать вас будут адски строго,
Не позволяя ничего.

Работа ваша – приседанье
И Южной Школы поворот,
Прыжки, «по-Лубенски» стояние –
Вот то, что каждый зверь пройдет.

Должны вы знать полки и формы
Всей вашей конницы лихой,
Пройдя училищные нормы,
Иметь вид бодрый и живой.

Ни в чем должны вы не теряться,
На все всегда иметь ответ,
Вид без улыбки, не смеяться,
Чтобы доволен был корнет.

С теченьем лет тот образ зверский

Начнет заметно исчезать,
И вид, похожий на корнетский,
Начнете все вы принимать.

По позвонкам хвосты валиться
Начнут сугубые у вас…
В корнета каждый превратится,
Исчезнет все, как дым в тот час.

Но кто не хочет подчиняться,
Во всем проявит «красноту»,
Прошу покорно убираться
Из Школы в штрюцкую среду.

Корнетский образ принимая,
Вы веселитеся, друзья.
Пенясь и весело играя,
Златая льется пусть струя….

И тут свершилось превращенье
В зверей младых всех юнкеров…
Но вдруг послышалось храпенье
И лай, и вой, и визг, и рев.

В копыта руки превратились
И дикий вид был у зверей,
Они хвостами распушились,
Чтоб стать распущенней, смелей.

Но Вакх дал знак и стало тихо…

Бог щелкнул пальцами…и вот
Вмиг каждый зверь исполнил лихо
Наш – «Южной Школы» поворот.

До опупенья навращавшись,
Прыжочки начали считать,
Потом под шашкой настоявшись,
Все продолжали приседать…

Зверье мохнатое, пыхтите,
Для красных места в Школе нет,
Перед корнетом трепещите,
Чтоб каждый стал потом корнет!

И вновь раскаты громовые
Вдруг в поднебесьи раздались
И с свистом силы неземные
Из Школы к небу понеслись…

С тех пор традиции Школы Южной
Всегда хранил лихой корнет
И потому все были дружны,
Что сам бог Вакх нам дал завет…

Прощай же, Школа дорогая,
В полках мы сбережем дух твой
И будет конница родная
Бессмертною, гордясь тобой.

Сообщил Приморского Драгунского полка ротмистр А.Н. Коваленко выпуска 1 октября 1914 года.

(Звериада Южной Школы // Исторический очерк Елизаветградского кавалерийского училища с воспоминаниями питомцев школы к столетию со дня основания училища. Под ред. С.Н. Ряснянского. Нью-Йорк, 1965. С. 197-201)